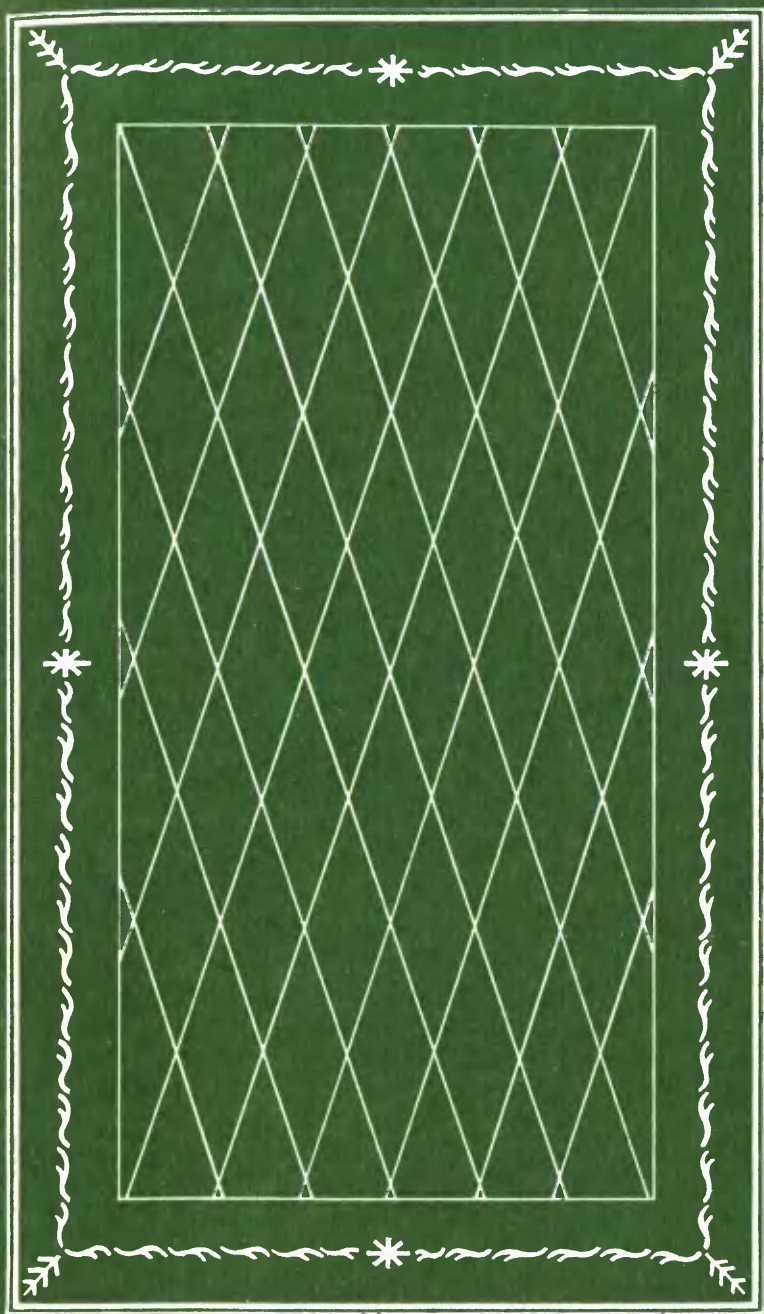
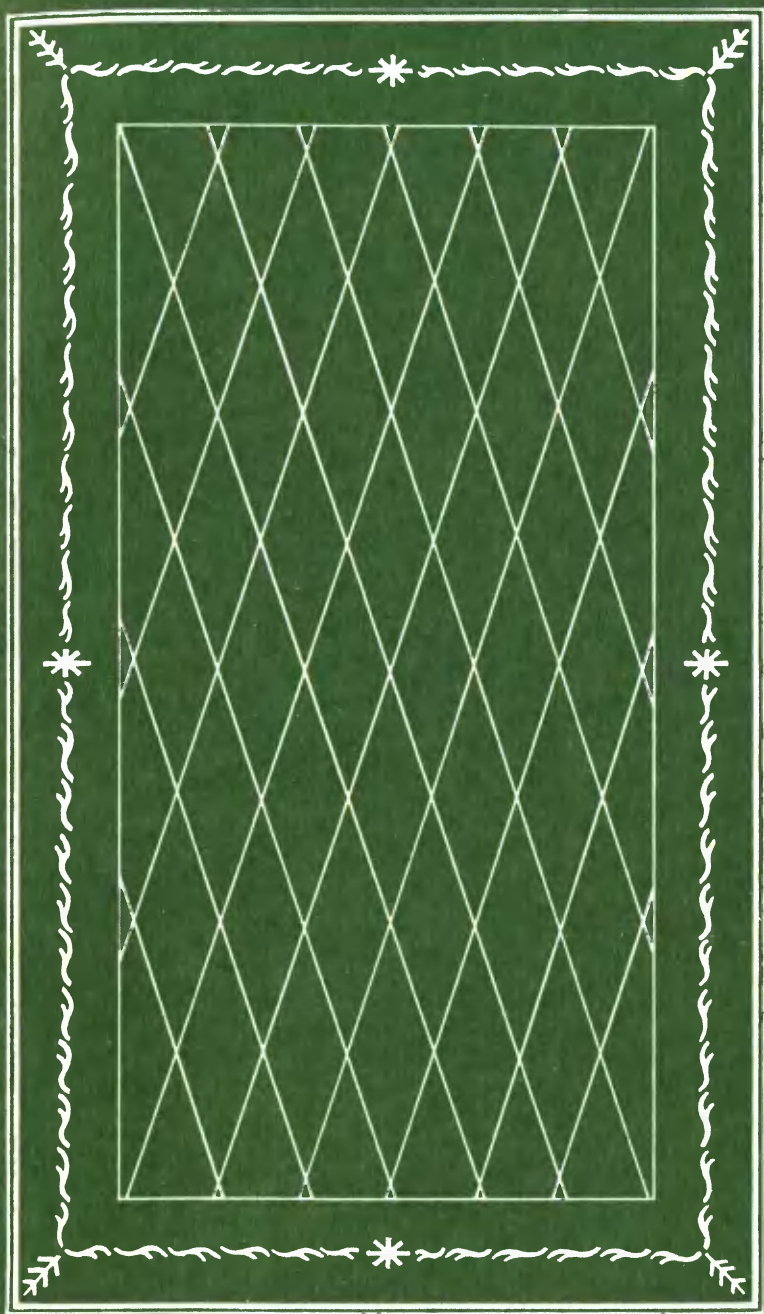

*НИКОЛАЙ
ГУМИЛЕВ*

НИКОЛАЙ
ГУМИЛЕВ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Н. Гумилев

**НИКОЛАЙ
ГУМИЛЕВ**

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

★

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1988

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (*главный редактор*),

И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов,
Е. А. Исаев, М. К. Каноат, Д. С. Лихачев, Э. Б. Межелайтис,
А. А. Михайлов, Л. М. Мкртчян, Д. М. Мулдагалиев, Б. И. Олейник,
А. И. Павловский, С. А. Рустам, Н. Н. Скатов, М. Танк

Вступительная статья

А. И. ПАВЛОВСКОГО

Биографический очерк

В. В. КАРПОВА

Составление, подготовка текста и примечания

М. Д. ЭЛЬЗОНА

Редактор Л. С. Гейро

Г $\frac{4702010102-299}{083(02)-88}$ 424—88

ISBN 5—265—00223—5

© Издательство
«Советский писатель»,
1988 г.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

В литературе двух первых десятилетий нашего века поэзия Николая Гумилева была явлением заметным и своеобразным. «Талантливый поэт»,¹ по определению М. Горького, он сыграл в поэтическом движении своего времени выразительную и яркую роль.

Известность Н. Гумилева началась не столько со стихов, сколько с возникновения провозглашенного им (и близкими ему поэтами) акмеизма — художественного течения, пришедшего на смену символизму, претерпевшему к концу десятых годов жесточайший кризис как целостное литературное направление.

В нашей историко-литературной памяти Гумилев, не издававшийся продолжительное время, так и остался главным образом в качестве организатора и метра небольшой, но влиятельной группы акмеистов, объединившихся в «Цехе поэтов».

Однако он был не только деятельным организатором недолговечной и немногочисленной по составу участников школы, но прежде всего искусным и оригинальным мастером стиха, оказавшим воздействие как на соратников, так — в течение какого-то срока — и на молодую советскую поэзию, в частности на Н. Тихонова, Вс. Рождественского, Э. Багрицкого и других.

Его поэтическое творчество оказалось, как это нередко бывает в подобных случаях, шире и значительнее постулатов, провозглашенных в манифестах «Цеха поэтов». В живом, динамичном и экзотически ярком мире автора «Романтических цветов», «Жемчугов», «Чужого неба», «Колчана» и «Огненного столпа» по-своему отразилась какая-то часть духовной жизни определенного круга художественной интеллигенции в сложную и противоречивую эпоху — от революции 1905 года через мировую войну до Октября.

Сегодня страница, вписанная Гумилевым в историю русской поэзии, может быть прочитана не только с историческим интересом, но нередко и с тем живым волнением, какое мы испытываем при встрече с незаурядным явлением искусства.

¹ См.: Горький и советские писатели. Неизданная переписка// Лит. наследство. М., 1963. Т. 70. С. 561.

Николай Степанович Гумилев родился в Кронштадте 3(15) апреля 1886 года. Его отец, Степан Яковлевич, служил в этой знаменитой морской крепости корабельным врачом. Впрочем, когда будущий поэт был еще ребенком, отец вышел в отставку и семья переехала в Царское Село. Вполне возможно, однако, что влечение Гумилева к морским странствиям и далеким путешествиям зародилось именно в Кронштадте. Самый вид уходящих или прибывающих в гавань кораблей, звяканье судовых склянок, улицы, заполненные моряками, манящая линия горизонта, уходящего за водную гладь, — все будоражило воображение будущего рыцаря Музы Дальних Странствий.

Эта страсть прошла у него через всю жизнь.

Надо думать, что и Царское Село, с его духом и культом Пушкина и разлитой в воздухе поэзией, немало содействовало подспудному созреванию поэтического таланта Гумилева.

Но было, наконец, и еще одно живейшее впечатление детства и отрочества. Это — Кавказ, куда семья переехала в 1900 году. Правда, пребывание на Кавказе и учеба в тифлисской гимназии оказались недолгими, однако два с лишним года для подростка — срок огромный. Легко предположить, что будущая яркая декоративность, свойственная творческой манере автора «Чужого неба» и африканских стихов, определилась в своих истоках на улицах старого Тифлиса, в живописных долинах и ущельях Кавказских гор.

Тифлис был городом, где Гумилев впервые выступил в печати. На страницах газеты «Тифлисский листок» 8 сентября 1902 года появилось его стихотворение «Я в лес бежал из городов...».¹

Стихотворение это интересно, пожалуй, лишь тем, что по нему в какой-то мере можно судить о возможном круге чтения гимназиста Гумилева, а главное, о первоначальных поэтических воздействиях, испытанных им в ранней юности. То, что в такой (предположительный, конечно) круг входили стихи С. Надсона, может быть, Н. Минского, А. Апухтина, К. Фофанова, представляется вполне вероятным. Если же судить еще по некоторым стихам, уже не вошедшим в юношеский («тифлисский») Альбом и написанным, по-видимому, чуть

¹ Это и другие стихотворения вошли (в собственноручной записи Гумилева) в Альбом, подаренный им ученице тифлисской гимназии Марии Михайловне Маркс. Хранится в Рукописном отделе Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинского Дома). Р. I, оп. 5, № 518. Стихи из Альбома опубликованы в 1988 г. в журнале «Литературная Грузия» (№ 1) В. Петрановским и М. Эльзоном.

позднее, то испытал он и заметное воздействие К. Бальмонта, слава которого как раз в годы гумилевской юности вошла в свой головокружительный зенит.¹

По стихам, сохранившимся в юношеском Альбоме, видно, что Гумилев в ту пору тяготел к романтической поэзии. Возможно, он подумывал уже и о сборнике, о чем говорит «Посвящение к сборнику „Горы и ущелья“», состоящее из трех взаимосвязанных стихотворений: «Люблю я чудный горный вид...», «Люблю над пропастью глухой...» и «В горах мне люб и божий свет...». Стихи, записанные в Альбоме, крайне подражательны, переполнены ходячими романтическими штампами и представляют сейчас интерес лишь чисто биографический. Однако все же симптоматично, что ни романтический настрой, правда тогда абстрактный и книжный, ни характерный для эпигонской романтической поэзии колорит не ушли из творчества Н. Гумилева вместе с юностью; он так навсегда и остался романтиком.

В 1903 году семья Гумилевых вернулась в Царское Село. Теперь повзрослевший гимназист, автор рукописного сборника «Горы и ущелья», мог более сознательно оценить и воспринять литературные традиции, связанные со священным городком русской поэзии. На отдельных его стихах тех лет можно заметить отсветы южных романтических поэм Пушкина — в особенности «Цыган».

Он поступил в седьмой класс Николаевской царскосельской гимназии — той самой, где еще директорствовал поэт Иннокентий Анненский.

¹ На книге К. Бальмонта «Будем как солнце» (М., 1903, изд-во «Скорпион»), подаренной Гумилевым одной из своих знакомых, сохранилась дарственная надпись: «...от искренне преданного друга, соперника Бальмонта, Н. Гумилева», а также (на титульном листе той же книги) два стихотворения, исполненные восторженного отношения к Бальмонту:

Гордый Бальмонт для солнца пропел свои песни,
Гармоничнее шелеста ранней травы,
Но безумный не знал, что Вы ярче, прелестней...
Дева Солнца, воспетая мной,— это Вы.

Гордый Бальмонт, сладкозвучный созидал на диво миру
Из стихов своих блестящих разноцветные ковры.
Он вплетал в них радость солнца, блеск планетного эфира
И любовь и поцелуй — эти знойные миры,
Ранней юности мечтанья, блеск полуночных желаний,
Все богатства, все восторги нашей радостной земли.
Он их создал и отдал эти пламенные ткани,
Чтобы Вы ступать могли.

Книга Бальмонта «Будем как солнце» с дарственной надписью Гумилева и двумя его стихотворениями хранится в книжном собрании М. В. Латманизова (1905—1980. Ленинград).

Впоследствии в открывающем книгу «Колчан» (1916) стихотворении Гумилев вспоминал:

К таким неожиданным и певучим бредням
Зовя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей.

Я помню дни: я, робкий, торопливый,
Входил в высокий кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт.

Десяток фраз, пленительных и странных,
Как бы случайно уроня,
Он вбрасывал в пространство безымянных
Мечтаний — слабого меня...

(«Памяти Анненского»)

Иннокентий Анненский, полагают, оказал известное влияние на формирование поэтического дарования Гумилева. Впрочем, когда Гумилев появился (после Тифлиса, в 1903 году) в царскосельской гимназии, отношения между ними, надо думать, были вполне «нерархическими»: гимназист седьмого класса, с одной стороны, директор гимназии — с другой. Учился Гумилев плохо, окончил гимназический курс лишь в двадцать лет. Но в 1905 году он сумел издать сборник стихов «Путь конквистадоров», который подарил Анненскому со стихотворной надписью, перечислив в ней сочинения адресата. В свою очередь Анненский подарил молодому поэту «Книгу отражений» (1906). Позднее он (за подписью: И. А.) поместил в газете «Речь» (1908, 15 декабря) рецензию на сборник «Романтические цветы».¹

Стихи Гумилев писал постоянно, много и охотно. В отличие от стихов «тифлисского» периода с их расплывчато-расслабленной интонацией, подчас карикатурно повторявшей бальмонтовскую грациозность, в новых стихах появилось мужественное, волевое начало, которое делается потом неотъемлемой приметой гумилевской лирики.

¹ О взаимоотношениях Анненского и Гумилева см. сообщение Р. Д. Тименчика в журнале «Вопросы литературы» (1987, № 2. С. 271—278).

«Путь конквистадоров» — наивная и вполне ученическая книжка, которую впоследствии автор старался забыть: так, четвертую по счету книгу «Чужое небо» (1912) он назвал третьей, тем самым решительно вычеркнув из собственной литературной биографии свой формальный дебют.

Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать богом и царем,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом...—
(«Память»)

писал он о себе как авторе «Пути конквистадоров» в первом стихотворении последнего сборника стихов «Огненный столп» (1921).

Но все же отдельные стихи из своей юношеской книжки он ценил и три из них, правда в значительно переработанном виде («Я конквистадор в панцире железном...» под заглавием «Сонет», «Греза ночная и темная» под заглавием «Оссиан», «Сказка о королях» под заглавием «Баллада»), впоследствии перепечатывал. В известном роде программным Гумилев считал, по-видимому, стихотворение «Я конквистадор в панцире железном...». В нем действительно было найдено нечто существенное и индивидуальное, что в гумилевской лирике навсегда затем осталось: находкой была, как ни странно, *маска*, в данном случае маска конквистадора — надменного, неуязвимого и бесстрашного покорителя далеких пространств.

Конечно, в наивных гимназических декламациях, исполненных напыщенной риторики, еще очень заметно проглядывает простое мальчишество с недавним чтением юношеской приключенческой литературы, но чувствуется и чрезвычайно модный в ту пору среди буржуазно-либеральной и в особенности декадентской интеллигенции Ницше (одно из стихотворений сборника «Путь конквистадоров» называется «Песнь Заратустры»).

Маска конквистадора была попыткой во что бы то ни стало утвердить себя, и не только утвердить, но сделать себя вопреки собственным невыигрышным данным. Дело в том, что в юности и позже Гумилев, по воспоминаниям людей, его хорошо знавших, был некрасив и непривлекателен: вытянутая голова, рыхлые черты лица, толстые бледные губы, бесцветные волосы, косящие глаза, шепелявость. Поэзия, как это нередко бывает, скрыла себя за чертами явно непоэтическими. Сказка Андерсена о гадком утенке словно решила повторить себя в судьбе царскосельского поэта.

Именно этот «сюжет» и имела в виду Ахматова, когда в 1912 году писала о Гумилеве в стихотворении «В ремешках пенал и книги были...»:

Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.

Серому лебеденку не терпелось стать лебедем. Ему шел двадцатый год, а он все еще учился в гимназии. Вот почему понадобилась маска, роль, грим, а вместе с ними и прочие аксессуары романтической сцены. В пору «Пути конквистадоров» он брал из этого реквизита просто напрокат, но потом кое-что так и пристало к нему, в том числе актерство, любовь к позе, к риску, приключениям. В конце жизни все это очень дорого обошлось Гумилеву, но в юности романтические плащи и мечты казались удивительно красивыми, а главное, совершенно необходимыми.

В этой, казалось бы, чисто индивидуальной, психологической манере письма и поведения проявилась не только горячка юности, но — опосредственным образом — сама атмосфера девятисотых годов. Не вся, разумеется, атмосфера, уже темневшая в приближавшейся грозе 1905 года, а та, которую искусственно создали и которой предпочитали дышать рафинированные круги декадентской художественной интеллигенции. Пора первоначального формирования Гумилева была временем расцвета русского декаданса. А декадентство, как известно, проявлялось не только в собственно литературе, в том числе в символистской поэзии, но было формой мировосприятия и миропонимания, религией чувства и философией мысли. Ставя в центр мира свою личность, поэт был склонен к крайнему индивидуализму, к эпатажу, к броскому и демонстративному подчеркиванию своей неповторимой индивидуальности — даже в одежде, в быту, в поведении. Отсюда — преднамеренное стремление к позе, к созданию и использованию маски, к разного рода бутафории.

Эпоха накануне цусимской катастрофы, а затем революции 1905 года и ее поражения была по сути своей и героична и трагична: она оказалась чревата глубочайшими социальными переменами. Передовое реалистическое и демократическое искусство, в котором еще работали корифеи русской классики Л. Толстой и А. Чехов, в котором уже раздался и набрал силу голос «буревестника революции» М. Горького, — такое искусство противостояло декадентству, и за ним было будущее. Но та часть интеллигенции, что предпочитала дышать и действовать в искусственно созданном воздухе, очищенном от гроз и социального электричества, сознательно уходила в далекое от жизни искусство, а также в новые формы религии и идеалистической философии, как на некий безопасный остров, где посреди вздыбившегося океана празднично ставились «мистерии духа». Характерно, однако, что вся эта искусственная «карнавальность» была, как правило, пронизана острыми сквознячками горечи и отчаяния, приведшими к подлинной эпидемии самоубийств.

Юный Гумилев, судя по «Пути конквистадоров», а также и по второй его книге «Романтические цветы» (1908), был далек от понимания социально-политической действительности, но у него не было также и каких-либо контактов с современной ему литературной жизнью, с декадентскими кругами, с религиозно-философскими кружками, чрезвычайно многочисленными и модными в ту пору. В письме к Брюсову (30 октября 1906 года) он писал: «Не забывайте того, что я никогда в жизни не видал даже ни одного поэта новой школы или хоть сколько-нибудь причастного к ней». ¹ Но в данном случае личная непричастность, правда, мало что значила — он жил стихами определенного и очень близкого ему характера. Своим учителем он некоторое время (пока не увлекся Брюсовым) считал, как уже говорилось, Бальмонта — альбатроса в поэзии, скитальца и путешественника в жизни.

От тех отроческих и юношеских дней, когда создавались стихи, составившие книгу «Путь конквистадоров», не сохранилось ни дневников, ни записных книжек; вполне возможно, что Гумилев, постоянно говоривший о своей лени, их и не вел. Но по стихам, что пришли на смену достаточно анемичной «тифлисской лирике», можно предположить, что в его духовном развитии после 1903 года произошел тот перелом, что нередко бывает в юности у людей, склонных к постоянной внутренней работе. Внешне Гумилев долго оставался серым, неразвившимся лебедем, но будущие крылья и осанка гордой птицы уже тревожили его воображение. Как все одаренные натуры, он рано стал догадываться о своей поэтической судьбе. В какой-то момент Гумилев, по-видимому, решил этой своей будущей судьбе помочь, поторопить ее. Он сознательно и с большой целеустремленностью воспитывал, развивал и укреплял в себе черты, которые от природы были у него едва-едва развиты. Как личность, как поэт он, можно сказать, сделал себя сам — упорством воли.

Есть основания догадываться, что одобрительная оценка еще весьма незрелой книги «Путь конквистадоров», какую дал Брюсов, оценка, по правде говоря, изрядно завышенная, но вместе с тем и прозорливая, объясняется, может быть, не столько самими стихами, сколько верно угаданной внутренней волей безвестного дебютанта. Будучи сам человеком исключительной собранности, художником, дрессировавшим свою музу с беспримерной жестокостью, он почувствовал в Гумилеве родственную натуру. Кроме того, ему не могла не импонировать свойственная Гумилеву и столь близкая ему самому любовь к экзотике, к ярким историческим картинам, не лишенным своеобразного патетического романтизма и торжественной ри-

¹ См.: Письма Гумилева к Брюсову//The Slavonic and East European Review. V. 61, № 4, Oct. 83. P. 587.

торики. Вот почему, педантично перечислив в своей рецензии все недостатки и промахи неизвестного ему поэта, он высказал надежду на то, что «победы и завоевания» начинающего автора — «вперед». ¹

Гумилев на всю жизнь остался благодарен В. Брюсову за его справедливый, нелицеприятный и доброжелательный отзыв.

В 1906 году Гумилев окончил гимназию. Муза Дальних Странствий, манившая его еще в детстве за кронштадтский горизонт, помогла ему, хотя и ненадолго, всего на одно лето, уйти в морское плавание, поскольку по настоянию отца он поступил в Морской корпус. По неизвестным причинам отец, однако, переменял свое решение, предложив сыну сменить корпус на университет. Но вместо того, чтобы оказаться в стенах Петровских коллегий, Гумилев, по-видимому по собственному настоянию, уезжает во Францию, где слушает в Сорбонне лекции по французской литературе. О его жизни в Париже нам известно очень мало. Из немногочисленных сохранившихся от той поры писем ясно, что в Париже, если иметь в виду литературные связи, он чувствовал себя достаточно одиноким, будучи знаком, по-видимому, с немногими, но поэтической и художественной жизнью Франции и России, ² в особенности символистами и разного рода возникавшими модернистскими группами, интересовался постоянно. Из писем к В. Брюсову видно, что Гумилев был серьезно погружен в вопросы стихотворной техники, настойчиво пытаясь разгадать мучившие его секреты поэтического ремесла. «Я знаю, что мне надо еще очень много учиться,— писал он В. Брюсову,— но я боюсь, что не сумею сам найти границу, где кончаются опыты и начинается творчество. И теперь моя высшая литературная гордость — это быть Вашим послушным учеником как в стихах, так и в прозе» ³. Он поставил своей целью досконально изучить анатомию стиха и саму механику стихотворчества, скептически относясь ко всякого рода иррациональным объяснениям природы искусства. Если учесть вполне символистско-романтический склад его письма в то время, когда только что вышла книга «Путь конквистадоров» и готовились к печати «Романтические цветы», то можно догадаться, что в недрах его поэтического сознания уже зарождался кризис и что реальное прощание его с символизмом было близким. В одной из трех его новелл некто Кавальканти, влюбленный в «нежную При-

¹ «Весы». 1905, № 11. С. 68.

² Гумилевым были написаны статьи «Выставка нового русского искусства в Париже» («Весы». 1907, № 11), «Два салона» («Весы». 1908, № 5).

³ Письма Гумилева к В. Брюсову. Цит. изд. С. 591. Из прозы им были написаны три новеллы под общим названием «Радости земной любви», выполненные в духе новелл итальянского Возрождения («Весы». 1908, № 4). Впоследствии они были включены в состав книги «Тень от пальмы: Рассказы». Пг. 1922.

маверу», подходит, сопровождаемый «Светлым Ангелом», к райским дверям, ему предстоит подняться по золотой лестнице к престолу Всевышнего, но он предпочитает спуститься по ней на грешную землю, «где живет моя Примавера». ¹

Можно сказать, что таким же оказался в конце концов и выбор, сделанный Гумилевым-поэтом. Шаг за шагом, оступью, осторожно он опускался сквозь туманы символизма на грешную землю.

Его вторая книга, «Романтические цветы», вышедшая в 1908 году в Париже, отчасти отразила этот его путь.

Конечно, эволюция, запечатленная в «Романтических цветах», была еще очень незначительной, чтобы можно было говорить о решительной перемене. Гумилев вообще развивался медленно. Курс поэзии он проходил с той же неторопливостью, как совсем недавно курс гимназии. В литературно-поэтической обстановке тех лет, когда появились книги «Путь конквистадоров» и «Романтические цветы», поэзия Гумилева выглядела ученически-наивной и едва ли не беспомощной: достаточно сказать, что в это время были написаны «Вольные мысли» А. Блока, лучшие поэтические произведения В. Брюсова, К. Бальмонта, печатали свои стихи Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, Андрей Белый, М. Волошин и многие другие большие и малые звезды Серебряного века. Взошедшая на этом небосклоне слабая звездочка Гумилева была почти неразличима.

Но внутри этой невидимой звезды уже подспудно вызревала яростная энергия, мощь которой благодаря сознательным и рассчитанным усилиям становилась все сосредоточенней и целеустремленней.

В «Романтических цветах» Гумилев уже поставил перед собой задачу постепенно, но неуклонно свести поэзию на землю, насытить слово, уставшее от эфира и иносказаний, предметностью, плотью и твердым смыслом.

Книга, однако, получилась до крайности эклектичной. Возможно, впрочем, что Гумилеву было просто жаль отказаться от некоторых (и весьма многочисленных) стихов, которые к 1908 году уже не были тождественны его поэтическому сознанию и даже формирующимся во многом новым вкусам.

Не случайно один из рецензентов писал: «В общем, кажется, г. Гумилев еще не нашел себя, своей манеры, своей области и своего стиха. Теперешняя его книга — лишь преддверие, лишь обещание, к которому, впрочем, стоит прислушаться; настоящее же творчество поэта еще впереди». ²

¹ Гумилев Н. Тень от пальмы. С. 12.

² Гофман Виктор. Н. Гумилев. «Романтические цветы» // «Рус. мысль». 1908, № 7, отд. III. С. 145.

Брюсов, постоянный и внимательный «куратор» Гумилева, свой отзыв о «Романтических цветах» заканчивал так: «Конечно,— писал он,— несмотря на отдельные удачные пьесы и «Романтические цветы» — только ученическая книга. Но хочется верить, что Н. Гумилев принадлежит к числу писателей, развивающихся медленно и по тому самому встающих высоко. Может быть, продолжая работать с той упорностью, как теперь, он сумеет пойти много дальше, чем мы то наметили, откроет в себе возможности, нами не подозреваемые».¹ Брюсов считал также (это видно из другой рецензии), что стихи Гумилева как бы отставали от его души.²

Между тем в книге «Романтические цветы», при всех ее несовершенствах, отчасти все же выявились такие особенности Гумилева-поэта, какие несколько позже сделались для него наиболее характерными и, так сказать, чисто гумилевскими. Но критика не сразу их распознала и обычно воспринимала их скорее как недостатки, чем особенности. Так, Брюсов полагал, что Гумилеву «часто недостает силы непосредственного внушения», что ему больше удастся «лирика „объективная“, где сам поэт исчезает за нарисованными им образами», но когда надо «передать внутренние переживания музыкой стиха и очарованием слов», он тотчас же проигрывает как художник.³

Об этом же писал и В. Гофман. «Но все же нет в этих стихах (речь идет о «Романтических цветах». — А. П.) настоящей лирики, настоящей музыки стихотворения, которую образуют и в которую сливаются не только слова, размеры и рифмы, но и самые мысли, образы и настроения. Иногда кажется, что г. Гумилев больше эпик, чем лирик».⁴

Эти замечания сами по себе были совершенно справедливы; неверен был, однако, прогноз.

Дело в том, что в пору «Романтических цветов» и на переходе к следующей книге, к «Жемчугам» (1910), Гумилев намеренно освождался от «музыки», учился быть в слове пластичным, выпуклым, скульптурным, то есть, еще не помышляя об акмеизме, он стремился быть акмеистичным. Его внутренней целью, сначала неосознанной, но потом все более твердой, было изображение мира в ясной материальной, вещной и плотской реальности земного бытия. Золотую

¹ «Весы». 1908, № 3. С. 78.

² См.: Брюсов В. Н. Гумилев. «Жемчуга» // «Рус. мысль». 1910, № 7. С. 207.

³ «Весы». 1908, № 3. С. 78, 77.

⁴ Гофман Виктор. Указ. соч. С. 144.

лестницу, ведущую на небо, он отбросил легким и небрежным движением.¹

Гумилев действительно в известном смысле был эпиком — не потому только, что, начиная с первых книг, охотно прибегал к повествовательности, к «историям» и балладам, которых у него немало и в «Пути конквистадоров», и в «Романтических цветах», но в самом стремлении давать мир объективно, часто вообще без «первого лица», без каких-либо элементов лирической исповеди и т. д. Конечно, здесь нередки и исключения, но они лишь подтверждали основное намерение автора. По сути дела, такая манера была все тем же приемом маски.

Во второй своей книге он по-прежнему говорит из-под маски, но одновременно разнообразит и саму маску. Мир поворачивается перед ним — неузнанным — откровенно и полно, подобно существу, за которым почти не наблюдают: ведь обычно маска Гумилева-наблюдателя соответствует тому миру, где она появляется, то есть в Абиссинии это маска абиссинца (или же человека, сроднившегося с этой страной), в Египте — египтянина, а в Турции — шейха... Больше того — он может превратиться и в... ягуара.

И к людскому крался я жилищу
По пустому сумрачному полю...

(«Ягуар»)

«Экзотические» стихи в сборнике «Романтические цветы» были, пожалуй, главной находкой Гумилева, именно ими он впервые обратил на себя внимание своих немногочисленных читателей. Сама природа его личности и таланта, тяготевшая к необычности и романтизму, очень удачно выявилась в этих стихах. В них как бы слились воедино две разнонаправленные силы, требовавшие от Гумилева-поэта своей художественной дани. Ведь, с одной стороны, как уже говорилось, он, в пору создания «Романтических цветов», настойчиво стремился к реальности, к земному, вещному миру, а, с другой стороны, он жаждал мира в такой необычной степени яркости, какую обыденная действительность дать ему не могла. И вот он нашел эту яркую действительность в самой... действительности: в экзотических для европейца странах Африки и Ближнего Востока. Гумилев приложил максимум усилий, энергии, инициативы и ловкости, чтобы свою неутоленную мечту осуществить наяву, и как можно скорее. Еще будучи слушателем Сорбонны и исправно посылая родителям письма о своем времяпрепровождении, он задумал тайный побег в

¹ Впоследствии этот небрежный жест с восхищением повторил Н. Тихонов в известных стихах о том, что «небо небогато, но про землю стоит говорить».

южные страны. Возможно, последней каплей, переполнившей его желание, были выставленные в Салоне полотна Гогена, от которых Гумилев пришел в восхищение, а к судьбе великого французского художника, властно осуществившего свое призвание, испытал острую зависть.¹

Но если Гоген сам сделал свою судьбу, почему нельзя, хотя бы отчасти, быть на него похожим? И вот, заготовив впрок несколько писем, которые его друзья должны были время от времени посылать в Россию для успокоения родителей, Гумилев задумал отправиться в Африку.

Таким образом Гумилев свою мечту, вычитанную из книг, стремился превратить в реальность. Это его коренное свойство — превращать в реальность (или, чаще, полуреальность) то, что доселе казалось как бы вообще несуществующим, недостижимым или было недодано судьбою или средой. Природа, например, отказала ему в красоте, но, вопреки ее несправедливости, он стал мужественным «конквистадором» (пусть сначала под маской) и намеревался обязательно быть прекрасным поэтом; обстоятельства замкнули его в маленькой крепости, расположенной в Маркизовой луже, на плоском острове Котлин, а потом — в игрушечном Царском Селе, но — опять-таки вопреки всему — он оказался в Африке, в Судане, в Абиссинии, в Египте, даже на медлительных водах фараоновского Нила...

И какой-то сказкой чудной,
Нарушителем гармоний,
Крокодил сверкал у судна
Чешуею изумрудной...

(*«Мореплаватель Павзаний...»*)

Интерес Гумилева к Востоку не был поверхностным, а с годами приобретал все более серьезный характер. Зимой 1909/10 года он отправился в Абиссинию, в составе экспедиции, организованной ака-

¹ «Поль Гоген, — писал Гумилев в статье «Два салона», — ушел не только от европейского искусства, но и от европейской культуры и большую часть жизни прожил на островах Таяти. Его преследовала мечта о Будущей Еве, идеальной женщине грядущего <...>. Он искал ее под тропиками, такими, как они являются наивному взору дикаря, с их странной простотой линий и яркостью красок. Он понимал, что оранжевые плоды среди зеленых листьев хороши только в смуглых руках красивой туземки, на которую смотрят влюбленным взглядом. И он создал новое искусство, глубоко индивидуальное и гениально простое, так что из него нельзя выкинуть ни одной части, не изменяя его сущности...» // «Весы». 1908, № 5. С. 103. Подпись: Н. Г.

демиком В. Радловым; у него уже проявился исследовательский интерес: он собирал и изучал абиссинский фольклор, послуживший затем основой для цикла «Абиссинских песен» и маленькой поэмы «Мик». Гумилеву принадлежит и первый перевод вавилонского эпоса «Гильгамеш». ¹

В книге «Романтические цветы» немало слабых стихов, к тому же еще не оторвавшихся от разного рода клише и штампов символистской поэтики, но характерно вместе с тем, что все более или менее удавшиеся произведения относятся к числу ориенталистских. Правда, и они еще не идут ни в какое сравнение с более поздними стихами. Дело, наверное, в том, что Гумилев все же оказался в большей степени «коллекционером» всяких экзотических явлений, а иногда почти этнографом, чем поэтом. Хотя иные из его «восточных» строк обнаруживают руку талантливого рисовальщика, набрасывающего в свой путевой блокнот заинтересовавшие его картинки быта и природы, но у читателя все же нет впечатления, что он действительно рисует с натуры или по недавнему впечатлению, так как слишком богато, затейливо и старательно инкрустированы все эти стихи вполне традиционной, в книжном смысле этого слова, экзотикой Востока. Кроме того, постоянно чувствуется, что поэт путешествует, глядя на все из-под маски, то есть отчужденно, со стороны и, к тому же, явно свысока. Поскольку лиризм Гумилева всегда спрятан за «объективностью», то нам не дано узнать, сопереживает ли он увиденному, нам заметно, скорее, лишь отчужденное любопытство путешественника-иностранца. В этом он заметно расходился с традицией русской литературы, которой свойственно душевное сопереживание судьбе иных народов.

В 1908 году Гумилев вернулся в Россию. Первое его пребывание за границей безусловно принесло ему большую пользу. Поэт не только обогатил свой опыт «восточными» впечатлениями, но и сумел выпустить в Париже несколько номеров журнала, названного им «Сириус». Журнальчик был крохотный и прекратился на третьем номере, но все же в его создателе успели обнаружиться организационные способности — они пригодились очень скоро, когда понадобилось создавать «Цех поэтов», а вместе с ним и его орган, журнал «Гиперборей». В промежутке между выходом названных изданий

¹ Надо сказать, что искусство Востока в те годы было не только популярно, но даже вошло в моду, вплоть до интерьера, как в Европе, так и в России. В русской поэзии оно отразилось у Брюсова, Бальмонта, М. Шагинян и многих других. Интерес к восточному искусству и поэзии, возможно не без влияния Гумилева, испытывала, как известно, А. Ахматова. На одном из портретов А. Модильяни она изображена в уборе египетской царицы.

Гумилев участвовал и в петербургских журналах «Остров» и «Аполлон».

Весной 1910 года Гумилев женится на Анне Горенко, которой уже через два года предстояло стать автором книги «Вечер», подписанной псевдонимом Анна Ахматова.

В том же году у него выходит и новая, третья по счету, книга «Жемчуга» — с посвящением Брюсову как учителю. Это, пожалуй, самая большая по объему из всех книг Гумилева, итог напряженной работы, главным образом над формой. Вместе с тем она малоинтересна. По существу поэт продолжил, а точнее сказать, почти повторил темы, сохранил образную систему и даже интонацию «Романтических цветов», продвинувшись вперед действительно лишь в форме, которая стала более продуманной и обработанной. Стихи, однако, переполнены романтическими штампами и той «патетической риторикой», которой, как впоследствии заметил В. М. Жирмунский, молодой Гумилев учился у Брюсова.¹ Они кажутся едва ли не преднамеренно оторванными от какой-либо живой конкретности, столь излюбленной впоследствии акмеистами, представляя собой игру насквозь книжного воображения. Критика не без язвительности называла «Жемчуга» книгой, полностью сделанной из литературы: из вариаций на темы Брюсова, Бальмонта, Г. Гейне, французских парнасцев и норвежских прозаиков, прежде всего Кнута Гамсуна. Действительно, «Жемчуга» в большинстве своих стихов не столько самостоятельная книга, сколько довольно средний результат ученической работы в классе стихотворной техники: почти все произведения «списаны» с каких-то, впрочем легко угадываемых, «образцов» или «моделей» и подчас являются не более чем старательными копиями, которые начинающие художники обычно делают в студиях с гипсовых слепков. Список «образцов» можно было бы увеличить, назвав многих других «романтиков, скитальцев и поэтов» (Волошин), внимательно и увлеченно прочитанных Гумилевым. Совпадения и заимствования встречаются не только в тональности, настрое, образности, но даже, порою, и в конкретных строчках. Читая большую часть произведений, помещенных в «Жемчугах», трудно предположить, что их автор был уже близок к составлению акмеистических манифестов. И все же три-четыре стихотворения из этой, по выражению одного из критиков, «крикливой, нарумяненной и надушенной»² книги отчасти все же предвещали будущую — упругую, волевою, точную и по-своему мажорную — лирику Гумилева-акмеиста.

¹ Ж и р м у н с к и й В. М. Рифма, ее история и теория. П., 1923. С. 95.

² Л ь в о в - Р о г а ч е в с к и й В. Н. Гумилев. «Жемчуга: Стихи»//«Современный мир». 1911, № 5. С. 342.

Это прежде всего знаменитые «Капитаны», те,
Чья не пылью затерянных хартий —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь.

«Капитаны», по внешности, казались такой же сугубо книжной романтикой, взятой из литературы, из Стивенсона, из Киплинга, как и остальные стихи «Жемчугов», но все же только с виду, так как они были не только отлично сделаны, но проникнуты эмоциональной напряженностью и оригинальным лиризмом, что тотчас и выделило это стихотворение среди остальных. В «Капитанах» Гумилев, пожалуй, впервые чуть-чуть сдвинул свою уже ставшую привычной «конквистадорскую» маску, так что читатель если еще и не увидел его лица, то все же не мог не запомнить решительной и твердой интонации незнакомого ему голоса. Не случайно из всех ранних (доакмеистических) стихов именно «Капитанам» предстояло тронуться в неизведанное, но живое литературное будущее. Заряд темпераментной юношеской романтики, удачно соединившейся с мажором и заразительной, «киплинговской» энергией ритма, неожиданно оказался таким стойким, что даже и в те длительные годы, когда автор был основательно забыт, его «Капитаны» все же оставались «на плаву», правда, не целиком, а, как полуразбитый корабль, частями — в виде отдельных строф и строк, вроде, например, знаменитой строфы-обломка, упорно всплывавшей в разных статьях:

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

В глазах современников «Капитаны», возможно, выигрывали хотя бы уже потому, что своим обликом не походили на манеру тогдашних кумиров «массовой» моды — ни на гипнотическую раскачку Бальмонта, ни на женственно грассирующего Северянина, а значит, по предположительному мнению, обещали что-то новое. При всей своей книжности и явной литературной вторичности Гумилев мог привлечь откровенно молодым обещанием будущей силы и намекавшейся оригинальности: в его стихах угадывалась мускулистость, четкость и твердость изображения, не слишком свойственные поэзии тех лет.

В «Жемчугах», разумеется, и помимо популярных «Капитанов» были стихи, содержавшие в себе разрозненные элементы быстро складывавшейся, но еще не сформировавшейся манеры. В книге есть

строчки, словно залетевшие из более поздних стихов, им предстояло прорасти лишь через два или три жизненных круга:

Вон порыжевшие кочки и мокрый овраг,
Я для него отрекаюсь от призрачных благ.

(«Покорность»)

Но такие поэтические обмолвки, предвещающие будущее, крайне немногочисленны.

«Жемчуга» не открыли собою нового периода в творчестве Гумилева, их значение состоит в том, что они завершили первый период. Дату их появления, 1910 год, можно считать окончанием поры ученичества, которая, надо сказать, сильно затянулась. Но Гумилев был художником большой и целеустремленной — брюсовской — воли, он очень верно, точно и, главное, вовремя осознал наиболее плодотворные возможности своего развития. К сожалению, у нас нет никаких прямых, то есть документальных, в виде писем и дневников, свидетельств по этому поводу, но, как известно, лучшими свидетелями являются сами стихи.

Что же можно сказать, рассматривая итоги первого периода творчества Гумилева?

Если посмотреть на все сделанное поэтом в трех его первых книгах («Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга») ретроспективно, то есть с высоты всего последующего развития, то сразу же следует отметить, что при всех несовершенствах и наивностях ранних сборников, претерпевших такую же судьбу, как, скажем, «Мечты и звуки» Некрасова, «Лирический пантеон» Фета или «Гаммы» Полонского, в них все же проявились и чисто гумилевские черты — те, что впоследствии, видоизменившись, определили его поэтическое лицо. Это, во-первых, яркий по пышности, интенсивности и цветовой избыточности «барочный» романтизм, проникнутый к тому же чрезвычайно характерной для Гумилева патетической риторикой. «Железный панцирь» и «Звезда долин, лилея голубая» — вот геральдические знаки поэта-романтика, встречающие нас в каждой из трех книг. Во-вторых, постоянно ощущаемая в ранних книгах, но впоследствии ушедшая вглубь и ставшая незаметной для глаза упорная и методичная работа над словесным материалом, обнаружившая какое-то фанатичное, поистине безграничное стремление поэта к наивозможнейшему формальному совершенству. Прочитанные выше письма к Брюсову отчасти приоткрывают эту самую, может быть, характерную черту Гумилева — мастера. Недаром один из современных критиков писал, что если Гумилева, вероятно, и нельзя причислить к наиболее крупным поэтам десятых годов, то его следует тем не менее считать одним из наиболее выдающихся

мастеров. При всем своем романтизме, неистребимой любви к броскости цвета и яркости освещения, к декоративности и нарядной экзотике Гумилев едва ли не с ранних лет осознал поэзию не только как дар небес, но как ремесло и технологию. И он стремился обдуманно и целеустремленно овладеть всеми открытыми и скрытыми практическими секретами своего «дела». С. Городецкий в стихотворении «Николай Гумилев» писал о нем:

... над несбыточной цезурою
Математически корпел.¹

Здесь он не жалел ни сил, ни времени, ни многочисленных, нередко напрасных, ушедших в разорванные черновики проб и попыток. Будущий «синдик» «Цеха поэтов», он работал над словом с тщательностью и терпением средневековых цеховых мастеров — златокузнецов и гранильщиков, резчиков и ювелиров. В-третьих, любовь к экзотике, к чужим, но обязательно ярким, не европейским, а африканским и азиатским странам, к колоритным нравам и странным обычаям, живописным одеждам, буйной растительности, редкостному животному миру. Эта «гогеновская» сторона натуры Гумилева была в нем настолько органичной и сильно развитой, что кажется врожденной. Сохранилась открытка, посланная 4 апреля 1913 года Гумилевым Анне Ахматовой из Одессы, перед посадкой на пароход: «С нетерпением жду Африки», — пишет он.² Муза Дальних Странствий с самого начала — далеко и постоянно — уводила его от России, от северного скромного неба — к «чужому». Он так и назвал свою следующую книгу — «Чужое небо» (1912). Труднообъяснимый, но явный недостаток национального элемента оказался в конце концов роковым для поэта, и никакая изысканная техника не могла впоследствии ни восполнить, ни затушевать этого зияющего странным равнодушием пробела. Правда, с годами, особенно в период мировой войны, возбудившей в нем патриотическое чувство, он — в области нравственных, духовных, а также отчасти и собственно поэтических исканий — пошел на заметное сближение не только с русской художественной культурой, но и с русской землей, однако путь его оборвался раньше, чем такое сближение (обозначившееся в «Огненном столпе») произошло.

Что еще отчасти наметилось в первом периоде его творчества и, видоизменяясь, совершенствуясь, а иногда постепенно затухая, перешло в последующие, зрелые книги?

¹ Стык. Первый сборник стихов Московского Цеха Поэтов. М., 1925. С. 66.

² Рукописный отдел Пушкинского Дома (Р I, оп. 5, № 499. Л. 1).

С юности Гумилев любил насыщенный, интенсивный, почти неправдоподобный по силе излучения цвет, едва ли не болезненный для обычного глаза, а из всей звучащей сферы мира предпочитал выделять и передавать звуки, столь же необычные, как крики птиц в тропическом лесу или ритуальные выкрики африканских племен. «Жизни мышья беготня» (Пушкин), с ее шорохами, обыденными словами, приглушенностью речи и эмоций, его интересовала чрезвычайно редко ввиду отсутствия вкуса к обычному, каждодневному. Надо ли говорить, что русский мелос также не был для Гумилева близким, он прислушивался к нему не часто, без какого-либо стремления использовать в собственном творчестве. В раннем периоде такая черта, не бросавшаяся тогда в глаза, тем не менее уже сказывалась.

Надолго, если не навсегда, останется в его поэзии и то, что выше условно было названо «маской», если иметь в виду не столько «маску конквистадора», сколько постоянное стремление поэта максимально объективировать и даже скрыть свое внутреннее, душевно-сокровенное лирическое «я». Критика справедливо писала о «скупости внутренних... душевных или задушевных высказываний»¹ в его стихах, что, по мнению иных, отдавало даже неприятной надменностью и в повседневном поведении поэта. Если учесть свойственный раннему Гумилеву романтизм мировосприятия и слова, то «скупость задушевных высказываний», сокрытие своего лирического «я» кажется особенностью почти парадоксальной, поскольку, как известно, художник-романтик, напротив, стремится к самораскрытию и продвижению себя на господствующий и выгодно открытый план. Гумилев же, похоже, стремился всячески скрыть свой интимный мир за красочно выписанной объективностью, за пластикой, за декором — за «маской».

Но дело здесь все же не в надменности, в которой иногда справедливо, иногда нет склонны были упрекнуть Гумилева-поэта и Гумилева-человека. Даже в раннем творчестве, когда острота и «недисциплинированность» восприятий должны были бы выплескивать лирическую эмоцию, у автора «Пути конквистадоров» и «Романтических цветов», а также в значительной степени и «Жемчугов», многие и многие произведения по сути и форме своей — эпичны; это сказания, мифы, баллады, предания и т. п. В интонации его стихов, даже тогда, когда они были, по видимости, лиричны, слух неизменно чувствует повествовательность. Как показало время, сама природа его дарования была по преимуществу не лирической, а эпической и она требовала от поэта не мгновенной лирической эмоциональ-

¹ В е р х о в с к и й Ю р и й. Путь поэта: О поэзии Н. С. Гумилева//Современная литература. Л., 1925. С. 100.

ности, не исповеди сердца и не «романтического сумбура», а напряженной и методичной наблюдательности, постижения и фиксации примет, штрихов, деталей, нюансов, красок, оттенков, звучаний и отзвучий, свойственных живой, материальной, твердой и гибкой — объективной — плоти мира. В его поэтическом зрении была изначально заложена потребность к наблюдению и своеобразной достоверности запечатления. Не забудем, что он ощущал себя путешественником, и на самом деле был им. Сохранившийся «Африканский дневник»¹ подтвердил зоркость и точность его глаза.

В начальном периоде творчества указанная особенность выражена достаточно слабо (в художественном отношении) и однотипно — главным образом в неосознанном стремлении к повествовательным жанрам.

Однако в какой-то момент, вероятно к 1910 году, уже в период «Жемчугов» и на переходе к «Чужому небу», Гумилев, трезво прислушивавшийся к внутреннему голосу своего призвания, по-видимому, окончательно понял, в чем состоит его художническое предназначение и какова должна быть его роль в современном поэтическом процессе. Вспомним, что именно в эти годы символизм переживал острейший кризис, оказавшийся разрушительным.

В поисках родственных себе литературных опор и традиций Гумилев обращается к французским парнасцам, а также к иным именам и явлениям, которые, на его взгляд, могли бы соответствовать его быстро складывающимся литературным убеждениям, заодно подкрепив их неоспоримым авторитетом. Среди этих имен следует прежде всего назвать Готье, Леконта де Лиля, Теодора де Банвиля, Виктора Гюго, ценимого Гумилевым главным образом за риторическое красноречие, Малларме, в котором ему слышался отзвук Расина, высоко ценил он также беспощадную точность и сжатую экспрессию «проклятых» поэтов — Бодлера и Верлена. Нельзя не сказать, что едва ли не постоянным чтением Гумилева был Гомер, не прошел он и мимо античной поэзии и драмы. Из русских современников — прежде всего Брюсов, названный им, как уже говорилось, учителем, а также, вслед за ним, И. Анненский. Круг этих авторов указан самим Гумилевым, но он, конечно, намного шире и вряд ли не включает в себя определенные традиции русского XIX и даже XVIII веков, например оды Ломоносова и Державина, поэзию Лермонтова и Тютчева, Майкова, Щербины и Случевского... Тема «Гумилев и литературные традиции» требует, однако, специальных исследований. Но и те имена, что названы самим поэтом, свидетельствуют о четкой направленности его интересов и устремлений.

¹ См.: «Огонек». 1987, № 14. С. 19—22; № 15. С. 20—22.

Обращает на себя внимание тот факт, что в пору формирования, выработки взглядов и принципов, а также и значительно позже русский национальный культурный элемент не был для Гумилева таким же первостепенным, как, скажем, французская парнасская школа. Слова Брюсова (стихотворение «Поэту», 1907):

Всего будь холодный свидетель,
На всё устремляя свой взор, — ¹

он в пору выработки акмеистических принципов абсолютизировал, превратив их в формулу-завет своего искусства. Духовный, нравственный и эстетический опыт русской классической поэзии с ее поисками истины и социальной справедливости полностью отторгал от себя такую формулу. Вот почему в круг имен, названных Гумилевым, не вошел ни один русский писатель. Парадокс, однако, заключался в том, что русская поэтическая речь мириадами животворных частиц вливалась в произведения художника, решившего ее не прокламировать. Хотя, как известно, Блок иронизировал, что в стихах Гумилева слышится что-то иностранное, все же они писались, естественно, на русском языке, который даровал надменному поэту неисчислимо богатство слов и интонаций, а его стиху возможность быть гибким, красочным и музыкальным даже тогда, когда сфера изображения искусственно суживалась до «экзотического».

Итак, «Жемчуга» закрыли собою начальный период его творчества. Можно сказать, что хотя все три выпущенные поэтом книги являются сборниками в большинстве своем достаточно слабых и, главным образом, ученических стихов, заметно связанных с символистской поэтикой, все же они свидетельствуют о поистине огромной внутренней, духовной и творческой работе, проделанной Гумилевым всего лишь за четыре или пять лет. Он не только освоил технику стихотворчества, добившись свободного владения различными размерами, но в значительной степени нашел наконец самого себя, то есть отчетливо осознал природу собственного дарования, а потому получил вместе с обретенной творческой свободой возможность максимального совершенствования в своем искусстве. Он понял также, что символизм исчерпал свои силы, что искусству поэзии крайне необходимо новое слово, и пришел, со свойственной ему самонадеянностью, к убеждению, что это новое слово произнесет именно он — Николай Гумилев. Тогда же не только ему (вместе с небольшим кругом единомышленников), но и многим казалось, что разрушение символизма означает не более и не менее как кризис всей русской

¹ Брюсов В. Стихотворения и поэмы. Л., 1961. С. 287 (Б-ка поэта, Б. с.).

поэзии. То была распространенная аберрация зрения: символизм отождествлялся со всем литературным и художественным миром. Иные из художников, те, что, находясь в недрах символизма, действительно переживали острейший и мучительный кризис, вышли из него обновленными новым знанием жизни и искусства. Гумилеву казалось, что акмеизм — единственный выход из «катастрофы» и что ему, как Адаму, предстояло начать новую жизнь на новой земле Поэзии. Однако если символист Блок искал и нашел путь к революционному искусству, то дорога Гумилева, ушедшая от социальной бури, оказалась в стороне от побеждавшей и победившей революции.

2

Все это произойдет в будущем, впрочем недалеко — до революции оставалось всего лишь семь лет.

Вернемся, однако, к событиям периода «Жемчугов». К этому времени Гумилев уже имел не только некоторую (правда, лишь в узких литературных кругах) известность, но даже и авторитет. Хотя его собственные поэтические достижения были еще незначительны, но углубленный интерес к «анатомии стиха» (так он назвал и одну из своих статей) и несомненные познания его в этой области заставили относиться к нему как к «мастеру». В 1909 году он становится активным сотрудником журнала «Аполлон», где на протяжении нескольких лет печатает статьи о поэзии, а также одним из наиболее деятельных создателей так называемой «Академии стиха», или Общества ревнителей художественного слова, куда недолгое время входил умерший в 1909 году Иннокентий Анненский, Вячеслав Иванов и некоторые другие. Судя по всему, «Академия стиха», на которую вначале Гумилев возлагал большие надежды, вскоре несколько разочаровала его нецелеустремленностью работы и разногласиями во взглядах. Практический темперамент Гумилева и созревавшие в его уме идеи относительно «реформации» поэзии заставили его, не порывая связей с «Академией», создать организацию, которая в большей степени соответствовала бы его убеждениям. Толчком к этому послужил и знаменитый, разгоревшийся в 1910 году спор о символизме. В Обществе ревнителей художественного слова были прочитаны доклады Вячеслава Иванова и Александра Блока. Они были напечатаны в 1910 году в № 8 журнала «Аполлон». В следующем номере Брюсов опубликовал язвительный ответ на них, вызывающе озаглавленный «О „речи рабской“, в защиту поэзии». Эти публикации и были внешним выражением уже разразившегося внутри символизма кризиса. В том же году М. Кузмин напечатал статью, правда посвященную прозе, «О прекрасной ясности». В «кларизме»

Кузмина, при всем своеобразии взглядов поэта, не полностью разделявшего воззрения будущих акмеистов, все же отчетливо были заметны элементы, из которых постепенно слагалась оппозиция символизму.

Кризис символизма, известное разочарование в «Академии стиха», не дававшей Гумилеву целеустремленно добиваться осуществления своих принципов, а также, что главное, быстрое формирование нового художественного течения, которому, казалось, не хватало лишь официального статуса, привели к созданию в 1911 году «Цеха поэтов».

Как видно из самого названия, организация должна была служить делу познания и совершенствования «цехового», в данном случае поэтического, ремесла. Произведение художественного творчества рассматривалось как вещь или изделие, выработанное по законам и приемам соответствующей технологии. Чтобы подчеркнуть «цеховой» характер своей студии, организаторы придали ее внутренней рабочей структуре (заседаниям и управлению) «средневековый» колорит, подчеркивающий иерархию, господствующее положение в «Цехе» «мастеров», называемых «синдиками», и подчиненность «подмастерьев». Здесь было, конечно, немало от литературной игры и забавы, отчасти родственной игровой атмосфере появившегося тогда же литературно-артистического кабаре «Бродячая собака», куда и «синдики» и «подмастерья» охотно заходили после своих строгих заседаний. По-своему экзотическая «маска синдика», надо думать, вполне удовлетворяла Гумилева, в натуре которого, как свидетельствуют мемуаристы, проглядывало актерское начало, и он придавал ей немалое значение. «Синдики» (их было два ¹) руководили поочередно заседаниями «Цеха», устав которого постепенно становился по-средневековому строгим. В частности, члены «Цеха» обязаны были работать над своими произведениями, руководствуясь указаниями «синдики» и не проявляя своеволия. Они не могли так же печатать своих вещей без особого на то разрешения в изданиях, не принадлежащих или не близких «Цеху», то есть ограничиваться журналом «Гиперборей» или страницами «Аполлона». Изучение «ремесла», разбор произведений производился детально, выступать на заседаниях, посвященных анализу стихов, «без придаточных», то есть без аргументов и развернутых суждений, воспрещалось. Все это, надо думать, приносило, в смысле учебы и выработки принципов, практическую пользу, но, как и следовало ожидать, нарушения дисциплины, введенной Гумилевым, были нередкими: члены «Цеха» были людьми и художниками слишком разными и некоторые быстро покинули строгие стены этого «средневекового» заведения.

¹ Гумилев, Городецкий и «стряпчий» — юрист Д. В. Кузьмин-Караваев.

Однако в недрах «Цеха» сформировалось ядро единомышленников, которые выдвинули конкретную эстетическую программу, провозгласившую появление нового художественного течения — акмеизма. С манифестационными статьями выступили Гумилев и Сергей Городецкий. Надо уточнить, что и после этого «Цех» остался объединением как бы самостоятельным, так что принадлежность к «Цеху» еще не означала принадлежности к акмеизму. Но фактически «Цех поэтов» вместе с журналами «Аполлон» и «Гиперборей» (1912—1913), а также издательством «Гиперборей», был организацией акмеистов.

Писателей, близких к «Цеху» или же сотрудничавших в «Аполлоне», было значительно больше, чем собственно акмеистов в прямом и специфическом смысле этого понятия, так что у недостаточно посвященных создавалось впечатление, будто акмеистическая организация велика и разнообразна и само течение, возглавленное Гумилевым, является достаточно сильным и в самом деле способно повернуть поэзию по новому руслу. Манифестационные статьи, написанные Гумилевым и Городецким, поддерживали такое впечатление как категоричностью тона, так и широковещательными перспективами. Но собственно акмеистов было в действительности немного: Н. Гумилев, С. Городецкий, А. Ахматова, О. Мандельштам, М. Зенкевич, Г. Нарбут.

Свою статью «Наследие символизма и акмеизм» Гумилев начал с утверждения, что «символизм закончил свой круг развития и теперь падает. <...> На смену символизма идет новое направление как бы оно ни называлось, акмеизм ли <...> или адамизм...».¹ Это новое направление, уточнял он, требует «большого равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем то было в символизме».²

Здесь интересно недвусмысленное утверждение, что акмеизм пришел на смену символизму и по своим принципам отличается от

¹ Гумилев Н. Наследие символизма и акмеизм // «Аполлон». 1913, № 1. С. 42 (в оглавлении названо: «Заветы символизма и акмеизм»). В выборе названия для своего направления Гумилев и Городецкий (статья «Некоторые течения в современной русской поэзии») колебались между «акмеизмом», предложенным Гумилевым, и «адамизмом», на котором склонен был настаивать Городецкий. Гумилев, с его приверженностью к совершенству формы и культом мастерства, видел в греческом слове «акме», обозначающем вершину чего-либо, больше соответствия внутренним целям своих исканий. «Адамизм», впрочем, также привлекал его, но Городецкий толковал это слово как некий синоним примитивизма, что было неприемлемо для Гумилева, связывавшего с именем Адама другие представления.

² Там же.

него в сторону реализма («точного знания отношений между субъектом и объектом»). Действительно, у акмеистов, прежде всего у самого Гумилева, но в не меньшей степени у Ахматовой и Мандельштама, реалистичность изображения, достоверность в передаче элементов живого (плотского, вещного) мира были резко заметны. Поэты добивались точности (внешней и психологической), твердости рисунка, четкого, выпуклого штриха и всячески избегали туманностей и иносказаний, мистики и т. п. В то же время обращает на себя внимание и сказанное Гумилевым об акмеизме: «Однако, чтобы это течение утвердило себя во всей полноте и явилось достойным преемником предшествующего, надо, чтобы оно приняло его наследство и ответило на все поставленные им вопросы. Слава предков обязывает, а символизм был достойным отцом». ¹ Уверенность в том, что акмеизм, только-только образовавшийся, готов будто бы ответить на все вопросы, поставленные «предшественником», свидетельствует лишь об излишнем самомнении руководителей группы и о некоторой рекламности их выступлений, но в то же время фраза о символизме как «достойном отце» звучит вполне продуманно: кое-что из творческих достижений символизма, особенно в области поэтического языка, расширения красочной палитры и богатства звуковой партитуры, было, разумеется, вполне приемлемо для акмеистов.

Признавая известные достижения символизма, Гумилев, однако, категорически отверг не только русский символизм (за то, что он «направил свои главные силы в область неведомого. Попеременно он брался то с мистикой, то с теософией...» ²), но также французский (в котором видел обожествление символа в ущерб реальности) и германский, каковой, по его мнению, слишком следует «догматам» и потому «не чувствует самоценности каждого явления». ³ Из негативных оценок Гумилевым различных национальных форм символизма вырисовывалась положительная программа акмеизма: это, во-первых, — никакого «братания» с потусторонним миром, во-вторых — точность в соответствии слов предмету изображения, в-третьих — одинаково заинтересованное отношение ко всем моментам жизни, малым, большим, ничтожным или великим, с целью объективно-художественной полноты охвата мира. Искусство, по мысли основоположника акмеизма, не должно привносить в мир какой-либо иерархии — его надо брать «живьем». «...Ощущая себя явлениями среди явлений, мы становимся причастны мировому ритму», ⁴ — говорил Гумилев.

¹ Гумилев Н. Наследие символизма и акмеизм//Там же.

² Там же, с. 44.

³ Там же, с. 43.

⁴ Гумилев Н. Указ. соч. С. 43.

Последнее соображение, кажущееся, на первый взгляд, всего лишь призывом к широте и непредвзятости изображения жизни, включает в себе, однако, проповедь отстраненности от каких-либо оценок или, тем более, суда над действительностью.

В написанной чуть позже статье о Теофиле Готье Гумилев приводил в пример лирику французского романтика как наиболее близкий акмеизму образец объективного, не судящего искусства, для которого важно не содержание, а форма. Он цитировал в связи с этим переведенное им стихотворение Готье:

Но форма, я сказал, как праздник пред глазами:
Фалернским ли вином налит или водой —
Не всё ль равно! Кувшин пленяет красотой!
Исчезнет аромат, сосуд же вечно с нами.¹

«Не всё ль равно!» — чрезвычайно опасная для художника позиция.

В акмеистской программе содержалось немало противоречивого и попросту эклектичного. Так, например, отношение акмеистов к «непознаваемому» Гумилев сформулировал с откровенной двойственностью: с одной стороны, он упрекал русский символизм за то, что тот «направил свои главные силы в область неведомого», с другой — вовсе не отрицал ни «неведомого», ни «потустороннего». «...Непознаваемое, — писал он, — по самому смыслу этого слова, нельзя познать», и, следовательно, «все попытки в этом направлении — нецеломудренны». ² Другими словами, не отрицая «непознаваемого», акмеизм должен иметь дело с тем, что можно познать, — с реальной действительностью, стоящей перед глазами и подвластной слову. Он допускал тем не менее возможность для художника подходить, так сказать, к самой границе «непознаваемого», в особенности там, где мы имеем дело с человеческой психикой, тайнами чувств и смятенностью духа. Но — никакой «неврастении»: ³ объективность, твердость и мужество — вот черты личности художника-акмеиста.

Уже современников удивляла эклектичность в подборе имен, которые акмеисты брали себе в образцы. «Всякое направление, — завершал свою статью «Наследие символизма и акмеизм» Гумилев, — испытывает влюбленность к тем или иным творцам и эпохам. Дорогие могилы связывают людей больше всего. В кругах, близких к акмеизму, чаще всего произносятся имена Шекспира, Рабле, Виллона и Теофиля Готье. Подбор этих имен не произволен. Каждое из

¹ Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. П., 1923. С. 45.

² Гумилев Н. Наследие символизма и акмеизм // «Аполлон». 1913, № 1. С. 44.

³ Там же.

них — краеугольный камень для здания акмеизма, высокое напряжение той или иной его стихии. Шекспир показал нам внутренний мир человека. Рабле — тело и его радости, мудрую физиологичность, Виллон поведал нам о жизни, нисколько не сомневающейся в самой себе, хотя знающей все, — и бога, и порок, и смерть, и бессмертие, Теофиль Готье для этой жизни нашел в искусстве достойные одежды безупречных форм. Соединить в себе эти четыре момента — вот та мечта, которая объединяет сейчас между собой людей, так смело назвавших себя акмеистами». ¹ Откликаясь на это заявление, Брюсов заметил: «...доверие к словам «новых Адамов» подрывается сообщаемым ими перечнем поэтов, которых они признают за своих учителей. В нем названы четыре имени, четыре «краеугольных камня для здания акмеизма»: Шекспир, Раблэ, Виллон и ... Теофиль Готье. Допуская Виллона и с некоторой натяжкой Раблэ в роли учителей примитивизма, мы уже никак не можем присоединить к ним Шекспира, а тем более Теофиля Готье. Теофиль Готье, *señor poète impeccable* ² в роли предводителя «лесных зверей», — какая ирония!» «Мы уверены, — заключал он, делая прогноз относительно акмеистического будущего, — или по крайней мере надеемся, что и Н. Гумилев, и С. Городецкий, и А. Ахматова останутся и в будущем хорошими поэтами и будут писать хорошие стихи. Но мы желали бы, чтобы они, все трое, скорее отказались от бесплодного притязания образовывать какую-то школу акмеизма. Их творчеству вряд ли могут быть полезны их сбивчивые теории, а для развития иных молодых поэтов проповедь акмеизма может быть и прямо вредна. (...) Писать (...) стихи, применяясь к заранее выработанной теории, притом столь неосновательной, как теория акмеизма, — злейшая опасность для молодых дарований.

Впрочем, вряд ли эта опасность длительна. Всего вероятнее, через год или два не останется никакого акмеизма. Исчезнет самое его имя, как забылось, например, название «мистического анархизма», движения, изобретенного лет 6—7 тому назад г. Георгием Чулковым». ³

Брюсов оказался во многом прав, кроме одного: имя акмеизма все же сохранилось. Тому было две-три немаловажные причины. Во-первых, оно в нашей историко-литературной памяти, как уже говорилось, тесно связано с именами нескольких крупных поэтов, из биографии которых их пребывание в организации нельзя вычеркнуть,

¹ Там же. С. 44—45.

² Непогрешимый поэт (фр.). Так назвал Готье Бодлер, посвящая ему свою книгу «Цветы зла».

³ Брюсов В. Новые течения в русской поэзии. Акмеизм // «Рус. мысль». 1913, № 4. С. 140, 141—142.

тем более что определенные принципы акмеистической поэтики оказали на них свое воздействие (Ахматова, Мандельштам и др.). Кроме того, акмеизм, как бы ни была эклектична его программа, был достаточно закономерной и по-своему плодотворной реакцией на изживавший себя символизм. Установка на реалистичность, пусть даже в крайне обуженном понимании этого слова, имела хотя и сугубо внутрилитературный, но все же прогрессивный характер. В эти годы, то есть в период формирования акмеизма, несмотря на весь размах модернистского искусства, вообще резко усиливаются возможности реализма, в особенности в области прозы, насыщающейся в творчестве Горького и близких ему писателей огромным революционным и революционирующим содержанием и пафосом. В поэзии уже появился Маяковский, которого И. Репин пророчески точно назвал «реалистом», а вместе с ним футуристы, идущие по пути освоения социальной проблематики. Публиковались первые стихи Есенина. Кроме того, нельзя забывать, что события революции 1905—1907 годов, а также многие крупные явления политической жизни десятилетия настойчиво требовали социально насыщенного искусства, поэзии большой реалистической и революционирующей правды. Начиная со статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» (1905) и с его работ о Л. Толстом (1908—1911), марксистская мысль настойчиво утверждала необходимость глубоко реалистического восприятия и воспроизведения жизни, понимания тех перспектив общественного развития, которые указывали на неизбежность будущих революционных преобразований. Наиболее чутких художников (в поэзии — Блока и затем Маяковского) это ощущение надвигавшейся очистительной революционной грозы поражало своим масштабом и захватывало. Пожалуй, никогда еще после революции 1905 года не было в жизни России такого насыщенного революционным динамизмом периода.

Манифестационные выступления акмеистов не содержали в себе ни малейшего намека на необходимость прислушиваться к волнениям и нуждам народной жизни. Крайняя аполитичность и эстетический герметизм — вот фундамент акмеистической программы. Это был реализм подробностей, достоверность, не выходящая за пределы детального и порою виртуозного изображения предметов, придвинутых на предельно близкое расстояние, а то и рассмотренных через лупу. Все это дает основания говорить, что акмеизм был ответвлением модернистского искусства, той его разновидностью, что содержала в себе ослабленные потенции реализма.

Коренной порок акмеизма заключался, следовательно, не столько в эклектичности и чисто литературной сконструированности, сколько в полном равнодушии к главным проблемам современности.

В теории и художественной практике акмеистов широкая потреб-

ность в реализме выразилась в недостаточно проявленной социально форме, но тем не менее выразилась. Пытаясь найти термин, заменяющий однозначное слово «реализм» и подходящий к характеристике акмеизма, В. М. Жирмунский писал в статье «Преодолевшие символизм»: «С некоторой осторожностью мы могли бы говорить об идеале «гиперборейцев», как о *неореализме*, понимая под художественным реализмом точную, мало искаженную субъективным душевным и эстетическим опытом передачу раздельных и отчетливых впечатлений преимущественно внешней жизни, а также и жизни душевной, воспринимаемой с внешней, наиболее раздельной и отчетливой стороны; с тою оговоркою, конечно, что для молодых поэтов совсем не обязательно стремление к натуралистической простоте прозаической речи, которое казалось неизбежным прежним реалистам, что от эпохи символизма они унаследовали отношение к языку как к художественному произведению». ¹ Характерен в этом плане был и его вывод: «В акмеизме ли будущее нашей поэзии? Несомненно, за последние годы и в самом символизме, и вне его наблюдается поворот в сторону нового реализма. (...) Но если литературное будущее, которого мы ждем, не в поэтах «Гиперборея», в них все-таки ясно выразились потребность времени, искание новых художественных форм и интересные достижения».²

Животворная частица реализма, точность и здравость взгляда хотя бы на ту сферу жизни, что непосредственно окружает поэта, постепенная выработка и более широких принципов — именно это помогло некоторым из акмеистов разорвать теоретические путы программы.

С самого начала акмеистическая группа, которой, по мысли Гумилева, предстояло быть подобной монолиту, на самом деле оказалась крайне разнородной. Вошедшие в нее художники (в особенности Ахматова и Мандельштам) обладали резко своеобразными талантами и вскоре пошли по собственным путям. Центробежные силы в «Цехе поэтов» и в среде акмеистов обнаружили чуть ли не с самого начала. «Средневековый» жесткий устав, введенный Гумилевым, вскоре стал едва ли не комедийно контрастировать с тем, что происходило на самом деле. Более того, начались разногласия и между основоположниками — Гумилевым и Городецким. Вначале расхождения были незаметными, вроде спора о том, назвать ли группу акмеистами или «адамистами», но через некоторое время выяснилось, что в «ордене» акмеистов Городецкий стал играть роль блюстителя акмеистической непорочности, сделавшись кем-то вроде настоятеля, бдительно следившего за всеми отклонениями от устава и догматов. Его

¹ Жирмунский В. Преодолевшие символизм // «Рус. мысль». 1916, № 12. С. 53.

² Там же. С. 56.

первой жертвой, как ни странно, стал именно Гумилев, написавший после путешествия в Италию (1912) стихотворение, посвященное Фра Беато Анджелико. «Простота смиренная» этого художника, судя по отповеди Городецкого, никак не могла быть предметом интереса «адамистов», заряженных энергией и ищущих новых средств выражения. Дымка меланхолии и грусти, окутывающая гумилевское стихотворение, а также мысль о быстротечности человеческой жизни перед лицом вечности казались второму «синдику» Цеха непозволительной оплошностью. В «Гиперборее» он опубликовал филиппику, долженствовавшую направить заблудшего Гумилева на верный путь:

О, неужель художество такое,
Виденья плотоядного монаха
Ответ на всё, к чему рвались с тоскою
Мы, акмеисты, вставшие из праха?

Нет, ты не прав, взалкавший откровенья!
Не от Беато ждать явления Адама.
Мне жалко строгих строф стихотворенья,
В которых славил ты его упрямо.¹

Действительно, иные строфы этого стихотворения, кстати, одного из лучших у Гумилева, звучат, как заметил в своей рецензии Б. Эйхенбаум, «не совсем по-акмеистски»: ²

Есть бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей — мгновенна и убога.
Но всё в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в бога.

(«Фра Беато Анджелико»)

Гумилев, однако, не отрекся от своего стихотворения, вновь опубликовав его (после журнала «Гиперборей») в книге 1916 года «Колчан».

Впрочем, «смирненные» мотивы, заставлявшие стихи Гумилева звучать «не по-акмеистски», встречаются у него и помимо «Фра Беато Анджелико», в том числе в «Романтических цветах» и «Жемчугах», где немало вполне элегических строк.

Еще один ненужный день,
Великолепный и ненужный...

(«Вечер»)

¹ «Гиперборей». 1912, № 1. С. 14.

² Эйхенбаум Б. Новые стихи Н. Гумилева («Колчан», Пг., 1916) // «Рус. мысль». 1916, № 2. С. 17.

Под железным панцирем конкистадора билось вполне человеческое сердце, уязвимое для горестей и страданий. В акмеизме Гумилева, как и в его ранних «конкистадорских» стихах, было опять-таки немало от «маски», но, по-видимому, временами она все же болезненно ранила его лицо, а «железный панцирь» стеснял полноту дыхания. В 1912 и 1913 годах, в пору формирования и самоутверждения акмеизма, эти внутренние движения никому почти не были заметны, они редко фиксировались и в самом стихе, обычно слишком «литом» в своем нарастающем совершенстве и потому казавшемся едва ли не классически спокойным и уравновешенным во всех своих элементах.

Упомянутое путешествие в Италию в 1912 году, а затем в Африку заметно повлияли на внутренний мир поэта, сказавшись прежде всего в душевной самоуглубленности, философичности и несравненно большей лирической самораскрытости.

Однако в книге «Чужое небо» новые черты выразились еще слабо. Хотя именно эта книга обычно считается первым по-настоящему акмеистическим выступлением, на самом деле она имела отчетливо выраженный переходный характер. Сборник вышел, как сказано, в 1912 году и, естественно, включал в себя произведения, не только в большинстве своем не следовавшие еще принципам «школы», но, в значительной степени, как раз те, что были тесно связаны с характерными приметами первого периода творчества автора. Современники, писавшие о «Чужом небе» сразу после выхода книги в свет, порою более точно, чем позднейшие исследователи, определяли ее место в творческом развитии поэта. Так, М. Кузмин писал, что «Чужое небо» представляет собою, после «Жемчугов», нечто вроде «интермеццо, роздыха на зеленой лужайке между двумя странствиями», отмечал «некоторый (...) переходный характер» сборника. В отличие от «Жемчугов», он видел в «Чужом небе» больше простоты и меньше риторики. «Нас не удивляет, — пояснил он, — что, когда поэт опустил поводья и поднял забрало, лицо его сделалось определеннее и ближе, нежели когда он покорял с «конкистадорами» неизвестные земли или нырял в океан за жемчугами. И мы отчетливее слышали его голос, его настоящий голос».¹ Он полагал, что лучшими стихами своей книги Гумилев открыл «широко двери новым возможностям для себя и новому воздуху».² Особо приветствовал он стихи, свидетельствовавшие, по его мнению, об акмеистичности мировосприятия поэта:

И в юном мире юноша Адам,
Я улыбаюсь птицам и плодам...

(«Баллада»)

¹ «Аполлон». 1912, № 2. С. 73.

² Там же. С. 74.

«Этот взгляд, юношески-мужественный, «новый», первоначальный для каждого поэта, взгляд на мир, кажущийся юным, притом с улыбкою всему, — есть признание очень знаменательное и влекущее за собою, быть может, важные последствия».¹

Будучи книгой, как сказано, переходной, «Чужое небо» содержало в себе немало черт предшествующего этапа, но стих действительно, как отмечал и М. Кузмин, сделался определеннее и намного выше по формальному мастерству. Здесь у Гумилева, пожалуй впервые, появилась столь характерная для его стихов отчужденность формы, ее строгость и изящество, а также отчасти наметилось и не менее свойственное стиху Гумилева впоследствии ритмическое своеобразие, в частности умелое использование стопы как подвижной и выразительной звуковой единицы; он уже стал пользоваться намеренным, а не случайным, как прежде, пропуском ударений, что сообщало строке гибкость и воздушность. Использование пеоны, ставшее затем излюбленным приемом Гумилева, также заметно в «Чужом небе». Пеон придавал строке подвижность живого голоса, прерывающегося в дыхании, выдающего сдержанное волнение, и таким образом неожиданно и своеобразно усиливал психологизм его лирики, внешне остававшейся «объективной» и эпиграмматичной. Обнаружилось и чисто «гумилевское» тяготение к хорею, что удачно гармонировало с мужественным ритмом его отчетливой в звуковом шаге лирики. Помимо индивидуальных находок в манере Гумилева было немало от опыта символистской поэзии. В «Чужом небе» это родство особенно ясно видно, поскольку установка на звуковую волну, с характерной протяженностью звучания, эхом отдающегося за пределами строки и создающего колеблющуюся звуковую сферу, — эта вполне сознательная, надо думать, установка была результатом очень внимательной учебы у старших мастеров. Не забудем, что Гумилев назвал символизм «достойным отцом» и, следовательно, признал себя его преемником. Возможно, что именно многочисленные приметы родства, заметные и в его более поздних книгах, дали Брюсову известное основание говорить, что Гумилев вообще никогда никаким акмеистом не был, всегда оставаясь символистом.² Хотя такое утверждение слишком парадоксально, но все же не беспочвенно.

В «Чужом небе», помимо отмеченных выше формальных новшеств, есть мотивы, которым предстояло развиваться в дальнейшем творчестве и определить своеобразие художественного мира Гумилева и его поэтического облика. В частности, он очень настоятельно утверждает в этой книге трагическую разделенность всего сущего на две

¹ «Аполлон». 1912, № 2. С. 74.

² См.: Брюсов В. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии // «Печать и революция». 1922, № 7. С. 51.

контрастные стихии. Небо и земля, добро и зло, красота и уродство даны у него в чисто романтическом противостоянии. Мир — расколотое двуединство. Привкус горечи и тревоги, смятенности и ненадежности всего сущего — один из важнейших лирико-трагедийных аспектов его книги. Не менее характерно и другое — постоянное мужественное напряжение всех сил души, противостоящей стихии и преодолевающей ее. В одном из стихотворений возникает образ паруса, борющегося с морской волной, и отважного кормчего:

И загорелый кормчий ловок,
Дыша волной растущей мглы
И — от натянутых веревок —
Бодрящим запахом смолы.

(«На море»)

Возможно, Гумилев рассчитывал на читательскую ассоциацию с лермонтовским «Парусом», но в то же время и заметно уходил от него в сторону акмеистической предметности и осязаемости: никакого «тумана», даже морского: все четко, зримо и осязаемо.

Романтическая мужественность в сочетании с четкостью взгляда и упругостью ритма заметно выделяли Гумилева в современной ему поэзии как художника силы, воли и надежды. Его внутренняя романтическая трагедийность до поры до времени оставалась никем не понятой или же воспринималась как дань традиционной «поэтической меланхолии», за что, как сказано, и порицал Гумилева неукоснительный акмеист Городецкий. Между тем мир в представлении Гумилева был ареной борьбы и риска, постоянного напряжения сил подчас на самой кромке жизни и смерти. Отсюда — столь характерный для Гумилева культ риска, отваги, личной мужественности и бесстрашия. Пушкинское «есть упоение в бою» было ему свойственно в высшей степени, нередко заслоняя все другие соблазны и радости жизни. Африка была им страстно любима не только из-за экзотичности пейзажа и обычаев, но и как «идеальная» страна риска и приключений. Его описания джунглей, пустынь и охоты на диких зверей поневоле заставляют вспомнить появившуюся позже прозу Хемингуэя. Важно отметить, что «конквистадорство» в «Чужом небе» по сути дела полностью исчезает. Вполне возможно, что близкое и достаточно длительное знакомство с жизнью африканских племен (в особенности в Абиссинии — современной Эфиопии) заставило поэта по-иному взглянуть на так называемую «экзотику». В «Абиссинских песнях», составивших часть «Чужого неба», он описывает нищую, тяжкую, беспросветную жизнь африканских туземцев. В песне «Невольничья» оправдывается бунт черных невольников XIX века против европейцев, пришедших на их цветущую землю с «дальнобойными ружьями», «острыми саблями» и «хлещущими бичами».

По утрам просыпаются птицы,
Выбегают в поле газели
И выходит из шатра европеец,
Размахивая длинным бичом.

...Слава нашему хозяину-европейцу,
Он храбр, но он недогадлив:
У него такое нежное тело,
Его сладко будет пронзить ножом!

«Абиссинские песни» — единственный цикл в «Чужом небе», где можно услышать чрезвычайно редкую у Гумилева социальную ноту. Гумилев не только не акцентировал пробившееся у него сочувствие к африканским рабам, но и самой теме придал в основном экзотический и эстетический характер. Колониализм как величайшее зло и позорище XX столетия не вызывал у него сколько-нибудь внятного протеста. Это обстоятельство подверглось затем устойчивому осуждению в советской критике, тем более справедливому, что «африканская тема», прозвучавшая у Гумилева в стихах, не вошедших в «Чужое небо», но опубликованных в следующей книге, «Колчан», недвусмысленно инструментирована по кипплинговской формуле о «бремени белых».

Завтра мы встретимся и узнаем,
Кому быть властителем этих мест;
Им помогает черный камень,
Нам — золотой нательный крест.

...Весело думать: если мы одолеем —
Многих уже одолели мы,—
Снова дорога желтым змеем
Будет вести с холмов на холмы.

Если же завтра волны Уэби
В рев свой возьмут мой предсмертный вздох,
Мертвый, увижу, как в бледном небе
С огненным черным борется бог.

(«Африканская ночь»)

В связи с подобными мотивами Гумилева не раз сопоставляли с Киплингом, чему находили подтверждение не только в известном сходстве внутренней идеи о противостоянии Запада Востоку, но и в отдельных элементах поэтической образности, в «киплинговской» ритмике, мажоре и т. д.

Надо сказать вместе с тем, что у Гумилева не было, как у Киплин-

га, выступавшего убежденным идеологом английского колониализма и империализма, продуманной и сколько-нибудь философски обоснованной программы. Однако доморощенное «конквистадорство», вместе с эстетизированным безразличием, с любовью к войне как таковой, лишь бы она давала возможность риска и губительного упоения, а также, самое главное, свойственная Гумилеву и вряд ли когда подвергавшаяся осмыслению монархическая верность «престолу», «царю и отечеству» — вот что, в соединении с талантом, и принесло плоды, никогда доселе не произраставшие на древе русской гуманистической поэзии и совершенно чуждые ей. Хотя таких произведений в обширном лирическом творчестве поэта было немного, но они отбросили долгую тень и на то ценное, что было сделано им как поэтом-ориенталистом (поэма для детей «Мик», «арабская» пьеса-сказка для кукольного театра «Дитя Аллаха», сборник позднее написанных «африканских» стихов-реминисценций «Шатер», 1921).

Следующая книга, уже упоминавшийся «Колчан», вышла в 1916 году — в самый разгар первой мировой войны. Верный своим убеждениям, выполняя, как он полагал, патриотический долг, Гумилев уже в августе 1914 года записывается добровольцем. Он служил, как не окончивший университета, а всего лишь гимназию, прапорщиком в гусарском полку, отличался большой смелостью и был награжден двумя солдатскими Георгиевскими крестами.

В позднем стихотворении «Память» (1920) поэт писал о себе:

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.

В стихах военных лет Гумилев был далек от понимания социальной подоплеку империалистической бойни, развязанной капиталистическими государствами с целью раздела мира. Народные неисчислимые страдания, которыми оплачивалась война, чуждая национальным интересам, не были ему ни близки, ни вняты. Шовинистический угар лишь изредка сдерживался реальным зрелищем кровавых боев, в которых Гумилев участвовал, а также не менее реальными и охлаждающими военный пыл слухами о неблагополучии в «верхах», о предательстве в Генштабе, о распутинщине. Не могли не доходить до него и настроения солдатской массы, которая в 1916 году, революционизированная агитацией большевиков, мало походила на ратников, воспеваемых в его стихах в их союзе «с архангельской силой». По своему выпенному духу, по проникнутости идеями монархической верноподданности, по риторике, окрашенной в церковные тона, военная лирика Гумилева фактически едва ли чем отличалась от казенной шовинистической литературы, как бы ни открепивался от шовинизма сам поэт.

Судя по отдельным высказываниям, ему претил не столько «патри-

отический» пафос официальных трубадуров войны, среди которых он занимал вполне заслуженное место, сколько то обстоятельство, что наиболее рьяные «трубачи победы» испускали свои рифмованные призывы, находясь, подобно Игорю Северянину, в безопасном ресторанном и кафешантанном петроградском тылу.

Военные стихи помещенные в «Колчане», резко отличались не только от тех произведений, что печатались в горьковской антимилитаристской «Летописи» и в большевистской печати, но и от поэтических выступлений футуристов, в особенности и прежде всего В. Маяковского. Футуристы, с их нацеленностью на современность, с самого начала (а заявили они о себе почти одновременно с акмеистами) поставили себя в оппозицию к господствующему строю. Яркие антивоенные стихи Маяковского, его поэмы «Война и мир», «Человек» отличались не только ненавистью к империалистической войне, но и предощущением ее социально-политических последствий («в терновом венце революций грядет шестнадцатый год»). Гумилев же и в «Колчане» продолжал утверждать автономность искусства и элитарную, духовную независимость художника от современности. Таково, например, стихотворение, опубликованное в «Колчане» с авторской (случай почти уникальный: Гумилев чрезвычайно редко, даже в рукописи, датировал свои произведения) датой: 1913 год, относящей его создание к довоенному времени:

Я вежлив с жизнью современною,
Но между нами есть преграда —
Всё, что смешит ее, надменную,
Моя единая отрада.

Победа, слава, подвиг — бледные
Слова, затерянные ныне,
Гремят в душе, как громы медные,
Как голос господа в пустыне.

(«Я вежлив с жизнью современною...»)

Сама война, с ее непохожестью на будничное течение мирной жизни, была для него опять-таки своеобразной «экзотикой».

«Колчан», однако, состоит не только из военных стихов, более того, отклики на войну занимают в этой книге сравнительно очень мало места. Эта книга лирики, по крайней мере наполовину составленная из довоенных стихов, раскрывает различные стороны напряженной внутренней жизни поэта. И в то же время «Колчан» явился, по существу, первой по-настоящему, от начала и до конца, «гумилевской» книгой. В ней мы видим почти все наиболее характерные черты и особенности как сложившейся и утвердившей себя творческой манеры и метода, так и поэтического облика писателя. В этом

смысле можно говорить, что «Колчан» открывает собою второй (и последний) период творчества Гумилева, когда были написаны стихи вышедших в 1918—1921 годах сборников «Костер», «Шатер» и «Огненный столп». Вместе они и образуют основной массив его лирики. Кроме того, к каждой из названных книг тесно примыкают произведения и сборники сказочного и эпического характера. К «Колчану» — «Гондла» (1917) и уже упоминавшаяся «африканская поэма» «Мик» (1914—1918), к «Костру» и «Шатру» — «китайский» цикл «Фарфоровый павильон» (1918), а также сказка для кукольного театра «Дитя Аллаха» (1917), к «Огненному столпу» — небольшое собрание лирических стихов о «парижской любви», вышедшее посмертно под не принадлежащим автору названием «К синей звезде», неоконченная «Поэма начала» и переводы. Произведения сказочного и эпического характера очень тесно сомкнуты с лирикой Гумилева и являются ее как бы ушедшими в другие формы ответвлениями, что иногда дает возможность рассматривать их вместе с тем или иным собственно лирическим сборником.

«Колчан», появившийся через четыре года после «Чужого неба», был итогом большой внутренней душевной работы и отличается прежде всего неожиданной самоуглубленностью медитативного склада и полнейшей открытостью лирического голоса и лица. Нет и следа прежней «маски»: мы словно читаем дневник, в котором искренне и драматично раскрывается душа поэта. В известном смысле то была измена акмеизму, во всяком случае в его уставном смысле, поскольку меланхолия, грусть, сомнения и тому подобные признаки душевной сумятицы считались чуждыми его мажорному пафосу.

В «Колчане», оглядываясь в Дантовом («Земную жизнь пройдя до половины, Я очутился в сумрачном лесу») смысле и тоне на прошлое, Гумилев, хотя и не совсем точно хронологически (по Данте, половина жизни — 35 лет), отмечает рубежность самой даты появления этой книги:

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной...

Кончается стихотворение словами, обращенными к богу и совершенно неожиданными для человека недавнего акмеистического мирозерцания — «конквистадора», отважного путешественника, охотника на львов и леопардов, искателя приключений и риска:

С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей ты подумай,
Я и так погубил одну.
(«Я не прожил, я протомился...»)

Причин наметившегося перелома могло быть несколько. Война, с ее тяжкими буднями, длившаяся уже третий год, по-видимому, все меньше казалась Гумилеву «экзотичной»; полный отрыв от питавшей его стих и дух «реальной экзотики» африканских и морских путешествий; личная драма (дело шло к разводу с Анной Ахматовой).

Показательно в этом плане стихотворение «Пятистопные ямбы», существующее в двух редакциях. Публикация первой (журнал «Аполлон») относится к 1913 году. Стихотворение среди прочих должно было «до некоторой степени служить иллюстрацией»¹ к теоретическим положениям акмеизма.

Здесь внутреннее прощание с любимой экзотикой далеких странствий:

Я молод был, был жаден и уверен,
Но дух земли молчал, высокомерен...
...Я знаю, жизнь не удалась...

Горькое повествование о любовной драме:

И ты ушла, в простом и темном платье,
Похожая на древнее Распятье.²

Гимн собратьям по перу и «Цеху поэтов»:

Нас много здесь собралось с молотками,
И вместе нам работать веселей...³

В редакции 1915 года («Колчан») появляются иные, военные, мотивы. Тема трагической любви сохраняется, но гимн акмеизму уходит. Вместо посвященных ему четырех заключительных строф появляются шесть новых. В грозное лето поэт услышал «песнь... судьбы»

И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: «Буди, буди».

...И дали мне винтовку и коня,
И поле, полное врагов могучих,
Гудящих грозно бомб и пуль певучих,
И небо в молнийных и рдяных тучах.

¹ «Аполлон». 1913, № 3. С. 30.

² Там же. С. 30, 31.

³ Там же. С. 31. См. редакцию журнала «Аполлон» в разделе «Другие редакции и варианты» наст. изд.

«Пятистопные ямбы» — одно из наиболее сильных произведений Гумилева не только по отточенности найденной им строфы, верности психологической и вещной детали, по воздушности всей постройке, несмотря на живущую в стихотворении тяжелую печаль. Оно похоже на маленькую поэму, где есть все: война, любовь, разлука, сомнения, раскаяние — одним словом, живая, не надуманная, не экзотичная жизнь. Если сравнить, как, по-видимому, и предполагал Гумилев, стихи этой книги со стрелами, то все они остриями своими направлены не вовне, не по-конквистадорски в противника, а в собственную душу поэта. «Колчан» — книга большой печали и просветленной запоздалым раскаянием мудрости. Не случайно многие стихи, в особенности итальянские, написанные по воспоминаниям о совместном путешествии с Ахматовой в 1912 году по городам Италии, реминисцируют прошлое, медленно пропускают его, как золотой исчезающий песок, сквозь сетку стиха.

Если говорить о собственно акмеистической поэтике в этой книге, то она проявляется прежде всего в исключительной точности и стереоскопичности детали, в ограниченности стиха, в его мерности и своеобразной «классицистической» строгости, не признающей своеволия, отступления от правил, чуть холодноватой, как невские граниты. Впоследствии совокупность таких черт, свойственных не только Гумилеву, но в разной степени и по-разному основному крылу акмеизма, то есть прежде всего Ахматовой и Мандельштаму, недаром назовут «петербургской поэтикой», имея в виду не только место рождения школы, но, главным образом, «петербургский классицизм» как некое гармоническое явление. Гумилев и на практике и в теории был убежденным сторонником классицизма — не только в образном смысле этого понятия, но и в узко точном, искусствоведческом и литературном, был приверженцем некоторых его стилевых канонов. Он полагал, что художник, в частности акмеист, должен равномерно распределять свои силы и способности, чтобы столь же равномерно и по возможности полно охватить все вещно-плотское и духовное бытие мира. Равномерность напряжения художественного слова и ритма, точность поэтического глазомера, рассчитанность объемов, продуманность в наложении краски и полутонов, выверенность игры света и теней — все это в высшей степени свойственно книге «Колчан», во всяком случае подавляющему большинству включенных в нее произведений. При этом лирическая энергия и эмоциональная заразительность, непосредственная сила эстетического внушения, будучи закованными в равномерность и подчиненными рассчитанной гармонии, не только не ослабевают, но, сжатые, производят впечатление тугой пружины. Эстетическое наслаждение, получаемое от этих стихов даже тогда, когда они не красочны и не воздушны, а выполнены, словно гравюра, сухой иглой,

объясняется парадоксальным сочетанием воли и чувства, дисциплины рассудка и раскованности чувств.

Стихи действовали тем безошибочнее, чем рассчитаннее была их сила. Можно сказать и по-другому: поэтическая сила была в целенаправленности и «ударности» их тщательно взвешенного заряда.

Подобно тому как в «Пятистопных ямбах», являющихся сердцем «Колчана», по-акмеистически равномерно охвачены разные стороны бытия, так и во всей книге жизнь предстает перед нами в самых различных ликах — от войны до тяги к мирному, чуть ли не монашескому уединению.

Надо отметить, что в этом сборнике, составленном из стихотворений на редкость сильных, «военная» лирика оказалась, по сравнению со всеми другими, наименее выразительной и художественно наименее совершенной и убедительной. В ней много громких, патетических слов, но, как ни странно, мало тех зримых, реалистически точных деталей, которые именно в «Колчане» столь характерны для Гумилева.

Критики, в частности Б. М. Эйхенбаум, отмечали, говоря о военных стихах Гумилева, что «чувство меры вообще не свойственно его поэзии», стиль его «как-то расшатался», особенно он «неудержим в своем тяготении к большим словам (...) с такими словами надо быть осторожнее (...)». Оттого он иногда бессилен в эпитетах: право, слишком мало назвать Русь «таинственной» и слишком вычурно — «волшебницей суровой». Русь пока не дается Гумилеву, «чужое небо» было ему свойственной.¹ Но, спрашивал критик, «не знаменательно ли само стремление поэта показать войну как мистику духа?»² По-видимому, ложная идея, положенная в основание стихов, прославляющих войну, и предопределила их громкую и достаточно безжизненную риторику.³

Стихи, составившие «Колчан», писались в разное время, в том числе и в предвоенное (стихотворение, посвященное Анненскому, было создано в 1911 году, значительная часть других — в 1912 и 1913 годах). Это говорит о том, что серьезная эволюция в мироощущении, результатом которой и явился «Колчан», началась уже тогда, когда лишь создавались акмеистические «манифесты». Лирика «Колчана» во многом им противоречит, что лишний раз свидетельствует, на-

¹ Эйхенбаум Б. Новые стихи Н. Гумилева («Колчан», Пг., 1916) // «Рус. мысль». 1916, № 2. С. 18.

² Там же.

³ Впрочем, В. Жирмунский высоко оценивал как раз «риторическое великолепие пышных слов» в «Колчане», находя, однако, что поэт «стал скупее и разборчивее в выборе» их. Он положительно отзывался о военных стихах Гумилева и Ахматовой, отражающих «войну в душе «оставшихся», в женской душе, — это лучшее и самое значительное, что создала до сих пор в русской поэзии мировая война» (Жирмунский В. Преодолевшие символизм // «Рус. мысль». 1916, № 12. С. 51, 52).

сколько подчас бывают далеки «программы» и «манифесты» от реальной практики самих идеологов. Не только «Фра Беато Анджелико», но и все другие (в особенности итальянские) стихи исполнены внутренней душевной сосредоточенности, самоуглубленности. Радость перед красотой и великолепием жизни проникнута у Гумилева острым чувством грусти перед ее быстротечностью, перед безжалостностью смерти, равно беспощадной как к великим сего мира, так и к ничтожнейшим из них.

Всё проходит, как тень...

(«Пиза»)

Мотив бренности всего сущего — мимолетности радости, счастья, красоты — отныне уже не уйдет из лирики Гумилева. Что было тому причиной? Развалины итальянских античных зданий, или война, или крушение любви? Скорее, все вместе, но, главное, быстро наступавшая зрелость — поэтическая и душевная, а вместе с нею умудренность, редко существующая без печали.

Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь...

И ты, о нежная, чье имя — пенье,

Чье тело — музыка, и ты идешь

На беспощадное исчезновенье.

(«Канцоны»)

Хотя мотиву бренности, а значит, и сопутствующей ему печали предстояло все углубляться и даже расширяться, однако даже и тогда, когда он звучал с солирующей и резкой силой, он все же не пресекал лирического дыхания поэта безнадежным или, тем более, унылым вздохом. Правда, лирика порою (не в «Колчане», а позже — в «Огненном столпе»), поднимаясь до трагедийности, никогда не делалась пессимистичной. Гумилев был поэтом, по его же словам, «с сердцем, открытым для жизни бездомной» («Видение»). Велика, остра и ненасытно чувственна была его страсть к яркому, звучащему и красочному миру.

Мало того, что зрение его стиха было цветным и стереоскопичным, многогранным, как у стрекозы, умеющей видеть впереди, позади и сбоку, — оно еще было на редкость жадным, цепким и ненасытно восприимчивым ко всем проявлениям жизни. Неизбежность рокового исчезновения и печальное понимание кратковременности всего и вся лишь усиливало в его глазах величайшую ценность ныне живущего и уже исчезнувшего, но оставившего, однако, свой след — в виде руин храма, обломка эпоса или живописного полотна средневекового художника. Все итальянские стихи («Болонья», «Неаполь», «Падуанский собор», «Средневековье», «Рим», «Пиза», «Персей» и др.), а они

составляют важную часть «Колчана», стихи отчетливые, словно миниатюры голландских мастеров, пронизывает смешанное с печалью прославление жизни, запечатленной человеческим гением в архитектуре, фресках, в древних фолиантах, торжественных псалмах и в музыке органа, бунтующей, будто кровь, «в гранитных венах сумрачных церквей». Прошлое для Гумилева всегда и неизменно живо — по сути дела, оно, в его сознании и поэтическом воображении, вообще неумираемо. Огромную, торжественную и почти божественную по своей воскрешающей мощи роль играет, в его понимании, Искусство. Оно способно не только продлить, но и бесконечно возобновлять для новых поколений все промелькнувшие миги жизни, к каким бы ни прикоснулось. И среди искусств — наиглавнейшее: Слово.

Для путешественника и добровольного скитальца Гумилева многокрасочные впечатления от старинных и древних городов Европы, Африки, Малой Азии значили очень многое — он ими жил, дышал, питал ими свое воображение и мысль. Они, в частности, привнесли в его сознание убеждение, ставшее затем философским средоточием всей его поздней лирики: в огромности и безграничности мира — безмерности не только территориальной, но и временной, растянувшейся на сотни и тысячи лет. Все чаще и чаще, от стихотворения к стихотворению, он стал ощущать время как нечто безусловно единое, где прошлое и настоящее сквозят, переплетаются и сосуществуют в сегодняшнем летучем миге. Развалины Междуречья, к которым он прикасался собственными руками как этнограф и археолог, и каменные строки вавилонского эпоса, римский Колизей, освещенный сегодняшней луною, зыбкая в своем водном блеске, почти нереальная в прозрачных ночных тенях Венеция — все это не только вошло в стихи, но и вновь затрепетало, ожило, задвигалось, зазвучало благодаря поэтическому слову, давшему им свое мерное стиховое дыхание.

Мысль о сосуществовании времен, наплывающих друг на друга живыми волнами, в которые можно войти, словно в сегодняшнее море, родилась именно в «Колчане», а потом нашла свое блистательное и последнее завершение в «Заблудившемся трамвае» (опубликован в 1921-м).

Все это яркокрасочное и разновременное многообразие вошло в его стихи, переплавилось в слова, ожило в ритме, запульсировало в виде на редкость четких деталей, взятых с натуры острым карандашом искусного рисовальщика, или граверной иглой, или тончайшей акварельной кисточкой, но ни один пейзаж вместе с тем не «фотографичен»: при всей их четкой достоверности, они все как бы дрожат и струятся в окутывающем их знойном воздухе летней Италии или в ее вечерней прохладе, влажно поднимающейся от воды лагун и каналов, от позеленевших стен дворцов, из каменных ниш со стоящими в них статуями святых.

С точки зрения внешней изобразительности и фактуры эти стихи кажутся эталоном акмеизма: предметная материальность мира выступила в них в высшей точке своих поэтических возможностей, но по своему внутреннему смыслу, по человечности и грусти, бесконечно далекой от внешней победительности, а тем более от «примитивизма» и «адамизма», они стоят уже в заметном отдалении от акменстических установок.

Но помимо четкой реалистичности, тождественности слова изображаемому, на которых всегда настаивали акмеисты и в чем Гумилев был непоколебим, он остался верен воинствующей и столь же неколебимой асоциальности. Поэтому в его стихах (не только в «Колчане», но и позже) не проявленными открыто и определенно остаются его социальные симпатии и антипатии. Вечность в сознании Гумилева как бы уравнивает всех и вся:

Ах, и мукам счет и усладам
Не веками ведут — годами!
Гибеллины и гвельфы рядом
Задремали в гробах с гербами.
(«Пиза»)

Огонь мятежа, свободы, бунта никогда не горел в поэзии акмеистов, не зажегся он ни разу и в лирике Гумилева. Его Парус, если воспринимать его в лермонтовском смысле, был отважен в борьбе с морскими стихиями, но никогда не был мятежным. Столь традиционные для русской поэзии свободолюбивые мотивы были его стихам совершенно чужды. Но дух авантюры, риска, путешествий и вообще постоянного порывания в даль — особенно в морскую и экзотическую — был ему свойствен в высшей степени. Любая оседлость, тем более связанная с бытом, налаженным домом, обиходом, устойчивыми связями, казалось, грозила ему удушьем и гибелью. Заманчиво-неизвестный, таящийся за горизонтом мир властно, неодолимо и постоянно влек поэта к себе, словно на нем лежало какое-то заклатье вечного скитальчества.

«Никогда не вернусь обратно...» — заключает он одно из своих стихотворений, и строка эта поистине могла бы стать его девизом.

Ему постоянно мерещилась некая золотая страна, где он еще не был, а во всей музыке мира, которой всегда так жадно был открыт его слух, он постоянно различал «зов ветра», долетавший к нему из некоей «страны счастливой» («Канцоны», 1), ожидавшей именно его уже сотни и тысячи томительно протекавших лет. Однако нигде не находит он постоянной пристани: «Ведь есть же мир лучезарней...» («Какая странная нега...»). У него не нашлось сколько-нибудь постоянных и глубоких тем, связанных с собственной родиной, — с отчей землей и домом, таких стихов у него очень мало, и они сильно проигры-

вают, как в изобразительности, так и в лиризме, по сравнению с «заморскими».

Впрочем, встречаются у него слова о «дикой прелести степных раздолий» и «тихом таинстве лесной глуши» («Солнце духа»), навеянные, безусловно, русскими пейзажами, а в одном из стихотворений (возможно, не без умысла помещенном в том же «Колчане» среди итальянских пейзажных произведений) звучат строки, которые часто цитировались как доказательство его патриотического настроения:

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

(«Наступление»)

Бродяга и путешественник — по странам и временам, континентам и эпохам, — он прославлял в стихах скитальца морей Синдбада, скитальца любви Дон Жуана и скитальца вселенной Вечного Жида. Эти три имени могли бы войти в геральдику его поэзии.

Одна из наиболее крупных поэм, печатавшаяся еще в журнале «Аполлон» (1910) и в «Чужом небе» (1912), по смыслу скорее сопутствующая «Колчану», посвящена Колумбу — «Открытие Америки». Помимо романтики странствий, динамичных и выразительных картин морского перехода, колоритных фигур мореходов и самого Колумба она интересна прежде всего страстным утверждением верности призванию. В Колумбе, преодолевающим все преграды и мучения, на которые он добровольно обрек себя ради обретения неведомой, а может быть, и несуществующей страны, то есть ради Мечты, Гумилев увидел родственную себе натуру. По внутреннему содержанию это не столько поэма о реальном Колумбе, сколько о природе себя самого, и в этом смысле она лирико-автобиографична. Между стихами «Колчана» и поэмой «Открытие Америки», хронологически разделенными, существует, однако, прямая, только выразившаяся в иной форме связь. Впрочем, такая связь, почти всегда более или менее очевидная, намечается и с другими поэмами, и с драматическими произведениями Гумилева. Например, маленькая поэма «Блудный сын», напечатанная еще в «Чужом небе», в сущности характеризует самого автора. В ней речь идет о всевластии призвания, которое в поэме совершенно синонимично судьбе или, точнее сказать, року.

Гумилев был поэтом, в высшей степени ощущавшим свое предназначение, и никогда не пытался сойти с предначертанного ему судьбою пути. Идея беззаветного служения Искусству — одна из наиболее важных в его мирозерцании. Точно так же относился он и к другой Музе, полностью им владевшей, — Музе Дальних Странствий: он был ее преданным вассалом и рыцарем. Неодолимый зов пространства, живший в его крови, заставлявший его беспрестанно и настойчиво,

бросая все, уходить, подобно Блудному сыну, из дому в поисках некоей обетованной страны, неизведанной и новой,— этот зов пронизывает всю его поэзию, а также драматургию и прозу. Идея служения Искусству и Музе Дальних Странствий определяет и сказку «Дитя Аллаха» с образом поэта Гафиза в центре, и маленькую изящную безделку «Игра» (1913), где мы видим столь характерный для Гумилева образ «мечтателя и воина», и одноактную пьеску «Дон Жуан в Египте» (1911), и большую поэму «Гондла» — о сыне ирландского скальда и поэта, и, наконец, трагедию «Отравленная туника» (1918), написанную с полным соблюдением классицистических трех единств.

Драматургия Гумилева, являющаяся отдельной частью его творчества, заслуживает особого и специального внимания, тем более что к пьесам или к драматическим поэмам он обращался на протяжении почти всей своей деятельности. Но если характеризовать его драматургию кратко и в самых общих чертах, то можно сказать, что она является по сути драматизированной лирикой. Это — театр поэта, имеющий (особенно в «Гондле» и в «Отравленной тунике») немало сходного как с блоковским театром (прежде всего «Роза и Крест»), так и с цветаевским (прежде всего «Метель»). Их персонажи, при всей индивидуальности, все же отличаются заметной условностью, во всяком случае укрупненностью и даже гипертрофированностью своих черт, они действуют в странах хотя и носящих реальные названия (Египет, Исландия), но вымышленных и потому тоже достаточно условных. Даже тогда, когда страна и время действия, хотя бы и приблизительно, обозначены (Исландия XI века в «Гондле», Византия 533—534 годов в «Отравленной тунике»), говорить об историзме Гумилева как драматурга нельзя, так как и его персонажи, и его страны являются в большей степени лирическими идеями и в гораздо меньшей степени собственно персонажами или странами. По-видимому, Гумилеву временами становилось тесно в рамках лирического исповедания или даже лирической «объективации» (тоже ему, как мы уже видели, свойственной) и он прибегал к драме как к средству добиться полифонизма, которого ему, при свойствах его лирического дарования, ни лирика, ни даже поэма не давали. Не забудем кроме того, что Гумилев и в лирику-то свою («Путь конквистадоров», «Романтические цветы») вступил в «маске», то есть начал ее с театрального действа.

Внешним выражением такой театральности и в лирике, и в драматургии, и в прозе¹ было постоянное тяготение к яркой экзотично-

¹ Помимо цикла рассказов, собранных в книге «Тень от пальмы», Гумилеву принадлежат также рассказы «Гибели обреченные» («Сириус». 1907, № 1), «Черный генерал» («Сполохи», Берлин, 1922, № 10), фронтовые очерки «Записки кавалериста» («Биржевые ведомости», 1915—1916), повесть «Веселые братья» (впервые в кн.: Незданный Гумилев. Нью-Йорк, 1952).

сти, пестрой декоративности и как бы оперности всего внутреннего убранства произведений, а также нередко подчеркнутая «классицистическая» интонация авторских лирических монологов и исповедей, всегда несколько приподнятых над повседневной жизнью. Неукоснительно симметричная, выверенная форма стихов, их торжественность, чеканность, строгая парадность их «кордебалетных» разворотов внутри строфы, выдержанность общего мелодического тона, не знающего ритмических капризов и позволяющего себе лишь необходимые перебивы дыхания с помощью учтенных и тщательно взвешенных пеонических удлинений или «сглатываний», — все это пришло к Гумилеву тоже от театра с его «искренней» декламацией, а порой и совершенно искренними, в увлечении игрою, слезами, неожиданно прорезывающими бороздки на загримированном и дисциплинированном лице. Каким-то неисповедимыми путями многое в театральности Гумилева пришло даже не от современного ему театра и даже не от символистских драм, скажем, Метерлинка и «норвежцев», а от театра Корнеля и Расина, от бессмертного «Сиды» и великой «Федры», восторженно воспетой, кстати, его собратом по акмеизму Мандельштамом. Что касается античных мотивов в драматургии Гумилева, также имеющих отношение к «классицистической» поэтике его произведений, то, помимо разных иных влияний, необходимо учитывать и бесспорное и, по-видимому, первостепенное воздействие Иннокентия Анненского. В самом прямом виде такое влияние сказалось в перекличке «античной» пьесы Гумилева «Актеон» (опубликована в 1913-м) с трагедией И. Анненского «Фамира-кифарэд» (1906, опубликована в 1913-м).

Вернемся, однако, к годам первой мировой войны. Как уже было сказано, Гумилев, за исключением отпуска в 1916 году, проведенного в Петрограде,¹ постоянно находился в действующей армии. Судя по «Запискам кавалериста», в которых он освещал весьма последовательно ход событий, а также по другим данным, уланский, а затем гусарский полки, где находился поэт, участвовали во многих боях и длительных переходах, почти не дававших возможности для литературной работы. Однако она постоянно шла, так что в течение 1915—1917 годов Гумилев написал достаточно стихов, чтобы в 1918 году составить из них новую книгу, названную им «Костер». Стихи «Костра» не стали фактом литературной жизни тех лет, но представление о творческой эволюции Гумилева они дают вполне ясное: «Костер» — лирическая хроника душевной жизни поэта за три военных года. Хотя слово «хроника» не совсем подходит для поэзии Гумилева, тем более что даты написания его стихов, вошедших в «Костер», в

¹ Отпуск был предоставлен для сдачи экзамена на офицерский чин, которого Гумилев не выдержал, получив чин позднее, уже на фронте.

большинстве своем предположительны, все же можно с некоторыми допущениями говорить о дневниковом характере небольшой книжки.

В литературной жизни Петрограда Гумилев практически не принимал никакого участия. Деятельность «Цеха поэтов» фактически прекратилась. За это время поэты, составлявшие ядро группы, оформились в крупных мастеров, чьи произведения (в особенности Ахматовой, Мандельштама) не укладывались в рамки акмеистической школы, хотя их поэтика сохраняла в некоторых чертах известную общность, например психологическую реалистичность, конкретную деталь, внимание к традициям и ту строгость четких и гармонических форм, которую современники (В. Жирмунский, Б. Эйхенбаум, Н. Оцуп, Н. Недоброво и др.) склонны были называть (взамен «акмеизма») неореализмом или неоклассицизмом. Вообще самый термин «акмеизм», как не обнимающий всего литературного явления, именно в это время претерпел заметную инфляцию, окончательно выявленную позднее в знаменитой статье Блока «Без божества, без вдохновенья» (написана в апреле 1921, впервые опубликована в 1925).

Характерно, что эволюция самого Гумилева в годы 1915—1917 совершалась в сторону, очень заметно отдалявшую его от «манифестационного» акмеизма. Названная выше книга «Костер» интересна, помимо отхода ее автора от акмеистских догм, появлением «русской темы», почти неожиданным (по словам Блока, в стихах Гумилева «было что-то холодное и иностранное»)¹.

Он пишет проникновенно-лирические стихи о русском детстве, сохранившемся в его памяти нежным воспоминанием, о русской багряно-рябиновой осени, о провинциальном городке «над широкою рекой, пояском-мостом перетянутой», о ледоходе на Неве и о творениях Андрея Рублева... В стихотворении «Мужик» сквозит горестное недоумение перед темной силой, вытолкнувшей в российскую историю злоеущую фигуру Григория Распутина.

Но все же и в «Костре», несмотря на прорвавшуюся русскую тему, он оставался рыцарем Музы Дальних Странствий и продолжал искать свою подлинную — духовную — родину всюду, лишь изредка останавливаясь на мысли, что она может находиться именно в России.

Ты можешь выбирать между Невой и Нилом,—

(«Разговор»)

размышлял он в стихотворении, представляющем воображаемую беседу со своим внутренним голосом, и надо сказать, что голос звал его все же к Нилу, а не к Неве.

¹ Блок А. «Без божества, без вдохновенья»: (Цех акмеистов) // Собр. соч.: В 8-ми т. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 181.

В стихотворении «Стокгольм» взоры автора, ищущего и алчущего неведомой родины, постоянно исчезающей за горизонтами времен и пространств, словно мираж в пустыне, обращаются к Швеции:

Зачем он мне снился, смятенный, нестройный,
Рожденный из глуби не наших времен,
Тот сон о Стокгольме, такой беспокойный,
Такой уж почти и не радостный сон...

...«О боже, — вскричал я в тревоге, — что, если
Страна эта — истинно родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,
В зеленой и солнечной этой стране?»

И понял, что я заблудился навеки
В слепых переходах пространств и времен.
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен.

В «Костре», как и в других стихах, сопутствовавших этой книге и создававшихся в канун величайшего из социальных переворотов, нет и намек на круто вздымавшуюся волну революции.

Об отношении Гумилева к событиям, происходившим накануне и сразу после Февральской революции (в октябре 1917 года его не было в России), можно судить, из-за отсутствия документальных данных (писем, дневников, записных книжек и т. д.), лишь косвенно: так, он попросил командование о переводе его в заграничные русские экспедиционные части. Мечтою Гумилева стало оказаться на салоникском фронте, ближе к южным экзотическим странам. Через Скандинавию и Лондон он сначала попал в Париж, где был вынужден в течение примерно полугода заниматься военно-канцелярской работой.

Париж оставил в его творчестве след в виде большого цикла стихов, вышедшего уже посмертно (1923) книгой «К синей звезде». То были стихи, по словам поэта, «„о любви несчастной Гумилева В год четвертый мировой войны“». Любовь Гумилева к Елене Д. была, по-видимому, продолжением его знакомства с этой девушкой (полу-француженкой - полурусской), состоявшегося еще в Петрограде 1916 года. Любовь не была взаимной — Елена Д., выйдя замуж за американца, уехала в Соединенные Штаты («Зачем Колумб Америку открыл?!»). Книга «К синей звезде» (так она названа составителями по обращению поэта к любимой) в целом не производит сильного впечатления. В ней немало произведений, к которым поэт, если бы сам составлял и издавал эту книгу, несомненно еще вернулся бы, устранив несколько дешевый альбомный привкус, довольно точно переданный его же словами, начинающими одно из стихотворений:

Однако именно к парижскому периоду относятся и такие шедевры «поздней» любовной и философской лирики Гумилева, как например «Эзбеки», «На путях зеленых и земных...», «Сон», «Я и вы», «Неизгладимый, нет, в моей судьбе...» и др.

В самом начале 1918 года Гумилев по невыясненным мотивам переехал в Лондон, надеясь, по-видимому, используя связи, оказаться в Месопотамии. Из этой романтической затеи, однако, ничего не получилось. Кроме того, Россия к тому времени уже вышла из войны, а западные государства начали интервенцию. В апреле 1918 года Гумилев через Скандинавию возвращается в Петроград.

В том же году состоялся его развод с Анной Ахматовой. Гумилев женился на Анне Николаевне Энгельгардт. Петроградская, заключительная, полоса его жизни оказалась, при всей ее непродолжительности (всего три года), чрезвычайно интенсивной — и в творческом, и в литературно-практическом смысле. Он с головой уходит в литературную жизнь тех лет.

Максим Горький, высоко ценя Гумилева как первоклассного переводчика и поэта большой культуры и эрудиции, привлек его к организованному им издательству «Всемирная литература». Вместе с Блоком и Лозинским Гумилев стал одним из редакторов поэтической серии. Под его редакцией и в его переводе была выпущена «Поэма о старом моряке» С. Кольриджа, «Баллады» Роберта Саути, «Баллады о Робин Гуде» (с предисловием Горького), перевод вавилонского эпоса о Гильгамеше, книга «китайских стихов» «Фарфоровый павильон», перевел он и гейневскую поэму «Атта Троль» (перевод опубликован в 1931 году). Вместе с К. Чуковским и Ф. Батюшковым он работал также над книгой по теории перевода. Вообще теоретические проблемы, касавшиеся как перевода, так и собственно поэтики, интересовали его постоянно. Он собирался написать специальную большую работу, посвященную поэтике и стилистике, и частично приступил к ее осуществлению. Многочисленные небольшие статьи и рецензии, которые он на протяжении нескольких лет регулярно печатал в «Аполлоне», говорят о глубине и своеобразии его теоретического мышления, безупречности вкуса, точности многих сбывшихся прогнозов, о тонкости и концептуальности анализов, никогда не сбывавшихся на разрозненные вкусовые оценки; ему свойственны пунктуальность в указаниях на недостатки и неизменная доброжелательность к подлинно талантливым авторам, к какому бы направлению они ни принадлежали. В определенном смысле в этих выступлениях ощутима школа Брюсова-критика. В них разбросаны мысли, которые, если бы Гумилев успел осуществить замысел своей «Поэтики», вошли бы в нее в качестве важнейших.

Деятельность Гумилева в 1918—1921 годах в Петрограде была не только плодотворной, но и разнообразной. Помимо создания многочисленных переводов, а также активной работы в издательстве «Всемирная литература», он выступает с лекциями в самых различных аудиториях — в том числе перед моряками и красноармейцами. Сохранились свидетельства, что он прочитал (в Институте истории искусств) четыре лекции о Блоке; на последней присутствовал сам поэт, с интересом выслушавший суждения о «Двенадцати», в частности критическое замечание Гумилева по поводу образа Христа, заключающего поэму.¹ Отношения между Блоком и Гумилевым, которых разделяли принципиальные расхождения, никогда не были близкими, однако в годы совместной работы в издательстве «Всемирная литература» их творческое общение было взаимно заинтересованным и невраждебным. Работал Гумилев и во Всероссийском Союзе поэтов, руководил поэтической студией «Звучащая раковина». Среди тогдашних молодых писателей, сплоченных Горьким в своеобразную «коммуну» при Доме искусств, Гумилев пользовался бесспорным и очень высоким авторитетом. Это было время очевидного расцвета гумилевского таланта.

Гумилев возродил заглухший за годы его отсутствия «Цех поэтов». Правда, реставрированный «Цех» уже не имел прежнего значения, представляя собой, скорее, поэтическую студию, наподобие возникшей тогда же группы «Серапионовы братья». Вс. Рождественский, бывший в ту пору «подмастерьем», красочно описал быт «Цеха поэтов» периода гражданской войны в автобиографической книге «Страницы памяти». Значение гумилевской группы в тогдашней петроградской литературной жизни было невелико, однако она играла роль высокопрофессионального культурного очага. На заседаниях «Цеха» проходили читки и обстоятельные разборки произведений, обмен мнениями, завязывались дискуссии и творческие дружбы. Вс. Рождественский навсегда, до глубокой старости, сохранил благодарную память за полученную им профессиональную выучку. Его друг Николай Тихонов, не входивший в «Цех», но живший в той же «коммуне» в одной комнате с Вс. Рождественским, хорошо знал поэзию Гумилева, высоко ценил его баллады, жизнелюбивый, упругий напор его красочной поэзии.

Последней прижизненной книгой, подготовленной Гумилевым, однако вышедшей уже после его гибели в августе 1921 года, был «Огненный столп». Поэт включил в нее не все из своих произведений, написанных в 1918—1921 годах. Как уже говорилось, стихи об Африке

¹ См.: Чуковский К. Александр Блок как человек и поэт: (Введение в поэзию Блока). П., 1924. С. 27—28; Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 465. Запись от 4 июля 1919 года.

он обособил в одностопной книге «Шатер». Стихи эти в принципе мало добавляют к нашим представлениям о поэте, доказывая лишь, что удивительная в своем постоянстве сила любви к экзотическому континенту выразилась во весь размах его зрелого таланта.

«Огненный столп» по праву считается вершинным достижением Гумилева как поэта. Это книга глубоких и в поэтическом отношении совершенных стихов, достойных занять высокое и почетное место в истории нашей поэзии.

«Огненный столп», наряду с окружающими и не вошедшими в него стихами,¹ а также и с отдельными произведениями из «Шатра», свидетельствует не только о высоте поэтического искусства, но и о своеобразии миропонимания поэта, о сложившейся внутри его поэтической системы лирико-философской концепции бытия. Можно сказать, что «Огненный столп» — это книга по преимуществу философской лирики, весьма своеобразного смысла и облика.

Самое поразительное в «Огненном столпе», как и в других стихах того времени, — это полнейшая и потому чуть ли не обескураживающая лирическая открытость Гумилева. Ничего от прежней «маски»! Никогда прежде его поэтическое слово так не трепетало, не задыхалось, не отчаивалось.

Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла?

...И всё ж навеки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить!

(«Заблудившийся трамвай»)

Исчезли декорации, риторика, ходульность, актерство и экзотические красоты. Недаром всю «экзотику» Гумилев убрал в «Шатер» — как нечто отдельное, то есть существующее не здесь и не сейчас, а прежде и за морями.

Просветленное мудростью и страданием поэтическое слово в «Огненном столпе» не боится быть простым, а то и совершенно нагим — без одежд и украшений. Гумилев славит в этой книге самое простое и извечное — землю, воздух, хлеб и любовь. Он склонен теперь смотреть на землю иными глазами: не взором «конквистадора», а с грустью

¹ Часть из них была впервые опубликована вскоре после выхода «Огненного столпа» в кн.: Г у м и л е в Н. Стихотворения. Посмертный сборник. П., 1922; 2-е изд., доп., П., 1923.

и печалью сердца, узревшего тщету и прелесть земного существования. В его поздней лирике (так приходится ее называть, хотя поэту, когда он погиб, было всего лишь 35 лет) печаль и радость, восторг и слезы словно перемешаны в одном кубке.

Все чаще и охотнее, настойчивее и разнообразнее (возможно, не без влияния восточных мифологических представлений и буддизма) он обращался к мысли о жизни как великой, прекрасной и вечной метаморфозе. Принципиальное в этом отношении стихотворение «Заблудившийся трамвай» наиболее наглядно и четко выразило мысль о единовременном существовании в душе человека (в его «прапамяти») разных времен и пространств. Необыкновенный трамвай несется через Неву, Сену и Нил, а затем — в «Индию Духа», на его пути встречаются люди разных времен и рас.

В «Поэме начала» («Дракон») перед нами предстает зыблущийся новорожденный мир и прорисовываются смутные очертания древней космогонии. По-видимому, именно в этот период, то есть уже в конце своей жизни, Гумилев вплотную подходил к лироэпосу особого склада — его интересует человеческая жизнь как уникальное проявление планетарной эволюции. Он пишет о Земле как о звезде и о человеке как зыблущемся и еще далеко не совершенном разуме. Своеобразный космический взгляд на мир, попытки создать особый эпос, где дана была бы «биография» Земли, а может быть, и Вселенной, — это, пожалуй, самая отличительная черта позднего творчества Гумилева, неожиданно сближающая его с исканиями в этой же области Хлебникова, которого он высоко ценил за начатки разрозненного эпоса и за попытки через корни слов проникнуть в тайны жизни, истории и собственной нации.

Нарастающая «космичность» взгляда и мироощущения, столь зримо проявляющаяся в стихах «Огненного столпа», в «Поэме начала», в удивительной по своей пророческой силе маленькой поэме «Звездный ужас», как ни странно, была родственна некоторым исканиям тогдашней молодой советской поэзии. Конечно, «космизм» «Кузницы» или Пролеткульта был, по сравнению с глубокими философскими поисками Гумилева, достаточно элементарным, но характерные и симптоматичные точки соприкосновения между ними нельзя игнорировать. Колоссальное, революционное переустройство мира, начавшееся с Октябрем, походило на создание новой вселенной: на глазах людей действительно рождался новый мир. Гумилев был, как известно, далек от понимания смысла происходивших на его глазах политических и социальных событий, но гигантские тектонические сдвиги, потрясшие мир и человечество, тревожили его поэтическое сознание, входили в стих и слово, укрупняли их, придавали им новый ритм. Как поэт, он подошел к крупнейшему и решающему рубежу. Сейчас трудно судить, какими конкретными путями пошла бы его поэзия, но все же можно

догадываться, что в его творчестве, по-видимому, продолжало бы усиливаться собственно философское начало: его стали интересовать и волновать кардинальнейшие проблемы жизни, он искал универсальных связей, соединяющих человечество и мир в единое разумное и вечное целое. «Поэма начала» — наиболее «космогоничное» из его произведений — должна была реализоваться в «двенадцати больших книгах»: это должен был быть своеобразный широкий эпос, может быть, равный по своему размаху древнейшим эпическим сказаниям. Гумилев осуществил лишь первую книгу и начало второй, но и то, что им сделано, поражает великолепием и монументальностью. Иссякает власть Дракона, царствовавшего над миром в течение неисчислимых тысячелетий. Напряженный человеческий разум и воля человека вступают в схватку с этим олицетворением мирового зла. Трагедийная — какая-то органно-хоральная — музыка, пронизывающая «Поэму начала», насыщена внутренним, солнечным жизнеутверждением. Каждый поэт приходит к пониманию мира по-своему. У Гумилева такое познание и понимание началось со странных и поначалу непонятных для него самых поисков некоей подлинной — духовной, извечной — родины. При всем обилии впечатлений, которые давали путешествия, и чувстве радости, переполнявшей его сердце, когда он видел новые земли, его в то же время мучило странное беспокойство: оно проистекало оттого, что жажда оказывалась постоянно неутоленной, словно некий рок, трагический и всевластный, гнал и гнал его по планете, не давая остановиться. Самое радостное и счастливое ощущение для Гумилева, ради которого он, кажется, мог бы пожертвовать всем, — это вид удаляющейся гавани, когда полоска воды становится все шире и шире.

И вот опять восторг и горе,
Опять, как прежде, как всегда,
Седой гривой машет море,
Встают пустыни, города...

(«Память»)

Словно избранный прихотливой судьбою для скитальчества, он только в пути, в море, в горах, в пустынях и на краю гибели чувствовал себя полностью счастливым; только ветер в лицо давал ему возможность полнокровно и свободно жить, дышать и писать стихи. Даже любовь к женщине не шла в сравнение с божественным и единственным ветром странствий — он давал ему острейшее чувственное наслаждение, будил мысль, делал стремительнее бег крови и строки. Ветер как символ движения олицетворял в его поэтическом сознании начало и происхождение всего сущего — разве мир не произошел из ветрового, грозового сгушения космических вихревых потоков? Ве-

тер — движение — в основе его своеобразной поэтической космогонии. Можно подумать, что природа поставила своей целью создать — в образе поэта Гумилева — странное существо, живущее только силою планетного вращения, энергией гравитационного поля, вне которого он был просто бездыханен. Самый его стих звучал естественно и легко лишь от силы ветра и ритмических колебаний моря и суши.

Его раннее «конквистадорство», если взглянуть на него, зная весь путь Гумилева, и в особенности с вершины «Огненного столпа», лишь отчасти было полудетской игрой, не знавшей очень долго своей истинной причины. На самом деле оно было явлением очень внутренним и серьезным: его «маска» и всякие «изысканные жирафы» являлись не симптомами обычной литературной «кори», как думали тогда многие (и даже Брюсов), а выражением высокого, не осознававшего себя поэтического «недуга».

В стихотворении «Шестое чувство» Гумилев писал, с какою мукою выбирается из «тварной» земноводно-растительной, плотской оболочки земного существа духовное начало, заложенное в человеке всего лишь как потенция, как искра, которая, разгораясь, жжет и мучит темную внутренность человеческого «естества».

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья,—

Так век за веком — скоро ли, господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

Иногда это стихотворение понимают узко — как мечту поэта о торжестве чувства поэзии в мире, о владычестве красоты, коей, по Достоевскому, суждено спасти мир. Конечно, такой смысл тоже есть у Гумилева, но ассоциативный круг произведения все же значительно шире проблемы искусства или даже красоты. Стихотворение «Шестое чувство» стоит по существу в одном философском ряду с «Поэмой начала».

Борьба с первобытным чудищем, по мысли Гумилева, продолжается, невидная и неслышная, и в сознании современного человека. Поэт посвящает этой теме стихотворный триптих «Душа и тело».

Лирико-философская концепция Гумилева в «Огненном столпе» трагедийна — он не берется утверждать близкую или неизбежную победу «шестого чувства».

Но замечательно мужество, пронизывающее стихи Гумилева последнего периода. Если в юности его отвага была храбростью без-

рассудного и отчаянного «конквистадора», охотника и игрока, любящего риск ради риска и мало ценящего жизнь (как свою, так и чужую), то в стихах 1918—1921 годов мужество поэта просветлено каким-то пушкинским благодарением жизни — величайшему и божественному дару.

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которую дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?

(«Шестое чувство»)

К концу жизни автор «Огненного столпа» пришел к глубокой как озарение мысли: о великом родстве мира и слова, о том, что они — жизнь и искусство, «заря» и «стихи» — должны быть в творчестве художника нерасторжимы и сомкнуты. Тем не менее оставался в своей силе (применительно к Гумилеву) главнейший упрек Блока, высказанный им в уже упоминавшейся статье «Без божества, без вдохновенья», о социальной глухоте акмеизма. Правда, Блок вывел из этого ряда Ахматову, назвав ее «исключением»: ахматовскую инвективу «Мне горло было. Он звал утешно...» автор «Двенадцати», по свидетельству К. Чуковского, «заучил наизусть».¹ О поэзии Гумилева, однако, он имел основание сохранять свое прежнее мнение. Блоку, автору революционной поэмы и патетических «Скифов», стихи Гумилева, появлявшиеся в грозные годы революции, казались достаточно безучастными. Сложность и драматичность этого момента заключается, прежде всего, в том, что глубинная эволюция, едва наметившаяся тогда в творчестве Гумилева, была еще неотчетливой. Не забудем, что многие поздние стихи Гумилева, в том числе и «Огненный столп», появились в печати после смерти и Блока, и Гумилева.

Гумилев в последние годы своей жизни начал быстрое, почти рывком, восхождение к лирике и эпосу широкого философского и синтезирующего плана. Смерть оборвала это движение, не видное современникам, в самом начале, и мы, по сути дела, почти не имеем, так сказать, вполне завершенных и художественно очевидных результатов. «Огненный столп» — широкая разведка нового пути, который уже забрезжил в поэтическом сознании Гумилева. Известно, что он не расставался с Гомером и находил «Илиаду» и «Одиссею» произведениями

¹ Чуковский К. Александр Блок как человек и поэт. С. 34.

злободневными до публицистичности. Как знать, может быть, он пришел бы к осмыслению своей современности именно через эпос о человечестве?

В некоторых «поздних» стихах Гумилева, если их прочитать с точки зрения его общей эволюции, есть достаточно явные приметы отхода его и от духа, и, тем более, от буквы акмеизма. В стихотворении «Слово» он писал:

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Не выражает ли эта горькая сентенция разочарование в одном из важнейших догматов акмеизма, согласно которому именно «естеством», а не чем-либо иным надо ограничивать себя художнику?

Возможно, Гумилев понимал, что в угоду акмеистической односторонности долго платил слишком дорогую и страшную цену: он обкарнывал собственное искусство, приносил непомерную и ничем не возмещаемую дань догме самую плотью своей поэзии.

В «Молитве мастеров», состоящей из афористических двустий, навеянных персидской поэзией, есть у него и такое:

Лишь небу ведомы пределы наших сил,
Потомством взвесится, кто сколько утаил.

Можно лишь догадываться, сколько «утаила» акмеистическая схема и схема из разностороннего и глубокого дарования Гумилева, который постоянно и насильственно, вплоть до «Огненного столпа», сдерживал и умирал свои поэтические силы.

И, наконец, последнее. Нельзя не заметить, что творчество Гумилева было для молодой советской поэзии далеко не нейтрально. Оно вызывало и острый интерес, и подражания. И дело здесь не в том, что в глазах молодых поэтов, в том числе и революционно настроенных, Гумилев был «метр», у которого следовало учиться так называемой литературной технике, а, прежде всего, в заразительности и сильном эмоциональном воздействии самой его поэзии. В мужественном напоре его стихов, в их энергии, жизнелюбии и волевом начале было много неожиданно родственного мятежному, вихревому и мужественному времени гражданской войны и революции. Острая и четкая образность поэзии Гумилева, ее упругая ритмика, нарядность и солнечность словесной ткани, своеобразная «космичность» взгляда, ненасытная страсть автора к овладению пространствами, сушей, морями, небом, мужество духа, неустрашимость, презрение к смерти, культ дружбы и товарищества — сколько поистине привлекательных черт, соединен-

ных, словно в ослепительном фокусе, в одной поэтической личности! Привлекала, наконец, и сама широта познания мира — народов, племен, незнакомых стран, которые оказывались в стихах Гумилева живыми и выразительными. В его поэзии отдаленные материки как бы сближались посредством волшебной, но вполне реальной поэтической географии. И это тоже было близко людям, строившим новый мир и мечтавшим о солидарности трудового человечества. Его поэзия, попадая к современникам или же к следующим поколениям, то есть становясь наследством, корректировалась новыми потребностями: так всегда бывает с живым искусством — отсыхают отдельные ветви, но старые корни сохраняют и питают жизнеспособную поэтическую крону. Уже в первые годы после смерти Гумилева критики писали о воздействии его творчества на советскую поэзию двадцатых годов. При этом назывались самые различные имена — не только Н. Тихонов и Вс. Рождественский, но и М. Светлов, И. Сельвинский, В. Саянов, Н. Дементьев, А. Прокофьев, Б. Корнилов... Однако эта тема, как, впрочем, и многие другие, связанные с творчеством Гумилева, остается еще не разработанной.

Поэзия Гумилева — своеобразное и сильное художественное явление в истории нашей литературы. Его творческий путь, проходивший по одному из боковых русел модернистского искусства, драматичен и глубоко поучителен. Известно, что акмеизм как художественное течение, главой которого был Гумилев, обладал несомненными и своеобразно развившимися реалистическими потенциями. Однако «глухота» по отношению к социальной действительности в сильнейшей степени ограничивала возможности акмеизма. Его художественные достижения являются в большей степени внутрилитературными и даже «цеховыми», что, разумеется, не помешало им в свое время воздействовать на литературный процесс эпохи, а затем, будучи творчески освоенными, сказаться и в обогащении выразительных средств молодой советской поэзии. Драма Гумилева как художника заключалась в борении двух начал: реалистического, требовавшего правды в изображении жизни и социальной действительности, и — принципиального пренебрежения социальными проблемами. На это совершенно определенно и резко указал Блок: «Ему в голову не приходило, что никаких чисто «литературных» школ в России никогда не было, быть не могло и долго еще, надо надеяться, не будет...» Русская литература, продолжал автор «Двенадцати», «имеет свои традиции, (...) она тесно связана с общественностью, с философией, с публицистикой; короче говоря, Н. Гумилев пренебрег всем тем, что для русского дважды два — четыре».¹ В последние годы жизни Гумилева в его

¹ Блок А. «Без божества, без вдохновения» // Собр. соч. Т. 6. С. 177.

творчестве, как уже было сказано, началось необходимое для большого поэта движение к широкому философскому осмыслению мира, к попыткам уяснить современность в рамках и координатах всечеловеческой истории, стали прорастать и оформляться крупные фрагменты своеобразного философского эпоса. То был во многом новый и плодотворный, во всяком случае обнадеживающий, путь, о котором, однако, мы можем судить сегодня лишь приблизительно.

В стихотворении «Мои читатели», поэтическом *credo* автора, Гумилев писал:

Много их, сильных, злых и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда,
Верных нашей планете,
Сильной, веселой и злой,
Возят мои книги в седельной сумке,
Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.

Я не оскорбляю их неврастений,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многозначительными намеками
На содержимое выеденного яйца,
Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их: как не бояться,
Не бояться и делать, что надо.

...А когда придет их последний час,
Ровный, красный туман застелет взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю
И, представ перед ликом бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно его суда.

Поэзия Гумилева, приходящая сейчас к своим новым читателям, несомненно будет близка им этой страстной, всепоглощающей любовью поэта к нашей «сильной, веселой и злой планете», представшей в его стихах чудесно прекрасной, яркой и романтической. Его поэтический мир на редкость живописен, исполнен экспрессии, воли и жизнелюбия. Путешественник по экзотическим странам, он в своей поэзии любил пышное внутреннее и внешнее убранство, не боясь почти избы-

точной, едва ли не «барочной» словесной нарядности, что странным образом, но вполне органично и чисто по-гумилевски сочеталось у него с «классицистической» строгостью всего внутреннего чертежа стихотворения, с выверенностью, продуманностью и стройностью форм.

Страница, вписанная Гумилевым в историю нашей поэзии, надолго останется свежей и выразительной, а его драматический путь будет напоминать о нелегкой цене, какую вынужден заплатить художник за попытку жить лишь искусством и ради искусства, сознательно противопоставив себя и свою позицию миру социальных забот, страстей и тревог.

А. И. Павловский

Н. С. ГУМИЛЕВ

Первая четверть двадцатого века была наполнена крупными историческими событиями, и, как всегда, годы перемен и переломов породили много талантливых летописцев — поэтов, прозаиков, философов. Каждый из них в зависимости от убеждений, симпатий и антипатий, в зависимости от степени таланта стремился не только отразить, но и осмыслить происходящие события, думы и чаяния людей.

В годы, о которых мы говорим, жили активной литературной жизнью Лев Толстой (в первое десятилетие), Горький, Бунин, Куприн, Брюсов, Блок, Маяковский, Есенин, Мандельштам, Андрей Белый, Мережковский и многие другие видные писатели. Очень разные по своим политическим и творческим взглядам, они участвовали в общественной борьбе, создавали произведения, отражавшие жаркие схватки противоборствующих сил.

Именно в такую неоднородную литературную среду и вошел в начале века Николай Гумилев. Он был щедро одарен природой, обладал могучим и оригинальным талантом, но реализовать в полной мере свой талант ему не удалось. Несколько сборников стихов, которые он издал, свидетельствовали о непростом процессе формирования поэта и были лишь своеобразными подступами к тому взлету, который обещали его возможности.

Николай Степанович Гумилев родился 3(15) апреля 1886 года в семье корабельного врача в Кронштадте. Летние месяцы семья проводила в имении Березки в Рязанской губернии, где жил дед Гумилева. Николай был еще ребенком, когда отец вышел в отставку. Семья поселилась в Царском Селе, неподалеку от Петербурга.

Стихи Гумилев писать начал восьми лет от роду. Там же, в Царском Селе, Николай поступил в гимназию, но вскоре семья переехала в Тифлис, где Гумилев пошел в 4-й класс гимназии; ему было тогда 14 лет. Как свидетельствуют его соученики, юноша в ту пору, может быть, отдавая дань моде, а может быть, и всерьез, увлекался социализмом, читал Маркса, даже не просто читал, а пропагандировал его, что было с неудовольствием отмечено местными властями.

Именно в Тифлисе в сентябре 1902 года в газете «Тифлисский листок» было напечатано первое стихотворение поэта.

В 1903 году семья вернулась в Царское Село. Николай Гумилев поступил в 7-й класс царскосельской гимназии, директором которой был известный поэт Иннокентий Федорович Анненский (точнее, известность ожидала Анненского впереди, после выхода его, уже посмертного, сборника «Кипарисовый ларец»).

Учился Николай не особенно усердно, не любил математику и другие точные науки, зато всей душой отдавался поэзии. В последнем классе гимназии он выпустил первый сборник стихов, который назвал «Путь конквистадоров».

В нем Гумилев весь — в еще неопределенных, романтических мечтах.

Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.

И если нет полдневных слов звездам,
Тогда я сам мечту свою создам
И песней битв любовно зачарую.

К счастью для Гумилева, этот сборник был замечен Брюсовым — в журнале «Весы» он напечатал о нем рецензию. В ней были отмечены несамостоятельность первого опыта молодого поэта, повторение им давно пройденного, перепевы декадентских мотивов. Однако в статье Брюсова были и такие слова: «...в книге есть и несколько прекрасных стихов, действительно удачных образов. Предположим, что она только путь нового конквистадора и что его победы и завоевания впереди».¹ Эти слова окрылили Гумилева. Между метром и начинающим поэтом завязалась переписка.

В 1907 году Николай Гумилев уезжает в Париж для продолжения образования. В Сорбонне он слушает лекции по французской литературе.

Гумилев не окончил Сорбонны и, видимо, учился не прилежнее, чем в гимназии, полностью отдаваясь творческим увлечениям. В Париже он начал издавать небольшой литературный журнал под названием «Сириус». Авторами этого журнала были — он сам (под различными псевдонимами) и молодая поэтесса Анна Горенко, которую он знал еще по Царскому Селу. Этой молодой поэтессе позднее суждено было стать его женой, а нам узнать ее как прекрасного поэта Анну Ахматову. Кстати, Анна Ахматова, хотя и печаталась в «Сириусе», не очень-

¹ «Весы». 1905, № 11. С. 68.

то одобряла эту затею Гумилева и в письме к С. В. фон Штейну от 13 марта 1907 года писала: «Зачем Гумилев взялся за «Сириус». Это меня удивляет и приводит в необычайно веселое настроение. Сколько несчастиев наш Микола перенес, и все понапрасну! Вы заметили, что сотрудники почти все так же известны и почтенны, как я? Я думаю, что нашло на Гумилева затмение от Господа. Бывает!»¹

Как и следовало ожидать, литературное предприятие Гумилева не имело успеха, вышло всего три тоненьких номера журнала, и на этом его существование закончилось. Там же, в Париже, Гумилев выпустил в 1908 году вторую книгу своих стихов, «Романтические цветы». Но и эта книга не принесла ему большой славы. «Злые чары», «жемчужные цепи», «тайны мгновений», другие избитые стиховые «формулы» попеременно с образами фей, королей, куртизанок, римских консулов, императоров и прочая и прочая не могли увлечь серьезных читателей.

Не удовлетворяясь чтением и воображаемыми странствиями по экзотическим краям, в поисках радостей и «бездн», веселый и полный сил, Гумилев отправляется в свое первое путешествие по Африке, которая всегда была для него страной грез и приключений.

О своей давней мечте совершить такое путешествие Николай написал отцу и попросил денег, но отец считал это пустым занятием и не только не прислал денег, но и не дал своего благословения на подобную экстравагантность, добавив, что сначала надо закончить университет, а уж потом предпринимать такие поездки. Конечно, одержимый своей мечтой Николай не послушал увещаний отца и, сэкономив из тех денег, которые родители ежемесячно присылали ему на жизнь, все же отправился в путешествие. Совершалось оно, естественно, по тем средствам, которыми он располагал, еда была не очень-то обильной, кое-где он пытался проехать «зайцем». Чтобы скрыть свою поездку от строгого отца, Николай заранее написал несколько писем, оставил их друзьям, и они отправляли их из Парижа каждые десять дней.

В 1908 году Гумилев вернулся из Африки в Париж, а затем и в Россию.

Отношение к Гумилеву в литературных кругах того времени было не особенно благожелательным. Об этом он сам писал Брюсову 8 января 1907 года: «Я имел к Зинаиде Николаевне Мережковской рекомендательное письмо от ее знакомой писательницы Микулич и однажды днем я отправился к ней. Войдя, я отдал письмо и был введен в гостиную. Там, кроме Зинаиды Ник., были еще Философов, Андрей Белый и Мережковский. Последний почти тотчас скрылся, остальные присутствующие отнеслись ко мне очень мило, и Философов начал меня расспрашивать о моих философско-политических убеждениях. Я смутил

¹ «Новый мир». 1986, № 9. С. 205—206.

ся, потому, чтобы рассказать мое мировоззрение стройно и связно, потребовалась бы целая речь, а это было невозможно... Я отвечал, как мог, отрывая от своей системы клочки мыслей, неясные и недосказанные. Но, очевидно, желание общества было подвести меня под какую-нибудь рамку. Сначала меня сочли мистическим анархистом — оказалось неправильно. Учеником Вячеслава Иванова — тоже. Последователем Сологуба — тоже. Наконец сравнили с каким-то французским поэтом Бетнуаром или что-то в этом роде... на мою беду в эту минуту вошел хозяин дома Мережковский, и Зинаида Ник. сказала ему: «Ты знаешь, Николай Степанович напоминает Бетнуара». Это было моей гибелью. Мережковский положил руки в карманы, встал у стены и начал отрывисто и в нос: «Вы, голубчик, не туда попали! Вам не здесь место! Знакомство с вами ничего не даст ни вам, ни нам. Говорить о пустяках совестно. А в серьезных вопросах мы все равно не сойдемся. Единственное, что мы могли бы сделать, это спасти вас, так как вы стоите над пропастью. Но это ведь...» Тут он остановился. Я добавил тоном вопроса: «Дело не интересное?» И он откровенно ответил: «да», — и повернулся ко мне спиной. Чтобы сгладить эту неловкость, я посидел еще минуты три, потом стал прощаться. Никто меня не удерживал, никто не приглашал. В переднюю, очевидно из жалости, меня проводил Андрей Белый».¹

А вот как об этом визите рассказывает Гиппиус-Мережковская в своем письме, адресованном Брюсову и датированном тем же числом, что и гумилевское: «О Валерий Яковлевич! Какая ведьма «сопряла» вас с ним, да видели ли уже вы его? (К тому времени Брюсов с Гумилевым лично еще не встречался. — В. К.) Мы прямо пали. Боря имел силы издеваться над ним, а я была поражена параличом. Двадцать лет, вид бледно-гнойный, сентенции — старые, как шляпка вдовицы, едущей на Драгомиловское, нюхает эфир (спохватился!) и говорит, что он один может изменить мир. «До меня были попытки... Будда, Христос... Но неудачные». После того как он надел цилиндр и удалился, я нашла № «Весов» с его стихами, желая хоть гениальностью его строк оправдать ваше влечение, и не могла. Неоспоримая дрянь. Даже теперь, когда так легко и многие пишут хорошие стихи, — выдающаяся дрянь. Чем, о, чем он вас пленил?»²

Не получив признания в кружке Мережковских, Гумилев все же находит себе близкое литературное общество. В Царском Селе он часто встречается с И. Ф. Анненским, знакомится с С. К. Маковским (сыном художника). Маковский основал журнал «Аполлон». Журнал начал выходить в октябре 1909 года. Гумилев стал одним из главных помощников Маковского по журналу, и не только помощником по де-

¹ Гумилев Н. Неизданные стихи и письма. Париж, 1980.

² «Лит. наследство». М., 1976. Т. 85. С. 691.

лам издания, но и как бы штатным поэтическим критиком. В течение нескольких лет он печатает в «Аполлоне» стихи и ряд статей о русской поэзии.

Так появился критик, занимающийся специально поэзией, что не часто бывало в нашей литературе. Причем этим критиком был не сухой аналитик, а человек, одаренный поэтическим даром, эмоциональным восприятием поэзии, знаток и уже мастер техники стихосложения. Гумилев написал целую серию статей о ведущих поэтах начала XX века — о В. Брюсове, Ф. Сологубе, К. Бальмонте, Андрее Белом, С. Городецком, И. Бунине, Вяч. Иванове, А. Блоке, Н. Клюеве, М. Цветаевой, О. Мандельштаме и других своих современниках.

25 апреля 1910 года Гумилев женился на Анне Андреевне Горенко, с которой он познакомился еще в юности в Царском Селе. После венчания молодожены отправились в свадебное путешествие в Париж. Возвратились они из заграничной поездки осенью. Гумилев, несмотря на то, что уже стал довольно известным писателем и женатым человеком, все еще не расстался со своей непоседливостью, стремлением к приключениям. Осенью этого же года он, оставив дома молодую жену, вновь уезжает в Африку. На этот раз он побывал в далеких и мало-доступных по тем временам местах Абиссинии.

В том же 1910 году у Гумилева вышел новый, третий, сборник стихов «Жемчуга». На книге значилось: «Посвящается моему учителю Валерию Брюсову» (в издании 1918 года это посвящение было снято). В издании 1910 года было четыре раздела: «Жемчуг черный», «Жемчуг серый», «Жемчуг розовый» и «Романтические цветы». В последний было включено несколько стихотворений из предыдущего одноименного сборника. (Кстати, первое издание «Романтических цветов» в 1908 году вышло с посвящением «Анне Андреевне Горенко».)

Валерий Брюсов напечатал в «Русской мысли» рецензию на новую книгу поэта. Как и в прошлых рецензиях, Брюсов оставался и строгим, и требовательным, и доброжелательным учителем. Он писал об авторе: «Его поэзия живет в мире воображаемом и почти призрачном. Он как-то чуждается современности, он сам создает для себя страны и населяет их им самим сотворенными существами: людьми, зверями, демонами. В этих странах — можно сказать, в этих мирах — явления подчиняются не обычным законам природы, но новым, которым повелел существовать поэт; и люди в них живут и действуют не по законам обычной психологии, но по странным, необъяснимым капризам, под-сказываемым автором-суфлером».¹

Характерную особенность направления развития таланта Гумилева отметил в своей рецензии на «Жемчуга» и Вячеслав Иванов в «Аполлоне»: «...когда действительный, страданием и любовью куплен-

¹ «Рус. мысль». 1910, № 7. С. 206.

ный опыт души разорвет завесы, еще обволакивающие перед взором поэта сущую реальность мира, тогда разделятся в нем «суша и вода», тогда его лирический эпос станет объективным эпосом, и чистой лирикой — его скрытый лиризм,—тогда впервые будет он принадлежать жизни».¹

Гумилев и Ахматова, возвратясь из свадебного путешествия, поселились на лето в деревне Слепнево, неподалеку от имения Неведомских, с которыми молодожены очень подружились. Во время конных прогулок Гумилев затевал игру в цирк, проделывал разные фортели на коне, да и других заставлял становиться циркачами. Устраивались даже танцы на канате, хождение колесом и многое другое.

В своих воспоминаниях В. Неведомская говорит, что в характере Гумилева «была черта, заставлявшая его искать и создавать рискованные положения...». Отмечает она и его влечение к опасности чисто физической. Хочу еще обратить внимание на слова Неведомской о том, что у Гумилева было «полное отсутствие страха», потому что мы приближаемся к годам войны, в которые эти черты характера Гумилева проявятся с особенной силой.

В 1911 году у Гумилевых родился сын Лев. Лев Николаевич Гумилев — ныне известный советский ученый (человек очень нелегкой судьбы).

Полный жизненных и творческих сил, Николай Гумилев ищет возможность как-то организационно объединить поэтов, близких ему по взглядам, по творческому направлению. Так родился «Цех поэтов». В те годы внутри символизма наметился кризис, между символистами шли жаркие споры, и в этих спорах Блок, Вяч. Иванов и Валерий Брюсов оказались в разных лагерях. Через два года, в 1913 году, в № 1 «Аполлона» Гумилев и Сергей Городецкий опубликовали две статьи, ставшие своеобразным манифестом, которым провозгласили, что на смену символизму идет акмеизм.

Вскоре Гумилев стал признанным лидером нового литературного течения, которое противопоставило себя не только символизму, но и бурно заявившему о себе футуризму. Широкие и многообещающие заверения звучали притягательно, но, прямо скажем, название «акмеизм» было туманно и мало что говорило о сути нового литературного течения. Обещая показать в полном объеме богатство и разнообразие жизни, основатели нового течения в своих стихах сохранили и субъективность, и келейность, и крайний индивидуализм.

Акмеистские принципы в творчестве Гумилева, как он считал, с наибольшей полнотой выразились в новом его сборнике, вышедшем

¹ «Аполлон». 1910, № 7. С. 41.

в 1912 году, — «Чужое небо». Кроме своих стихов Гумилев включил в этот сборник переводы пяти стихотворений Теофиля Готье.

Брюсов отнесся к вновь возникшему течению отчасти даже иронически и был конечно прав — теоретические основы акмеизма действительно были весьма шаткими. Но все же это течение сыграло свою роль в преодолении символизма. Как и предвидел Брюсов, вскоре и сами акмеисты разошлись во взглядах, и течение иссякло; память о нем сохранилась только в литературоведческих анналах.

В 1909 году в Петербурге произошла ссора между Гумилевым и поэтом Максимилианом Волошиным. Размолвка поэтов оказалась настолько острой, что привела к дуэли, хотя причина была ничтожной и случайной; до ссоры Гумилев и Волошин были приятелями, и в день ссоры они пришли в мастерскую художника А. Я. Головина, не подозревая, что уйдут отсюда врагами. Ссора произошла в присутствии Блока, Шаляпина, Алексея Толстого и других свидетелей. Гумилев намерен был стреляться до смерти одного из противников, для чего определил расстояние между стреляющими в пять метров. С большим трудом секундантам удалось уговорить его на расстояние в пятнадцать метров. Как и полагалось, секунданты перед выстрелами в последний раз предложили помириться. Гумилев коротко бросил: «Я приехал драться, а не мириться». Секундант А. Н. Толстой начал считать: «Раз, два, три!» Гумилев выстрелил, но в противника не попал — промахнулся или не хотел попадать. Ответного выстрела не последовало, пистолет Волошина дал осечку. «Пускай стреляет во второй раз», — скомандовал Гумилев. Волошин поднял пистолет. Прицелился. Но и на этот раз осечка! «Я требую третьего выстрела!» — настаивал Гумилев. Секунданты не дали согласия на третий выстрел, решив, что это будет уже недопустимым нарушением правил. Гумилев поднял свою шубу и безмолвно ушел к автомобилю...

В 1912 году Гумилев ездил в Италию, где получил много свежих впечатлений; они породили новые стихи, которые он публиковал в «Русской мысли».

В 1913 году Гумилев предпринимает еще одно путешествие в Африку, на этот раз он был командирован Академией наук. В результате этого путешествия родились новые стихи.

В очерке, посвященном поездке, Гумилев с большим сочувствием и горечью говорит о судьбе «самой большой независимой страны в Африке, страны с пятнадцатью миллионами населения, древней православленной Абиссинии», о том разделе страны, который планировали европейские колонизаторы: «Этот раздел уже решен, и по тайному соглашению французы получают восточные области, итальянцы северные и часть южных, англичане все остальное».¹

¹ «Нива». 1914, № 5. С. 93.

1914 год, такой трагический для всей Европы из-за начавшейся летом первой мировой войны, был небезоблачным и для Гумилева, и прежде всего лично: наметился его разрыв с Анной Ахматовой.

Гумилев и в жизни, и в литературе всегда тяготел к битвам, напряженным ситуациям, оружию, поэтому начало войны он встретил как возможность лично для себя отличиться в делах ратных. Он не воспринимал, разумеется, империалистической природы первой мировой войны, не думал о бедах и несчастьях, которые война несет народам, ради силового передела сфер политического влияния и хищнической наживы буржуазии, — он воспринял эту войну в точном соответствии с призывом официальных властей постоять за веру, царя и отечество. В первый же месяц войны Гумилев стал вольноопределяющимся, как тогда называли людей, добровольно вступающих в армию.

Так, 24 августа 1914 года Николай Степанович Гумилев стал добровольцем лейб-гвардии уланского полка и сделал все, чтобы немедленно попасть в действующую армию.

На фронте Николай Гумилев был (по нашей современной терминологии) войсковым разведчиком, он служил во взводе конной разведки и прошел через многие опасности, трудности и невзгоды, связанные с этой службой. Но он не забывал и о том, что он — писатель; наряду со стихами, которые накапливались в душе, Гумилев писал и прозу. Это были «Записки кавалериста», они печатались в газете «Биржевые ведомости» начиная с февраля 1915 по январь 1916 года. Записки эти сопровождалась пометкой «От нашего специального военного корреспондента». В них Гумилев не просто описывал военные действия на своем участке фронта, он рассказывал и о личных впечатлениях и переживаниях, о своем участии в разведывательных вылазках, о боях, которые он видел сам.

Мне как войсковому разведчику в годы Великой Отечественной войны понятны дела и переживания Гумилева в те далекие времена. Во многом его ощущения схожи с тем, что доводилось переживать и нам. Я могу с полной уверенностью сказать, что Гумилев был настоящий войсковой разведчик в лучшем смысле этого слова — смелый, увлекающийся, дерзкий, веселый, и, несмотря на свое поэтическое свободолюбие, дисциплинированный воин. Приведу лишь один из многих примеров, содержащихся в его записках, подтверждающий сказанное мною выше о чертах его характера на войне. Вот описание вылазки «охотников»: «Вдруг ползущий передо мной остановился, и я с размаху ткнулся лицом в широкие и грязные подошвы его сапог. По его лихорадочным движениям я понял, что он высвобождает из ветвей свою винтовку. А за его плечом на небольшой, темной поляне, шагах в пятнадцати, не дальше, я увидел немцев. Их было двое, очевидно, случайно отошедших от своих: один — в мягкой шапочке, другой — в каске, покрытой суконным чехлом. Они рассматривали какую-то

вещицу, монету или часы, держа ее в руках. <...> Оба держали у плеча винтовки с примкнутыми штыками.

Только на охоте за крупными зверьми, леопардами, буйволами, я испытал то же чувство, когда тревога за себя вдруг сменяется боязнью упустить великолепную добычу. Лежа, я подтянул свою винтовку, отвел предохранитель, прицелился в самую середину туловища того, кто был в каске, и нажал спуск. Выстрел оглушительно пронесся по лесу. Немец опрокинулся на спину, как от сильного толчка в грудь, не крикнув, не взмахнув руками, а его товарищ как будто только того и дожидался, сразу согнулся и, как кошка, бросился в лес. Над моим ухом раздались еще два выстрела, и он упал в кусты, так что видны были только его ноги.

— А теперь айда! — шепнул взводный с веселым и взволнованным лицом, и мы побежали. Лес вокруг нас ожил. Гремели выстрелы, скакали кони, слышалась команда на немецком языке. Мы добежали до опушки, но не в том месте, откуда пришли, а много ближе к врагу. Надо было перебежать к перелеску, где, по всей вероятности, стояли неприятельские посты.

После короткого совещания было решено, что я пойду первым, и если буду ранен, то мои товарищи, которые бегали гораздо лучше меня, подхватят меня и унесут. Я наметил себе на полпути стог сена и добрался до него без помехи. Дальше приходилось идти прямо на предполагаемого врага. Я пошел, согнувшись и ожидая каждую минуту получить пулю вроде той, которую сам только что послал неудачливому немцу. И прямо перед собой в перелеске я увидел лисицу. Пушистый красновато-бурый зверь грациозно и неторопливо скользил между стволов. Не часто в жизни мне приходилось испытывать такую чистую, простую и сильную радость. Где есть лисица, там наверное нет людей. Путь к нашему отступлению свободен.¹

Могу засвидетельствовать: все здесь достоверно и правдоподобно. Не раз я испытывал подобное описанному в этом отрывке — и ту «боязнь упустить великолепную добычу», и тот азарт, который охватывает разведчика, заставляя его забывать об опасности и даже смерти. И даже чисто тактический прием: уходить от погони, не удаляясь от противника, а, немного отбежав в сторону, идти поближе к позициям противника, что вводит в заблуждение преследователей, которые всегда думают, что убегающий стремится только к своим позициям. И вот то, что эта группа в момент преследования шла не в сторону своих позиций, а ближе к немецким, это подчеркивает их опытность и умелость. И очень точно передано ощущение, когда приближаешься к тому месту, в котором может оказаться враг, и ждешь неожиданного рокового для тебя выстрела. И, наконец, такое очень достоверное

¹ «Биржевые ведомости». 1916, 8 января.

описание «простой и сильной радости» после того, когда опасность миновала, когда становится ясно, что ты остался жив и что все трудности позади.

Одновременно с Георгиевским крестом IV степени (24 декабря 1914 года) за смелые действия в разведке Гумилев получил и звание ефрейтора.

В «Записках кавалериста» много эпизодов, подобных цитированному; по сути дела они есть в каждой газетной публикации. Все они пережиты самим Гумилевым. Да, собственно, он и не скрывается за каким-то другим героем, ведущим рассказ, а напрямую называет свою фамилию. В одном из эпизодов, когда в нейтральной зоне оставался товарищ, именно его, Гумилева, посылает командир искать раненого. «Наконец, прискакал и левый дозорный. Он приложил руку к козырьку и молодежато отрапортовал офицеру: «Ваше сиятельство, германец наступает слева... и я ранен». На его бедре виднелась кровь. «Можешь сидеть в седле?» — спросил офицер. — «Так точно, пока могу!» — «А где же другой дозорный?» — «Не могу знать, кажется, он упал». — Офицер повернулся ко мне: «Гумилев, поезжайте посмотрите что с ним?» Я отдал честь и поехал прямо на выстрелы».¹ Далее описывается, как Гумилев нашел товарища и, выполнив приказ офицера, вернулся с этим разведчиком к своему взводу.

За отличие в боях Гумилев 15 января 1915 года был произведен в унтер-офицеры, а 25 декабря того же года его награждают вторым Георгиевским крестом уже III степени. Весной, а именно в марте 1916 года, опять-таки за отличие в боях и личное мужество, Николай Гумилев произведен в прапорщики, что соответствовало нынешнему званию младшего лейтенанта. С получением офицерского чина Гумилев получил и новое назначение, в Пятый гусарский Александрийский полк, куда он и прибыл в апреле 1916 года.

Несмотря на трудности и опасности, Гумилев все еще не прозрел и, размышляя о войне, находится в угаре шовинистических заблуждений.

Даже мать, переживающую за него, он не щадит, ослепленный своими лжеромантическими страстями: «Представь себе человек сотрок офицеров, несущихся карьером без дороги, под гору, на гору, через лес, через пашню, и вдобавок берущих препятствия: канавы, валы, барьеры и т. д. Особенно было эффектно одно — посредине очень крутого спуска забор и за ним канава. Последний раз на нем трое перевернулись с лошадьми. Я уже два раза участвовал в этой скачке и ни разу не упал...» (из письма к А. И. Гумилевой от 2 августа 1916 г.).²

Вот так — триста убитых за два дня, «солдаты озверели», «уби-

¹ «Биржевые ведомости». 1915, 18 октября.

² «Новый мир». 1986, № 9. С. 226.

вают без счету», трое перевернулись с лошадыми, и все это «эффектно» и с «верой в победу» (из писем к А. И. Гумилевой от 2 августа 1916 г. и к А. Ахматовой от 16 и 25 июля 1916 г.).¹

В гусарском полку Гумилев был до августа 1916 года; каких-либо описаний и воспоминаний самого Гумилева об этих днях службы нет. В августе 1916 года прапорщик Гумилев откомандирован в Николаевское кавалерийское училище для сдачи экзамена на следующий офицерский чин. В этом училище он пробыл до октября 1916 года, но экзамен не выдержал. По каким причинам это произошло, неизвестно, но имеющиеся материалы о том, что в эти месяцы Гумилев оказался в лазарете, дают возможность предположить, что экзамен он не выдержал из-за того, что заболел. Во время лечения в лазарете Гумилев писал стихи и встречался с навещавшими его петербургскими друзьями.

В том же 1916 году вышла его книга стихов «Колчан». В нее были включены и стихи, написанные уже в годы войны.

В мае 1917 года Гумилев получает назначение в экспедиционный корпус, который находился на западе, в расположении союзных войск. Путь Гумилева лежал через Финляндию, Швецию, Норвегию и Лондон. В Лондоне он задержался на несколько дней, встречался со своими старыми приятелями, и они даже успели познакомиться с некоторыми английскими литераторами.

В июле 1917 года Гумилев в Париже. О его службе там мало что известно, но и малая осведомленность дает мне основание высказать предположение, что Гумилев служил в русской разведке. Основанием для такой гипотезы служит то, что на фронте он был разведчиком, и то, что в Париже и позднее в Лондоне Гумилев был связан с военными атташе. Это предположение я не могу подкрепить неопровержимыми документами, но есть бумаги, косвенно его подтверждающие, хотя бы служебная «Записка об Абиссинии», написанная рукой Гумилева. Это информационный документ, характеризующий мобилизационные возможности Абиссинии для пополнения войск союзников, она Гумилевым так и названа: «Записка относительно могущей представиться возможности набора отрядов добровольцев...». Подробно и со знанием дела Гумилев излагает мобилизационные возможности абиссинских племен. Записка эта написана Гумилевым на французском языке и, очевидно, использовалась как русским, так и французским командованием.

Гумилев не бросал и свои литературные занятия. Друзья называли его в то время непоседой, он много бродил по Парижу, который хорошо знал и любил, встречался с земляками, находившимися здесь, и у него даже разгорелась новая любовь — к Елене Д., полуфранцузке-полурусской. Он называл ее «синей звездой» и написал ей в

¹ Там же. С. 226, 225.

альбом большой цикл стихов. В Париже, а затем и в Лондоне Гумилев работал над трагедией из византийской истории «Отравленная туника» и — одновременно — над повестью «Веселые братья». Ни Париж, ни Лондон, ни дела и заботы, пережитые здесь, не отразились на литературном творчестве Гумилева, он по-прежнему витает в отвлеченных, придуманных им романтических мирах.

В апреле 1918 года Гумилев покидает Лондон и возвращается в Петербург через Мурманск — в то время это был единственный путь в обход фронтов для возвращения на родину.

В мае 1918 года революционные волны бушевали в Петрограде. Но все же самые бурные, самые напряженные дни Октябрьской революции 1917 года и следовавшие за ними революционные перемены произошли, когда Гумилев находился за границей. Многие исследователи его жизни и творчества говорят, что Гумилев был оторван от революционных событий, не понимал их и поэтому случилось то трагическое событие, которое оборвало его жизнь. На мой взгляд, это предположение не совсем верно. Гумилев, вернувшись на родину, продолжал жить в своем общественном и литературном кругу. В том же году произошел окончательный разрыв с Анной Ахматовой, они официально оформили свой развод. Но Гумилев не был ни в состоянии подавленности, ни растерянности. Как и положено молодому человеку, он вскоре влюбился и уже на следующий год после развода женился на Анне Николаевне Энгельгардт, дочери литератора. В 1920 году у молодых супругов родилась дочь Елена.

Гумилев с головой ушел в литературную жизнь, которой он ждался за годы войны и пребывания за границей. Он читает лекции, ведет литературные занятия в Институте истории искусств и во всевозможных, часто возникавших в те дни студиях. Например, в студии Балтфлота, в Пролеткульте. Он был членом редколлегии издательства «Всемирная литература», которой руководил Горький, редактировал там поэтическую серию, много занимался переводами, перевел балладу Роберта Саути, «Поэму о старом моряке» С. Кольриджа. В те годы вышли «Баллады о Робин Гуде», многие из них переведены Гумилевым, а предисловие написано было Горьким. Вместе с Ф. Батюшковым и К. Чуковским Гумилев составляет книгу о принципах художественного перевода.

Вскоре после возвращения Гумилев переиздает сборники своих стихов «Романтические цветы» и «Жемчуга», пересмотрев, поправив и дополнив их. В том же 1918 году выходит его новый сборник «Костер», в который вошли стихи, написанные в 1916—1917 годах.

В июне 1921 года Гумилев ездил в Крым. В Севастополе он издал сборник «Шатер», куда вошли стихотворения, написанные до 1921 года. В «Шатре» преобладают романтические стихи; хотя они и написаны в последние годы, но они еще в стиле «старого» Гумилева. И посвя-

шение говорит о прежних странствиях Гумилева: «Памяти моего товарища в африканских странах Николая Леонидовича Сверчкова». И сами названия стихотворений напоминают о них же: «Красное море», «Египет», «Сахара», «Суэцкий канал», «Абиссиния», «Замбези» и т. д. и т. п.

В те времена Николай Гумилев был весьма популярен среди поэтов Петрограда. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что именно он, Гумилев, в феврале 1921 года был избран вместо Блока руководителем Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов.

В дневниках Блока часто встречается имя Гумилева, чаще всего по поводу их совместной работы в издательстве «Всемирная литература». В книге К. Чуковского о Блоке, в том месте, где он пишет о работе редколлегии этого издательства, сказано, что заседания порой длились целый день. Блок говорил на самих заседаниях немного «Чаше всего,— пишет Чуковский,— Блок говорил с Гумилевым. У обоих поэтов шел нескончаемый спор о поэзии. Гумилев со своим обычным бесстрашием нападал на символизм Блока:

— Символисты — просто аферисты. Взяли гирю, написали на ней десять пудов, но выдолбили середину, швыряют гирю и так и сак, а она пустая».¹

Блок всегда парировал не менее остроумно. Это не были праздные разговоры, пикировка остроумных писателей, спор шел принципиальный.

Многие знавшие в эти годы Гумилева говорят о том, что он избегал говорить о политике, революцию не осуждал. Он считал себя поэтом, жил литературой, весь был в творческих замыслах, спорах, увлечениях. Да и количество изданных за очень короткое время сборников, сделанных переводов, подготовленных переизданий, выступлений, лекций свидетельствует о том, что Гумилев полностью отдался работе и заботам о семье.

Последний сборник стихов, который вышел в 1921 году, Гумилев назвал «Огненный столп». В этот сборник вошли стихи, написанные после возвращения на родину, в период самых напряженных революционных перемен в России. Здесь стихи уже совсем другого Гумилева. Он отходит от им же придуманного акмеизма.

Особенно показательно для состояния духа Гумилева в те дни стихотворение «Заблудившийся трамвай». Уже сам рожденный поэтом образ заблудившегося трамвая, сошедшего с железного, казалось бы раз навсегда определенного пути, свидетельствует, что в представлении Гумилева сошла с рельсов его жизнь, что происходит

¹ Чуковский К. Александр Блок как человек и поэт: (Введение в поэзию Блока). П., 1924. С. 45.

нечто непонятное и странное. А душевное его состояние очень хорошо видно из строфы:

Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет?

Поэт и занят поисками этой Индии Духа, где можно почувствовать твердую почву, которая уходит из-под ног.

Прежняя жизнь, старый мир все еще живут в душе Гумилева, но теперь уже только как воспоминания. Жизнь с ее трагическими реалиями заставляет Гумилева чаще и глубже всматриваться в себя и осознавать, что же происходит с ним самим и со всем окружающим.

«Огненный столп» Гумилев успел только собрать и подготовить к печати (он посвятил его своей второй жене — Анне Николаевне), а вышла книга уже после смерти Гумилева тиражом в тысячу экземпляров (надо заметить, что тиражи поэтических сборников вообще были небольшие).

Мы подошли к завершающему — самому трудному для описания периоду жизни поэта. Некоторые исследователи объясняют трагический конец Гумилева тем, что он не понял происходящего, заблудился в вихре политических событий и революционных перемен и поэтому, якобы не поняв всего этого, случайно попал в число заговорщиков против революции. Другие, наоборот, утверждают, что Гумилев как монархист, как человек, не принявший революционные изменения, вполне естественно шел к такой развязке, его участие в заговоре подтверждает это, а другого пути при его убеждениях — они просто не видят. Существует точка зрения, объясняющая рост «второй популярности» Гумилева — не как поэта, а как человека, «безвинно пострадавшего» от Советской власти.

Не берусь выступать в роли арбитра, не будучи знакомым с материалами следствия, но короткое сообщение в газете, где изложена вина Гумилева, за которую он был осужден, дает основания для размышлений.

Гумилев был арестован 3 августа 1921 года по обвинению в участии в заговоре контрреволюционной Петроградской боевой организации, возглавляемой В. Н. Таганцевым. Сообщение об этом заговоре было опубликовано в «Петроградской правде» 1 сентября 1921 года в статье «О раскрытом в Петрограде заговоре против Советской власти...». В газете говорилось о многих контрреволюционных делах заговорщиков и о степени виновности каждого участника.

Повторяю: не берусь судить о степени виновности Гумилева, но и невинности его суд не установил. В те годы, когда был осужден Гумилев, были и открытые суды (например, в 1924 году судебный

процесс по делу Савинкова, проходивший в Москве в Колонном зале, широко освещался в печати, Савинкову была дана возможность выступать на суде и давать письменные материалы для прессы). О заговоре Таганцева тоже было подробное сообщение в газете.

Про Гумилева, в частности, сказано следующее: «Гумилев Николай Степанович, 33 л., б(ывший) дворянин, филолог, поэт, член коллегии «Изд-во «Всемирной литературы», беспартийный, б(ывший) офицер. Участник П(етроградской) Б(оевой) О(рганизации), активно содействовал составлению прокламаций к(онтр)револ(юционного) содержания, обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании, получал от организации деньги на технические надобности».

Решение суда — расстрел. Хочу высказать просто логические суждения по поводу обстоятельств, в которых оказался Гумилев.

Он был офицером. Звание накладывает своеобразный отпечаток на поведение, образ жизни и общение людей военных. Советские офицеры отказались от многих традиций, которые не свойственны Советской Армии. Но мне, советскому офицеру в прошлом, понятно, например, почему до революции офицеры за оскорбление словом, не говоря уж об оскорблении действием, вызывали на дуэль: лишались жизни, сберегая свою честь. Понимая это, я представляю себе Гумилева, к которому, очевидно, пришли его друзья или бывшие сослуживцы-офицеры и, зная его как человека своего круга, предложили, видимо, участвовать в заговоре и для начала написать прокламацию. Но, насколько мне известно, он эту прокламацию не написал. Дальше в обвинении сказано: «обещал связать». Но обещал, опять-таки исходя из этих чисто офицерских отношений; он просто не мог отказать сотоварищам, даже и не будучи их единомышленником. По старой дружбе обещал. Но в газете ведь не сказано, что он это обещание выполнил. Еще известно, что при аресте у Гумилева были изъяты из письменного стола деньги, именно те деньги, которые были ему отпущены «на технические надобности». А если деньги были изъяты, следовательно, Гумилев просто не успел осуществить или оплатить какое-то дело, на которое предназначались эти деньги. Но самое убедительное, на мой взгляд, доказательство лояльности Гумилева в том, что у него нет антисоветских стихотворений. Ни одного! И это говорит об очень многом. Мне думается, что если даже Гумилев был виноват и если мои мотивы для его реабилитации и неубедительны, то Родина может его помиловать — есть и такая форма прощения пусть даже за совершенное преступление.

Кстати, очень четко и определенно высказывался по этому поводу Константин Симонов: «...некоторые литераторы предлагали чуть ли не реабилитировать Гумилева через органы советской юстиции, признать его, задним числом, невиновным в том, за что его расстреляли

в двадцать первом году. Я лично этой позиции не понимаю и не разделяю. Гумилев участвовал в одном из контрреволюционных заговоров в Петрограде — это факт установленный. <...> Примем этот факт как данность. История есть история.

Но, назвав все вещи своими именами, издадим при этом избранные стихи Гумилева, потому что он написал много хороших и несколько не враждебных нам стихов и сделал много замечательных переводов и потому что нельзя писать историю русской поэзии XX века, не упоминая о Гумилеве, о его стихах, о его критической работе как автора книги о русской поэзии, о его взаимоотношениях с Блоком, с Брюсовым, с другими выдающимися поэтами.¹

Главное для нас — личность поэта, который вошел в русскую литературу. Он был, есть и будет жить в ней независимо от любых конъюнктурных, временных наслоений.

Есть стихи Гумилева. Очень многие их помнят и любят, это неоспоримый факт. Свидетельство тому и вышедшие подборки стихов Гумилева в «Литературной газете», в журнале «Огонек», в «Дружбе народов», опубликованные в «Новом мире» письма Ахматовой Гумилеву и его стихи периода его женитьбы на Ахматовой...

Было много ученых, писателей и военных, которые в грозные дни революции в конце концов поняли смысл происходящих изменений и не только осознали их необходимость, но и перешли на сторону партии, осуществляющей революционные преобразования. Назову только нескольких: ученый, академик с 1907 года Иван Петрович Павлов, из военной среды — полковник царской армии Александр Ильич Егоров, полковник генерального штаба Борис Михайлович Шапошников — оба впоследствии ставшие Маршалами Советского Союза, тысячи бывших офицеров царской армии.

То, что успел написать Гумилев, осталось в памяти многих и многих, любящих отечественную поэзию. Более века прожил в нашей литературе замечательный оригинальный поэт Николай Гумилев. Он прожил это время по-своему и как поэт, и как человек. И 100-летний рубеж, который мы отмечали в 1986 году, не является, конечно, той гранью, за которой завершится писательская судьба Гумилева.

Владимир Карпов

¹ С и м о н о в К. Открыто и честно/Публ. Л. Лазарева//«Сов. культура». 1986, 10 июня.

Книга была подготовлена к печати, когда в журнале «Новый мир» (1987, № 12) появилось сообщение Г. А. Терехова «Возвращаясь к делу Н. С. Гумилева». По свидетельству автора, компетентного юриста, знакомого с соответствующими материалами, в деле Гумилева «содержатся лишь документы, подтверждающие недонесение им о существовании контрреволюционной организации, в которую он не вступил». — *Редакция.*

I

1. СОНЕТ

Как конквистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.

Порою в небе смутном и беззвездном
Растет туман... но я смеюсь и жду,
И верю, как всегда, в мою звезду,
Я, конквистадор в панцире железном.

И если в этом мире не дано
Нам расковать последнее звено,
Пусть смерть приходит, я зову любую!

Я с нею буду биться до конца,
И, может быть, рукою мертвеца
Я лилию добуду голубую.

2. БАЛЛАДА

Пять коней подарил мне мой друг Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Чтобы мог я спускаться в глубины пещер
И увидел небес молодое лицо.

Кони фыркали, били копытом, маня
Понестись на широком пространстве земном,
И я верил, что солнце зажглось для меня,
Просияв, как рубин на кольце золотом.

Много звездных ночей, много огненных дней
Я скитался, не зная скитанью конца,
Я смеялся порывам могучих коней
И игре моего золотого кольца.

Там, на высях сознания — безумье и снег,
Но коней я ударил свистящим бичом.
Я на выси сознания направил их бег
И увидел там деву с печальным лицом.

В тихом голосе слышались звоны струны,
В странном взоре сливался с ответом вопрос,
И я отдал кольцо этой деве луны
За неверный оттенок разбросанных кос.

И, смеясь надо мной, презирая меня,
Люцифер распахнул мне ворота во тьму,
Люцифер подарил мне шестого коня —
И Отчаянье было название ему.

3. ОССИАН

По небу бродили свинцовые, тяжкие тучи,
Меж них багровела луна, как смертельная рана.
Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий
Упал под мечом короля океана, Сварана.

Зловеще рыдали сивиллы седой заклинанья,
Вспененное море вставало и вновь опадало,
И встретил Сваран иступленный, в грозе ликованья,
Героя героев, владыку пустыни, Фингала.

Схватились и ходят, скользя на росистых утесах,
Друг другу ломая медвежьи упругие спины,
И слушают вести от ветров протяжноголосых
О битве великой в великом испуге равнины.

Когда я устану от ласковых слов и объятий,
Когда я устану от мыслей и дел повседневных,
Я слышу, как воздух трепещет от грозных проклятий,
Я вижу на холме героев, суровых и гневных.

4. КРЫСА

Вздрагивает огонек лампадки,
В полутемной детской тихо, жутко,
В кружевной и розовой кровати
Притаилась робкая малютка.

Что там? Будто кашель домового?
Там живет он, маленький и лысый...
Горе! Из-за шкафа платяного
Медленно выходит злая крыса.

В красноватом отблеске лампадки,
Поводя колючими усами,
Смотрит, есть ли девочка в кроватке,
Девочка с огромными глазами.

— Мама, мама! — Но у мамы гости,
В кухне хохот няни Василисы,
И горят от радости и злости,
Словно уголечки, глазки крысы.

Страшно ждать, но встать еще страшнее.
Где он, где он, ангел светлокрылый?
— Милый ангел, приходи скорее,
Защити от крысы и помилуй!

5. РАССВЕТ

Змей взглянул, и огненные звенья
Потянулись, медленно бледнея,
Но горели яркие каменья
На груди властительного Змея.

Как он дивно светел, дивно страшен!
Но Павлин и строг и непонятен,
Золотистый хвост его украшен
Тысячею многоцветных пятен.

Молчаливо ждали у преддверья;
Только ангел шевельнул крылами
И посыпались из рая перья
Легкими, сквозными облаками.

Сколько их насыпалось, белея,
Словно снег над неокрепшей нивой!
И погасли изумруды Змея
И Павлина веерное диво.

Что нам в бледном утреннем обмане?
И Павлин, и Змей — чужие людям.
Вот они растаяли в тумане,
И мы больше видеть их не будем.

Мы дрожим, как маленькие дети,
Нас пугают времени налеты,
Мы пойдем молиться на рассвете
В ласковые мраморные гроты.

6. СМЕРТЬ

Нежной, бледной, в пепельной одежде
Ты явилась с ласкою очей.
Не такой тебя встречал я прежде
В трубном вое, в лязганье мечей.

Ты казалась золотисто-пьяной,
Обнажив сверкающую грудь.
Ты среди кровавого тумана
К небесам прорезывала путь.

Как у вечно жаждущей Астреи,
Взоры были дивно глубоки,
И неслась по жилам кровь быстрее,
И крепчали мускулы руки.

Но тебя, хоть ты теперь иная,
Я мечтою прежней узнаю.
Ты меня манила песней рая,
И с тобой мы встретимся в раю.

7. В НЕБЕСАХ

Ярче золота вспыхнули дни,
И бежала Медведица-ночь.
Догони ее, князь, догони,
Зааркань и к седлу приторочь!

Зааркань и к седлу приторочь,
А потом в голубом терему
Укажи на Медведицу-ночь
Богатырскому Псу своему.

Мертвой хваткой вцепляется Пес,
Он отважен, силен и хитер,
Он звериную злобу донес
К медведям с незапамятных пор.

Никуда ей тогда не спастись,
И издохнет она наконец,
Чтобы в небе спокойно паслись
Козерог, и Овен, и Телец.

8. ДУМЫ

Зачем они ко мне собрались, думы,
Как воры ночью в тихий мрак предместий?
Как коршуны, зловещи и угрюмы,
Зачем жестокой требовали мести?

Ушла надежда, и мечты бежали,
Глаза мои открылись от волненья,
И я читал на призрачной скрижали
Свои слова, дела и помышленья.

За то, что я спокойными очами
Смотрел на уплывающих к победам,
За то, что я горячими губами
Касался губ, которым грех неведом,

За то, что эти руки, эти пальцы
Не знали плуга, были слишком тонки,
За то, что песни, вечные скитальцы,
Томили только, горестны и звонки,—

За всё теперь настало время мести.
Обманный, нежный храм слепцы разрушат,
И думы, воры в тишине предместий,
Как нищего, во тьме меня задуют.

9. КРЕСТ

Так долго лгала мне за картою карта,
Что я уж не мог опьяниться вином.
Холодные звезды тревожного марта
Бледнели одна за другой за окном.

В холодном безумье, в тревожном азарте
Я чувствовал, будто игра эта — сон.
«Весь банк,— закричал,— покрываю я
в карте!»

И карта убита, и я побежден.

Я вышел на воздух. Рассветные тени
Бродили так нежно по нежным снегам.
Не помню я сам, как я пал на колени,
Мой крест золотой прижимая к губам.

«Стать вольным и чистым, как звездное небо,
Твой посох принять, о Сестра Нищета,
Бродить по дорогам, выпрашивать хлеба,
Людей заклиная святыней креста!»

Мгновенье... и в зале веселой и шумной
Все стихли и встали испуганно с мест,
Когда я вошел, воспаленный, безумный,
И молча на карту поставил мой крест.

10. МАСКАРАД

В глухих коридорах и залах пустынных
Сегодня собрались веселые маски,
Сегодня в увитых цветами гостиных
Прошли ураганом безумные пляски.

Бродили с драконами под руку луны,
Китайские вазы метались меж ними,
Был факел горящий и лютия, где струны
Твердили одно непонятное имя.

Мазурки стремительный зов раздавался,
И я танцевал с куртизанкой Содомы,
О чем-то грустил я, чему-то смеялся,
И что-то казалось мне странно знакомо.

Молил я подругу: «Сними эту маску,
Ужели во мне не узнала ты брата?
Ты так мне напомнила древнюю сказку,
Которую раз я услышал когда-то.

Для всех ты останешься вечно чужою
И лишь для меня бесконечно знакома,
И верь, от людей и от масок я скрою,
Что знаю тебя я, царица Содома».

Под маской мне слышался смех ее юный.
Но взоры ее не встречались с моими,
Бродили с драконами под руку луны,
Китайские вазы металась меж ними.

Как вдруг под окном, где угрозой пустою
Темнело лицо проплывающей ночи,
Она от меня ускользнула змеею,
И сдернула маску, и глянула в очи.

Я вспомнил, я вспомнил — такие же песни,
Такую же дикую дрожь сладострастья
И ласковый, вкрадчивый шепот: «Воскресни,
Воскресни для жизни, для боли и счастья!»

Я многое понял в тот миг сокровенный,
Но страшную клятву мою не нарушу.
Царица, царица, ты видишь, я пленный,
Возьми мое тело, возьми мою душу!

11. ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Солнце катится, кудри мои золотя,
Я срываю цветы, с ветерком говорю.
Почему же не счастлив я, словно дитя,
Почему не спокоен, подобно царю?

На испытанном луке дрожит тетива,
И всё шепчет и шепчет сверкающий меч.
Он, безумный, еще не забыл острова,
Голубые моря нескончаемых сеч.

Для кого же теперь вы готовите смерть,
Сильный меч и далёко стреляющий лук?
Иль не знаете вы — завоевана твердь,
К нам склонилась земля, как союзник и друг;

Все моря целовали мои корабли,
Мы почтили сраженьями все берега.
Неужели за гранью широкой земли
И за гранью небес вы узнали врага?

12. ВЫБОР

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, всевидящим богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводам тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

13. УМНЫЙ ДЬЯВОЛ

Мой старый друг, мой верный Дьявол,
Пропел мне песенку одну:
«Всю ночь моряк в пучине плавал,
А на заре пошел ко дну.

Кругом вставали волны-стены,
Спадали, вспенивались вновь,
Пред ним неслась, белее пены,
Его великая любовь.

Он слышал зов, когда он плавал:
«О, верь мне, я не обману»...
Но помни,— молвил умный Дьявол,—
Он на заре пошел ко дну».

14. ОТКАЗ

Царица иль, может быть, только печальный ребенок,
Она наклонялась над сонно вздыхающим морем,
И стан ее, стройный и гибкий, казался так тонок,
Он тайно стремился навстречу серебряным зорям.

Сбегающий сумрак. Какая-то крикнула птица,
И вот перед ней замелькали на влаге дельфины.
Чтоб плыть к бирюзовым владеньям влюбленного принца,
Они предлагали свои глянцевиые спины.

Но голос хрустальный казался особенно звонок,
Когда он упрямо сказал роковое: «Не надо»...
Царица иль, может быть, только капризный ребенок,
Усталый ребенок с бессильною мукою взгляда.

15. ВОСПОМИНАНИЕ

Над пучиной в полуденный час
Пляшут искры, и солнце лучится,
И рыдает молчанием глаз
Далеко залетевшая птица.

Заманила зеленая сеть
И окутала взоры туманом,
Ей осталось лететь и лететь
До конца над немим океаном.

Прихотливые вихри влекут,
Бесполезны мольбы и усилья,
И на землю ее не вернут
Утомленные белые крылья.

И когда я увидел твой взор,
Где печальные скрылись зарницы,
Я заметил в нем тот же укор,
Тот же ужас измученной птицы.

16. МЕЧТЫ

За покинутым бедным жилищем,
Где чернеют остатки забора,
Старый ворон с оборванным нищим
О восторгах вели разговоры.

Старый ворон в тревоге всегдашней
Говорил, трепеща от волненья,
Что ему на развалинах башни
Небывалые снились виденья.

Что в полете воздушном и смелом
Он не помнил тоски их жилища
И был лебедем, нежным и белым,
Принцем был отвратительный нищий.

Нищий плакал бессильно и глухо.
Ночь тяжелая с неба спустилась.
Проходившая мимо старуха
Учащенно и робко крестилась.

17. ПЕРЧАТКА

На руке моей перчатка,
И ее я не сниму,
Под перчаткою загадка,
О которой вспомнить сладко
И которая уводит мысль во тьму.

На руке прикосновение
Тонких пальцев милых рук,
И как слух мой помнит пенье,
Так хранит их впечатленье
Эластичная перчатка, верный друг.

Есть у каждого загадка,
Уводящая во тьму,
У меня — моя перчатка,
И о ней мне вспомнить сладко,
И ее до новой встречи не сниму.

18. МНЕ СНИЛОСЬ

Мне снилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом.
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.

Когда мы сказали: «Довольно»?
Давно ли и что это значит?
Но странно, что сердцу не больно,
Что сердце не плачет.

Бессильные чувства так странны,
Застывшие мысли так ясны,
И губы твои не желанны,
Хоть вечно прекрасны.

Свершилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом.
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.

19. САДА-ЯККО

В полутемном строгом зале
Пели скрипки, Вы плясали.
Группы бабочек и лилий
На шелку зеленоватом,
Как живые, говорили
С электрическим закатом.
И ложилась тень акаций
На полотна декораций.

Вы казались бонбоньеркой
Над изящной этажеркой,
И, как беленькие кошки,
Как играющие дети,
Ваши маленькие ножки
Трепетали на паркете,
И жуками золотыми
Нам сияло Ваше имя.

И когда Вы говорили,
Мы далекое любили.
Вы бросали в нас цветами
Незнакомое искусства,
Непонятными словами
Опьяняя наши чувства,
И мы верили, что солнце —
Только вымысел японца.

20. САМОУБИЙСТВО

Улыбнулась и вздохнула,
Догадавшись о покое,
И последний раз взглянула
На ковры и на обои.

Красный шарик уронила
На вино в узорный кубок
И капризно помочила
В нем кораллы нежных губок.

И живая тень румянца
Заменилась тенью белой,
И, как в странной позе танца,
Искривясь, поникло тело.

И чужие миру звуки
Издалека набегают,
И незримый бисер руки,
Задрожав, перебирают.

На ковре она трепещет,
Словно белая голубка,
А, отравленная, блещет
Золотая влага кубка.

21. ПРИНЦЕССА

В темных покрывалах летней ночи
Заблудилась юная принцесса.
Плачущей нашел ее рабочий,
Что работал в самой чаще леса.

Он отвел ее в свою избушку,
Угостил лепешкой с горьким салом,
Подложил под голову подушку
И закутал ноги одеялом.

Сам заснул в углу далеком сладко,
Стало тихо тишиной виденья.
Пламенем мелькающим лампадка
Освещала только часть строенья.

Неужели это только тряпки,
Жалкие, ненужные отбросы,
Кроличьи засушенные лапки,
Брошенные на пол папиросы?

Почему же ей ее томленье
Кажется мучительно знакомо
И ей шепчут грязные поленья,
Что она теперь лишь вправду дома?

...Ранним утром заспанный рабочий
Проводил принцессу до опушки,
Но не раз потом в глухие ночи
Проливались слезы об избушке.

22. ПЕЩЕРА СНА

Там, где похоронен старый маг,
Где зияет в мраморе пещера,
Мы услышим робкий, тайный шаг,
Мы с тобой увидим Люцифера.

Подожди, погаснет скучный день,
В мире будет тихо, как во храме,
Люцифер прокрадется, как тень,
С тихими вечерними тенями.

Скрытые, незримые для всех,
Сохраним мы нежное молчанье,
Будем слушать серебристый смех
И бессильно горькое рыданье.

Синий блеск нам взор заморозит,
Фея Маб свои расскажет сказки,
И спугнет, блуждая, Вечный Жид
Бабочек оранжевой окраски.

Но когда воздушный лунный знак
Побледнеет, шествуя к паденью,
Снова станет трупом старый маг,
Люцифер — блуждающею тенью.

Фея Маб на лунном лепестке
Улетит к далекому чертогу,
И, угрюмо посох сжав в руке,
Вечный Жид отправится в дорогу.

И, взойдя на плиты алтаря,
Мы заглянем в узкое оконце,
Чтобы встретить песнею царя —
Золотисто-огненное солнце.

23. ВЛЮБЛЕННАЯ В ДЬЯВОЛА

Что за бледный и красивый рыцарь
Проскакал на вороном коне
И какая сказочная птица
Кружилась над ним в вышине?

И какой печальный взгляд он бросил
На мое цветное окно,
И зачем мне сделался несносен
Мир родной и знакомый давно?

И зачем мой старший брат в испуге
При дрожащем мерцанье свечи
Вынимал из погребов кольчуги
И натачивал копыя и мечи?

И зачем сегодня в капелле
Все сходились, читали псалмы
И монахи угрюмые пели
Заклинанья против мрака и тьмы?

И спускался сумрачный астролог
С закликательной башни в дом,
И зачем был так странно долог
Его спор с моим старым отцом?

Я не знаю, ничего не знаю,
Я еще так молода,
Но я всё же плачу, и рыдаю,
И мечтаю всегда.

24. ЛЮБОВНИКИ

Любовь их душ родилась возле моря,
В священных рощах девственных наяд,
Чьи песни вечно радостно звучат,
С напевом струн, с игрою ветра споря.

Великий жрец... Страннее и суровей
Едва ль была людская красота,
Спокойный взгляд, сомкнутые уста
И на кудрях повязка цвета крови.

Когда вставал туман над водной степью,
Великий жрец творил святой обряд,
И танцы гибких, трепетных наяд
По берегу вились жемчужной цепью.

Средь них одной, пленительней, чем сказка,
Великий жрец оказывал почет.
Он позабыл, что красота влечет,
Что опьяняет красная повязка.

И звезды предрассветные мерцали,
Когда забыл великий жрец обет,
Ее уста не говорили «нет»,
Ее глаза ему не отказали.

И, преданы клеймящему злословью,
Они ушли из тьмы священных рощ
Туда, где их сердец исчезла мощь,
Где их сердца живут одной любовью.

25. ЗАКЛИНАНИЕ

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил нездешние слова,
Перед ней, царицей беззаконий,
Расточал рубины волшебства.

Аромат сжигаемых растений
Открывал пространства без границ,
Где носились сумрачные тени,
То на рыб похожи, то на птиц.

Плакали невидимые струны,
Огненные плавали столбы,
Гордые военные трибуны
Опускали взоры, как рабы.

А царица, тайное тревожа,
Мировой играла крутизной,
И ее атласистая кожа
Опьяняла снежной белизной.

Отданный во власть ее причуде,
Юный маг забыл про всё вокруг,
Он смотрел на маленькие груди,
На браслеты вытянутых рук.

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил, как мертвый, не дыша,
Отдал всё царице беззаконий,
Чем была жива его душа.

А когда на изумрудах Нила
Месяц закачался и поблёл,
Бледная царица уронила
Для него алеющий цветок.

26. ГИЕНА

Над тростником медлительного Нила,
Где носятся лишь бабочки да птицы,
Скрывается забытая могила
Преступной, но пленительной царицы.

Ночная мгла несет свои обманы,
Встает луна, как грешная сирена,
Бегут белесоватые туманы,
И из пещеры крадется гиена.

Ее стенанья яростны и грубы,
Ее глаза зловещи и унылы,
И страшны угрожающие зубы
На розоватом мраморе могилы.

«Смотри, луна, влюбленная в безумных,
Смотрите, звезды, стройные виденья,
И темный Нил, владыка вод бесшумных,
И бабочки, и птицы, и растенья.

Смотрите все, как шерсть моя дыбится,
Как блещут взоры злыми огоньками,
Не правда ль, я такая же царица,
Как та, что спит под этими камнями?

В ней билось сердце, полное изменой,
Носили смерть изогнутые брови,
Она была такою же гиеной,
Она, как я, любила запах крови».

По деревням собаки воют в страхе,
В домах рыдают маленькие дети,
И хмурые хватаются феллахи
За длинные, безжалостные плети.

27. КОРАБЛЬ

«Что ты видишь во взоре моем,
В этом бледно мерцающем взоре?»
— «Я в нем вижу глубокое море
С потонувшим большим кораблем.

Тот корабль... величавей, смелее
Не видали над бездной морской.
Колыхались высокие рей,
Трепетала вода за кормой.

И летучие странные рыбы
Покидали подводный предел
И бросали на воздух изгибы
Изумрудно блистающих тел.

Ты стояла на дальнем утесе,
Ты смотрела, звала и ждала,
Ты в последнем веселом матросе
Огневое стремленье зажгла.

И никто никогда не узнает
О безумной предсмертной борьбе
И о том, где теперь отдыхает
Тот корабль, что стремился к тебе.

И зачем эти тонкие руки
Жемчугами прорезали тьму,
Точно ласточки с песней разлуки,
Точно сны, улетая к нему.

Только тот, кто с тобою, царица,
Только тот вспоминает о нем,
И его голубая гробница
В затуманенном взоре твоём».

28. ЯГУАР

Странный сон увидел я сегодня:
Снилось мне, что я сверкал на небе,
Но что жизнь, чудовищная сводня,
Выкинула мне недобрый жребий.

Превращен внезапно в ягуара,
Я сгорал от бешеных желаний,
В сердце — пламя грозного пожара,
В мускулах — безумье содроганий.

И к людскому крался я жилищу
По пустому сумрачному полю
Добывать полуночную пищу,
Богом мне назначенную долю.

Но нежданно в темном перелеске
Я увидел нежный образ девы
И запомнил яркие подвески,
Поступь лани, взоры королевы.

«Призрак Счастья, Белая Невеста...» —
Думал я, дрожащий и смущенный,
А она промолвила: «Ни с места!»
И смотрела тихо и влюбленно.

Я молчал, ее покорный кличу,
Я лежал, ее окован знаком,
И достался, как шакал, в добычу
Набежавшим яростным собакам.

А она прошла за перелеском
Тихими и легкими шагами,
Лунный луч кружился по подвескам,
Звезды говорили с жемчугами.

29. УЖАС

Я долго шел по коридорам,
Кругом, как враг, таилась тишь.
На пришлеца враждебным взором
Смотрели статуи из ниш.

В угрюмом сне застыли вещи,
Был странен серый полумрак,
И, точно маятник зловещий,
Звучал мой одинокий шаг.

И там, где глубже сумрак хмурый,
Мой взор горящий был смущен
Едва заметною фигурой
В тени столпившихся колонн.

Я подошел, и вот мгновенный,
Как зверь, в меня вцепился страх:
Я встретил голову гиены
На стройных девичьих плечах.

На острой морде кровь налипла,
Глаза зияли пустотой,
И мерзко крался шепот хриплый:
«Ты сам пришел сюда, ты мой!»

Мгновенья страшные бежали,
И наплывала полумгла,
И бледный ужас повторяли
Бесчисленные зеркала.

30. ЗА ГРОБОМ

Под землей есть тайная пещера,
Там стоят высокие гробницы,
Огненные грезы Люцифера,—
Там блуждают стройные блудницы.

Ты умрешь бесславно иль со славой,
Но придет и властно глянет в очи
Смерть, старик угрюмый и костлявый,
Нудный и медлительный рабочий.

Понесет тебя по коридорам,
Понесет от башни и до башни.
Со стеклянным выпученным взором
Ты поймешь, что это сон всегдашний.

И когда, упав в твою гробницу,
Ты загрезишь о небесном храме,
Ты увидишь пред собой блудницу
С острыми жемчужными зубами.

Сладко будет ей к тебе прикинуться,
Целовать со злобой бесконечной.
Ты не сможешь двинуться и крикнуть...
Это всё. И это будет вечно.

31. НЕВЕСТА ЛЬВА

Жрец решил. Народ, согласный
С ним, зарезал мать мою:
Лев пустынный, бог прекрасный,
Ждет меня в степном раю.

Мне не страшно, я ли скроюсь
От грозящего врага?
Я надела алый пояс,
Янтари и жемчуга.

Вот в пустыне я и кличу:
«Солнце-зверь, я заждаюсь,
Приходи терзать добычу
Человеческую, князь!

Дай мне вздрогнуть в тяжких лапах,
Пасть и не подняться вновь,
Дай услышать страшный запах,
Темный, пьяный, как любовь».

Как куренья, пахнут травы,
Как невеста, я тиха,
Надо мною взор кровавый
Золотого жениха.

32. САДЫ ДУШИ

Сады моей души всегда узорны,
В них ветры так свежи и тиховейны,
В них золотой песок и мрамор черный,
Глубокие, прозрачные бассейны.

Растенья в них, как сны, необычайны,
Как воды утром, розовеют птицы,
И — кто поймет намек старинной тайны? —
В них девушка в венке великой жрицы.

Глаза, как отблеск чистой серой стали,
Изящный лоб, белей восточных лилий,
Уста, что никого не целовали
И никогда ни с кем не говорили.

И щеки — розоватый жемчуг юга,
Сокровище немислимых фантазий,
И руки, что ласкали лишь друг друга,
Переплетясь в молитвенном экстазе.

У ног ее — две черные пантеры
С отливом металлическим на шкуре.
Взлетев от роз таинственной пещеры,
Ее фламинго плавает в лазури.

Я не смотрю на мир бегущих линий,
Мои мечты лишь вечному покорны.
Пусть сирокко бесится в пустыне,
Сады моей души всегда узорны.

33. ЗАРАЗА

Приближается к Каиру судно
С длинными знаменами Пророка.
По матросам угадать нетрудно,
Что они с востока.

Капитан кричит и суетится,
Слышен голос, гортанный и резкий,
Меж снастей видны смуглые лица
И мелькают красные фески.

На пристани толпятся дети,
Забавны их тонкие тельца,
Они сошлись еще на рассвете
Посмотреть, где станут пришельцы.

Аисты сидят на крыше
И вытягивают шеи.
Они всех выше,
И им виднее.

Аисты — воздушные маги,
Им многое тайное понятно:
Почему у одного бродяги
На щеках багровые пятна.

Аисты кричат над домами,
Но никто не слышит их рассказа,
Что вместе с духами и шелками
Пробирается в город зараза.

34. ОРЕЛ СИНДБАДА

Следом за Синдбадом-Мореходом
В чуждых странах я собирал червонцы
И блуждал по незнакомым водам,
Где, дробясь, пылали блики солнца.

Сколько раз я думал о Синдбаде
И в душе лелеял мысли те же...
Было сладко грезить о Багдаде,
Проходя у чуждых побережий.

Но орел, чьи перья — красный пламень,
Что носил богатого Синдбада,
Поднял и швырнул меня на камень,
Где морская веяла прохлада.

Пусть халат мой залит свежей кровью,—
В сердце гибель загорелась снами.
Я — как мальчик, схваченный любовью
К девушке, окутанной шелками.

Тишина над дальним кругозором,
В мыслях праздник светлого бессилья,
И орел, моим смущенный взором,
Отлетая, распускает крылья.

35. ЖИРАФ

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

36. НОСОРОГ

Видишь, мчатся обезьяны
С диким криком на лианы,
Что свисают низко, низко,
Слышишь шорох многих ног?
Это значит — близко, близко
От твоей лесной поляны
Разъяренный носорог.

Видишь общее смятенье,
Слышишь топот? Нет сомненья,
Если даже буйвол сонный
Отступает глубже в грязь.
Но, в нездешнее влюбленный,
Не ищи себе спасенья,
Убегая и таясь.

Подними высоко руки
С песней счастья и разлуки,
Взоры в розовых туманах
Мысль далеко уведут,

И из стран обетованных
Нам незримые фелуки
За тобою приплывут.

37. ОЗЕРО ЧАД

На таинственном озере Чад
Посреди вековых баобабов
Вырезные фелуки стремят
На заре величавых арабов.
По лесистым его берегам
И в горах, у зеленых подножий,
Поклоняются странным богам
Девы-жрицы с эбеновой кожей.

Я была женой могучего вождя,
Дочерью властительного Чада,
Я одна во время зимнего дождя
Совершала таинство обряда.
Говорили — на сто миль вокруг
Женщин не было меня светлее,
Я браслетов не снимала с рук.
И янтарь всегда висел на шее.

Белый воин был так строен,
Губы красны, взор спокоен,
Он был истинным вождем;
И открылась в сердце дверца,
А когда нам шепчет сердце,
Мы не боремся, не ждем.
Он сказал мне, что едва ли
И во Франции видали
Обольстительней меня,
И как только день растает,
Для двоих он оседлает
Берберийского коня.

Муж мой гнался с верным луком,
Пробежал лесные чаши,
Перепрыгивал овраги,
Плыл по сумрачным озерам
И достался смертным мукам.

Видел только день палящий
Труп свирепого бродяги,
Труп покрытого позором.

А на быстром и сильном верблюде,
Утопая в ласкающей груди
Шкур звериных и шелковых тканей,
Уносила я птицей на север,
Я ломала мой редкостный веер,
Упиваясь восторгом заране.
Раздвигала я гибкие складки
У моей разноцветной палатки
И, смеясь, наклонялась в оконце,
Я смотрела, как прыгает солнце
В голубых глазах европейца.

А теперь, как мертвая смоковница,
У которой листья облетели,
Я ненужно-скучная любовница,
Словно вещь, я брошена в Марселе.
Чтоб питаться жалкими отбросами,
Чтобы жить, вечернею порою
Я пляшу пред пьяными матросами,
И они, смеясь, владеют мною.
Робкий ум мой обессилен бедами,
Взор мой с каждым часом угасает...
Умереть? Но там, в полях неведомых,
Там мой муж, он ждет и не прощает.

38. ПОМПЕЙ У ПИРАТОВ

От кормы, изукрашенной красным,
Дорогие плывут ароматы
В трюм, где скрылись в волненье опасном
С угрожающим видом пираты.

С затаенною злобой боязни
Говорят, то храбрысь, то бледнея,
И вполголоса требуют казни,
Головы молодого Помпея.

Сколько дней они служат рабами,
То покорно, то с гневом напрасным,
И не смеют бродить под шатрами
На корме, изукрашенной красным.

Слышен зов. Это голос Помпея,
Окруженного стаяй голубок.
Он кричит: «Эй, собаки, живее!
Где вино? высыхает мой кубок».

И над морем, седым и пустынным,
Приподнявшись лениво на локте,
Посыпает толченым рубином
Розоватые длинные ногти.

И, оставив мечтанья о мести,
Умолкают смущенно пираты
И несут, раболепные, вместе
И вино, и цветы, и гранаты.

39. ОСНОВАТЕЛИ

Ромул и Рем взошли на гору,
Холм перед ними был дик и нем.
Ромул сказал: «Здесь будет город».
«Город, как солнце»,— ответил Рем.

Ромул сказал: «Волей созвездий
Мы обрели наш древний почет».
Рем отвечал: «Что было прежде,
Надо забыть, глянem вперед».

«Здесь будет цирк,— промолвил Ромул,—
Здесь будет дом наш, открытый всем».
«Но надо поставить ближе к дому
Могильные склепы»,— ответил Рем.

40. МАНЛИЙ

Манлий сброшен. Слава Рима,
Власть всё та же, что была,
И навеки нерушима,
Как Тарпейская скала.

Рим, как море, волновался,
Разрезали вопли тьму,
Но спокойно улыбался
Низвергаемый к нему.

Для чего ж в полдневной хмаре,
Озаряемый лучом,
Возникает хмурый Марий
С окровавленным мечом?

41. ИГРЫ

Консул добр: на арене кровавой
Третий день не кончаются игры
И совсем обезумели тигры,
Дышат древнею злобой удавы.

А слоны, а медведи! Такими
Опьяненными кровью бойцами,
Туrom, бьющим повсюду рогами,
Любовались едва ли и в Риме.

И тогда лишь был отдан им пленный,
Весь израненный, вождь алеманов,
Заклинатель ветров и туманов
И убийца с глазами гиены.

Как хотели мы этого часа!
Ждали битвы, мы знали — он смелый.
Бейте, звери, горячее тело,
Рвите, звери, кровавое мясо!

Но, прижавшись к перилам дубовым,
Вдруг завыл он, спокойный и хмурый,
И согласным ответили ревом
И медведи, и волки, и туры.

Распластались покорно удавы,
И упали слоны на колени,
Ожидая его повелений,
Поднимали свой хобот кровавый.

Консул, консул и вечные боги,
Мы такого еще не видали!
Ведь голодные тигры лизали
Колдуну запыленные ноги.

42. ИМПЕРАТОРУ

Призрак какой-то неведомой силы,
Ты ль, указавший законы судьбе,
Ты ль, император, во мраке могилы
Хочешь, чтоб я говорил о тебе?

Горе мне! Я не трибун, не сенатор,
Я только бедный бродячий певец,
И для чего, для чего, император,
Ты на меня возлагаешь венец?

Заперты мне все богатые двери,
И мои бедные сказки-стихи
Слушают только бездомные звери
Да на высоких горах пастухи.

Старый хитон мой изодран и черен,
Очи не зорки и голос мой слаб,
Но ты сказал, и я буду покорен,
О император, я верный твой раб.

43. КАРАКАЛЛА

Император с профилем орлиным,
С черною, курчавой бородой,
О, каким бы стал ты властелином,
Если б не был ты самим собой!

Любопытно-вдумчивая нежность,
Словно тень, на царственных устах,
Но какая дикая мятежность
Затаилась в сдвинутых бровях!

Образы властительные Рима,
Юлий Цезарь, Август и Помпей,—
Это тень, бледна и еле зрима,
Перед тихой тайною твоей.

Кончен ряд железных сновидений,
Тихи гробы сумрачных отцов,
И ласкает быстрый Тибр ступени
Гордо розовеющих дворцов.

Жадность снов в тебе неуголима:
Ты бы мог раскинуть ратный стан,
Бросить пламя в храм Иерусалима,
Укротить бунтующих парфян.

Но к чему победы в час вечерний,
Если тени упадают ниц,
Если, словно золото на черни,
Видны ноги стройных танцовщиц?

Страстная, как юная тигрица,
Нежная, как лебедь сонных вод,
В темной спальне ждет императрица,
Ждет дрожа того, кто не придет.

Там, в твоих садах, ночное небо,
Звезды разбросались, как в бреду,
Там, быть может, ты увидел Феба,
Трепетно бродящего в саду.

Как и ты, стрелою снов пронзенный,
С любопытным взором он застыл
Там, где дремлет, с Нила привезенный,
Темно-изумрудный крокодил.

Словно прихотливые камни —
Тихие, пустынные сады,
С темных пальм в траву свисают змеи,
Зреют небывалые плоды.

Беспокоен смутный сон растений,
Плавают туманы, точно сны,
В них ночные бабочки, как тени,
С крыльями жемчужной белизны.

Тайное свершается в природе:
Молода, светла и влюблена,
Легкой поступью к тебе нисходит,
В облако закутавшись, луна.

Да, от лунных песен ночью летней
Неземная в этом мире тишь,
Но еще страшнее и запретней
Ты в ответ слова ей говоришь.

А потом в твоём зеленом храме
Медленно, как следует царю,
Ты, неверный, пышными стихами
Юную приветствуешь зарю.

44

Мореплаватель Павзаний
С берегов далеких Нила
В Рим привез и шкуры ланей,
И египетские ткани,
И большого крокодила.

Это было в дни безумных
Извращений Каракаллы.
Бог веселых и бездумных
Изукрасил цепью шумных
Толп причудливые скалы.

В золотом невинном горе
Солнце в море уходило,
И в пурпуровом уборе
Император вышел в море,
Чтобы встретить крокодила.

Суетились у галеры
Бородатые скитальцы.

И изящные гетеры
Поднимали в честь Венеры
Точно мраморные пальцы.

И какой-то сказкой чудной,
Нарушителем гармоний,
Крокодил сверкал у судна
Чешуею изумрудной
На серебряном понтоне.

45. НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ СКАЗКА

Над высокою горою
Поднимались башни замка,
Окруженного рекою,
Как причудливую рамкой.

Жили в нем согласной парой
Принц, на днях еще из детской,
С ним всезнающий и старый
И напыщенный дворецкий.

В зале Гордых Восклицаний
Много копий и арканов,
Чтоб охотиться на ланей
И рыкающих кабанов.

Вид принявши молодецкий,
Принц несется на охоту,
Но за ним бежит дворецкий
И кричит, прогнав дремоту:

«За пределами Веледа
Есть заклятые дороги,
Там я видел людоеда
На огромном носороге.

Кровожадный, ликом темный,
Он бросает злые взоры,
Носорог его огромный
Потрясает ревом горы».

Принц не слушает и мчится,
Белый панцирь так и блещет,
Сокол, царственная птица,
На руке его трепещет.

Вдруг... жилище людоеда —
Скал угрюмые уступы
И, трофеем его победы,
Полусъеденные трупы.

И, как сны необычайны,
Пестрокожие удавы...
Но дворецкий знает тайны,
Жжет магические травы.

Не успел алтарь остынуть,
Людоед уже встревожен,
Не пытается он вынуть
Меч испытанный из ножен.

На душе тяжелый ужас,
Непонятная тревога,
И трубит он в рог, натужась,
Вызывает носорога.

Но он скоро рог оставит:
Друг его в лесистом мраке,
Где его упорно травят
Быстроногие собаки.

Юный принц вошел нечаян
В этот дом глухих рыданий,
И испуганный хозяин
Очутился на аркане.

Людоеда посадили
Одного с его тоскою
В башню мрака, башню пыли,
За высокою стеною.

Говорят, он стал добрее,
Проходящим строит глазки
И о том, как пляшут феи,
Сочиняет детям сказки.

46. ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА

Валерию Брюсову

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры!

Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей,
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.

Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном,
И когда пылает запад, и когда горит восток.

Ты устанешь и замедлишь, и на миг прервется пенье,
И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуться и вздохнуть,—
Тотчас бешеные волки в кровожадном иступленье
В горло вцепятся зубами, встанут лапами на грудь.

Ты поймешь тогда, как злобно насмеялось всё, что пело,
В очи глянет запоздалый, но властительный испуг.
И тоскливый смертный холод обовьет, как тканью, тело,
И невеста зарыдает, и задумается друг.

Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни веселья, ни
сокровищ!

Но я вижу — ты смеешься, эти взоры — два луча.
На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!

КАМЕНЬ.

из Моринг-ланд } А. И. Гумилев.

Взгляни, какъ злобно смотреть камень,
Въ немъ щели странно глубоки,
Подъ ихомъ мерцаетъ скрытый пламень;
Не думай, то не свѣтляки!

Давно угрюмые друиды,
Сибиллы хмурыхъ королей,
Отмстить какія-то обиды
Его призвали изъ морей.

Онъ вышелъ черный, вышелъ страшный,
И вотъ лежитъ на берегу,
А по ночамъ ломаетъ башни
И мститъ случайному врагу.

Летить пустынными полями,
За кустъ приляжетъ, подождетъ,
Сверкнетъ огнистыми щелями
И снова бросится впередъ.

47. ПОТОМКИ КАИНА

Он не солгал нам, дух печально-строгий,
Принявший имя утренней звезды,
Когда сказал: «Не бойтесь вышней мзды,
Вкусите плод и будете, как боги».

Для юношей открылись все дороги,
Для старцев — все запретные труды,
Для девушек — янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,

Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?

48. КАМЕНЬ

А. И. Гумилев

Взгляни, как злобно смотрит камень,
В нем щели странно глубоки,
Под мхом мерцает скрытый пламень;
Не думай, то не светляки!

Давно угрюмые друиды,
Сибиллы хмурых королей,
Отмстить какие-то обиды
Его призвали из морей.

Он вышел черный, вышел страшный
И вот лежит на берегу,
А по ночам ломает башни
И мстит случайному врагу.

Летит пустынными полями,
За куст приляжет, подождет,
Сверкнет огнистыми щелями
И снова бросится вперед.

И редко кто бы мог увидеть
Его ночной и тайный путь,
Но берегись его обидеть,
Случайно как-нибудь толкнуть.

Он скроет жгучую обиду,
Глухое бешенство угроз.
Он промолчит и будет с виду
Недвижен, как простой утес.

Но где бы ты ни скрылся, спящий,
Тебе его не обмануть,
Тебя отыщет он, летящий,
И дико ринется на грудь.

И ты застонешь в изумленье,
Завидя блеск его огней,
Заслыша шум его паденья
И жалкий треск твоих костей.

Горячей кровью пьяный, сытый,
Лишь утром он оставит дом,
И будет страшен труп забытый,
Как пес, раздавленный быком.

И, миновав поля и нивы,
Вернется к берегу он вновь,
Чтоб смыли верные приливы
С него запекшуюся кровь.

49. ОДЕРЖИМЫЙ

Луна плывет, как круглый щит
Давно убитого героя,
А сердце ноет и стучит,
Уныло чуя роковое.

Чрез дымный луг и хмурый лес
И угрожающее море
Бредет с копьём наперевес
Мое чудовищное горе.

Напрасно я спешу к коню,
Хватаю с трепетом поводья
И, обезумевший, гоню
Его в ночные половодья.

В болоте темном дикий бой
Для всех останется неведом,
И верх одержит надо мной
Привыкший к сумрачным победам:

Мне сразу в очи хлынет мгла...
На полном, бешеном галопе
Я буду выбит из седла
И покачусь в ночные топи.

Как будет страшен этот час!
Я буду сжат доспехом тесным,
И, как всегда, о *coup de grâce*¹
Я возоплю пред неизвестным.

Я угадаю шаг глухой
В неверной мгле ночного дыма,
Но, как всегда, передо мной
Пройдет неведомое мимо...

И утром встану я один,
А девы, рады играм вешним,
Шепнут: «Вот странный паладин
С душой, измученной нездешним».

50. ПОЕДИНОК

В твоём гербе — невинность лилий,
В моём — багряные цветы.
И близок бой, рога завывли,
Сверкнули золотом щиты.

Я вызван был на поединок
Под звуки бубнов и литавр,
Среди смеющихся тропинок,
Как тигр в саду, — угрюмый мавр.

¹ Последний, смертельный удар (фр.). — *Ред.*

Ты — дева-воин песен давних,
Тобой гордятся короли,
Твое копьё не знает равных
В пределах моря и земли.

Вот мы схватились и застыли,
И войско с трепетом глядит,
Кто побеждает: я ли, ты ли,
Иль гибкость стали, иль гранит.

Я пал, и, молнии победней,
Сверкнул и в тело впился нож.
Тебе восторг — мой стон последний,
Моя прерывистая дрожь.

И ты уходишь в славе ратной,
Толпа поет тебе хвалы,
Но ты воротишься обратно,
Одна, в плаще весенней мглы.

И над равниной дымно-белой
Мерцая шлемом золотым,
Найдешь мой труп окоченелый
И снова склонишься над ним:

«Люблю! Ты слышишь, милый, милый?
Открой глаза, ответь мне: «Да».
За то, что я тебя убила,
Твоей я стану навсегда».

Еще не умер звук рыданий,
Еще шуршит твой белый шелк,
А уж ко мне ползет в тумане
Нетерпеливо-жадный волк.

51. ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ

КАРТИНА В ЛУВРЕ РАБОТЫ НЕИЗВЕСТНОГО

Его глаза — подземные озера,
Покинутые царские чертоги.
Отмечен знаком высшего позора,
Он никогда не говорит о божестве.

Его уста — пурпуровая рана
От лезвия, пропитанного ядом;
Печальные, сомкнувшиеся рано,
Они зовут к непознанным усладам.

И руки — бледный мрамор полнолуний.
В них ужасы неснятого проклятья.
Они ласкали девушек-колдуний
И ведали кровавые распятья.

Ему в веках достался странный жребий —
Служить мечтой убийцы и поэта,
Быть может, как родился он, на небе
Кровавая растаяла комета.

В его душе столетние обиды,
В его душе печали без названья.
На все сады Мадонны и Киприды
Не променяет он воспоминанья.

Он злобен, но не злобой святотатца,
И нежен цвет его атласной кожи.
Он может улыбаться и смеяться,
Но плакать... плакать больше он не может.

52. ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Ветер гонит тучу дыма
Словно грузного коня.
Вслед за ним неумолимо
Встало зарево огня.

Только в редкие просветы
Темно-бурых тополей
Видно розовые светы
Обезумевших полей.

Ярко вспыхивает ма́йс,
С острым запахом смолы,
И, шипя и разгораясь,
В пламя падают стволы.

ЛѢСНОЙ ПОЖАРЪ.

Зумановъ и пусетинъ

Вѣтеръ гонить тучу дыма,
Словно грузнаго коня,
Вслѣдъ за нимъ неумолимо
Встало зарево огня.

Только въ рѣдкіе просвѣты
Темно-бурыхъ тополей
Видно розовые свѣты
Обезумѣвшихъ полей.

Ярко вспыхиваетъ мансъ,
Съ острымъ запахомъ смолы
И, шипя и разгораясь,
Въ пламя падаютъ стволы.

Рѣзкій грохотъ, тяжкій топотъ,
Вой, мычанье, визгъ и ревъ,
И злобѣще-тихий ропотъ
Закипающихъ ручьевъ.

Резкий грохот, тяжкий топот,
Вой, мычанье, визг и рев,
И зловеще-тихий ропот
Закипающих ручьев.

Вон несется слон-пустынник,
Лев стремительно бежит,
Обезьяна держит финик
И пронзительно визжит.

С ведрем стиснутый бок о бок,
Легкий волк, душа ловить,
Зубы белы, взор не робок —
Только время не для битв.

А за ними в дымных пущах
Льется новая волна
Опаленных и ревущих...
Как назвать их имена?

Словно там, под сводом ада,
Дьявол шелкает бичом,
Чтобы грешников громада
Вышла бешеным смерчем.

Всё страшней в ночи бессонной,
Всё быстрее дикий бег,
И, огнями ослепленный,
Черной кровью обагренный,
Первым гибнет человек.

53. ЦАРИЦА

Твой лоб в кудрях отлива бронзы,
Как сталь, глаза твои остры,
Тебе задумчивые бонзы
В Тибете ставили костры.

Когда Тимур в унылой злобе
Народы бросил к их мете,
Тебя несли в пустынях Гоби
На боевом его щите.

И ты вступила в крепость Агры,
Светла, как древняя Лилит,
Твои веселые онагры
Звенели золотом копыт.

Был вечер тих. Земля молчала,
Едва вздыхали цветники,
Да от зеленого канала,
Взлетая, реяли жуки.

И я следил в тени колонны
Черты алмазного лица
И ждал, коленопреклоненный,
В одежде розовой жреца.

Узорный лук в дугу был согнут,
И, вольность древнюю любя,
Я знал, что мускулы не дрогнут
И острие найдет тебя.

Тогда бы вспыхнуло былое:
Князей торжественный приход,
И пляски в зарослях алоэ,
И дни веселые охот.

Но рот твой, вырезанный строго,
Таил такую смену мук,
Что я в тебе увидел бога
И робко выронил свой лук.

Толпа рабов ко мне метнулась,
Теснясь, волнуясь и крича,
И ты лениво улыбнулась
Стальной секире палача.

54. ТОВАРИЩ

Что-то проходит близко, верно,
Холод томящий в грудь проник.
Каждую ночью в тьме безмерной
Я вижу милый, странный лик.

Старый товарищ, древний ловчий,
Снова встаешь ты с ночного дна,
Тигра смелее, барса ловче,
Сильнее грузного слона.

Помню, всё помню; как забуду
Рыжие кудри, крепость рук,
Меч твой, вносивший гибель всюду,
Из рога турьего твой лук?

Помню и волка; с нами в мире
Вместе бродил он, вместе спал,
Вечером я играл на лире,
А он тихонько поддывал.

Что же случилось? Чьею властью
Вытопан был наш дикий сад?
Раненый коршун, темной страстью
Товарищ дивный был объят.

Спутанно помню — кровь повсюду,
Душу гнетущий мертвый страх,
Ночь, и героев павших груды,
И труп товарища в волнах.

Что же теперь, сквозь ряд столетий,
Выступил ты из смертных чаш, —
В смуглых ладонях лук и сети
И на плечах багряный плащ?

Сладостной верю я надежде,
Лгать не умеют сердцу сны,
Скоро пройду с тобой, как прежде,
В полях неведомой страны.

55. В БИБЛИОТЕКЕ

М. Кузмину

О, пожелтевшие листы
В стенах вечерних библиотек,
Когда раздумья так чисты,
А пыль пьянее, чем наркотик!

Въ Библиотекѣ.

М. А. Кузнецову.

О, почтительнѣе чтеніе
~~Книголюбца даждь чаша.~~

Во стѣнахъ вечернихъ библиотекъ
Когда раздумья такъ светлы,
А нѣтъ лѣнныя, тамъ широкимъ!

Мнѣ много нудится твой урокъ,
Куда отъ ступенекъ твоихъ двѣлся,
И отыскала сѣнница чужбоекъ
Во проулахъ древетъ твоя де Река,

Нуржунъ съ тѣмъ блуднымъ мнѣ,
Сухой, но тайно благовонный...
Его наивно пологали
Суда какою нибудь влюбленности.

Судъ отъ чужихъ чтеній твоихъ
Его полагали тихо шепчи,
Но въ ^{тѣхъ} охотѣхъ уже были нуръ
И мѣлаи холодно тѣстоки.

И вѣрно дѣловитая страсть
Въ думѣ вѣстивала, словно пѣнье,
Это, даръ любви, чужбоекъ увѣстивъ
Былъ брѣвѣтъ въ нѣмнѣ преступленія

А нѣтъ тамъ въ тѣхъ аркадахъ,
Я великолѣпны ноги дивныя
Кого замѣтили тусклѣй взглядъ,
Тѣхъ крѣпко полагали призывныя?

Мнѣ много тайны хранить чужбѣ,
Мнѣ нудится старейя зрѣбники!
Мнѣ это нѣтъ, это провъ
Лѣтнѣтъ мнѣ старинныя.

И нуръ сочувствуетъ вѣну,
И брѣвѣтъ нѣтъ — тѣхъ брѣвѣтъ...
Но это до тѣхъ тѣхъ
Кеутелити нуръ, какъ брѣвѣтъ.

Мнѣ нѣтъ... охъ нѣтъ,
А тѣхъ, убѣвѣтъ дальнѣй, кто тѣхъ?!
О, почтительнѣе чтеніе,
Нуржунъ нѣтъ нуржунъ!

Н. Кузнецовъ

Мне нынче труден мой урок.
Куда от странной грезы деться?
Я отыскал сейчас цветок
В процессе древнем Жиль де Реца.

Изрезан сетью бледных жил,
Сухой, но тайно-благовонный...
Его, наверно, положил
Сюда какой-нибудь влюбленный.

Еще от алых женских губ
Его пылали жарко щеки,
Но взор очей уже был туп,
И мысли холодно жестоки.

И, верно, дьявольская страсть
В душе вставала, словно пенье,
Что дар любви, цветок, увясть
Был брошен в книге преступленья.

И после, там, в тени аркад,
В великолепии ночи дивной
Кого заметил тусклый взгляд,
Чей крик слышался призывный?

Так много тайн хранит любовь,
Так мучат старые гробницы!
Мне ясно кажется, что кровь
Пятнает многие страницы.

И терн сопутствует венцу,
И бремя жизни — злое бремя...
Но что до этого чтецу,
Неутомимому, как время!

Мои мечты... они чисты,
А ты, убийца дальний, кто ты?!
О пожелтевшие листы,
Шагреневые переплеты!

56. В ПУТИ

Кончено время игры,
Дважды цветам не цвести.
Тень от гигантской горы
Пала на нашем пути.

Область унынья и слез —
Скалы с обеих сторон
И оголенный утес,
Где распростерся дракон.

Острый хребет его крут,
Вздых его — огненный смерч.
Люди его назовут
Сумрачным именем «Смерть».

Что ж, обратиться нам вспять,
Вспять повернуть корабли,
Чтобы опять испытать
Древнюю скудость земли?

Нет, ни за что, ни за что!
Значит, настала пора.
Лучше слепое Ничто,
Чем золотое Вчера!

Вынем же меч-кладенец,
Дар благосклонных наяд,
Чтоб обрести наконец
Неотцветающий сад.

57. СЕМИРАМИДА

Светлой памяти И. Ф. Анненского

Для первых властителей завиден мой жребий,
И боги не так горды.
Столпами из мрамора в пылающем небе
Укрепились мои сады.

Там рощи с цистернами для розовой влаги,
Голубые, нежные мхи,
Рабы, и танцовщицы, и мудрые маги,
Короли четырех стихий.

Всё манит и радует, всё ясно и близко,
Всё таит восторг вышины,
Но каждую полночью так страшно и низко
Наклоняется лик луны.

И в сумрачном ужасе от лунного взгляда,
От цепких лунных сетей,
Мне хочется броситься из этого сада
С высоты семисот локтей.

58. СТАРЫЙ КОНКВИСТАДОР

Углубясь в неведомые горы,
Заблудился старый конквистадор,
В дымном небе плавали кондоры,
Нависали снежные громады.

Восемь дней скитался он без пищи,
Конь издох, но под большим уступом
Он нашел уютное жилище,
Чтоб не разлучаться с милым трупом.

Там он жил в тени сухих смоковниц,
Песни пел о солнечной Кастилье,
Вспоминал сраженья и любовниц,
Видел то пищажи, то мантильи.

Как всегда, был дерзок и спокоен
И не знал ни ужаса, ни злости,
Смерть пришла, и предложил ей воин
Поиграть в изломанные кости.

59. ВАРВАРЫ

Когда зарыдала страна под немилостью божьей
И варвары в город вошли молчаливой толпою,
На площади людной царица поставила ложе,
Суровых врагов ожидала царица нагою.

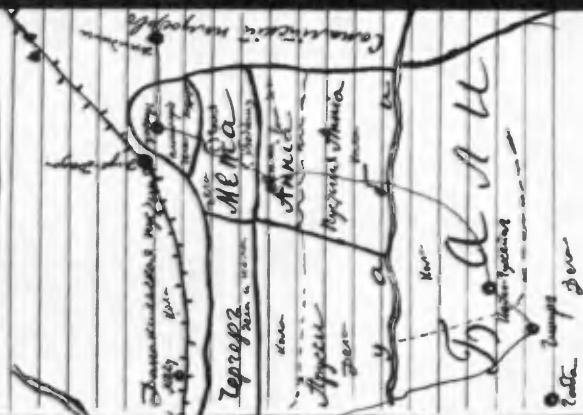

物

Н. Гумилев.

О-во АРЗАМАС

(первое собрание)

ВЕЧЕР ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ

13 мая 1918 года.

I

Пролог Арзамаса (соч. Георгия Адамовича) **О. А. ГЛЕ-
БОВА-СУДЕЙКИНА.**

В. ПЯСТ

АННА РАДЛОВА

РЮРИК ИВНЕВ

„Двенадцать“, поэма А. Блока—**Л. Д. БАСАРГИНА-
БЛОК**

II

Стихи Пушкина—**О. А. ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА**
АРТУР ЛУРЬЕ

Стихи Ин. Анненского, **О. А. ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА**

III

А. БЛОК

О. МАНДЕЛЬШТАМ

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

М. КУЗМИН

Н. ГУМИЛЕВ

Книгоиздательство АРЗАМАС

Ближайшие издания

Платон. Пир. Пер. Сергея Радлова. Ла-Брюйер. О сердце. Фрагмент Омар Кайям. 99 рубайят. Пер. Ильи Средника. „Старые арзамасцы“. Сборник. Кн. П. А. Вяземский. Избранные стихи. Георгий Адамович. Венера. Стихи. Георгий Иванов. Розан. Стихи. О. Мандельштам. Статьи.

Союз деятелей художественной литературы.

БЕСПЛАТНЫЕ
ВЕЧЕРА ПИСАТЕЛЕЙ

ПОД ОБЩИМ НАЗВАНИЕМ

„Русская литература за последнее десятилетие“.

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

Понедельник, 24-го Марта 1919 г.,

Театр „ГРОТЕСК“ (Проспект 25-го Октября, дом 56).

ПРОГРАММА:

Вступительное слово **В. Мазуркевича**; доклад **А. А. Измайлова**
„О русской литературе за последнее десятилетие“; свои произведения прочтут
писатели. Члены Союза: **Блон, Гумилев, Замiatин, Георгий**
Иванов, Клюев, Кривич, Муйжель, Слёзкин, Цензор
и **Шишков.**

Начало в 7 ч. вечера.

Билеты в кассе театра „Гротеск“.

Культурно-просветительная комиссия С. Д. Х. Л.

Отдел печати № 2000.

Учредитель: Министерство Народного Просвещения.

ДОМ ИСКУССТВ

ПРИ НАРКОМПРОСЕ

Угол Мойки и Невского (вход с Мойки, д. 59).

В Понедельник, 29 Денабря с. г.,

СОСТОИТСЯ

ВЕЧЕР

ПЕТРОГРАДСКИХ ПОЭТОВ

УЧАСТВУЮТ: **А. Блок, Н. Гумилев, Зоргенфрей, Г. Иванов, М. Кузмин, Н. Оцуп, В. Пяст, В. Рождественский** и др.

Начало в 6 час. вечера.

ПОМЕЩЕНИЕ ОТАПЛИВАЕТСЯ.

Влеты по **80, 60 и 40** руб. продаются в Доме Искусств и в помещении
Издательства Всемирной Литературы (Моховая ул., д. 38).

В ближайшце Понедельники в 6 ч. в. в **Доме Искусств** состоятся следующие лекции и вечера: 5-го Января лекция **М. Горького** о **ТОЛСТОМ**, 12-го Января — лекция **К. Чуковского** о **НЕКРАСОВЕ**, 19-го Января — лекция **Андрея Белого** о **ПОЭТИКЕ**, 26-го Января — вечер памяти **Леонида Андреева**.

Билеты и все справки там же.

Отдел Реклам. № 4847.

№ 1 11-12-13-14-15-16-17-18-19-20-21-22-23-24-25-26-27-28-29-30-31-32-33-34-35-36-37-38-39-40

ПОНЕДЕЛЬНИКИ ДОМА ИСКУССТВ

В Понедельник, **15**-го Марта 1920 г.,

СОСТОИТСЯ

ВЕЧЕР ПОЭТОВ

УЧАСТВУЮТ:

Андрей Белый, Александр Блок,

Н. Гумилев, М. Кузьмин и др.

Начало в **7** час. веч.

БИЛЕТЫ В ДОМЕ ИСКУССТВ - МОЙКА. 59

ДОМ ИСКУССТВ

Мойка, 59.

В Понедельник, 2-го Августа

≡ ВЕЧЕР ≡

Н. ГУМИЛЕВА

1) Из африканских воспоминаний

(проза).

2) „Дитя Аллаха“

(Драматическая поэма).

3) Стихи.

НАЧАЛО В 7 ЧАС. ВЕЧ.

БИЛЕТЫ В ДОМЕ ИСКУССТВ.

Трубили герольды. По ветру стремились знамена,
Как листья осенние, прелые, бурые листья.
Роскошные груди восточных шелков и виссона
С краев украшали литые из золота кисти.

Царица была — как пантера суровых безлюдий,
С глазами — провалами темного, дикого счастья.
Под сеткой жемчужной вздымались дрожащие груди,
На смуглых руках и ногах трепетали запястья.

И зов ее мчался, как звоны серебряной лютни:
«Спешите, герои, несущие луки и пращи!
Нигде, никогда не найти вам жены бесприютней,
Чьи жалкие стоны вам будут желанней и слаще.

Спешите, герои, окованы медью и сталью,
Пусть в бедное тело вопьются свирепые гвозди,
И бешенством ваши нальются сердца и печалью
И будут красней виноградных пурпуровых гроздий.

Давно я ждала вас, могучие, грубые люди,
Мечтала, любясь на зарево ваших становищ.
Идите ж, терзайте для муки расцветшие груди,
Герольд протрубит — не щадите заветных сокровищ».

Серебряный рог, изукрашенный костью слоновьей,
На бронзовом блюде рабы протянули герольду,
Но варвары севера хмурили гордые брови,
Они вспоминали скитанья по снегу и по льду.

Они вспоминали холодное небо и дюны,
В зеленых трущобах веселые щебеты птичьи,
И царственно синие женские взоры... и струны,
Которыми скальды гремели о женском величьи.

Кипела, сверкала народом широкая площадь,
И южное небо раскрыло свой огненный веер,
Но хмурый начальник сдержал опененную лошадь,
С надменной усмешкой войска повернул он на север.

60. ВОИН АГАЕМНОНА

Смутную душу мою тяготит
Странный и страшный вопрос:
Можно ли жить, если умер Атрид,
Умер на ложе из роз?

Всё, что нам снилось всегда и везде,
Наше желанье и страх,
Всё отражалось, как в чистой воде,
В этих спокойных очах.

В мышцах жила несказанная мощь,
Нега — в изгибе колен,
Был он прекрасен, как облако, — вождь
Золотоносных Микен.

Что я? Обломок старинных обид,
Дротик, упавший в траву.
Умер водитель народов Атрид,
Я же, ничтожный, живу.

Манит прозрачность глубоких озер,
Смотрит с укором заря.
Тягостен, тягостен этот позор —
Жить, потерявши царя!

61. АНДРОГИН

Тебе никогда не устанем молиться,
Немыслимо дивное бог-существо.
Мы знаем, ты здесь, ты готов проявиться,
Мы верим, мы верим в твое торжество.

Подруга, я вижу, ты жертвуешь много,
Ты в жертву приносишь себя самое,
Ты тело даешь для великого бога,
Изысканно-нежное тело свое.

Спеши же, подруга! Как духи, нагими
Должны мы исполнить старинный обет,
Шепнуть, задыхаясь, забытое Имя
И, вздрогнув, услышать желанный ответ.

Я вижу, ты медлишь, смущаешься... Что же?!
Пусть двое погибнут, чтоб ожил один,
Чтоб странный и светлый с безумного ложа,
Как феникс из пламени, встал Андрогин.

И воздух — как роза, и мы — как виденья,
То близок к отчизне своей пилигрим...
И верь! Не коснется до нас наслажденье
Бичом оскорбительно жгучим своим.

62. ОРЕЛ

Орел летел всё выше и вперед
К Престолу Сил сквозь звездные преддверья,
И был прекрасен царственный полет,
И лоснились коричневые перья.

Где жил он прежде? Может быть, в плену,
В оковах королевского зверинца,
Кричал, встречая девушку-весну,
Влюбленную в задумчивого принца.

Иль, может быть, в берлоге колдуна,
Когда глядел он в узкое оконце,
Его зачаровала вышина
И властно превратила сердце в солнце.

Не всё ль равно?! Играя и маня,
Лазурное вскрывалось совершенство,
И он летел три ночи и три дня
И умер, задохнувшись от блаженства.

Он умер, да! Но он не мог упасть,
Войдя в круги планетного движенья.
Бездонная внизу зияла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Лучами был пронизан небосвод,
Божественно холодными лучами,
Не зная тленья, он летел вперед,
Смотрел на звезды мертвыми очами.

Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

63. ПОКОРНОСТЬ

Только усталый достоин молиться богам,
Только влюбленный — ступать по весенним лугам!

На небе звезды, и тихая грусть на земле,
Тихое «пусть» прозвучало и тает во мгле.

Это — покорность! Приди и склонись надо мной,
Бледная дева под траурно черной фатой!

Край мой печален, затерян в болотной глуши,
Нету прекраснее края для скорбной души.

Вон порыжевшие кочки и мокрый овраг,
Я для него отрекаюсь от призрачных благ.

Что я: влюблен или просто смертельно устал?
Так хорошо, что мой взор, наконец, отблестал!

Тихо смотрю, как степная колышется зыбь,
Тихо внимаю, как плачет болотная выпь.

64. РЫЦАРЬ С ЦЕПЬЮ

Слышу гул и завыванье призывающих рогов,
И я снова конквистадор, покоритель городов.

Словно раб, я был закован, жил, униженный, в плену,
И забыл, неблагодарный, про могучую весну.

А она пришла, ступая над рубинами цветов,
И, ревнивая, разбила сталь мучительных оков.

Я опять иду по скалам, пью студёные струи;
Под дыханьем океана раны зажили мои.

Но вступая, обновленный, в неизвестную страну,
Ничего я не забуду, ничего не прокляну.

И, чтоб помнить каждый подвиг — и возвышенность,
и степь, —
Я к серебряному шлему прикую стальную цепь.

65. ХРИСТОС

Он идет путем жемчужным
По садам береговым,
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.

«Здравствуй, пастырь! Рыбарь,
здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.

Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши!

Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды, —
Светлый рай, что розовее
Самой розовой звезды.

Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отрадно будет Сыну
В Доме Нежного Отца».

Не томит, не мучит выбор,
Что пленительней чудес?!
И идут пастух и рыбарь
За искателем небес.

66. МАРКИЗ ДЕ КАРАБАС

С. Ауслендеру

Весенний лес певуч и светел,
Черны и радостны поля.
Сегодня я впервые встретил
За старой ригой журавля.

Смотрю на тающую глыбу,
На отблеск розовых зарниц,
А умный кот мой ловит рыбу
И в сеть заманивает птиц.

Он знает след хорька и зайца,
Лазейки сквозь камыш к реке,
И так вкусны сорочки яйца,
Им испеченные в песке.

Когда же роща тьму призовет,
Туман уронит капли рос
И задремлю я, он мурлычет,
Уткнув мне в руку влажный нос:

«Мне сладко вам служить. За вас
Я смело миру брошу вызов.
Ведь вы маркиз де Карабас,
Потомок самых древних рас,
Средь всех отличный маркизов.

И дичь в лесу, и сосны гор,
Богатых золотом и медью,
И нив желтеющих простор,
И рыба в глубине озер
Принадлежит вам по наследью.

Зачем же спите вы в норе,
Всегда причудливый ребенок,
Зачем не жить вам при дворе,
Не есть и пить на серебре
Средь попугаев и болонок?!»

Мой добрый кот, мой кот ученый
Печальный подавляет вздох
И лапкой белой и точеной,
Сердясь, вычесывает блох.

Наутро снова я под ивой
(В ее корнях такой уют)
Рукой рассеянно-ленивой
Бросаю камни в дымный пруд.

Как тяжелы они, как метки,
Как по воде они скользят!
...И в каждой травке, в каждой ветке
Я мой встречаю маркизат.

67. ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ

С. Судейкину

Воздух над нами чист и звонок,
В житницу вол отвез зерно,
Отданный повару, пал ягненок,
В медных ковшах играет вино.

Что же тоска нам сердце гложет,
Что мы пытаем бытие?
Лучшая девушка дать не может
Больше того, что есть у нее.

Все мы знавали злое горе,
Бросили все заветный рай,
Все мы, товарищи, верим в море,
Можем отплыть в далекий Китай.

Только не думать! Будет счастье
В самом крикливом какаду,
Душу исполнит нам жгучей страстью
Смуглый ребенок в чайном саду.

В розовой пене встретим даль мы,
Нас испугает медный лев.
Что нам пригрезится в ночь у пальмы,
Как опьянят нас соки деревьев?

Праздником будут те недели,
Что проведем на корабле...
Ты ли не опытен в пьяном деле,
Вечно румяный, метр Рабле?

Грузный, как бочки вин токайских,
Мудрость свою прикрой плащом,
Ты будешь пугалом дев китайских,
Бедро обвив зеленым плющом.

Будь капитаном. Просим! Просим!
Вместо весла вручаем жердь...
Только в Китае мы якорь бросим,
Хоть на пути и встретим смерть!

68. ЗАВЕЩАНИЕ

Очарован соблазнами жизни,
Не хочу я растаять во мгле,
Не хочу я вернуться к отчизне,
К усыпляющей, мертвой земле.

Пусть высоко на розовой влаге
Вечереющих горных озер
Молодые и строгие маги
Кипарисовый сложат костер

И покорно, склоняясь, положат
На него мой закутанный труп,
Чтоб смотрел я с последнего ложа
С затаенной усмешкою губ.

И когда заревое чуть тронет
Темным золотом мраморный мол,
Пусть задумчивый факел уронит
Благовонье пылающих смол.

И свирель тишину опечалит,
И серебряный гонг заревет
В час, когда задрожит и отчалит
Огневеющий траурный плот.

Словно демон в лесу волхвований,
Снова вспыхнет мое бытие,
От мучительных красных лобзаний
Зашевелится тело мое.

И пока к пустоте или раю
Необорный не бросит меня,
Я еще один раз отпылаю
Упоительной жизнью огня.

69. ОЗЕРА

Я счастье разбил с торжеством святотатца,
И нет ни тоски, ни укора,
Но каждую ночью так ясно мне снятся
Большие ночные озера.

На траурно-черных волнах неньюфары,
Как думы мои, молчаливы,
И будят забытые, грустные чары
Серебряно-белые ивы.

Луна освещает изгибы дороги,
И видит пустынное поле,
Как я задыхаюсь в тяжелой тревоге
И пальцы ломаю до боли.

Я вспомню, и что-то должно появиться,
Как в сумрачной драме развязка:
Печальная девушка, белая птица
Иль странная, нежная сказка.

И новое солнце заблещет в тумане,
И будут стрекозами тени,
И гордые лебеди древних сказаний
На белые выйдут ступени.

Но мне не припомнить. Я, слабый, бескрылый,
Смотрю на ночные озера
И слышу, как волны лепечут без силы
Слова рокового укора.

Проснусь, и, как прежде, уверенны губы.
Далеко и чуждо ночное,
И так по-земному прекрасны и грубы
Минуты труда и покоя.

70. СВИДАНИЕ

Сегодня ты придешь ко мне,
Сегодня я пойму,
Зачем так странно при луне
Остаться одному.

Ты остановишься, бледна,
И тихо сбросишь плащ.
Не так ли полная луна
Встает из темных чаш?

И, околдованный луной,
Окованный тобой,
Я буду счастлив тишиной,
И мраком, и судьбой.

Так зверь безрадостных лесов,
Почуявший весну,
Внимает шороху часов
И смотрит на луну,

И тихо крадется в овраг
Будить ночные сны,
И согласует легкий шаг
С движением луны.

Как он, и я хочу молчать,
Тоскуя и любя,
С тревогой древнею встречать
Мою луну, тебя.

Проходит миг, ты не со мной,
И снова день и мрак,
Но, обожженная луной,
Душа хранит твой знак.

Соединяющий тела
Их разлучает вновь,
Но, как луна, всегда светла
Полночная любовь.

Ты помнишь дворец великанов,
В бассейне серебряных рыб,
Аллеи высоких платанов
И башни из каменных глыб?

Как конь золотистый у башен,
Играя, вставал на дыбы
И белый чепрак был украшен
Узорами тонкой резьбы?

Ты помнишь, у облачных впадин
С тобою нашли мы карниз,
Где звезды, как горсть виноградин,
Стремительно падали вниз?

Теперь, о скажи, не бледнея,
Теперь мы с тобою не те,
Быть может, сильнее и смелее,
Но только чужие мечте.

У нас как точеные руки,
Красивы у нас имена,
Но мертвой, томительной скуке
Душа навсегда отдана.

И мы до сих пор не забыли,
Хоть нам и дано забывать,
То время, когда мы любили,
Когда мы умели летать.

72. СТАРИНА

Вот парк с пустынными опушками,
Где сонных трав печальна зыбь,
Где поздно вечером с лягушками
Перекликаться любит выпь.

Вот дом, старинный и некрашенный,
В нем словно плавает туман,
В нем залы гулкие украшены
Изображением пейзаев.

Мне суждено одну тоску нести,
Где дед раскладывал пасьянс
И где влюблялись тетки в юности
И танцевали контреданс.

И сердце мучится бездомное,
Что им владеет лишь одна
Такая скучная и томная,
Незолотая старина.

...Теперь бы кручи необорные,
Снега серебряных вершин
Да тучи сизые и черные
Над гулким грохотом лавин!

73

Он поклялся в строгом храме
Перед статуей мадонны,
Что он будет верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны.

И забыл о тайном браке,
Всюду ласки расточая.
Ночью был зарезан в драке
И пришел к преддверьям рая.

«Ты ль в моем не клялся храме, —
Прозвучала речь мадонны, —
Что ты будешь верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны?»

Отойди, не эти жатвы
Собирает царь небесный.
Кто нарушил слово клятвы,
Гибнет, богу неизвестный».

Но, печальный и упрямый,
Он припал к ногам мадонны:
«Я нигде не встретил дамы,
Той, чьи взоры непреклонны».

74. ВОРОТА РАЯ

Не семью печатями алмазными
В божий рай замкнулся вечный вход,
Он не манит блеском и соблазнами,
И его не ведает народ.

Это дверь в стене, давно заброшенной,
Камни, мох и больше ничего,
Возле — нищий, словно гость непрощенный,
И ключи у пояса его.

Мимо едут рыцари и латники,
Трубный вой, бряцанье серебра,
И никто не взглянет на привратника,
Светлого апостола Петра.

Все мечтают: «Там, у гроба божия,
Двери рая вскроются для нас,
На горе Фаворе, у подножия,
Прозвенит обетованный час».

Так проходит медленное чудище,
Завывая, трубит звонкий рог,
И апостол Петр в дырявом рубище,
Словно нищий, бледен и убог.

75. ЗАВОДИ

Н. В. Анненской

Солнце скрылось на западе
За полями обетованными,
И стали тихие заводи
Синими и благоуханными.

Сонно дрогнул камыш,
Пролетела летучая мышь,
Рыба плеснулась в омуте...
...И направились к дому те,
У кого есть дом
С голубыми ставнями,
С креслами давними
И круглым чайным столом.

Я один остался на воздухе
Смотреть на сонную заводь,
Где днем так отрадно плавать,
А вечером плакать,
Потому что я люблю тебя, господи.

76. КЕНГУРУ

УТРО ДЕВУШКИ

Сон меня сегодня не разнежил,
Я проснулась рано поутру
И пошла, вдыхая воздух свежий,
Посмотреть ручного кенгуру.

Он срывал пучки смолистых игол,
Глупый, для чего-то их жевал.
И смешно, смешно ко мне запрыгал,
И еще смешнее закричал.

У него так неуклюжи ласки,
Но и я люблю ласкать его,
Чтоб его коричневые глазки
Мигом осветило торжество.

А потом, охвачена истомой,
Я мечтать уселась на скамью;
Что ж нейдет он, дальний, незнакомый,
Тот один, которого люблю!

Мысли так отчетливо ложатся,
Словно тени листьев поутру.
Я хочу к кому-нибудь ласкаться,
Как ко мне ласкался кенгуру.

77. МАЭСТРО

Н. Л. Сверчкову

В красном фраке с галунами,
Надушенный, встал маэстро,
Он рассыпал перед нами
Звуки легкие оркестра.

Звуки мчались и кричали,
Как виденья, как гиганты,
И метались в гулкой зале,
И роняли бриллианты.

К золотым сбегали рыбкам,
Что плескались там, в бассейне,
И по девичьим улыбкам
Плыли тише и лилейней.

Созидали башни храмам
Голубеющего рая
И ласкали плечи дамам,
Улыбаясь и играя.

А потом с веселой дрожью,
Закружившись вокруг оркестра,
Тихо падали к подножью
Надушённого маэстро.

78. ДОН ЖУАН

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новые уста.

А в старости принять завет Христа,
Потупить взор, посыпать пеплом темя
И взять на грудь спасающее бремя
Тяжелого железного креста!

И лишь когда средь оргии победной
Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный,
Испуганный в тиши своих путей,

Я вспоминаю, что, ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.

79. ПОПУГАЙ

Я — попугай с Антильских островов,
Но я живу в квадратной келье мага.
Вокруг — реторты, глобусы, бумага,
И кашель старика, и бой часов.

Пусть в час заклятий, в вихре голосов
И в блеске глаз, мерцающих, как шпага,
Ерошат крылья ужас и отвага
И я сражаюсь с призраками сов...

Пусть! Но едва под этот свод унылый
Войдет гадать о картах иль о милой
Распутник в раззолоченном плаще —

Мне грезится корабль в тиши залива,
Я вспоминаю солнце... и вотще
Стремлюсь забыть, что тайна некрасива.

80. ЧИТАТЕЛЬ КНИГ

Читатель книг, и я хотел найти
Мой тихий рай в покорности сознанья,
Я их любил, те странные пути,
Где нет надежд и нет воспоминанья.

Неутомимо плыть ручьями строк,
В проливы глав вступать нетерпеливо
И наблюдать, как пенится поток,
И слушать гул идущего прилива!

Но вечером... О, как она страшна,
Ночная тень за шкафом, за киотом,
И маятник, недвижимый, как луна,
Что светит над мерцающим болотом!

У меня не живут цветы,
 Красотой их на миг я обманут,
 Пойдут день-другой и завянут,
 У меня не живут цветы.

Да и птицы здесь не живут,
 Только хохлятся скорбно и глухо,
 А наутро — комочек из пуха...
 Даже птицы здесь не живут.

Только книги в восемь рядов,
 Молчаливые, грузные томы,
 Сторожат вековые истома,
 Словно зубы в восемь рядов.

Мне продавший их букинист,
 Помню, был и горбатым, и нищим...
 ...Торговал за проклятым кладбищем
 Мне продавший их букинист.

82. ЭТО БЫЛО НЕ РАЗ

Это было не раз, это будет не раз
 В нашей битве, глухой и упорной:
 Как всегда, от меня ты теперь отсеклась,
 Завтра, знаю, вернешься покорной.

Но зато не дивись, мой враждующий друг,
 Враг мой, схваченный темной любовью,
 Если стоны любви будут стонами мук,
 Поцелуи — окрашены кровью.

83. МОЛИТВА

Солнце свирепое, солнце грозящее,
 Бога, в пространствах идущего,
 Лицо сумасшедшее,

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!

84

Рощи пальм и заросли алоэ,
Серебристо-матовый ручей,
Небо бесконечно голубое,
Небо, золотое от лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце?
Разве счастье — сказка или ложь?
Для чего ж соблазнам иноверца
Ты себя покорно отдаешь?

Разве снова хочешь ты отравы,
Хочешь биться в огненном бреду,
Разве ты не властно жить как травы
В этом упоительном саду?

85. ВЕЧЕР

Еще один ненужный день,
Великолепный и ненужный!
Приди, ласкающая тень,
И душу смутную одень
Своею ризою жемчужной.

И ты пришла... Ты гонишь прочь
Зловещих птиц — мои печали.
О повелительница ночь,
Никто не в силах превозмочь
Победный шаг твоих сандалий!

От звезд слетает тишина,
Блестит луна — твое запястье,
И мне во сне опять дана
Обетованная страна —
Давно оплаканное счастье.

1

Музы, рыдать перестаньте,
Грусть вашу в песнях излейте,
Спойте мне песню о Данте
Или сыграйте на флейте.

Дальше, докучные фавны,
Музыки нет в вашем кличе!
Знаете ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче,

Странная белая роза
В тихой вечерней прохладе...
Что это? Снова угроза
Или мольба о пощаде?

Жил беспокойный художник.
В мире лукавых обличий —
Грешник, развратник, безбожник,
Но он любил Беатриче.

Тайные думы поэта
В сердце его прихотливом
Стали потоками света,
Стали шумящим приливом.

Музы, в сонете-брильянте
Странную тайну отметьте,
Спойте мне песню о Данте
И Габриеле Россетти.

2

В моих садах — цветы, в твоих — печаль.
Приди ко мне, прекрасною печалью
Заворожи, как дымчатой вуалью,
Моих садов мучительную даль.

Ты — лепесток иранских белых роз.
Войди сюда, в сады моих томлений,
Чтоб не было порывистых движений,
Чтоб музыка была пластичных поз,

Чтоб пронеслось с уступа на уступ
Задумчивое имя Беатриче
И чтоб не хор менад, а хор девичий
Пел красоту твоих печальных губ.

3

Пощади, не довольно ли жалящей боли,
Темной пытки отчаянья, пытки стыда!
Я оставил соблазн роковых своеволий,
Усмирненный, покорный, я твой навсегда.

Слишком долго мы были затеряны в безднах.
Волны-звери, подняв свой мерцающий горб,
Нас крутили и били в объятьях железных
И бросали на скалы, где пряталась скорбь.

Но теперь, словно белые кони от битвы,
Улетают клочки грозowych облаков.
Если хочешь, мы выйдем для общей молитвы
На хрустящий песок золотых островов.

4

Я не буду тебя проклинать,
Я печален печалью разлуки,
Но хочу и теперь целовать
Я твои уводящие руки.

Всё свершилось, о чем я мечтал
Еще мальчиком странно-влюбленным,
Я увидел блестящий кинжал
В этих милых руках обнаженным.

Ты подаришь мне смертную дрожь,
А не бледную дрожь сладострастья,
И меня навсегда уведешь
К островам совершенного счастья.

1

У БЕРЕГА

Сердце — улей, полный сотами,
 Золотыми, несравненными!
 Я борюсь с водоворотами
 И клокочущими пенами.

Я трирему с грудью острою
 В буре бешеной измучаю,
 Но домчусь к родному острову
 С грозовой сизой тучею.

Я войду в дома просторные,
 Сердце встречами обрадую
 И забуду годы черные,
 Проведенные с Палладой.

Так! Но кто, подобный коршуну,
 Над моей душою носится,
 Словно манит к року горшему,
 С новой кручи в бездну броситься?

В корабле раскрылись трещины,
 Море взрыто ураганами.
 Берега, что мне обещаны,
 Исчезают за туманами.

И шепчу я, робко слушая
 Вой над водною пустынею:
 «Нет, союза не нарушу я
 С необорною богинею».

2

ИЗБИЕНИЕ ЖЕНИХОВ

Только над городом месяц двурогий
 Остро прорезал вечернюю мглу,
 Встал Одиссей на высоком пороге,
 В грудь Антиноя он бросил стрелу.

Чаша упала из рук Антиноя,
Очи окутал кровавый туман,
Легкая дрожь... и не стало героя,
Лучшего юноши греческих стран.

Схвачены ужасом, встали другие,
Робко хватаясь за щит и за меч.
Тщетно! Уверенны стрелы стальные,
Злобно насмешлива царская речь:

«Что же, князя знаменитой Итаки,
Что не спешите вы встретить царя,
Жертвенной кровью священные знаки
Запечатлеть у его алтаря?

Вы истребляли под грохот тимпанов
Всё, что мне было богами дано:
Тучных быков, круторогих баранов,
С кипрских холмов золотое вино.

Льстивые речи шептать Пенелопе,
Ночью ласкать похотливых рабынь —
Слаще, чем биться под музыку копий,
Плывать над ужасом водных пустынь!

Что обо мне говорить вы могли бы?
«Он никогда не вернется домой,
Труп его съели безглазые рыбы
В самой бездонной пучине морской».

Как? Вы хотите платить за обиды?
Ваши дворцы предлагаете мне?
Я бы не принял и всей Атлантиды,
Всех городов, погребенных на дне!

Звонко поют окрыленные стрелы,
Мерно блестит угрожающий меч,
Все вы, князья, и трусливый и смелый,
Белою грудой готовитесь лечь.

Вот Евримах, низкорослый и тучный,
Бледен... Бледнее он мраморных стен.
В ужасе бьется, как овод докучный,
Юною девой захваченный в плен.

Вот Антином... Разъяренные взгляды...
Сам он громаден и грузен, как слон.
Был бы он первым героем Эллады,
Если бы с нами отплыл в Илион.

Падают, падают тигры и лани,
И никогда не поднимутся вновь.
Что это? Брошены красные ткани
Или, дымясь, растекается кровь?

Ну, собирайся со мною в дорогу,
Юноша светлый, мой сын Телемах!
Надо служить беспощадному богу,
Богу Тревоги на черных путях.

Снова полюбим влекущую даль мы
И золотой от луны горизонт,
Снова увидим священные пальмы
И опененный, клокочущий Понт.

Пусть не запятнано ложе царицы —
Грешные к ней прикасались мечты.
Чайки белей и невинней зарницы
Темной и страшной ее красоты».

3

ОДИССЕЙ У ЛАЭРТА

Еще один старинный долг,
Мой рок, еще один священный!
Я не убийца, я не волк,
Я чести сторож неизменный.

Лица морщинистого черт
В уме не стерли вихри жизни.
Тебя приветствую, Лаэрт,
В твоей задумчивой отчизне.

Смотрю: украсили сады
Холмов утесистые скаты.
Какие спелые плоды,
Как сладок запах свежей мяты!

Я слезы кротости пролью,
Я сердце к счастью приневолю,
Я земно кланяюсь ручью,
И бедной хижине, и полю.

И сладко мне, и больно мне
Сидеть с тобой на козьей шкуре.
Я верю — боги в тишине,
А не в смятенье и не в буре.

Но что мне розовых харит
Неисчислимые улады?!
Над морем встал алмазный щит
Богини воинов, Паллады.

Старик, спеша отсюда прочь,
Последний раз тебя целую
И снова ринусь грудью в ночь
Увидеть бездну грозовую.

Но в час, как Зевсовой рукой
Мой черный жребий будет вынут,
Когда предсмертную тоской
Я буду навзничь опрокинут,

Припомню я не день войны,
Не праздник в пламени и дыме,
Не ласки знойные жены,
Увы, делимые с другими,—

Тебя, твой миртовый венец,
Глаза безоблачнее неба
И с нежным именем «отец»
Сойду в обители Эреба.

93—96. *КАПИТАНЫ*

1

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны —
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведаль мальстремы и мель.

Чья не пылью затерянных хартий —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт,

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса —
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.

Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат,

Меткой пулей, острой железной
Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

2

Вы все, паладины Зеленого Храма,
Над пасмурным морем следившие румб,
Гонзальво и Кук, Лаперуз и де Гама,
Мечтатель и царь, генуэзец Колумб!

Ганнон Карфагенянин, князь Сенегамбий,
Синдбад-Мореход и могучий Улисс,

О ваших победах гремят в дифирамбе
Седые валы, набегая на мыс!

А вы, королевские псы, флибустьеры,
Хранившие золото в темном порту,
Скитальцы-арабы, искатели веры
И первые люди на первом плоту!

И все, кто дерзает, кто хочет, кто ищет,
Кому опостытели страны отцов,
Кто дерзко хохочет, насмешливо свищет,
Внимая заветам седых мудрецов!

Как странно, как сладко входить в ваши грезы,
Заветные ваши шептать имена
И вдруг догадаться, какие наркозы
Когда-то рождала для вас глубина!

И кажется, в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.

С деревьев стекают душистые смолы,
Узорные листья лепечут: «Скорей,
Здесь реют червонного золота пчелы,
Здесь розы краснее, чем пурпур царей!»

И карлики с птицами спорят за гнезда,
И нежен у девушек профиль лица...
Как будто не все пересчитаны звезды,
Как будто наш мир не открыт до конца!

3

Только глянет сквозь утесы
Королевский старый форт,
Как веселые матросы
Поспешат в знакомый порт.

Там, хватив в таверне сидру,
Речь ведет болтливый дед,
Что сразить морскую гидру
Может черный арбалет.

Темнокожие мулатки
И гадают, и поют,
И несется запах сладкий
От готовящихся блюд.

А в заплеванных тавернах
От заката до утра
Мечут ряд колод неверных
Завитые шулера.

Хорошо по докам порта
И слоняться, и лежать,
И с солдатами из форта
Ночью драки затевать.

Иль у знатных иностранок
Дерзко выклянчить два су,
Продавать им обезьянок
С медным обручем в носу.

А потом бледнеть от злости,
Амулет зажать в полу,
Всё проигрывая в кости
На затоптанном полу.

Но смолкает зов дурмана,
Пьяных слов бессвязный лёт,
Только рупор капитана
Их к отплытью призовет.

4

Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы.
Для высшей силы, высшей доблести
Они навек недостижимы.

Там волны с блесками и всплесками
Непрекращаемого танца,
И там летит скачками резкими
Корабль Летучего Голландца.

Ни риф, ни мель ему не встретятся,
Но, знак печали и несчастий,
Огни святого Эльма светятся,
Усеяв борт его и снасти.

Сам капитан, скользя над бездною,
За шляпу держится рукою.
Окровавленной, но железною
В штурвал вцепляется — другою.

Как смерть, бледны его товарищи,
У всех одна и та же дума.
Так смотрят трупы на пожарище —
Невыразимо и угрюмо.

И если в час прозрачный, утренний
Пловцы в морях его встречали,
Их вечно мучил голос внутренний
Слепым предвестием печали.

Ватаге буйной и воинственной
Так много сложено историй,
Но всех страшней и всех таинственной
Для смелых пенителей моря —

О том, что где-то есть окраина —
Туда, за тропик Козерога! —
Где капитана с ликом Каина
Легла ужасная дорога.

97. СОН АДАМА

От плясок и песен усталый Адам
Заснул, неразумный, у Древа Познания.
Над ним ослепительных звезд трепетанья,
Лиловые тени скользят по лугам,
И дух его сонный летит над лугами,
Внезапно настигнут зловещими снами.

Он видит пылающий ангельский меч,
Что жалит нещадно его и подругу
И гонит из рая в суровую вьюгу,
Где нечем прикрыть им ни бедер, ни плеч...
Как звери, должны они строить жилище,
Пращей и дубиной искать себе пищи.

Обитель труда и болезней... Но здесь
Впервые постиг он с подругой единство.
Подруге — блаженство и боль материнства
И заступ — ему, чтобы вскапывать весь.
Служеньем Иному прекрасны и грубы,
Нахмурены брови и стиснуты губы.

Вот новые люди... Очерчен их рот,
Их взоры не блещут, и смех их случаен.
За вепрями сильный охотится Каин,
И Авель собирает маслины и мед,
Но воле не служат они патриаршей:
Пал младший и в ужасе кроется старший.

И многое видит смущенный Адам:
Он тонет душою в распутстве и неге,
Он ищет спасенья в надежном ковчеге
И строится снова, суров и упрям,
Медлительный пахарь, и воин, и всадник...
Но бог охраняет его виноградник.

На бурный поток наложил он узду,
Бессонною мыслью постиг равновесье,
Как ястреб, врзается он в поднебесье,
У косной земли отнимает руду.
Покорны и тихи, хранят ему книги
Напевы поэтов и тайны религий.

И в ночь волхвований на пышные мхи
К нему для объятий нисходят сильфиды,
К услугам его, отомщать за обиды,
И звездные духи, и духи стихий,
И к солнечным скалам из грозной пучины
Влекут его челн голубые дельфины.

Он любит забавы опасной игры —
Искать в океанах безвестные страны,
Ступать безрассудно на волчьи поляны
И видеть равнину с высокой горы,
Где с узких тропинок срываются козы
И душные, красные клонятся розы.

Он любит и скрежет стального резца,
Дробящего глыбистый мрамор для статуй,

И девственный холод зари розовой,
И нежный овал молодого лица,—
Когда на холсте под ударами кисти
Ложатся они и светлей и лучистей.

Устанет — и к небу возводит свой взор,
Слепой и кощунственный взор человека:
Там, богом раскинут от века до века,
Мерцает над ним многозвездный шатер.
Святыми ночами, спокойный и строгий,
Он клонит колена и грезит о боге.

Он новые мысли, как светлых гостей,
Всегда ожидает из розовой дали,
А с ними, как новые звезды, печали
Еще неизведанных дум и страстей,
Провалы в мечтаньях и ужас в искусстве,
Чтоб сердце болело от тяжких предчувствий.

И кроткая Ева, игрушка богов,
Когда-то ребенок, когда-то зарница,
Теперь для него молодая тигрица,
В зловещем мерцанье ее жемчугов,
Предвестница бури, и крови, и страсти,
И радостей злобных, и хмурых несчастий.

Так золото манит и радует взгляд,
Но в золоте темные силы таятся,
Они управляют рукой святотатца
И в братские кубки вливают свой яд.
Не в силах насытить, смеются и мучат,
И стонам и крикам неистовым учат.

Он борется с нею. Коварный, как змей,
Ее он опутал сетями соблазна.
Вот Ева — блудница, лепечет бессвязно,
Вот Ева — святая, с печалью очей.
То лунная дева, то дева земная,
Но вечно и всюду чужая, чужая.

И он наконец беспредельно устал,
Устал и смеяться и плакать без цели;
Как лебеди, стаи веков пролетели,
Играли и пели, он их не слышал;

Спокойный и строгий, на мраморных скалах,
Он молится Смерти, богине усталых:

«Узнай, Благодатная, волю мою:
На степи земные, на море земное,
На скорбное сердце мое заревое
Пролей смертоносную влагу свою.
Довольно бороться с безумьем и страхом.
Рожденный из праха, да буду я прахом!»

И, медленно рея багровым хвостом,
Помчалась к земле голубая комета.
И страшно Адаму, и больно от света,
И рвет ему мозг нескончаемый гром.
Вот огненный смерч перед ним закрутился,
Он дрогнул и крикнул... и вдруг пробудился.

Направо — сверкает и пенится Тигр,
Налево — зеленые воды Евфрата,
Долина серебряным блеском объята,
Тенистые отмели манят для игр,
И Ева кричит из весеннего сада:
«Ты спал и проснулся... Я рада, я рада!»

I

98. АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Он мне шепчет: «Своевольный,
Что ты так уныл?
Иль о жизни прежней, вольной
Тайно загрустил?

Полно! Разве всплески, речи
Сумрачных морей
Стоят самой краткой встречи
С госпожей твоей?

Так ли с сердца бремя снимет
Голубой простор,
Как она, когда поднимет
На тебя свой взор?

Ты волён предаться гневу,
Коль она молчит,
Но покинуть королеву
Для вассала — стыд».

Так и ночью молчаливой,
Днем и поутру
Он стоит, красноречивый,
За свою сестру.

99. ДВЕ РОЗЫ

Перед воротами Эдема
Две розы пышно расцвели,
Но роза — страстности эмблема,
А страстность — детище земли.

Одна так нежно розовеет,
Как дева, милым смущена,
Другая, пурпурная, рдеет,
Огнем любви обожжена.

А обе на Пороге Знания. .
Ужель всевышний так судил
И тайну страстного сгоранья
К небесным тайнам приобщил?!

100. ДЕВУШКЕ

Мне не нравится томность
Ваших скрещенных рук,
И спокойная скромность,
И стыдливый испуг.

Героиня романов Тургенева,
Вы надменны, нежны и чисты,
В вас так много безбурно-осеннего
От аллеи, где кружат листья.

Никогда ничему не поверите,
Прежде чем не сочтете, не смерите,
Никогда никуда не пойдете,
Коль на карте путей не найдете.

И вам чужд тот безумный охотник,
Что, взойдя на нагую скалу,
В пьяном счастье, в тоске безотчетной
Прямо в солнце пускает стрелу.

101. НА МОРЕ

Закат. Как змеи, волны гнутся,
Уже без гневных гребешков,
Но не бегут они коснуться
Непобедимых берегов.

И только издали добредший
Бурун, поверивший во мглу,
Внесется, буйный сумасшедший,
На глянцевитую скалу.

И лопнет с гиканьем и ревом,
Подбросив к небу пенный клочок...
Но весел в море бирюзовом
С латинским парусом челнок;

И загорелый кормчий ловок,
Дыша волной растущей мглы
И — от натянутых веревок —
Бодрящим запахом смолы.

102. СОМНЕНИЕ

Вот я один в вечерний тихий час,
Я буду думать лишь о вас, о вас.

Возьмусь за книгу, но прочту: «она»,
И вновь душа пьяна и смятена.

Я брошусь на скрипучую кровать,
Подушка жжет... нет, мне не спать, а ждать.

И, крадучись, я подойду к окну,
На дымный луг взгляну и на луну.

Вон там, у клумб, вы мне сказали «да»,
О, это «да» со мною навсегда.

И вдруг сознание бросит мне в ответ,
Что вас, покорной, не было и нет.

Что ваше «да», ваш трепет, у сосны
Ваш поцелуй — лишь бред весны и сны.

103. СОН

УТРЕННЯЯ БОЛТОВНЯ

Вы сегодня так красивы,
Что вы видели во сне?
— Берег, ивы
При луне.

А еще? К ночному склону
Не приходят, не любя.
— Дездемону
И себя.

Вы глядите так несмело:
Кто там был за купой ив?
— Был Отелло,
Он красив.

Был ли он вас двух достоин?
Был ли он как лунный свет?
— Да, он воин
И поэт.

О какой же пел он ныне
Неоткрытой красоте?
— О пустыне
И мечте.

И вы слушали влюбленно,
Нежной грусти не тая?
— Дездемона,
Но не я.

104. ОТРЫВОК

Христос сказал: «Убогие блаженны,
Завиден рок слепцов, калек и нищих,
Я их возьму в надзвездные селенья,
Я сделаю их рыцарями неба
И назову славнейшими из славных...»
Пусть! Я приму! Но как же те, другие,
Чьей мыслью мы теперь живем и дышим,
Чьи имена звучат нам как призывы?

Искупят чем они свое величье,
Как им заплатит воля равновесья?
Иль Беатриче стала проституткой,
Глухонемым — великий Вольфганг Гете
И Байрон — площадным шутом... О ужас!

105. ТОТ ДРУГОЙ

Я жду, исполненный укоров:
Но не веселую жену
Для задушевных разговоров
О том, что было в старину.

И не любовницу: мне скучен
Прерывный шепот, томный взгляд,
И к упоеньям я приучен,
И к мукам горше во стократ.

Я жду товарища, от бога
В веках дарованного мне
За то, что я томился много
По вышине и тишине.

И как преступен он, суровый,
Коль вечность променял на час,
Принявши дерзко за оковы
Мечты, связующие нас.

106. ВЕЧНОЕ

Я в коридоре дней сомкнутых,
Где даже небо тяжкий гнет,
Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду Субботы из Суббот,

Конца тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души...
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!

Я душу обрету иную,
Всё, что дразнило, уловя.
Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.

И тот, кто шел со мною рядом
В громах и кроткой тишине,
Кто был жесток к моим усладам
И ясно милостив к вине,

Учил молчать, учил бороться,
Всей древней мудрости земли,—
Положит посох, обернется
И скажет просто: «Мы пришли».

107. КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Еще близ порта орали хором
Матросы, требуя вина,
А над Стамбулом и над Босфором
Сверкнула полная луна.

Сегодня ночью на дно залива
Швырнут неверную жену,
Жену, что слишком была красива
И походила на луну.

Она любила свои мечтанья,
Беседку в чаще камыша,
Старух гадалщиц, и их гаданья,
И всё, что не любил паша.

Отец печален, но понимает
И шепчет мужу: «Что ж, пора?»
Но глаз упрямых не поднимает,
Мечтает младшая сестра:

«Так много, много в глухих заливах
Лежит любовников других,
Сплетенных, томных и молчаливых...
Какое счастье быть средь них!»

108. СОВРЕМЕННОСТЬ

Я закрыл «Илиаду» и сел у окна.
На губах трепетало последнее слово.
Что-то ярко светило — фонарь иль луна,
И медлительно двигалась тень часового.

Я так часто бросал испытующий взор
И так много встречал отвечающих взоров,
Одиссеев во мгле паровозных контор,
Агамемнонов между трактирных маркеров.

Так, в далекой Сибири, где плачет пурга,
Застывают в серебряных льдах мастодонты,
Их глухая тоска там колышет снега,
Красной кровью — ведь их — зажжены
горизонты.

Я печален от книги, томлюсь от луны,
Может быть, мне совсем и не надо героя...
Вот идут по аллее, так странно нежны,
Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.

109. СОНЕТ

Я, верно, болен: на сердце туман,
Мне скучно всё — и люди, и рассказы.
Мне снятся королевские алмазы
И весь в крови широкий ятаган.

Мне чудится (и это не обман),
Мой предок был татарин косоглазый,
Свирепый гунн... Я веяньем заразы,
Через века дошедшей, обуян.

Молчу, томлюсь, и отступают стены:
Вот океан весь в клочьях белой пены,
Закатным солнцем залитый гранит,

И город с голубыми куполами,
С цветущими жасминными садами,
Мы дрались там... Ах, да! я был убит.

110. ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

В узких вазах томленье умирающих лилий.
Запад был медно-красный. Вечер был голубой.
О Леконте де Лиле мы с тобой говорили,
О холодном поэте мы грустили с тобой.

Мы не раз открывали шелковистые томы
И читали спокойно и шептали: «Не тот!»
Но тогда нам сверкнули все слова, все истомы,
Как кочевницы звезды, что восходят раз в год.

Так певучи и странны, в наших душах воскресли
Рифмы древнего солнца, мир неожиданно большой,
И сквозь сумрак вечерний запрокинутый в кресле
Резкий профиль креола с лебединой душой.

111. ОНА

Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов,
Живет в таинственном мерцанье
Ее расширенных зрачков.

Ее душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха,
Пред жизнью, дольней и отрадной,
Высокомерна и глуха.

Неслышный и неторопливый,
Так странно плавен шаг ее,
Назвать нельзя ее красивой,
Но в ней всё счастье мое.

Когда я жажду своеволий
И смел и горд — я к ней иду
Учиться мудрой сладкой боли
В ее истоме и бреду.

Она светла в часы томлений
И держит молнии в руке,
И четки сны ее, как тени
На райском огненном песке.

112. ЖИЗНЬ

С тусклым взором, с мертвым сердцем в море броситься
со скалы,
В час, когда, как знамя, в небе дымно-розовая заря,
Иль в темнице стать свободным, как свободны
одни орлы,
Иль найти покой неожиданный в дымной хижине дикаря!

Да, я понял. Символ жизни — не поэт, что творит
слова,
И не воин с твердым сердцем, не работник,
ведущий плуг,
— С иронической усмешкой царь-ребенок на
шкуре льва,
Забывающий игрушки между белых усталых рук.

113. ИЗ ЛОГОВА ЗМИЕВА

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал — забавницу,
Гадал — своенравницу,
Веселую птицу-певунью.

Покликаешь — морщится,
Обнимешь — топорщится,
А выйдет луна — затомится,
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, — и хочет топиться.

Твержу ей: «Крещеному,
С тобой по-мудреному
Возиться теперь мне не в пору.
Снеси-ка истому ты
В днепровские омуты,
На грешную Лысую гору».

Молчит — только ежится,
И всё ей неможется.
Мне жалко ее, виноватую,
Как птицу подбитую,
Березу подрытую
Над очастью, богом залятою.

II

ПОСВЯЩАЕТСЯ АННЕ АХМАТОВОЙ

114. Я ВЕРИЛ, Я ДУМАЛ...

Сергею Маковскому

Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец;
Создав, навсегда уступил меня року создатель;
Я продан! Я больше не божий! Ушел продавец,
И с явной насмешкой глядит на меня покупатель.

Летящей горою за мною несется Вчера,
А Завтра меня впереди ожидает, как бездна,
Иду... Но когда-нибудь в Бездну сорвется Гора.
Я знаю, я знаю, дорога моя бесполезна.

И если я волей себе покоряю людей,
И если слетает ко мне по ночам вдохновенье,
И если я ведаю тайны — поэт, чародей,
Властитель вселенной, — тем будет страшнее паденье.

И вот мне приснилось, что сердце мое не болит,
Оно — колокольчик фарфоровый в желтом Китае
На пагоде пестрой... Висит и приветно звенит,
В эмалевом небе дразня журавлиные стаи.

А тихая девушка в платье из красных шелков,
Где золотом вышиты осы, цветы и драконы,
С поджатыми ножками смотрит без мыслей и снов,
Внимательно слушая легкие, легкие звоны.

Я тело в кресло уроню,
 Я свет руками заслоню
 И буду плакать долго, долго,
 Припоминая вечера,
 Когда не мучило «вчера»
 И не томили цепи долга;

И в море врезавшийся мыс,
 И одинокий кипарис,
 И благосклонного Гуссейна,
 И медленный его рассказ,
 В часы, когда не видит глаз
 Ни кипариса, ни бассейна.

И снова властвует Багдад,
 И снова странствует Синдбад,
 Вступает с демонами в ссору,
 И от египетской земли
 Опять уходят корабли
 В великолепную Бассору.

Купцам и прибыль и почет.
 Но нет; не прибыль их влечет
 В нагих степях, над бездной водной;
 О тайна тайн, о птица Рок,
 Не твой ли дальний островок
 Им был звездою путеводной?

Ты уводила моряков
 В пещеры джинов и волков,
 Хранящих древнюю обиду,
 И на висячие мосты
 Сквозь темно-красные кусты
 На пир к Гаруну-аль-Рашиду.

И я когда-то был твоим.
 Я плыл, покорный пилигрим,
 За жизнью благостной и мирной,
 Чтоб повстречал меня Гуссейн
 В садах, где розы и бассейн,
 На берегу за старой Смирной.

Когда же... Боже, как чисты
И как мучительны мечты!
Ну что же, раньте сердце, раньте.
Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню
И буду плакать о Леванте.

116. РОДОС

Памяти М. А. Кузьминой-Караваевой

На полях опаленных Родоса
Камни стен и в цвету тополя
Видит зоркое сердце матроса
В тихий вечер с кормы корабля.

Там был рыцарский орден: соборы,
Цитадель, бастионы, мосты,
И на людях простые уборы,
Но на них золотые кресты.

Не стремиться ни к славе, ни к счастью,
Все равны перед взором Отца,
И не дать покорить самовластью
Посвященные небу сердца!

Но в долинах старинных поместий,
Посреди кипарисов и роз,
Говорить о Небесной Невесте,
Охраняющей нежный Родос!

Наше бремя — тяжелое бремя:
Труд зловещий дала нам судьба,
Чтоб прославить на краткое время,
Нет, не нас, только наши гроба.

Нам брести в смертоносных равнинах,
Чтоб узнать, где родилась река,
На тяжелых и гулких машинах
Грозовые пронзать облака.

В каждом взгляде тоска без просвета,
В каждом вздохе томительный крик,—
Высыхать в глубине кабинета
Перед пыльными грудями книг.

Мы идем сквозь туманные годы,
Смутно чувствуя веянье роз,
У веков, у пространств, у природы
Отвоевывать древний Родос.

Но, быть может, подумают внуки,
Как орлята тоскуя в гнезде:
«Где теперь эти крепкие руки,
Эти души горящие — где?»

117. ПАЛОМНИК

Ахмет-Оглы берет свою клюку
И покидает город многолюдный.
Вот он идет по рыхлому песку,
Его движенья медленны и трудны.
«Ахмет, Ахмет, тебе ли, старику,
Пускаться в путь неведомый и чудный?
Твое добро враги возьмут сполна,
Тебе изменит глупая жена».

«Я этой ночью слышал зов Аллаха,
Аллах сказал мне: „Встань, Ахмет-Оглы,
Забудь про всё, иди, не зная страха,
Иди, провозглашая мне хвалы;
Где рыжий вихрь вздымает горы праха,
Где носятся хохлатые орлы,
Где лошадь ржет над трупом бедуина,
Туда иди: там Мекка, там Медина“».

«Ахмет-Оглы, ты лжешь! Один пророк
Внимал Аллаху, бледный, вдохновенный,
Послом от мира горя и тревог
Он улета к обители нетленной,
Но он был юн, прекрасен и высок,
И конь его был конь благословенный,
А ты... Мы не слыхали о после
Плешивом, на задерганном осле».

Не слушает, упрям старик суровый,
Идет, кряхтит, и злость в его смешке,
На нем халат изодранный, а новый,
Лиловый, шитый золотом, в мешке;

Под мышкой посох кованый, дубовый,
Удобный даже старческой руке,
Чалма лежит, как требуют шииты,
И десять лир в сандалии защиты.

Вчера шакалы выли под горой
И чья-то тень текла неуловимо,
Сегодня усмехались меж собой
Три оборванца, проходивших мимо.
Но ни шайтан, ни вор, ни зверь лесной
Смиренного не тронут пилигрима,
И в ночь его, должно быть от луны,
Слетают удивительные сны.

И каждый вечер кажется, что вскоре
Окончится терновник и волчцы,
Как в золотом Багдаде, как в Бассоре
Поднимутся узорные дворцы
И Красное пылающее море
Пред ним свои расстелет багрецы,
Волшебство синих и зеленых мелей...
И так идет неделя за неделей.

Он очень стар, Ахмет, а путь суров,
Пронзительны полночные туманы,
Он скоро упадет без сил и слов,
Закутавшись, дрожа, в халат свой рваный,
В одном из трех восточных городов,
Где вечерами шепчутся платаны,
Пока чернобородый муэдзин
Поет стихи про гурию долин.

Он упадет, но дух его бессонный
Аллах недаром дивно окрылил,
Его, как мальчик, страстный и влюбленный,
В свои объятия примет Азраил
И поведет тропой, разрешенной
Для демонов, пророков и светил.
Всё, что свершить возможно человеку,
Он совершил — и он увидит Мекку.

118. ЖЕСТОКОЙ

«Пленительная, злая, неужели
Для вас смешно святое слово «друг»?
Вам хочется на вашем лунном теле
Следить касанья только женских рук,

Прикосновенья губ стыдливо-страстных
И взгляды глаз нетребующих, да?
Ужели до сих пор в мечтах неясных
Вас детский смех не мучил никогда?

Любовь мужчины — пламень Прометея
И требует и, требуя, дарит.
Пред ней душа, волнуясь и слабея,
Как красный куст горит и говорит.

Я вас люблю, забудьте сны!» — В молчанье
Она, чуть дрогнув, веки подняла,
И я услышал звонких лир бряцанье
И громовые клекоты орла.

Орел Сафо у белого утеса
Торжественно парил, и красота
Бестенных виноградников Лесбоса
Замкнула богохульные уста.

119. ЛЮБОВЬ

Надменный, как юноша, лирик
Вошел, не стучая, в мой дом
И просто заметил, что в мире
Я должен грустить лишь о нем.

С капризной ужимкой захлопнул
Открытую книгу мою,
Туфлей лакированной топнул,
Едва проронив: «Не люблю».

Как смел он так пахнуть духами!
Так дерзко перстнями играть!
Как смел он засыпать цветами
Мой письменный стол и кровать!

Я из дому вышел со злостью,
Но он увязался за мной.
Стучит изумительной тростью
По звонким камням мостовой.

И стал я с тех пор сумасшедшим,
Не смею вернуться в свой дом
И всё говорю о пришедшем
Бесстыдным его языком.

120. БАЛЛАДА

Влюбленные, чья грусть, как облака,
И нежные, задумчивые леди,
Какой дорогой вас ведет тоска,
К какой еще неслыханной победе
Над чарой вам назначенных наследий?
Где вашей вечной грусти и слезам
Целительный предложится бальзам?
Где сердце запылает, не сгорая?
В какой пустыне явится глазам,
Блеснет сиянье розового рая?

Вот я нашел, и песнь моя легка,
Как память о давно прошедшем бреде,
Могучая взяла меня рука,
Уже слетел к дрожащей Андромеде
Персей в кольчуге из горящей меди.
Пускай вдали пылает лживый храм,
Где я теням молился и словам,
Привет тебе, о родина святая!
Влюбленные, пытайте рок, и вам
Блеснет сиянье розового рая.

В моей стране спокойная река,
В полях и рощах много сладкой снеди,
Там аист ловит змей у тростника
И в полдень, пьяны запахом камеди,
Кувёркаются рыжие медведи.
И в юном мире юноша Адам,
Я улыбаюсь птицам и плодам,
И знаю я, что вечером, играя,
Пройдет Христос-младенец по водам,
Блеснет сиянье розового рая.

П о с ы л к а

Тебе, подруга, эту песнь отдам.
Я веровал всегда твоим стопам,
Когда вела ты, нежа и карая,
Ты знала всё, ты знала, что и нам
Блеснет сиянье розового рая.

121. УКРОТИТЕЛЬ ЗВЕРЕЙ

...Как мой китайский зонтик красен,
Натерты мелом башмачки.

Анна Ахматова

Снова заученно смелой походкой
Я приближаюсь к заветным дверям.
Звери меня дожидаются там,
Пестрые звери за крепкой решеткой.

Будут рычать и пугаться бича,
Будут сегодня еще вероломней
Или покорней... не всё ли равно мне,
Если я молод и кровь горяча?

Только... я вижу всё чаще и чаще
(Вижу и знаю, что это лишь бред)
Странного зверя, которого нет,
Он — золотой, шестикрылый, молчащий.

Долго и зорко следит он за мной
И за движеньями всеми моими,
Он никогда не играет с другими
И никогда не придет за едой.

Если мне смерть суждена на арене,
Смерть укротителя, знаю теперь:
Этот, незримый для публики, зверь
Первым мои перекусит колени.

Фанни, завял вами данный цветок,
Вы ж, как всегда, веселы на канате.
Зверь мой, он дремлет у вашей кровати,
Смотрит в глаза вам, как преданный дог.

122. ОТРАВЛЕННЫЙ

«Ты совсем, ты совсем снеговая,
Как ты странно и страшно бледна!
Почему ты дрожишь, подавая
Мне стакан золотого вина?»

Отвернулась печальной и гибкой...
Что я знаю, то знаю давно,
Но я выпью, и выпью с улыбкой,
Всё налитое ею вино.

А потом, когда свечи потушат
И кошмары придут на постель,
Те кошмары, что медленно душат,
Я смертельный почувствую хмель...

И приду к ней, скажу: «Дорогая,
Видел я удивительный сон.
Ах, мне снилась равнина без края
И совсем золотой небосклон.

Знай, я больше не буду жестоким,
Будь счастливой, с кем хочешь, хоть с ним,
Я уеду далеким, далеким,
Я не буду печальным и злым.

Мне из рая, прохладного рая,
Видны белые отсветы дня...
И мне сладко — не плачь, дорогая,—
Знать, что ты отравила меня».

123. У КАМИНА

Наплывала тень... Догорал камин.
Руки на груди, он стоял один,

Неподвижный взор устремляя вдаль,
Горько говоря про свою печаль:

«Я пробрался в глубь неизвестных стран,
Восемьдесят дней шел мой караван;

Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи-то города,

И не раз из них в тишине ночной
В лагерь долетал непонятный вой.

Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы,

Но трусливых душ не было меж нас.
Мы стреляли в них, целясь между глаз.

Древний я отрыл храм из-под песка,
Именем моим названа река,

И в стране озер пять больших племен
Слушались меня, чтили мой закон.

Но теперь я слаб, как во власти сна,
И больна душа, тягостно больна;

Я узнал, узнал, что такое страх,
Погребенный здесь в четырех стенах;

Даже блеск ружья, даже плеск волны
Эту цепь порвать ныне не вольны...»

И, тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.

124. МАРГАРИТА

Валентин говорит о сестре в кабаке,
Выхваляет ее ум и лицо,
А у Маргариты на левой руке
Появилось дорогое кольцо.

А у Маргариты спрятан ларец
Под окном в зеленом плюше.
Ей приносит так много серег и колец
Злой насмешник в красном плаще.

Хоть высоко окно в Маргаритин приют,
У насмешника лестница есть;
Пусть звонко на улицах студенты поют,
Прославляя Маргаритину честь,

Слишком ярки рубины и томен апрель,
Чтоб забыть обо всем, не знать ничего...
Марта гладит любовно полный кошель,
Только... серой несет от него.

Валентин, Валентин, позабудь свой позор.
Ах, чего не бывает в летнюю ночь!
Уж на что Риголетто был горбат и хитер,
И над тем насмеялась родная дочь.

Грозно Фауста в бой ты зовешь, но вотще!
Его нет... его выдумал девичий стыд;
Лишь насмешника в красном и дырявом плаще
Ты найдешь... и ты будешь убит.

125. ОБОРВАНЕЦ

Я пойду по гулким шпалам,
Думать и следить
В небе желтом, в небе алом
Рельс бегущих нить.

В залы пасмурные станций
Забреду, дрожа,
Коль не сгонят оборванца
С криком сторожа.

А потом мечтой упрямой
Вспомню в сотый раз
Быстрый взгляд красивой дамы,
Севшей в первый класс.

Что ей, гордой и далекой,
Вся моя любовь?
Но такой голубоокой
Мне не видеть вновь!

Расскажу я тайну другу,
Подтруню над ним
В теплый час, когда по лугу
Вечер стелет дым.

И с улыбкой безобразной
Он ответит: «Ишь!
Начитался дряни разной,
Вот и говоришь».

126. ТУРКЕСТАНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ

Под смутный говор, стройный гам,
Сквозь мерное сверканье балов
Так странно видеть по стенам
Высоких старых генералов.

Приветный голос, ясный взгляд,
Бровей седеющих изгибы
Нам ничего не говорят
О том, о чем сказать могли бы.

И кажется, что в вихре дней,
Среди сановников и денди,
Они забыли о своей
Благоухающей легенде.

Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: «к оружию»,
Унылые солончаки
И поступь мерную верблюжью;

Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч-Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой.

Забыли? Нет! Ведь каждый час
Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз,
Напоминает им о прежнем.

«Что с вами?» — «Так, нога болит».
— «Подагра?» — «Нет, сквозная рана».
И сразу сердце защежит
Тоска по солнцу Туркестана.

И мне сказали, что никто
Из этих старых ветеранов,
Средь копий Греза и Ватто,
Средь мягких кресел и диванов,

Не скроет ветхую кровать,
Ему служившую в походах,
Чтоб вечно сердце волновать
Воспоминаньем о невзгодах.

127—130. А Б И С С И Н С К И Е П Е С Н И

1

ВОЕННАЯ

Носороги топчут наше дурро,
Обезьяны обрывают смоквы,
Хуже обезьян и носорогов
Белые бродяги итальянцы.

Первый флаг забился над Харраром,
Это город раса Маконена,
Вслед за ним проснулся древний Аксум
И в Тигрэ заухали гиены.

По лесам, горам и плоскогорьям
Бегают свирепые убийцы.
Вы, перерывающие горло,
Свежей крови вы напьетесь нынче.

От куста к кусту переползайте,
Как ползут к своей добыче змеи,
Прыгайте стремительно с утесов —
Вас прыжкам учили леопарды.

Кто добудет в битве больше ружей,
Кто зарежет больше итальянцев,
Люди назовут того ашкером
Самой белой лошади негуса.

2

ПЯТЬ БЫКОВ

Я служил пять лет у богача,
Я стерег в полях его коней,
И за то мне подарил богач
Пять быков, приученных к ярму.

Одного из них зарезал лев,
Я нашел в траве его следы,—
Надо лучше охранять крааль,
Надо на ночь зажигать костер.

А второй взбесился и бежал,
Звонкою ужаленный осой.
Я блуждал по зарослям пять дней,
Но нигде не мог его найти.

Двум другим подсыпал мой сосед
В пойло ядовитой белены,
И они валялись на земле
С высунутым синим языком.

Заколот последнего я сам,
Чтобы было чем попировать
В час, когда пылал соседский дом
И вопил в нем связанный сосед.

3

НЕВОЛЬНИЧЬЯ

По утрам просыпаются птицы,
Выбегают в поле газели
И выходит из шатра европеец,
Размахивая длинным бичом.

Он садится под тенью пальмы,
Обвернув лицо зеленой вуалью,
Ставит рядом с собой бутылку виски
И хлещет лентящихся рабов.

Мы должны чистить его вещи,
Мы должны стеречь его мулов,
А вечером есть солонину,
Которая испортилась днем.

Слава нашему хозяину-европейцу!
У него такие дальнобойные ружья,
У него такая острая сабля
И так больно хлещущий бич!

Слава нашему хозяину-европейцу!
Он храбр, но он недогадлив:
У него такое нежное тело,
Его сладко будет пронзить ножом!

4

ЗАНЗИБАРСКИЕ ДЕВУШКИ

Раз услышал бедный абиссинец,
Что далеко, на севере, в Каире,
Занзибарские девушки пляшут
И любовь продают за деньги.

А ему давно надоели
Жирные женщины Габеша,
Хитрые и злые сомалийки
И грязные поденщицы Каффы.

И отправился бедный абиссинец
На своем единственном муле
Через горы, леса и степи
Далеко-далеко на север.

На него нападали воры,
Он убил четверых и скрылся,
А в густых лесах Сенаара
Слон-отшельник растоптал его мула.

Двадцать раз обновлялся месяц,
Пока он дошел до Каира
И вспомнил, что у него нет денег,
И пошел назад той же дорогой.

III

ИЗ ТЕОФИЛЯ ГОТЬЕ

131. НА БЕРЕГУ МОРЯ

Уронила луна из ручек —
Так рассеянна до сих пор —
Веер самых розовых тучек
На морской голубой ковер.

Наклонилась... достать мечтает
Серебристой тонкой рукой,
Но напрасно! Он уплывает,
Уносимый быстрой волной.

Я б достать его взялся... Смело,
Луна, я б прыгнул в поток,
Если б ты спуститься хотела
Иль подняться к тебе я мог.

132. ИСКУССТВО

Созданье тем прекрасней,
Чем взятый материал
Бесстрастней —
Стих, мрамор иль металл.

О светлая подруга,
Стеснения гони,
Но туго
Котурны затяни.

Прочь легкие приемы,
Башмак по всем ногам,
Знакомый
И нищим, и богам.

Скульптёр, не мни покорной
И вялой глины ком,
Упорно
Мечтая о другом.

С паросским иль каррарским
Борись обломком ты,
Как с царским
Жилищем красоты.

Прекрасная темница!
Сквозь бронзу Сиракуз
Глядится
Надменный облик муз.

Рукою нежной брата
Очерченный уклон
Агата —
И выйдет Аполлон.

Художник! Акварели
Тебе не будет жаль!
В купели
Расплавь свою эмаль.

Твори сирен зеленых
С усмешкой на губах,
Склоненных
Чудовищ на гербах.

В трехъярусном сиянье
Мадонну и Христа,
Пыланье
Латинского креста.

Всё прах. Одно, ликуя,
Искусство не умрет.
Статую
Переживет народ.

И на простой медали,
Открытой средь камней,
Видали
Неведомых царей.

И сами боги тленны,
Но стих не кончит петь,
Надменный,
Властительней, чем медь.

Чеканить, гнуть, бороться —
И зыбкий сон мечты
Вольется
В бессмертные черты.

133. АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ ПЕСЕНКА

Ты хочешь, чтоб была я смелой?
Так не пугай, поэт, тогда
Моей любви, голубки белой
На небе розовом стыда.

Идет голубка по аллее,
И в каждом чудится ей враг.
Моя любовь еще нежнее,
Бежит, коль к ней направить шаг.

Немой, как статуя Гермеса,
Остановись, и вздрогнет бук,—
Смотри, к тебе из чащи леса
Уже летит крылатый друг.

И ты почувствуешь дыханье
Какой-то ласковой волны
И легких, легких крыл дрожанье
В сверканье сладком белизны.

И на плечо твое голубка
Слетит, уже приручена,
Чтобы из розового кубка
Вкусил ты сладкого вина.

134. РОНДОЛЛА

Ребенок с видом герцогини,
Голубка, сокола страшной, —
Меня не любишь ты, но ныне
Я буду у твоих дверей.

И там стоять я буду, струны
Щипля и в дерево стуча,
Пока внезапно лоб твой юный
Не озарит в окне свеча.

Я запрещу другим гитарам
Поблизости меня звенеть.
Твой переулок — мне: недаром
Я говорю другим: «Не смей».

И я отрежу оба уха
Нахалу, если только он
Куплет свой звонко или глухо
Придет запеть под твой балкон.

Мой нож шевелится как пьяный.
Ну что ж? Кто любит красный цвет?
Кто хочет краски на кафтаны,
Гранатов алых для манжет?

Ах, крови в жилах слишком скучно,
Не вечно ж ей томиться там,
А ночь темна, а ночь беззвучна:
Спешите, трусы, по домам.

Вперед, задиры! Вы без страха,
И нет для вас запретных мест,
На ваших лбах моя наваха
Запечатлеет рваный крест.

Пускай идут, один иль десять,
Рыча, как бешеные псы, —
Я в честь твою хочу повесить
Себе на пояс их носы.

И чрез канаву, что обычно
Марают шелк чулок твоих,
Я мост устрою — и отличный,
Из тел красавцев молодых.

Ах, если саван мне обещан
Из двух простынь твоих — войну
Я подниму средь адских трещин,
Я нападу на Сатану.

Глухая дверь, окно слепое,
Ты можешь слышать голос мой:
Так бык пронзенный, землю роя,
Ревет, а вокруг собачий вой.

О, хоть бы гвоздь был в этой дверце,
Чтоб муки прекратить мои...
К чему мне жить, скрывая в сердце
Томленье злобы и любви?

135. ГИППОПОТАМ

Гиппопотам с огромным брюхом
Живет в яванских тростниках,
Где в каждой яме стонут глухо
Чудовища, как в страшных снах.

Свистит боа, скользя над кручей,
Тигр угрожающе рычит,
И буйвол фыркает могучий,
А он пасется или спит.

Ни стрел, ни острых ассагаев —
Он не боится ничего,
И пули меткие сипаев
Скользят по панцирю его.

И я в родне гиппопотама:
Одет в броню моих святынь,
Иду торжественно и прямо
Без страха посреди пустынь.

136. БЛУДНЫЙ СЫН

1

Нет дома, подобного этому дому!
В нем книги и ладан, цветы и молитвы!
Но видишь, отец, я томлюсь по иному:
Пусть в мире есть слезы, но в мире есть битвы.

На то ли, отец, я родился и вырос,
Красивый, могучий и полный здоровья,
Чтоб счастье побед заменил мне твой клирос
И гул изумленной толпы — славословья.

Я больше не мальчик, не верю обманам,
Надменность и кротость — два взмаха кадила,
И Петр не унижится пред Иоанном,
И лев перед агнцем, как в сне Даниила.

Позволь, да твое приумножу богатство,
Ты плачешь над грешным, а я негодую,
Мечом укреплю я свободу и братство,
Свирых огнем научу поцелую.

Весь мир для меня открывается внове,
И я буду князем во имя господне...
О счастье! О пенье бунтующей крови!
Отец, отпусти меня... завтра... сегодня!..

2

Как розов за портиком край небосклона!
Как веселы в пламенном Тибре галеры!
Пускай приведут мне танцовщиц Сидона,
И Тира, и Смирны... во имя Венеры,

Цветов и вина, дорогих благовоний...
Я праздную день мой в веселой столице!

Но где же друзья мои, Цинна, Петроний?
А, вот они, вот они, *salve, amici!* ¹

Идите скорей, ваше ложе готово,
И розы прекрасны, как женские щеки.
Вы помните верно отцовское слово,
Я послан сюда был исправить пороки...

Но в мире, которым владеет превратность,
Постигнув философов римских науку,
Я вижу один лишь порок — неопрятность,
Одну добродетель — изящную скуку.

Петроний, ты морщишься? Будь я повешен,
Коль ты недоволен моим сиракузским!
Ты, Цинна, смеешься? Не правда ль, потешен
Тот раб косоглазый и с черепом узким?

3

Я падаль сволок к тростникам отдаленным
И пойло для мулов поставил в их стойла;
Хозяин, я голоден, будь благосклонным,
Позволь, мне так хочется этого пойла.

За ригой есть куча лежалого сена,
Быки не едят его, лошади тоже.
Хозяин, твои я целую колена,
Позволь из него приготовить мне ложе.

Усталость — работнику помощь плохая,
И слепнут глаза от соленого пота...
О, день, только день провести, отдыхая...
Хозяин, не бей! Укажи, где работа.

Ах, в рощах отца моего апельсины —
Как красное золото полднем бездонным.
Их рвут, их бросают в большие корзины
Красивые девушки с пеньем влюбленным.

¹ Привет, друзья! (лат.) — *Ред.*

И с думой о сыне там бодрствует ночи
Старик величавый с седой бородою,
Он грустен... Пойду и скажу ему: «Отче,
Я грешен пред господом и пред тобою».

4

И в горечи сердце находит уладу:
Вот сад, но к нему подойти я не смею.
Я помню... мне было три года... по саду
Я взапуски бегал с лисицей моею.

Я вырос! Мой опыт мне дорого стоит,
Томили предчувствия, грызла потеря...
Но целое море печали не смоем
Из памяти этого первого зверя.

За садом возносятся гордые своды,
Вот дом — это дедов моих пепелище.
Он, кажется, вырос за долгие годы,
Пока я блуждал, то распутник, то нищий.

Там празднество: звонко грохочет посуда,
Дымятся тельцы и румянятся тесто,
Сестра моя вышла, с ней девушка-чудо,
Вся в белом и с розами, словно невеста.

За ними отец... Что скажу, что отвечу,
Иль снова блуждать мне без мысли и цели?
Узнал... догадался... идет мне навстречу...
И праздник, и эта невеста... не мне ли?!

137. ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Свежим ветром снова сердце пьяно,
Тайный голос шепчет: «Всё покинь!»
Перед дверью над кустом бурьяна
Небосклон безоблачен и синь,
В каждой луже запах океана,
В каждом камне веянье пустынь.

Мы с тобою, Муза, быстроноги,
Любим ивы вдоль степной дороги,
Мерный скрип колес и вдалеке
Белый парус на большой реке.
Этот мир, такой святой и строгий,
Что нет места в нем пустой тоске.

Ах, в одном божественном движении,
Косным, нам дано преображение,
В нем и мы — не только отражение,
В нем живым становится, кто жил...
О пути земные, сетью жил,
Розой вен вас бог расположил!

И струится, и поет по венам
Радостно бушующая кровь.
Нет конца обетам и изменам,
Нет конца веселым переменам,
И отсталых подгоняют вновь
Плетью боли Голод и Любовь.

Дикий зверь бежит из пушей в пуши,
Краб ползет на берег при луне,
И блуждает ястреб в вышине,—
Голодом и Страстью всемогущей
Все больны — летящий и бегущий,
Плавающий в черной глубине.

Веселы, неожиданны и кровавы
Радости, печали и забавы
Дикой и пленительной земли;
Но всего прекрасней жажда славы;
Для нее родятся короли,
В океанах ходят корабли.

Что же, Муза, нам с тобою мало,
Хоть нежны мы, быть всегда вдвоем!
Скорбь о высшем в голосе твоём:
Хочешь, мы с тобою уплывем
В страны нарда, золота, коралла
В первой каравелле Адмирала?

Видишь? город... веянье знамен...
Светит солнце, яркое, как в детстве,

С колоколен раздается звон,
Провозвестник радости, не бедствий,
И над портом, словно тяжкий стон,
Слышен гул восторга и приветствий.

Где ж Колумб? Прохожий, укажи!
«В келье разбирает чертежи
С нашим старым приором Хуаном;
В этих прежних картах столько лжи,
А шутить не должно с океаном
Даже самым смелым капитанам».

Сыплется в узорное окно
Золото и пурпур повечерий.
Словно в зачарованной пещере,
Сон и явь сливаются в одно.
Время тихо, как веретено
Феи — сказки дедовских поверий.

В дорогой кольчуге Христофор,
Старый приор в праздничном убранстве,
А за ними поднимает взор
Та, чей дух — крылатый метеор,
Та, чей мир в святом непостоянстве,
Чье название — Муза Дальних Странствий.

Странны и горды обрывки фраз:
«Путь на юг? Там был уже Диас!..» —
«Да, но кто слышал его рассказ?..» —
«...У страны Великого Могола
Острова...» — «Но где же? Море голо.
Путь на юг...» — «Сеньор! А Марко Поло?»

Вот взвился над старой башней флаг,
Постучали в дверь — условный знак,—
Но друзья не слышат. В жарком споре —
Что для них отлив, растущий в море!..
Столько не разобрано бумаг,
Столько не досказано историй!

Лишь когда в сады спустилась мгла,
Стало тихо и прохладно стало,

Муза тайный долг свой угадала,
Подошла и властно адмирала,
Как ребенка, к славе увела
От его рабочего стола.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Двадцать дней, как плыли каравеллы,
Встречных волн проламывая грудь;
Двадцать дней, как компасные стрелы
Вместо карт указывали путь
И как самый бодрый, самый смелый
Без тревожных снов не мог заснуть.

И никто на корабле, бегущем
К дивным странам, заповедным кушам,
Не дерзал подумать о грядущем —
В мыслях было пусто и темно.
Хмуρο измеряли лотом дно,
Парусов чинили полотно.

Астроло́ги в вечер их отплытья
Высчитали звездные события,
Их слова гласили: «Всё обман».
Ветер слева вспенил океан,
И пугали ужасом наитья
Темные пророчества гитан.

И напрасно с кафедры прелаты
Столько обещали им наград,
Обещали рыцарские латы,
Царства обещали вместо платы,
И про золотой индийский сад
Столько станц гремело и баллад...

Всё прошло как сон! А в настоящем —
Смутное предчувствие беды,
Вместо славы — тяжкие труды
И под вечер — призраком горящим,
Злобно ждущим и жестоко мстящим,—
Солнце в бездне огненной воды.

Хозе помешался и сначала
С топором пошел на адмирала,

А потом забился в дальний трюм
И рыдал... Команда не внимала,
И несчастный помутневший ум
Был один во власти страшных дум.

По ночам садились на канаты
И шептались — а хотелось выть:
«Если долго вслед за солнцем плыть,
То беды кровавой не избыть:
Солнце в бездне моется проклятой,
Солнцу ненавистен соглядатай!»

Но Колумб забыл бунтовщиков,
Он молчит о лени их и пьянстве;
Целый день на мостике готов,
Как влюбленный, грезить о пространстве;
В шуме волн он слышит сладкий зов,
Уверенья Музы Дальних Странствий.

И пред ним смирялись моряки.
Так над кручей злобные быки
Топчутся, их гонит пастырь горный,
В их сердцах отчаянье тоски,
В их мозгу гнездится ужас черный,
Взор свиреп... и всё ж они покорны!

Но не в город и не под копые
Смуглым и жестоким пикадорам
Адмирал холодным гонит взором
Стадо оробелое свое,
А туда, в иное бытие,
К новым, лучшим травам и озерам.

Если светел мудрый астролог,
Увидав безвестную комету,
Если, новый отыскав цветок,
Мальчик под собой не чует ног,
Если выше счастья нет поэту,
Чем придать неожиданный блеск сонету,

Если как подарок нам дана
Мыслей неоткрытых глубина,

Своего не знающая дна,
Старше солнц и вечно молодая...
Если смертный видит отсвет рая,
Только неустанно открывая,—

То Колумб светлее, чем жених
На пороге радостей ночных:
Чудо он духовным видит оком,
Целый мир, неведомый пророкам,
Что залег в пучинах голубых,
Там, где запад сходится с востоком.

Эти воды богом прокляты!
Этим страшным рифам нет названья!
Но навстречу жадного мечтанья
Уж плывут, плывут, как обещанья,
В море ветви, травы и цветы,
В небе птицы странной красоты.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

«Берег, берег!..» И чинивший знамя
Замер, прикусив зубами нить,
А державший голову руками
Сразу не посмел их опустить.
Вольный ветер веял парусами,
Каравеллы продолжали плыть.

Кто он был, тот первый, светлоокий,
Что, завидев с палубы высокой
В диком море остров одинокий,
Закричал, как коршуны кричат?
Старый кормщик, рыцарь иль пират,
Ныне он Колумбу — младший брат!

Что один исчислил по таблицам,
Чертежам и выцветшим страницам,
Ночью угадал по вещим снам,
То увидел в яркий полдень сам
Тот, другой, подобный зорким птицам,
Только птицам, Муза, им и нам.

Словно дети, прыгают матросы,
Я так счастлив... нет, я не могу...
Вон журавль, смешной и длинноносый,
Полетел на белые утесы,
В синем небе описав дугу.
Вот и берег... Мы на берегу.

Престарелый, в полном облаченье,
Патер совершил богослуженье,
Он молил: «О боже, не покинь
Грешных нас...» Кругом звучало пенье.
Медленная медная латынь
Породнилась с шумами пустынь.

И казалось, эти же поляны
Нам не раз мерещились в бреду...
Так же на змеистые лианы
С криками взбегали обезьяны,
Цвел волчец; как грешники в аду,
Звонко верещали какаду...

Так же сладко лился в наши груди
Аромат невиданных цветов,
Каждый шаг был так же странно нов,
Те же выходили из кустов,
Улыбаясь и крича о чуде,
Красные, как медь, нагие люди.

Ах! не грезил с нами лишь один,
Лишь один хранил в душе тревогу,
Хоть сперва, склонясь, как паладин
Набожный, и он молился богу,
Хоть теперь целует прах долин,
Стебли трав и пыльную дорогу.

Как у всех матросов, грудь нага,
В левом ухе медная серьга
И на смуглой шее нить коралла,
Но уста (их тайна так строга),
Взор, где мысль гореть не перестала,
Выдали нам, Муза, адмирала.

Он печален, этот человек,
По морю прошедший, как по суше,
Словно шашки,двигающий души
От родных селений, мирных нег
К диким устьям безымянных рек...
Что он шепчет!.. Муза, слушай, слушай!

«Мой высокий подвиг я свершил,
Но томится дух, как в темном склепе.
О великий боже, боже Сил,
Если я награду заслужил,
Вместо славы и великолепий
Дай позор мне, вышний, дай мне цепи!

Крепкий мех так горд своим вином!
Но когда вина не стало в нем,
Пусть хозяин бросит жалкий ком!
Раковина я, но без жемчужин,
Я поток, который был запружен:
Спущенный, теперь уже не нужен».

Да! Пробудит в черни площадной
Только смех бессмысленно-тупой,
Злость в монахах, ненависть в дворянстве
Гений, обвиненный в шарлатанстве!
Как любовник, для игры иной
Он покинут Музой Дальних Странствий...

Я молчал, закрыв глаза плащом.
Как струна, натянутая туго,
Сердце билось быстро и упруго,
Как сквозь сон я слышал, что подруга
Мне шепнула: «Не скорби о том,
Кто Колумбом назван... Отойдем!»

138. ДОН ЖУАН В ЕГИПТЕ

Одноактная пьеса в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дон Жуан.

Ле порелло.

Американец.

Американка (его дочь).

Место действия — внутренность древнего храма на берегу Нила.
 Время действия — наши дни.

Дон Жуан

(выходя из глубокой расселины между плит)

Как странно! Где я? Что за бред?

Ага! Я ставлю три червонца,

Что наконец я вижу свет

Земного ласкового солнца.

Но что же делалось с тех пор,

Как я смеялся с донной Анной

И грозный мертвый командор

Мне руку сжал с улыбкой странной?

Да! Мы слетели в глубину,

Как две подстреленные птицы,

И я увидел сатану

Сквозь обгаренные зарницы.

Мой командор лежал как пень,

Его схватили, жгли, терзали,

Но ловко я укрылся в тень

И выждал срок в подземной зале.

Когда ж загрезил сатана

С больной усмешкой, с томным взором,

Я подниматься стал со дна

По лестницам и коридорам.

Потел от серного огня,

Дрожал во льдах, и мчались годы,

И духи ада от меня

Бросались в темные проходы.

Ну, добрый, старый дон Жуан,
Теперь по опыту ты видишь,
Что прав был древний шарлатан,
Сказавший: «Знай, иди и выйдешь!»

(Поворачивается к выходу)

Теперь на волю! Через вал
Я вижу парус чьей-то лодки;
Я так давно не целовал
Румянца ни одной красотки.
Есть лодка, есть и человек,
А у него сестра, невеста...
Привет, земля, любовных нег
Очаровательное место!

Входят Лепорелло в костюме туриста, за ним Американец
и Американка.

Ба, Лепорелло!

Лепорелло
Господин!

Вы здесь! Какая цепь событий!
Как счастлив я!..

Дон Жуан
Ты не один?

Лепорелло
(тихо)

Ах, да, пожалуйста, молчите.

Дон Жуан
Молчать? Зачем?

Лепорелло
(тихо)

Я объясню
Вам всё...
(Обнимая его, громко)

Ах, друг мой!

Дон Жуан

Прочь, невежа!

Лепорелло
Ты гонишь?

Дон Жуан
Ясно, что гоню.

Лепорелло
(Американцу и Американке)
Всё тот же он, манеры те же.

Дон Жуан
Манеры? Хам!

Лепорелло
(продолжая его обнимать, тихо)
Молчите! О!
Не бейте...

(Громко)
Ха-ха-ха, не страшно!
(К Американцу и Американке)
Не изменила жизнь его,
Всё тот же милый, бесшабашный!

Американец
(тихо Лепорелло)

Но кто он? Как его зовут?

Дон Жуан
(тихо ему же)

Скажи, они дружны с тобою?

Американка
(тихо ему же, указывая на дон Жуана)
Как он красив! Зачем он тут?

Лепорелло
(тихо, то тем, то другим)
Сейчас, сейчас, я всё устрою.
(Громко, становясь в позу)

Я был его секретарем,
Мы с ним скитались по Мадриду
И по Севилье, но потом
Я потерял его из виду.
О праздной молодости дни!
Они бегут, они неверны,
Так гаснут вечером огни
В окне приветливой таверны.

Д о н Ж у а н

Ну, не для всех.

Л е п о р е л л о
(примиряюще)

Да, для меня.

Я стал студентом Саламанки
И позабыл день ото дня
Вино и женские приманки.
Пил воду, ел засохший хлеб,
Спал на соломенном матраце,
Бывало, месяцами слеп
От едкой пыли диссертаций.
Мне повезло не так, как тем,
Каким-нибудь там донжуанам!
Сперва профессором, затем
Я вскоре избран был деканом.

А м е р и к а н е ц

(почтительно)

Мы знаем, да.

Л е п о р е л л о

К студентам строг

И враг беспочвенных утопий,
Я, господа, египтолог,
Известнейший во всей Европе.

А м е р и к а н к а

Так говорилось на балах
В Чикаго.

Д о н Ж у а н

Стоило трудиться!

Лепорелло

И вот, когда я на ногах,
Я наконец могу жениться.

(Представляя Американку)

Мисс Покэр, грации пример,
Она моя невеста, благо
Вот мистер Покэр, миллионер,
Торговец свиньями в Чикаго.

(Представляя дон Жуана)

Друзья мои, вот дон Жуан,
Друг юности моей беспечной,
Он иногда бывает пьян,
И малый грубый... но сердечный.

Американец

Что ж, мистер дон Жуан, вы нас,
Сойдясь, полюбите наверно...
Скажите мне, который час
На ваших, у меня неверны.

(Указывая на Американку)

Моя единственная дочь,
Мать умерла, она на воле,
Но с нею я; она точь-в-точь
Моя скончавшаяся Полли.
Теперь уехал я на юг,
Но всё не позабыть утраты!
Скажите мне, мой юный друг,
Ужель еще вы не женаты?

Дон Жуан

(подходя к Американке)

Сеньора!

Американка

(поправляя его)

Мисс.

Дон Жуан

(настаивая)

Сеньора!

А м е р и к а н к а

(по-прежнему)

Мисс!

Я не желаю быть сеньорой!

Д о н Ж у а н

Сойдемте три ступеньки вниз.

А м е р и к а н к а

Вы дон Жуан? Ну, тот, который?..

Д о н Ж у а н

Да, тот, который!

А м е р и к а н к а

И с тех пор

Вы в мире в первый раз явились?

Д о н Ж у а н

Да, в первый... старый командор
Вцепился крепко... Вы мне снились.

А м е р и к а н к а

Не верю вам.

Д о н Ж у а н

(мечтательно)

Земля во мгле;

Задумчивое устье Нила,

И я плыву на корабле,

Где вы сидите у ветрила.

Иль чуть заметный свет зари,

Застывший город, звон фонтана,

И вы мне шепчете: «Смотри,

Вот здесь могила дон Жуана».

Л е п о р е л л о

(подозрительно)

О чем здесь речь?

Д о н Ж у а н

О том, что ты

Давно оставил.

А м е р и к а н к а

Не мешайте.

А м е р и к а н е ц

(рассматривая памятник)

Какие странные листы!

Лепорелло отходит к нему.

А м е р и к а н к а

Как верить вам? Но продолжайте.

Д о н Ж у а н

Я лгу? Не верите вы мне?
Но знаю я, что ваши плечи —
Я целовал их уж во сне —
Нежны, как восковые свечи.
А эта грудь! Ее хранят
Теперь завистливые ткани,
На ней есть синих жилок ряд
Капризных, милых очертаний.
Поверьте! Мне б хотелось лгать
И быть холодным, быть коварным,
Но только б, только б не страдать
Пред вашим взглядом лучезарным.

А м е р и к а н к а

И мне так родственен ваш вид:
Я всё бывала на Моцарте
И любовалась на Мадрид
По старенькой учебной карте.

А м е р и к а н е ц

(Лепорелло, указывая на саркофаг)

Скажите, мой ученый друг,
Кто здесь положен?

Л е п о р е л л о

Сети третий.

(Про себя, глядя на дон Жуана и Американку)

Они ну прямо вон из рук!

Американец
Как вы его назвали?

Лепорелло
Сети.

Американец
Гм-гм!

Лепорелло
(хочет отойти)
Сейчас!

Американец
Скажите, как
Вы знаете его название?

Лепорелло
Ах, боже мой, а этот знак!
Забавно было бы незнание.

Американец
Да, да, еще бы! Ну, а тот,
На пьедестале с мордой мопса?

Лепорелло
А это сын Луны, бог Тот,
И кажется, времен Хеопса.
Конечно! Сделан лоб горбом,
А темя плоским и покатым,
Таких не делали потом,
Хотя б при Псамметихе пятом.
А вот четвертый Псамметих,
На Сети первого похожий...
А вот еще...

(Отходит с Американцем)

Дон Жуан
(Американке)

Он ваш жених?

Американка
Кто?

Дон Жуан
Лепорелло.

Американка

Ну так что же?
С приданым я, он знаменит,
Как самый знающий ученый,
Он никого не удивит,
Причесанный и прирученный.
Пусть для него я молода,
Но сила, юность и отвага
Не посещают никогда
Салонов нашего Чикаго.

Дон Жуан

Но он лакей, всегда лакей,
В сукне ливрейного кафтана
И в гордой мантии своей,
В пурпурной мантии декана.
Страшась чего-нибудь не знать,
Грызясь за почести с другими,
Как пес, он должен защищать
Годами созданное имя.
К природе глух и к жизни слеп,
Моль библиотек позабытых,
Он заключит вас в темный склеп
Крикливых слов и чувств изжитых.
Нет, есть огонь у вас в крови,
Вы перемените причуду...

Американка

Не говорите о любви!

Дон Жуан

Не говорить? Нет, буду, буду!
Таких, как вы, на свете нет,
Вы — ангел неги и печали...

Американка

Не говорите так, нет-нет.

Пауза.

Ну вот, уж вы и замолчали?

Дон Жуан
(схватывая ее за руку)

Я вас люблю!

Лепорелло
(Американцу, косясь на дон Жуана)

Пройдем сюда.
Я вам скажу про дон Жуана;
Мне кажется, на путь труда
Он вступит поздно или рано.
Охотно водится с ним знать,
Как свой, он принят в высшем свете,
Ну почему б ему не стать
Адъюнктом в университете?
Но он едва ль не слишком жив,
Чтоб быть в святилище науки.
Так, мысль о высшем отложив,
Дадим ему мы дело в руки.
Быть может, пригодится он
Как управляющий в саваннах.
Всегда верхом, вооружен,
В разъездах, в стычках беспрестанных,
Окажется полезен вам
И может сделать положение.
Ему я это передам —
И как прямое предложение.

Американец бормочет что-то несвязное.

Дон Жуан
(Американке)

Я вас люблю! Уйдем! Уйдем!
Вы знаете ль, как пахнут розы,
Когда их нюхают вдвоем
И в небесах звенят стрекозы.
Вы знаете ль, как странен луг,
Как призрачен туман молочный,
Когда в него вас вводит друг
Для наслаждений в час урочный.
Победоносная любовь
Нас коронует без короны
И превращает в пламя кровь
И в песню — лепет иступленный.

Мой конь — удача из удач,
Он белоснежный, величавый.
Когда пускается он вскачь,
То гул копыт зовется славой.
Я был в аду, я сатане
Смотрел в лицо, и вновь я в мире,
И стало только слаще мне,
Мои глаза открылись шире.
И вот теперь я встретил вас,
Единственную во вселенной,
Чтоб стали вы — о, сладкий час! —
Моей царицею и пленной.
Я опьянен, я вас люблю,
Так только боги были пьяны.
Как будет сладко кораблю
Нас уносить в иные страны.
Идем, идем!

А м е р и к а н к а

Я не хочу!..

Нет, я хочу! О, милый, милый!

Д о н Ж у а н

(обнимая ее)

Тебя я счастьем научу
И над твоей умру могилой.

Уходят.

Л е п о р е л л о

(оглядываясь)

Но где мисс Покэр, где Жуан?

А м е р и к а н е ц

Наверное, в соседней зале.

Л е п о р е л л о

(хватаясь за голову)

Ах я разиня, ах болван,
Всё прозевал, они бежали.

А м е р и к а н е ц

Куда?

Лепорелло

Да, верно, на лужок
Иль на тенистую опушку.
Тю-тю! Теперь уж пастушок
Ласкает милую пастушку.

Американец

Да вы с ума сошли!

Лепорелло

Ничуть!

Американец

Идем.

Лепорелло

А шпаги не хотите ль?
Ведь дон Жуан не кто-нибудь,
Он сам севильский соблазнитель.

Американец

Но я их видел здесь, минут
Ну пять тому назад, не боле...

(Закрывает лицо руками)

Когда настанет Страшный суд,
Что я моей ответчу Полли?
Идем, идем скорей.

Лепорелло

Ей-ей,

Я твердо помню: Лепорелло,
Желаешь, спи, желаешь, пей,
А не в свое не суйся дело.
И был я счастлив, сыт и пьян,
И умирать казалось рано...
О, как хотел бы я, декан,
Опять служить у дон Жуана!

139. ПАМЯТИ АННЕНСКОГО

К таким неожиданным и певучим бредням
Зовя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей.

Я помню дни: я, робкий, торопливый,
Входил в высокий кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт.

Десяток фраз, пленительных и странных,
Как бы случайно уроня,
Он вбрасывал в пространство безымянных
Мечтаний — слабого меня.

О, в сумрак отступающие вещи
И еле слышные духи,
И этот голос, нежный и зловещий,
Уже читающий стихи!

В них плакала какая-то обида,
Звенела медь и шла гроза,
А там, над шкафом, профиль Эврипида
Слепил горящие глаза.

...Скамью я знаю в парке; мне сказали,
Что он любил сидеть на ней,
Задумчиво смотря, как сини дали
В червонном золоте аллей.

многоуважаемому
Ивану Федорову
Александрову

Н. Гумилев

РОМАНТИЧЕСКІЕ ЦВѢТЫ

Там вечером и страшно и красиво,
В тумане светит мрамор плит
И женщина, как серна боязлива,
Во тьме к прохожему спешит.

Она глядит, она поет и плачет,
И снова плачет и поет,
Не понимая, что всё это значит,
Но только чувствуя — не тот.

Журчит вода, протачивая шлюзы,
Сырой травой пахнет мгла,
И жалок голос одинокой музыки,
Последней — Царского Села.

140. ВОЙНА

М. М. Чичагову

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.

А «ура» вдали — как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это — мирное селенье
В самый благодный из вечеров.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, господа, благослови.

Как у тех, что гнутся над сохою,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед тобою,
Восковыми свечками горят.

Но тому, о господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: «Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!»

141. ВЕНЕЦИЯ

Поздно. Гиганты на башне
Гулко ударили три.
Сердце ночами бесстрашной.
Путник, молчи и смотри.

Город, как голос наяды,
В призрачно-светлом былом,
Кружев узорней аркады,
Воды застыли стеклом.

Верно, скрывают колдуний
Завесы черных гондол
Там, где огни на лагуне —
Тысячи огненных пчел.

Лев на колонне, и ярко
Львиные очи горят,
Держит Евангелье Марка,
Как серафимы, крылат.

А на высотах собора,
Где от мозаики блеск,
Чу, голубинога хора
Вздых, воркованье и плеск.

Может быть, это лишь шутка,
Скал и воды колдовство,
Марево? Путнику жутко,
Вдруг... никого, ничего?

Крикнул. Его не слышали,
Он, обморочившись, упал
В зыбкие, бледные дали
Венецианских зеркал.

Дома косые, двухэтажные
И тут же рига, скотный двор,
Где у корыта гуси важные
Ведут немолчный разговор.

В садах настурции и розы,
В прудах зацветших караси,—
Усадьбы старые разбросаны
По всей таинственной Руси.

Порою в полдень льется по лесу
Неясный гул, невнятный крик,
И угадать нельзя по голосу,
То человек иль лесовик.

Порою крестный ход и пение,
Звонят во все колокола,
Бегут,— то значит — по течению
В село икона приплыла.

Русь бредит богом, красным пламенем,
Где видно ангелов сквозь дым...
Они ж покорно верят знаменьям,
Любя свое, живя своим.

Вот, гордый новою поддевкою,
Идет в гостиную сосед.
Поникнув русою головкою,
С ним дочка — восемнадцать лет.

«Моя Наташа бесприданница,
Но не отдам за бедняка».
И ясный взор ее туманится,
Дрожа, сжимается рука.

«Отец не хочет... нам со свадьбою
Опять придется погодить».
Да что! В пруду перед усадьбою
Русалкам бледным плохо ль жить?

В часы весеннего томления
И пляски белых облаков
Бывают головокружения
У девушек и стариков.

Но старикам — золотоглавые,
Святые, белые скиты,
А девушкам — одни лукавые
Увещеванья пустоты.

О Русь, волшебница суровая,
Повсюду ты свое возьмешь.
Бежать? Но разве любишь новое
Иль без тебя да проживешь?

И не расстаться с амулетами.
Фортуна катит колесо.
На полке, рядом с пистолетами,
Барон Брамбеус и Руссо.

143. ФРА БЕАТО АНДЖЕЛИКО

В стране, где гиппогриф веселый льва
Крылатого зовет играть в лазури,
Где выпускает ночь из рукава
Хрустальных нимф и венценосных фурий;

В стране, где тихи гробы мертвецов,
Но где жива их воля, власть и сила,
Средь многих знаменитых мастеров,
Ах, одного лишь сердце полюбило.

Пускай велик небесный Рафаэль,
Любимец бога скал Буонаротти,
Да Винчи, колдовской вкусивший хмель,
Челлини, давший бронзе тайну плоти.

Но Рафаэль не греет, а сплит,
В Буонаротти страшно совершенство,
И хмель да Винчи душу замутит,
Ту душу, что поверила в блаженство.

На Фьезоле, средь тонких тополей,
Когда горят в траве зеленой маки,
И в глубине готических церквей,
Где мученики спят в прохладной раке,—

На всем, что сделал мастер мой, печать
Любви земной и простоты смиренной.
О да, не всё умел он рисовать,
Но то, что рисовал он,— совершенно.

Вот скалы, рощи, рыцарь на коне...
Куда он едет, в церковь иль к невесте?
Горит заря на городской стене,
Идут стада по улицам предместий;

Мария держит сына своего,
Кудрявого, с румянцем благородным.
Такие дети в ночь под Рождество,
Наверно, снятся женщинам бесплодным.

И так нестрашен связанным святым
Палач, в рубашку синюю одетый.
Им хорошо под нимбом золотым:
И здесь есть свет, и там — иные светы.

А краски, краски — яркие и чисты.
Они родились с ним и с ним погасли.
Преданье есть: он растворял цветы
В епископами освященном масле.

И есть еще преданье: серафим
Слетал к нему, смеющийся и ясный,
И кисти брал, и состязался с ним
В его искусстве дивном... но напрасно.

Есть бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей — мгновенна и убога.
Но всё в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в бога.

144. РАЗГОВОР

Георгию Иванову

Когда зеленый луч, последний на закате,
Блеснет и скроется, мы не узнаем где,
Тогда встает душа и бродит, как лунатик,
В садах заброшенных, в безлюдье площадей.

Весь мир теперь ее, ни ангелам, ни птицам
Не позавидует она в тиши аллей.
А тело тащится вослед и тайно злится,
Угрюмо жалуясь на боль свою земле.

«Как хорошо теперь сидеть в кафе счастливом,
Где над людской толпой потрескивает газ,
И слушать, светлое потягивая пиво,
Как женщина поет „La p'tite Tonkinoise“». ¹

«Уж карты весело порхают над столами,
Целят скучающих, мира их с бытием.
Ты знаешь, я люблю горячими руками
Касаться золота, когда оно мое».

«Подумай, каково мне с этой бесноватой,
Воображаемым внимая голосам,
Смотреть на мелочь звезд; ведь очень небогато
И просто разубрал всевышний небеса».

Земля по временам сочувственно вздыхает,
И пахнет смолами, и пылью, и травой,
И нудно думает, но все-таки не знает,
Как усмирить души мятежной торжество.

«Вернись в меня, дитя, стань снова грязным илом,
Там, в глубине болот, холодным, скользким дном.
Ты можешь выбирать между Невой и Нилом
Отдохновению благоприятный дом».

«Пускай ушей и глаз навек сомкнутся двери,
И пусть истлеет мозг, предавшийся врагу,
А после станешь ты растением или зверем...
Знай, иначе помочь тебе я не могу».

И всё идет душа, горда своим уделом,
К несуществующим, но золотым полям,
И всё спешит за ней, изнемогая, тело,
И пахнет тлением заманчиво земля.

¹ «Крошка из Тонкина» (фр.). — *Ред.*

Волчица с пастью кровавой
На белом, белом столбе,
Тебе, увенчанной славой,
По праву привет тебе.

С тобой младенцы, два брата,
К сосцам стремятся припасть.
Они не люди — волчата,
У них звериная масть.

Не правда ль, ты их любила,
Как маленьких, встарь, когда,
Рыча от бранного пыла,
Сжигали они города?

Когда же в царство покоя
Они умчались, как вздох,
Ты, долго и страшно воя,
Могилу рыла для трех.

Волчица, твой город тот же,
У той же быстрой реки.
Что мрамор высоких лоджий,
Колонн его завитки,

И лик мадонн вдохновенный,
И храм святого Петра,
Покуда здесь неизменно
Зияет твоя нора,

Покуда жесткие травы
Растут из дряхлых камней
И смотрит месяц кровавый
Железных римских ночей?!

И город цезарей дивных,
Святых и великих пап,
Он крепок следом призывных,
Косматых звериных лап.

*1912
Италия*

146. ПЯТИСТОПНЫЕ ЯМБЫ

М. Л. Лозинскому

Я помню ночь, как черную наяду,
В морях под знаком Южного Креста.
Я плыл на юг; могучих волн громаду
Взрывали мощно лопасти винта,
И встречные суда, очей отраду,
Брала почти мгновенно темнота.

О, как я их жалел, как было странно
Мне думать, что они идут назад
И не остались в бухте необманной,
Что дон Жуан не встретил донны Анны,
Что гор алмазных не нашел Синдбад
И Вечный Жид несчастней во сто крат.

Но проходили месяцы... Обратно
Я плыл и увозил клыки слонов,
Картины абиссинских мастеров,
Меха пантер — мне нравились их пятна —
И то, что прежде было непонятно,—
Презрение к миру и усталость снов.

Я молод был, был жаден и уверен,
Но дух земли молчал, высокомерен,
И умерли слепящие мечты,
Как умирают птицы и цветы.
Теперь мой голос медлен и размерен,
Я знаю, жизнь не удалась... И ты,

Ты, для кого искал я на Леванте
Нетленный пурпур королевских мантий,
Я проиграл тебя, как Дамаянти
Когда-то проиграл безумный Наль.
Взлетели кости, звонкие, как сталь,
Упали кости — и была печаль.

Сказала ты, задумчивая, строго:
«Я верила, любила слишком много,
А ухожу, не веря, не любя,
И пред лицом всевидящего бога,
Быть может, самое себя губя,
Навек я отрекаюсь от тебя».

Твоих волос не смел поцеловать я,
Ни даже сжать холодных, тонких рук.
Я сам себе был гадок, как паук,
Меня пугал и мучил каждый звук,
И ты ушла, в простом и темном платье,
Похожая на древнее Распятие.

То лето было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой,
Такой, что сразу делалось темно
И сердце биться вдруг переставало.
В полях колосья сыпали зерно,
И солнце даже в полдень было ало.

И в реве человеческой толпы,
В гуденье проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь моей судьбы
И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: «Буди, буди».

Солдаты громко пели, и слова
Невнятны были, сердце их ловило:
«Скорей вперед! Могила, так могила!
Нам ложем будет свежая трава,
А пологом — зеленая листва,
Союзником — архангельская сила».

Так сладко эта песнь лилась, маня,
Что я пошел, и приняли меня,
И дали мне винтовку и коня,
И поле, полное врагов могучих,
Гудящих грозно бомб и пуль певучих,
И небо в молниенных и рдяных тучах.

И счастьем душа обожжена
С тех самых пор; веселием полна,
И ясностью, и мудростью, о боге
Со звездами беседует она,
Глас бога слышит в воинской тревоге
И божьими зовет свои дороги.

Честнейшую честнейших херувим,
Славнейшую славнейших серафим,
Земных надежд небесное Свершенье
Она величит каждое мгновенье
И чувствует к простым словам своим
Вниманье, милость и благоволение.

Есть на море пустынном монастырь
Из камня белого, золотоглавый,
Он озарен немеркнущею славой.
Туда б уйти, покинув мир лукавый,
Смотреть на ширь воды и неба ширь...
В тот золотой и белый монастырь!

1912—1915

147. ПИЗА

Солнце жжет высокие стены,
Крыши, площади и базары.
О, янтарный мрамор Сиены
И молочно-белый Каррары!

Всё спокойно под небом ясным;
Вот, окончив псалом последний,
Возвращаются дети в красном
По домам от поздней обедни.

Где ж они, суровые громы
Золотой тосканской равнины,
Ненасытная страсть Содомы
И голодный вопль Уголино?

Ах, и мукам счет и усладам
Не веками ведут — годами!
Гибеллины и гвельфы рядом
Задремали в гробах с гербами.

Всё проходит, как тень, но время
Остается, как прежде, мстящим,
И былое, темное бремя
Продолжает жить в настоящем.

Сатана в нестерпимом блеске,
Оторвавшись от старой фрески,
Наклонился с тоской всегдашней
Над кривою пизанской башней.

1912
Италия

148. ЮДИФЬ

Какой мудрейшею из мудрых пифий
Поведан будет нам нелицемерный
Рассказ об иудеянке Юдифи,
О вавилонянине Олоферне?

Ведь много дней томилась Иудея,
Опалена горячими ветрами,
Ни спорить, ни покорствовать не смея,
Пред красными, как зарево, шатрами.

Сатрап был мошен и прекрасен телом,
Был голос у него, как гул сраженья,
И всё же девушкой не овладело
Томительное головокруженье.

Но, верно, в час блаженный и проклятый,
Когда, как омут, приняло их ложе,
Поднялся ассирийский бык крылатый,
Так странно с ангелом любви несхожий.

Иль, может быть, в дыму кадилъниц рея
И вскрикивая в грохоте тимпана,
Из мрака будущего Саломея
Кичилась головой Иоканаана.

149. СТАНСЫ

Над этим островом какие выси,
Какой туман!
И Апокалипсис был здесь написан,
И умер Пан.

А есть другие — с пальмами, с дворцами,
Где весел жнец
И где позванивают бубенцами
Стада овец.

И скрипку, дивно выгнутую, в руки,
Едва дыша,
Я взял и слушал, как бежала в звуки
Ее душа.

Да! Это только чары, что судьбою
Я побежден,
Что ночью звездный дождь над головою,
И звон, и стон.

Я вольный, снова верящий удачам,
Весь мир мне дом,
Целую девушку с лицом горячим
И с жадным ртом.

Но лишь на миг к моей стране от Вашей
Опущен мост.
Его сожгут мечи, кресты и чаши
Огромных звезд.

150. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Анне Ахматовой

Я из дому вышел, когда все спали,
Мой спутник скрывался у рва в кустах.
Наверно, наутро меня искали,
Но было поздно, мы шли в полях.

Мой спутник был желтый, худой, раскосый.
О, как я безумно его любил!
Под пестрой хламидой он прятал косу,
Глазами гадюки смотрел и ныл.

О старом, о странном, о безбольном,
О вечном слагалось его нытье,
Звучало мне звоном колокольным,
Ввергало в истому, в забытье.

Мы видели горы, лес и воды,
Мы спали в кибитках чужих равнин,
Порою казалось — идем мы годы,
Казалось порою — лишь день один.

Когда ж мы достигли стены Китая,
Мой спутник сказал мне: «Теперь прощай,
Нам разны дороги: твоя — святая,
А мне, мне сеять мой рис и чай».

На белом пригорке, над полем чайным,
У пагоды ветхой сидел Буддá.
Пред ним я склонился в восторге тайном,
И было сладко, как никогда.

Так тихо, так тихо над миром дольным,
С глазами гадюки, он пел и пел
О старом, о странном, о безбольном,
О вечном, и воздух вокруг светлел.

151. ЛЕОНАРД

Три года чума и голод
Разоряли большую страну,
И народ сказал Леонарду:
«Спаси нас, ты добр и мудр».

Старинных, заветных свитков
Все тайны знал Леонард.
В одно короткое лето
Страна была спасена.

Случились распри и войны,
Когда скончался король.
Народ сказал Леонарду:
«Отныне король наш ты».

Была Леонарду знакома
Война — искусство царей.
Поэты победные оды
Не успевали писать.

Когда же страна усмирилась
И пахарь взялся за плуг,
Народ сказал Леонарду:
«Ты молод, возьми жену».

Спокойный, ясный и грустный,
В ответ молчал Леонард,
А ночью скрылся из замка,
Куда — не узнал никто.

Лишь мальчик-пастух, дремавший
В ту ночь в угрюмых горах,
Говорил, что явственно слышал
Согласный гул голосов.

Как будто орел парящий,
Овен, человек и лев
Вопияли, пели, зывали,
Говорили зараз во тьме.

152. ПТИЦА

Я не смею больше молиться,
Я забыл слова литаний.
Надо мною грозящая птица,
И глаза у нее — огни.

Вот я слышу сдержанный клекот,
Словно звон истлевших цимбал,
Словно моря дальнего рокот,
Моря, бьющего в груди скал.

Вот я вижу: когти стальные
Наклоняются надо мной,
Словно струи дрожат речные,
Озаряемые луной.

Я пугаюсь. Чего ей надо?
Я не юноша Ганимед,
Надо мною небо Эллады
Не струило свой нежный свет.

Если ж это голубь господень
Прилетел сказать: «Ты готов!» —
То зачем же он так несходен
С голубями наших садов?

153—154. К А Н Ц О Н Ы

1

Словно ветер страны счастливой,
Носятся жалобы влюбленных.
Как колосья созревшей нивы,
Клонятся головы непреклонных.

Запевает араб в пустыне:
«Душу мне вырвали из тела».
Стонет грек над пучиной синей:
«Чайкою в сердце ты мне влетела».

Красота ли им не покорна!
Теплит гречанка в ночь лампадки,
А подруга араба зерна
Благовонные жжет в палатке.

Зов один от края до края,
Шире, всё шире и чудесней,
Угадали ли вы, дорогая,
В этой бессвязной и бедной песне?

Дорогая с улыбкой летней,
С узкими, слабыми руками
И, как мед двухтысячелетний,
Душными, черными волосами.

2

Об Адонисе с лунной красотой,
О Гиацинте тонком, о Нарциссе,
И о Данае, туче золотой,
Еще грустят аттические выси.

Мамыня Алашны

Сяброва вяртае сэрца сямімільны
названне маёй думачыні,
калі калас сэрцавіны
князя палка пераключыла.

Завалася грады ў тугі;
— "Душы нашы вяртаюць тугі!"
Станеў грады над тугімі сядзе;
— "Тогора будзь, мы нашы вяртаюць!"

Збывае адна адна крэй доўга,
шчыра, вельмі і зуды,
чадары і Дзе, доўга,
дзе збывае палка і сядзе тугі?

Дарова са зямель тугі,
се зямлі, сядзе тугі,
і, калі надзея тугі,
зямлі, тугі, не вяртаюць.
#12. тугі

Жыццё Чорны.

Веліх
On ne s'en va pas sans que l'on ne s'en va pas
Pour se laisser la main?..

Alfred de Vigny.

Х вяртае са зямель тугі?
Кенніс тугі і сядзе тугі
А тугі грады збывае
Вяртаюць тугі і сядзе тугі

Грустят валы ямбических морей,
И журавлей кочующие стаи,
И пальма, о которой Одиссей
Рассказывал смущенной Навзикае.

Печальный мир не очаруют вновь
Ни кудри душевные, ни взор призывный,
Ни лепестки горячих губ, ни кровь,
Стучавшая торжественно и дивно.

Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь..
И ты, о нежная, чье имя — пенье,
Чье тело — музыка, и ты идешь
На беспощадное исчезновенье.

Но мне, увы, неведомы слова —
Землетрясения, громы, водопады,
Чтоб и по смерти ты была жива,
Как юноши и девушки Эллады.

14 апреля 1915

155. ПЕРСЕЙ

СКУЛЬПТУРА КАНОВЫ

Его издавна любят музы.
Он юный, светлый, он герой.
Он поднял голову Медузы
Стальной, стремительной рукой.

И не увидит он, конечно,
Он, в чьей душе всегда гроза,
Как хороши, как человечны
Когда-то страшные глаза,

Черты измученного болью,
Теперь прекрасного лица... —
Мальчишескому своеволью
Нет ни преграды, ни конца.

Вот ждет нагая Андромеда,
Пред ней свивается дракон.
Туда, туда, за ним Победа
Летит, крылатая, как он.

156. СОЛНЦЕ ДУХА

Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокочущей трубе побед.

Как могли мы... но еще не поздно.
Солнце духа наклонилось к нам.
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам.

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму.
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

В дикой прелести степных раздолий,
В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли
И мучительного для души.

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.

157. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Прошел патруль, стуча мечами.
Дурной монах прокрался к милой.
Над островерхими домами
Неведомое опочило.

Но мы спокойны, мы поспорим
Со стражами господня гнева,
И пахнет звездами и морем
Твой плащ широкий, Женевьева.

Ты помнишь ли, как перед нами
Встал храм, чернеющий во мраке,
Над сумрачными алтарями
Горели огненные знаки.

Торжественный, гранитнокрылый,
Он охранял наш город сонный,
В нем пели молоты и пилы,
В ночи работали масоны.

Слова их скупы и случайны,
Но взоры ясны и упрямы.
Им древние открыты тайны,
Как строить каменные храмы.

Поцеловав порог узорный,
Свершив коленопреклоненье,
Мы попросили так покорно
Тебе и мне благословенья.

Великий Мастер с нивелиром
Стоял средь грохота и гула
И прошептал: «Идите с миром,
Мы побеждаем Вельзевула».

Пока они живут на свете,
Творят закон святого сева,
Мы смело можем быть как дети,
Любить друг друга, Женевьева.

158. ПАДУАНСКИЙ СОБОР

Да, этот храм и дивен, и печален,
Он — искушение, радость и гроза.
Горят в окошечках исповедален
Желаньем истомленные глаза.

Растет и падает напев органа
И вновь растет, полнее и страшней,
Как будто кровь, бунтующая пьяно
В гранитных венах сумрачных церквей.

От пурпура, от мучеников томных,
От белизны их обнаженных тел
Бежать бы из-под этих сводов темных,
Пока соблазн душой не овладел.

В глухой таверне старого квартала
Сесть на террасе и спросить вина,
Там от воды приморского канала
Совсем зеленой кажется стена.

Скорей! Одно последнее усилие!
Но вдруг слабеешь, выходя на двор:
Готические башни, словно крылья,
Католицизм в лазури распростер.

159. ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

Нет, я не в том тебе завидую
С такой мучительной обидою,
Что уезжаешь ты и вскоре
На Средиземном будешь море.

И Рим увидишь, и Сицилию,
Места, любезные Виргилию,
В благоухающей, лимонной
Трущобе сложишь стих влюбленный.

Я это сам не раз испытывал,
Я солью моря грудь пропитывал,
Над Арно, Данте чтя обычай,
Слагал сонеты Беатриче.

Что до природы мне, до древности,
Когда я полон жгучей ревности,
Ведь ты во всем ее убранстве
Увидел Музу Дальних Странствий.

Ведь для тебя в руках изменницы
В хрустальном кубке нектар пенится,
И огнедышащей беседы
Ты знаешь молнии и бреды.

А я, как некими гигантами,
Торжественными фолиантами
От вольной жизни заперт в нишу,
Ее не вижу и не слышу.

160. СНОВА МОРЕ

Я сегодня опять услышал,
Как тяжелый якорь ползет,
И я видел, как в море вышел
Пятипалубный пароход.
Оттого-то и солнце дышит,
А земля говорит, поет.

Неужель хоть одна есть крыса
В грязной кухне иль червь в норе,
Хоть один беззубый и лысый
И помешанный на добре,
Что не слышат песен Уллиса,
Призывающего к игре?

Ах, к игре с трезубцем Нептуна,
С косами диких нерейд
В час, когда буруны, как струны,
Звонко лопаются и дрожит
Пена в них или груди юной,
Самой нежной из Афродит.

Вот и я выхожу из дома
Повстречаться с иной судьбой,
Целый мир, чужой и знакомый,
Породниться готов со мной:
Берегов изгибы, изломы,
И вода, и ветер морской.

Солнце духа, ах, беззакатно.
Не земле его побороть.
Никогда не вернусь обратно,
Усмирю усталую плоть,
Если лето благоприятно,
Если любит меня господь.

161. АФРИКАНСКАЯ НОЧЬ

Полночь сошла, непроглядная темень,
Только река от луны блестит,
А за рекой неизвестное племя,
Зажигая костры, шумит.

Завтра мы встретимся и узнаем,
Кому быть властителем этих мест;
Им помогает черный камень,
Нам — золотой нательный крест.

Вновь обхожу я бугры и ямы,
Здесь будут вещи, мулы — тут.
В этой унылой стране Сидамо
Даже деревья не растут.

Весело думать: если мы одолеем —
Многих уже одолели мы,—
Снова дорога желтым змеем
Будет вести с холмов на холмы.

Если же завтра волны Уэби
В рев свой возьмут мой предсмертный вздох,
Мертвый, увижу, как в бледном небе
С огненным черный борется бог.

1913

Восточная Африка

162. НАСТУПЛЕНИЕ

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

163. СМЕРТЬ

Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерть.
Лишь под пулями в рвах спокойных
Верись в знамя господне, твердь.

И за это знаешь так ясно,
Что в единственный, строгий час,
В час, когда, словно облак красный,
Милый день уплывет из глаз,

Свод небесный будет раздвинут
Пред душою и душу ту
Белоснежные кони ринут
В ослепительную высоту.

Там Начальник в ярком доспехе,
В грозном шлеме звездных лучей,
И к старинной, бранной потехе
Огнекрылых зов трубачей.

Но и здесь, на земле, не хуже
Та же смерть — ясна и проста:
Здесь товарищ над павшим тужит
И целует его в уста.

Здесь священник в рясе дырявой
Умиленно поет псалом.
Здесь играют марш величавый
Над едва заметным холмом.

Лежал истомленный на ложе болезни
 (Что горше, что тягостней ложа болезни?),
 И вдруг загорелись усталые очи:
 Он видит, он слышит в священном восторге —
 Выходят из мрака, выходят из ночи
 Святой Пантелеймон и воин Георгий.

Вот речь начинает святой Пантелеймон
 (Так сладко, когда говорит Пантелеймон):
 «Бессонны твои покрасневшие вежды,
 Пылает и душит твое изголовье,
 Но я прикоснусь к тебе краем одежды
 И в жилы пролью золотое здоровье».

И другу вослед выступает Георгий
 (Как трубы победы, вещает Георгий):
 «От битв отрекаясь, ты жаждал спасенья,
 Но сильного слезы пред богом неправы,
 И бог не слышал твоего отречения,
 Ты встанешь завтра, и встанешь для славы».

И скрылись, как два исчезающих света
 (Средь мрака ночного два яркие света),
 Растущего дня надвигается шорох,
 Вот солнце сверкнуло, и встал истомленный
 С надменной улыбкой, с весельем во взорах
 И с сердцем, открытым для жизни бездонной.

Я вежлив с жизнью современной,
 Но между нами есть преграда —
 Всё, что смешит ее, надменную,
 Моя единая отрада.

Победа, слава, подвиг — бледные
 Слова, затерянные ныне,
 Гремят в душе, как громы медные,
 Как голос господа в пустыне.

Всегда ненужно и непростено
В мой дом спокойствие входило;
Я клялся быть стрелою, брошенной
Рукой Немврода иль Ахилла.

Но нет, я не герой трагический,
Я ироничнее и суше,
Я злюсь, как идол металлический
Среди фарфоровых игрушек.

Он помнит головы курчавые,
Склоненные к его подножью,
Жрецов молитвы величавые,
Грозу в лесах, объятых дрожью.

И видит, горестно смеющийся,
Всегда недвижимые качели,
Где даме с грудью выдающейся
Пастух играет на свирели.

1913

166

Какая странная нега
В ранних сумерках утра,
В таянье вешнего снега,
Во всем, что гибнет и мудро.

Золотоглазой ночью
Мы вместе читали Данта,
Сереброкудрой зимою
Нам снились розы Леванта.

Утром вставай, тоскуя,
Грусти и радуйся скупю,
Весной проси поцелуя
У женщины милой и глупой.

Цветы, что я рвал ребенком
В зеленом драконьем болоте,
Живые на стебле тонком,
О, где вы теперь цветете!

Ведь есть же мир лучезарней,
Что недоступен обидам
Краснощеких афинских парней,
Хохотавших над Эврипидом.

167

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной,
И, господь, вот ты мне явился
Невозможной такой мечтой.

Вижу свет на горе Фаворе
И безумно тоскую я,
Что взлюбил и сушу и море,
Весь дремучий сон бытия;

Что моя молодая сила
Не смирилась перед твоей,
Что так больно сердце томила
Красота твоих дочерей.

Но любовь разве цветик алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь разве пламень малый,
Что ее легко погасить?

С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей ты подумай,
Я и так погубил одну.

168. СЧАСТЬЕ

1

Больные верят в розы майские,
И нежны сказки нищеты.
Заснув в тюрьме, виденья райские
Наверняка увидишь ты.

Но нет тревожной и заброшенной —
Печали посреди шелков,
И я принцессе на горошине
Всю кровь мою отдать готов.

2

«Хочешь, горбун, поменяться
Своею судьбой с моей,
Хочешь шутить и смеяться,
Быть вольной птицей морей?»
Он подозрительным взглядом
Смерил меня всего:
«Уходи, не стой со мной рядом,
Не хочу от тебя ничего!»

3

У муки столько струн на лютне,
У счастья нету ни одной,
Взлетевший в небо бесприютней,
Чем опустившийся на дно.
И Заклинающий проказу,
Сказавший деве: «Талифа!..» —
...Ему дороже нищий Лазарь
Великолепного волхва.

4

Ведь я не грешник, о боже,
Не святотатец, не вор,
И я верю, верю, за что же
Тебя не видит мой взор?
Ах, я не живу в пустыне,
Я молод, весел, пою,
И ты, я знаю, отринешь
Бедную душу мою!

5

В мой самый лучший, светлый день,
В тот день Христова Воскресенья,
Мне вдруг примнилось искупленье,
Какого я искал везде.

Мне вдруг почудилось, что, нем,
Изранен, наг, лежу я в чаше,
И стал я плакать надо всем
Слезами радости кипящей.

169. ВОСЬМИСТИШИЕ

Ни шороха полночных далей,
Ни песен, что певала мать,
Мы никогда не понимали
Того, что стоило понять.
И, символ горнего величья,
Как некий благодный завет,—
Высокое косноязычье
Тебе даруется, поэт.

170. ДОЖДЬ

Сквозь дождем забрызганные стекла
Мир мне кажется рябым;
Я гляжу: ничто в нем не поблекло
И не сделалось чужим.

Только зелень стала чуть зловещей,
Словно пролит купорос,
Но зато рисуется в ней резче
Круглый куст кровавых роз.

Капли в лужах плещутся размерней
И бормочут свой псалом,
Как монашенки в часы вечерни
Торопливым голоском.

Слава, слава небу в тучах черных!
То — река весною, где
Вместо рыб стволы деревьев горных
В мутной мечутся воде.

В гиблых омутах волшебных мельниц
Ржанье бешеных коней,
И душе, несчастнейшей из пленниц,
Так и легче и вольней.

171. ВЕЧЕР

Как этот ветер грузен, не крылат!
С надтреснутою дыней схож закат,

И хочется подталкивать слегка
Катящиеся вяло облака.

В такие медленные вечера
Коней карьером гонят кучера,

Сильней веслом рвут воду рыбаки,
Ожесточенней рубят лесники

Огромные, кудрявые дубы...
А те, кому доверены судьбы

Вселенского движения и в ком
Всех ритмов бывших и небывших дом,

Слагают окрыленные стихи,
Расковывая косный сон стихий.

172. ГЕНУЯ

В Генуе, в палаццо дождей,
Есть старинные картины,
На которых странно схожи
С лебедями бригантины.

Возле них, сойдясь гурьбою,
Моряки и арматоры
Все ведут между собою
Вековые разговоры,

С блеском глаз, с усмешкой важной,
Как живые, неживые...
От залива ветер влажный
Спутал бороды седые.

Миг один, и будет чудо;
Вот один из них, смелея,
Спросит: «Вы, синьор, откуда,
Из Ливорно иль Пирея?

Если будете в Брабанте,
Там мой брат торгует летом,
Отвезите бочку кьянти
От меня ему с приветом».

1912
Италия

173. КИТАЙСКАЯ ДЕВУШКА

Голубая беседка
Посредине реки,
Как плетеная клетка,
Где живут мотыльки.

И из этой беседки
Я смотрю на зарю,
Как качаются ветки,
Иногда я смотрю;

Как качаются ветки,
Как скользят челноки,
Огибая беседки
Посредине реки.

У меня же в темнице
Куст фарфоровых роз,
Металлической птицы
Блещет золотом хвост.

И, не веря в приманки,
Я пишу на шелку
Безмятежные танки
Про любовь и тоску.

Мой жених всё влюбленней;
Пусть он лыс и устал,
Он недавно в Кантоне
Все экзамены сдал.

Апостол Петр, бери свои ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

Коллоквиум с отцами церкви там
Покажет, что я в догматах был прям.

Георгий пусть поведает о том,
Как в дни войны сражался я с врагом.

Святой Антоний может подтвердить,
Что плоти я никак не мог смирить.

Но и святой Цецилии уста
Прошепчут, что душа моя чиста.

Мне часто снились райские сады,
Среди ветвей румяные плоды,

Лучи и ангельские голоса,
Внемировой природы чудеса.

И знаешь ты, что утренние сны
Как предзнаменования нам даны.

Апостол Петр, ведь если я уйду
Отвергнутым, что делать мне в аду?

Моя любовь растопит адский лед,
И адский огонь слеза моя зальет.

Перед тобою темный серафим
Появится ходатаем моим.

Не медли более, бери ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

В ночном кафе мы молча пили кьянти,
Когда вошел, спросивши шерри-бренди,
Высокий и седеющий эффенди,
Враг злейший христиан на всем Леванте.

И я ему заметил: «Перестаньте,
Мой друг, презрительного корчить денди,
В тот час, когда, быть может, по легенде
В зеленый сумрак входит Дамаянти».

Но он, ногою топнув, крикнул: «Бабы!
Вы знаете ль, что черный камень Кабы
Поддельным признан был на той неделе?»

Потом вздохнул, задумавшись глубоко,
И прошептал с печалью: «Мыши съели
Три волоска из бороды Пророка».

176. БОЛОНЬЯ

Нет воды вкуснее, чем в Романье,
Нет прекрасней женщин, чем в Болонье,
В лунной мгле разносятся признанья,
От цветов струится благовонье.

Лишь фонарь идущего вельможи
На мгновенье выхватит из мрака
Между кружев розоватость кожи,
Длинный ус, что крутит забияка.

И его скорей проносят мимо,
А любовь глядит и торжествует.
О, как пахнут волосы любимой,
Как дрожит она, когда целует.

Но вино чем слаще, тем хмельнее,
Дама чем красивей, тем лукавей.
Вот уже уходят ротозей
В тишине мечтать о высшей славе.

И они придут, придут до света
С мудрой думой о Юстиниане
К темной двери университета,
Векового логовища знаний.

Старый доктор сгорблен в красной тоге,
Он законов ищет в беззаконьи,
Но и он порой волочит ноги
По веселым улицам Болоньи.

177. СКАЗКА

Тэффи

На скале, у самого края,
Где река Елизабет, протекая,
Скалит камни, как зубы, был замок.

На его зубцы и бойницы
Прилетали тощие птицы,
Глухо каркали, предвещая.

А внизу, у самого склона,
Залегала берлога дракона,
Шестиногого, с рыжей шерстью.

Сам хозяин был черен, как в дегте,
У него были длинные когти,
Гибкий хвост под плащом он прятал.

Жил он скромно, хотя не медведем,
И известно было соседям,
Что он просто-напросто дьявол.

Но соседи его были тоже
Подозрительной масти и кожи:
Ворон, оборотень и гиена.

Собирались они и до света
Выли у реки Елизабета,
А потом в домино играли.

И так быстро летело время,
Что простое крапивное семя
Успевало взойти крапивой.

Это было еще до Адама,
В небесах жил не бог, а Брама,
И на всё он смотрел сквозь пальцы.

Жить да жить бы им без печали!
Но однажды в ночь переспали
Вместе оборотень и гиена.

И родился у них ребенок,
Не то птица, не то котенок,
Он радушно был взят в компанью.

Вот собрались они, как обычно,
И, повыв над рекой отлично,
Как всегда, за игру засели.

И играли, играли, играли,
Как играть приходилось едва ли
Им, до одури, до одышки.

Только выиграл всё ребенок:
И бездонный пивной бочонок,
И поля, и уголья, и замок.

Закричал, раздувшись как груда:
«Уходите вы все отсюда,
Я ни с кем не стану делиться!»

Только добрую старую маму
Посажу я в ту самую яму,
Где была берлога дракона».

Вечером по берегу Елизабета
Ехала черная карета,
А в карете сидел старый дьявол.

Позади ташились другие,
Озабоченные, больные,
Глухо кашляя, подвывая.

Кто храбрился, кто ныл, кто сердился...
А тогда уж Адам родился.
Бог, спаси Адама и Еву!

178. НЕАПОЛЬ

Как эмаль, сверкает море,
И багряные закаты
На готическом соборе,
Словно гарпии, крылаты.
Но какой античной грязью
Полон город, и не вдруг
К золотому безобразью
Нас приучит буйный юг.

Пахнет рыбой и лимоном,
И духами парижанки,
Что под зонтиком зеленым
И несет креветок в банке;
А за кучею навоза
Два косматых старика
Режут хлеб... Сальватор Роза
Их провидел сквозь века.

Здесь не жарко, с моря веют
Белобрысы туманы,
Все хотят и все не смеют
Выйти в полночь на поляны,
Где седые, грозовые
Скалы высятся венцом,
Где засела малярия
С желтым бешеным лицом.

И, как птица с трубкой в клюве,
Поднимает острый гребень,
Сладко нежится Везувий,
Расплескавшись в сонном небе.
Бьются облачные кони,
Поднимаясь на зенит,
Но, как истый лаццарони,
Всё дымит он и храпит.

Жизнь печальна, жизнь пустынна,
И не сжалятся никто;
Те же вазочки в гостиной,
Те же рамки и плато.

Томик пыльный, томик серый
Я беру, тоску кляня,
Но и в книгах кавалеры
Влюблены, да не в меня.

А меня совсем иною
Отражают зеркала:
Я наяда под луною
В зыби водного стекла.

В глубине средневековья
Я принцесса, что, дрожа,
Принимает славословья
От красивого пажа.

Иль на празднике Версаля
В час, когда заснет земля,
Взоры юношей печала,
Я пленяю короля.

Иль влюблен в мои романсы
Весь парижский полусвет
Так, что мне слагает стансы
С львиной гривой поэт.

Выйду замуж, буду дамой,
Злой и верною женой,
Но мечте моей упрямой
Никогда не стать иной.

И зато за мной, усталой,
Смерть прискачет на коне,
Словно рыцарь, с розой алой
На чешуйчатой броне.

180. ПОЧТОВЫЙ ЧИНОВНИК

Ушла... Завяли ветки
Сирени голубой,
И даже чижики в клетке
Заплакал надо мной.

Что пользы, глупый чижики,
Что пользы нам грустить,
Она теперь в Париже,
В Берлине, может быть.

Страшнее страшных пугал
Красивым честный путь,
И нам в наш тихий угол
Беглянки не вернуть.

От Знаменья псаломщик,
В цилиндре набоку,
Большой, костлявый, тощий,
Зайдет попить чайку.

На днях его подруга
Ушла в веселый дом,
И мы теперь друг друга,
Наверное, пойдем.

Мы ничего не знаем,
Ни как, ни почему,
Весь мир необитаем,
Неясен он уму.

А песню вырвет мука,
Так старая она:
«Разлука ты, разлука,
Чужая сторона!»

181. БОЛЬНОЙ

В моем бреду одна меня томит
Каких-то острых линий бесконечность,
И непрерывно колокол звонит,
Как бой часов отзванивал бы вечность.

Мне кажется, что после смерти так
С мучительной надеждой воскресенья
Глаза вперяются в окрестный мрак,
Ища давно знакомые виденья.

Но в океане первозданной мглы
Нет голосов и нет травы зеленой,
А только кубы, ромбы, да углы,
Да злые нескончаемые звоны.

О, хоть бы сон настиг меня скорей!
Уйти бы, как на праздник примиренья,
На желтые пески седых морей
Считать большие бурые камни.

182. ОДА Д'АННУНЦИО К ЕГО ВЫСТУПЛЕНИЮ В ГЕНУЕ

Опять волчица на столбе
Рычит в огне багряных светов...
Судьба Италии — в судьбе
Ее торжественных поэтов.

Был Августов высокий век,
И золотые строки были;
Спокойней величавых рек
С ней разговаривал Вергилий.

Был век печали; и тогда,
Как враг в ее стучался двери,
Бежал от мирного труда
Изгнанник бедный, Алигьери.

Униженная до конца,
Страна, веселием объята,
Короновала мертвеца
В короновании Торквата.

И в дни прекраснейшей войны,
Которой кланяюсь я земно,
К которой завистью полны
И Александр и Агамемнон,

Когда всё лучшее, что в нас
Таилось скупое и суровое,
Вся сила духа, доблесть рас,
Свои разрушило оковы —

Слова: «Встает великий Рим,
Берите ружья, дети горя...» —
Грозней громов; внимая им,
Толпа взволнованнее моря.

А море синей пеленой
Легло вокруг, как мощь и слава
Италии, как щит святой
Ее стариннейшего права.

А горы стынут в небесах,
Загадочны и незнакомы,
Там зреют молнии в лесах,
Там чутко притаились громы.

И, конь, встающий на дыбы,
Народ поверил в правду света,
Вручая страшные судьбы
Рукам изнеженным поэта.

И всё поют, поют стихи
О том, что вольные народы
Живут, как образы стихий,
Ветра, и пламени, и воды.

183. ДЕРЕВЬЯ

Я знаю, что деревьям, а не нам
Дано величье совершенной жизни:
На ласковой земле, сестре звездám,
Мы — на чужбине, а они — в отчизне.

Глубокой осенью в полях пустых
Закаты медно-красные, восходы
Янтарные окраске учат их —
Свободные, зеленые народы.

Есть Моисеи посреди дубов,
Марии между пальм... Их души, верно,
Друг другу посылают тихий зов
С водой, струящейся во тьме безмерной.

И в глубине земли, точка алмаз,
Дробя гранит, ключи лепечут скоро,
Ключи поют, кричат — где сломан вяз,
Где листьями оделась сикомора.

О, если бы и мне найти страну,
В которой мог не плакать и не петь я,
Безмолвно поднимаясь в вышину
Неисчислимые тысячелетья!

184. АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Я твердо, я так сладко знаю,
С искусством иноков знаком,
Что лик жены подобен раю,
Обетованному творцом.

Нос — это древа ствол высокий;
Две тонкие дуги бровей
Над ним раскинулись, широки,
Изгибом пальмовых ветвей.

Два вещих сирина, два глаза,
Под ними сладостно поют,
Велеречивостью рассказа
Все тайны духа выдают.

Открытый лоб — как свод небесный,
И кудри — облака над ним,
Их, верно, с робостью прелестной
Касался нежный серафим.

И тут же, у подножья древа,
Уста — как некий райский цвет,
Из-за какого мать Ева
Благой нарушила завет.

Всё это кистью достохвальной
Андрей Рублев мне начертал,
И этой жизни труд печальный
Благословеньем божьим стал.

185. ОСЕНЬ

Оранжево-красное небо...
Порывистый ветер качает
Кровавую гроздь рябины.
Догоняю бежавшую лошадь
Мимо стекол оранжереи,
Решетки старого парка
И лебединого пруда.
Косматая, рыжая, рядом
Несется моя собака,
Которая мне милее
Даже родного брата,
Которую буду помнить,
Если она издохнет.

Стук копыт участился,
Пыль всё выше.
Трудно преследовать лошадь
Чистой арабской крови.
Придется присесть, пожалуй,
Задохнувшись, на камень
Широкий и плоский,
И удивляться тупо
Оранжево-красному небу,
И тупо слушать
Кричащий пронзительно ветер.

186. ДЕТСТВО

Я ребенком любил большие,
Медом пахнувшие луга,
Перелески, травы сухие
И меж трав бычачьи рога.

Каждый пыльный куст придорожный
Мне кричал: «Я шучу с тобой,
Обойди меня осторожно
И узнаешь, кто я такой!»

Только дикий ветер осенний,
Прошумев, прекращал игру.
Сердце билось еще блаженной,
И я верил, что я умру

Не один — с моими друзьями,
С мать-и-мачехой, с лопухом,
И за дальними небесами
Догадаюсь вдруг обо всем.

Я за то и люблю затеи
Грозовых военных забав,
Что людская кровь не святее
Изумрудного сока трав.

Над широкой рекой,
Пояском-мостом перетянутой,
Городок стоит небольшой,
Летописцем не раз помянутый.

Знаю, в этом городке —
Человечья жизнь настоящая,
Словно лодочка на реке,
К цели ведомой уходящая.

Полосатые столбы
У гауптвахты, где солдатики
Под пронзительный вой трубы
Маршируют, совсем лунатики.

На базаре всякий люд —
Мужики, цыгане, прохожие —
Покупают и продают,
Проповедуют слово божие.

В крепко-слаженных домах
Ждут хозяйки, белые, скромные,
В самаркандских цветных платках,
А глаза всё такие темные.

Губернаторский дворец
Пышет светом в часы вечерние.
Предводителей жеребец —
Удивление всей губернии.

А весной идут, таясь,
На кладбище девушки с милыми,
Шепчут, ластясь: «Мой яхонт-князь!» —
И целуются над могилами.

Крест над церковью взнесен,
Символ власти ясной, Отеческой,
И гудит малиновый звон
Речью мудрою, человеческой.

188. ЛЕДОХОД

Уж одевались острова
Весенней зеленью прозрачной,
Но нет, изменчива Нева,
Ей так легко стать снова мрачной.

Взойди на мост, склони свой взгляд:
Там льдины прыгают по льдинам,
Зеленые, как медный яд,
С ужасным шелестом змеинным.

Географу, в час трудных снов,
Такие тяготят сознание —
Неведомых материков
Мучительные очертанья.

Так пахнут сыростью гриба
И неуверенно, и слабо
Те потайные погреба,
Где труп зарыт и бродят жабы.

Река больна, река в бреду.
Одни, уверены в победе,
В зоологическом саду
Довольны белые медведи.

И знают, что один обман —
Их тягостное заточенье:
Сам Ледовитый океан
Идет на их освобожденье.

189. ПРИРОДА

Так вот и вся она, природа,
Которой дух не признает:
Вот луг, где сладкий запах меда
Смешался с запахом болот;

Да ветра дикая заплачка,
Как отдаленный вой волков;
Да над сосной курчавой скачка
Каких-то пегих облаков.

Я вижу тени и обличья,
Я вижу, гневом обуян,
Лишь скудное многообразие
Творцом просыпанных семян.

Земля, к чему шутить со мною:
Одежды нищенские сбрось
И стань, как ты и есть, звездой,
Огнем пронизанной насквозь!

190. Я И ВЫ

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам —
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю — как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет.

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: «Вставай!»

Ах, иначе в былые года
 Колдовала земля с небесами,
 Дива дивные зрелись тогда,
 Чуда чудные деялись сами...

Позабыв Золотую Орду,
 Пестрый грохот равнины китайской,
 Змей крылатый в пустынном саду
 Часто прятался полночью майской.

Только девушки видеть луну
 Выходили походкою статной —
 Он подхватывал быстро одну,
 И взмывал, и стремился обратно.

Как сверкал, как слепил и горел
 Медный панцирь под хищной луною,
 Как серебряным звоном летел
 Мерный клетот над Русью лесною:

«Я красавиц таких, лебедей
 С белизною такою молочной,
 Не встречал никогда и нигде,
 Ни в заморской стране, ни в восточной.

Но еще ни одна не была
 Во дворце моем пышном, в Лагоре:
 Умирают в пути, и тела
 Я бросаю в Каспийское море.

Спать на дне, средь чудовищ морских,
 Почему им, безумным, дороже,
 Чем в могучих объятьях моих
 На торжественном княжеском ложе?

И порой мне завидна судьба
 Парня с белой пастушечьей дудкой
 На лугу, где девичья гурьба
 Так довольна его прибауткой».

Эти крики заслыша, Вольга
 Выходил и поглядывал хмуро,
 Надевал тетиву на рога
 Беловежского старого тура.

В чашах, в болотах огромных,
 У оловянной реки,
 В срубах мохнатых и темных
 Станные есть мужики.

Выйдет такой в бездорожье,
 Где разбежался ковыль,
 Слушает крики Стрибожьи,
 Чуя старинную быль.

С остановившимся взглядом
 Здесь проходил печенег...
 Сыростью пахнет и гадом
 Возле мелеющих рек.

Вот уже он и с котомкой,
 Путь оглашая лесной
 Песней протяжной, негромкой,
 Но озорной, озорной.

Путь этот — светы и мраки,
 Посвист разбойный в полях,
 Ссоры, кровавые драки
 В страшных, как сны, кабаках.

В гордую нашу столицу
 Входит он — боже, спаси! —
 Обворожает царицу
 Необозримой Руси

Взглядом, улыбкою детской,
 Речью такой озорной, —
 И на груди молодецкой
 Крест просиял золотой.

Как не погнулись — о горе! —
 Как не покинули мест
 Крест на Казанском соборе
 И на Исакии крест?

Над потрясенной столицей
 Выстрелы, крики, набат;

Город ощерился львицей,
Обороняющей лвят.

«Что ж, православные, жгите
Труп мой на темном мосту,
Пепел по ветру пустите...
Кто защитит сироту?

В диком краю и убогом
Много таких мужиков.
Слышен по вашим дорогам
Радостный гул их шагов».

193. РАБОЧИЙ

Он стоит пред раскаленным горном,
Невысокий старый человек.
Взгляд спокойный кажется покорным
От миганья красноватых век.

Все товарищи его заснули,
Только он один еще не спит:
Всё он занят отливаньем пули,
Что меня с землею разлучит.

Кончил, и глаза повеселели.
Возвращается. Блестит луна.
Дома ждет его в большой постели
Сонная и теплая жена.

Пуля, им отлитая, просвищет
Над седую, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.

Упаду, смертельно затоскую,
Прошрое увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.

И господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век.
Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старый человек.

194. ШВЕЦИЯ

Страна живительной прохлады,
Лесов и гор гудящих, где
Всклощенные водопады
Ревут, как будто быть беде;

Для нас священная навеки
Страна, ты помнишь ли, скажи,
Тот день, как из Варягов в Греки
Пошли суровые мужи?

Ответь, ужели так и надо,
Чтоб был, свидетель злых обид,
У золотых ворот Царьграда
Забывт Олегов медный щит?

Чтобы в томительные бреды
Опять поникла, как вчера,
Для славы, силы и победы
Тобой подъятая сестра?

И неужель твой ветер свежий
Вотще нам в уши сладко выл,
К Руси славянской, печенежьей
Вотще твой Рюрик приходил?

195. НОРВЕЖСКИЕ ГОРЫ

Я ничего не понимаю, горы:
Ваш гимн поет кошунство иль псалом
И вы, смотрясь в холодные озера,
Молитвой заняты иль колдовством?

Здесь с криками чудовищных глумлений,
Как сатана на огненном коне,
Пер Гюнт летал на бешеном олене
По самой неприступной крутизне.

И, царств земных непризнанный наследник,
Единый побежденный до конца,
Не здесь ли Бранд, суровый проповедник,
Сдвигал лавины именем творца?

А вечный снег и синяя, как чаша
Сапфирная, сокровищница льда!
Страшна земля, такая же, как наша,
Но не рождающая никогда.

И дивны эти неземные лица,
Чьи кудри — снег, чьи очи — дыры в ад,
С чьих щек, изрытых бурями, струится,
Как борода седая, водопад.

196. НА СЕВЕРНОМ МОРЕ

О да, мы из расы
Завоевателей древних,
Взносивших над Северным морем
Широкий крашеный парус
И прыгавших с длинных стругов
На плоский берег нормандский —
В пределы старинных княжеств
Пожары вносить и смерть.

Уже не одно столетье
Вот так мы бродим по миру,
Мы бродим и трубим в трубы,
Мы бродим и бьем в барабаны:
«Не нужны ли крепкие руки,
Не нужно ли твердое сердце
И красная кровь не нужна ли
Республике иль королю?»

Эй, мальчик, неси нам
Вина скорее,
Малаги, портвейну,
А главное — виски!
Ну, что там такое:
Подводная лодка,
Плавучая мина?
На это есть моряки!

О да, мы из расы
Завоевателей древних,
Которым вечно скитаться,
Срываться с высоких башен,

Тонуть в седых океанах
И буйной кровью своею
Поить ненасытных пьяниц —
Железо, сталь и свинец.

Но все-таки песни слагают
Поэты на разных наречьях,
И западных, и восточных;
Но все-таки молят монахи
В Мадриде и на Афоне,
Как свечи горят перед богом,
Но все-таки женщины грезят —
О нас, и только о нас.

197. СТОКГОЛЬМ

Зачем он мне снился, смятенный, нестройный,
Рожденный из глуби не наших времен,
Тот сон о Стокгольме, такой беспокойный,
Такой уж почти и не радостный сон...

Быть может, был праздник, не знаю наверно,
Но только всё колокол, колокол звал.
Как мощный орган, потрясенный безмерно,
Весь город молился, гудел, грохотал...

Стоял на горе я, как будто народу
О чем-то хотел проповедовать я,
И видел прозрачную тихую воду,
Окрестные рощи, леса и поля.

«О боже,— вскричал я в тревоге,— что, если
Страна эта — истинно родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,
В зеленой и солнечной этой стране?»

И понял, что я заблудился навеки
В слепых переходах пространств и времен.
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен.

198. ТВОРЧЕСТВО

Моим рожденные словом,
Гиганты пили вино
Всю ночь, и было багровым,
И было страшным оно.

О, если б кровь мою пили,
Я меньше бы изнемог,
И пальцы зари бродили
По мне, когда я прилег.

Проснулся, когда был вечер,
Вставал туман от болот,
Тревожный и теплый ветер
Дышал из южных ворот.

И стало мне вдруг так больно,
Так жалко стало дня,
Своею дорогой вольной
Прошедшего без меня...

Умчаться б вдогонку свету!
Но я не в силах порвать
Мою зловещую эту
Ночных видений тетрадь.

199. УТЕШЕНИЕ

Кто лежит в могиле —
Слышит дивный звон,
Самых белых лилий
Чует запах он.

Кто лежит в могиле —
Видит вечный свет,
Серафимских крылий
Переливный снег.

Да, ты умираешь,
Руки холодны,
И сама не знаешь
Неземной весны.

Но идешь ты к раю
По моей мольбе.
Это так, я знаю,
Я клянусь тебе.

200. ПРАПАМЯТЬ

И вот вся жизнь! Круженье, пенье,
Моря, пустыни, города,
Мелькающее отражение
Потерянного навсегда.

Бушует пламя, трубят трубы,
И кони рыжие летят.
Потом волнующие губы
О счастье, кажется, твердят.

И вот опять восторг и горе,
Опять, как прежде, как всегда,
Седой гривой машет море,
Встают пустыни, города.

Когда же наконец, восставши
От сна, я буду снова я —
Простой индеец, задремавший
В священный вечер у ручья?

201. КАНЦОНА ПЕРВАЯ

В скольких земных океанах я плыл,
Древних, веселых и пенных,
Сколько в степях караваны водил
Дней и ночей несравненных...

Как мы смеялись в былые года
С вольною Музой моею...
Рифмы, как птицы, слетались тогда,
Сколько — и вспомнить не смею.

Только любовь мне осталась, струной
Ангельской арфы взывая,
Душу пронзая, как тонкой иглой,
Синими светами рая.

Ты мне осталась одна. Наяву
Видевший солнце ночное,
Лишь для тебя на земле я живу,
Делаю дело земное.

Да, ты в моей беспокойной судьбе —
Ерусалим пилигримов.
Надо бы мне говорить о тебе
На языке серафимов.

202. КАНЦОНА ВТОРАЯ

Храм твой, господи, в небесах,
Но земля тоже твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах птицы поют.

Точно благовест твой, весна
По веселым идет полям,
А весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам.

Если, господи, это так,
Если праведно я пою,
Дай мне, господи, дай мне знак,
Что я волю понял твою.

Перед той, что сейчас грустна,
Появись, как Незримый Свет,
И на всё, что спросит она,
Ослепительный дай ответ.

Ведь отрадней пения птиц,
Благодатней ангельских труб
Нам дрожанье милых ресниц
И улыбка любимых губ.

203. КАНЦОНА ТРЕТЬЯ

Как тихо стало в природе!
Вся — зренье она, вся — слух.
К последней страшной свободе
Склонился уже наш дух.

Земля забудет обиды
Всех воинов, всех купцов,
И будут, как встарь, друиды
Учить с зеленых холмов.

И будут, как встарь, друиды
Вести сердца к высоте,
Как ангел водит кометы
К неведомой им мете.

Тогда я воскликну: «Где же
Ты, созданная из огня?
Ты видишь, взоры всё те же,
Всё та же песнь у меня.

Делюсь я с тобою властью,
Слуга твоей красоты,
За то, что полное счастье,
Последнее счастье — ты!»

204. САМОФРАКИЙСКАЯ ПОБЕДА

В час моего ночного бреда
Ты возникаешь пред глазами —
Самофракийская Победа
С простертыми вперед руками.

Спугнув безмолвие ночное,
Рождает головокруженье
Твое крылатое, слепое,
Неудержимое стремленье.

В твоём безумно-светлом взгляде
Смеется что-то, пламенея,
И наши тени мчатся сзади,
Поспеть за нами не умея.

205. РОЗА

Цветов и песен благодатный хмель
Нам запрещен, как ветхие мечтанья.
Лишь девственные наименованья
Поэтам разрешаются отсель.

Но роза, принесенная в отель,
Забытая нарочно в час прощанья
На томике старинного издания
Канцон, которые слагал Рюдель,—

Ее ведь смею я почитать сонетом:
Мне книга скажет, что любовь одна
В тринадцатом столетии, как в этом,

Печальней смерти и пьяней вина,
И, бархатные лепестки целуя,
Быть может, преступленья не свершу я?

206. ТЕЛЕФОН

Неожиданный и смелый
Женский голос в телефоне...
Сколько сладостных гармоний
В этом голосе без тела!

Счастье, шаг твой благосклонный
Не всегда проходит мимо:
Звонче лютни серафима
Ты и в трубке телефонной!

207. ЮГ

За то, что я теперь спокойный
И умерла моя свобода,
О самой светлой, о самой стройной
Со мной беседует природа.

В дали, от зноя помертвелой,
Себе и солнцу буйно рада,
О самой стройной, о самой белой
Звенит немолчная цикада.

Увижу ль пены бережной
Серебряное колыханье —
О самой белой, о самой нежной
Поет мое воспоминанье.

Вот ставит ночь свои ветрила
И тихо по небу струится,
О самой нежной, о самой милой
Мне пестрокрылый сон приснится.

208. РАССЫПАЮЩАЯ ЗВЕЗДЫ

Не всегда чужда ты и горда
И меня не хочешь не всегда,

Тихо-тихо, нежно, как во сне,
Иногда приходишь ты ко мне.

Надо лбом твоим густая прядь.
Мне нельзя ее поцеловать.

И глаза большие зажжены
Светами магической луны.

Нежный друг мой, беспощадный враг,
Так благословен твой каждый шаг,

Словно по сердцу ступаешь ты,
Рассыпая звезды и цветы.

Я не знаю, где ты их взяла,
Только отчего ты так светла

И тому, кто мог с тобой побыть,
На земле уж нечего любить?

209. О ТЕБЕ

О тебе, о тебе, о тебе,
Ничего, ничего обо мне!
В человеческой темной судьбе
Ты — крылатый призыв к вышине.

Благородное сердце твое —
Словно герб отошедших времен.
Освящается им бытие
Всех земных, всех бескрылых племен.

Если звезды, ясны и горды,
Отвернутся от нашей земли,
У нее есть две лучших звезды:
Это смелые очи твои.

И когда золотой серафим
Протрубит, что исполнился срок,
Мы поднимем тогда перед ним,
Как защиту, твой белый платок.

Звук замрет в задрожавшей трубе,
Серафим пропадет в вышине...
...О тебе, о тебе, о тебе,
Ничего, ничего обо мне!

210. СОН

Застонал я от сна дурного
И проснулся, тяжко скорбя;
Снилось мне — ты любишь другого
И что он обидел тебя.

Я бежал от моей постели,
Как убийца от плахи своей,
И смотрел, как тускло блестели
Фонари глазами зверей.

Ах, наверно, таким бездомным
Не блуждал ни один человек
В эту ночь по улицам темным,
Как по руслам высохших рек.

Вот стою перед дверью твоею,
Не дано мне иного пути,
Хоть и знаю, что не посмею
Никогда в эту дверь войти.

Он обидел тебя, я знаю,
Хоть и было это лишь сном,
Но я все-таки умираю
Пред твоим закрытым окном.

211. ЭЗБЕКИЕ

Как странно — ровно десять лет прошло
С тех пор, как я увидел Эзбекию,
Большой каирский сад, луною полной
Торжественно в тот вечер освещенный.

Я женщиною был тогда измучен,
И ни соленый, свежий ветер моря,
Ни грохот экзотических базаров —
Ничто меня утешить не могло.
О смерти я тогда молился богу
И сам ее приблизить был готов.

Но этот сад, он был во всем подобен
Священным рощам молодого мира:
Там пальмы тонкие вносили ветви,
Как девушки, к которым бог нисходит;
На холмах, словно вещи друиды,
Толпились величавые платаны,

И водопад белел во мраке, точно
Встающий на дыбы единорог;
Ночные бабочки перелетали
Среди цветов, поднявшихся высоко,
Иль между звезд, — так низко были звезды,
Похожие на спелый барбарис.

И, помню, я воскликнул: «Выше горя
И глубже смерти — жизнь! Прими, господь,
Обет мой вольный: что бы ни случилось,
Какие бы печали, униженья

Ни выпали на долю мне, не раньше
Задумаюсь о легкой смерти я,
Чем вновь войду такой же лунной ночью
Под пальмы и платаны Эзбекие».

Как странно — ровно десять лет прошло,
И не могу не думать я о пальмах,
И о платанах, и о водопаде,
Во мгле белевшем, как единорог.
И вдруг оглядываюсь я, слыша
В гуденье ветра, в шуме дальней речи
И в ужасающем молчанье ночи
Таинственное слово — Эзбекие.

Да, только десять лет, но, хмурый странник,
Я снова должен ехать, должен видеть
Моря, и тучи, и чужие лица —
Всё, что меня уже не обольщает,
Войти в тот сад и повторить обет
Или сказать, что я его исполнил
И что теперь свободен...

КИТАЙ

212. ФАРФОРОВЫЙ ПАВИЛЬОН

Среди искусственного озера
Поднялся павильон фарфоровый,
Тигриною спиною выгнутый,
Мост яшмовый к нему ведет.

И в этом павильоне несколько
Друзей, одетых в платья светлые,
Из чаш, расписанных драконами,
Пьют подогретое вино.

То разговаривают весело,
А то стихи свои записывают,
Заламывая шляпы желтые,
Засучивая рукава.

И ясно видно в чистом озере —
Мост вогнутый, как месяц яшмовый,
И несколько друзей за чашами,
Повернутых вниз головой.

213. ЛУНА НА МОРЕ

Луна уже покинула утесы,
Прозрачным море золотом полно,
И пьют друзья на лодке остроносой,
Не торопясь, горячее вино.

Смотря, как тучи легкие проходят
Сквозь лунный столб, что в море отражен,
Одни из них мечтательно находят,
Что это поезд богдыханских жен;

Другие верят — это к рощам рая
Уходят тени набожных людей;
А третьи с ними спорят, утверждая,
Что это караваны лебедей.

214

Сердце радостно, сердце крылато.
В легкой, маленькой лодке моей
Я скитаюсь по воле зыбей
От восхода весь день до заката
И люблю отражения гор
На поверхности чистых озер.

Прежде тысячи были печалей,
Сердце билось, как загнанный зверь,
И хотело неведомых далей,
И хотело еще... Но теперь
Я люблю отражения гор
На поверхности чистых озер.

215. ПРИРОДА

Спокойно маленькое озеро,
Как чашка, полная водой.

Бамбук совсем похож на хижины,
Деревья — словно море крыш.

А скалы острые, как пагоды,
Возносятся среди цветов.

Мне думать весело, что вечная
Природа учится у нас.

216. ДОРОГА

Я видел пред собой дорогу
В тени раскидистых дубов,
Такую милую дорогу
Вдоль изгороди из цветов.

Смотрел я в тягостной тревоге,
Как плыл по ней вечерний дым.
И каждый камень на дороге
Казался близким и родным.

Но для чего идти мне ею?
Она меня не приведет
Туда, где я дышать не смею,
Где милая моя живет.

Когда она родилась, ноги
В железо заковали ей,
И стали чужды ей дороги
В тени склонившихся ветвей.

Когда она родилась, сердце
В железо заковали ей,
И та, которую люблю я,
Не будет никогда моей.

217. ТРИ ЖЕНЫ МАНДАРИНА

З а к о н н а я ж е н а

Есть еще вино в глубокой чашке,
И на блюде ласточкины гнезда,
От начала мира уважает
Мандарин законную супругу.

Н а л о ж н и ц а

Есть еще вино в глубокой чашке,
И на блюде гусь большой и жирный.
Если нет детей у мандарина,
Мандарин наложницу заводит.

С л у ж а н к а

Есть еще вино в глубокой чашке,
И на блюде разное варенье.
Для чего вы обе мандарину,
Каждый вечер новую он хочет.

М а н д а р и н

Больше нет вина в глубокой чашке,
И на блюде только красный перец.
Замолчите, глупые болтушки,
И не смейтесь над несчастным старцем.

218. СЧАСТЬЕ

Из красного дерева лодка моя,
И флейта моя из яшмы.

Водою выводят пятно на шелку,
Вином — тревогу из сердца.

И если владеешь ты легкой ладьей,
Вином и женщиной милой,

Чего тебе надо еще? Ты во всем
Подобен гениям неба.

219. СОЕДИНЕНИЕ

Луна восходит на ночное небо
И, светлая, покоится влюбленно.

По озеру вечерний ветер бродит,
Целуя осчастливленную воду.

О, как божественно соединенье
Извечно созданного друг для друга!

Но люди, созданные друг для друга,
Соединяются, увы, так редко.

220. СТРАННИК

Странник, далеко от родины,
И без денег и без друзей,
Ты не слышишь сладкой музыки
Материнского языка.

Но природа так ослепительна,
Что не вовсе несчастен ты.
Пенье птиц, в ветвях гнездящихся,
Разве чуждый язык тебе?

Лишь услыша флейту осени,
Переливчатый звон цикад,
Лишь увидя в небе облако,
Распластавшееся, как дракон,

Ты поймешь всю бесконечную
Скорбь, доставшуюся тебе,
И умчишься мыслью к родине,
Заслоняя рукой глаза.

221. ПОЭТ

Я слышал из сада, как женщина пела,
Но я, я смотрел на луну.

И я никогда о певице не думал,
Луну в облаках полюбив.

Не вовсе чужой я прекрасной богине:
Ответный я чувствую взгляд.

Ни ветви дерев, ни летучие мыши
Не скроют меня от него.

Во взоры поэтов, забывших про женщин,
Отрадно смотреться луне,

Как в полные блеска чешуи драконов,
Священных поэтов морей.

222. ДОМ

Тот дом, где играл я ребенком,
Пожрал беспощадный огонь.

Я сел на корабль золоченый,
Чтоб горе мое позабыть.

На дивно украшенной флейте
Играл я высокой луне.

Но облаком легким прикрылась
Луна, опечалена мной.

Тогда я к горе обернулся,
Но песни не шли мне на ум.

Казалось, все радости детства
Сгорели в погибшем доме.

И мне умереть захотелось,
И я наклонился к воде.

Но женщина в лодке скользнула
Вторым отраженьем луны.

И если она пожелает,
И если позволит луна,

Я дом себе новый построю
В неведомом сердце ее.

ИНДОКИТАЙ

223. АННАМ

Месяц стоит посредине
Дивно огромного неба,
Ветер в бамбуковой чаще,
Благоухающий воздух,
Благословенна семья.

Старшие в роше за чаем,
Пьют и стихи повторяют,
Из дому слышно гуденье,
Там занимаются дети,
Новорожденный кричит.

Тот, кто живет этой жизнью,
Полное знает блаженство.
Что ему деньги и слава,
Если он верит, что детям
Должно его пережить?

224. ДЕВУШКИ

Нравятся девушкам рупии
С изображением птицы,
Они покидают родителей,
Чтобы идти за французами.

225. ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА

Что это так красен рот у жабы,
Не жевала ль эта жаба бетель?
Пусть скорей приходит та, что хочет
Моего отца женой стать милой!
Мой отец ее приветно встретит,
Рисом угостит и не ударит,
Только мать моя глаза ей вырвет,
Вырвет внутренности из брюха.

226. ЛАОС

Девушка, твои так нежны щеки,
Грудь твоя — как холмик невысокий.

Полюби меня, и мы отныне
Никогда друг друга не покинем.

Ты взойдешь на легкую пирогу,
Я возьмусь отыскивать дорогу.

На слона ты сядешь, и повсюду
Я твоим карнаком верным буду.

Если сделаешься ты луною,
Стану тучкой, чтоб играть с тобою.

Если сделаешься ты лианой,
Стану птицею иль обезьяной.

Если будешь ты на горном пике
Перед пастью пропасти великой,

Пусть мне ноги закуют в железо,
Я на пик твой все-таки долезу.

Но напрасно всё мое уменье,
Суждено мне горькое мученье,

Ты меня не любишь, и умру я,
Как бычок, травы лишенный свежей,

Без единственного поцелуя
В щеку, где румянец нежен, свежий.

227. КХА

Где вы, красивые девушки,
Вы, что ответить не можете,
Вы, что меня оставляете
Ослабевающим голосом
Звонкое эхо будить?

Или вы съедены тиграми,
Или вас держат любовники?
Да отвечайте же, девушки.
Я полюбил вас и встретиться
С вами спустился в леса.

С гор я увидел вас голыми
Около чистого озера
И прибежал, не подумавши,
Что все вы — дочери месяца,
Черной вороны я сын.

228. ВСТУПЛЕНИЕ

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламя и дымы,
О тебе, моя Африка, шепотом
В небесах говорят серафимы.

И твое раскрывая Евангелье,
Повесть жизни ужасной и чудной,
О неопытном думают ангеле,
Что приставлен к тебе, безрассудной.

Про деянья свои и фантазии,
Про звериную душу послушай,
Ты, на дереве древнем Евразии
Исполинской висящая грушей.

Обреченный тебе, я поведаю
О вождах в леопардовых шкурах,
Что во мраке лесов за победою
Водят полчища воинов хмурых;

О деревнях с кумирами древними,
Что смеются улыбкой недоброй,
И о львах, что стоят над деревнями
И хвостом ударяют о ребра.

Дай за это дорогу мне торную,
Там, где нету пути человеку,
Дай назвать моим именем черную,
До сих пор неоткрытую реку.

И последняя милость, с которою
Отойду я в селенья святые, —
Дай скончаться под той сикоморою,
Где с Христом отдыхала Мария.

Здравствуй, Красное море, акулья уха,
Негритянская ванна, песчаный котел!
На утесах твоих, вместо влажного мха,
Известняк, словно каменный кактус, расцвел.

На твоих островах в раскаленном песке,
Позабыты приливом, растущим в ночи,
Издыхают чудовища моря в тоске:
Осьминоги, тритоны и рыбы-мечи.

С африканского берега сотни пирог
Отплывают и жемчуга ищут вокруг,
И стараются их отогнать на восток
С аравийского берега сотни фелук.

Если негр будет пойман, его уведут
На невольничий рынок Ходейды в цепях,
Но араб несчастливый находит приют
В грязно-рыжих твоих и горячих волнах.

Как учитель среди шалунов, иногда
Океанский проходит среди них пароход,
Под винтом снеговая клокочет вода,
А на палубе — красные розы и лед.

Ты бессильно над ним; пусть ревет ураган,
Пусть волна как хрустальная встанет гора,
Закурив папиросу, вздохнет капитан:
«Слава богу, свежо! Надоела жара!»

Целый день над водой, словно стая стрекоз,
Золотые летучие рыбы видны,
У песчаных, серпами изогнутых кос
Мели, точно цветы, зелены и красны.

Блещет воздух, налитый прозрачным огнем,
Солнце сказочной птицей глядит с высоты:
«Море, Красное море, ты царственно днем,
Но ночами вдвойне ослепительно ты!»

Только тучкой скользнут водяные пары,
Тени черных русалок мелькнут на волнах,

Нам чужие созвездья, кресты, топоры
Над тобой загорятся в небесных садах.

И огнями бенгальскими сразу мерцать
Начинают твои колдовские струи,
Искры в них и лучи, словно хочешь создать,
Позавидовав небу, ты звезды свои.

И когда выплывает луна на зенит,
Ветр проносится, запахи леса тая,
От Суэца до Баб-эль-Мандеба звенит,
Как эолова арфа, поверхность твоя.

На обрывистый берег выходят слоны,
Чутко слушая волн набегающих шум,
Обожать отражение ущербной луны,
Подступают к воде и боятся акул.

И ты помнишь, как, только одно из морей,
Ты исполнило некогда божий закон —
Разорвало могучие сплавы зыбей,
Чтоб прошел Моисей и погиб Фараон».

230. ЕГИПЕТ

Как картинка из книжки старинной,
Услаждавшей мои вечера,
Изумрудные эти равнины
И раскидистых пальм веера.

И каналы, каналы, каналы,
Что несутся вдоль глиняных стен,
Орошая Дамьетские скалы
Розоватыми брызгами пен.

И такие смешные верблюды,
С телом рыб и с головками змей,
Как огромные, древние чуда
Из глубин пышноцветных морей.

Вот каким ты увидишь Египет
В час божественный трижды, когда
Солнцем день человеческий выпит
И, колдуя, дымится вода.

К отдаленным платанам цветущим
Ты приходишь, как шел до тебя
Здесь мудрец, говоря с присносущим,
Птиц и звезды навек полюбя.

То вода ли шумит безмятежно
Между мельничных тяжких колес
Или Апис мычит белоснежный,
Окровавленный цепью из роз?

Это взор благосклонный Изида
Иль мерцанье встающей луны?
Но опомнись! Растут пирамиды
Пред тобою, черны и страшны.

На седые от мха их уступы
Ночевать прилетают орлы,
А в глубинах покоятся трупы,
Незнакомые с тленьем, средь мглы.

Сфинкс улегся на страже святыни
И с улыбкой глядит с высоты,
Ожидая гостей из пустыни,
О которых не ведаешь ты.

Но Египта властитель единый,
Уж колышется нильский разлив
Над чертогами Елефантины,
Над садами Мемфиса и Фив.

Там, взглянув на пустынную реку,
Ты воскликнешь: «Ведь это же сон!»
Не прикован я к нашему веку,
Если вижу сквозь бездну времен.

Исполняя царевы веленья,
Не при мне ли нагие рабы
По пустыням таскали каменья,
Воздвигали вот эти столбы?

И столетья затем не при мне ли
Хороводы танцующих жриц
Крокодилу хваления пели,
Перед Ибисом падали ниц?

И томясь по Антонии милом,
Поднимая большие глаза,
Клеопатра считала над Нилом
Пробегающие паруса».

Но довольно! Ужели ты хочешь
Вечно жить средь минувших отрад?
И не рад ты сегодняшней ночи
И сегодняшним травам не рад?

Не обломок старинного крипта,
Под твоей зазвеневший ногой,
Есть другая душа у Египта
И торжественный праздник другой.

Точно дивная Фата-Моргана,
Виден город у ночи в плену,
Над мечетью султана Гассана
Минарет протыкает луну.

На прохладных открытых террасах
Чешут женщины золото кос,
Угощают подруг темноглазых
Имбирем и вареньем из роз.

Шейхи молятся, строги и хмуры,
И лежит перед ними Коран,
Где персидские миниатюры —
Словно бабочки сказочных стран.

А поэты скандируют строфы,
Развалившись на мягкой софе,
Пред кальяном и огненным кофе
Вечерами в прохладных кафе.

Здесь недаром страна сотворила
Поговорку, прошедшую мир:
«Кто испробовал воду из Нила,
Будет вечно стремиться в Каир».

Пусть хозяева здесь — англичане,
Пьют вино и играют в футбол,
И Хедива в высоком Диване
Уж не властен святой произвол!

Пусть! Но истинный царь над странюю
Не араб и не белый, а тот,
Кто с сохою или с бороною
Черных буйволов в поле ведет.

Хоть ютится он в доме из ила,
Умирает, как звери, в лесах,
Он любимец священного Нила
И его современник — феллах.

Для него ежегодно разливы
Этих рыжих всклокоченных вод
Затопляют богатые нивы,
Где тройную он жатву берет.

И его ограждают пороги
Полосой острогрудых камней
От неожиданной полноточной тревоги,
От коротких нубийских мечей.

А ведь знает и коршун бессонный:
Вся страна — это только река,
Окаймленная рамкой зеленой
И другой, золотой, из песка.

Если аист задумчивый близко
Поселится на поле твоём,
Напиши по-английски записку
И ему привяжи под крылом.

И весной на листе эвкалипта,
Если аист вернется назад,
Ты получишь привет из Египта
От веселых феллашских ребят.

231. САХАРА

Все пустыни друг другу от века родны,
Но Аравия, Сирия, Гоби —
Это лишь затиханье сахарской волны,
В сатанинской воспрянувшей злобе.

Плещет Красное море, Персидский залив,
И глубоки снега на Памире,
Но ее океана песчаный разлив
До зеленой доходит Сибири.

Ни в дремучих лесах, ни в просторе морей,
Ты в одной лишь пустыне на свете
Не захочешь людей и не встретишь людей,
А полюбишь лишь солнце да ветер.

Солнце клонит лицо с голубой вышины,
И лицо это девственно юно,
И, как струи пролитого солнца, ровны
Золотые песчаные дюны.

Всюду башни, дворцы из порфириновых скал,
Вкруг фонтаны и пальмы на страже,
Это солнце на глади воздушных зеркал
Пишет кистью лучистой миражи.

Живописец небесный вечерней порой
У подножия скал и растений
На песке, как на гладкой доске золотой,
Расстилат лиловые тени.

И, небесный певец, лишь подаст оно знак,
Прозвучат гармоничные звоны,
Это лопнет налитый огнем известняк
И рассыплется пылью червеной.

Блещут скалы, темнеют под ними внизу
Древних рек каменистые ложа,
На покрытое волнами море в грозу,
Ты промолвишь, Сахара похожа.

Но взглядишь: эта вечная слава песка —
Только горнего отсвет пожара,
С небесами, где легкие спят облака,
Бродят радуги, схожа Сахара.

Буйный ветер в пустыне второй властелин.
Вот он мчится порывами, точно
Средь высоких холмов и широких долин
Дорогой иноходец восточный.

И звенит и поет, поднимаясь, песок,
Он узнал своего господина,
Воздух меркнет, становится солнца зрачок,
Как гранатовая сердцевина.

И чудовищных пальм вековые стволы,
Вихри пыли взметнулись и пухнут,
Выгибаясь, качаясь, проходят средь мглы,
Тайно веришь — вовеки не рухнут.

Так и будут бродить до скончанья веков,
Каждый час всё грозней и грознее,
Головой пропадая среди облаков,
Эти страшные серые змеи.

Но мгновенье... отстанет и дрогнет одна,
И осядет песчаная гряда,
Это значит — в пути спотыкнулась она
О ревущего в страхе верблюда.

И когда на проясневшей глади равнин
Все полягут, как новые горы,
В Средиземное море уходит хамсин
Кровь дурманить и сеять раздоры.

И стоит караван, и его проводник
Всюду посохом шарит в тревоге,
Где-то около плечет знакомый родник,
Но к нему он не знает дороги.

А в оазисах слышится ржанье коня
И под пальмами веянье нарда,
Хоть редки острова в океане огня,
Точно пятна на шкуре гепарда.

Но здесь часто звучит оглушающий вой,
Блещут копья и веют бурнусы.
Туарегов, что западной правят страной,
На востоке не любят тиббусы.

И пока они бьются за пальмовый лес,
За верблюда иль взоры рабыни,
Их родную Тибести, Мурзук, Гадамес
Замечают пески из пустыни.

Потому что пустынные ветры горды
И не знают преград своеволью,
Рушат стены, сады засыпают, пруды
Отравляют белеющей солью.

И, быть может, немного осталось веков,
Как на мир наш, зеленый и старый,
Дико ринутся хищные стаи песков
Из пылающей юной Сахары.

Средиземное море засыпят они,
И Париж, и Москву, и Афины,
И мы будем в небесные верить огни,
На верблюдах своих бедуины.

И когда, наконец, корабли марсиан
У земного окажутся шара,
То увидят сплошной золотой океан
И дадут ему имя: Сахара.

232. СУЭЦКИЙ КАНАЛ

Стаи дней и ночей
Надо мной колдовали,
Но не знаю светлей,
Чем в Суэцком канале,

Где идут корабли
Не по морю, по лужам,
Посредине земли
Караваном верблюжьим.

Сколько птиц, сколько птиц
Здесь на каменных скатах,
Голубых небылиц,
Голенастых, зобатых!

Виден ящериц рой
Золотисто-зеленых,
Словно влаги морской
Стынут брызги на склонах.

Мы кидаем плоды
На ходу арапчатам,
Что сидят у воды,
Подражая пиратам.

Арапчата орут
Так задорно и звонко,
И шипит марабут
Нам проклятья вдогонку.

А когда на пески
Ночь, как коршун, посядет,
Задрожат огоньки
Впереди нас и сзади;

Те красней, чем коралл,
Эти зелены, сини...
Водяной карнавал
В африканской пустыне.

С отдаленных холмов,
Легким ветром гонимы,
Бедуинских костров
К нам доносятся дымы.

С обвалившихся стен
И изгибов канала
Слышен хохот гиен,
Завыванья шакала.

И в ответ пароход,
Звезды ночи печала,
Спящей Африке шлет
Переливы рояля.

233. СУДАН

Ах, наверно, сегодняшним утром
Слишком громко звучат барабаны,
Крокодилей обтянуты кожей,
Слишком звонко вызывают колдуны
На утесах Нубийского Нила,

Потому что сжимается сердце,
Лоб горяч и глаза потемнели
И в мечтах оживленная пристань,
Голоса смуглолицых матросов,
В пенных клочьях веселое море,
А за морем ущелье Дарфура,
Галереи-леса Кордофана
И великие воды Борну.

Города, озаренные солнцем,
Словно склады в зеленых трущобах,
А из них, как грозящие руки,
Минареты возносятся к небу.
А на тронах из кости слоновой
Восседают, как древние бреды,
Короли и владыки Судана,
Рядом с каждым, прикованный цепью,
Лев прищурился, голову поднял
И с усов лижет кровь человечью,
Рядом с каждым играет секирой
Толстогубый, с лоснящейся кожей,
Черный, словно душа властелина,
В ярко-красной рубашке палач.

Перед ними торговцы рабами
Свой товар горделиво проводят,
Стонут люди в тяжелых колодках,
И белки их сверкают на солнце,
Проезжают вожди из пустыни,
В их тюрбанах жемчужные нити,
Перья длинные страуса вьются
Над затылком играющих коней,
И надменно проходят французы,
Гладко выбриты, в белой одежде,
В их карманах бумаги с печатью,
Их завидя, владыки Судана
Поднимаются с тронов своих.

А кругом на широких равнинах,
Где трава укрывает жирафа,
Садовод всемогущего бога
В серебрящейся мантии крыльев
Сотворил отражение рая:

Он раскинул тенистые рощи
Прихотливых мимоз и акаций,
Рассадил по холмам баобабы,
В галереях лесов, где прохладно
И светло, как в дорическом храме,
Он провел многоводные реки
И в могучем порыве восторга
Создал тихое озеро Чад.

А потом, улыбнувшись, как мальчик,
Что придумал забавную шутку,
Он собрал здесь совсем небывалых,
Удивительных птиц и животных.
Краски взяв у пустынных закатов,
Попугаям он перья раскрасил,
Дал слону он клыки, что белее
Облаков африканского неба,
Льва одел золотою одеждой
И пятнистой одел леопарда,
Сделал рог, как янтарь, носорогу,
Дал газели девичьи глаза.

И ушел на далекие звезды —
Может быть, их раскрашивать тоже.
Бродят звери, как бог им назначил,
К водопою собираются вместе
И не знают, что дивно прекрасны,
Что таких, как они, не отыщешь,
И не знает об этом охотник,
Что в пылающий полдень таится
За кустом с ядовитой стрелою
И кричит над поверженным зверем,
Исполняя охотничью пляску,
И уносит владыкам Судана
Дорогую добычу свою.

Но роднят обитателей степи
Иногда луговые пожары.
День, когда затмевается солнце
От летящего по ветру пепла
И невиданным зверем багровым
На равнинах шевелится пламя,
Этот день — оглушительный праздник,
Что приветливый Дьявол устроил
Даме Смерти и Ужасу брату!

В этот день не узнать человека
Средь толпы опаленных, ревущих,
Всюду бьющих клыками, рогами,
Сознающих одно лишь: огонь!

Вечер. Глаз различить не умеет
Ярких нитей на поясе белом;
Это знак, что должны мусульмане
Пред Аллахом свершить омовенье,
Тот водой, кто в лесу над рекою,
Тот песком, кто в безводной пустыне.
И от голых песчаных утесов
Беспокойного Красного моря
До зеленых валов многопенных
Атлантического океана
Люди молятся. Тихо в Судане,
И над ним, над огромным ребенком,
Верю, верю, склоняется бог.

234. АБИССИНИЯ

Между берегом буйного Красного моря
И суданским таинственным лесом видна,
Разметавшись среди четырех плоскогорий,
С отдыхающей львицею схожа, страна.

Север — это болота без дна и без края,
Змеи черные подступы к ним стерегут,
Их сестер-лихорадок зловещая стая,
Желтолицая, здесь обрела свой приют.

А над ними насупились мрачные горы,
Вековая обитель разбоя, Тигрэ,
Где оскалены бездны, взъерошены боры
И вершины стоят в снеговом серебре.

В плодоносной Амхаре и сеют и косят,
Зебры любят мешаться в домашний табун,
И под вечер прохладные ветры разносят
Звуки песен гортанных и рокоты струн.

Абиссинец поет, и рыдает багана,
Воскрешая минувшее, полное чар;
Было время, когда перед озером Тана
Королевской столицей взносился Гондар.

Под платанами спорил о боге ученый,
Вдруг пленяя толпу благозвучным стихом,
Живописцы писали царя Соломона
Меж царицею Савской и ласковым львом.

Но, поверив шоанской изысканной лести,
Из старинной отчизны поэтов и роз
Мудрый слон Абиссинии, негус Негести,
В каменистую Шоа свой трон перенес.

В Шоа воины хитры, жестоки и грубы,
Курят трубки и пьют опьяняющий тэдж,
Любят слушать одни барабаны да трубы,
Мазать маслом ружье да оттачивать меч.

Харраритов, галла, сомали, данакилей,
Любоедов и карликов в чаще лесов
Своему Менелику они покорили,
Устелили дворец его шкурами львов.

И, смотря на потоки у горных подножий,
На дубы и полдневных лучей торжество,
Европеец дивится, как странно похожи
Друг на друга народ и отчизна его.

Колдовская страна! Ты на дне котловины
Задыхаешься, льется огонь с высоты,
Над тобою разносится крик ястребиный,
Но в сиянье заметишь ли ястреба ты?

Пальмы, кактусы, в рост человеческий травы,
Слишком много здесь этой паленой травы...
Осторожнее! В ней притаились удавы,
Притаились пантеры и рыжие львы.

По обрывам и кручам дорогой тяжелой
Поднимись, и нежданно увидишь вокруг
Сикоморы и розы, веселые села
И зеленый, народом пестреющий луг.

Там колдун совершает привычное чудо,
Тут, покорна напеву, танцует змея,
Кто сто талеров взял за больного верблюда,
Сев на камень в тени, разбирает судья.

Поднимись еще выше! Какая прохлада!
Точно поздней осенью, пусты поля.
На рассвете ручьи замерзают, и стадо
Собирается кучей под кровлей жилья.

Павианы рычат среди кустов молочая,
Перепахавшись в белом и липком соку,
Мчатся всадники, длинные копыта бросая,
Из винтовок стреляя на полном скаку.

Выше только утесы, нагие стремнины,
Где кочуют ветра да ликуют орлы,
Человек не взбирался туда, и вершины
Под тропическим солнцем от снега белы.

И повсюду, вверху и внизу, караваны
Видят солнце и пьют неоглядный простор,
Уходя в до сих пор неизвестные страны
За слоновью костью и золотом гор.

Как любил я бродить по таким же дорогам,
Видеть вечером звезды, как крупный горох,
Выбегать на холмы за козлом длиннорогим,
На ночлег зарываться в седеющий мох!

Есть Музей этнографии в городе этом
Над широкой, как Нил, многоводной Невой,
В час, когда я устану быть только поэтом,
Ничего не найду я желанней его.

Я хожу туда трогать дикарские вещи,
Что когда-то я сам издалека привез,
Чуют запах их странный, родной и зловещий,
Запах ладана, шерсти звериной и роз.

И я вижу, как знойное солнце пылает,
Леопард, изогнувшись, ползет на врага
И как в хижине дымной меня поджидает
Для веселой охоты мой старый слуга.

Восемь дней от Харрара я вел караван
 Сквозь Черчерские дикие горы
 И седых на деревьях стрелял обезьян,
 Засыпал средь корней сикоморы.

На девятую ночь я увидел с горы —
 Этот миг никогда не забуду —
 Там, внизу, в отдаленной равнине, костры,
 Точно красные звезды, повсюду.

И помчались одни за другими они,
 Точно тучи в сияющей сини,
 Ночи трижды святые и странные дни
 На широкой галлаской равнине.

Всё, к чему приближался навстречу я тут,
 Было больше, чем видел я раньше:
 Я смотрел, как огромных верблюдов пасут
 У широких прудов великанши.

Как саженого роста галласы, скача
 В леопардовых шкурах и львиных,
 Убегающих страусов рубят плеча
 На горячих конях-исполинах.

И как поят парным молоком старики
 Умиравших змей престарелых...
 И, мыча, от меня убегали быки,
 Никогда не выдавшие белых.

Временами я слышал у входа пещер
 Звуки песен и бой барабанов,
 И тогда мне казалось, что я Гулливер,
 Позабытый в стране великанов.

И таинственный город, тропический Рим,
 Шейх-Гуссейн я увидел высокий,
 Поклонился мечети и пальмам святым,
 Был допущен пред очи пророка.

Жирный негр восседал на персидских коврах
 В полутемной неубранной зале,

Точно идол, в браслетах, серьгах и перстнях,
Лишь глаза его дивно сверкали.

Я склонился, он мне улыбнулся в ответ,
По плечу меня с лаской удара,
Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего государя.

Всё расспрашивал он, много ль знают о нем
В отдаленной и дикой России...
Вплоть до моря он славен своим колдовством,
И дела его точно благие.

Если мула в лесу ты не можешь найти
Или раб убежал беспокойный,
Всё получишь ты вдруг, обещав принести
Шейх-Гуссейну подарок пристойный.

236. СОМАЛИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Помню ночь и песчаную помню страну
И на небе так низко луну.

И я помню, что глаз я не мог отвести
От ее золотого пути.

Там светло и, наверное, птицы поют
И цветы над прудами цветут,

Там не слышно, как бродят свирепые львы,
Наполняя рыканием рвы.

Не хватают мимозы колючей рукой
Проходящего в бездне ночной!

В этот вечер, лишь тени кустов поползли,
Подходили ко мне сомали,

Вождь их с рыжею шапкой косматых волос
Смертный мне приговор произнес,

И насмешливый взор из-под спущенных век
Видел, сколько со мной человек.

Завтра бой, беспощадный, томительный бой
С завывающей черной толпой,
Под ногами верблюдов сплетение тел,
Дождь отравленных копий и стрел,
И до боли я думал, что там, на луне,
Враг не мог бы подкрасться ко мне.
Ровно в полночь я мой разбудил караван,
За холмом грохотал океан,
Люди гибли в пучине, и мы на земле
Тоже гибели ждали во мгле.
Мы пустились в дорогу. Дышала трава,
Точно шкура вспотевшего льва.
И белели средь черных, священных камней
Вороха черепов и костей.
В целой Африке нету грозней сомали,
Безотраднее нет их земли,
Сколько белых пронзило во мраке копье
У песчаных колодцев ее,
Чтоб о подвигах их говорил Огаден
Голосами голодных гиен.
И, когда перед утром склонилась луна,
Уж не та, а страшна и красна,
Понял я, что она, точно рыцарский щит,
Вечной славой героям горит,
И верблюдов велел положить, и ружью
Вверил вольную душу мою.

237. МАДАГАСКАР

Сердце билось, смертно тоскуя,
Целый день я бродил в тоске,
И мне снилось ночью: плыву я
По какой-то большой реке.

С каждым мигом всё шире, шире
И светлей, и светлей река,
Я в совсем неведомом мире,
И ладья моя так легка.

Красный идол на белом камне
Мне поведал разгадку чар,
Красный идол на белом камне
Громко крикнул: «Мадагаскар!»

В раззолоченных паланкинах,
В дивно вырезанных ладьях,
На широких воловьих спинах
И на звонко ржущих конях,

Там, где пели и трепетали
Легких тысячи лебедей,
Друг за другом вслед выступали
Смуглолицых толпы людей.

И о том, как руки принцессы
Домогался старый жених,
Сочиняли смешные пьесы
И сейчас же играли их.

А в роскошной форме гусарской
Благосклонно на них взирав
Королевы мадагаскарской
Самый преданный генерал.

Между них быки Томатавы,
Схожи с грудой темных камней,
Пожирали жирные травы
Благовоньем полных полей.

И вздыхал я, зачем плыву я,
Не останусь я здесь зачем:
Неужель и здесь не спою я
Самых лучших моих поэм?

Только голос мой был не слышен,
И никто мне не мог помочь,
А на крыльях летучей мыши
Опускалась теплая ночь.

Небеса и лес потемнели,
Смолкли лебеди в забытье...
...Я лежал на моей постели
И грустил о моей ладье.

238. ЗАМБЕЗИ

Точно медь в самородном железе,
Иглы пламени врезаны в ночь,
Напухают валы на Замбези
И уносятся с гиканьем прочь.

Сквозь неистовство молнии белой
Что-то видно над влажной скалой,
Там могучее черное тело
Налегло на топор боевой.

Раздается гортанное пенье.
Шар земной облетающих муз
Непреложны повсюду веленья!..
Он поет, этот воин-зулус:

«Я дремал в заповедном краале
И слышал рычание льва,
Сердце сжалось от сладкой печали,
Закружилась моя голова.

Меч метнулся мне в руку, сверкая,
Распахнулась таинственно дверь,
И лежал предо мной издыхая
Золотой и рыкающий зверь.

И запели мне духи тумана:
„Твой навек да прославится гнев!
Ты достойный потомок Дингана,
Разрушитель, убийца и лев!“

С той поры я всегда наготове,
По ночам мне не хочется спать,
Много, много мне надобно крови,
Чтобы жажду мою утолять.

За большими, как тучи, горами,
По болотам близ устья реки
Я арабам, торговцам рабами,
Выпускал ассагаем кишки.

И спускался я к бурам в равнины
Принести на просторы лесов
Восемь ран, украшений мужчины,
И одиннадцать вражьих голов.

Тридцать лет я по лесу блуждаю,
Не боюсь ни людей, ни огня,
Ни богов... но что знаю, то знаю:
Есть один, кто сильнее меня.

Это слон в неизведанных чашах,
Он, как я, одинок и велик
И вонзает во всех проходящих
Пожелтевший изломанный клык.

Я мечтаю о нем беспрестанно,
Я всегда его вижу во сне,
Потому что мне духи тумана
Рассказали об этом слоне.

С ним борьба для меня бесполезна,
Сердце знает, что буду убит,
Распахнется небесная бездна
И Динган, мой отец, закричит:

„Да, ты не был трусливой собакой,
Львом ты был между яростных львов,
Так садись между мною и Чакой
На скамье из людских черепов!“».

239. ДАМАРА

ГОТЕНТОТСКАЯ КОСМОГОНИЯ

Человеку грешно гордиться,
Человека ничтожна сила:
Над землею когда-то птица
Человека сильней царила.

По утрам выходила рано
К берегам крутым океана
И глотала целые скалы,
Острова целиком глотала.

А священными вечерами
Над высокими облаками,
Поднимая голову, пела,
Пела богу про божье дело.

А ногами чертила знаки,
Те, что знают в подземном мраке,
Всё, что будет, и всё, что было,
На песке ногами чертила.

И была она так прекрасна,
Так чертила, пела согласно,
Что решила с богом сравниться
Неразумная эта птица.

Бог, который весь мир расчислил,
Угадал ее злые мысли
И обрек ее на несчастье,
Разорвал ее на две части.

И из верхней части, что пела,
Пела богу про божье дело,
Родились на свет готентоты
И поют, поют без заботы.

А из нижней, чертившей знаки,
Те, что знают в подземном мраке,
Появились на свет бушмены,
Украшают знаками стены.

А вот перья, что улетели
Далеко в океан, доселе
Всё плывут, как белые люди;
И когда их довольно будет,

Вновь срастутся бывшие части
И опять изведуют счастье.
В белых перьях большая птица
На своей земле поселится.

ПОНЕДЕЛЬНИКИ ДОМА ИСКУССТВ

В Понедельник, 5-го Апреля 1920 г., состоится

ВЕЧЕР Н. ГУМИЛЕВА

БУДЕТ ПРОЧТЕНО:

- 1) Драматическая поэма „ГОНДЛА“.
- 2) Стихи из готовящихся сборников „Шатер“ и „Огненный столп“.

Начало в 7 час. вечера.

БИЛЕТЫ — В ДОМЕ ИСКУССТВ — МОЙКА. 50

Я поставил палатку на каменном склоне
 Абиссинских, сбегаящих к западу гор
 И беспечно смотрел, как пылают закаты
 Над зеленою крышей далеких лесов.

Прилетали оттуда какие-то птицы
 С изумрудными перьями в длинных хвостах,
 По ночам выбегали веселые зебры,
 Мне был слышен их храп и удары копыт.

И однажды закат был особенно красен,
 И особенный запах летел от лесов,
 И к палатке моей подошел европеец,
 Исхудалый, небритый, и есть попросил.

Вплоть до ночи он ел неумело и жадно,
 Клал сардинки на мяса сухого ломоть,
 Как пилюли проглатывал кубики магги
 И в абсент добавлять отказался воды.

Я спросил, почему он так мертвенно бледен,
 Почему его руки сухие дрожат,
 Как листья... «Лихорадка великого леса», —
 Он ответил и с ужасом глянул назад.

Я спросил про большую открытую рану,
 Что сквозь тряпки чернела на впалой груди,
 Что с ним было? «Горилла великого леса», —
 Он сказал и не смел оглянуться назад.

Был с ним карлик, мне по пояс, голый и черный,
 Мне казалось, что он не умел говорить,
 Точно пес он сидел за своим господином,
 Положив на колени бульдожье лицо.

Но когда мой слуга подтолкнул его в шутку,
 Он оскалил ужасные зубы свои
 И потом целый день волновался и фыркал
 И раскрашенным дротиком бил по земле.

Я постель предоставил усталому гостю,
 Лег на шкурах пантер, но не мог задремать,

Жадно слушая длинную дикую повесть,
Лихорадочный бред пришлеца из лесов.

Он вздыхал: «Как темно... этот лес бесконечен...
Не увидеть нам солнца уже никогда...
Пьер, дневник у тебя? На груди под рубашкой?..
Лучше жизнь потерять нам, чем этот дневник!

Почему нас покинули черные люди?
Горе, компасы наши они унесли...
Что нам делать? Не видно ни зверя, ни птицы,
Только посвист и шорох сверху и внизу!

Пьер, заметил костры? Там, наверное, люди...
Неужели же мы наконец спасены?
Это карлики... сколько их, сколько собралось...
Пьер, стреляй! На костре — человечья нога!

В рукопашную! Помни, отравлены стрелы...
Бей того, кто на пне... он кричит, он их вождь...
Горе мне! На куски разлетелась винтовка...
Ничего не могу... повалили меня...

Нет, я жив, только связан... злодеи, злодеи,
Отпустите меня, я не в силах смотреть!..
Жарят Пьера... а мы с ним играли в Марселе,
На утесе у моря играли детьми.

Что ты хочешь, собака? Ты встал на колени?
Я плюю на тебя, омерзительный зверь!
Но ты лижешь мне руки? Ты рвешь мои путы?
Да, я понял, ты богом считаешь меня...

Ну, бежим! Не бери человечьего мяса,
Всемогущие боги его не едят...
Лес... о, лес бесконечный... я голоден, Акка,
Излови, если можешь, большую змею!»

Он стонал и хрипел, он хватался за сердце
И наутро, почудилось мне, задремал;
Но когда я его разбудить попытался,
Я увидел, что мухи ползли по глазам.

Я его закопал у подножия пальмы,
Крест поставил над грудой тяжелых камней
И простые слова написал на дощечке:
«Христианин зарыт здесь, молитесь о нем».

Карлик, чистя свой дротик, смотрел равнодушно,
Но, когда я закончил печальный обряд,
Он вскочил и, не крикнув, помчался по склону,
Как олень, убегая в родные леса.

Через год я прочел во французских газетах,
Я прочел и печально поник головой:
«Из большой экспедиции к Верхнему Конго
До сих пор ни один не вернулся назад».

241. ДАГОМЕЯ

Царь сказал своему полководцу: «Могучий,
Ты высок, точно слон дагомейских лесов,
Но ты все-таки ниже торжественной кучи
Отсеченных тобой человеческих голов.

И, как доблесть твоя, о испытанный воин,
Так и милость моя не имеет конца,
Видишь солнце над морем? Ступай! Ты достоин
Быть слугой моего золотого отца».

Барабаны забили, защелкали бубны,
Преклоненные люди завывали вокруг,
Амазонки запели протяжно, и трубный
Прокатился по морю от берега звук.

Полководец царю поклонился в молчанье
И с утеса в бурливую воду прыгнул,
И тонул он в воде, а казалось, в сиянье
Золотого закатного солнца тонул.

Оглушали его барабаны и клики,
Ослепляли соленые брызги волны,
Он исчез. И блистало лицо у владыки,
Точно черное солнце подземной страны.

Я на карте моей под ненужною сеткой
 Сочиненных для скуки долгот и широт
 Замечаю, как что-то чернеющей веткой,
 Виноградной оброненной веткой ползет.

А вокруг города, точно горсть виноградин,
 Это — Бусса, и Гомба, и царь Тимбукту,
 Самый звук этих слов мне, как солнце, отраден,
 Точно бой барабанов, он будит мечту.

Но не верю, не верю я, справлюсь по книге,
 Ведь должна же граница и тупости быть!
 Да, написано Нигер... О царственный Нигер,
 Вот как люди посмели тебя оскорбить!

Ты торжественным морем течешь по Судану,
 Ты сражаешься с хищною стаей песков,
 И, когда приближаешься ты к океану,
 С середины твоей не видать берегов.

Бегемотов твоих розоватые рыла
 Точно сваи незримого чудо-моста,
 И винты пароходов твои крокодилы
 Разбивают могучим ударом хвоста.

Я тебе, о мой Нигер, готовлю другую,
 Небывалую карту, отраду для глаз,
 Я широкою лентой парчу золотую
 Положу на зеленый и нежный атлас.

Снизу слева кровавые лягут рубины —
 Это край металлических странных богов.
 Кто зарыл их в угрюмых ущельях Бенины
 Меж слоновьих клыков и людских черепов?

Дальше справа, где рощи густые Сокото,
 На атлас положу я большой изумруд, —
 Здесь богаты деревни, привольна охота,
 Здесь свободные люди, как птицы, поют.

Дальше бледный опал, прихотливо мерцая
 Затаенным в нем красным и синим огнем,
 Мне так сладко напомнит равнины Сонгаи
 И султана сонгайского глиняный дом.

И жемчужиной дивной, конечно, означен
Будет город сияющих крыш, Тимбукту,
Над которым и коршун кричит, озадачен,
Видя в сердце пустыни мимозы в цвету,

Видя девушек смуглых и гибких, как лозы,
Чье дыханье пьяней бальзамических смол,
И фонтаны в садах и кровавые розы,
Что венчают вождей поэтических школ.

Сердце Африки пеня полна и пыланья,
И я знаю, что, если мы видим порой
Сны, которым найти не умеем названья,
Это ветер приносит их, Африка, твой!

243. ПАМЯТЬ

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.

Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня.

Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак рощ,
Лист опавший, колдовской ребенок,
Словом останавливавший дождь.

Дерево да рыжая собака —
Вот кого он взял себе в друзья.
Память, память, ты не сыщешь знака,
Не уверишь мир, что то был я.

И второй... Любил он ветер с юга,
В каждом шуме слышал звоны лир,
Говорил, что жизнь — его подруга,
Коврик под его ногами — мир.

Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать богом и царем,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.

Я люблю избранника свободы,
Мореплавателя и стрелка.
Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака.

Высока была его палатка,
Мулы были резвы и сильны,
Как вино, впивал он воздух сладкий
Белому неведомой страны.

Память, ты слабее год от году,
Тот ли это или кто другой
Променял веселую свободу
На священный долгожданный бой.

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.

Я — угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле.
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

И тогда повеет ветер странный —
И прольется с неба страшный свет:
Это Млечный Путь расцвел неожиданно
Садом ослепительных планет.

Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо; но всё пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему.

Крикну я... но разве кто поможет,
Чтоб моя душа не умерла?
Только змеи сбрасывают кожи,
Мы меняем души, не тела.

В том лесу белесоватые стволы
Выступали неожиданно из мглы.

Из земли за корнем корень выходил,
Точно руки обитателей могил.

Под покровом ярко-огненной листвы
Великаны жили, карлики и львы,

И следы в песке видали рыбаки
Шестипалой человеческой руки.

Никогда сюда тропа не завела
Пэра Франции иль Круглого Стола,

И разбойник не гнезвился здесь в кустах,
И пещерки не выкапывал монах.

Только раз отсюда в вечер грозовой
Вышла женщина с кошачьей головой,

Но в короне из литого серебра,
И вздыхала и стонала до утра,

И скончалась тихой смертью на заре,
Перед тем как дал причастье ей кюре.

Это было, это было в те года,
От которых не осталось и следа,

Это было, это было в той стране,
О которой не загрезишь и во сне.

Я придумал это, глядя на твои
Косы — кольца огневещущей змеи,

На твои зеленоватые глаза,
Как персидская больная бирюза.

Может быть, тот лес — душа твоя,
Может быть, тот лес — любовь моя,

Или, может быть, когда умрем,
Мы в тот лес направимся вдвоем.

245. СЛОВО

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умно число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это — бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

246—248. ДУША И ТЕЛО

1

Над городом плывет ночная тишь
И каждый шорох делается глуше,
А ты, душа, ты все-таки молчишь,
Помилуй, боже, мраморные души.

И отвечала мне душа моя,
Как будто арфы дальние пропели:
«Зачем открыла я для бытия
Глаза в презренном человеческом теле?»

Безумная, я бросила мой дом,
К иному устремясь великолепию.
И шар земной мне сделался ядром,
К какому каторжник прикован цепью.

Ах, я возненавидела любовь —
Болезнь, которой все у вас подвластны,
Которая туманит вновь и вновь
Мир мне чужой, но стройный и прекрасный.

И если что еще меня роднит
С былым, мерцающим в планетном хоре,
То это горе, мой надежный щит,
Холодное презрительное горе».

2

Закат из золотого стал как медь,
Покрылись облака зеленой ржой,
И телу я сказал тогда: «Ответь
На всё провозглашенное душою».

И тело мне ответило мое,
Простое тело, но с горячей кровью:
«Не знаю я, что значит бытие,
Хотя и знаю, что зовут любовью».

Люблю в соленой плёскаться волне,
Прислушиваться к крикам ястребиным,
Люблю на необъезженном коне
Нестись по лугу, пахнущему тмином.

И женщину люблю... Когда глаза
Ее потупленные я целую,
Я пьяно, будто близится гроза,
Иль будто пью я воду ключевую.

Но я за всё, что взяло и хочу,
За все печали, радости и бредни,
Как подобает мужу, заплачу
Непоправимой гибелью последней».

Когда же слово бога с высоты
 Большой Медведицею заблестело,
 С вопросом: «Кто же, вопрошатель, ты?» —
 Душа предстала предо мной и тело.

На них я взоры медленно вознес
 И милостиво дерзостным ответил:
 «Скажите мне, ужель разумен пес,
 Который воет, если месяц светел?

Ужели вам допрашивать меня,
 Меня, кому единое мгновенье —
 Весь срок от первого земного дня
 До огненного светопреставленья?

Меня, кто, словно древо Игдразиль,
 Пророс главою семью семь вселенных
 И для очей которого, как пыль,
 Поля земные и поля блаженных?

Я тот, кто спит, и кроет глубина
 Его невыразимое прозвание,
 А вы — вы только слабый ответ сна,
 Бегущего на дне его сознания!»

249. КАНЦОНА ПЕРВАЯ

Закричал громогласно
 В сине-черную сонь
 На дворе моем красный
 И пернатый огонь.

Ветер милый и вольный,
 Прилетевший с луны,
 Хлещет дерзко и больно
 По щекам тишины.

И, вступая на кручи,
 Молодая заря
 Кормит жадные тучи
 Ячменем янтара.

В этот час я родился,
В этот час и умру,
И зато мне не снился
Путь, ведущий к добру.

И уста мои рады
Целовать лишь одну,
Ту, с которой не надо
Улетать в высоту.

250. КАНЦОНА ВТОРАЯ

И совсем не в мире мы, а где-то
На задворках мира средь теней.
Сонно перелистывает лето
Синие страницы ясных дней.

Маятник, старательный и грубый,
Времени непризнанный жених,
Заговорщицам секундам рубит
Головы хорошенькие их.

Так пыльна здесь каждая дорога,
Каждый куст так хочет быть сухим,
Что не приведет единорога
Под уздцы к нам белый серафим.

И в твоей лишь сокровенной грусти,
Милая, есть огненный дурман,
Что в проклятом этом захолустьи —
Точно ветер из далеких стран.

Там, где всё сверканье, всё движенье,
Пенье всё,— мы там с тобой живем.
Здесь же только наше отраженье
Полонил гниющий водоем.

251. ПОДРАЖАНЬЕ ПЕРСИДСКОМУ

Из-за слов твоих, как соловьи,
Из-за слов твоих, как жемчуга,
Звери дикие — слова мои,
Шерсть на них, клыки у них, рога.

Я ведь безумным стал, красавица.

Ради щек твоих, ширазских роз,
Краску щек моих утратил я,
Ради золотых твоих волос
Золото мое рассыпал я.

Нагим и голым стал, красавица.

Для того чтоб посмотреть хоть раз,
Бирюза — твой взор или берилл,
Семь ночей не закрывал я глаз,
От дверей твоих не отходил.

С глазами, полными крови, стал, красавица.

Оттого что дома ты всегда,
Я не выхожу из кабака,
Оттого что честью ты горда,
Тянется к ножу моя рука.

Площадным негодяем стал, красавица.

Если солнце есть и вечен бог,
То перешагнешь ты мой порог.

252. ПЕРСИДСКАЯ МИНИАТЮРА

Когда я кончу наконец
Игру в cache-cache¹ со смертью хмурой,
То сделает меня творец
Персидскою миниатюрой.

И небо, точно бирюза,
И принц, поднявший еле-еле
Миндалевидные глаза
На взлет девических качелей.

С копьём окровавленным шах,
Стремящийся тропой неверной
На киноварных высотах
За улетающею серной.

¹ В прятки (фр.). — *Ред.*

Н. Гумилевъ

Персія.

стихи.

Петербургъ
1921

Книга эта повторена не будет, а переписана она в одном экземпляре автором и иллюстрирована им же.

14 февраля 1921

Н. Зуминев

Когда я кончу наконец
Играли в саше-саше со смертно жмурой,
то сдвигает меня Творец
Персидского миниатюрой.

И небо, тогы бирюза,
И принц склонивший ель-эле
Миндалевидные глаза.
На взлетит двизвских казелей.

Сз конем окровавленным шаш
Стремлящийся тропой кельриной
На кинаварных высотах
За ускользающей союной.

И ни во сна, ни на злу
Невиданный тубероза,
И димитрий вчером в траву.
Уте наклоненный лози.

А на обратной стороне,
Как облака Мибема, густой
Носит отрядно будей мин
Знамен великого артиста.

Благосужающих старик,
Клеопатры или древней,
Ко мне затеет в тобе те миги
Любовно острой и упрямой.

Его одноклассники давай
Звонкой и буди шумливой,
Меня, любящих и друзей
Я тактично погребу.

И вот когда я усталю
Без упрямой, без страданья
Всегошнюю тенью мою
Горбится лавина, обманья.

Изъ за словѣ твоихъ, какъ соловей,
Изъ за словѣ твоихъ, какъ теньгута,
Звучи тихое—слово мое,
Искрестъ на языкъ, клыки у языкъ, рота.

Я вѣдь безумный стану, красавица!

Изъ за щекъ твоихъ, ширазский розъ,
Краску щекъ моихъ утратилъ я,
Рядъ золотыхъ твоихъ волосъ
Золото мое рассыпалъ я.

Калины и голубыя стану, красавица!

Для того, чтобъ посмотрѣть хоть разъ,
Турета — мой вѣтъ; или Берилъ,
Семь ногей не закрывилъ я глазъ,
Отъ дверей твоихъ не отхожу.

Съ глазами полными крови стану, красавица!

Оттого что дома ты всегда,
Я не выхожу изъ кабака,
Оттого что глупо ты горда,
Мянею къ ногу мой рука.

Клоуаднымъ негодлемъ стану, красавица!

Если солнце естъ въявь Того,
То пресмелнѣе ты мой порогъ.

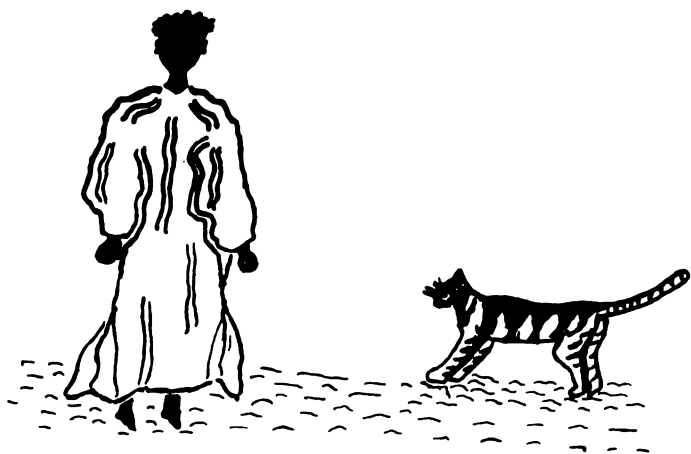
Соловьи на кипарисах и над озером луна,
Камень гераней, камень болотей, много выжила я вина,
Мне свистела бутылка пила трюмте сердца моего:
"Міръ лише лузі отъ лика друга, все ине — титъ его!"

Виногерній влюбилъ я не сегодня, не вчера,
Не вчера и не сегодня полнилъ ее самого утра,
И поту, "позвонилъ, что узналъ я тортесиво:
"Міръ лише лузі отъ лика друга, все ине — титъ его!"

Я бродяга и тучаобиник, немуделый человек,
Все, чему я научился, все забилъ тебери набилъ,
Кроме розовой усмешки и капля одного:
"Міръ лише лузі отъ лика друга, все ине — титъ его!"

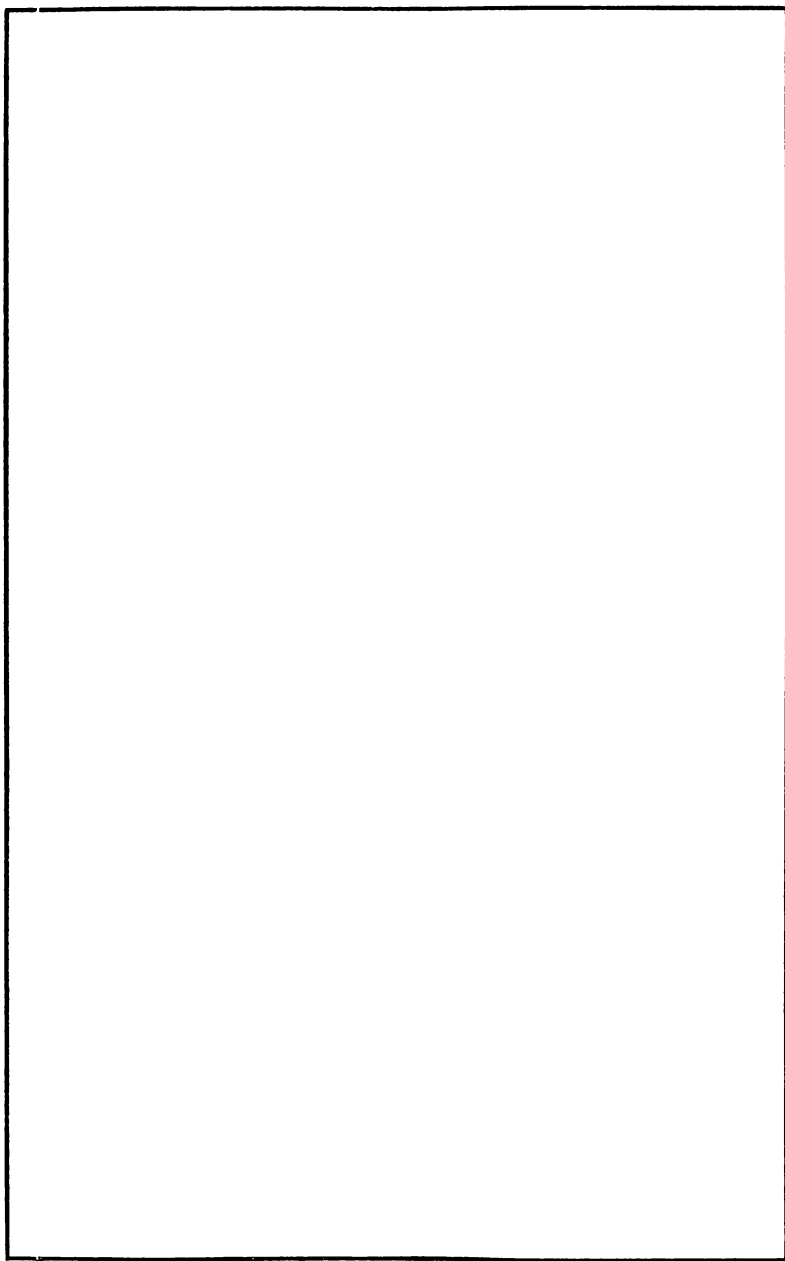
Вотъ ид, я по могиламъ, въ летатъ мои друзья,
О любви спросить у мертвыхъ неутли мнѣ неждъ?
И кричитъ изъ ямы геронъ тайну гроба своего:
"Міръ лише лузі отъ лика друга, все ине — титъ его!"

Подъ луною всколыхнулись въ димномъ озеръ струя,
На высокихъ кипарисахъ зимолали сарови,
Но одинъ затилъ тамъ трюмко, тотъ не пѣвшій ничего:
"Міръ лише лузі отъ лика друга, все ине — титъ его!"

Оглавление.

Персидская миниатюра
Краткое персидскому
языку посвящено.

И ни во сне, ни наяву
Невиданные туберозы,
И сладким вечером в траву
Уже наклоненные лозы.

А на обратной стороне,
Как облака Тибета чистой,
Носить отрадно будет мне
Значок великого артиста.

Благоухающий старик,
Негоциант или придворный,
Взглянув, меня полюбит вмиг
Любовью острой и упорной.

Его однообразных дней
Звездой я буду путеводной.
Вино, любовниц и друзей
Я замену поочередно.

И вот когда я утолю
Без упоенья, без страданья
Старинную мечту мою —
Будить повсюду обожанье.

253. ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти всё мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Всё ж мучится таинственным желаньем;

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья,—

Так век за веком — скоро ли, господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

254. СЛОНЕНОК

Моя любовь к тебе сейчас — слоненок,
Родившийся в Берлине иль Париже
И топающий ватными ступнями
По комнатам хозяина зверинца.

Не предлагай ему французских булок,
Не предлагай ему кочней капустных —
Он может съесть лишь дольку мандарина,
Кусочек сахара или конфету.

Не плачь, о нежная, что в тесной клетке
Он делается посмеяньем черни,
Чтоб в нос ему пускали дым сигары
Приказчики под хохот мидинеток.

Не думай, милая, что день настанет,
Когда, взбесившись, разорвет он цепи
И побежит по улицам, и будет,
Как автобús, давить людей вопящих.

Нет, пусть тебе приснится он под утро
В парче и меди, в страусовых перьях,
Как тот, Великолепный, что когда-то
Нес к трепетному Риму Ганнибала.

255. ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ТРАМВАЙ

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грей,
И звоны лютни, и дальние громы,—
Передо мною летел трамвай.

Как я вскочил на его подножку,
Было загадкою для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.

Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Поздно. Уж мы обогнули стену,
Мы проскочили сквозь рощу пальм,
Через Неву, через Нил и Сену
Мы прогремели по трем мостам.

И, промелькнув у оконной рамы,
Бросил нам вслед пытливый взгляд
Нищий старик,— конечно тот самый,
Что умер в Бейруте год назад.

Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
«Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет?»

Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят: «Зеленная»,— знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мертвые головы продают.

В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.

А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла?

Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренною косой
Шел представляться императрице
И не увиделся вновь с тобой.

Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет,
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет.

И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.

Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине,
Там отслужу молебен о здравье
Машеньки и панихиду по мне.

И всё ж навеки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить.

256. ОЛЬГА

«Эльга, Эльга!» — звучало над полями,
Где ломали друг другу крестцы
С голубыми, свирепыми глазами
И жилистыми руками молодцы.

«Ольга, Ольга!» — вопили древляне
С волосами желтыми, как мед,
Выцарапывая в раскаленной бане
Окровавленными ногтями ход.

И за дальними морями чужими
Не уставала звенеть,
То же звонкое вызванивая имя,
Варяжская сталь в византийскую медь.

Все забыл я, что помнил ране,
Христианские имена,
И твое лишь имя, Ольга, для моей гортани
Слаще самого старого вина.

Год за годом всё неизбежней
Запевают в крови века.
Опьянен я тяжестью прежней
Скандинавского костяка.

Древних ратей воин отсталый,
К этой жизни затая вражду,
Сумасшедших сводов Валгаллы,
Славных битв и пиров я жду.

Вижу череп с брагой хмельною,
Бычьи розовые хребты,
И валькирией надо мною,
Ольга, Ольга, кружишь ты.

257. У ЦЫГАН

Толстый, качался он, как в дурмане.
Зубы блестели из-под хищных усов,
На ярко-красном его доломане
Сплетались узлы золотых шнуров.

Струна... и гортанный вопль... и сразу
Сладостно так заныла кровь моя,
Так убедительно поверил я рассказу
Про иные, родные мне края.

Вещие струны — это жилы бычьи.
Но горькой травой питались быки.
Гортанный голос — жалобы девичьи
Из-под зажимающей рот руки.

Пламя костра, пламя костра, колонны
Красных стволов и оглушительный гик.
Ржавые листья топчет гость влюбленный —
Кружащийся в толпе бенгальский тигр.

Капли крови текут с усов колючих,
Томно ему, он сыт, он опьянел,
Ах, здесь слишком много бубнов гремучих,
Слишком много сладких, пахучих тел.

Мне ли видеть его в дыму сигарном,
Где пробки хлопают, люди кричат,
На мокром столе чубуком янтарным
Злого сердца отстукивающим такт?

Мне, кто помнит его в струге алмазном
На убегающей к творцу реке
Грозою ангелов и сладким соблазном,
С кровавой лилией в тонкой руке?

Девушка, что же ты? Ведь гость богатый,
Встань перед ним, как комета в ночи.
Сердце крылатое в груди косматой
Вырви, вырви сердце и растопчи.

Шире, всё шире, кругами, кругами
Ходи, ходи и рукой мани.
Так пар вечерний плавает лугами,
Когда за лесом огни и огни.

Вот струны-быки и слева и справа.
Рога их — смерть и мычанье — беда.
У них на пастбище горькие травы,
Колючий волчец, полынь, лебеда.

Хочет встать, не может... кремь зубчатый,
Зубчатый кремь, как гортанный крик,
Под бархатной лапой, грозно подъятой,
В его крылатое сердце проник.

Рухнул грудью, путая аксельбанты,
Уже ни пить, ни смотреть нельзя,
Засуетились официанты,
Пьяного гостя унося.

Что ж, господа, половина шестого?
Счет, Асмодей, нам приготовь!
Девушка, смеясь, с полосы кремневой
Узким язычком слизывает кровь.

258. ПЬЯНЫЙ ДЕРВИШ

Соловьи на кипарисах и над озером луна.
Камень черный, камень белый, много выпил я вина.
Мне сейчас бутылка пела громче сердца моего:
«Мир лишь луч от лика друга, всё иное — тень его!»

Виночерпия взлюбил я не сегодня, не вчера.
Не вчера и не сегодня пьяный с самого утра.
И хожу и похваляюсь, что узнал я торжество:
Мир лишь луч от лика друга, всё иное — тень его!

Я бродяга и трушобник, непутевый человек.
Всё, чему я научился, всё забыл теперь навек
Ради розовой усмешки и напева одного:
«Мир лишь луч от лика друга, всё иное — тень его!»

Вот иду я по могилам, где лежат мои друзья.
О любви спросить у мертвых неужели мне нельзя?
И кричит из ямы череп тайну гроба своего:
«Мир лишь луч от лика друга, всё иное — тень его!»

Под луною всколыхнулись в дымном озере струи.
На высоких кипарисах замолчали соловьи.
Лишь один запел так громко, тот, не певший ничего:
«Мир лишь луч от лика друга, всё иное — тень его!»

259. ЛЕОПАРД

Если убитому леопарду не опа-
лить немедленно усов, дух его будет
преследовать охотника.

Абиссинское поверье

Колдовством и ворожбою
В тишине глухих ночей
Леопард, убитый мною,
Занят в комнате моей.

Люди входят и уходят.
Позже всех уходит та,
Для которой в жилах бродит
Золотая темнота.

Поздно. Мыши засвистели,
Глухо крикнул домовый,
И мурлычет у постели
Леопард, убитый мной.

«По ущельям Добробрана
Сизый плавает туман,
Солнце, красное, как рана,
Озарило Добробран.

Запах меда и вервены
Ветер гонит на восток,
И режут, режут гиены,
Зарывая нос в песок.

Брат мой, враг мой, ревы слышишь,
Запах чуешь, видишь дым?
Для чего ж тогда ты дышишь
Этим воздухом сырым?

Нет, ты должен, мой убийца,
Умереть в стране моей,
Чтоб я снова мог родиться
В леопардовой семье».

Неужели до рассвета
Мне ловить лукавый зов?
Ах, не слушал я совета,
Не спалил ему усов.

Только поздно! Вражья сила
Одолела и близка:
Вот затылок мне сдавила,
Точно медная, рука...

Пальмы... С неба страшный пламень
Жжет песчаный водоем...
Данакиль припал за камень
С пламенеющим копьём.

Он не знает и не спросит,
Чем душа моя горда,
Только душу эту бросит,
Сам не ведая куда.

И не в силах я бороться,
Я спокоен, я встаю.
У жирафьего колодца
Я окончу жизнь мою.

260. МОЛИТВА МАСТЕРОВ

Я помню древнюю молитву мастеров:
Храни нас, господи, от тех учеников,

Которые хотят, чтоб наш убогий гений
Кошунственно искал всё новых откровений.

Нам может нравиться прямой и честный враг,
Но эти каждый наш отслеживают шаг.

Их радует, что мы в борении, покуда
Петр отрекается и предаёт Иуда.

Лишь небу ведомы пределы наших сил,
Потомством взвесится, кто сколько утаил.

Что создадим мы впредь, на это власть господня,
Но что мы создали, то с нами посегодня.

Всем оскорбителям мы говорим привет,
Превозносителям мы отвечаем — нет!

Упреки лъстивые и гул молвы хвалебный
Равно для творческой святыни непотребны.

Вам стыдно мастера дурманить беленой,
Как карфагенского слона перед войной.

Уронила девушка перстень
В колодец, в колодец ночной,
Простирает легкие персты
К холодной воде ключевой:

«Возврати мой перстень, колодец,
В нем красный цейлонский рубин.
Что с ним будет делать народец
Тритонов и мокрых ундин?»

В глубине вода потемнела,
Послышался ропот и гам:
«Теплотою живого тела
Твой перстень понравился нам».

«Мой жених изнемог от муки,
И будет он в водную гладь
Погружать горячие руки,
Горячие слезы ронять».

Над водой показались рожи
Тритонов и мокрых ундин:
«С человеческой кровью схожий,
Понравился нам твой рубин».

«Мой жених, он живет с молитвой,
С молитвой одной о любви.
 Попрошу, и стальной бритвой
Откроет он вены свои».

«Перстень твой, наверно, целебный,
Что ты молишь его с тоской,
Выкупаешь такой волшебной
Ценой — любовью мужской».

«Просто золото краше тела
И рубины красней, чем кровь,
И доньше я не умела
Понять, что такое любовь».

Пастух веселый
 Поутру рано
 Выгнал коров в тенистые доли
 Броселианы.

Паслись коровы,
 И песню своих веселий
 На тростниковой
 Играл он свирели.

И вдруг за ветвями
 Послышался голос, как будто не птичий.
 Он видит птицу, как пламя,
 С головкой милой, девичьей.

Прерывно пенье,
 Так плачет во сне младенец.
 В черных глазах томленье,
 Как у восточных пленниц.

Пастух дивится
 И смотрит зорко:
 «Такая красивая птица,
 А стонет так горько».

Ее ответу
 Он внемлет, смущенный:
 «Мне подобных нету
 На земле зеленой.

Хоть мальчик-птица,
 Исполненный дивных желаний,
 И должен родиться
 В Броселиане,

Но злая
 Судьба нам не даст наслажденья;
 Подумай, пастух, должна я
 Умереть до его рожденья.

И вот мне не любы
 Ни солнце, ни месяц высокий,
 Никому не нужны мои губы
 И бледные щеки.

Но всего мне жалче,
Хоть и всего дороже,
Что птица-мальчик
Будет печальным тоже.

Он станет порхать по лугу,
Садиться на вязы эти
И звать подругу,
Которой уж нет на свете.

Пастух, ты, наверно, грубый,
Ну что ж, я терпеть умею.
Подойди, поцелуй мои губы
И хрупкую шею.

Ты юн, захочешь жениться,
У тебя будут дети,
И память о деве-птице
Долетит до иных столетий».

Пастух вдыхает запах
Кожи, солнцем нагретой,
Слышит, на птичьих лапах
Звенят золотые браслеты.

Вот уже он в иступленьи,
Что делает, сам не знает.
Загорелые его колени
Красные перья попирают.

Только раз застонала птица,
Раз один застонала,
И в груди ее сердце биться
Вдруг перестало.

Она не воскреснет,
Глаза помутнели,
И грустные песни
Над нею играет пастух на свирели.

С вечерней прохладой
Встают седые туманы,
И гонит он к дому стадо
Из Броселианы.

Старый бродяга в Аддис-Абебе,
 Покоривший многие племена,
 Прислал ко мне черного копыеносца
 С приветом, составленным из моих стихов.
 Лейтенант, водивший канонерки
 Под огнем неприятельских батарей,
 Целую ночь над южным морем
 Читал мне на память мои стихи.
 Человек, среди толпы народа
 Застреливший императорского посла,
 Подошел пожать мне руку,
 Поблагодарить за мои стихи.

Много их, сильных, злых и веселых,
 Убивавших слонов и людей,
 Умиравших от жажды в пустыне,
 Замерзавших на кромке вечного льда,
 Верных нашей планете,
 Сильной, веселой и злой,
 Возят мои книги в седельной сумке,
 Читают их в пальмовой роще,
 Забывают на тонущем корабле.

Я не оскорбляю их неврастениями,
 Не унижаю душевной теплотой,
 Не надоедаю многозначительными намеками
 На содержимое выеденного яйца,
 Но когда вокруг свищут пули,
 Когда волны ломают борта,
 Я учу их, как не бояться,
 Не бояться и делать, что надо.
 И когда женщина с прекрасным лицом,
 Единственно дорогим во вселенной,
 Скажет: «Я не люблю вас»,—
 Я учу их, как улыбнуться,
 И уйти, и не возвращаться больше.
 А когда придет их последний час,
 Ровный, красный туман застелет взоры,
 Я научу их сразу припомнить
 Всю жестокую, милую жизнь,

Всю родную, странную землю
И, представ перед ликом бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно его суда.

264. ЗВЕЗДНЫЙ УЖАС

Это было золотою ночью,
Золотою ночью, но безлунной,
Он бежал, бежал через равнину,
На колени падал, поднимался,
Как подстреленный метался заяц,
И горячие струились слезы
По щекам, морщинами изрытым,
По козлиной старческой бородке.
А за ним его бежали дети,
А за ним его бежали внуки,
И в шатре из небеленой ткани
Брошенная правнучка визжала.

«Возвратись,— ему кричали дети,
И ладони складывали внуки,—
Ничего худого не случилось:
Овцы не наелись молочая,
Дождь огня священного не залил,
Ни косматый лев, ни зенд жестокий
К нашему шатру не подходили».

Черная пред ним чернела круча.
Старый кручи в темноте не видел,
Рухнул так, что затрещали кости,
Так, что чуть души себе не вышиб.
И тогда еще ползти пытался,
Но его уже схватили дети,
За полы придерживали внуки,
И такое он им молвил слово:

«Горе! Горе! Страх, петля и яма
Для того, кто на земле родился,
Потому что столькими очами
На него взирает с неба черный
И его высматривает тайны.
Этой ночью я заснул, как должно,
Обернувшись шкурой, носом в землю,

Снилась мне хорошая корова
С выменем отвислым и раздутым.
Под нее подполз я, поживиться
Молоком парным, как уж, я думал,
Только вдруг она меня лягнула.
Я перевернулся и проснулся:
Был без шкуры я и носом к небу.
Хорошо еще, что мне вонючка
Правый глаз поганым соком выжгла,
А не то, гляди я в оба глаза,
Мертвым бы остался я на месте.
Горе! Горе! Страх, петля и яма
Для того, кто на земле родился».

Дети взоры опустили в землю,
Внуки лица спрятали локтями.
Молчаливо ждали все, что скажет
Старший сын с седой бородою.
И такое тот промолвил слово:

«С той поры, что я живу, со мною
Ничего худого не бывало,
И мое выстукивает сердце,
Что и впредь худого мне не будет.
Я хочу обоими глазами
Посмотреть, кто это бродит в небе».

Вымолвил и сразу лег на землю,
Не ничком на землю лег, спиною.
Все стояли затаив дыханье.
Слушали и ждали очень долго.
Вот старик спросил, дрожа от страха:
«Что ты видишь?» — но ответа не дал
Сын его с седой бородою.
И когда над ним склонились братья,
То увидели, что он не дышит,
Что лицо его, темнее меди,
Исковеркано руками смерти.

Ух, как женщины заголосили,
Как заплакали, завывали дети!
Старый бороденку дергал, хрипло
Страшные проклятья выкликая.
На ноги вскочили восемь братьев,
Крепких мѹжей, ухватили луки.

«Выстрелим,— они сказали,— в небо,
И того, кто бродит там, подстрелим...
Что нам это за напасть такая?»
Но вдова умершего вскричала:
«Мне отмщение, а не вам отмщение!
Я хочу лицо его увидеть,
Горло перервать ему зубами
И когтями выцарапать очи».

Крикнула и брякнулась на землю,
Но глаза зажмуривши, и долго
Про себя шептала заклинанья,
Грудь рвала себе, кусала пальцы.
Наконец взглянула, усмехнулась
И закуковала, как кукушка:

«Лин, зачем ты к озеру? Линойя,
Хороша печенка антилопы?
Дети, у кувшина нос отбился.
Вот я вас! Отец, вставай скорее,
Видишь, зенды с ветками омелы
Тростниковые корзины тащат.
Торговать они идут, не биться.
Сколько здесь огней, народа сколько!
Собралось всё племя... Славный праздник!»

Старый успокаиваться начал,
Трогать шишки на своих коленях.
Дети луки опустили, внуки
Осмелели, даже улыбнулись.
Но когда лежащая вскочила
На ноги, то все позеленели,
Все вспотели даже от испуга:
Черная, но с белыми глазами,
Яростно она металась, воя:
«Горе! Горе! Страх, петля и яма!
Где я? Что со мною? Красный лебедь
Гонится за мной... Дракон трехглавый
Крадется... Уйдите, звери, звери!
Рак, не тронь! Скорей от козерога!»

И когда она всё с тем же воем,
С воем обезумевшей собаки,

По хребту горы помчалась к бездне,
Ей никто не побегал вдогонку.

Смутные к шатрам вернулись люди,
Сели вокруг на скалы и боялись.
Время шло к полуночи. Гиена
Ухнула и сразу замолчала.
И сказали люди: «Тот, кто в небе,
Бог иль зверь, он, верно, хочет жертвы.
Надо принести ему телицу
Непорочную, отроковицу,
На которую досель мужчина
Не смотрел ни разу с вожделеньем.
Умер Гар, сошла с ума Гарайя,
Дочери их только восемь весен,
Может быть, она и пригодится».

Побежали женщины и быстро
Притащили маленькую Гарри.
Старый поднял свой топор кремневый,
Думал — лучше продолбить ей темя,
Прежде чем она на небо взглянет,
Внучка ведь она ему, и жалко,—
Но другие не дали, сказали:
«Что за жертва с теменем долбленным?»

Положили девочку на камень,
Плоский черный камень, на котором
До сих пор пылал огонь священный,—
Он погас во время суматохи.
Положили и склонили лица,
Ждали, вот она умрет и можно
Будет всем пойти заснуть до солнца.

Только девочка не умирала,
Посмотрела вверх, потом направо,
Где стояли братья, после снова
Вверх и захотела прыгнуть с камня.
Старый не пустил, спросил: «Что видишь?»
И она ответила с досадой:
«Ничего не вижу. Только небо
Вогнутое, черное, пустое
И на небе огоньки повсюду,
Как цветы весною на болоте».

Старый призадумался и молвил:
«Посмотри еще!» И снова Гарра
Долго-долго на небо смотрела.
«Нет,— сказала,— это не цветочки,
Это просто золотые пальцы
Нам показывают на равнину,
И на море, и на горы зендов,
И показывают, что случилось,
Что случается и что случится».

Люди слушали и удивлялись:
Так не то что дети, так мужчины
Говорить доньше не умели,
А у Гарры пламенели щеки,
Искрились глаза, алели губы,
Руки поднимались к небу, точно
Улететь она хотела в небо.
И она запела вдруг так звонко,
Словно ветер в тростниковой чаще,
Ветер с гор Ирана на Евфрате.

Мелле было восемнадцать весен,
Но она не ведала мужчины,
Вот она упала рядом с Гаррой,
Посмотрела и запела тоже.
А за Меллой Аха, и за Ахой
Урр, ее жених, и вот всё племя
Полегло и пело, пело, пело,
Словно жаворонки жарким полднем
Или смутным вечером лягушки.

Только старый отошел в сторонку,
Зажимая уши кулаками,
И слеза катилась за слезою
Из его единственного глаза.
Он свое оплакивал паденье
С кручи, шишки на своих коленях,
Гара и вдову его, и время
Прежнее, когда смотрели люди
На равнину, где паслось их стадо,
На воду, где пробегал их парус,
На траву, где их играли дети,
А не в небо черное, где блещут
Недоступные чужие звезды.

II

ЖЕМЧУГА (1910)

265. ОДИНОЧЕСТВО

Я спал, и смыла пена белая
Меня с родного корабля,
И в черных водах, помертвелая,
Открылась мне моя земля.

Она полна конями быстрыми
И красным золотом пещер,
Но ночью вспыхивают искрами
Глаза блуждающих пантер.

Там травы славятся узорами
И реки словно зеркала,
Но рощи полны мандрагорами,
Цветами ужаса и зла.

На синевато-белом мраморе
Я высоко воздвиг маяк,
Чтоб пробегающие на море
Далеко видели мой стяг.

Я предлагал им перья страуса,
Плоды, коралловую нить,
Но ни один стремленья паруса
Не захотел остановить.

Все чтили древнего оракула
И приговор его суда
О том, чтоб вечно сердце плакало
У всех заброшенных сюда.

И надо мною одиночество
Возносит огненную плеть
За то, что древнее пророчество
Мне суждено преодолеть.

266. В ПУСТЫНЕ

Давно вода в мехах иссякла,
Но как собака не умру:
Я в память дивного Геракла
Сперва отдам себя костру.

И пусть, пылая, жалят сучья,
Грозит чернеющий Эреб,
Какое страшное созвучье
У двух враждующих судеб!

Он был героем, я — бродягой,
Он — полубог, я — полузверь,
Но с одинаковой отвагой
Стучим мы в замкнутую дверь.

Пред смертью все, Терсит и Гектор,
Равно ничтожны и славны.
Я также выпью сладкий нектар
В полях лазоревой страны.

267. АДАМ

Адам, униженный Адам,
Твой бледен лик и взор твой бешен,
Скорбишь ли ты по тем плодам,
Что ты срывал, еще безгрешен?

Скорбишь ли ты о той поре,
Когда, еще ребенок-дева,
В душистый полдень на горе
Перед тобой плясала Ева?

Теперь ты знаешь тяжкий труд
И дуновение смерти грозной,
Ты знаешь бешенство минут,
Припоминая слово «поздно».

И боль жестокою, и стыд,
Неутолимый и бесстрастный,
Который медленно томит,
Который мучит сладострастно.

Ты был в раю, но ты был царь,
И честь была тебе порукой,
За счастье, вспыхнувшее встарь,
Надменный втрое платит мукой.

За то, что не был ты как труп,
Горел, искал и был обманут,
В высоком небе хоры труб
Тебе греметь не перестанут.

В суровой доле будь упрям,
Будь хмурым, бледным и согбенным,
Но не скорби по тем плодам,
Неискупленным и презренным.

268. ТЕАТР

Все мы, святые и воры,
Из алтаря и острога,
Все мы — смешные актеры
В театре господ бога.

Бог восседает на троне,
Смотрит смеясь на подмостки,
Звезды на пышном хитоне —
Позолоченные блестки.

Так хорошо и привольно
В ложе предвечного света.
Дева Мария довольна,
Смотрит, склоняясь, в либретто:

«Гамлет? Он должен быть бледным.
Каин? Тот должен быть грубым...»
Зрители внемяют победным
Солнечным, ангельским трубам.

Бог, наклонясь, наблюдает,
К пьесе он полон участия.
Жаль, если Каин рыдает,
Гамлет изведает счастье!

Так не должно быть по плану!
Чтобы блюсти упущенья,
Боли, глухому титану,
Вверил он ход представленья.

Боль вознеслася горою,
Хитрой раскинулась сетью,
Всех, утомленных игрою,
Хлещет кровавою плетью.

Множатся пытки и казни...
И возрастает тревога:
Что, коль не кончится праздник
В театре господа бога?!

269. ПРАВЫЙ ПУТЬ

В муках и пытках рождается слово,
Робкое, тихо проходит по жизни.
Странник оно, из ковша золотого
Пьющий остатки на варварской тризне.

Выйдешь к природе! Природа враждебна,
Всё в ней пугает, всего в ней помногу,
Вечно звучит в ней фанфара молебна
Не твоему и ненужному богу.

Смерть? Но сперва эту сказку поэта
Взвесь осторожно и мудро исчисли,—
Жалко не будет ни жизни, ни света,
Но пожалеешь о царственной мысли.

Что ж, это путь величавый и строгий:
Плакать с осенним пронзительным ветром,
С нищими нищим таиться в берлоге,
Хмурые думы оковывать метром.

270. КОЛДУНЯ

Она колдует тихой ночью
У потемневшего окна
И страстно хочет, чтоб воочью
Ей тайна сделалась видна.

Как бред мольба ее бессвязна,
Но мысль упорна и горда.
Она не ведает соблазна
И не отступит никогда.

Внизу... Там дремлет город пестрый
И кто-то слушает и ждет,
Но меч, уверенный и острый,
Он тоже знает свой черед.

На мертвой площади, где серо
И сонно падает роса,
Живет неслыханная вера
В ее ночные чудеса.

Но тщетен зов ее кручины,
Земля всё та же, что была,
Вот солнце выйдет из пучины
И позолотит купола.

Ночные тени станут реже,
Прольется гул, как ропот вод,
И в сонный город ветер свежий
Прохладу моря донесет.

И меч сверкнет, и кто-то вскрикнет,
Кого-то примет тишина,
Когда усталая поникнет
У заалевшего окна.

271. ОХОТА

Князь вынул бич и кинул клич —
Грозу охотничьих добыч,

И белый конь, душа погонь,
Ворвался в стынущую сонь.

Удар копыт в снегу шуршит,
И зверь встает, и зверь бежит,

Но не спастись ни в глубь, ни в высь,
Как змеи, стрелы понеслись.

Их легкий взмах наводит страх
На неуклюжих росомах,

Грызет их медь седой медведь,
Но всё же должен умереть,

И легче птиц, склоняясь ниц,
Князь ищет четкий след лисиц.

Но вечер ал, и князь устал,
Прилег на мох и задремал,

Не дремлет конь, его не тронь,
Огонь в глазах его, огонь.

И, волк равнин, подходит финн
Туда, где дремлет властелин,

А ночь светла, земля бела,
Господь, спаси его от зла!

272. СЕВЕРНЫЙ РАДЖА

Валентину Кривичу

1

Она простерлась, неживая,
Когда замышлен был набег,
Ее сковали грусть без края,
И синий лед, и белый снег.

Но и задумчивые ели
В цветах серебряной луны,
Всегда тревожные, хотели
Святой по-новому весны.

И над страной лесов и гатей
Сверкнула золотом заря —
То шли бесчисленные рати
Непо едимого царя.

Он жил на сказочных озерах,
Дитя брильянтовых раджей,
И радость светлая во взорах,
И губы, лотуса свежей.

Но, сына царского, на север
Его таинственно влечет:
Он хочет в поле видеть клевер,
В сосновых рощах желтый мед.

Гудит земля, оружие блещет,
Трубят военные слоны,
И сын полуночи трепещет
Пред сыном солнечной страны.

Се — царь! Придите и поймите
Его спасающую сеть.
В кипучий вихрь его событий
Спешите кануть и сгореть.

Легко сгореть и встать иными,
Ступить на новую межу,
Чтоб встретить в пламени и дыме
Владыку Севера, Раджу.

2

Он встал на крайнем берегу,
И было хмуро побережье.
Едва чернели на снегу
Следы глубокие, медвежьи.

Да в отдаленной полынье
Плескались рыжие тюлени,
Да небо в розовом огне
Бросало ровный свет без тени.

Он обернулся... Там, во мгле,
Дрожали зябнувшие парсы
И, обессилив, на земле
Валялись царственные барсы.

А дальше падали слоны,
Дрожа, стонали, как гиганты,

И лился мягкий свет луны
На их уборы, их брильянты.

Но людям, павшим перед ним,
Царь кинул гордое решение:
«Мы в царстве снега создадим
Иную Индию — Виденье.

На этот звонкий, синий лед
Утесы мрамора не лягут,
И лотус здесь не зацветет
Под вековою сенью пагод.

Но будет белая заря
Пылать слепительнее вдвое,
Чем у бирманского царя
Костры из мирры и алоэ.

Не бойтесь этой наготы
И песен холода и вьюги.
Вы обретете здесь цветы,
Каких не знали бы на юге».

3

И древле мертвая страна
С ее нетронутою новью,
Как дева юная, пьяна
Своей великою любовью.

Из дивной Галлии вотще
К ней приходили кавалеры,
Красуясь в бархатном плаще,
Манили к тайнам чуждой веры.

И Византии строгой речь,
Ее задумчивые книги
Не заковали этих плеч
В свои тяжелые вериги.

Здесь каждый миг была весна
И в каждом взоре жило солнце,
Когда смотрела тишина
Сквозь закоптелое оконце.

И каждый мыслил: «Я в бреду,
Я сплю, но радости всё те же,
Вот встану в розовом саду
Над белым мрамором прибрежий.

И та, которую люблю,
Придет застенчиво и томно.
Она близка... Теперь я сплю
И хорошо у грезы темной».

Живет закон священной лжи
В картине, статуе, поэме —
Мечта великого Раджи,
Благословляемая всеми.

ПОСРЕДИНЕ СТРАНСТВИЯ ЗЕМНОГО

273

Из букета целого сирени
Мне досталась лишь одна сирень,
И всю ночь я думал об Елене,
А потом томился целый день.

Всё казалось мне, что в белой пене
Исчезает милая земля,
Расцветают влажные сирени
За кормой большого корабля.

И за огненными небесами
Обо мне задумалась она,
Девушка с газельими глазами
Моего любимейшего сна.

Сердце прыгало, как детский мячик,
Я, как брату, верил кораблю,
Оттого что мне нельзя иначе,
Оттого что я ее люблю.

Много есть людей, что, полюбив,
Мудрые, дома себе возводят,
Возле их благословенных нив
Дети резвые за стадом бродят.

А другим — жестокая любовь,
Горькие ответы и вопросы,
С желчью смешана, кричит их кровь,
Слух их жалят злобным звоном осы.

А иные любят, как поют,
Как поют, и дивно торжествуют,
В сказочный скрываются приют;
А иные любят, как танцуют.

Как ты любишь, девушка, ответь,
По каким тоскуешь ты истомам?
Неужель ты можешь не гореть
Тайным пламенем, тебе знакомым?

Если ты могла явиться мне
Молнией слепительной господней
И отныне я горю в огне,
Вставшем до небес из преисподней?

275

Мы в аллеях светлых пролетали,
Мы летели около воды,
Золотые листья опадали
В синие и сонные пруды.

И причуды, и мечты, и думы
Поверяла мне она свои,
Всё, что может девушка придумать
О еще неведомой любви.

Говорила: «Да, любовь свободна,
И в любви свободен человек,
Только то лишь сердце благородно,
Что умеет полюбить навек».

Я смотрел в глаза ее большие,
И я видел милое лицо
В рамке, где деревья золотые
С водами слились в одно кольцо.

И я думал: «Нет, любовь не это!
Как пожар в лесу, любовь — в судьбе,
Потому что даже без ответа
Я отныне обречен тебе».

276. ПОЗОР

Вероятно, в жизни предыдущей
Я зарезал и отца и мать,
Если в этой — боже присносуший! —
Так жестоко осужден страдать.

Если б кликнул я мою собаку,
Посмотрел на моего коня,
Моему не повинуюсь знаку,
Звери бы умчались от меня.

Если б подошел я к пене моря,
Так давно знакомой и родной,
Море почернело бы от горя,
Быстро отступая предо мной.

Каждый день мой, как мертвец, спокойный,
Все дела чужие, не мои,
Лишь томленье вовсе недостойной,
Вовсе платонической любви.

Пусть приходит смертное томленье,
Мне оно не помешает ждать,
Что в моем грядущем воплощенье
Сделаюсь я воином опять.

Мой альбом, где страсть сквозит без меры
В каждой мной отточенной строфе,
Дивным покровительством Венеры
Спасся он от ауто да фэ.

И потом — да славится наука! —
Будет в библиотеке стоять
Вашего расчетливого внука
В год две тысячи и двадцать пять.

Но американец длинноносый
Променяет Фриско на Тамбов,
Сердцем вспомнив русские березы,
Звон малиновый колоколов.

Гостем явит он себя достойным
И, узнав, что был такой поэт,
Мой (и Ваш) альбом с письмом пристойным
Он отправит в университет.

Мой биограф будет очень счастлив,
Будет удивляться два часа,
Как осел, перед которым в ясли
Свежего насыпали овса.

Вот и монография готова,
Фолиант почтенной толщины:
«О любви несчастной Гумилева
В год четвертый мировой войны».

И когда тогдашние Лигейи,
С взорами, где ангелы живут,
Со щеками лепестка свежее,
Прочитают сей почтенный труд,

Каждая подумает уныло,
Легкого презренья не тая:
«Я б американца не любила,
А любила бы поэта я».

Лишь черный бархат, на котором
 Забыт сияющий алмаз,
 Сумею я сравнить со взором
 Ее почти поющих глаз.

Ее фарфоровое тело
 Томит неясной белизной,
 Как лепесток сирени белой
 Под умирающей луной.

Пусть руки нежно-восковые,
 Но кровь в них так же горяча,
 Как перед образом Марии
 Неугасимая свеча.

И вся она легка, как птица
 Осенней ясною порой,
 Уже готовая проститься
 С печальной северной страной.

Пролетала золотая ночь
 И на миг замедлила в пути,
 Мне, как другу, захотев помочь,
 Ваши письма думала найти —

Те, что Вы не написали мне...
 А потом присела на кровать
 И сказала: «Знаешь, в тишине
 Хорошо бывает помечтать!

Та, другая, вероятно, зла,
 Ей с тобой встречаться даже лень,
 Полюби меня, ведь я светла,
 Так светла, что не светлей и день.

Много расцветает черных роз
 В потайных колодцах у меня,
 словно крылья пламенных стрекоз,
 Пляшут искры синего огня.

Тот же пламень и в глазах твоих
В миг, когда ты думаешь о ней...
Для тебя сдержу я вороных
Неподатливых моих коней».

Ночь, молю, не мучь меня! Мой рок
Слишком и без этого тяжел,
Неужели, если бы я мог,
От нее давно б я не ушел?

Смертной скорбью я теперь скорблю,
Но какой я дам тебе ответ,
Прежде чем ей не скажу «люблю»
И она мне не ответит «нет».

280

Однообразные мелькают
Всё с той же болью дни мои,
Как будто розы опадают
И умирают соловьи.

Но и она печальна тоже,
Мне приказавшая любовь,
И под ее атласной кожей
Бежит отравленная кровь.

И если я живу на свете,
То лишь из-за одной мечты:
Мы оба, как слепые дети,
Пойдем на горные хребты,

Туда, где бродят только козы,
В мир самых белых облаков,
Искать увянувшие розы
И слушать мертвых соловьев.

Отвечай мне, картонажный мастер,
 Что ты думал, делая альбом
 Для стихов о самой нежной страсти
 Толщиною в настоящий том?

Картонажный мастер, глупый, глупый,
 Видишь, кончилась моя страда,
 Губы милой были слишком скупы,
 Сердце не дрожало никогда.

Страсть пропела песней лебединой,
 Никогда ей не запеть опять,
 Так же как и женщине с мужчиной
 Никогда друг друга не понять.

Но поет мне голос настоящий,
 Голос жизни близкой для меня,
 Звонкий, словно водопад гремющий,
 Словно гул растущего огня:

«В этом мире есть большие звезды,
 В этом мире есть моря и горы,
 Здесь любила Беатриче Данта,
 Здесь ахейцы разорили Трою!
 Если ты теперь же не забудешь
 Девушку с огромными глазами,
 Девушку с искусными речами,
 Девушку, которой ты не нужен,
 То и жить ты, значит, недостоин».

Дремала душа, как слепая,
 Так пыльные спят зеркала,
 Но солнечным облаком рая
 Ты в темное сердце вошла.

Не знал я, что в сердце так много
 Созвездий слепящих таких,
 Чтоб вымолить счастье у бога
 Для глаз говорящих твоих.

Не знал я, что в сердце так много
Созвучий звенящих таких,
Чтоб вымолить счастье у бога
Для губ полудетских твоих.

И рад я, что сердце богато,
Ведь тело твое из огня,
Душа твоя дивно крылата,
Певучая ты для меня.

283

Я вырван был из жизни тесной,
Из жизни скудной и простой
Твоей мучительной, чудесной,
Неотвратимой красотой.

И умер я... и видел пламя,
Не виданное никогда:
Пред ослепленными глазами
Светилась синяя звезда.

Преображая дух и тело,
Напев вставал и падал вновь.
То говорила и звенела
Твоя поющей лютней кровь.

И запах огненной и слаще
Всего, что в жизни я найду,
И даже лилии, стоящей
В высоком ангельском саду.

И вдруг из глуби осиянной
Возник обратно мир земной.
Ты птицей раненой неожиданно
Затрепетала предо мной.

Ты повторяла: «Я страдаю»,
Но что же делать мне, когда
Я наконец так сладко знаю,
Что ты — лишь синяя звезда.

В этот мой благословенный вечер
Собрались ко мне мои друзья,
Все, которых я очеловечил,
Выведа их из небытия.

Гондла разговаривал с Гафизом
О любви Гафиза и своей,
И над ним склонялись по карнизам
Головы волков и лебедей.

Муза Дальних Странствий обнимала
Зою, как сестру свою теперь,
И лизал им ноги небывалый,
Золотой и шестикрылый зверь.

Мик с Луи подсели к капитанам,
Чтоб послушать о морских делах,
И перед любезным Дон Жуаном
Фанни сладкий чувствовала страх.

И по стенам начинались танцы,
Двигались фигуры на холстах,
Обезумели камбоджианцы
На конях и боевых слонах.

Заливались вышитые птицы,
А дракон плясал уже без сил,
Даже Будда начал шевелиться
И понюхать розу попросил.

И светились звезды золотые,
Приглашенные на торжество,
Словно апельсины восковые,
Те, что подадут на Рождество.

«Тише крики, смолкните напевы! —
Я вскричал. — И будем все грустны,
Потому что с нами нету девы,
Для которой все мы рождены».

И пошли мы, пара вслед за парой,
Словно фантастический эстамп,
Через переулки и бульвары
К тупику близ улицы Декамп.

Неужели мы вам не приснились,
Милая с таким печальным ртом,
Мы, которые всю ночь толпились
Перед занавешенным окном.

285

Еще не раз Вы вспомните меня
И весь мой мир волнующий и странный,
Нелепый мир из песен и огня,
Но меж других единый необманный.

Он мог стать Вашим тоже и не стал,
Его Вам было мало или много,
Должно быть, плохо я стихи писал
И Вас несправедно просил у бога.

Но каждый раз Вы склонитесь без сил
И скажете: «Я вспоминать не смею.
Ведь мир иной меня обворожил
Простой и грубой прелестью своею».

286

Так долго сердце боролось,
Слипались усталые веки,
Я думал, пропал мой голос,
Мой звонкий голос навеки.

Но Вы мне его возвратили,
Он вновь мое достоянье,
Вновь в памяти белых лилий
И синих миров сверканье.

Мне ведомы все дороги
На этой земле привольной...
Но Ваши милые ноги
В крови, и Вам бегать больно.

Какой-то маятник злобный
Владеет нашей судьбою,
Он ходит, мечу подобный,
Меж радостью и тоскою.

Тот миг, что я песнью своею
Доволен,— для Вас мученье...
Вам весело — я жалею
О дне моего рожденья.

287

Я говорил: «Ты хочешь, хочешь?
Могу я быть тобой любим?
Ты счастье странное пророчишь
Гортанным голосом твоим.

А я плачу за счастье много,
Мой дом — из звезд и песен дом,
И будет сладкая тревога
Расти при имени твоём.

И скажут: «Что он? Только скрипка,
Покорно плачущая, он,
Ее единая улыбка
Рождает этот дивный звон».

И скажут: „То луна и море,
Двойко отраженный свет,—
И после: — О какое горе,
Что женщины такой же нет!“»

Но, не ответив мне ни слова,
Она задумчиво прошла,
Она не сделала мне злого,
И жизнь по-прежнему светла.

Ко мне нисходят серафимы,
Пою я полночи и дню,
Но вместо женщины любимой
Цветок засушенный храню.

Ты не могла иль не хотела
 Мою почувствовать истому,
 Свое дурмящее тело
 И сердце бережешь другому.

Зато, когда перед бедою
 Я обессилю, стиснув зубы,
 Ты не придешь смочить водою
 Мои запекшиеся губы.

В часы последнего усилия,
 Когда и ангелы заплещут,
 Твои сияющие крылья
 Передо мной не затрепещут.

И ввстречу радостной победе
 Мое ликующее знамя
 Ты не поднимешь в реве меди
 Своими нежными руками.

И ты меня забудешь скоро,
 И я не стану думать, вольный,
 О милой девочке, с которой
 Мне было нестерпимо больно.

Нежно-небывалая отрада
 Прикоснулась к моему плечу,
 И теперь мне ничего не надо,
 Ни тебя, ни счастья не хочу.

Лишь одно бы принял я не споря —
 Тихий, тихий золотой покой
 Да двенадцать тысяч футов моря
 Над моей пробитой головой.

Что же думать, как бы сладко нежил
 Тот покой и вечный гул томил,
 Если б только никогда я не жил,
 Никогда не пел и не любил.

Ты пожалела, ты простила
И даже руку подала мне,
Когда в душе, где смерть бродила,
И камня не было на камне.

Так победитель благородный
Предоставляет без сомненья
Тому, кто был сейчас свободный,
И жизнь и даже часть имения.

Всё, что бессонными ночами
Из тьмы души я вызвал к свету,
Всё, что даровано богами
Мне, воину, и мне, поэту,

Всё, пред твоей склоняясь властью,
Всё дам и ничего не скрою
За ослепительное счастье
Хоть иногда побыть с тобою.

Лишь песен не проси ты милых,
Таких, как я слагал когда-то,
Ты знаешь, я их петь не в силах
Скрипучим голосом кастрата.

Не накази меня за эти
Слова, не ввергни снова в бездну,—
Когда-нибудь при лунном свете,
Раб истомленный, я исчезну.

Я побегу в пустынном поле
Через канавы и заборы,
Забыв себя и ужас боли,
И все условия, договоры.

И не узнаешь никогда ты,
Чтоб в сердце не вошла тревога,
В какой болотине проклятой
Моя окончилась дорога.

Неизгладимы, нет, в моей судьбе
 Твой детский рот и смелый взор девический,
 Вот почему, мечтая о тебе,
 Я говорю и думаю ритмически.

Я чувствую огромные моря,
 Колеблемые лунным притяженьем,
 И сонмы звезд, что движутся горя,
 От века предназначенным движеньем.

О, если б ты всегда была со мной,
 Улыбчиво-благая, настоящая,
 На звезды я бы мог ступить ногой
 И солнце б целовал в уста горящие.

292. ДЕВОЧКА

Временами, не справясь с тоскою
 И не в силах смотреть и дышать,
 Я, глаза закрывая рукою,
 О тебе начинаю мечтать.

Не о девушке тонкой и томной,
 Как тебя увидали бы все,
 А о девочке тихой и скромной,
 Наклоненной над книжкой Мюссе.

День, когда ты узнала впервые,
 Что есть Индия — чудо чудес,
 Что есть тигры и пальмы святые —
 Для меня этот день не исчез.

Иногда ты смотрела на море,
 А над морем сходилась гроза.
 И совсем настоящее горе
 Застилало туманом глаза.

Почему по побережьям безмолвным
 Не взноситься дворцам золотым?
 Почему по светящимся волнам
 Не приходит к тебе серафим?

И я знаю, что в детской постели
Не спалось вечерами тебе.
Сердце билось, и взоры блестели.
О большой ты мечтала судьбе.

Утонув с головой в одеяле,
Ты хотела стать солнца светлей,
Чтобы люди тебя называли
Счастьем, лучшей надеждой своей.

Этот мир не слукавил с тобою,
Ты внезапно прорезала тьму,
Ты явилась слепящей звездой,
Хоть не всем — только мне одному.

Но теперь ты не та, ты забыла
Всё, чем в детстве ты думала стать.
Где надежда? Весь мир — как могила.
Счастье где? Я не в силах дышать.

И таинственный твой собеседник,
Вот я душу мою отдаю
За твой маленький детский передник,
За разбитую куклу твою.

293

На путях зеленых и земных
Горько счастлив темной я судьбою.
А стихи? Ведь ты мне шепчешь их,
Тайно наклоняясь надо мною.

Ты была безумием моим
Или дивной мудростью моею,
Так когда-то грозный серафим
Говорил тоскующему змею:

«Тьмы тысячелетий протекут,
И ты будешь биться в клетке тесной,
Прежде чем настанет Страшный суд,
Сын придет и Дух придет Небесный.

Это выше нас, и лишь когда
Протекут назначенные сроки,
Утренняя, грешная звезда,
Ты придешь к нам, брат печальноокий.

Нежный брат мой, вновь крылатый брат,
Бывший то властителем, то нищим,
За стенами рая новый сад,
Лучший сад с тобою мы отыщем.

Там, где плещет сладкая вода,
Вновь соединим мы наши руки,
Утренняя, милая звезда,
Мы не вспомним о былой разлуке».

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

294

Я в лес бежал из городов,
В пустыню от людей бежал...
Теперь молиться я готов,
Рыдать, как прежде не рыдал.

Вот я один с самим собой...
Пора, пора мне отдохнуть:
Свет беспощадный, свет слепой
Мой выпил мозг, мне выжег грудь.

Я грешник страшный, я злодей:
Мне бог бороться силы дал,
Любил я правду и людей,
Но растоптал я идеал...

Я мог бороться, но, как раб,
Позорно струсив, отступил
И, говоря: «Увы, я слаб!» —
Свои стремленья задавил...

Я грешник страшный, я злодей...
Прости, господь, прости меня,
Душе измученной моей
Прости, раскаянье ценя!..

Есть люди с пламенной душой,
Есть люди с жаждою добра,
Ты им вручи свой стяг святой,
Их манит и влечет борьба.
Меня ж прости!..

Я в лесу бегу из города

В пустыню от людей бегу

Полночь, слышится а шепот

Рыдания, как прежде в пещерах

Встаю и дышу со своим собой

Путь, куда мне двигаться

Слова беззвучные, слова слепые

Мой бег — не игра, моя бегущая гоним.

Я слышу шум уличной, а зову

Мой бег — бегущая душа моя

Сегодня у берега нашего бросил
 Свой якорь досель незнакомый корабль,
 Мы видели отблески пурпурных весел,
 Мы слышали смех и бряцание сабель.

Тяжелые грузы корицы и перца,
 Красивые камни и шкуры пантер,
 Всё, всё, что ласкает надменное сердце,
 На том корабле нам привез Люцифер.

Мы долго не ведали, враг это, друг ли,
 Но вот капитан его в город вошел,
 И черные очи горели, как угли,
 И странные знаки пестрили камзол.

За ним мы спешили толпою влюбленной,
 Смеялись при виде неожиданных чудес,
 Но старый наш патер, святой и ученый,
 Сказал нам, что это противник небес.

Что суд приближается страшный, последний,
 Что надо молиться для встречи конца...
 Но мы не поверили в скучные бредни
 И с гневом прогнали седого глупца.

Ушел он в свой домик, заросший сиренью,
 Со стаею белых своих голубей...
 А мы отделися душой наслажденью,
 Веселым безумьям богатых людей.

Мы сделали гостя своим бургомистром —
 Царей не бывало издавна у нас,—
 Дивились движеньям, красивым и быстрым,
 И молниям черных, пылающих глаз.

Мы строили башни, высоки и гулки,
 Украсили город, как стены дворца,
 Остался лишь бедный, в глухом переулке,
 Сиреневый домик седого глупца.

Он враг золотого, роскошного царства,
 Средь яркого пира он горестный крик,

Он давит нам сердце, лишенный коварства,
Влюбленный в безгрешность седой бунтовщик.

Довольно печали, довольно томлений!
Омоем сердца от последних скорбей!
Сегодня пойдем мы и вырвем сирени,
Камнями и криком спугнем голубей.

296. ФРАНЦИЯ

О Франция, ты призрак сна,
Ты только образ, вечно милый,
Ты только слабая жена
Народов грубости и силы.

Твоя разряженная рать,
Твои мечи, твои знамена —
Они не в силах отражать
Тебе враждебные племена.

Когда примчалася война
С железной тучей иноземцев,
То ты была покорена
И ты была в плену у немцев.

И раньше... Вспомни страшный год,
Когда слабел твой гордый идол.
Его испуганный народ
Врагу властительному выдал.

Заслыша тяжких ратей гром,
Ты трепетала, точно птица,
И вот на берегу глухом
Стоит великая гробница.

А твой веселый, звонкий рог,
Победный рог завоеваний,
Теперь он беден и убог,
Он только яд твоих мечтаний.

И ты стоишь, обнажена,
На золотом роскошном троне,
Но красота твоя, жена,
Тебе спасительнее брони.

Где пел Гюго, где жил Вольтер,
Страдал Бодлер, богов товарищ
Там не посмеет изувер
Плясать на зареве пожарищ.

И если близок час войны
И ты осуждена к паденью,
То вечно будут наши сны
С твоей блуждающею тенью.

И нет, не нам, твоим жрецам,
Разбить в куски скрижаль закона
И бросить пламя в Notre-Dame,
Разрушить стены Пантеона.

Твоя война — для нас война.
Покинь же сумрачные станы,
Чтоб песней, звонкой, как струна,
Целить запекшиеся раны.

Что значит в битве алость губ?
Ты только сказка, отойди же.
Лишь через наш холодный труп
Пройдут враги, чтоб быть в Париже.

297

Зачарованный викинг, я шел по земле,
Я в душе согласил жизнь потока и скал,
Я скрывался во мгле на моем корабле,
Ничего не просил, ничего не желал.

В ярком солнечном свете — надменный павлин,
В час ненастья — внезапно свирепый орел,
Я в тревоге пучин встретил остров ундин,
Я летучее счастье, блуждая, нашел.

Да, я знал, оно жило и пело давно,
В дикой буре его сохранилась печать,
И смеялось оно, опускаясь на дно,
Поднимаясь к лазури, смеялось опять.

Изумрудьем покрыло земные пути,
Зажигало лиловьем морскую волну...
Я не смел подойти и не мог отойти
И не в силах был словом порвать тишину.

298

Слушай веления мудрых
Мыслей пленительный танец,
Бойся у дев златокудых
Нежный заметить румянец.

От непостижного скройся —
Страшно остаться во мраке.
Ночью весеннею бойся
Рвать заалевшие маки.

Девичьи взоры неверны,
Вспомни сказанья Востока:
Пояс на каждой пантерный,
Дума у каждой жестока.

Сердце пронзенное вспомни,
Пурпурный сок виноградин.
Вспомни, нет муки огромней,
Нет у тоски безотрадней.

Вечером смолкни и слушай,
Грезам отдавшись беспечным.
Слышишь, вечерние души
Шепчут о нежном и вечном.

Ласковы быстрые миги,
Строги высокие свечи,
Мудрые, старые книги
Знающих тихие речи.

299

За часом час бежит и падает во тьму,
Но властно мой флюид прикован к твоему.

Сомкнулся круг навек, его не разорвать,
На нем нездешних рек священная печать.

Явления волшебства — лишь игры вечных числ,
Я знаю все слова и их сокрытый смысл.

Я все их спросил, но нет ни одного
Сильнее тайны сил флюида твоего.

Да, знание — сладкий мед, но знание не спасет,
Когда закон зовет и время настает.

За часом час бежит, я падаю во тьму,
За то что мой флюид покорен твоему.

300

За стенами старого аббатства —
Мне рассказывал его привратник —
Что ни ночь творятся святотатства:
Приезжает неизвестный всадник,

В черной мантии, большой и неуклюжий,
Он идет двором, сжимая губы,
Медленно ступая через лужи,
Пачкает в грязи свои раструбы.

Отодвинув тяжкие засовы,
На пороге суетятся духи,
Жабы и полуночные совы,
Колдуны и дикие старухи.

И всю ночь звучит зловещий хохот
В коридорах гулких и во храме,
Песни, танцы и тяжелый грохот
Сапогов, подкованных гвоздями.

Но наутро в диком шуме оргий
Слышны крики ужаса и злости.
То идет с мечом святой Георгий,
Что иссечен из слоновой кости.

Видя гневно сдвинутые брови,
Демоны спасаются в испуге,
И наутро видны капли крови
На его серебряной кольчуге.

301

На камине свеча догорала, мигая,
Отвечая дрожаньем случайному звуку,
Он, согнувшись, сидел на полу, размышляя,
Долго ль можно терпеть нестерпимую муку.

Вспоминал о любви, об ушедшей невесте,
Об обрывках давно миновавших событий,
И шептал: «О, убейте меня, о, повесьте,
Забросайте камнями, как пса задавите!»

В набегающем ужасе странной разлуки
Ударял себя в грудь, иступленьем объятый,
Но не слушались жалко повисшие руки
И их мускулы дряблые, словно из ваты.

Он молился о смерти... навеки, навеки
Успокоит она, тишиной обнимая,
И забудет он горы, равнины и реки,
Где когда-то она проходила живая!

Но предателем сзади подкралось раздумье,
И он понял: конец роковой самовластью.
И во мраке ему улыбнулось безумье
Лошадиной оскаленной пастью.

302

Неслышный, мелкий падал дождь,
Вдали чернели купы рощ,
Я шел один средь трав высоких,
Я шел и плакал тяжело,
И проклинал творящих зло,
Преступных, гневных и жестоких.

И я увидел пришлеца:
С могильной бледностью лица
И с пересохшими губами,
В хитоне белом, дорогом,
Как бы упившийся вином,
Он шел неверными шагами.

И он кричал: «Смотрите все,
Как блещут искры на росе,
Как дышат томные растенья,
И Солнце, золотистый плод,
В прозрачном воздухе плывет,
Как ангел с песней Воскресенья.

Как звезды, праздничны глаза,
Как травы, вьются волоса,
И нет в душе печалям места
За то, что я убил тебя,
Склоняясь, плача и любя,
Моя царица и невеста».

И всё сильнее падал дождь,
И всё чернели пуши рощ,
И я промолвил строго-внятно:
«Убийца, вспомни божий страх,
Смотри, на дорогах шелках
Как кровь алеющие пятна».

Но я отпрянул, удивлен,
Когда он свой раскрыл хитон
И показал на сердце рану.
Из ней дымящаяся кровь
То тихо капала, то вновь
Струею падала по стану.

И он исчез в холодной тьме,
А на задумчивом холме
Рыдала горестная дева,
И я задумался светло
И полюбил творящих зло
И пламя их святого гнева

Как труп, бессилен небосклон,
 Земля — как уличенный тать.
 Преступно-тайных похорон
 На ней зловещая печать.
 Ум человеческий смущен,
 В его глубинах — черный страх,
 Как стая траурных ворон
 На обессиленных полях.

Но где же солнце, где луна?
 Где сказка — жизнь и тайна — смерть?
 И неужели не пьяна
 Их золотою песней твердь?
 И неужели не видна
 Судьба — их радостная мать,
 Что пеной жгучего вина
 Любила смертных опьянять.

Напрасно ловит робкий взгляд
 На горизонте новых стран.
 Там только ужас, только яд,
 Змеею жалящий туман.
 И волны глухо говорят,
 Что в море бурный шквал унес
 На дно к обителям наяд
 Ладью, в которой плыл Христос.

На льдах тоскующего полюса,
 Где небосклон туманом стерт,
 Я без движенья и без голоса,
 Окровавленный, распростерт.

Глаза нагнувшегося демона,
 Его лукавые уста...
 И манит смерть; всегда, везде она
 Так непостижна и проста.

Из двух соблазнов — что я выберу,
 Что слаще — сон иль горечь слез?

Нет, буду ждать, чтоб мне, как рыбарю,
Явился в облаке Христос.

Он превращает в звезды горести,
В напиток солнца — жгучий яд
И созидает в мертвом хворосте
Никейских лилий белый сад.

305. БОЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ

Меня терзает злой недуг,
Я вся во власти яда жизни,
И стыдно мне моих подруг
В моей сверкающей отчизне.

При свете пламенных зарниц
Дрожат под плетью наслаждений
Толпы людей, зверей, и птиц,
И насекомых, и растений.

Их отвратительным теплом
И я согретая невольно,
Несусь в пространстве голубом,
Твердя старинное «довольно».

Светила смотрят всё мрачней,
Но час тоски моей недолог,
И скоро в бездну мир червей
Помчит озлобленный осколок.

Комет бегущих душный чад
Убьет остатки атмосферы,
И диким ревом зарычат
Пустыни, горы и пещеры.

И ляжет жизнь в моей пыли,
Пьяна от сока смертных гроздий,
Сгниют и примут вид земли
Повсюду брошенные кости.

И снова будет торжество,
И снова буду я единой:
Необозримые равнины
И на равнинах никого.

Пусть будет стих твой гибок, но упруг,
 Как тополь зеленеющей долины,
 Как грудь земли, куда вонзился плуг,
 Как девушка, не знавшая мужчины.

Уверенную строгость береги:
 Твой стих не должен ни порхать, ни биться.
 Хотя у музы легкие шаги,
 Она богиня, а не танцовщица.

И перебойных рифм веселый гам,
 Соблазн уклонов легкий и свободный
 Оставь, оставь покрашенным шутам,
 Танцующим на площади народной.

И, выйдя на священные тропы,
 Певучести пошли свои проклятья.
 Пойми: она любовница толпы,
 Как милостыни, ждет она объятья.

307

Под рукой уверенной поэта
 Струны трепетали в легком звоне,
 Струны золотые, как браслеты
 Сумрачной царицы беззаконий.

Опьянили зовы сладострастья,
 И спешили поздние зарницы,
 Но недаром звякнули запястья
 На руках бледнеющей царицы

И недаром взоры заблистали:
 Раб делил с ней счастье этой ночи,
 Лиру положили в лучшей зале,
 А поэту выкололи очи.

Тревожный обломок старинных потемок,
 Дитя позабытых народом царей
 С мерцанием взора на зыби Босфора
 Следит ускользящий бег кораблей.

Прекрасны и грубы влекущие губы
 И странно красивый изогнутый нос,
 Но взоры унылы, как холод могилы,
 И страшен разбросанный сумрак волос.

У ног ее рыцарь, надменный, как птица,
 Как серый орел пиренейских снегов.
 Он отдал сраженья за крик наслажденья,
 За женский, доступный для многих альков.

Напрасно гремели о нем менестрели,
 Его отличали в боях короли —
 Он смотрит, безмолвный, как знойные волны,
 Дрожа, пересекают его корабли.

И долго он будет ласкать эти груди
 И взором ловить ускользящий взор,
 А утром спокойный, красивый и стройный
 Он голову склонит под меткий топор.

И снова в апреле заплачут свирели,
 Среди облаков закричат журавли
 И в сад кипарисов от западных мысов
 За сладким позором придут корабли.

И снова царица замрет, как блудница,
 Дразнящее тело свое обнажив,
 Лишь будет печальней, дрожа в своей спальне:
 В душе ее мертвый останется жив.

Так сердце Комнены не знает измены,
 Но знает безумную жажду игры
 И темные муки терзающей скуки,
 Сковавшей забытые смертью миры.

309. КОЛОКОЛ

Медный колокол на башне
Тяжким гулом загудел,
Чтоб огонь горел бесстрашной,
Чтобы бешеные люди
Праздник правили на груди
Изуродованных тел.

Звук помчался в дымном поле,
Повторяя слово «смерть»,
И от ужаса и боли
В норы прятались лисицы,
А испуганные птицы
Летом взрезывали твердь.

Дальше звал он, точно пенье,
К созидающей борьбе.
Люди мирного селенья,
Люди плуга брали молот,
Презирая зной и холод,
Храмы строили себе.

А потом он умер, сонный,
И мечтали пастушки:
«Это, верно, бог влюбленный,
Приближаясь к светлой цели,
Нежным рокотом свирели
Опечалил тростники».

310. ВОСПОМИНАНЬЕ

Когда в полночной тишине
Мелькнет крылом и крикнет филин,
Ты вдруг прислонишься к стене,
Волненьем сумрачным осилен.

О чем напомнит этот звук,
Загадка вещая для слуха?
Какую смену древних мук,
Какое жало в недрах духа?

Былое память воскресит
И снова с плачем похоронит
Восторг, который был открыт
И не был узнан, не был понят.

Тот сон, что в жизни ты искал,
Внезапно делается ложным,
И мертвым черепом оскал
Тебе шепнет о невозможном.

Ты прислоняешься к стене,
А в сердце ужас и тревога.
Так страшно слышать в тишине
Шаги неведомого бога.

Но миг! И, чуя близкий плен,
С душой, отдавшейся дремоте,
Ты промелькнешь средь белых пен
В береговом водовороте.

311. СУДНЫЙ ДЕНЬ

В. И. Иванову

Раскроется серебряная книга,
Пылающая магия полудней,
И станет храмом брошенная рига,
Где, нищий, я дремал во мраке будней.

Священных схим озлобленный расстрига,
Я принял мир и горестный, и трудный,
Но тяжкая на грудь легла верига,
Я вижу свет... то день подходит Судный.

Не смирну, не бдолах, не кость слоновью —
Я приношу зовущему пророку
Багряный ток из виноградин сердца.

И он во мне поймет единоверца,
Залитого, как он, во славу Року
Блаженно расточаемую кровью.

Нежданно пал на наши рощи иней,
Он не сходил так много-много дней,
И полз туман, и делались тесней
От сорных трав просветы пальм и пиний.

Гортани жег пахучий яд глициний,
И стыла кровь, и взор глядел тусклей,
Когда у стен раздался храп коней,
Блеснула сталь, пронесся крик эриний.

Звериный плащ полуспустил с плеча,
Запасы стрел еще не расточа,
Как груды скал, задумчивы и буры,

Они пришли, губители богов,
Соперники летучих облаков,
Неистовые воины Ассиры.

Она говорила: «Любимый, любимый,
Ты болен мечтою, ты хочешь и ждешь,
Но память о прошлом, как ратник незримый,
Взнесла над тобой угрожающий нож.

О чем же ты грезишь с такою любовью,
Какую ты ищешь себе Госпожу?
Смотри, я прильну к твоему изголовью
И вечные сказки тебе расскажу.

Ты знаешь, что женское тело могуче,
В нем радости всех неизведанных стран,
Ты знаешь, что женское сердце певуче,
Умеет целить от тоски и от ран.

Ты знаешь, что, робко себя сберегая,
Невинное тело от ласки тая,
Тебя никогда не полюбит другая
Такой беспредельной любовью, как я».

Она говорила, но, полный печали,
Он думал о тонких руках, но иных:
Они никогда никого не ласкали
И крестные язвы застыли на них.

314

Аддис-Абеба, город роз.
На берегу ручьев прозрачных,
Небесный див тебя принес,
Алмазный, средь ущелий мрачных.

Армидин сад... Там пилигрим
Хранит обет любви неясной.
Мы все склоняемся пред ним,
А розы душины, розы красны.

Там смотрит в душу чей-то взор,
Отравы полный и обманов,
В садах высоких сикомор,
Аллеях сумрачных платанов.

315. ТОСКА ПО МОРЕЮ

Я молчу — во взорах видно горе,
Говорю — мои слова так злы.
Ах, когда ж я вновь увижу в море
Синие и пенные валы.

Белый парус, белых, белых чаек
Или ночью длинный лунный мост,
Позабыв о прошлом и не чая
Ничего в грядущем, кроме звезд!

Видно, я суровому Нерею
Смог когда-то очень угодить,
Что теперь — его, и не умею
Ни полей, ни леса полюбить.

Я томлюсь, мне многого не надо,
Только — моря с четырех сторон.
Не была ль сестрою мне наяда,
Нежным братом лапчатый тритон?

Боже! Будь я самым сильным князем,
Но живи от моря вдалеке,
Я б, наверно, повалившись наземь,
Грыз ее и бил в глухой тоске!

316

Всё ясно для тихого взора:
И царский венец, и суму,
Суму нищеты и позора,—
Я всё беспечально возьму.

Пойду я в шумящие роши,
В забытый хозяином сад,
Чтоб ельник, корявый и тощий,
Внезапно обрадовал взгляд.

Там брошу лохмотья и лягу,
И буду во сне королем,
А люди увидят бродягу
С бескровно-землистым лицом.

Я знаю, что я зачарован
Заклятьем сумы и венца,
И если б я был коронован,
Мне снилась бы степь без конца.

317. РОЖДЕСТВО В АБИССИНИИ

Месяц встал. Ну что ж, охота?
Я сказал слуге: «Пора!
Нынче ночью у болота
Надо выследить бобра».

Но, осклабясь для ответа,
Чуть скрывая торжество,
Он воскликнул: «Что ты, гета,¹
Завтра будет рождество.

И сегодня ночью звери:
Львы, слоны и мелкота —
Все придут к небесной двери,
Будут радовать Христа.

Ни один из них вначале
На других не нападет,
Не укусит, не ужалит,
Не лягнет и не боднет.

А когда, людьми не знаем,
В поле выйдет светлый бог,
Все с мычаньем, ревом, лаем
У его столпятся ног.

Будь ты зрячим, ты б увидел
Там и своего бобра,
Но когда б его обидел,
Мало было бы добра».

.

Я ответил: «Спать пора!»

318. НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Замирает дыханье и ярче становятся взоры
Перед сладко волнующим ликом твоим, Неизвестность,
Как у путника, дерзко вступившего в дикие горы
И смущенного видеть еще неоткрытую местность.

В каждой травке намека на возможность несбыточной
встречи,
Этот грот — обиталище феи всегда легкокрылой,
Миг... и выйдет, атласные руки положит на плечи
И совсем замирающим голосом вымолвит: «Милый!»

¹ Гета — по-абиссински господин.

У нее есть хранитель, волшебник ревнивый и страшный,
Он отмстит, он, как сеть, опутает душу печалью.
...И поверить нельзя, что и здесь, как повсюду,
всегдашний,
Бродит школьный учитель, томя прописною моралью.

319. В САДУ

Целый вечер в саду рокотал соловей,
И скамейка в далекой аллее ждала,
И томила весна... Но она не пришла,
Не хотела иль просто пугалась ветвей.

Оттого ли, что было томиться невмочь,
Оттого ли, что издали плакал рояль,
Было жаль соловья, и аллею, и ночь,
И кого-то еще было тягостно жаль.

— Не себя! Я умею быть светлым, грустя;
Не ее! Если хочет, пусть будет такой.
...Но зачем этот день, как больное дитя,
Умирал, не отмеченный божьей рукой.

320. ЛИЛОВЫЙ ЦВЕТОК

Вечерние тихи заклатья,
Печаль голубой темноты,
Я вижу не лица, а платья,
А может быть, только цветы.

Так радует серо-зеленый,
Живой и стремительный весь,
И, может быть к счастью, влюбленный
В кого-то чужого... не здесь.

Но душно мне... я зачарован;
Ковер подо мной словно сеть;
Хочу быть спокойным — взволнован,
Смотрю — а хочу не смотреть.

Смолкает веселое слово,
И ярче пылание щек;
То мучит, то нежит лиловый,
Томящий и странный цветок.

321

Когда я был влюблен (а я влюблен
Всегда — в идею, женщину иль запах),
Мне захотелось воплотить свой сон
Причудливей, чем Рим при грешных папах.

Я нанял комнату с одним окном,
Приют швеи, иссохшей над машинкой,
Где, верно, жил облезлый старый гном,
Питавшийся оброненной сардинкой.

Я стол к стене подвинул, на комод
Рядком поставил альманахи «Знание»,
Открытки — так, чтоб даже готтентот
В священное пришел негодование.

Она вошла, спокойно и светло,
Потом остановилась изумленно.
От ломовых в окне тряслось стекло.
Будильник тикал злобно-однотонно.

И я сказал: «Царица, вы одни
Сумели воплотить всю роскошь мира;
Как розовые птицы, ваши дни,
Влюбленность ваша — музыка клавира.

Ах, бог любви, заоблачный поэт,
Вас наградил совсем особой меткой,
И нет таких, как вы»... Она в ответ
Задумчиво кивала мне эгреткой.

Я продолжал (и тупо за стеной
Звучал мотив надтреснутой шарманки):
«Мне хочется увидеть вас иной,
С лицом забытой богом гувернантки.

И чтоб вы мне шептали: «Я твоя»,
Или еще: «Приди в мои объятия».
О, сладкий холод грубого белья,
И слезы, и поношенное платье.

А уходя, возьмите денег: мать
У вас больна иль вам нужны наряды...
Как скучно всё, мне хочется играть
И вами, и собою без пощады...»

Она, прищурясь, поднялась в ответ;
В глазах светились злоба и страдание:
«Да, это очень тонко, вы поэт,
Но я к вам на минуту, до свиданья».

Прелестницы, теперь я научен,
Попробуйте прийти, и вы найдете
Духи, цветы, старинный медальон,
Обри Бердслея в строгом переплете.

322. ОСВОБОЖДЕНИЕ

Кончено! Дверь распахнулась пред ним, заключенным:
Руки не чувствуют холода цепи тяжелой,
Грустно расстаться ему с пауком прирученным,
С хилым тюремным цветком пичиоллой,

Жалко тюремщика... (он иногда улыбался
Странно-печально)... и друга за тяжким затвором...
Или столба, на котором однажды качался
Тот, кого люди называли убийцей и вором...

Жалко! Но только как призрак растаяли стены —
В темных глазах нетерпенье, восторг и коварство:
Солнце пьянит его, солнце вливается в вены,
В сердце... Изгнанник идет завоевывать царство.

Ангел лег у края небосклона.
 Наклоняясь, удивлялся безднам.
 Новый мир был темным и беззвездным.
 Ад молчал. Не слышалось ни стога.

Алой крови робкое биенье,
 Хрупких рук испуг и содроганье,
 Миру снов досталось в обладанье
 Ангела святое отраженье.

Тесно в мире! Пусть живет, мечтая
 О любви, о грусти и о тени,
 В сумраке предвечном открывая
 Азбуку своих же откровений.

324

Вечерний, медленный паук
 В траве сплетает паутину,—
 Надежды знак. Но, милый друг,
 Я взора на него не кину.

Всю обольстительность надежд,
 Не жизнь, а только сон о жизни,
 Я оставляю для невежд,
 Для сонных евнухов и слизней.

Мое «сегодня» на мечту
 Не променяю я и знаю,
 Что муки ада предпочту
 Лишь обещаемому раю,—

Чтоб в час, когда могильный мрак
 Вольется в сомкнутые вежды,
 Не засмеялся мне червяк,
 Паучьи высосав надежды.

Какою музыкой мой слух взволнован?
Чьим странным обликом я зачарован?

Душа прохладная, теперь опять
Ты мне позволила желать и ждать.

Душа просторная, как утром даль,
Ты убаюкала мою печаль.

Ее, любившую дорогу в храм,
Сложу молитвенно к твоим ногам.

Всё, всё, что искрилось в моей судьбе,
Всё, всё пропетое — тебе, тебе!

Нет тебя тревожней и капризней,
Но тебе предался я давно
Оттого, что много, много жизней
Ты умеешь волей слить в одно.

И сегодня... Небо было серо,
День прошел в томительном бреду,
За окном, на мокром дерне сквера,
Дети не играли в чехарду.

Ты смотрела старые гравюры,
Подпирая голову рукой,
И смешно-нелепые фигуры
Проходили скучной чередой.

«Посмотри, мой милый, видишь — птица,
Вот и всадник, конь его так быстр,
Но как странно хмурится и злится
Этот сановитый бургомистр!»

А потом читала мне про принца,
Был он нежен, набожен и чист,
И рукав мой кончиком мизинца
Трогала, поворачивая лист.

Но когда дневные смолкли звуки
И взошла над городом луна,
Ты внезапно заломила руки,
Стала так мучительно бледна.

Пред тобой смущенно и несмело
Я молчал, мечтая об одном:
Чтобы скрипка ласковая пела
И тебе о рае золотом.

327. ВИЛЛА БОРГЕЗЕ

Из камня серого иссеченные вазы.
И купы царственные ясени, и бук,
И от фонтанов ввысь летящие алмазы,
И тихим вечером баюкаемый луг.

В аллеях сумрачных затерянные пары
Так по-осеннему тревожны и бледны,
Как будто полночью их мучают кошмары
Иль пеньем ангелов сжигают душу сны.

Здесь принцы грезили о крови и железе,
А девы нежные о счастье вдвоем,
Здесь бледный кардинал пронзил себя ножом...

Но дальше, призраки! Над виллою Боргезе
Сквозь тучи золотом блеснула вышина:
То учит забывать встающая луна.

328. ФЛОРЕНЦИЯ

О сердце, ты неблагодарно!
Тебе — и розовый миндаль,
И горы, вставшие над Арно,
И запах трав, и в блесках даль.

Но, тайновидец дней минувших,
Твой взор мучительно следит
Ряды в бездонном потонувших,
Тебе завещанных обид.

Тебе нужны слова иные,
Иная, страшная пора.
...Вот грозно встала Синьория
И перед нею два костра.

Один, как шкура леопарда,
Разнообразьем вечно нов.
Там гибнет «Леда» Леонардо
Средь благовоний и шелков.

Другой, зловещий и тяжелый,
Как подобравшийся дракон,
Шипит: «Вотще Савонаролло
Мой дом державный потрясен».

Они ликуют, эти звери,
А между них, потупя взгляд,
Изгнанник бедный, Алигьери,
Стопой неспешной сходит в Ад.

329. ТРАЗИМЕНСКОЕ ОЗЕРО

Зеленое, всё в пенистых буграх,
Как горсть воды, из океана взятой,
Но пригоршней гиганта чуть разжатой,
Оно томится в плоских берегах.

Не блещет плуг на мокрых бороздах,
И медлен буйвол, грузный и рогатый,
Здесь темной думой удручен вожатый,
Здесь зреет хлеб, но лавр уже зачах.

Лишь иногда, наскучивши покоем,
С кипеньем, гулом, гиканьем и воем
Оно своих не хочет берегов.

Как будто вновь под ратью Ганнибала
Вздохнули скалы, слышен визг шакала
И трубный голос бешеных слонов.

Измучен огненной жарой,
Я лег за камнем на горе,
И солнце плыло надо мной,
И небо стало в серебре.

Цветы склонялись с высоты
На мрамор брошенной плиты,
Дышали нежно, и была
Плита горячая бела.

И ящер средь зеленых трав,
Как странный и большой цветок,
К лазури голову подняв,
Смотрел и двинуться не мог.

Ах, если б умер я в тот миг,
Я твердо знаю, я б проник
К богам, в Элизиум святой,
И пил бы нектар золотой.

А рай оставил бы для тех,
Кто помнит ночь и верит в грех,
Кто тайно каждому стеблю
Не говорит свое «люблю».

331

Скоро полночь, свеча догорела.
О, заснуть бы, заснуть поскорей,
Но смиряйся, проклятое тело,
Перед волей железной моей.

Как? Ты вновь прибегаешь к обману,
Притворяешься тихим; но лишь
Я забудусь: «Работать не стану,
Не хочу, не могу» — говоришь...

«Подожди, вот засну, и наутро,
Чуть последняя канет звезда,
Буду снова могуче и мудро,
Как тогда, как в былые года»...

Полно. Греза, бесстыдная сводня,
Задурманит тебя до утра,
И ты скажешь, лениво зевая,
Кулаками глаза протирая:
«Я не буду работать сегодня,
Надо было работать вчера».

332

Да! Мир хорош, как старец у порога,
Что путника ведет во имя бога
В заране предназначенный покой,
А вечером, простой и благодушный,
Приказывает дочери послушной
Войти к нему и стать его женой.

Но кто же я, отступник богомольный,
Обретший всё и вечно недовольный,
Сдружившийся с луной и тишиной?
Мне это счастье — только указанье,
Что мне не лжет мое воспоминанье
И пил я воду родины иной.

333

Когда вступила в спальню Дездемона,
Там было тихо, тихо и темно,
Лишь месяц любопытный к ней в окно
Заглядывал с ночного небосклона.

И черный мавр со взорами дракона,
Весь вечер пивший красное вино,
К ней подошел,— он ждал ее давно,—
Он не услышит девичьего стога.

Напрасно с безысходною тоской
Она ловила тонкою рукой
Его стальные руки... было поздно.

И, задыхаясь, думала она:
«О, верно, в день, когда шумит война,
Такой же он загадочный и грозный!»

Мое прекрасное убежище —
 Мир звуков, линий и цветов,
 Куда не входит ветер режущий
 Из недостроенных миров.

Цветок сорву ли — буйным пением
 Наполнил душу он, дразня,
 Чаруя светлым откровением,
 Что жизнь кипит и вне меня.

Но так же дорог мне искусственный
 Взлелеянный мечтою цвет:
 Он мозг дурманит жаждой чувственной
 Того, чего на свете нет.

Иду в пространстве и во времени
 И вслед за мной мой сын идет
 Среди трудящегося племени
 Ветров, и пламеней, и вод.

И я приму — о да, не дрогну я! —
 Как поцелуй иль как цветок,
 С таким же удивленьем огненным,
 Последний гибельный толчок.

335—336. ЛЮБОВЬ

1

Она не однажды всплывала
 В грязи городского канала,
 Где светят, длинные и тонки,
 Фонарные огоньки.

Ее видали и в роше
 Висящей на иве тощей,
 На иве, еще Дездемоной
 Оплаканной и прощенной.

В каком-нибудь старом доме
На липкой красной соломе
Ее находили люди
С насквозь простреленной грудью.

Но от этих ли превращений
Из-за рук, на которых кровь
(Бедной жизни бедных смущений),
Мы разлюбим ее, Любовь?

2

Я помню, я помню, носились тучи
По небу желтому, как новая медь,
И ты мне сказала: «Да, было бы лучше,
Было бы лучше мне умереть».

«Неправда,— сказал я,— и этот ветер,
И всё, что было, рассеется сном,
Помолимся богу, чтоб прожить этот вечер,
А завтра наутро мы всё поймем».

И ты повторяла: «Боже, боже!»
Шептала: «Скорее... одна лишь ночь...»
И вдруг задохнулась: «Нет, Он не может,
Нет, Он не может уже помочь!»

337. НОВОРОЖДЕННОМУ

С. Л〈озинскому〉

Вот голос, томительно звонок...
Зовет меня голос войны,
Но я рад, что еще ребенок
Глотнул воздушной волны.

Он будет ходить по дорогам
И будет читать стихи,
И он искупит перед богом
Многие наши грехи.

Когда от народов, титанов
Сразившихся, дрогнула твердь
И в грохоте барабанов,
И в трубном рычании — смерть,—

Лишь он сохраняет семя
Грядущей мирной весны,
Ему обещает время
Осуществленные сны.

Он будет любимец бога,
Он поймет свое торжество,
Он должен. Мы бились много
И страдали мы за него.

20 июля 1914

338

Священные плывут и тают ночи,
Прносятся эпические дни,
И смерти я заглядываю в очи,
В зеленые, болотные огни.

Она везде — и в зареве пожара,
И в темноте, неожиданна и близка,
То на коне венгерского гусара,
А то с ружьем тирольского стрелка.

Но прелесть ясная живет в сознание,
Что хрупки так оковы бытия,
Как будто женственно всё мирозданье
И управляю им всецело я.

Когда промчится вихрь, заплещут воды,
Зальются птицы в чайный зари,
То слышится в гармонии природы
Мне музыка Ирины Энери.

Весь день томясь от непонятной жажды
И облаков следя крылатый рой,
Я думаю: «Карсавина однажды
Как облако плясала предо мной».

А ночью в небе, древнем и высоком,
Я вижу записи судеб моих
И ведаю, что обо мне, далеко,
Звенит Ахматовой сиренный стих.

Так не умею думать я о смерти,
И всё мне грезятся, как бы во сне,
Те женщины, которые бессмертье
Моей души доказывают мне.

339. КОНКВИСТАДОР

От дальних селений,
Сквозь лес и овраги,
На праздник мучений
Собрались бродяги.

Палач приготовил
Свой молот зловещий,
И запаха крови
Возжаждали клещи.

И пел конквистадор,
Привязан у пальмы:
«До области ада
Изведали даль мы.

Вот странные воды,
Где смертный не плавал,
Где, Рыцарь Невзгоды,
Скитается Дьявол.

А дальше не будет
Ни моря, ни неба,
Там служат Иуде
Постыдные требы.

Но пелись баллады
В вечерних тавернах,
Что ждет Эльдорадо
Отважных и верных.

Под звуки органа
Твердили аббаты,
Что за морем страны
Так дивно богаты.

И в сонных глубинах
Мы видели город,
Где алых рубинов
Возносятся горы».

А пламя клубилось.
И ждал конквистадор,
Чтоб в смерти открылось
Ему Эльдорадо.

340. ВСАДНИК

Всадник ехал по дороге,
Было поздно, выли псы,
Волчье солнце — месяц строгий —
Лил сиянье на овсы.

И внезапно за деревней
Белый камень возле пня
Испугал усмешкой древней
Задремавшего коня.

Тот метнулся: темным бредом
Вдруг ворвался в душу сам
Древний ужас, тот, что ведом
В мире только лошадям.

Дальний гул землетрясений,
Пестрых тигров хищный вой
И победы привидений
Над живыми в час ночной.

Очи круглы и кровавы,
Ноздри пеною полны,
Конь, как буря, топчет травы,
Разрывает грудью льны.

Он то стелется по шири,
То слетает с диких круч,
И не знает, где он — в мире
Или в небе между туч.

Утро. Камень у дороги
Робко спрятал свой оскал,
Волчье солнце — месяц строгий —
Освещать его устал.

На селе собаки выли,
Люди хмуρο в церковь шли.
Конь один пришел, весь в мыле,
Господина не нашли.

341. ВТОРОЙ ГОД

И год второй к концу склоняется,
Но так же реют знамена,
И так же буйно издевается
Над нашей мудростью война.

Вслед за ее крылатым гением,
Всегда играющим вничью,
С победной музыкой и пением
Войдут войска в столицу. Чью?

И сосчитают ли потопленных
Во время трудных переправ,
Забытых на полях потоптанных
И громких в летописи слав?

Иль зори будущие, ясные
Увидят мир таким, как встарь:
Огромные гвоздики красные
И на гвоздиках спит дикарь;

Чудовищ слышны ревы лирные,
Вдруг хлещут бешено дожди,
И всё затягивают жирные
Светло-зеленые хвощи.

Не всё ль равно, пусть время катится,
Мы поняли тебя, земля:
Ты только хмурая привратница
У входа в божии поля.

Ты говорил слова пустые,
 А девушка и расцвела.
 Вот чешет кудри золотые,
 По-праздничному весела.

Теперь ко всем церковным требам
 Молиться ходит о твоём.
 Ты стал ей солнцем, стал ей небом,
 Ты стал ей ласковым дождем.

Глаза темнеют, чуя грозы,
 Неровен вздох ее и част.
 Она пока приносит розы,
 Но захоти — и жизнь отдаст.

343. ХОККУ

Вот девушка с газельими глазами
 Выходит замуж за американца,
 Зачем Колумб Америку открыл?!

344

Перед ночью северной, короткой
 И за нею зори — словно кровь...
 Подошла неслышною походкой,
 Посмотрела на меня любовь...

Отравила взглядом и дыханьем,
 Слаще роз дыханьем, и ушла —
 В белый май с его очарованьем,
 В лунные, слепые зеркала...

У кого я попрошу совета,
 Как до легкой осени дожить,
 Чтобы это огненное лето
 Не могло меня испепелить?

Как теперь молиться буду богу,
Плача, замирая и горя,
Если я забыл мою дорогу
К каменным стенам монастыря...

Если взоры девушки любимой —
Слаще взоров жителей высот,
Краше горного Иерусалима —
Летний сад и зелень сонных вод...

345. КАНЦОНА

Бывает в жизни человека
Один неповторимый миг:
Кто б ни был он — старик, калека —
Как бы свой собственный двойник
Нечеловечески прекрасен,
Тогда стоит он, небеса
Над ним разверсты; воздух ясен,
Уж наплывают чудеса.
Таким тогда он будет снова,
Когда воскреснувшую плоть
Решит во славу бога — Слова
К небытию призвать господь.
Волшебница, я не случайно
К следам ступней твоих приник —
Ведь я тебя увидел тайно
В невыразимый этот миг.
Ты розу белую срывала
И наклонялась к розе той,
А небо над тобой сияло,
Твоей залито красотой.

346. ДВА АДАМА

Мне странно сочетание слов — «я сам»,
Есть внешний, есть и внутренний Адам.

Стихи слагая о любви нездешней,
За женщиной ухаживает внешний.

А внутренний, как враг, следит за ним,
Унылой злобою всегда томим.

И если внешний хитрыми речами,
Улыбкой нежной, нежными очами

Сумеет женщину приворожить,
То внутренний кричит: «Тому не быть!

Не знаешь разве ты, как небо сине,
Как веселы широкие пустыни

И что другая, дивно полюбя,
На ангельских тропинках ждет тебя?»

Но если внешнего напрасны речи
И женщина с ним избегает встречи,

Не хочет ни стихов его, ни глаз —
В безумье внутренних: «Ведь в первый раз

Мы повстречали ту, что нас обоих
В небесных приютила бы покоях.

Ах ты ворона!» Так среди равнин
Бредут, бранясь, Пьеро и Арлекин.

347

Среди бесчисленных светил
Я вольно выбрал мир наш строгий
И в этом мире полюбил
Одни веселые дороги.

Когда внезапная тоска
Мне тайно в душу проберется,
Я вглядываюсь в облака,
Пока душа не улыбнется.

И если мне порою сон
О милой родине приснится,
Я непритворно удивлен,
Что сердце начинает биться.

Ведь это было так давно
И где-то там, за небесами,
Куда мне плыть — не всё ль равно,
И под какими парусами?

348. ЗАГРОБНОЕ МЩЕНИЕ

Баллада

Как-то трое изловили
На дороге одного
И жестоко колотили,
Беззащитного, его.

С переломанною грудью
И с разбитой головой
Он сказал им: «Люди, люди,
Что вы сделали со мной?

Не страшны ни бог, ни черти,
Но клянусь в мой смертный час —
Притаясь за дверью смерти,
Сторожить я буду вас.

Что я сделаю, о боже,
С тем, кто в эту дверь вошел!..»
И закинулся прохожий,
Захрипел и отошел.

Через год один разбойник
Умер, и дивился поп,
Почему это покойник
Всё никак не входит в гроб.

Весь изогнут, весь скорючен,
На лице тоска и страх,
Оловянный взор измучен,
Капли пота на висках.

Два других бледнее стали
Стиранного полотна.
Видно, много есть печали
В царстве неземного сна.

Протекло четыре года,
Умер наконец второй.
Ах, не видела природа
Дикой мерзости такой!

Мертвый глухо выл и хрипло,
Ползал по полу дрожа,
На лицо его налипла
Мутной сукровицы ржа.

Уж и кости обнажались,
Смрад стоял — не подступить.
Всё он выл, и не решались
Гроб его заколотить.

Третий, чувствуя тревогу
Нестерпимую, дрожит
И идет молиться богу
В отдаленный тихий скит.

Он года хранит молчанье
И не ест по сорок дней,
Исполняя обещанье,
Спит на ложе из камней.

Так он умер, нетревожим,
Но никто не смел сказать,
Что пред этим чистым ложем
Довелось ему видать.

Все бледнели и крестились,
Повторяли: «Горе нам!»—
И в испуге расходились
По трущобам и горам.

И вокруг скита пустого
Терн поднялся и волчцы...
Не творите дела злого —
Мстят жестоко мертвецы.

Франция, на лик твой просветленный
 Я еще, еще раз обернусь
 И как в омут погружусь бездонный
 В дикую мою, родную Русь.

Ты была ей дивною мечтою,
 Солнцем стольких несравненных лет,
 Но назвать тебя своей сестрою,
 Вижу, вижу, было ей не след.

Только небо в заревых багрянцах
 Отразило пролитую кровь,
 Как во всех твоих республиканцах
 Пробудилось рыцарское вновь.

Вышли кто за что: один — чтоб в море
 Флаг трехцветный вольно пробегал,
 А другой — за дом на косогоре,
 Где еще ребенком он играл;

Тот — чтоб милой в память их разлуки
 Принести «Почетный легион»,
 Этот — так себе, почти от скуки,
 И средь них отважнейшим был он!

Мы собирались там, поклоны клали,
 Ангелы нам пели с высоты,
 А бежали — женщин обижали,
 Пропивали ружья и кресты.

Ты прости нам, смрадным и незрячим,
 До конца униженным, прости!
 Мы лежим на гноище и плачем,
 Не желая божьего пути.

В каждом, словно саблей исполина,
 Надвое душа рассечена.
 В каждом дьявольская половина
 Радуетя, что она сильна.

Вот ты кличешь: «Где сестра Россия,
 Где она, любимая всегда?»
 Посмотри наверх: в созвездье Змия
 Загорелась новая звезда.

Они спустились до реки
Смотреть на зарево заката,
Но серебрились их виски
И сердце не было крылато.

Промчался длинный ряд годов,
Годов унынья и печали,
Когда ни алых вечеров,
Ни звезд они не замечали.

Вот все измены прощены
И позабыты все упреки.
О, только б слушать плеск волны,
Природы мудрые уроки!

Как этот ясный водоем,
Навек отринуть самовластье
И быть вдвоем, всегда вдвоем,
Уже не верующим в счастье.

А в роще, ладя самострел,
Ребенок, брат любимый мая,
На них насмешливо глядел,
Их светлых слез не понимая.

351. ЕВАНГЕЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Тот дом был красная, слепая,
Остроконечная стена.
И только наверху, сверкая,
Два узких виделись окна.

Я дверь толкнул. Мне ясно было,
Здесь не откажут пришлецу,
Так может мертвый лечь в могилу,
Так может сын войти к отцу.

Дрожал вверху под самым сводом
Неясный остов корабля,
Который плыл по бурным водам
С надежным кормчим у руля.

А снизу шум взносился многих,
То пела за скамьей скамья,
И был пред ними некто строгий,
Читавший книгу бытия.

И в тот же самый миг безмерность
Мне в грудь плеснула, как волна,
И понял я, что достоверность
Теперь навек обречена.

Когда я вышел, увидали
Мои глаза, что мир стал нем.
Предметы мира убегали,
Их будто не было совсем.

И только на заре слепящей,
Где небом кончилась земля,
Призывно реял уходящий
Флаг неземного корабля.

352. МОЙ ЧАС

Еще не наступил рассвет,
Ни ночи нет, ни утра нет,
Ворона под моим окном
Спросонья шевелит крылом
И в небе за звездой звезда
Истаивает навсегда.

Вот час, когда я всё могу:
Проникнуть помыслом к врагу
Беспомощному и на грудь
Кошмаром гривистым вскакнуть.
Иль в спальню девушки войти,
Куда лишь ангел знал пути,
И в сонной памяти ее,
Лучом прорезав забытье,
Запечатлеть свои черты,
Как символ высшей красоты.

Но тихо в мире, тихо так,
Что внятен осторожный шаг
Ночного зверя и полет
Совы — кочевницы высот.

А где-то пляшет океан,
Над ним белесый встал туман,
Как дым из трубки моряка,
Чей труп чуть виден из песка.
Передрабассветный ветерок
Струится, весел и жесток,
Так странно весел, точно я,
Жесток — совсем судьба моя.

Чужая жизнь — на что она?
Свою я выпью ли до дна?
Пойму ль всей волею моей
Единый из земных стеблей?
Вы, спящие вокруг меня,
Вы, не встречающие дня,
За то, что пощадил я вас
И одиноко сжег свой час,
Оставьте завтрашнюю тьму
Мне также встретить одному.

353. ЕСТЕСТВО

Я не печалюсь, что с природы
Покров, ее скрывавший, снят,
Что древний лес, седые воды
Не кроют фавнов и наяд.

Не человеческою речью
Гудят пустынные ветра
И не усталость человечью
Нам возвещают вечера.

Нет, в этих медленных, инертных
Преображеньях естества —
Залог бессмертия для смертных,
Первоначальные слова.

Поэт, лишь ты единый в силе
Постичь ужасный тот язык,
Которым сфинксы говорили
В кругу драконовых владык.

Стань ныне вещью, богом бывши,
И слово веще возгласи,
Чтоб шар земной, тебя родивший,
Вдруг дрогнул на своей оси.

354. К ***

Если встретишь меня, не узнаешь!
Назовут — едва ли припомнишь!
Только раз говорил я с тобою,
Только раз целовал твои руки.

Но клянусь — ты будешь моею,
Даже если ты любишь другого,
Даже если долгие годы
Не удастся тебя мне встретить!

Я клянусь тебе белым храмом,
Что мы вместе видели на рассвете,
В этом храме венчал нас незримо
Серафим с пылающим взором.

Я клянусь тебе теми снами,
Что я вижу теперь каждой ночью,
И моей великой тоскою
О тебе в великой пустыне,—

В той пустыне, где горы вставали,
Как твои молодые груди,
И закаты в небе пылали,
Как твои кровавые губы.

355

Ветла чернела. На вершине
Грачи топорщились слегка,
В долине неба синей-синей
Паслись, как овцы, облака.

И ты с покорностью во взоре
Сказала: «Влюблена я в Вас».
Кругом трава была, как море,
Послеполуденный был час.

Я целовал пыланья лета —
Тень трав на розовых щеках,
Благоуханный праздник света
На бронзовых твоих кудрях.

И ты казалась мне желанной,
Как небывалая страна,
Какой-то край обетованный
Восторгов, песен и вина.

356

На далекой звезде Венере
Солнце пламенней и золотистей,
На Венере, ах, на Венере
У деревьев синие листья.

Всюду вольные звонкие воды,
Реки, гейзеры, водопады
Распевают в полдень песнь свободы,
Ночью пламенеют, как лампы.

На Венере, ах, на Венере
Нет слов обидных или властных,
Говорят ангелы на Венере
Языком из одних только гласных.

Если скажут «еа» и «аи» —
Это радостное обещанье,
«Уо», «ао» — о древнем рае
Золотое воспоминанье.

На Венере, ах, на Венере
Нет смерти, терпкой и душной.
Если умирают на Венере —
Превращаются в пар воздушный.

И блуждают золотые дымы
В синих-синих вечерних кушах
Иль, как радостные пилигримы,
Навешают еще живущих.

357

Я сам над собой насмеялся
И сам я себя обманул,
Когда мог подумать, что в мире
Есть что-нибудь кроме тебя.

Лишь белая, в белой одежде,
Как в пеплуме древних богинь,
Ты держишь хрустальную сферу
В прозрачных и тонких перстах.

А все океаны, все горы,
Архангелы, люди, цветы,
Они в хрустале отразились
Прозрачных девических глаз.

Как странно подумать, что в мире
Есть что-нибудь кроме тебя,
Что сам я не только ночная,
Бессонная песнь о тебе,

Но свет у тебя за плечами,
Такой ослепительный свет.
Там длинные пламени реют,
Как два золотые крыла.

358. АЛЖИР И ТУНИС

От Европы старинной
Оторвавшись, Алжир,
Как изгнанник невинный,
В знойной Африке сир.

И к Италии дальной
Дивно выгнутый мыс
Простирает печальный
Брат Алжира, Тунис.

Здесь по-прежнему стойки
Под напором ветров
Башни римской постройки,
Колоннады дворцов.

У крутых побережий
На зеленом лугу
Липы, ясени те же,
Что на том берегу.

И Атласа громада
Тяжела и черна,
Словно Сьерра-Невада
Ей от века родна.

Этих каменных скатов
Мы боялись, когда
Варварийских пиратов
Здесь гнездились суда.

И кровавились воды,
И молил Сервантес
Вожделенной свободы
У горячих небес.

Но Алжирского бея
Дни давно пронеслись.
За Алжиром, слабея,
Покорился Тунис.

И бывшие союзы
Вспомнив с этой страной,
Захватили французы
Край наследственный свой.

Ныне эти долины,
Игр и песен приют,
С крутизны Константины
Христиан не столкнут.

Нож кривой янычара
Их не срубят голов
И под пулей Жерара
Пал последний из львов.

И в стране, превращенной
В фантастический сад,
До сих пор запрещенный,
Вновь зацвел виноград.

Средь полей кукурузы
Поднялись города,
Где смакуют французы
Смесь абсента и льда.

И глядят бедуины,
Уважая гостей,
На большие витрины
Чужеземных сластей.

Но на север и ныне
Юг оскалил клыки.
Всё ползут из пустыни
Рыжей стаей пески.

Вместо хижин — могилы.
Вместо озера — рвы...
И отходят кабилы,
Огрызаясь, как львы.

Только белый бороться
Рад со всяким врагом:
Вырывает колодцы,
Садит пальмы кругом.

Он выходит навстречу
Этой тучи сухой,
Словно рыцарь на сечу
С исполинской змеей.

И, как нежные девы
Золотой старины,
В тихом поле посева
Им одним спасены.

359. ЛЕОПАРДИ

НАБРОСОК

О праздниках, о звоне струн, о нарте,
О неумолчной радости земли
Ты ничего не ведал, Леопарди!

И дни твои к концу тебя влекли,
Как бы под траурными парусами
Плывущие к Аиду корабли.

Ты женщину с холодными глазами,
Влюбленную лишь в самое себя,
И родину любил под небесами.

Мечтал о них, как в смертный час скорбя.
Их смешивал в мечтах... но не любили
Ни родина, ни женщина тебя.

360

Марии Лёвберг

Ты, жаворонок в горней высоте,
Служи отныне, стих мой легкокрылый,
Ее неяркой, но издавна милой,
Такой средневековой красоте;

Ее глазам — сверкающим зарницам
И рту, где воля превзошла мечту,
Ее большим глазам — двум странным птицам
И словно нарисованному рту.

Я больше ничего о ней не знаю,
Ни писем не писал, не слал цветов.
Я с ней не проходил навстречу маю
Средь бешеных от радости лугов.

И этот самый первый наш подарок,
О жаворонок, стих мой, может быть
Покажется неловким и случайным
Ей, ведающей таинства стихов.

ЯВЛЕНИЕ 1

Граф Готфрид, граф Куно, графиня Матильда,
Нур-Эддин

Готфрид

Не нравится мне это, внук мой Куно!
В такой торжественный и светлый день
Венчанья твоего с Матильдой милой
И присоединения к твоим
Владениям ее полей и замков
Ты пригласил на праздник не прелата,
Который браком вас соединил,
Не рыцарей, тебе по сану равных,
А городских смешных простолюдинов,
Сапожников, ткачей и гончаров.

Куно

Ах, дедушка, ты выжил из ума.
На что прелат мне нужен? Ведь от Рима
Нас, слава богу, отделяют Альпы.
А рыцари? Они к дворам владык
Съезжаются, там служат и пируют
И позабыли рыцарскую вольность.
Вот то ли дело честные мои
Ремесленные цехи! Их, пожалуй,
Не одолеть ни папе, ни ландграфу.
Когда пятнадцать тысяч дюжих парней
Взмахнут лопатами и топорами —
Мне слаще с ними быть, чем против них.

ПОЭМЫ

362. ИГРА

Драматическая сцена

Игорный дом в Париже 1813 года
Г р а ф — претендент на престол Майорки.
С т а р ы й р о я л и с т
К а р о л и н а } девушки легкого поведения
Б е р т а }
Т о л п а и г р а ю щ и х

Г р а ф
Не смейте трогать Каролину,
Сатир проклятый.

Р о я л и с т
Ай да граф!
Да вы похожи на картину,
Ахилла позу переняв.

Г р а ф
Молчите! В вас иссякла вера,
И лжив язык, и дух ваш нем,
Вы, друг проклятого Вольтера,
Смеяться рады надо всем.
Не вам любить ее. Вы сгнили,
А я, я верую в мечту...

Р о я л и с т
Да, красоту бурбонских лилий
Я выше лилий бога чту.
Но ваши дерзкие проказы
Не стоят шпаги острия,
Вы нищий — я ей дал алмазы,
Она не ваша, а моя.

Г р а ф

Прелестница из всех прелестниц,
Оставь его, я всё прощу.

К а р о л и н а

Но он мне заплатил за месяц,
И платья я не возвращу.

Г р а ф

Ну, значит, нам осталось биться!
Сегодня ж, сударь, на дуэль.

Р о я л и с т

Я слишком стар, мой храбрый рыцарь,
И отклоняю ваш картель.
Но вижу, вы склонны к азарту,
И, чтоб увидеть, чья возьмет,
Поставим счастье на карту,
Когда позволит банкомет.
Я дам вам ставкой Каролину,
Посмейте молвить, что я скуп,
А вы хотя бы половину
Цены ее прекрасных губ.

Г р а ф

Идет! Я ставлю трон Майорки
И мною собранную рать,
С которой, словно коршун зоркий,
Я царства б мог завоевать.
Как будет странно, страшно, сладко
К столу зеленому припасть
И знать, что эта вот десятка
Мне даст любовь — иль вырвет власть.

К а р о л и н а

Скажите, вы такой богатый?
Тогда я рада слушать вас...

Г р а ф

Увы, отцовский меч и латы —
Всё, что имею я сейчас.

Р о я л и с т

Ага, трудна дорога к раю!

Ну, будет, если вы не трус,
Молчите все, я начинаю.

(Мечет карты.)

Девятка, тройка, двойка, туз.

Б е р т а

О, что ты делаешь, несчастный?
Как исполняешь свой обет?

Р о я л и с т

Восьмерка, дама и валет.

Б е р т а

Как рог побед, как вестник чуда
Ты быть обязан... О, позволь
Мне увести тебя отсюда...

Р о я л и с т

Король, валет, опять король.

Б е р т а

Бежим скорей, бежим со мною
Туда, где, голову подняв,
Орел кричит привет герою...

Р о я л и с т

Десятка ваша бита, граф.

Граф хватается за голову.

К а р о л и н а

Я этого не ожидала,
Так проиграть! Какой позор!
О чем она ему шептала,
Орел и светоч, что за вздор?

Р о я л и с т

Ну полно, юноша, оправьтесь,
Ваш лоб в поту, ваш взор померк,
Вы завтра ж будете заправский
В дому нотариуса клерк.
Легко зачесывать височки,
Крестьянам письма сочинять,

Глазеть в окно хозяйской дочки,
Когда она ложится спать,
Писать стихи и на кларнете
Играть — завиднейший удел...

Граф выхватывает пистолет и стреляется.

Берта

А, вот он в огнезарном свете!
Он всё нашел, о чем скорбел!

363. АКТЕОН

Одноактная пьеса в стихах

Действующие лица:

К а д м, царь, строитель Фив.
Э х и о н, его слуга и друг.
А к т е о н, сын Кадма.
А г а в а, жена Эхиона.
Д и а н а.
К р о к а л е, Р а н и с, Х и а л е, нимфы Дианы.
Т р о е ю н о ш е й, спутники Актеона.
Т р и п с а, преследующие Актеона.

Место действия — долина Гаргафии, покрытая темным кипарисовым лесом. В глубине — пещера аркой. Направо — светлый источник бежит по зеленой лужайке. Наступает вечер. Входят К а д м и Э х и о н.

К а д м

Сюда, Эхион, налево! Здесь
Вчера я выломал камень,
Выломал, но не весь,
Он был опутан корнями,
До ночи я не управился — стар!
Холодно было и сыро,
С единорогом лягался кентавр,
Блеяли в чаше сатиры.
А ты всё силен, драконий зуб.
Силен, как прежде, счастливый.
С тобой донесу я упрямый уступ
В наши юные Фивы.

Начинают ворочать камень.

Где же Агава?

Э х и о н

Жена?

К а д м

Да.

Э х и о н

Черные руки ломает дриадам.

К а д м
Рубит деревья?
Э х и о н
Рубит.
К а д м
Для храма?
Э х и о н
Для храма.

К а д м
(насмешливо)
А храм кому, мой старый дракон?
Э х и о н
Тебе, господин.

К а д м
(со смехом)
Нет.
Э х и о н
Ну, так не знаю.

К а д м
Нам не выломать камня.

Э х и о н
Выломать... с песней.

К а д м
(поет, выворачивая камень)
Отдай мне глыбу, земля! земля!
Я взнесу ее к небу, земля! земля!
И она будет в храме, земля! земля!
Бога чествовать с нами, земля! земля!
Я сказал — ты исполни, слышишь, земля?
Иль испробуешь молний Зевса, земля!
Туша проклятая, кит глухой,
Баба упрямая, ты не хочешь, земля?

Э х и о н

(поет тотчас вслед за Кадмом)

Белая кровь дракона, черное тело.
Господин приказал приняться за дело.
Зубы дракона, нас было много,
Мы дрались долго, и убито много,
Живые — люди, мертвые — камни.
Мы больше не будем драться.
Земля, помоги мне
Приподнять брата.

Камень поддается; работающие стирают пот и садятся отдыхать;
входит А г а в а.

А г а в а

Здрасте, мужчины.

Э х и о н

Здравствуй, жена.

К а д м

Женщина, здравствуй.

А г а в а

Где же

Мальчики? Актеон
Или Пентей?

К а д м

Их нет.

А г а в а

(насмешливо)

Всё те же,
Значит, на рынке Пентей
Дуракам диктует законы.
Значит, гоняют зверей
В долине псы Актеона.
А вам, старикам, ничего,
Как только ломать эту гору!
Для вас дороже всего
Еще непостроенный город.

К а д м
(с важностью)

Ты, женщина, нас не поймешь.

А г а в а

Может быть!

Но только и я целый день как в угаре.

(Таинственно)

Чтоб мальчикам было, где время убить,
Построила я лупанарий.

А к т е о н

(кричит за сценой)

Сюда, товарищи, за этой чашей

Звучат людские голоса,

Они врываються всё чаще, чаще

В темно-дремучие мои леса.

О, я непрошеным носы отрежу,

Чтоб не распугивали дичь.

Скорей, товарищи, хватай...

(Входя, замечает присутствующих.)

Я брежу.

Отец, простишь мне мой дерзкий клич?

К а д м
(недовольно)

Как, ты, Актеон? Но сегодня тебя я

Поставил следить за прокладкой канала,

А ты всё оставил, медведя гоняя.

Рабов разбежалось, должно быть, немало.

А к т е о н
(со смущением)

Отец, я виновен.

К а д м
(к нему и к вошедшим юношам)

Ну, полно, к работе!

Болтать будем после мы. Этот камень

На площадь Судилица вы снесете,

(насмешливо)

Даже вашими белыми руками.

А к т е о н
(подходя к камню)

О, боги, он грязен!

Э х и о н
Лягушка грязнее!

А к т е о н
И как он тяжел!

А г а в а
Мог бы быть тяжелее.

А к т е о н
(вопросительно)
Отец?

К а д м
Замолчи, он для храма.
Я вижу, как встанет он гордо и прямо.

А к т е о н
Нет, я его не понесу.
Довольно, лопнуло терпенье.
Я для охоты здесь в лесу,
Не перетаскивать камня.

К а д м
(спокойно)
Не хочешь?

А к т е о н
Нет.

К а д м
(еще спокойнее)

Так будь счастлив,
Как травы, может быть, как звери.

(С внезапной торжественностью)

Но дух твой не создан по образу Фив,
Семибашенных, белых, будущих Фив,
И к богам тебе заперты двери!

Э х и о н
(Актеону)

Дитя, я многого не понимаю,
Но слушай, когда говорит господин...
...А я тебе рыжего львенка поймаю
В пещере, которую знаю один.

А г а в а
(Актеону, с другой стороны)

Скорее, ведь камень совсем не тяжелый,
Его бы, пожалуй, одна я снесла.
Тащи его в город... а город веселый,
Сирийских танцовщиц я там припасла.

Актеон отрицательно качает головой.

К а д м
(резко Эхиону, указывая на камень)
Берись!

Э х и о н
(покорно, наклоняясь)
Берусь.

А к т е о н
Отец, прости,
Мне грустно, что такой ты сирий,
Но руки должен я блюсти
Для лука, девушек и лиры.
И разве надобен богам,
В их радостях разнообразных,
Тобою выстроенный храм
Из плит уродливых и грязных?!
За темной тучею Зевес
Блаженство вечное находит.
И громы, падая с небес,
На небо никогда не всходят.
Золотокудрый Аполлон
Блестит, великолепно юный,
Но им не плуг изобретен,
А звонко плачущие струны,
А Геба розовая, Пан,
А синеглазая Паллада,

Они не любят наших стран,
И ничего им здесь не надо.
А если надо, то — родник,
Лепечущий темно и странно,
Павлина — Гебе и тростник,
Чтоб флейту вырезать, — для Пана.
Поверь, их знает только тот,
Кто знает лес, лучей отливы.
И бог вовеки не сойдет
В твои безрадостные Фивы.

Кадм, Эхион и Агава с трудом выносят камень.

Первый юноша
Вот здорово.

Второй юноша
Им так и надо.

Третий юноша
Какой ты умный, Актеон!
Так говорить — одна отрада.
Как жаль, что я не обучен.

Актеон
Идите, товарищи, в этот вечер
Мне хочется быть одному.
Мы славно охотились; до новой встречи!
Постойте, я вас обниму.
(Обнимает их поочередно.)

Первый юноша
Спать заваляюсь.

Второй юноша
Напьюсь.

Третий юноша
Вот ловко:
И спать и пить — равно уныло.
(Таинственно)
Агава, старая чертовка,
Здесь про танцовщиц говорила.

Актеон
(слегка нахмурясь)

Идите же.

Юноши уходят, Актеон один.

Как хорошо вокруг!
Так синевато-бледен теплый воздух,
Так чудно-неожидан каждый звук,
Как будто он рождается на звездах.
Луна стоит безмолвна в вышине,
Исполнена девической тревоги,
И в голубой полощутся волне
Серебряные маленькие ноги.
Я вижу чуть открытый красный рот,
Мученье наше и отраду нашу,
И розовые груди... А живот
Похож на опрокинутую чашу.
Ни облачка... Она совсем одна
И кажется такою беззащитной,
Что отрок пробуждается от сна,
Неопытный еще, но любопытный.
Я лягу здесь, под этот мудрый вяз,
Ведь хоть молчит, но знает он о многом.
Я буду спать, не закрывая глаз,
И, может быть, проснусь под утро богом.

Ложится. За сценой слышно, как перекликаются серебряные голоса
охотящихся девушек.

Голоса охотниц

Аллали.
Аллали.
Кто вдали?
Это лань.
Аллали.
Аллали.
Стрелой повали,
На горло стань.
Аллали.
Аллали.
Псы повели,
Бежит, бежит...

...Теперь лежит,
Аллали,
В пыли.

Входит Диана в костюме охотницы; за нею нимфы.

Крокале
Кто всех усталей?

Ранис
Хиале.

Хиале
(обиженно)
А косы у кого расплелись?

Крокале
(со смехом)

У Ранис.

Ранис
Ну да, но я первой увидела лань.

Хиале
А я повернула ее у платана,
О, если б не я, то она...

Крокале
Перестань!
Открыла, настигла, убила Диана.

Диана
(медленно, скандируя)

Время нам ноги омыть, расстегните ремни у сандалий,
Сбросьте легкую ткань с ваших измученных плеч.

Девушки помогают ей раздеваться и болтают между собой.

Всех ты искусней, Ранис; распусти мне, пожалуйста,
Простоволосой, как ты, в чистый войду я ручей. косы,

Ранис
Я встретила Ио. Бедняжка!
Бежит, а оса над ней.

Крокале
Быть Зевсом любимой — тяжело.

Хиале
(со вздохом)
А Марсом — еще тяжелей.

Ранис
(недоверчиво)
Как, Марс тебя любит?

Хиале
В трущобы
За мной он зашел далеко.

Ранис и Крокале
(с интересом)
Настиг?

Хиале
(скромно)
Нет, конечно.

Крокале
Еще бы,
Сознаться всем не легко.

В это время Актеон поднимается, протягивает руки к Диане и говорит восторженно, как в бреду.

Актеон
Я знал, что она придет,
Я знал, что я тоже бог,
И мне лишь губ этих мед,
Иного я пить не мог.
И мне снега этих рук,
Алмазы светлых очей,
И мне этот сладкий звук
Ее неспешных речей.
Отец мой не смертный... Мать,
Наверно, любил Зевес,
И сыну решил он дать
Женой усладу небес.

Большие звезды горят,
Земная печаль — как дым,
Я знаю, я стал крылат,
Мой лук, он стал золотым.

Поднимает свой лук, тот ломается и падает с сухим треском. Актеон
смотрит на него с удивлением.

К р о к а л е

Подруги, человек!

Р а н и с

Скорей,
Стеною станем вокруг богини
И бедной наготой своей
Прикроем вечные святыни.

К р о к а л е

Дерзкий!

Х и а л е

Я изнемогаю,
От стыда горя...
Кто это?

Р а н и с

Его я знаю,
Кадма сын, царя.

Д и а н а

Нет, ты ошиблась, Ранис, то не сын благородного Кадма,
Смертный не может зреть светлой моей наготы.

(К Актеону)

Будь, чем ты должен быть!

Актеон откидывается и, когда выпрямляется, видно, что у него голова
оленья.

Успокойтесь, смотрите, подруги,
Это — добыча стрелы, это — пугливый олень.

Исчезает вместе с нимфами.

А к т е о н

(один, озирается чутко и неловко)

Кажется, здесь были люди.
А какая вкусная трава,
Какая холодная вода,
Мне хочется здесь пастись.
Но что я говорю?
Я человек, я Актеон...
Нет, я олень, только олень,
Иль это сонные чары?

Появляются странные существа с собачьими головами. Актеон мечется в ужасе, они набегают на него.

П е р в ы й

(вкрадчиво и зловеще)

Ты помнишь пламенные губы,
Перед тобой они, гляди,
Прильни, целуй, кусай их грубо...

А к т е о н

О, пощади, о, пощади!

В т о р о й

(так же)

Ты помнишь грудь, как плод созрелый,
Перед тобой она, гляди,
Сожми ее рукою смелой...

А к т е о н

О, пощади, о, пощади!

Т р е т и й

(так же)

Ты помнишь ослабевший пояс,
Перед тобою он, гляди,
Сорви его, не беспокоясь...

А к т е о н

О, пощади, о, пощади!

Все трое
(вместе)

Беги, сок жил твоих отравлен,
Но ты склоняешься, дрожишь,
Ты нашей воле предоставлен
И никуда не убежишь.

Актеон мечется еще немного, потом падает. Остальные разбегаются.
Немного погодя входят Эхион и Агава.

Агава
(зовет)

Сыночек, сыночек, иди с нами,
В доме тепло, а здесь сыро.

Замечает лежащего, наклоняется к нему и отшатывается.

А сыночек-то в шерсти и с рогами,
Хуже самого последнего сатира.

Занавес

1

Сквозь голубую темноту
Неслышно от куста к кусту
Переползая словно змей,
Среди трясин, среди камней
Свирепых воинов отряд
Идет — по десятеро в ряд.
Мех леопарда на плечах,
Меч на боку, ружье в руках,—
То абиссинцы; вся страна
Их негусу покорена,
И только племя гурабе
Своей противится судьбе,
Сто жалких деревянных пик —
И рассердился Менелик.

Взошла луна, деревня спит,
Сам Дух Лесов ее хранит.
За всем следит он в тишине,
Верхом на огненном слоне:
Чтоб Ауарис-носорог
Напасть на спящего не мог,
Чтоб бегемота Гумаре
Не окружили на заре
И чтобы Азо-крокодил
От озера не отходил.
То благосклонен, то суров,
За хвост он треплет рыжих львов.
Но, видно, и ему невмочь
Спасти деревню в эту ночь!
Как стая бешеных волков,
Враги пустились... Страшный рев
Раздался, и в ответ ему
Крик ужаса прорезал тьму.
Отважно племя гурабе,
Давно приучено к борьбе,
Но бой ночной — как бег в мешке,
Копье не держится в руке,
Они захвачены врасплох,
И слаб их деревянный бог.

Но вот неожиданная заря
Взошла над хижинной царя.
Он сам, вспугнув ночную сонь,
Зажег губительный огонь
И вышел, страшный и нагой,
Маша дубиной боевой.
Раздуты ноздри, взор горит,
И в грудь, широкую как щит,
Он ударяет кулаком...
Кто выйдет в бой с таким врагом?
Смутились абиссинцы — но
Вдруг выступил Ато-Гано,
Начальник их. Он был старик,
В собравных вежлив, в битве дик,
На все опасные дела
Глядевший взорами орла.
Он крикнул: «Э, да ты не трус!
Все прочь,— я за него возьмусь».

Дубину поднял негр; старик
Увертливый к земле приник,
Пустил копье, успел скакнуть
Всей тяжестью ему на грудь,
И, оглушенный, сделал враг
Всего один неловкий шаг,
Упал — и грудь его рассек
С усмешкой старый человек.
Шептались воины потом,
Что под сверкающим ножом
Как будто огненный язык
Вдруг из груди его возник
И скрылся в небе словно пух.
То улетал могучий дух,
Чтоб стать бродячею звездой,
Огнем болотным в тьме сырой
Или поблескивать едва
В глазах пантеры или льва.

Но был разгневан Дух Лесов
Огнем и шумом голосов
И крови запахом. Он встал,
Подумал и загрохотал:
«Эй, носороги, эй, слоны,
И все, что злобны и сильны,

От пастбища и от пруда
Спешите, буйные, сюда,
Ого-го-го, ого-го-го!
Да не шадите никого». —
И словно ожил темный лес
Ордой страшилищ и чудес;
Неслись из дальней стороны
Освирепелые слоны,
Открыв травой набитый рот,
Скакал, как лошадь, бегемот,
И зверь, чудовищный на взгляд,
С кошачьей мордой, а рогат —
За ними. Я мечту таю,
Что я его еще убью
И, к удивлению друзей,
Врагам на зависть, принесу
В зоологический музей
Его пустынную красу.

«Ну, ну, — сказал Ато-Гано, —
Здесь и пропасть немудрено,
Берите пленных — и домой!»
И войско бросилось гурьбой.
У трупа мертвого вождя
Гано споткнулся, уходя,
На мальчугана лет семи,
Забытого его людьми.
«Ты кто?» — старик его спросил,
Но тот за палец укусил
Гано. «Ну, верно, сын царя», —
Подумал воин, говоря:
«Тебя с собою я возьму,
Ты будешь жить в моем доме». —
И лишь потом узнал старик,
Что пленный мальчик звался Мик.

2

В Аддис-Абебе праздник был.
Гано подарок получил,
И, возвратясь из царских зал,
Он Мику весело сказал:
«Сняв голову, по волосам
Не плачут. Вот теперь твой дом;

Служи и вспоминай, что сам
Авто-Георгис был рабом».

Прошло три года. Служит Мик,
Хоть он и слаб, и невелик.
То подметает задний двор,
То чинит прорванный шатер,
А поздно вечером к костру
Идет готовить инджиру
И, получая свой кусок,
Спешит в укромный уголок,
А то ведь сглазят на беду
Его любимую еду.

Порою от насмешек слуг
Он убегал на ближний луг,
Где жил, привязан на аркан,
Большой косматый павиан.
В глухих горах Ато-Гано
Его поймал не так давно
И ради прихоти привез
В Аддис-Абебу, город роз.
Он никого не подпускал,
Зубами шелкал и рычал,
И слуги думали, что вот
Он ослабеет и умрет.
Но злейшая его беда
Собаки были, те всегда
Сбегались лаять перед ним,
И, дикой яростью томим,
Он поднимался на дыбы,
Рыл землю и кусал столбы.
Лишь Мик, вооружась кнутом,
Собачий прекращал содом.
Он приносил ему плоды
И в тыкве срезанной воды,
Покуда пленник не привык,
Что перед ним проходит Мик.

И наконец они сошлись:
Порой, глаза уставя вниз,
Обнявшись и рука в руке,
На обезьяньем языке
Они делились меж собой
Мечтами о стране иной,

Где обезьяны города,
Где не дерутся никогда,
Где каждый счастлив, каждый сыт,
Играет вволю, вволю спит.

И клялся старый павиан
Седой гривой своей,
Что есть цари у всех зверей
И только нет у обезьян.
Царь львов — лев белый и слепой,
Венчан короной золотой,
Живет в пустыне Сомали,
Далеко на краю земли.
Слоновий царь — он видит сны
И, просыпаясь, говорит,
Как поступать должны слоны,
Какая гибель им грозит.
Царица зебр — волшебней сна,
Скача, поспорит с ветерком.
Давно помолвлена она
Со страусовым королем.
Но по пустыням говорят,
Есть зверь сильнее и выше всех,
Как кровь рога его горят,
И лоснится кошачий мех.
Он мог бы первым быть царем,
Но он не думает о том,
И если кто его встречал,
Тот быстро чах и умирал.

Заслушиваясь друга, Мик
От службы у людей отвык,
И слуги видели, что он
Вдруг стал ленив и несмышлен.
Узнав о том, Ато-Гано
Его послал толочь пшено,
А этот труд — для женщин труд,
Мужчины все его бегут.
Была довольна дворня вся,
Наказанного понося,
И даже девочки, смеясь,
В него бросали сор и грязь.

Уже был темен небосклон,
Когда работу кончил он,
И, от досады сам не свой,
Не подкрепившись инджирой,
Всю ночь у друга своего
Провел с нахмуренным лицом
И плакал на груди его
Мохнатой, пахнувшей козлом.
Когда же месяц за утес
Спустился, дивно просияв,
И ветер утренний донес
К ним благовонье диких трав,
И павиан, и человек
Вдвоем замыслили побег.

3

Давно французский консул звал
Любимца негуса, Гано,
Почтить большой посольский зал,
Испробовать его вино,
И наконец собрался тот
С трудом, как будто шел в поход.
Был мул белей, чем полотно,
Был в красной мантии Гано,
Прощенный Мик бежал за ним
С ружьем бельгийским дорогим,
И крики звонкие неслись:
«Прочь все с дороги! Сторонись!»

Гано у консула сидит,
Приветно смотрит, важно льстит,
И консул, чтоб дивился он,
Пред ним заводит граммофон,
Игрушечный аэроплан
Порхает с кресла на диван,
И электрический звонок
Звонит, не тронутый никем.
Гано спокойно тянет грог,
Любезно восхищаясь всем,
И громко шепчет: «Ой ю гут!
Ой френджи, всё они поймут».

А в это время Мик, в саду
Держащий мула за узду,
Не налюбуется никак
Ни на диковинных собак,
Ни на сидящих у дверей
Крылатых каменных зверей.
Как вдруг он видит, что идет
Какой-то мальчик из ворот,
И обруч, словно колесо,
Он катит для игры в серсо.
И сам он бел, и бел наряд,
Он весел, словно стрекоза,
И светлым пламенем горят
Большие смелые глаза.
Пред Миком белый мальчик стал,
Прищурился и засвистал:
«Ты кто?» — «Я абиссинский раб».
«Ты любишь драться?» — «Нет, я слаб». —
«Отец мой консул». — «Мой вождем
Был». — «Где же он?» — «Убит врагом». —
«Меня зовут Луи». — «А я
Был прозван Миком». — «Мы друзья».

И Мик, развежась, рассказал
Про павиана своего,
Что с ним давно б он убежал
И не настигли бы его,
Когда б он только мог стянуть
Кремень, еды какой-нибудь,
Топор иль просто крепкий нож —
Без них в пустыне пропадешь.
А там охотой можно жить,
Никто его не будет бить,
Иль стать царем у обезьян,
Как обещался павиан.
Луи промолвил: «Хорошо,
Дитя, что я тебя нашел!
Мне скоро минет десять лет,
И не был я еще царем.
Я захвачу мой пистолет,
И мы отправимся втроем.
Смотри: за этою горой
Дождитесь в третью ночь меня;

Не пропадете вы со мной
Ни без еды, ни без огня». —
Он важно сдвинул брови; вдруг
Пронесся золотистый жук,
И мальчик бросился за ним,
А Мик остался недвижим.
Он был смущен и удивлен,
Он думал: «Это, верно, сон...» —
В то время как лукавый мул
Жасмин и розы с клумб тянул.

Доволен, пьян, скача домой,
Гано болтал с самим собой:
«Ой френджи! Как они ловки
На выдумки и пустяки!
Запрятать в ящик крикуна,
Чтоб говорил он там со дна,
Им любо... Но зато в бою,
Я ставлю голову свою,
Не победит никто из них
Нас, бедных, глупых и слепых.
Не обезьяны мы, и нам
Не нужен разный детский хлам». —
А Мик в мечтаньях о Луи,
Шаги не рассчитав свои,
Чуть не сорвался с высоты
В переплетенные кусты.

Угрюмо слушал павиан
О мальчике из дальних стран,
Что хочет, свой покинув дом,
Стать обезьяньим королем.
Звериным сердцем чуял он,
Что в этом мире есть закон,
Которым каждому дано
Изведать что-нибудь одно:
Тем — жизнь средь городских забав,
Тем — запахи пустынных трав.
Но долго спорить он не стал,
Вздыхнул, под мышкой почесал
И пробурчал, хлебнув воды:
«Смотри, чтоб не было беды!»

Луна склонялась, но чуть-чуть,
 Когда они пустились в путь
 Через канавы и бурьян,—
 Луи, и Мик, и павиан.
 Луи смеялся и шутил,
 Мешок с мукою Мик ташил,
 А павиан среди камней
 Давил тарантулов и змей.
 Они бежали до утра,
 А на день спрятались в кустах,
 И хороша была нора
 В благоухающих цветах.

Они боялись — их найдут.
 Кругом сновал веселый люд:
 Рабы, сановники, купцы,
 С большими лютьями певцы,
 Послы из дальней стороны
 И в пестрых тряпках колдуны.
 Поклонник дьявола порой
 С опущенною головой
 Спешил в нагорный Анкобер,
 Где в самой темной из пещер
 Живет священная змея,
 Земного мать бытия.

Однажды утром, запоздав,
 Они не спрятались средь трав,
 И встретил маленький отряд
 Огромный и рябой солдат.
 Он Мика за руку схватил,
 Ременным поясом скрутил.
 «Мне улыбается судьба,
 Поймал я беглого раба! —
 Кричал. — И деньги, и еду
 За это всюду я найду».
 Заплакал Мик, а павиан
 Рычал, запрятавшись в бурьян.
 Но, страшно побледнев, Луи
 Вдруг поднял кулаки свои
 И прыгнул бешено вперед:
 «Пусти, болван, пусти, урод!

Я — белый, из моей земли
Придут большие корабли
И с ними тысячи солдат...
Пусти иль будешь сам не рад!»
«Ну, ну, — ответил, струсив, плут, —
Идите с богом, что уж тут».

И в вечер этого же дня,
Куда-то скрывшись, павиан
Вдруг возвратился к ним, стеля,
Ужасным горем обуян.
Он бил себя в лицо и грудь,
От слез не мог передохнуть
И лишь катался по песку,
Стараясь заглушить тоску.
Увидя это, добрый Мик
Упал и тоже поднял крик
Такой, что маленький шакал
Его за милю услышал.
И порешил, пускаясь в путь:
«Наверно, умер кто-нибудь».
Луи, не зная их беды,
К ручью нагнулся поскорей
И, шляпой зачерпнув воды,
Плеснул на воющих друзей.
И павиан, прервав содом,
Утершись, тихо затанул:
«За этою горой есть дом,
И в нем живет мой сын в плену.
Я видел, как он грыз орех,
В сторонке сидя ото всех.
Его я шепотом позвал,
Меня узнал он, завизжал,
И разлучил нас злой старик,
С лопатой выскочив на крик.
Его немисливо украсть,
Там псы могучи и хитры,
И думать нечего напасть —
Там ружья, копы, топоры».
Луи воскликнул: «Ну, смотри!
Верну я сына твоего;
Но только выберешь в цари
У вас меня ты одного».

Он принял самый важный вид,
Пошел на двор и говорит:
«Я покупаю обезьян.
У вас есть крошка павиан —
Продайте!» — «Я не продаю», —
Старик в ответ. «А я даю
Вам десять талеров». — «Ой! ой!
Да столько стоит бык большой.
Бери». И вот Луи понес
Виновника столь горьких слез.
Над сыном радостный отец
Скакал, как мячик; наконец
Рванул его за хвост, любя.
«Что, очень мучили тебя?» —
«Я никаких не видел мук.
Хозяин мой — мой первый друг!
Я ем медовые блины,
Катаю обруч и пляшу,
Мне сшили красные штаны,
Я их по праздникам ношу».
И рывкнул старый павиан:
«Ну, если это не обман,
Тебе здесь нечего торчать!
Вернись к хозяину опять.
Стремись науки все пройти:
Трубить, считать до десяти...
Когда ж умнее станешь всех,
Тогда и убежать не грех!»

5

Луны уж не было, и высь
Как низкий потолок была.
Но звезды крупные зажглись —
И стала вдруг она светла,
Переливалась... А внизу
Стеклянный воздух ждал грозу.
И слышат путники вдали
Удары бубна, гул земли.
И видят путники: растет
Во мгле сомнительный восход.
Пятьсот огромных негров в ряд
Горящие стволы влечат.

Другие пляшут и поют,
Трубят в рога и в бубны бьют
А на носилках из парчи
Царевна смотрит и молчит.
То дочка Мохамед-Али,
Купца из Йеменской земли,
Которого нельзя не знать,
Так важен он, богат и стар,
Наряды едет покупать
Из Дире-Дауа в Харрар.
В арабских сказках принца нет,
Калифа, чтобы ей сказать:
«Моя жемчужина, мой свет,
Позвольте мне вам жизнь отдать!»
В арабских сказках гурий нет,
Чтоб с этой девушкой сравнять.

Она увидела Луи
И руки подняла свои.
Прозрачен, тонок и высок,
Запел как флейта голосок:
«О милый мальчик, как ты бел,
Как стан твой прям, как взор твой смел!
Пойдем со мной. В моих садах
Есть много желтых черепак,
И попугаев голубых,
И яблок, соком налитых.
Мы будем целый день-деньской
Играть, кормить послушных серн
И бегать взапуски с тобой
Вокруг фонтанов и цистерн.
Идем». Но, мрачный словно ночь,
Луи внимал ей, побледнев,
И не старался превозмочь
Свое презрение и гнев:
«Мне — слушать сказки, быть пажом,
Когда я буду королем,
Когда бесчисленный народ
Меня им властвовать зовет?
Но если б и решился я,
С тобою стало б скучно мне:
Ты не стреляешь из ружья,
Боишься ездить на коне».

Печальный, долгий, кроткий взор
Царевна подняла в упор
На гордого Луи — и вдруг,
Вдруг прыснула... И все вокруг
Захохотали. словно гром
Раздался в воздухе ночном:
Ведь хохотали все пятьсот
Огромных негров, восемьсот
Рабов, и тридцать поваров,
И девятнадцать конюхов.
Но подала царевна знак,
Все выстроились кое-как
И снова двинулись вперед,
Держась от смеха за живот.
Когда же скрылся караван,
Тоскуя, Мик заговорил:
«Не надо мне волшебных стран,
Когда б рабом ее я был.
Она, поклясться я готов,—
Дочь Духа доброго Лесов,
Живет в немыслимом саду,
В дворце, похожем на звезду.
И никогда, и никогда
Мне, Мику, не войти туда».
Луи воскликнул: «Ну, не трусь,
Войдешь, как я на ней женюсь»

6

Еще три дня, и их глазам
Предстал, как первобытный храм,
Скалистый и крутой отвес,
Поросший редкою сосной,
Вершиной вставший до небес,
Упершийся в дремучий лес
Своею каменной пятой.
То был совсем особый мир:
Чернели сотни круглых дыр,
Соединяясь меж собой
Одною узкою тропой;
И как балконы, здесь и там
Площадки с глиной по краям
Висели, и из всех бойниц
Торчали сотни страшных лиц.

Я, и ложась навеки в гроб,
Осмелился бы утверждать,
Что это был ни дать ни взять
Американский небоскреб.
В восторге крикнул павиан,
Что это город обезьян.

По каменистому хребту
Они взошли на высоту.
Мик тихо хныкал, он устал,
Луи же голову ломал,
Как пред собой он соберет
На сходку ветреный народ.
Но павиан решил вопрос:
Обезьяnenка он принес
И начал хвост ему щипать,
А тот — визжать и верещать;
Таков обычай был, и вмиг
Всё стадо собралось на крик.

И начал старый павиан:
«О племя вольных обезьян,
Из плена к вам вернулся я,
Со мной пришли мои друзья,
Освободители мои,
Чтоб тот, кого мы изберем,
Стал обезьяньим королем...
Давайте изберем Луи».
Он, кончив, важно замолчал.
Луи привстал, и Мик привстал,
Кругом разлился страшный рев,
Гул многих сотен голосов:
«Нет, лучше Мика изберем!» —
«Луи!» — «Нет, Мика!» — «Нет, Луи!»
Все, зубы белые свои
Оскалив, злятся... Наконец
Решил какой-то молодец:
«Луи с ружьем, он — чародей...
К тому ж он белый и смешней».

Луи тотчас же повели
На холмик высохшей земли,
Надев на голову ему
Из трав сплетенную чалму

И в руки дав слоновый клык,
Знак отличительный владык.
И, мир преображая в сад
Алеющий и золотой,
Горел и искрился закат
За белокурой головой.
Как ангел мил, как демон горд,
Луи стоял один средь морд
Клыкастых и мохнатых рук,
К нему протянутых вокруг.
Для счастья полного его
Недоставало одного:
Чтобы сестра, отец и мать
Его могли здесь увидеть
Хоть силою волшебных чар
И в «Вокруг света» обо всем
Поведал мальчикам потом
Его любимый Буссенар.

7

Луи суровым был царем.
Он не заботился о том,
Что есть, где пить, как лучше спать,
А всё собирался воевать;
Хотел идти, собрав отряд,
Отнять у злобной львицы львят
Иль крокодила из реки
Загнать в густые тростники,
Но ни за что его народ
Не соглашался на поход,
И огорченный властелин
Бродил печален и один.
Спускался он на дно пещер,
Где сумрак ядовит и сер
И где увидеть вы могли б
В воде озер безглазых рыб.
Он поднимался на утес,
Собой венчавший весь откос,
И там следил, как облака
Ваяет божия рука.
Но лишь тогда бывал он рад,
Когда смотрел на водопад,
Столбами пены ледяной
Дробящийся над крутизной.

К нему тропа, где вечно мгла,
В колючих зарослях вела,
И мальчик знал, что неспроста
Там тишина и темнота
И даже птицы не поют,
Чтоб оживить глухой приют.
Там раз в столетие трава,
Шурша, вскрывается как дверь.
С рогами серны, с мордой льва
Приходит пить какой-то зверь.
Кто знает, где он был сто лет
И почему так стонет он
И замечает лапой след,
Хоть только ночь со всех сторон,
Да, только ночь, черна как смоль,
И страх, и буйная вода.
И в стогах раненого боль,
Не гаснущая никогда...

Но всё наскучило Луи —
Откос, шумящие струи,
Забавы резвых обезьян
И даже Мик и павиан.
Сдружился он теперь с одной
Гиеной старой и хромой,
Что кралась по ночам на скат,
Чтоб воровать обезьянят.
Глазами хитрыми змеи
Она смотрела на Луи
И заводила каждый раз
Лукавый, лстивый свой рассказ:
Он, верно, слышал, что внизу,
В большом тропическом лесу,
Живут пантеры? Вот к кому
Спуститься надо бы ему!
Они могучи и смелы,
Бросаются быстрее стрелы,
И так красив их пестрый мех,
Что им простится всякий грех.

Напрасно друга Мик молил,
Глухим предчувствием томим,
Чтоб он навек остался с ним
И никуда не уходил.

Луи, решителен и быстр,
Сказал: «Ты только мой министр!
Тебе я власть передаю,
И скипетр, и чалму мою,
И мой просторный царский дом,
А сам я буду королем
Не этих нищенских пещер,
А леопардов и пантер».
Ушел. И огорчился стан
Всегда веселых обезьян.
Они влезали на карниз,
Внимательно смотрели вниз.
Оттуда доносился рев
Им незнакомых голосов,
И горько плакали они,
Минувшие припомнив дни
И грустно думая о том,
Что случилось с гневным их царем.

8

Едва под утро Мик уснул.
Во сне он слышал страшный гул,
Он видел мертвого отца,
И лился пот с его лица.
Проснулся... Старый павиан
Собрал храбрейших обезьян.
Они спускаться стали вниз,
Держась за ветви, за карниз;
Переплетя свои хвосты,
Над бездной строили мосты,
Пока пред ними дикий лес
Не встал, а город не исчез
И не мелькнули средь стволов
Клыки и хоботы слонов.

Долина им была видна,
Деревьями окружена,
И посреди большой утес,
Что мхом и травами оброс.
На нем один лежал Луи
И раны зажимал свои.
Вперив в пространство мутный взор,
Чуть поднимал он свой топор,

А восемь яростных пантер
Пред ним кружились; из пещер
Еще спешили... Отражал
Всю ночь их мальчик и устал.
Как град камней, в траву полян
Сорвалась стая обезьян,
И силою живой волны
Пантеры были сметены
И отступили... С плачем Мик
К груди товарища приник.
Луи в бреду ему шептал,
Что он царем и здесь бы стал,
Когда б не гири на ногах,
Не красный свет в его глазах
И не томящий долгий звон...
И незаметно умер он.

Тогда, хромая, из кустов
Гиена выбежала; рев
Раздался, яростен и груб:
«Он мой! Скорей отдайте труп!»
Смутилась стая обезьян,
Но прыгнул старый павиан
С утеса на гиену вниз
И горло мерзкой перегрыз.

Где пальмы веером своим
Кивают облакам седым,
Где бархатный ковер лугов
Горит, весь алый от цветов,
И где журчит, звенит родник,
Зарыл Луи печальный Мик.
Там ласточки с огнем в глазах
Щебечут, милые, в ветвях.
Они явились издали,
Из франкской, может быть, земли,
И щебетали свой привет
Перед готическим окном,
Где увидел впервые свет
Луи в жилище родовом.

И над могилой друга Мик
Запел: «Луи, ты был велик,
Была сильна твоя рука,
Белее зубы молока!

Зачем, зачем, зачем в бою
Не принял помощь ты мою,
Зачем, зачем, когда ты пал,
Ты павиана не позвал?
Уж лучше б пуля иль копье
Дыханье вырвали твоё!
Не помиришься ты с врагом...
Всё это кажется мне сном...»
Завыл печальный павиан,
Завыла стая обезьян,
И вот на шум их голосов,
Горя как месяц в вышине,
Явился мощный Дух Лесов
Верхом на огненном слоне,
Остановился и взглянул,
И грозно крикнул Мику: «Ну?»
Когда ж узнал он обо всем,
Широким пальмовым листом
Он вытер слезы на глазах...
«Я перед Миком в должниках:
В ту ночь, как племя гурабе
Изнемогало в злой борьбе,
Болтая с месяцем как раз,
Я не пришел к нему, не спас.
О чем бы ни мечтал ты, Мик,
Проси: всё даст тебе старик».
И поднял руки Мик свои
И медленно проговорил:
«Мне видеть хочется Луи
Таким, каким он в жизни был».—
«Он умер».— «Пусть и я умру».—
«Но он в аду».— «Пойду и в ад!
Я брошусь в каждую дыру,
Когда в ней мучится мой брат».—
«Ну, если так — не спорю я!
Вдоль по течению ручья
Иди три дня, потом семь дней
Через пустыню черных змей.
Там у чугунной двери в ад,
С кошачьей мордой, но рогат,
Есть зверь, и к брату твоему
Дорога ведома ему.
Но тем, кто раз туда попал,
Помочь не в силах даже я.

Смотри ж!» Но Мик уже бежал
Вдоль по течению ручья.

9

В отвесной каменной стене,
Страшна, огромна и черна,
Виднелась дверь из чугуна
На неприступной высоте.
Усталый, исхудалый Мик
Пред нею головой поник
И стонет: «Больше нет пути,
Не знаю я, куда идти,
Хоть сам могучий Дух Лесов —
Хранитель мой и мой покров».

Тут медленно открылась дверь,
И медленно явился зверь
С кошачьей мордой, а рогат.
И Мик потупил в страхе взгляд,
Но в дверь вступил. Они пошли
По коридору, где в пыли
Валялись тысячи костей
Рыб, птиц, животных и людей.
Как та страшна была тропа!
Там бормотали черепа,
Бычачьи двигались рога,
Ища незримого врага.
И гнулись пальцы мертвецов,
Стараясь что-нибудь поймать...
Но вот прошли широкий ров,
И легче сделалось дышать.
Там им открылся мир иной,
Равнина с лесом и горой,
Необозримая страна,
Жилище душ, которых нет.
Над ней струила слабый свет
Великолепная луна;
Не та, которую ты сам
Так часто видишь по ночам,
А мать ее, ясна, горда,
Доисторических времен,
Что умерла еще тогда,
Как мир наш не был сотворен.

Там тени пальм и сикомор
Росли по склонам черных гор,
Где тени мертвых пастухов
Пасли издохнувших коров.
Там тень охотника порой
Ждала, склоняясь над норой,
Где сонно грызли тень корней
Сообщества бобров-теней.
Но было тихо всё вокруг:
Ни вздох, ни лепет струй, ни стук
Не нарушал молчанья. Зверь
Промолвил Мику: «Ну, теперь
Ищи!» А сам устало лег,
Уткнувшись мордою в песок.

За каждый куст, за каждый пень,
Хотя тот куст и пень — лишь тень,
В пещеру, в озеро, в родник,
Идя, заглядывает Мик.
За тенью дикого волчца
Он своего узнал отца,
Сидевшего, как в старину,
На грязной, бурой шкуре гну.
Мик, плача, руки протянул,
Но тот вздохнул и не взглянул,
Как будто только ветерок
Слегка его коснулся щек.
Как мертвецы не видны нам,
Так мы не видны мертвецам.

Но нет нигде, нигде Луи.
Мик руки заломил свои,
Как вдруг он бросился бежать
Туда, где зверь улегся спать.
«Скорей вставай! — кричит ему.—
И отвечай мне, почему
Здесь только черные живут,
А белых я не видел тут?»
Зверь поднял страшные глаза:
«Зачем ты раньше не сказал?
Все белые — как колдуны,
Все при рожденье крещены,
Чтоб после смерти их Христос
К себе на небеса вознес.

Наверх направь шаги свои
И жаворонка излови.
Он чист, ему неведом грех,
И он летает выше всех.
Вот три зерна (их странен вид,
Они росли в мозгу моем);
Когда их съест, заговорит
Он человеческим языком».

Как было радостно опять
Пустыню Мику увидеть,
Услышать ветер и родник,
И попугаев резкий крик!
Он сделал из волос силок
И жаворонка подстерег,
И выпустил его, одно
Сначала дав ему зерно.
Опять, влюбленный в божий свет,
Свободный жаворонок ввысь
Помчался, и ему вослед
Надежды Мика понеслись.
Когда же птица с высоты
Упала камнем, чуть дыша,
«Ну что? Скажи, что видел ты?» —
Мик тербил его, спеша.
«Я видел красных райских птиц,
Они прекраснее зарниц,
В закатных тучах гнезда вьют
И звезды мелкие клюют.
Они клялись мне, что твой друг
Попал в седьмой небесный круг,
Перед которым звездный сад
Черней, чем самый черный ад».

Мик дал ему еще зерно,
Целуя и прося одно,
И взвился жаворонок вновь,
Хоть в нем и холодела кровь.
Он только через день упал
И больше часа не дышал,
Но наконец проговорил:
«Средь отдаленнейших светил,
За гранью божьего огня

Я встретил ангела, что пел
Про человеческий удел,
Алмазным панцирем звеня:
„Пусть ни о чем не плачет Мик:
Луи высоко, он в раю,
Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою“».

Его целуя горячо,
Мик попросил: «Крылатый друг,
Молю, вот съешь зерно еще
И полети в надзвездный круг».
И жаворонок третий раз
Поднялся и пропал из глаз.
Три дня ждал жаворонка Мик
И к ожиданию привык,
Когда свалился на песок
Холодный пуховой комок.
Такое видеть торжество
Там жаворонку довелось,
Что сердце слабое его
От радости разорвалось.

10

Дуглас, охотник на слонов,
Сердился: ужин не готов,
Любимый мул его издох
И новый проводник был плох.
Он взял ружье и вышел в лес,
На пальму высохшую влез
И ждал. Он знал, что здесь пойдет
На водопой лесной народ,
А у него мечта одна —
Убить огромного слона,
Особенно когда клыки
И тяжелы, и велики.
Вот засветился Южный Крест,
И тишина легла окрест,
Как будто старый Дух Лесов
Замедлил бег ночных часов.
И вот явились: дикобраз,
За ним уродливые гну,
Вслед козы — и решил Дуглас:

«Я после застрелю одну».
Но, рыжей гривую тряся,
Высоко голову неся,
Примчался с тяжким скоком лев,
И все бежали, оробев,
И даже буйвол отступил,
Сердито фыркнув, в мокрый ил.
Царь долго пил, потом зевнул
И вдруг вскочил и заревел.
В лесу раздался смутный гул,
Как будто ветер прошумел;
И пересекся небосклон
Коричневою полосой,—
То, поднимая хобот, слон-
Вожак вел стадо за собой.
Ему согнувшийся Дуглас
Навел винтовку между глаз;
Так не один гигант лесной
Сражен был пулей разрывной.
Он был готов спустить курок,
Когда почувствовал толчок
И промахнулся. Это Мик
К нему среди ветвей проник.
«А, негодяй! — вскричал Дуглас.—
Знай, ты расквасишься сейчас!»
И тот ответил: «Гета, ну!
Не надо делать зла слону:
Идет под старость каждый слон
Всё на один и тот же склон,
Где травы, данные слонам,
Вкусней, и родники свежей,
И умирает мирно там
Среди прадедовских костей.
Коль ты согласен, я готов
Твоим слугою быть, а мне
Известно кладбище слонов,
В галасской скрытое стране». —
«Пусть бог хранит тебя за то!» —
Вскричал Дуглас, забывши злость.
«Идем! И в Глазго, и в Бордо
Слоновья требуется кость».
Вплоть до утра работал Мик,
Хвосты и гривы мулам стриг

И чистил новое свое
Шестизарядное ружье.

Прошло три месяца, и вот
В Аддис-Абебу Мик ведет
Из диких, неизвестных стран
С слоновой костью караван.
Дуглас мечтает: «Богачу
Я всё на месте продаю
И миллионером укачу
К себе, в Шотландию мою!»

Сто тридцать ящиков вина,
Сто тридцать ярдов полотна
Подносит негусу Дуглас
И так кончает свой рассказ:
«Я караван мулиный свой
Оставил Мику. Он богат.
В Аддис-Абебе зашумят,
Что это нагадрас большой.
Его в верховный свой совет
Прими и совещайся с ним.
Он защитит тебя от бед
Умом и мужеством своим».
Орлиный светлый взгляд один
На Мика бросил властелин
И, улыбнувшись, сделал знак,
Обозначавший: будет так.

В Аддис-Абебе не найти
Глупца, который бы не знал,
Что Мик на царственном пути
Прекрасней солнца воссиял.
С ним, благосклонен и велик,
Советуется Менелик,
Он всех отважней на войне,
Всех уважаемей в стране.

В Аддис-Абебе нет теперь
Несчастливого иль пришлеца,
Пред кем бы не открылась дверь
Большого Микова дворца.
Там вечно для радушных встреч,
Пиров до самого утра

Готовится прохладный тэдж
И золотая инджира.
И во дворце его живет,
Встречая ласку и почет,
С ним помилившийся давно
Слепой старик, Ато-Гано.

ПРИМЕЧАНИЯ

Авто-Георгис — военный министр Абиссинии, достигший этого положения из рабов.

Аддис-Абеба — главный город Абиссинии, резиденция негуса.

Анкобер — город в Абиссинии.

Ато-Гано — Гано — абиссинское имя. Ато — приставка, вроде нашего «господин» или французского «monsieur».

Аурарис — это и прочие имена зверей являются их названиями на абиссинском языке.

Гета — по-абиссински «господин».

Гурабе — маленькое негритянское племя на южной границе Абиссинии.

Дире-Дауа — город в Абиссинии.

Инджира — абиссинский хлеб в виде лепешки, любимейшее национальное кушанье.

Менелик — абиссинский негус (1844—1913).

Мохамед-Али — богатейший в Абиссинии купец, араб из Йемена.

Нагадрас — собственник каравана, почетное название богатых купцов.

Негус — титул абиссинских царей.

Ойюгут — восклицание, выражающее удивление.

Талер — в Абиссинии в ходу только талеры Марии-Терезии.

Тэдж — абиссинское пиво, любимый национальный напиток.

Френджи — абиссинское название европейцев.

Харрар — город в Абиссинии.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1

Из-за свежих волн океана
Красный бык приподнял рога,
И бежали лани тумана
Под скалистые берега.
Под скалистыми берегами
В многошумной сырой тени
Серебристыми жемчугами
Оседали на мох они.
Красный бык изменяет лица:
Вот широко крылья простер
И парит, огромная птица,
Пожирающая простор.
Вот к дверям голубой кумирни,
Ключ держа от тайн и чудес,
Он восходит, стрелок и лирник,
По открытой тропе небес.
Ветры, дуйте, чтоб волны пели,
Чтоб в лесах гудели стволы,
Войте, ветры, в трубы ущелий,
Возглашая ему хвалы!

2

Освежив горячее тело
Благовонной ночью тьмой,
Вновь берется земля за дело,
Непонятное ей самой.
Наливает зеленым соком
Детски нежные стебли трав
И багряным, дивно высоким
Благородное сердце льва.
И, всегда желая иного,
На голодный жаркий песок
Проливает снова и снова
И зеленый и красный сок.

С сотворенья мира стократы,
Умирая, менялся прах:
Этот камень рычал когда-то,
Этот плющ парил в облаках.
Убивая и воскрешая,
Набухать вселенской душой —
В этом воля земли святая,
Непонятная ей самой.

3

Океан косматый и сонный,
Отыскав надежный упор,
Тупо терся губой зеленой
О подножие Лунных гор.
И над ним стеною отвесной
Разбежалась и замерла,
Упираясь в купол небесный,
Аметистовая скала.
До глубин ночами и днями
Аметист светился и цвел
Многоцветными огоньками,
Точно роем веселых пчел.
Потому что свивал там кольца,
Вековой досыпая сон,
Старше вод и светлее солнца,
Золоточешуйный дракон.
И подобной чаши священной
Для вина первозданных сил
Не носило тело вселенной
И Творец в мечтах не носил.

4

Пробудился дракон и поднял
Янтари грозových зрачков.
Первый раз он взглянул сегодня
После сна десяти веков.
И ему не казалось светлым
Солнце, юное для людей.
Был как будто засыпан пеплом
Жар пылавших в море огней.
Но иная радость глубоко
В сердце зрела, как сладкий плод.

Он почуял веянье рока,
Милой смерти неслышный лет.
Говор моря и ветер южный
Заводили песню одну:
«Ты простишься с землей ненужной
И уйдешь домой, в тишину.
О твое усталое тело
Притупила жизнь острие.
Губы смерти нежны, и бело
Молодое лицо ее».

5

А с востока, из мглы белесой,
Где в лесу змеилась тропа,
Превышая вершину леса
Ярко-красной повязкой лба,
Пальм стройней и крепче платанов,
Неуклонней разлива рек,
В одеяньях серебротканых
Шел неведомый человек.
Шел один, спокойно и строго
Опуская глаза, как тот,
Кто давно знакомой дорогой
Много дней и ночей идет.
И казалось, земля бежала
Под его стопы, как вода,
Смоляною доской лежала
На груди его борода.
Точно высечен из гранита,
Лик был светел, но взгляд тяжел..
Жрец Лемурии, Морадита,
К золотому дракону шел.

6

Было страшно, точно без брони
Встретить меч, разящий в упор,
Увидать неожиданно драконий
И холодный и скользкий взор.
Помнил жрец, что десять столетий
Каждый бывший здесь человек
Видел лишь багровые сети
Крокодильих сомкнутых век.

Но молчал он и черной пикой
(У мудрейших водилось так)
На песке пред своим владыкой
Начертал таинственный знак:
Точно жезл, во прахе лежавший,—
Символ смертного естества,
И отвесный, обозначающий
Нисхождение божества,
И короткий, меж них сокрытый,
Точно связь этих двух миров...
Не хотел открыть Морадита
Зверю тайны чудесной слов.

7

И дракон прочел, наклоня
Взоры к смертному в первый раз:
«Есть, владыка, нить золотая,
Что связует тебя и нас.
Много лет я провел во мраке,
Постигая смысл бытия,
Видишь, знаю святые знаки,
Что хранит твоя чешуя.
Отблеск их от солнца до меди
Изучил я ночью и днем,
Я следил, как во сне ты бредил,
Переменным горя огнем.
И я знаю, что заповедней
Этих сфер, и крестов, и чаш,
Пробудившись в свой день последний,
Нам ты знание свое отдашь.
Зарождение, преображение
И ужасный конец миров
Ты за ревностное служенье
От своих не скроешь жрецов».

8

Засверкали в ответ чешуи
На взнесенной мостом спине,
Как сверкают речные струи
При склоняющейся луне.
И, кусая губы сердито,
Подавляя потоки слов,

Стал читать на них Морадита
Сочетанье черт и крестов:
«Разве в мире сильных не стало,
Что тебе я знание отдам?
Я вручу его розе алой,
Водопадам и облакам;
Я вручу его кряжам горным,
Стражам косного бытия,
Семизвездию, в небе черном
Изогнувшемуся, как я,
Или ветру, сыну Удачи,
Что свою прославляет мать,
Но не твари с кровью горячей,
Не умеющею сверкать!»

9

Только сухо хрустнула пика,
Переломленная жрецом,
Только взоры сверкнули дико
Над гранитным его лицом
И усталились непреклонно
В муть уже потухавших глаз
Умирающего дракона —
Повелителя древних рас.
Человечья теснила сила
Нестерпимую ей судьбу,
Синей кровью большая жила
Налилась на открытом лбу,
Приоткрылись губы, и вольно
Прокатился по берегам
Голос яркий, густой и полный,
Как полуденный запах пальм.
Первый раз уста человека
Говорить осмелились днем,
Раздалось в первый раз от века
Запрещенное слово: «ОМ»!

10

Солнце вспыхнуло красным жаром
И надтреснуло. Метеор
Оторвался и легким паром
От него рванулся в простор.

После многих тысячелетий
Где-нибудь за Млечным Путем
Он расскажет встречной комете
О таинственном слове «ОМ».
Океан взревел и, взметенный,
Отступил горой серебра.
Так отходит зверь, обожженный
Головной людского костра.
Ветви лапчатые платанов,
Распластавшись, легли на песок,
Никакой напор ураганов
Так согнуть их досель не мог.
И звенело болью мгновенной,
Тонким воздухом и огнем
Сотрясая тело вселенной,
Заповедное слово «ОМ».

11

Содрогнулся дракон и снова
Устремил на пришельца взор,
Смерть борола в нем силу слова,
Незнакомую до сих пор.
Смерть, надежный его союзник,
Наплывала издалека.
Как меха исполинской кузни,
Раздувались его бока.
Когти лап в предсмертном томленьи
Бороздили поверхность скал,
Но без голоса, без движенья
Нес он муку свою и ждал.
Белый холод последней боли
Плавал по сердцу, и вот-вот
От сжигающей сердце воли
Человеческой он уйдет.
Понял жрец, что страшна потеря
И что смерти не обмануть,
Поднял правую лапу зверя
И себе положил на грудь.

12

Капли крови из свежей раны
Потекли, красны и теплы,

Как ключи на заре багряной
Из глубин меловой скалы.
Дивной перевязью священной
Заалели ее струи
На мерцании драгоценной
Золотеющей чешуи.
Точно солнце в рассветном небе,
Наливался жизнью дракон,
Крылья рвались по ветру, гребень
Петушиный встал, обогрен.
И когда, без слов, без движенья,
Взором жрец его вновь спросил
О рожденье, преображение
И конце первозданных сил,
Переливы чешуй далече
Озарили уступы круч,
Точно голос нечеловечий,
Превращенный из звука в луч.

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

У и л ь я м Ш е к с п и р

366. СОНЕТ XVII

Моим поэмам кто б поверить мог,
Коль Ваших качеств дал я в них картину?
Они — гроб Вашей жизни, знает бог,
Их смогут передать лишь вполовину.

И опиши я Ваших взоров свет
И перечисли всё, что в Вас прелестно,
Грядущий век решил бы: «Лжет поэт,
То лик не человека, а небесный».

Он осмеел бы ветхие листы,
Как старцев, что болтливей, чем умнее.
Он эту правду счел бы за мечты
Иль старой песни вольные затеи.

Но будь у Вас ребенок в веке том,
Вы жили б дважды — и в стихах, и в нем.

К л о д Ж о з е ф Р у ж е д е Л и л ь

367. МАРСЕЛЬЕЗА

Идем, сыны страны родные!
День славы взрезывает мрак.
На нас поднялась тирания,
Взнесен окровавленный стяг.
Вы слышите в тиши безлюдий
Ревущих яростно солдат?

Они идут убить ребят
И жен, припавших к нашей груди!

К оружию, граждане! Вперед, плечо с плечом!
Идем! Идем!
Пусть кровь нечистая бежит ручьем!

Чего хотят злодеи эти,
Предатели и короли?
Кому кнуты, оковы, сети
Они заботливо сплели?
То вам, французы! А какое
Безумье нам наполнит грудь!
То нас хотят они вернуть
В повиновение бывшее!

К оружию, граждане! Вперед, плечо с плечом!
Идем! Идем!
Пусть кровь нечистая бежит ручьем!

Как! Иностранные когорты
Закон нам продикут свой?
Как! Наши львы падут, простерты
Перед наемною ордой?
О боги! Скованные руки
Для нас готовят узы пут!
Из подлых деспотов придут
Владыки множить наши муки!

К оружию, граждане! Вперед, плечо с плечом!
Идем! Идем!
Пусть кровь нечистая бежит ручьем!

Дрожите, низкие тираны,
Для каждой стороны позор,
Предательские ваши планы
Свой угадали приговор.
Чтоб с вами биться — все солдаты!
Пусть не один герой падет —
Земля других произведет,
Всегда готовых для расплаты!

К оружию, граждане! Вперед, плечо с плечом!
Идем! Идем!
Пусть кровь нечистая бежит ручьем!

Француз, как воин благородный
Бей иль удары береги,
Не трогай жертвы несвободной,
Что гонят против нас враги.
Но этот деспот кровожадный,
С Буйе в союз вступивший род,
Тигр этот злобный, что грызет
Грудь матернюю беспощадно!

К оружию, граждане! Вперед, плечо с плечом!
Идем! Идем!
Пусть кровь нечистая бежит ручьем!

Жозе-Мариа де Эредиа

368. НЕМЕЯ

С того мгновения, как ловчий скрылся в лес,
Склоняя голову к раскидистому следу,
Одно рыкание означило победу,
Всё смолкло. Солнца шар склонился и исчез

Из-за кустарника, сквозь буковый навес
Пастух испуганный, бегущий к Итомеду,
Глядит, оборотясь, готов поверить бреду,
На зверя, вставшего с угрозой до небес.

Он вскрикнул. Видел он губителя Немеи.
На окровавленном закате взор страшнее
Клыков оскаленных и гривы золотой.

Ведь там, где вечера уже ползла завеса,
Сливая шкуру льва с плечами Геркулеса,
Шел человекозверь, чудовищный Герой.

369. АВЕЛЬ И КАИН

1

Сын Авеля, дремли, питайся;
К тебе склонен с улыбкой бог.

Сын Каина, в грязи валяйся,
Свой испустив предсмертный вздох.

Сын Авеля, твое куренье —
Отрада ангельских сердец!

Сын Каина, твое мученье
Изведает ли свой конец?

Сын Авеля, ты о посеве
Не думай: бог его вознес.

Сын Каина, в голодном чреве
Твоем как будто воеет пес.

Сын Авеля, ты грейся перед
Патриархальным очагом.

Сын Каина, морозь свой веред,
Шакал несчастный, под кустом.

Сын Авеля, люби и множься,
Как деньги множатся твои.

Сын Каина, ты не тревожься,
Когда услышишь зов любви.

Сын Авеля, умножен богом
Твой род, как по лесу клопы!

Сын Каина, ты по дорогам
Влачи с семьей свои стопы.

Ага, сын Авеля, в болото
Лечь плоть твоя осуждена!

Сын Каина, твоя работа
Как следует не свершена.

Сын Авеля, пощад не требуй,
Пронзен рогатиной насквозь!

Сын Каина, взбирайся к небу
И господу оттуда сбрось.

370. СМЕРТЬ ЛЮБОВНИКОВ

Ложем будут нам полные духами
Софы, глубоки, как могильный сон,
Этажерок ряд с редкими цветами,
Что для нас взрастил лучший небосклон.

И сердца у нас, их вдыхая пламя,
Станут, как двойной пламенник, возжен
Пред очами душ, теми зеркалами,
Где их свет вдвойне ясно отражен.

Вечер налетит, тихий, лебединый,
И зажжемся мы вспышкой единой,
Как прощанья стон, долог и тяжел,

Чтобы, приоткрыв двери золотые,
Верный серафим оживить вошел
Матовость зеркал и огни былые.

А р т ю р Р е м б о

371. ГЛАСНЫЕ

А — черно, бело — Е, У — зелено, О — сине,
И — красно... Я хочу открыть рождение гласных.

А — траурный корсет под стаей мух ужасных,
Роящихся вокруг как в падали иль в тине,

Мир мрака; Е — покой тумана над пустыней,
Дрожание цветов, взлет ледников опасных.

И — пурпур, сгустком кровь, улыбка губ
прекрасных
В их ярости иль в их безумье пред святыней.

У — дивные круги морей зеленоватых,
Луг, пестрый от зверья, покой морщин, измятых
Алхимией на лбах задумчивых людей.

О — звона медного глухое окончанье,
Кометой, ангелом пронзенное молчанье,
Омега, луч Ее сиреневых очей.

372—383. АБИССИНСКИЕ ПЕСНИ,

собранные и переведенные
Н. ГУМИЛЕВЫМ

1

Приветствую Деву Марию,
Чистой, как голубь, она создана
И милосердной.

Приветствую снова и снова
Мать Бога Младенца,
Сотворившего небо и землю.

Благодарю Тебя, Светлая,
Слово Непреложное, Вера Неразрушимая,
Которой служат пять тысяч ангелов.

2

Смерти не миновать: был император Аба-Данья,
Но у леопарда болят глаза,
Он не выходит из логовища.

Лошадь Аба-Даньи не сделалась бы трусливой!
Трусливая лошадь тени боится,
Начиная со слона и кончая жирафом.

Кому завещал он держать свой щит?
Пока еще он грозит,
Но люди держат его лишь по привычке.

А ты, Ягато Маконен, где ты теперь?
Шелковые шаровары и зонтик из шелка
Даны были только харрарскому негусу.

Но и он навсегда заснул в Кулюби.

3

Этой ночью мне снилась кошка,
Которая рождала котят.

Но мне говорят и правдиво, не ложно,
Что все живые умрут.

«Когда придет твой несчастный день,
Как ты его проведешь?» — спросили меня.

До сих пор я не знал ничего плохого,
Но что будет дальше, не знаю.

Днем и ночью думы — мои товарищи.

4

Менелик сказал: «Седлающих мулов и коней,
Чтобы следовать за мною,
И остающихся в доме моем люблю.
Пусть живут подобно Аврааму,
Не хочу, чтобы они умирали».

Авраам был хорошим человеком,
Пятьсот лет проводшим в палатке.
Да живет и наш негус, как Авраам!
Ведь и звери любят своего старшего.

Харраритов, амгарцев, арабов,
Сомали, галла, шангале —
Всех собрала сила нашего отца Менелика.

5

Нападающий воин крепок как столб,
Он накалывает людей на копье, как четки.
Когда он трогает лошадь, трусы бегут.
С ним никто не поспорит, он — как гора.
Всё, что возможно собрать человеку, он собрал,
Потому что ниже неба и выше земли
Судья всем — Менелик.
Он сказал: «Делай как приказано!»
Пришла битва, и был приказ
Всем стоять у императорского зонтика.
Но не все послушались, одни ушли влево.
Это были Тафаса Абайнех и Габая Гора.
Надавили на нас враги,
Сделали день как ярмарку,
Даже жен и матерей мы забыли.
Братья, скорей приходите!

6

Самое высшее счастье смотреть,
Как люди косят и грузят.
Если лошадь бежит по дороге
Иль проходит по ней человек,
Поднимается пыль.
И во время сражения первым
Герой наносит удар.
А я заблудился в пустыне и кричу и взываю,
Вкруг меня ничего, кроме жары.
И ведь я не простой человек,
Вождь Дамоти Берты
Был мне отцом.

Эту песню спел я, вождь уламосов,
Убивший слона и льва.

В ружье негуса
И в пищали его — огонь.
Ты молчишь, гордая?
Гордой женщине — палка.

«Ямоти, начальник Губбы, корми свою
рыжую лошадь», —

Сказал отец Аррада.
Черная женщина для смуглого —
Как апельсин, варенный в меду.

Бальча продал землю людям Дераса,
Ягована сильнее всех, кто жил до него.
Вместе пойдем прямой дорогой в Сидамо,
Если хочешь меня любить.

Река Борода, мы слышали, стала полной,
Фитаурари Гаваю, мы слышали, умер.
Я смеялся зубами, не сердцем,
У меня живого отрезали душу.

Удаджи давал причастие за причастием,
Но Ягована умер.
Прощай, девушка, ты отпустила волосы до спины,
Твой пробор всё длиннее и длиннее.

Как люди, увидя Лидж йассу, трепещут,
Как дрожат, издали завидя Тафари,
Как рас Маконен не любит женщин,
Как Аба-Мулат секрет сохраняет,
Как рас Тасама секрет любит,
Как Стефанос любит резать руки,
Так же сильно и я хочу тебя убить.

Хой, хой, Аба-Мулат Хайле Георгис
Принимает по четвергам и пятницам,
Его слуги носят золотые ожерелья.

Европейское письмо доходит по проволоке,
Как во сне, без помощи посланного.

Я больна любовью и знаю моего врага:
Он из Тодога Мальна перескочил в Дире-Дауа.

«Мы будем пить кофе с моим земляком,
Я сам такой и мой чин большой,
Но чесотка мешает мне спать с тобой».

Но хотя бы ты был таким же быстрым,
Как европейская железная дорога, что никогда не
устаёт,
Я всегда буду видеть тебя в мечтах.

Хочу быть монахиней, дайте мне клобук!
Тебя я не могу добыть,
А других мужчин не хочу.

10

Убивающего леопардов выше убивший слона,
Человек льва отрезает ему хвост, как колокольчик.

В высокой траве Аргайо лев оставил след и ушел,
Я презираю бездельника и, шутя, пошел за ним.

На высокой вершине Абонера он оставил след и ушел,
Я презираю бездельника и, шутя, пошел за ним.

Он показывает клыки, точно смеется,
Он машет хвостом, точно грозит копьём,
Теперь я вижу: он разъярен.

11

Хуме и Дагоме сообща владеют камнем мира,
Джарсо и Коле сообща владеют камнем мира,
Чорра не хочет мира, Ала не дружит с ними.

Война, война, начальник! Моя мать не могла заснуть,
Моя сестра не снимала пояса.

Я не хочу начальника, кроме Габре,
Я не хочу начальника сильнее Набро,
Для дневной войны я не хочу никого, кроме богатыря
Банги.

Сыну ангела, не носящему рубашки,
Не следует входить в дом черных харраритов.

Люди, что не смеют зачерпнуть воды в Назеро,
Те, что слепы и безноги, пусть идут собирать дрова.

Боязливый первым уходит в горы,
Подлый влезает на деревья.

Но сильный разбивает головы, как тыквы,
Его мать умеет рождать.

Война дневная, война с говорящими;
Сомалиец Робле был очень силен, и мать Робле,
сомалийка,
Плачет на рассвете очень сильно.

Кровь мусульман не пьет земля, не надо ее проливать;
Если я бросаю копье, то попадаю, если иду на войну,
не боюсь.

12

Шавелó прекрасное место, где растет тростник,
Я знаю, как скачет моя лошадь Многахо,
Я знаю много пастбищ на вершинах гор.
Гурезо — река без воды,
Маканне — как вода с молоком,
По ту сторону Джигджила нет воды,
Но в пестрой Илихо много струй,
Я их не пил, целовал.

ПРИМЕЧАНИЯ

Напечатанные здесь песни собраны мной в течение трех моих путешествий в Абиссинию и переданы по возможности буквально. Ни одно еще, насколько мне известно, не было переведено на европейские языки. Свежесть чувства, неожиданность поворотов мысли и подлинность положений делает их ценными независимо от экзотичности их происхождения. Их примитивизм крайне поучителен наряду с европейскими попытками в том же роде. Рисунки в книге сделаны по абиссинским образцам.

2 стих. Аба-Данья, собственно господин Даньи (название лошади), — прозвище Менелика, пролежавшего последние годы своей жизни в параличе; Ягато Маконен — губернатор Харрара, второй по значению после негуса; шелковые шаровары и зонтик — высшие знаки отличия.

4 стих. В конце перечисление племен, завоеванных абиссинцами.

5 стих. В конце рассказан эпизод из итальяно-абиссинской войны.

7 стих. Галлаская песня. В ней чередуются две темы: политического затруднения, кончающегося войной, и отвергаемой любви. Любопытно сравнить с малайскими пантумами. Возможно даже влияние при посредстве мадагаскарских малгашей, у которых тоже встречаются упрощенные пантумы.

8 и 9 стих. Женские. Лиджйассу — наследник престола. Тафари — его близкий родственник. Рас Маконен, Аба-Мулати и рас Тасамма — виднейшие вельможи. Стефанос — верховный судья; за воровство в Абиссинии отрубают руку. Хочу тебя убить означает высшее напряжение чувственной любви. Во втором: Тодогамальна и Дире-Дауа — города. Упоминание о чесотке — предлог со стороны мужчины отклонить любовь.

10 и 11 и 12 стих. Галлаские песни. Первая — охотничья. Аргайо и Абонер — местности. Вторая — военная. Хуме, Дагоме и пр. — галлаские и харраритские племена. Я не хочу начальника... — обычная форма лести. Сыну ангела, т. е. галласу. Назеро — неприятельская река. В третьей: Джигджила — город на границе сомалийской пустыни.

***ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ
И ВАРИАНТЫ***

Варианты приводятся согласно порядку стихов в основном тексте произведения. Под нумерацией строк (или строф) указывается источник варианта. Если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего варианта.

7

СКАЗОЧНОЕ

загл.
Ж 1910
между
строфами 2 и 3

Через лес, через ров, через гать
Устремилась она к колдуну,
Чтоб с недобрым гадать, волховать
И губить молодую весну.

Догони ее, князь, догони,
Не жалея дорогого коня.
Посмотри: усмеваются пни,
В темных дуплах мерцанье огня.

12—16

К колдунам с незапамятных пор.

И Великая Радость, смеясь,
На узорное ступит крыльцо,
Тихо молвит: «Люблю тебя, князь,
Для тебя я открыла лицо».

8

Ж 1910

без загл.

строфа 3

За то, что я холодными глазами
Смотрел на игры смелых и победных,
За то, что я кровавыми устами
Касался уст, трепещущих и бледных,

1—7
автограф

Мне было грустно, думы обступили
Меня, как воры, в тишине предместий,
Унылые, как взмахи черных крылий,
Толпились и требовали мести.

Я был один, мои мечты бежали,
Моя душа сжималась от волненья,
И я читал на каменной скрижали

11

За то, что я кровавыми руками

9

строфа 1
«Понедельники
газ. „Слово“»

Я долго проигрывал карту за картой,
В горящих глазах собиралась тень...
Луна выплывала безмолвной Астартой,
Но вот побледнела, предчувствуя день.

9—15

Я вышел на воздух... Холодные тени
Дарили забвенье и звали во храм,
Манили на грани нездешних мгновений,
И крест золотой прижимал я к устам.

между строфами
4 и 5

Стать чище, светлей многозвездного неба,
Твой посох принять, о сестра нищета,
Бродя по дорогам, выпрашивать хлеба,

И, может быть, в тихой березовой роще
С горячей молитвой упасть на песок,
Чтоб снова подняться, исполненным мощи...
Мой крест золотой — это счастья залог!

17—18

...Мгновенье! И в зале встревоженно-шумной
Все смолкли и дико приподнялись с мест,

20

И молча на карту поставил свой крест.

10

3—4
«Весы»

В увитых ночными цветами гостинных
Открылись их странные, дикие ласки.

строфы 2—7

Над ними повисли тяжелые чары,
Высокие свечи горели, краснея,
И в темные сны погружались пары,
Монах, арлекин или светлая фея.

Гремела веселая музыка вальса,
И я танцевал с куртизанкой Содомы,
О чем-то вздыхал я, чему-то смеялся,
И что-то мне было так близко знакомо.

Молил я подругу: «Сними свою маску!
Меня так волнуют и дразнят напевы!
Какую роскошную, дивную сказку
Сплетем мы с тобою, о смуглая дева!

Для всех ты останешься странно-чужою,
И лишь для меня бесконечно знакома,
И я от людей и от масок сокрою,
Что знаю тебя, о царица Содома!

Ты вся так прекрасна и так непонятна.
Мне душу измучила вечная тайна...»
«Пойдем же»,— она мне шепнула чуть внятно,
Как будто невольно, как будто случайно.

И там, где поднялись в конце коридора
Колонны, похожие больше на сказку,
Она улынулась мерцанием зора
И быстрым движеньем сняла свою маску.

29 Я вспомнил, я вспомнил... Такие же тени

32 Умри и воскресни для неги и счастья».

1—3
«Русь», автограф

15
С корабля замечал я не раз
Над пучиной, где солнце лучится,
Как рыдает молчанием глаз

загл.
РЦ 1908
перед 1

19
ЯПОНСКОЙ АРТИСТКЕ САДА-ЯККО,
КОТОРУЮ Я ВИДЕЛ В ПАРИЖЕ

Мы не ведаем распрей народов, повелительных
ссор государей,
Я родился слагателем сказок, Вы — плясуньей,
певицей, актрисой.
И в блистательном гrome оркестра, в электрическом
светлом пожаре
Я любил Ваш задумчивый остров, как он явлен
был темной кулисой.

И пока Вы плясали и пели, поднимали кокетливо
веер,
С каждым мигom во мне укреплялась золотая
веселая вера,
Что созвучна мечта моя с Вашей, что Вам также
 пленителен север,
Что Вам нравятся яркие взоры в напряженных
глубинах партера.

9—14
автограф

25
Плакали неведомые струны,
Огненные плавали столбы,
И смущались гордые трибуны,
И дрожали черные рабы.

А царица, наклоняясь с ложа,
Радостно играла крутизной,

31

*автограф
при письме
к Брюсову*

Дни и ночи перемены
Мы не в силах превозмочь!
Слышишь дальний рев гиены?
Это значит — скоро ночь!

Я несу в мон пустыни
Слезы девичьей тоски,
Вижу звезды, сумрак синий
И сыпучие пески.

Лев свирепый, лев голодный,
Ты сродни опасной мгле,
Бродишь, богу неугодный,
По встревоженной земле.

Я не скроюсь, я не скроюсь
От грозящего врага,
Я надела алый пояс,
Дорогие жемчуга.

Я украсила брильянтом
Мой венчальный белый ток
И кроваво-красным бантом
Оттенила бледность щек.

Подойди, как смерть, красивый,
Точно утро, молодой,
Потряси густую гривой,
Гривой светло-золотой.

Дай мне вздрогнуть в тяжких лапах,
Ласку смерти приготовь,
Дай услышать страшный запах —
Темный, пьяный, как любовь.

Это тело непорочно
И не тронута людьми,
И его во тьме полночной
Первый ты теперь возьми.

Как куренья, дышат травы,
Как невеста, я тиха.
Надо мною взор кровавый
Золотого жениха.

между строфами
 2 и 3
РЦ 1908, Ж 1910,
автограф

Встреть спокойно носорога
 Как чудовищного бога,
 Посреди лесного храма
 Не склони к земле лица.
 Если страсть твоя упряма,
 Не закрадется тревога
 В душу смелого жреца.

37

РЦ 1908, Ж 1910

без загл.

2—4

Повисают, как змеи, лианы,
 Разъяренные звери рычат,
 И блуждают седые туманы

13—16

Взор мой был бесстрашен, как стрела,
 Грудь трепетные звали к наслажденью,
 Я была нежна и не могла
 Не отдаться заревому искушенью

23—28

Он сказал, что я красива,
 И красу мою стыдливо
 Я дала его губам,
 И безумной, знойной ночью
 Мы увидели воочью
 Счастье, данное богам.

40

автограф
при письме
к Брюсову

Манлий сброшен. Право Рима,
 Власть всё та же, что была,
 И как прежде недвижима
 Нерушимая скала.

Рим как море волновался,
 Разрезали вопли тьму,
 Но спокойно улыбался
 Низвергаемый к нему.

Чтоб простить его, пришлось бы
 Слушать просьбы многих губ...
 И народ в ответ на просьбы
 Получил холодный труп.

Манлий сброшен! Почему же
 Шум на улицах растёт?
 Как жена, утратив мужа,
 Мести требует народ.

Семь холмов как звери хмуры,
 И смущенные стоим

Мы, сенаторы, авгуры,
Чьи отцы воздвигли Рим.

Неужель не лгали басни
И гробы грозят бедой?
Манлий мертв, но он опасней,
Он страшнее, чем живой.

42

загл.
автограф

между
строфами 3 и 4
«Весы», автограф

ПОСВЯЩЕНИЕ

Руки мои безнадежно повисли,
Тайные думы мои смущены...
Мне ли воспеть твои тонкие мысли?
Мне ли воспеть твои знойные сны?

43

загл.
«Весы»,
автограф 1-й

строфа 4
автограф 1-й

ИМПЕРАТОР

Черное безумье Калигулы,
Конь его, позорящий сенат,
Дикие, тревожащие гулы
Ничего тебе не говорят.

вм. строф 11—12

Меж ветвей раскидистых платана
Притаился безобразный пар.
Стон земли несется из тумана,
Стон земли, больной от диких чар.

строфа 13
«Весы», РЦ 1908,
Ж 1910,
автограф 1-й

И великой мукою вселенной
На минуту грудь свою омыв,
Ты стоишь, божественно-надменный,
Император, ты тогда счастлив.

строфы 12—14
автограф 2-й

И под этим замолчавшим небом
Ты с великой тайною — одно,
Угрожаешь Фебу, споришь с Фебом,
Но о чем — поведать не дано.

Он, как ты, изящен и утончен,
Но твой взор сверкает горячей,
Миг бежит, и дивный спор окончен:
Феб отрекся от своих лучей.

И тогда в твоём зеленом храме,
Медленно, как следует царю,
Ты красиво-мерными стихами
Вызываешь новую зарю.

загл.
автограф

16—19

20
«Перевал»,
автограф

вм. строф
1—2
«Сириус»,
Ж 1910

между
строфами 3 и 4

вм. 16

КРОКОДИЛ

И утонченного слуги,
В мире странного скитальцы
Становились друг за друга,
Поднимая в знак испуга

Изукрашенные пальцы.

45

Над высокою горою
Поднимались стены замка,
И река вилась змеею,
Как причудливая рамка.

Ночью солнце там дремало,
Петь в том замке был обычай,
И он звался замком Лалло,
Лебедей и Горных Кличей.

В замке были властелины:
Принц, на днях еще из детской,
Золотистые павлины
И напыщенный дворецкий.

Принц был облачка прелестней,
Принц был ласточки проворней,
Он был прозван принцем песни
Посреди веселой дворни.

И павлины, словно феи,
Краской спорили с цветами,
Выгибая с негой шею,
Похваляясь хвостами.

Без цветистых прибауток
Говорить не мог дворецкий,
И служил предметом шуток
Всем парик его немецкий.

Были выписаны своры
Псов, высоких и красивых,
И рожки, что звали в горы
В серебристых переливах.

Отгнав свою дремоту.

Он кричит в смешном испуге —
Кудри смялись, развились:

*между
строфами 6 и 7*

«Гей вы там, постойте, слуги,
Принц, не езд, воротися!

Не ходи за те границы,
Помни старые законы,
Видишь, траурные птицы,
В небе плавают вороны».

*между
строфами 7 и 8*

И, скача из рошей в роши,
Он вошел в страну страданья,
Где, как папоротник тощий,
Вырастают заклинанья.

29—30

Там жилище людоеда —
Скал поднялися уступы

33—34

Там, как сны необычайны,
Извиваются удавы...

40

Меч сверкающий из ножен.

44

Чтобы вызвать носорога.

50

В замок зла и заклинаний,

52

Был потащен на аркане...

*между
строфами 13 и 14*

...В час красивый и вечерний,
В замок Лалло, Горных Ключей,
На потеху праздной черни
Принц является с добычей.

46

*строфа 4
автограф
при письме
к Брюсову*

Ты устанешь, ты замедлишь, и на миг прервется
пенё,
Тотчас бешеные волки устремятся на тебя.
И запрыгают, завоют в кровожадном истступлень,
Белоснежными зубами кости крепкие дробя.

50

*между
строфами 1 и 2
Ж 1910*

Идем, и каждый взгляд упорен,
И ухо ловит каждый звук,
И серебром жемчужных зерен
Блистают перевязи рук.

в.м. 13—17

Страшна борьба меж днем и ночью,
Но богом нам она дана,
Чтоб люди видели воочью,
Кому победа суждена.

Клинки столкнулись — отскочили,
И войско в трепете глядит,

Как мы схватились и застыли:
Ты — гибкость стали, я — гранит.

Меня слепит твой взгляд упорный,
Твои сомкнутые уста,
Я задыхаюсь в муке черной,
И побеждает красота.

Я пал... и молнией победной

вм. строфы 8

«Люблю! О, помни это слово,
Я сохраню его всегда,
Тебя убила я живого,
Но не забуду никогда».

Лучи, сокройтесь назад вы...
Но заалела пена рек,
Уходишь ты, с тобою клятвы,
Ненарушимые вовек.

70

*вм. 21—32
ЖТЛХО, Ж 1910*

Как он, и я хочу молчать,
Смотреть и изнемочь,
Храня торжественно печать,
Твою печать, о Ночь!

И будет много светлых лун
Во мне и вокруг меня,
И бледный берег древних дюн
Откроется, маня.

И донесет из темноты
Зеленый океан
Кораллы, жемчуг и цветы —
Дары далеких стран.

И вздохи тысячи существ,
Исчезнувших давно,
И темный сон немых веществ,
И звездное вино.¹

Уйдешь, и буду я внимать
Последней песне лун,
Смотреть, как день встает опять
Над гладью бледных дюн.

¹ В ЖТЛХО после этой строфы еще одна:
И вдруг простершейся в пыли
Душе откроет твердь
Раздумья вещие земли,
Рождение и смерть.

между строфами
2 и 3
Ж 1910

Тревожный сон... Но сон о небе ли?
Нет! На высоком чердаке
Как ряд скелетов — груды мебели
В пыли починут и в тоске.

104

автограф
(собрание
Лесмана)

без загл.

ст. 6—8

Христос, Христос, но как же те, другие,
Чьей мыслью мы живем теперь и дышим,
Чьи имена звучат нам, как девизы,

106

Аполлон
(альманах)

без загл.

вм. строф 2—3

Всё, что пугало, расколдуя,
Всё, что дразнило, уловя,
Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя,

137

«Аполлон»

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Мы взошли по горному карнизу
Так высоко за гнездом орла.
Вечер сбросил золотую ризу,
И она на западе легла,
В небе загорались звезды; снизу
Наплывала голубая мгла.

Муза, ты дрожишь, как в лихорадке,
Взор горит и кудри в беспорядке.
Что с тобой? Разгаданы загадки,
Хитрую распутали мы сеть...
Успокойся, Муза, чтобы петь,
Нужен голос ясный, словно медь!

Голосом глубоким и кристальным
Славу тополям пирамидальным
Мы с тобою ныне воспоем,
Славу рекам в блеске золотом,
Розовым деревьям и миндальным
И всему, что видим мы вдвоем.

Новый мир, как девушка невинный!..
Кто ж прольет девическую кровь?
Кто визжаньем пил, как чарой винной,
Одурманит лес еще пустынный,
Острым плугом взрежет эту новь
И заплатит мукой за любовь?

Знаю! Сердце девушек бесстрашно,
Как они, не мучить никому:
Огонек болот отравит тьму,
Отуманит душу шум неясный,
Подкрадется ягуар опасный,
Победитель, к лоту твоему.

Крик... движение... И потонет в бездне
То, что ночи Севера беззвездней,
Слишком много увидавший взгляд.
Здесь любовь несет с собой болезни,
Здесь растенья кроют сладкий яд
И о крови боги говорят.

Но напрасно! Воли человеческой
Не сдержать ни ядам, ни богам!
В глубине пещер, по берегам
Тихих рек, по чащам и по рвам —
Всюду, всюду, близко и далече,
Запоют, пройдут людские речи.

Поднимайся, занавес времен,
И развейся, сумрачная чара!
Каждый павший будет отомщен
Силою возвратного удара.
Зов свобод здесь кинет Вашингтон
И пройдет, как молния, Пизарро.

Девушка, игравшая судьбой,
Сделается нежною женой,
Милым сотоварищем в работе...
Водопады с пеной ледяной,
Островки, забытые в болоте,—
Вы для жизни духа оживете!

Друг за другом встанут города,
Там забрызжет детский смех и деды
Заведут спокойные беседы,
Вспоминая старые года...
Но безумцы, те уйдут туда,
Где еще не веял стяг победы.

Потому что бог их — бог измен!
Путник, Он идет над звездным севом,
Он всечасно хочет перемен.
Белизна нагих Его колен,
Вздых, звучащий солнечным напевом,
Снятся только ангелам и девам.

Странный бог, не ведающий зла,
Честный, как летящая стрела,
Чуждая и круга, и угла,
Стройный бог с душою, пьяной снами,
Легкими и быстрыми шагами
Вдаль и вдаль идущий над мирами!

Голос твой, о Муза, точно рог,—
Он сродни тебе, веселый бог!
Эти губы алого коралла
Ты когда-то в небе целовала.
Ты уже касалась этих ног
С их отливом бледного опала.

Заповедь его нам назови,
Дай нам знак, что ты пришла оттуда!
Каждый вестник был досель Иуда.
Мы устали. Мы так жаждем чуда.
Мы так жаждем истинной любви...
— Будь как бог: иди, лети, плыви!

139

*между строфами
8 и 9
«Аполлон»*

То муза отошедшего поэта,
Увы! безумная сейчас,
Беги ее: в ней нет отныне света
И раны, раны вместо глаз.

140

*вм. строф 4—6
«Отечество»*

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь он разрывает тьму.
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

Сквозь леса глухие и окопы,
Цепью славы связывая нас,
Он идет по пажитям Европы,
Как жених к невесте в дивный час.

.

141

*4
Гиперборей
(рукопись)*

Странник, молчи и смотри.

*между строфами
3 и 4*

[Шагу наемный убийца,
Злобно косясь на луну,
Моет; а труп византийца,
Страшный, уходит ко дну].

23	Марево? Страннику жутко,
25—27	Крикнул — его не слышали, И, оборвавшись, упал В звонкие, бледные дали

143

загл.
Гиперборей
(рукопись)

ФРА АНЖЕЛИКО

5	В стране [давно истлевших] мертвецов,
6	<i>a</i> Но где живет [жива] [слава, власть и] сила, <i>б</i> Но где живет их царство, слава, сила,
9	<i>a</i> Пускай прекрасен дивный Рафаэль, <i>б</i> Пускай велик воздушный Рафаэль,
10	[Или сверхчеловек,] Буонаротти,
12	Челлини, давший бронзе [радость] крылья плоти
15	А хмель да Винчи душу замутит,
20	Где [опочили мучеников раки.]
22—24	Любви земной и простоты [нетленной] смиренной. Да, он не всё умеет рисовать, Но то, что он рисует,— совершенно.
42	Слетал к нему, одетая розой красной.

145

строфы 6—7
автограф
при письме
к Брюсову

И взор мадонн вдохновенный,
И Храм Святого Петра,
И всё, что нежно и тленно,
Родилось только вчера!

Он будет вечный и дикий
Стоять на семи холмах,
Покуда звездные лики
Над ним горят в небесах.

146

4
автограф
журнальной
редакции

Взрывали злобно лопасти винта,

Я сам себе был [страшен] гадов, как паук,
 Меня пугал и ранил каждый звук,

*вм. строф 8—14
 «Аполлон»,
 автограф
 журнальной
 редакции*

Я не скорблю. Так было надо. Правый
 Перед собой, не знаю я обид.
 Ни тайнами, ни радостью, ни славой
 Мгновенный мир меня не обольстит,
 И женский взор, то нежный, то лукавый,
 Лишь изредка, во сне, меня томит.

Лишь изредка надменно и упрямо
 Во мне кричит ветшающий Адам,
 Но тот, кто видел лилию Хирама,
 Тот не грустит по сказочным садам,
 А набожно возводит стены храма,
 Угодного земле и небесам.

Нас много здесь собралось с молотками,
 И вместе нам работать веселей;
 Одна любовь сковала нас цепями,
 Что адаманта тверже и светлей,
 И машет белоснежными крылами
 Каких-то небывалых лебедей.

Нас много, но одни во власти ночи,
 А колыбель других еще пуста,
 О тех скорбит, а о других пророчит
 Земных зеленых весен красота.
 Я ж — прошлого увидевшие очи,
 Грядущего разверстые уста.

Всё выше храм, торжественный и дивный,
 В нем дышит ладан и поет орган;
 Сияют нимбы; облак переливный
 Свечей и солнца — радужный туман;
 И слышен голос Мастера призывный
 Нам, каменщикам всех времен и стран.

*автограф
 журнальной
 редакции*

[Мне золоченый стиль вручил Вергилий,
 А строгий Дант — гусиное перо,
 И мне не надо ангельских воскрылий,
 Чужое отвергаю я добро,
 Я лилия простая между лилий,
 Средь серебра я только серебро.]

НА ОСТРОВЕ

загл.
Альманахи
стихов,
выходящие
в Петрограде

5

А есть другие: с пальмами, с лугами,

13

Ах, это только чары, что судьбою

16

И стон, и звон.

18

Я — тот, я в том.

вм. строк 6—7

Прерывных слов, объятий перемены
Томят и жгут,
А милые нас обступили стены
И стерегут.

Как содрогается она! В улыбке
Какой вопрос!
Увы, иль это только стоны скрипки
Под взором звезд.

150

4

Гиперборей
(рукопись)

Но было уж поздно, мы шли в полях.

вм. строк 6—7
Гиперборей
(В Гиперборей
(рукопись)
между строками
5 и 6)

Мой путь протянулся светло и прямо,
И мне из беседок цветных у вод
Прохладных кричали: «Зайди к нам, лама!»
Но я улыбался и шел вперед.

23

Гиперборей
(рукопись)

Пред ним я склонился с восторгом тайным,

153—154

1

между строками
2 и 3
«Новый журнал
для всех»

Ах, любовь — искуснейший регент,
Кто еще может петь такие
О печали, о жадной неге
Празднично-шумные литургии?!

автограф в архиве
М. Л. Лозинского

без загл.

1—2

Об Антиное с лунной красотой,
О Гиацинте и об Адонисе,

между строфами
2 и 3
зачеркнуто

Дурман густых волос и синий взор
И жар пурпурных губ и [мрамор тела] холод кожи
[Всё спит в земле, дрожит на дне озер]
Теперь лишь ямб магических озер,
Звнящий ветр, волшебник бездорожий
[Сиренным голосом им гибель пела]

строфа 3

приписана в конце, после подписи и даты

15—16

Чье тело — музыка, и ты [живешь] идешь
[Для] На [беспощадного] беспощадное
[уничтоженья] уничтоженье.

155

строфа 4
ЕЛПН

Свой путь он подвигами метит,
Но он божественно хитер
И взора ясного не встретит
Поверженных застывший взор

157

между строфами
1 и 2
«Вершины»

Открыта адская охота,
Вот-вот завоют злобно трубы,
Зальются псы и у кого-то
От крови заалеют губы

17—26

Еще чернее мглы их платье,
Но взоры их светлы и прямы.
Они живут одни, как братья,
Родились, чтобы строить храмы.

Мы к ним приблизились в тумане,
Спросили их благословенья
Для наших радостных скитаний,
Для наших плясок, игр и пенья.

Великий мастер над шарниром
Взглянул, и грудь его вздохнула

вм. 7—8
Гиперборей
(рукопись)

Феррара так легко и просто
Тебе напомнит Ариосто.
Срывай огромную глицинию,
Преследуй ящерицу синюю,
В благоухающей, лимонной
Туче стих сложи влюбленный.

9—12

отсутствует

160

между строфами
4 и 5
Гиперборей
(рукопись)

[Ну а тот, кто ночи туманней
Говорит: «Этот путь смешон!» —
Как о светлой небесной манне
О пощаде пусть молит он.
И утонет в той грязной ванне,
Где он шкуру мыть осужден.]

Но врагам не предам лукаво,
Ни лобзание Иуды дам
Я пути, что лег величаво,
Молчаливо лег по холмам,
И луне, что встала как слава
И сияет обоним нам.

162

между строфами
5 и 6
«Аполлон»,
автограф
журнальной
редакции
в собрании
В. А. Петрицкого

О, как белы крылья Победы!
Как безумны ее глаза!
О, как мудры ее беседы,
Очистительная гроза!

164

19—23
ЕЛПН

И скрылись, как два отступающих света
(В безрадостном мраке два яркие света),
Дневные лучи заиграли по шторам,
Послышалась песня — и встал истомленный,
С надменной улыбкой, с уверенным взором

173

между строфами
5 и 6
«Рус. мысль»

Если ж розы запахнут,
Птица крикнет, дразня,
Комбинации шахмат
Успокоят меня.

1
Гиперборей,
Гиперборей
(рукопись)

На горе, среди того края,

5
Гиперборей
(рукопись)

Прилетали страшные птицы,

8

[Помещалась] берлога дракона,

11
Гиперборей,
Гиперборей
(рукопись)

У него были острые когти,

12—13

Цепкий хвост под плащом он прятал,
Жил он тихо, хотя не медведем,

26
Гиперборей
(рукопись)

[На земле] жил не бог, а Брама,

33
Гиперборей

И радушно был взят в компанию

36
Гиперборей,
Гиперборей
(рукопись)

За игру в домино засели.

37—39

отсутствуют

43

А как выиграл, вздулся, как груды:

56

А в то время Адам родился,

178

1
«Заветы»,
автограф

Море, солнце, солнце, море!

16

Их увидел сквозь века.

25

Но, как птица с трубкой в клюве,

29—31

Облака плывут, как кони,
Цитра издали звенит,
Но на славу лаццарони

между строфами
4 и 5
«Новая жизнь»

Мы с ним играем в шашки
Иль дремлем в тишине,
Но бегают мурашки
По согнутой спине.

183

1—2
«Аполлон»,
автограф
журнальной
редакции

Я верю, что деревьям, а не нам
Дано блаженство совершенной жизни.

2
Отлунне

Досталась слава совершенной жизни.

5
«Аполлон»,
автограф
журнальной
редакции,
Отлунне

Как грифы в опереньях золотых,

12—13
Отлунне

С водой, струящейся во мгле пещерной.
И в глубине земли, [дробя] точка алмаз,

184

1
«Аполлон»,
автограф
журнальной
редакции

Я верно, я так сладко знаю,

6
Отлунне

Две узкие дуги бровей

7
«Аполлон»,
Отлунне,
автограф
журнальной
редакции

Над ним раскинулись, широко,

13
«Аполлон»,
автограф
журнальной
редакции

Широкий лоб — как свод небесный,

13
Отлунне

Высокий лоб — как свод небесный,

15—16
«Аполлон»,
автограф
журнальной
редакции

15
Отлу ие

17—18
Отлуние

18
автограф
журнальной
редакции

20
автограф
журнальной
редакции

22—24
«Аполлон»,
Отлуние

21—24
автограф
журнальной
редакции

К ним часто с робостью прелестной
Склонялся нежный серафим

Их часто с робостью прелестной

Внизу же, у подножья древа,
Уста, как некий алый цвет,

Уста, как алый райский цвет.

Благой нарушила запрет.

Андрей Рублев мне изъяснил,
И с той поры досуг печальный
В восторг молитвы превратил.

Всё это кистью дивной отче
Андрей Рублев мне изъяснил,
Чтоб стал прямее и короче
Мой путь к Престолу Вышних Сил.

186

Отлуние, «Нива»

между строфами
1 и 2
«Нива»

6
Отлуние

9
«Нива»

13
Отлуние, «Нива»

15

19
Отлуние

без загл.

Этот дикий мир мне казался
Краем древнего короля,
Этот дикий мир притворялся,
Что он — только наша земля

Мне шептал: «Я шучу с тобой,

Только вольный ветер осенний,

С осокою и голубицей,

И в небесной белой столице

[Где] Что людская кровь не святее

Строфа 6
Отлуние

отс тств ет

29—31

На соборе крест взнесен,
Символ власти божьей, Отческой,
И летит малиновый звон

188

22
Костер (рукопись)
гранки Костра

Их тягостное заключенье

190

«Новый
Сатирикон»

без загл.

2

Я пришел из другой страны.

11

А не рыцарем в пелерине,

15

А в какой-нибудь страшной щели,

191

строфа 1
«Аполлон»,
Отлуние,
автограф
журнальной
редакции
в архиве
М. Л. Лозинского

отсутствует

между
строфами 5 и 6
«Аполлон», Отлу-
ние, автографы
журнальной ре-
дакции в архиве
М. Л. Лозинского
и в собрании
А. К. Станюковича

Улыбаются скромно уста,
Косы длинны¹, нежны и блестящи.
От лучей золотого креста
Грудь высокая кажется слаще.

¹ В Отлунии: темны.

вм. строфы 7
Отлуние, автограф
журнальной
редакции
в архиве
М. Л. Лозинского

строфы 7—9
«Аполлон»

вм. строф 8—9
автограф
в собрании
А. К. Станюковича

строфа 9
Отлуние, авто-
граф журнальной
редакции в архиве
М. Л. Лозинского

Ветер дик, и вода солона,
И ночами над морем мерцанье.
Там иная у пен белизна
Там иные у бурь восклицанья.

отсутствуют

Меж любовью моей и судьбой
Так постыли старинные распри.
Неужели и этой покой
Даст один отуманенный Каспий?

отсутствует

193

Отлуние
10—12
«Одесский листок»

17
Отлуние

без загл.

Возвращаясь, смотрит на луну,
Почитает Библию в постели
И заснет, как канет в глубину.

Упаду, предсмертно затоскую,

201

загл.
Альбом

строфы 1—2

КАНЦОНА

Лучшая музыка в мире — нема!
Дерево, жилы ли бычьи
Выразят молнийный трепет ума,
Сердца причуды девичьи?

Краски и бледны и тусклы! Устал
Я от затей их бессчетных.
Ярче мой дух, чем трава иль металл,
Тело подводных животных!

СЗв

без загл.

Альбом

КАНЦОНА

строфа 2
СЗв, Альбом

Переброшен к нам светлый мост,
И тебе о нас говорят
Вереницы ангелов-звезд,
Что по-разному все горят.

14

Покажись, как незримый свет,

загл.
Альбом

ОБЕЩАНИЕ

1—13
СЗв, Альбом

С протянутыми руками,
С душой, где звезды зажглись,
Идут святыми путями
Избранники духов ввысь.

И после стольких столетий,
Чье имя — горе и срам,
Народы станут, как дети,
И склонятся к их ногам.

Тогда я воскликну: «Где ты,

15—16

Ты помнишь мои обеты
И веру твою в меня?

СЗв

без загл.

загл.
Костер (рукопись),
Альбом

САМОТРАССКАЯ ПОБЕДА

2
Костер (рукопись)

Как Самоотрасская победа

строфа 3
СЗв

И я не знаю, ты жива ли
Иль только взор твой жив, сверкая,
Ища в неисследимой дали
Огней невиданного рая.

205

СЗв

без загл.

6—8

Забывая нарочно в миг прощанья
На томике серьезного издания
(Шамполионовский Joffre Rudel),

13

И желто-розовый цветок целуя,

208

СЗв

без загл.

5

Над челом твоим густая прядь.

10—11

Так благословен твой легкий шаг,
Точно по сердцу ступаешь ты,

13—14

отсутствуют

15

И тому, кто мог с тобою быть,

209

СЗв

без загл.

строфа 3
Костер
(рукопись)

отсутствует

9

Если звезды внезапно горды,

СЗв

16

Как святыню, твой белый платок.

210

2
СЗв

И проснулся, смертно скорбя;

18

Пусть всё это было лишь сном,

20

Под твоим закрытым окном,

строфа 5
Костер
(рукопись)

отсутствует

4
СЗв

Торжественно в тот вечер озаренный.

6

И ни широкий свежий ветер моря,

19
СЗв

Большие бабочки перелетали

20
СЗв, Костер
(рукопись)

Среди цветов, вознесшихся высоко,

31
СЗв

Как странно! Только десять лет прошло,

34

Во тьме белевшем, как единорог.

39

Да, только десять лет, но хмурый путник,

213

2
Фарфоровый
павильон
(рукопись)

И море жидким золотом полно,

3—6

Друзья сидят на лодке остроносой
И жадно пьют горячее вино.

Смотри, как тучи входят в выходят
В широкий круг, луной заворочен,

216

16
Фарфоровый
павильон
(рукопись)

В тени нависнувших ветвей.

226

6
Фарфоровый
павильон
(рукопись)

[Стану я] Я возьмусь отыскивать дорогу.

7

Сядешь на слона, что помнит Будду,

вм. 37—48
Шатер, 1921

Из лесистых ушей приходят слоны,
Чутко слушающая волн набегающих гул,
Обожать отражение ущербной луны
Подступают к воде и боятся акул.

И когда выступает луна на зенит,
Вихрь пронесется, запахи моря тая,
От Суэца до Баб-эль-Мандеба звенит,
Как Эолова арфа, поверхность твоя.

50—51

Ты когда-то исполнило божий закон:
Ты раздвинуло цепкие руки зыбей,

230

строфа 7
Шатер, 1921

Это лик благосклонной Изида
Или пламя встающей луны?
Неужели хотят пирамиды
Посагнуть на покой вышины?

241

между строфами
1 и 2
Шатер, 1921

Ожерелий, колец с дорогими камнями
Я недавно отправил тебе караван.
Но ты больше побед одержал над врагами,
На груди твоей больше заслуженных ран.

243

вм. строфы 2
автограф
из архива
В. А. Рождествен-
ского

Помнить всякий раз другое имя,
Разбирать начала и концы
Трудно душам — Память правит ими,
Что проводит годы под уздцы.

Память с телом старой великанши
И с глазами полными огня,
Расскажи о тех, что жили раньше
В этом теле вечном до меня!

между строфами
3 и 4

На песчаных дальних косогорах,
У лесных бездонных очаств
Вечно норы он копал, и в норах
Поджидал неведомых гостей.

17

А второй... любил он ветер с юга,

Между строфами
5 и 6

Был влюблен, жег руки, чтоб волнение
Укротить, писал стихи тогда,
Ведал солнца ночи вдохновение,
Дни окостенелого труда.

*между строфами
8 и 9*

А потом у моря величаво
Вел рассказ, разлегшись на софе...
— Упоительно прекрасна слава
В маленьких тропических кафе!

33

Память, ты слабеешь год от году...

37

Что мученья голода и жажды

39

Раз Святой Георгий тронул дважды

41—42

Я бессонный и упрямый зодчий
Града [света], восстающего во мгле,

*между строфами
11 и 12*

Каждое мной сказанное слово —
Это молот, бьющий в груди гор,
Злящийся, что время не готово
И пространство медлит до сих пор.

57

Вскрикну я, но разве кто поможет,

246—248

2

*строфа 4
автограф*

И женщину люблю, что у судьбы
Я оттягало с яростью во взгляде.
Ее прикосновенье жжет, как бы
В ней бродит солнце, точно в винограде.

249

*строфы 4—5
автограф*

Все слова, что пропели
Раз в моем бытии,
В этот час не тебе ли,
Как все мысли мои?

Ты, со взглядом прозрачным
И такой глубины,
Что одним новобрачным
На земле суждены!

255

*41—46
автограф ЦГАЛИ*

Знаю, борясь со смертной тоскою,
Ты повторяла одно: «Вернись!»
Я же с напудренною косою
Шел представляться Императрис.

47
автограф,
собрание Лесмана

9
2-й автограф

18
20—22

24
между стрсфами
6 и 7

Дальше! Вот морем пахнет свобода,
Капает в море горячий свет

Люди и звери стоят у входа

259

Тихо. Мыши засвистели,

Гонит ветер на восток,

Зарывая пасть в песок.

Брат мой, враг мой, ревы слышишь,
Чуешь запах, видишь дым,

Мутным воздухом чужим?»

Я ему не отвечаю,
Что со зверем говорить?!
Здесь тружусь я, здесь встречаю
Ту, что радостно любить.

И текут на смену чарам
Чары вновь; он говорит:
«Помнишь месяц над Харраром
И рыдание Эглит?

Ты ж расстался с девой черной,
Деве белой — тот же срок,
А перо держать позорно
Пальцам, трогавшим курок.

Ведь, по тайному условию,
Заключенному в борьбе,
Я тебя обрызгав кровью,
Душу передал тебе».

Боже, сердце углем рдеет,
Сердце стало на зенит!
И опять он чары деет,
И опять он говорит:

«Здешний бог не настоящий.
Где он, в чем тебе помог?
А у нас-то в каждой чаше
Восьмирукий черный бог.

В день, как ты ему молился,
Он тебя не обманул:
Раб сбежавший возвратился
И поправился твой мул.

Нет, ты должен, мой убийца,
Умереть в краю моем,
Чтоб опять я мог родиться
Леопардом или львом».

Что ж, мне слушать до рассвета
Этот шепот, этот зов...
Не послушал я совета,

34 Победила и близка.

39 Доманиль [Сомали] припал за камень

45—46 Но не в силах я бороться,
Я покорен, я встаю —

260

3 Которые хотят, чтоб наш свободный гений
автограф ЦГАЛИ

5—7 Нас может радовать прямой и честный враг.
Но эти каждый наш подсматривают шаг,
Бдят в час, когда мы спим, лукаво молят чуда

вм. 15—17 [Не полубоги мы, а немощные люди.
Ждет смерть нас, вскормленных от материнской
грудю.

Святыне творчества приличествует лишь
Покорность светлая, молитвенная тишь.]
Постыдно мастера дурманить беленой,

265

18—20 Но не решился ни один
«Весы» Остановить движенье паруса
У этих гибельных стремнин.

между строфами
6 и 7

Во сне я вижу тени близкие
И страны солнца и весны,
Но тяжко давят тучи низкие
В лучах опаловой луны.

276

СЗв без загл.

загл. УНИЖЕНИЕ
Альбом

строфы 2—3 отсутствуют
СЗв

вм. строфы 6 Бархатом меня покроет вечер,
СЗв А луна оденет в серебро,

И, быть может, не припомнит ветер,
Что когда-то я служил в бюро.

292

СЗв

без загл.

вместо строф 1—2

*Костер
(рукопись)*

Что в тебе мне, красивой и томной,
Как тебя увидали бы все?
— Я мечтаю о девочке скромной,
Наклоненной над книжкой Мюссе.

16

Застилало слезами глаза.

26

Ты хотела быть солнца светлей,

28

[Солнцем] Счастьем, лучшей надеждой
своей.

32

СЗв

Но не всем, только мне одному.

33—34

И теперь ты не та, ты забыла
Всё, чем прежде ты вздумала стать.

34

*Костер
(рукопись)*

Всё, чем прежде ты думала стать.

35

СЗв

Где надежды? Вся жизнь — как могила.

38

*Костер
(рукопись)*

Вот, я душу свою отдаю

294

*вм. 25
автограф*

Меня ж, господь, прости, прости.
Прошу я милости одной:
Больную душу отпусти
На незаслуженный покой.

309

*1—3
автограф*

Тяжкий колокол на башне
Медным ревом заревел,
Чтоб огонь пылал бесстрашный,

9—11

Звери корчились от боли,
И испуганные птицы,
Как багряные зарницы,

3
Гиперборей
(рукопись)

4 а

И замки древние над Арно,

б

И [огнедышащая] даль.

в

И [блеск холмов, плывущих в] даль.

И запах трав, и в блеске даль.

7

[За царством в вечном] потонувших

8

[И не оплаканных] обид.

11

Вот грозно встала Синьория

14

Разнообразен, вечно нов.

после строфы 6

[И в содроганьях темной плоти,
И в скорби духа, что погас,
Как Пленников Буонаротти,
Через века он видит нас.]

333

2
«Нива»

Там было тихо, душно и темно,

5—6

И черный мавр со взорами дракона,
Весь вечер пивший кипрское вино,

8

Он не услышит девичьего стона.

334

строфы 2—3
автограф в архиве
А. Л. Волынского

Всю эту жизнь многообразную
Не помышляя об иной,
Я как великий праздник праздную,
Как нектар, воздух пью земной.

строфа 5

И Судия, с лазури пламенной
Диктующий нам свой закон,
Признает, верую, что правильно
Мой путь был мною совершен.

337

16
беловой автограф

Поля, урожаем полны.

339

У СТОЛБА ПЫТОК

загл.
автограф ЦГАЛИ

строфа 5

И дальше пути нет,
Там полог [купол] лазурный,
Дошедший, да вынет
Свой жребий из урны!

341

строфы 5—6
автограф ГПБ

Мы будем делать, что нам велено!
Труба, реви, ружье, стреляй,
Граната, рой в земле расщелины,
Подготавливая новый рай.

И ты светись, заря зловещая,
Пугая и чаруя нас:
Ведь время, как сибилла вещая,
Нам всё расскажет в должный час.

344

8
Отлуние

В невкие, слепые зеркала...

вместо строф 4—5
«Лит. мысль»,
Отлуние

Тихий снег засыплет грусть и горе,
И не будет жалко ничего,
Будет ветер, будут в Черном море
Бури кликать друга своего.

Я скажу ей: «Хочешь, мы уедем
К небесам, не белым — к голубым,
Ничего не скажем мы соседям,
Ни твоим, царевна, ни моим».

Не откажешься тогда, я знаю...
Только б лето поскорей прошло,
Только б поскорей дорогу к раю
Милым, хрупким снегом замело.

349

ФРАНЦИИ

загл.
автограф в архиве
М. Л. Лозинского

1—3

Франция, на лик твой осиянный
Я еще, еще раз оглянусь
И как в омут брошусь, окаянный,

14	Вольно флаг трехцветный пробегал,
20	И других отважнее был он!
строфа 7	отсутствует
30	Надвое душа расщеплена.

362

загл.
автограф ЦГАЛИ

КОВАРНАЯ ДЕСЯТКА

К а р о л и н а	куртизанка.
К у н и г у н д а	куртизанка.
Г р а ф	претендент на престол Майорки.
Р о я л и с т	старый вольтеррианец.

Играют. Р о я л и с т обнимает К а р о л и н у

Г р а ф (<i>роялисту</i>)	Не смейте трогать Каролину, Сатир проклятый!
К а р о л и н а (<i>на- смешливо</i>)	Ай да граф!
Р о я л и с т (<i>из- деваясь</i>)	Да вы похожи на картину, Ахилла позу переняв. (<i>Строго</i>) Достоин дикого монгола В изящном обществе шуметь, А вам, наследнику престола Майорки...
К а р о л и н а	Верно, граф — медведь.
Г р а ф (<i>роялисту</i>)	Молчите! В вас иссякла вера, Язык трещит, а дух ваш нем, Вы, друг безбожного Вольтера, Смеяться рады надо всем. Не вам любить ее, вы сгнили, А я — я верую в мечту...
Р о я л и с т	Да, красоту бурбонских лилий Я выше лилий неба чту. Но ваши дерзкие приказы К бесцельным сводятся словам. Вы нищий — я ей дам алмазы. Она пойдет ко мне, не к вам.
Г р а ф (<i>Кароли- не</i>)	Прелестница среди прелестниц, Оставь его, я всё прощу.

Каролина

Но он мне заплатил за месяц,
И платы я не возвращу.

Граф (роялисту)

Ну, значит, нам осталось биться.
Сегодня ж, сударь, на дуэль!

Роялист

Я слишком стар, мой храбрый рыцарь,
И отклоняю ваш картель.
Но вижу, вы склонны к азарту,
И, чтоб изведать, чья возьмет,
Поставим счастье на карту,
Когда позволит банкомет.
Я дам вам ставкой Каролину —
Посмейте молвить, что я скуп, —
А вы хотя бы половину
Цены прекрасных этих губ.

Граф

Идет! Я ставлю трон Майорки
И мною собранную рать,
С которой, словно коршун зоркий,
Я царства мог завоевать.
Я ставлю горы золотые,
Царей поверженных главу,
Равнины снежные России,
Ее священную Москву.
Как будет жутко, странно, сладко
К сукну зеленому припасть,
Пока коварная десятка
Венчает здесь любовь и власть.

Каролина

Скажите, вы такой богатый?
Тогда я рада видеть вас.

Граф

Увы, отцовский меч и латы —
Всё, что имею я сейчас.

Роялист

Ага, тесна дорога к раю!
Ну, смирно, если вы не трус.
Молчите все, я начинаю...
(Мечет фараон)
Восьмерка, двойка, дама, туз...

Кунигунда
(склоняясь над
графом)

О, что ты делаешь, несчастный!
Ведь дивной волею планет
Ты призван быть как светоч ясный...

Роялист (*продолжая*)

Девятка, тройка и валет...

Кунигунда

Как звук трубы, как божье чудо
Ты быть обязан! О, позволь
Мне увести тебя отсюда...

Роялист (*продолжая*)

Валет, опять валет, король...

Кунигунда

Скорей, скорей, спеши за мною
Туда, где солнце и волна,
Туда, где место есть герою...

Роялист

А, вот десятка... и дана.

Граф

Вы сплутовали.

Роялист

Что за шутки?
Платите лучше, сударь мой,
А эти ваши прибаутки
Веревкой пахнут и тюрьмой.

Каролина

Ну вот, я так и ожидала.
Он мне противен с этих пор.
О чем она ему шептала?
Планета, светоч... Что за вздор!

Роялист
(*ободряюще*)

Э, государь мой, нет причины
Вам огорчаться за двоих.
Что вы лишились Каролины —
Так молодой найдет других.
А ваши призрачные царства,
Что вы мечтали покорить, —
Скажу вам просто, без коварства:
Глупей едва ль что может быть.
Ну полно, юноша, оправьтесь,
Ваш лоб в поту и взор померк.
Вы завтра ж будете заправский
В доме нотариуса клерк.
Легко приглаживать височки,
Крестьянам письма сочинять,
Глазеть в окно хозяйской дочки,
Когда она ложится спать!
Одни слова на этом свете
Громки, и нету громких дел...
Граф стреляется.

Кунигунда
(*восторженно*)

А, вот он, вот он в ярком свете!
Он всё свершил, о чем скорбел!

Глава первая

Меж острых кактусов и пальм,
 По перепутанным тропам
 Свирепых абиссинцев рать
 Идет, чтоб жечь и убивать.
 Они угрюмы: их страна
 Вся негусу покорена,
 И только племя гурабе
 Своей противится судьбе.
 Взошла луна. Деревня спит.
 Сам Дух Лесов ее хранит.
 За всем следит он в тишине
 Верхом на огненном слоне.
 Но, видно, и ему невмочь
 Спасти деревню в эту ночь.
 Как стадо бешеных быков,
 Рванулись абиссинцы. Рев,
 И грохот выстрелов, и вой
 Раздались в тишине ночной.
 Отважно племя гурабе,
 Никто не помнит о себе,
 Но бой ночной — как бег в мешке.
 Копье не держится в руке.
 Враги жестокие молчат
 И режут, колют, как хотят.
 Но свет неожиданный, как заря,
 Вдруг встал над хижиной царя:
 Он сам поджег свой бедный кров,
 Чтоб увидеть своих врагов.
 Туда, где гуще бой, бежит
 И в грудь, широкою, как щит,
 Стучит огромным кулаком,
 Размахивая топором:
 «Кто в бой со мною вступит, кто?»
 Он ждет, но не идет никто.
 И, значит, было суждено,
 Чтоб вышел сам Ато Гано,
 Вождь абиссинцев; он старик,
 В беседе весел, в битве дик.
 Он вынул нож и прохрипел
 Врагу: «Ну ладно, будь же смел».
 И прыгнул негр к нему на грудь,
 Надеясь сразу подогнуть
 Его колени, но старик
 К земле увертливо приник,
 Потом взмахнул ножом и вновь
 Стал ждать, чтоб заструилась кровь.

Опять прыжок, удар опять,
И радостно завывла рать,
Когда свалился негр ничком
Пред беспощадным стариком.
Гано скривил улыбкой рот,
Довольно бормоча: «Ну вот».
Но был разгневан Дух Лесов
Пальбой и гулом голосов.
Он лег, как будто пред трубой,
Перед пещерою сквозной
И закричал: «Ага-га-га,
Клыки, копыта и рога!
Бегите из лесов и с гор,
Со всех болот, со всех озер.
Здесь слишком расходился стан
Бесхвостых, голых обезьян.
Пугните их теперь, чтоб впредь
Они не смели так шуметь».
И словно рухнул водопад,
Раздался гул: слоны сопят,
Зафыркал буйвол, носорог
О черный камень точит рог
И по болоту бегемот
Тяжелой поступью идет.
Увидев их, Ато Гано
Схватил горящее бревно
И, размахнувшись, бросил в лес.
Поднялось пламя до небес.
И, обезумев, меж собой
Вступили звери в грозный бой.
Слону огромный носорог
Всадил в живот свой острый рог.
Тот прыгнул вбок и застонал
И буйвола ногами смял.
Их пламя жгло и свет слепил...
Ато Гано домой спешил.
У трупа мертвого вождя
Он натолкнулся, уходя,
На мальчугана лет шести:
Его забыли унести.
«Ты сын вождя? Ну хорошо.
Ты мой, коль я тебя нашел.
Тебя зовут отныне Мик»...
И взял с собой его старик.

Глава вторая

В Аддис-Абебе праздник был.
Гано подарок получил
И Мику весело сказал:
«Вот ты моим слугою стал.

В знак ласки руку я мою
Поцеловать тебе даю».
Но Мик не слушал ничего,
И больно высекли его.
Порою от насмешек слуг
Мик бегал на соседний луг.
Там был привязан на аркан
Большой косматый павиан.
Он никого не подпускал,
Зубами шелкал и рычал,
И люди ждали, что вот-вот
Он ослабеет и умрет.
Его жалея, скоро Мик
К его характеру привык.
Он приносил ему плоды
И в тыкве высушенной воды.
При виде Мика павиан
Не бесновался, как шайтан.
Обнявшись и рука в руке,
На обезьяньем языке
Они делились меж собой
Мечтами о стране иной,
Где каждый счастлив, каждый сыт,
Играет вдоволь, вдоволь спит.
И так поведал павиан
О родословной обезьян:
«В какой-то, очень древний, век
Жил бедный честный человек.
Он всем соседям задолжал,
А чем платить — совсем не знал.
Он не хотел терпеть позор,
Устроил на лугу костер
И сел, чтоб заживо сгореть,
Но было горячо сидеть!
Он в лес навеки убежал,
Людей боялся и кричал:
«Ой-ой, мне нечем заплатить!
Ой-ой, с людьми мне стыдно жить!»
И от него в тот самый год
Пошел весь обезьяньи род».
Мик слушал всё с открытым ртом
И спрашивал: «А что потом?»
И снова начал павиан:
«Есть много разных обезьян,
И есть макаки, что хитрей
Шакалов и ворон и змей.
И на одной из них свой гнев
Сорвать задумал как-то лев.
Ее он к пальме привязал
И, отправляясь спать, сказал:
«Как встану, так тебя и съем».
И павиан пришел затем,
Макаку увидал и вот
Спросил, зачем она ревет.

Макака молвила: «Сосед,
Устроил Лев большой обед,
И я приглашена была,
Но много есть я не могла.
Увидел то хозяин лев
И вдруг пришел в ужасный гнев,
А мне и ввек не съесть всего,
Что подавалось у него».
Обрадовался павиан,
Сказал: «Вот буду сыт и пьян!
Тебя сейчас я отвяжу,
Сам привяжусь и льву скажу:
«Могучий лев, хозяин наш!
Я съем до крошки всё, что дашь».
Он привязал себя и сел,
А лев схватил его и съел».
Заслушиваясь друга, Мик
От службы у людей отвык,
И слуги видели, что он
Вдруг стал ленив и несмышлен.
Узнав о том, Ато Гано
Велел ему толочь пшено,
И хохотала дворня вся,
Наказанного понося.
Уже был темен небосклон,
Когда работу кончил он,
Но, от обиды сам не свой,
Не подошел к котлу с едой.
Косматый друг его был зол,
Зачем так долго он не шел,
И, только извинившись, Мик
С ним примирения достиг.
И вот, под взорами луны,
Печальны, злы и голодны,
И павиан, и человек
Вдвоем замыслили побег.

Глава третья

Французский консул звал давно
К себе позавтракать Гано,
И наконец собрался тот
С трудом, как будто шел в поход:
Надел волшебный амулет,
Чтоб охранить себя от бед,
От глаза тоже — знал герой,
Что у французов глаз дурной.
Прощенный Мик бежал за ним
С ружьем английским, дорогим
И удивлял кругом людей,
Крича: «Дорогу, да живей!»

Гано у консула сидит,
Приветно смотрит, важно льстит,
А консул, чтоб дивился он,
Пред ним заводит граммофон.
Игрушечный аэроплан
Порхает с кресла на диван,
И электрический звонок
Звонит, не тронутый никем.
Гано доволен, тянет грог,
Любезно восхищаясь всем,
И громко шепчет: «Ой ю гут!
Ой, френджи! Всё они поймут!»
А Мик стоит в большом саду
И держит мула под узду.
У мула бегают глаза:
Бойтся он большого пса,
Что без ушей и без хвоста
Сидит, привязан у куста.
И Мик дивится на стекло,
Что солнце золотом зажгло,
И на фигуры у дверей
То Аполлонов, то зверей.
Но вот он видит, что идет
Какой-то мальчик из ворот,
И обруч, словно колесо
Он катит для игры в серсо.
«Ей, френдж!» — его окликнул Мик.
И мальчик обернулся вмиг.
«Ты кто?» — спросил он, и другой
Поник курчавой головой,
Ответив: «Абиссинский раб».
— «Ты любишь драться?» — «Нет, я слаб».
— «Я вижу, низок ты и тощ.
Отец мой консул». — «Мой был вождь».
— «Он умер?» — «Умер». — «Отчего?»
— «В бою зарезали его».
— «Пойдем играть». — «Я не могу».
— «Пойдем». — «Я мула стерегу».
— «Меня зовут Луи». — «А я
Был прозван Миком». — «Мы друзья».
И Мик охотно рассказал,
Что он давно бы убежал
На поиски счастливых стран
И с ним бежал бы павиан,
Когда б могли они стянуть
Себе еды какой-нибудь,
Пилу, топор иль просто нож —
Без них в пустыне пропадешь.
Луи клялся секрет хранить,
Но, важный, проронил едва:
«Я с вами. Я хочу убить,
Как мой отец, слона и льва».
И убежал, но через миг
Вернулся: «На конфету, Мик».

И равнодушно Мик кладет
Какой-то белый шарик в рот,
Зачем — еще не знает он...
И вдруг затрясся, удивлен,
Как будто вновь увидел свет...
Он до сих пор не ел конфет.
Луи трясет его плечо,
Крича: «Проснись, и на еще».
Доволен, пьян, скача домой,
Гано болтал с самим собой:
«Ну, френджи! Как они ловки
На выдумки и пустяки.
Запрятать в ящик крикуна,
Чтоб говорил он там со дна,
Им нравится. Зато в бою —
Я ставлю голову свою —
Не победит никто из них
Нас — бедных, глупых и слепых.
Не обезьяны мы, и нам
Не нужен разный детский хлам».
А Мик задумчивый за ним
Бежал и, грезами томим,
Чуть не сорвался с высоты
На дно, в колючие кусты.
Угрюмо слушал павиан
О мальчике из дальних стран,
О том, что Мик решил позвать
Его с собою убежать.
Но долго спорить он не стал,
О камень спину почесал
И прорычал, хлебнув воды:
«Смотри, чтоб не было беды».

Глава четвертая

Луна склонялась, но чуть-чуть,
Когда они пустились в путь.
Луи смеялся и шутил,
Мешок с мукою Мик ташил,
И павиан среди камней
Давил тарантулов и змей.
Они бежали до утра,
А на день спрятались в кустах,
И хороша была нора
В благоухающих цветах.
Спустился вечер — снова в путь:
Успели за день отдохнуть.
Идти им вдвое веселей
Средь темных и пустых полей
И замечать с хребта горы
Кой-где горящие костры.

Однажды утром, запоздав,
Они не спрятались меж трав
И не видали, что в кустах
Их ждет совсем неожиданный враг,
Пантер опаснее стократ,—
Огромный и рябой солдат.
Он Мика за руку схватил,
Ременным поясом скрутил.
«Мне улыбается судьба!
Поймал я беглого раба! —
Кричал он.— Деньги и еду
За это всюду я найду».
Заплакал Мик, а павиан
С испугу спрятался в бурьян.
Но, страшно побледнев, Луи
Вдруг поднял кулаки свои
И прыгнул бешено вперед:
«Пусти, болван! Пусти, урод!
Я белый, из моей земли
Придут большие корабли
И с ними тысячи солдат...
Пусти иль сам не будешь рад...»
«Ну, ну,— ответил, струсив, плут,—
Идите с богом, что уж тут!»
Спасенный так неожиданно, Мик
К руке спасителя приник,
Но тот его не замечал.
Он павиана представлял,
Как тот, и сильный, и большой,
Запрятался в траве густой.
Ворчал смущенный павиан
И рывкнул, гневом обуян:
«Ну хорошо, ну пусть я трус!
Зато я с вами расстаюсь.
Довольно всем дорог в стране:
Налево — вам, направо — мне».
Вдруг что-то шелкнуло: в капкан
Попал ногою павиан.
Он то вздымался на дыбы,
То землю рыл, кусал столбы,
Но всё же справиться не мог
И утомленный навзничь лег.
И Мик хотел ему помочь,
Но, не сумев, помчался прочь.
Он думал, это дух могил
Их друга за ногу схватил.
Один Луи захохотал,
Нагнулся, винтик отыскал
И отвинтил его, и вот
Капкан открыл свой страшный рот.
И павиан, перетерпев
Такую боль, забыв свой гнев,
Поклялся: «В городе моем
Луи мы сделаем царем».

Потом пошли они в глуши,
Где не встречалось ни души
И лишь мелькала меж камней
Пантера шкурою своей.
И вдруг услышали вдали
Удары бубна, гул земли:
Пред ними странный караван
Идет, волнуясь, как туман.
Пятьсот высоких негров в ряд
Горящие стволы влачат,
Другие пляшут и поют,
Трубят в рога и в бубны бьют,
А на носилках из парчи
Царевна смотрит и молчит.
Прошел и скрылся караван,
И Мик, тоскуя, говорил:
«Не надо мне счастливых стран,
Когда б рабом ее я был.
Она — поклясться я готов —
Дочь Духа доброго Лесов.
Живет в немыслимом саду,
В дворце, похожем на звезду,
И никогда, и никогда
Мне, Мику, не войти туда».
Луи смеялся: «Ну не трусь,
Войдешь, как я на ней женюсь!»
Прошло два дня, и им тогда
Открылась горная гряда,
Отвесной падая стеной
Куда-то в сумрак голубой.
Оттуда доносился рев,
Гул многих тысяч голосов,
И громко крикнул павиан,
Что это город обезьян.

Глава пятая

Луи сидит на камне, Мик
Кусает сахарный тростник,
А хлопотливый павиан
Собрать задумал обезьян,
Чтоб дело вместе обсудить,
Нельзя ли им получше жить.
Уселись павианы вокруг,
Совсем покрыв просторный луг.
Из трещин, пропастей глухих
Торчали мордочки одних,
Других с отвесной высоты
Свисали длинные хвосты,
И все галдели, вереща,
Толкаясь или блох ища.

Но крикнул старый павиан:
«Молчать!» — и замер шумный стан.
Какой-то умник произнес:
«Не надо на хвосте волос!
Скорей их выщиплем, и вот
Мы будем избранный народ».
«Всё это вздор! — сказал другой.—
Мы лучше рев изменим свой.
Что «ав» да «ав»! Вот «ва» и «ва» —
Совсем похоже на слова».
Но старый павиан пинок
Ему безжалостно дал в бок
И поднял лапу, говоря:
«Не то! Мы выберем царя».
И все залаяли за ним:
«Царя! царя! хотим! хотим!
Ты самый старый, будь царем!
Нет, лучше Мика изберем!
Не надо Мика! Что нам Мик!
Луи! Он властвовать привык!
Луи! Нет, Мика! Нет, Луи!»
И, зубы острые свои
Оскалив, злятся. Наконец
Решил какой-то молодец:
«Луи — в штанах, он чародей.
К тому ж он белый и смешней».
Из лотусов и повилик
Корону сплел для друга Мик
И вместо скипетра пока
Дал кость издохшего быка,
А после отдались игре:
Кто влезет выше по горе,
Не оборвавшись, а гора
Была крута, была остра.
Всех лучше лазил павиан,
Луи — всех хуже. Он в бурьян
Чуть не сорвался и повис,
Рукой цепляясь за карниз.
Но павиан услужлив был:
Он хвост свой к мальчику спустил,
И тот приполз на высоту
По обезьяньему хвосту.
Его народ был огорчен,
Что так позорно лазал он,
И царь, кляня свою судьбу,
Устроил ловлю марабу,
Который издавна живет
На берегу больших болот.
Все бросились наперебой
Нестройной, шумною толпой,
Чтоб тотчас же вступить в борьбу
С большим и лысым марабу,
А царь остался сзади. Мик
Болота раньше всех достиг,
Но грозно щелкнул клювом враг,

И Мик замедлил в страхе шаг,
А марабу перелетел
Шагов за семьдесят и сел.
Луи смеялся: «Ну и рать!
Вам даже птицы не поймать.
Смотрите, что я натворю,
И верьте вашему царю».
Он из лианы сплел петлю,
В ней бросил мертвую змею
И Мику, верному рабу,
Велел подкинуть к марабу.
А тот, едва схватил еду,
Свою почувствовал беду,
Взлетел, но вновь слетел к земле —
Его нога была в петле.
Луи и весь его народ,
Вокруг устроив хоровод,
Смеялись весело над ним,
И, злобной яростью томим,
Он наконец им закричал:
«Ну и народ в пустыне стал!
Не позволяет мудрецам
Гулять спокойно по полям!
Вы помните ли наконец,
Что я старик, что я мудрец,
И знаю, сколько рыб в реке
И сколько гадов в тростнике,
Умею я в траве прочесть,
Чего нельзя, что можно есть!
Да что! А вы, озорники,
Как ваши знания глубоки?»
Как стыдно сразу стало всем!
И распустил Луи затем
Петлю, и марабу, взмахнув
Крылами, вновь открыл свой клюв:
«Я очень стар и не ропщу.
Вы ж молоды, я вас прошу».

Глава шестая

Дымился над землей туман,
И кучки сонных обезьян
Спешили в логова свои,
Когда ушел от них Луи;
Ушел, а Мик не спал всю ночь,
Тоски не в силах превозмочь.
[Когда сопящий бегемот
Шел к пастбищам из тьмы болот,
Когда внезапный ветер с гор
Гудел в вершинах сикомор,
То в каждом шуме думал Мик
Услышать человеческий крик.]

Под утро лишь забылся он,
И взял его могучий сон
В совсем чудесную страну,
Всего вернее, на луну.
[Там толпы юношей и дев
Перекликались: «Умер лев!»
А огненный громадный шар,
Весь в багровеющих звездах,
Как бы во власти темных чар,
Прыжками двигался в кустах.
И, в ужасе окаменев,
Вдруг понял Мик, что это лев.]

Проснулся... Старый павиан
Собрал сильнейших обезьян.
Они спускались, говоря,
Что хорошо б вернуть царя.
Порой, сплетя свои хвосты,
Через бездны строили мосты,
Пока пред ними темный лес
В тумане зыбком не воскрес
И не мелькнули меж стволов
Клыки и хоботы слонов.
Тогда они уселись. Мик
Пошел один и в глушь проник.
Пред ним поляны ровный круг
Кончался зарослями вдруг
И посреди его была,
Как низкий белый дом, скала.
На той скале Луи лежал,
Руками раны зажимал,
А восемь яростных пантер
Кружились возле... Из пещер
Еще спешили... Отражал
Всю ночь их мальчик и устал.

текст обрывается

〈Глава седьмая?〉

От дел правленья он отвык,
И, пролетая, крикнул Мик,
Ему показывая шиш:
«Зачем ты куришь, не царишь?»
И тот ответил: «Я курю
Затем, что следует царю!»

Через многоводный Сенегал
В трущобы Конго Мик влетел,
И как потом он проклинал
Тот неприветливый предел!
Там оголтелый людоед
С ножом за ним пустился вслед,
И голых полчища богов

Со свежей кровью на губах
Вдруг подняли ужасный рев
На каменных своих столбах.
В ловушки, скрытые средь скал,
Жираф ногами попадал.

Как ряд степей, бегущих вдаль,
Потом открылся Трансвааль,
И Мик запомнил навсегда
Деревни, села, города,
Где жили тысячи людей,
Не черных — белых, всех вождей.
У школы, дома одного,
Чуть не оставили его.
Старик, почтенный, словно царь,
Сказал: «Садись-ка за букварь!»
Забился Мик, его жираф
Вспотел, насилиу ускаяв.

«На север!» — крикнул Мик. И вот
Они вошли в страну болот
В верховьях Нила; там сильны
Загадочные колдуны
И могут, дергая струну,
Заставить мучиться луну.
Для них пылающий жираф
Был самой легкой из забав,
И безопасно ехал Мик
Средь заклинательных костров,
Как вдруг пред ним опять возник
Седой и мудрый Дух Лесов.

«Ну, ты наездник молодец!» —
Сказал он Мику как отец,
А Мик, поникнув головой,
Шептал: «Мне хочется домой!
Мне кажется, что я умру,
Коль не достану инджиру
И не понюхает мой нос
В Аддис-Абебе красных роз».
Дух рассмеялся: «Ну, иди!
Ты счастье встретишь впереди.
Я ж три подарка дам тебе,
Помощников в твоей судьбе:

Теперь поймешь свободно ты,
Что шепчут звезды с высоты,
[Все запахи и голоса,
Которыми полны леса.
Отныне каждый человек —
Богатый, бедный, самый злой —
К тебе привяжется навек
Вдруг размягченную душой,
И будешь ты творить добро,
И суд твой будет честный суд,

Но золото и серебро
В твоих подвалах как сочтут?!»]

И над могилою Луи
Колени Мик склонил свои
И слышал в небе звездный клик:
«Луи, он счастлив, он в раю.
Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою».
И престарелый павиан,
Что стал царем у обезьян,
Целуясь с Миком, уверял,
Что тот совсем мужчиной стал.
И встретиться с ним Ато Гано,
Тому бы не было смешно.

〈Глава первая〉

*Автограф 2-й (?),
промежуточной
ред. (ЦГАЛИ)*

Упало солнце за утес.
Идет к ночлегу стадо коз;
Встречая их, ручной шакал
Хвостом приветно завилал;
Несутся крики негрятят.
Покуда женщины доят,
Мужчины заняты своим:
Кто тянет из кальяна дым,
Кто вырубает топором
Урода вышиною в дом,
Кто аиста [ястреба] следит полет,
Кто песни старые поет.

А в это время в роще пальм
По перепутанным тропам
Свирепых абиссинцев рать
Идет, чтоб жечь и убивать;
Порою звякнет длинный меч,
Меха пантер свисают с плеч,
И ярок синий шелк рубах;
У всех улыбка на губах,
И все уверенны, как львы,
Стремительны, как ястреба,
О каждом гул пройдет молвы,
И каждый уведет раба.

Взошла луна. Деревня спит,
Сам Дух Лесов ее хранит,
За всем следит он в тишине
Верхом на огненном слоне —
Чтоб Ауарис-носорог
Напасть на путника не мог,
Чтоб бегемота Гумаре
Не застрелили на заре
И чтобы Азо-крокодил
От озера не отходил.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее собрание стихотворений и поэм Николая Гумилева — первое советское научно подготовленное издание произведений одного из ведущих поэтов начала XX в. Не являясь полным, оно охватывает почти все прижизненно изданные сборники оригинальных и (частично) переводных произведений, а также включает стихотворения и поэмы (в том числе драматические), не собранные в отдельные книги. Несколько стихотворений публикуется впервые.

Судьба литературного наследия Гумилева сложилась так, что оно в течение нескольких десятилетий находилось под особым углом зрения советского читателя. После двух изданий сборника «Стихотворений», подготовленного Г. В. Ивановым (П., 1922; изд. 2-е, П., 1923), произведения Гумилева печатались крайне редко, но статьи о нем публиковались.

Начиная с 1923 г. произведения Гумилева публиковались за рубежом как в периодической печати, так и отдельными изданиями. Итоги были подведены в четырехтомном Собрании сочинений (Вашингтон, 1962—1968), где, в частности, опубликованы и подробно описаны материалы из т. н. «лондонского архива» Гумилева. Этот массив находился в собрании Г. П. Струве (1898—1985), осуществившего основную часть работы по подготовке Собрания сочинений. Существенным дополнением к четырехтомнику были следующие два однотомника: Гумилев Н. С. Неизданные стихи и письма. Париж, 1980; Гумилев Николай. Неизданное и несобранное / Сост., ред. и комм. М. Баскер и Ш. Греем. Paris, 1986. В них впервые опубликованы материалы архивохранилищ СССР (преимущественно ГБЛ, ГПБ, ЦГАЛИ), в частности представляющие значительный интерес письма Гумилева к В. Я. Брюсову (ГБЛ), содержащие стихотворения, многие из которых до тех пор оставались не изданными.

Перечисленные основные зарубежные издания сочинений Гумилева характеризуются существенными недостатками. В частности, в четырехтомном Собрании сочинений примечания крайне скупы и не свободны от ошибок. Достаточно поверхностны и примечания в парижских сборниках. Необходимо также отметить, что на форзаце «Неизданного и несобранного» помещена фотография не Гумилева, а Бориса Садовского (см.: «Огонек». 1987, № 36, публикация Е. А. Евтушенко).

Столетие со дня рождения Гумилева, пришедшее на период кардинальных перемен в социальной и духовной жизни советского общества, ознаменовалось более чем десятком разнообразных публикаций в газетах и журналах. Естественным продолжением этого является подготовка и издание однотомников произведений поэта (назову, в частности, сборники, готовящиеся к изданию в издатель-

ствах «Современник», «Мерани» и Нижне-Волжском книжном издательстве). В начале 1988 г. вышло в свет первое массовое издание «Избранные стихотворения» Гумилева в «Библиотеке „Огонек“».

Настоящее издание состоит из двух разделов, обозначенных римскими цифрами. В первом «книгами» представлены стихотворения и поэмы, вошедшие в сборники «Романтические цветы» (1918), «Жемчуга» (1918), «Чужое небо» (1912), «Колчан» (1916), «Костер» (1918), «Шатер» (1921), «Огненный столп» (1921). Переводческое мастерство Гумилева в этом разделе представляют сборник «китайских стихов» «Фарфоровый павильон» (1918) и несколько стихотворений Т. Готье в составе «Чужого неба».

Второй раздел открывают стихотворения из первого издания «Жемчугов» (1910). Далее следуют стихотворения из сборника, известного под названием «К Синей звезде» (П.— Берлин, 1923), в который входили (в новых редакциях) несколько стихотворений из «Костра» (№№ 190, 202—206, 208—211) и одно — из «Фарфорового павильона» (№ 214). Указанные произведения объединены составителем настоящего издания под общим названием «Посредине странствия земного».

Какие основания были для этого нововведения?

По воспоминаниям И. В. Одоевцевой, на одном из заседаний «Цеха поэтов» в ноябре 1920 г. обсуждалось название «На половине странствия земного», но, хотя оно и вызвало «всеобщее одобрение», Гумилев на следующий день сообщил мемуаристке, что он хочет переименовать книгу в «Огненный столп», решив, что ранее выбранное название «может сократить ему жизнь». Книга вышла в свет в издательстве «Петрополис» под новым заглавием (см.: Одоевцева Ирина. На берегах Сены. Париж, 1983. С. 482—483). В Собрании сочинений в комментарии к «Огненному столпу» без ссылки на источник сказано: «Первоначально Гумилев хотел назвать этот сборник „Посредине странствия земного“» (Собр. соч. Т. 2. С. 291). В действительности, вопреки приведенным сведениям, перемена заглавия связана с другой книгой. Об этом свидетельствует газетная хроника. В петроградской газете «Жизнь искусства» (1921, 16—21 авг.) появилось сообщение о том, что «в издательстве Петрополис на этой неделе выйдут в свет четыре книги, в том числе: Н. Гумилев, «Огненный столп» (стихи)». Затем, в номере от 30 августа, в заметке «Новые книги» было объявлено, что издательство «Цеха поэтов» (подчеркиваем это обстоятельство) «выпускает» ряд поэтических сборников, в том числе «книгу стихов Н. Гумилева „Посредине странствия земного“».

Поскольку сообщения относились к разным издательствам, нетрудно заметить, что в воспоминаниях И. В. Одоевцевой допущена контаминация. Однако исключительная конкретность воспоминаний позволяет думать, что Гумилев действительно не хотел выпускать новую книгу (но, конечно, не «Огненный столп») под первоначальным названием. Между тем, судя по анонсу в газете, оно осталось.

Характер второй заметки дает основания полагать, что после смерти Гумилева осталась рукопись готовой книги. Это подтверждается наличием в архиве поэта (ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, № 3) машинописного экземпляра сборника стихов без названия, но с атрибутивной надписью на обложке папки: «К Синей звезде». По составу машинописный сборник идентичен книге; единственное отличие заключается в нумерации стихотворений: в машинописи — римская, в печатном издании — арабская.

Поскольку сохранившиеся копии сборника «К Синей звезде» (в ЦГАЛИ, ПД, частных собраниях) также содержат стихотворения с арабской нумерацией, правомерно заключить, что экземпляр, отложившийся в архиве Гумилева, — не копия, а оригинал и является дубликатом той рукописи (машинописи), с которой набирался сборник «К Синей звезде».

В примечаниях анонимного составителя сборника говорилось, что тексты публикуются по альбому, находящемуся в Париже «у одного частного лица». Поскольку этот альбом до сих пор остается неизвестным, мы не можем убедительно подтвердить или опровергнуть достоверность данного утверждения. Безусловно достоверно другое, именно то, что состав книги и машинописи ЦГАЛИ совпадают. Поэтому представляет интерес указание Г. В. Иванова во втором издании «Стихотворений» (1923), что трехстишие «Вот девушка с газельими глазами...» (см. ст-ние 343, загл. «Хокку») относится к циклу «Картонажный мастер» и заимствовано из альбома, «находящегося в Париже у одного частного лица» (с. 124). Это примечание заслуживает внимания по ряду причин. Во-первых, несомненно, что в обеих книгах речь идет об одном и том же альбоме. Во-вторых, возникает вопрос, почему в сборник «К Синей звезде» не вошло стихотворение, ранее опубликованное Г. В. Ивановым, хотя сборник, как следовало бы думать, представляет собой публикацию парижского альбома. И, в-третьих, не является ли «Картонажный мастер» тем самым новым названием, которое нашел Гумилев?

Сказанное позволяет прийти к выводу, что сборник «К Синей звезде» был издан в Берлине по рукописи, вывезенной из Советской России и находившейся у кого-либо из «Цеха поэтов». Очевидно, от заглавия «Картонажный мастер» отказались из-за его «обыденности».

Таким образом, на вышеперечисленных основаниях, составитель настоящего издания счел возможным восстановить заглавие, данное книге (первоначально) самим автором.

Осложняет окончательное решение вопроса тот факт, что в архиве М. Л. Лозинского (см. о нем ниже) сохранилась записка рукой архиводержателя на бланке издательства «Всемирная литература» с перечнем книг, изданных в последние годы самим поэтом и переданных в разные издательства его вдовой А. Н. Гумилевой. Здесь нет упоминания о сборнике «Посредине странствия земного». Однако архив М. Л. Лозинского не разобран до конца и еще возможны другие находки.

В подразделе «Стихотворения и поэмы, не вошедшие в авторские сборники», составленном по жанрово-хронологическому принципу, основное место занимают произведения (в том числе — драматические), появившиеся при жизни Гумилева в периодической печати и коллективных сборниках, а также несколько оригинальных стихотворений, публикуемых по автографам, находящимся в ЦГАЛИ, ГПБ, в архиве М. Л. Лозинского и у А. К. Станюковича (Москва). Из многочисленных переводов Гумилева для этого подраздела отобраны те, которые были созданы в период работы поэта в издательстве «Всемирная литература». Этот период (1918 — июль 1921 г.) был вершиной переводческого мастерства Гумилева. В это время им были осуществлены такие значительные работы, как сборник «Французских народных песен», «Поэма о старом моряке» Кольриджа и др. В настоящее издание включены сонет Шекспира, «Марсельеза» Руже де Лилия, стихотворения Эредиа, Бодлера, Рембо, а так-

же — по авторской рукописи (архив М. Л. Лозинского) — «Абиссинские песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым».

При формировании второго раздела учитывалось то обстоятельство, что не все стихотворения, опубликованные под именем Гумилева при его жизни или записанные его рукой, принадлежат ему. В частности, в 1915 г. в журнале «Северная звезда» (№ 3, 5—8) было опубликовано восемь стихотворений за подписью «Н. Гумилев», а в № 10 появилось редакционное извещение о том, что эти стихотворения принадлежат «Г. С. Гумилеву». Ни одно из этих стихотворений не вошло в авторские сборники Гумилева. Принадлежность их поэту не подтверждается сохранившимися рукописями или корректурами. Никакими сведениями о поэте «Г. С. Гумилеве» мы не располагаем, но «Григорием Степановичем» Гумилев именуется в письме поэтессы И. А. Гриневской к германисту, члену редколлегии изд-ва «Всемирная литература» Ф. А. Брауну, и именно так она обращается к Н. С. Гумилеву, высказывая свои соображения по поводу книги «Принципы художественного перевода» (ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, № 64). Следует обратить также внимание на то, что в 1915 г. в журнале «Женская жизнь» (№ 22) появилось стихотворение «Гобелен» за подписью «Л. Гумилев», т. е. приписанное сыну поэта, Льву Гумилеву, родившемуся в 1912 г. Остается только предположить, что некто, знавший Гумилева и его семью, избрал себе столь странный «псевдоним».

Во втором томе Собрания сочинений выделен специальный раздел «Французские автопереводы Гумилева». Он состоит из трех стихотворений, извлеченных из записных книжек, находившихся в «лондонском архиве». Первое из них, «La Piégée», представлено как впервые публикуемый автоперевод стихотворения «Камень» (№ 48, сборник «Жемчуга»). В действительности же впервые этот «автоперевод» был напечатан в 1914 г. в кн.: Chuzewille Jean. Antologie des poètes russes (Paris, 1914 P. 276—278), безусловно известной Гумилеву. Надо полагать, ему понравился перевод и он внес его в записную книжку.

При подготовке книги выявлено местонахождение множества автографов Гумилева, как в архивах и рукописных отделах библиотек (институтов, музеев), так и в частных собраниях. Личный архив Гумилева (ЦГАЛИ) содержит рукописи и черновые наброски произведений. Особый интерес представляет находящийся там альбом «Стихотворения. 1919 г.», куда преимущественно внесены стихи из сборника «Огненный столп», а также стихи, опубликованные впоследствии Г. В. Ивановым. Дата альбома указывает на время записи, поскольку, как установлено (см. прим. 354), в него вошло стихотворение, написанное не позднее 1913 г. Ряд стихотворений сохранился в составе писем Гумилева к В. Я. Брюсову (Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина). Рукописи стихотворений и драматических поэм Гумилева находятся также в Отделе рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома). Существенное пополнение гумилевских материалов Пушкинского Дома произошло летом 1986 г., когда Л. Н. Гумилев передал туда 15 книг с дарственными надписями поэта (преимущественно родным), в том числе экземпляр «Чужого неба» с маргиналиями Ахматовой. Из частных собраний наиболее значительным является архив известного поэта и переводчика М. Л. Лозинского, которого связывали с Гумилевым не только совместная деятельность на литературном поприще, но

и личная дружба. В настоящее время архив находится в распоряжении И. В. Платоновой-Лозинской, вдовы проф. С. М. Лозинского.

Здесь прежде всего должны быть отмечены рукописи книг «Костер», «Романтические цветы» (1918), «Фарфоровый павильон» (1918), ряд автографов и частично корректура книги «Колчан», рукописи цикла «Абиссинские песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым», а также драматических поэм «Актеон», «Дитя Аллаха», «Гондла». В этом же архиве имеется рукопись сборника под названием «Отлунне», датированного 1916 г. Он содержит восемь стихотворений (№ 191, 184, 183, 187, 341, 186, 193, 344). В Собр. соч. (т. 2) приведен более пространственный список стихотворений, вошедших в известный составителю этого издания рукописный сборник под тем же заглавием.

В собрании книг и рукописей М. С. Лесмана (1902—1985) (в настоящее время находится в распоряжении Н. Г. Князевой) Гумилев представлен преимущественно сборниками с дарственными надписями А. Н. Энгельгардт, Б. М. Эйхенбауму и др. (всего семь экземпляров), рукописями поэмы «Осенняя песня» с дарственной надписью А. А. Горенко (Ахматовой, 1908), «Заблудившегося трамвая» и др., письмами к Ахматовой, а также экземпляром «Стихотворений» (П., 1922) с маргиналиями Ахматовой (сведения предоставлены Н. Г. Князевой).

Рукописи отдельных стихотворений Гумилева имеются в собраниях О. Н. Высотского (Кишинев), В. А. Петрицкого (Ленинград), А. К. Станюковича (Москва) и др. Несколько книг с автографами Гумилева и ряд рукописей поэта сохранились в библиотеке и архиве Вс. А. Рождественского, находящегося сейчас в распоряжении сестер М. В., Н. В. и Т. В. Рождественских.

Существенный интерес представляет экземпляр первого издания «Жемчугов», имеющийся в собрании доктора исторических наук А. Н. Кирпичникова (Ленинград): он дополнен дарственной надписью Т. В. Адамович, карандашным автографом стихотворения «Словно ветер страны счастливой...» и карандашными рисунками в тексте.

Большая часть перечисленных материалов была любезно предоставлена владельцами составителю при подготовке настоящего издания.

Редакция «Библиотеки поэта» особо отмечает помощь, оказанную И. В. Платоновой-Лозинской, ознакомившей редакцию с богатейшими материалами архива М. Л. Лозинского, и приносит ей благодарность.

Значительным собранием располагает вдова прозаика П. Н. Лукницкого В. К. Лукницкая. Как известно, П. Н. Лукницкий тщательно собирал все, связанное с именем Гумилева, скопировал множество текстов, в том числе тех, оригиналы которых были впоследствии утрачены (это нашло отражение в романе К. Вагинова «Козлиная песьнь»; сообщено Н. И. Николаевым). Судя по публикациям 1986—1987 гг., в собрании В. К. Лукницкой имеются и автографы. Однако самый ценный материал в этом собрании — книга «Труды и дни Н. С. Гумилева», представляющая собой, по всей вероятности, неизданную летопись жизни и творчества поэта. К сожалению, при подготовке данного издания оказалось возможным использовать только воспроизведения, помещенные в «Московских новостях» и «Огоньке».

Тексты основного корпуса книги и раздела «Другие редакции и варианты» подготовлены путем сличения всех ранее известных и впервые выявленных публикаций и рукописей Гумилева. Многочисленные списки и машинописные копии при этом во внимание, как

правило, не принимались. При выборе основного текста составитель руководствовался положением о приоритете последней авторской воли. Стихотворения из книг, изданных при жизни Гумилева единой и перенесенных после его смерти (кроме «Фарфорового павильона» и «Шатра»), печатаются по прижизненным изданиям.

Рассматривая книги Гумилева как своего рода циклы, располагая их в хронологии написания, составителю пришлось решать вопрос о местоположении «Романтических цветов» и «Жемчугов». Строго соблюдая принцип последней авторской воли, следовало поместить «Романтические цветы» и «Жемчуга» среди книг 1918 г. (т. е. «Костер», «Фарфоровый павильон»). Между тем «Романтические цветы» в издании 1908 г. и «Жемчуга» 1910 г. находились в читальском обиходе, их рецензировали И. Ф. Анненский, В. Я. Брюсов и др. Поэтому эти сборники поставлены в соответствии с их хронологическими подзаголовками, но с сохранением композиции и воспроизведением текстов в редакции 1918 г.

Отличительной особенностью авторских рукописей Гумилева является то, что поэт — за редчайшими исключениями — не датировал свои произведения (то же и в печатных изданиях). Поэтому сведения о датах и месте написания произведений в основном корпусе не приводятся ввиду их крайней приблизительности (они содержатся в примечаниях). Сохранены только даты, принадлежащие самому Гумилеву.

В результате сопоставления текстов прижизненных изданий и сохранившихся автографов удалось исправить несколько смысловых опечаток, а также сформировать раздел «Другие редакции и варианты». В него включены фрагменты, состоящие из не менее чем трех стихов (исключение сделано только для представления вариантов малодоступных автографов и в нескольких других, принципиально важных случаях; см., напр., «Рабочий», «Молитва мастеров»), а также полные тексты (первые редакции «Мика», «Игры»).

Примечания состоят из библиографической справки, в которой приведена первая публикация, а затем — через точку и два дефиса — указаны издания, где отразилась эволюция текста (механические перепечатки не учитываются; не приводятся также сведения о публикации стихотворений Гумилева из архива В. Я. Брюсова в сборниках «Н. С. Гумилев. Неизданные стихи и письма», «Николай Гумилев. Неизданное и несобранное»); даются указания на наличие автографа (автографов) и их местонахождение (кроме писем к В. Я. Брюсову). В примечаниях содержатся материалы для датировки, в ряде случаев освещается творческая история произведения, поясняются имена, исторических лиц, мифологических и литературных персонажей, раскрывается значение отдельных слов и понятий. При подготовке примечаний к книге «Шатер» составитель пользовался экземпляром издания 1921 г., подаренным П. Н. Лукницким В. А. Мануйлову и содержащим обильные маргиналии Д. А. Ольдерогге, а также консультациями африканиста С. Б. Чернецова; последнему составитель обязан также ценными сведениями, использованными при комментировании поэмы «Мик», «Абиссинских песен» (в сборнике «Чужое небо» и в разделе «Из переводов»), стихотворения «Леопард».

Звездочками сопровождаются стихотворения, к которым даны варианты.

В заключение составитель считает своим приятным долгом высказать благодарность за разнообразную помощь, оказанную в работе, следующим товарищам: А. Д. Алексееву, В. П. Бударагину,

В. Н. Вороновичу, О. Н. Высотскому, М. А. Дудину, П. Р. Заборову, Н. М. Иванниковой, Н. Г. Князевой, М. Е. Кудрявцеву, А. В. Лаврову, М. П. Лепехину, Ф. М. Лурье, И. М. Наппельбаум, Э. В. Песоцкому, В. П. Петрановскому, В. А. Петрицкому, И. В. Платоновой-Лозинской, А. В. Ратнеру, С. А. Рейсеру, А. И. Рейтблату, В. Н. Сажину, А. К. Сироткину, А. К. Станюковичу, Г. М. Фридендеру, И. Ю. Шаубу. Особую благодарность испытывает составитель к памяти Е. Д. Петряева.

Список условных сокращений,
принятых в примечаниях и разделе «Другие
редакции и варианты»

- Альбом — альбом Н. С. Гумилева, находившийся в собрании Г. П. Струве.
- Альбом ПД — альбом «Стихотворения Николая Гумилева», подаренный М. М. Маркс (ПД).
- Альбом ЦГАЛИ — альбом «Стихотворения. 1919 г.», находящийся в архиве Гумилева (ЦГАЛИ).
- Аполлон (альманах) — Литературный альманах: Изд. «Аполлона». Спб., 1912; то же: 1914.
- Арх. ЛО АН СССР — Архив АН СССР. Ленинградское отделение.
- Бирж. вед. — газета «Биржевые ведомости».
- Гиперборей — журнал «Гиперборей».
- Гиперборей (рукопись) — наборная рукопись всех вышедших в свет номеров журн. «Гиперборей». Архив М. Л. Лозинского.
- ГБЛ — Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей.
- ГПБ — Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей и редких книг.
- ЕЛПН — Ежемесячное литературное приложение к «Ниве».
- Ж 1910 — Гумилев Н. Жемчуга. М.: «Скорпион», 1910.
- Ж 1910 (ЖС) — то же, раздел «Жемчуг серый».
- Ж 1910 (ЖР) — то же, раздел «Жемчуг розовый».
- Ж 1910 (ЖЧ) — то же, раздел «Жемчуг черный».
- Ж 1910 (РЦ) — то же, раздел «Романтические цветы».
- Ж 1910 (макет) — издание Ж 1910 (см.) с авторской правкой; предназначался для переиздания 1918 г., т. е. Ж 1918. Архив М. Л. Лозинского.
- Ж 1918 — Гумилев Н. Жемчуга: Стихи 1907—1910 гг. Изд. 2-е. Спб.: «Прометей», 1918.
- ЖТЛХО — «Журнал Театра литературно-художественного общества».
- Изв. ОЛЯ — Неизвестные письма Н. С. Гумилева/Публикация Р. Д. Тименчика//«Известия Акад. наук СССР, серия литературы и языка». 1987, № 1. С. 50—78.
- ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Отдел рукописей.
- Колчан — Гумилев Н. Колчан: Стихи. М.; П.: «Гиперборей». 1916.
- Колчан (макет) — собрание разных материалов (автографы, гранки, корректурные листы), относящихся к этой книге. Архив М. Л. Лозинского.
- Колчан (рукопись) — рукописный сборник «Колчан. 1912—1916» (после 1918 г.; арх. Гумилева, ЦГАЛИ).

- Костер — Гумилев Н. Костер: Стихи. Спб.: «Гиперборей», 1918.
- Костер (рукопись) — наборная рукопись сб. «Костер». Архив М. Л. Лозинского.
- ЛН Блок — Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исслед. М., 1980—1982. Кн. 1—3.
- ЛН Брюсов — Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976.
- ЛУ — Толмачев М. В. «Все, что у меня есть лучшего, я научился у Вас...» // «Литературная учеба». 1987, № 2.
- Неизданное и несобранное — Гумилев Николай. Неизданное и несобранное/Сост., ред. и комм. М. Баскер, Ш. Греем. Paris, 1986.
- НМ — Стихи и письма. Анна Ахматова. Н. Гумилев/Публ., сост. и прим. Э. Г. Герштейн // «Новый мир». 1986, № 9. С. 196—227.
- ОС — Гумилев Н. Огненный столп. П.: «Петрополис», 1921.
- Отлунне — рукописный сборник: «Отлунне. 1916. Н. Гумилева». Архив М. Л. Лозинского.
- ПД — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома).
- ПК — Гумилев Н. Путь конквистадоров: Стихи. Спб., 1905.
- ПС 1922 — Гумилев Н. Стихотворения: Посмертный сборник. П.: «Мысль», 1922.
- ПС 1923 — Гумилев Н. Стихотворения: Посмертный сборник, 2-е изд., доп. П.: «Мысль», 1923.
- Рус. вед. — газета «Русские ведомости».
- РЦ 1908 — Гумилев Н. Романтические цветы: Стихи. Париж: Изд. автора, 1908.
- РЦ 1918 — Гумилев Н. Романтические цветы: Стихи 1903—1907 гг. Изд. 3-е. Пг.: «Прометей», 1918.
- РЦ 1918 (рукопись) — наборная рукопись РЦ 1918. Архив М. Л. Лозинского.
- СЗв — Гумилев Н. К Синей звезде: Неизд. стихи 1918 г. Берлин: «Петрополис», 1923.
- Собр. соч. — Гумилев Н. Собрание сочинений: В 4-х т./Под ред. проф. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Вашингтон, 1962—1968.
- Собрание Лесмана — Собрание книг и рукописей М. С. Лесмана. Ленинград.
- ст. — стих, стихи.
- ст-ние — стихотворение.
- Фарфоровый павильон — Гумилев Н. Фарфоровый павильон: Китайские стихи. П.: «Гиперборей». 1918. 2-е изд., доп. — П.: [«Мысль»], 1922.
- ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства (Москва).
- ЧН — Гумилев Н. Чужое небо. Третья книга стихов. Спб.: «Аполлон», 1912.
- ЧН (ПД) — то же, экземпляр с маргиналиями А. А. Ахматовой (ПД).
- Шатер 1921 — Гумилев Н. Шатер: Стихи 1918. Севастополь: «Цех поэтов», [1921].
- Шатер 1922 — Гумилев Н. Шатер: Стихи. Ревель: «Библиофил», 1922.
- Экземпляр Кирпичникова — Гумилев Н. Жемчуга. Спб., 1910 (экземпляр из собрания А. Н. Кирпичникова, Ленинград).
- Экземпляр Лесмана — Гумилев Н. Стихотворения. П., 1922 (экземпляр с маргиналиями А. Ахматовой из собрания Лесмана).

РОМАНТИЧЕСКИЕ ЦВЕТЫ

Стихи 1903—1907 гг.

Сборник «Романтические цветы», посвященный «Анне Андреевне Горенко», Гумилев издал в январе 1908 г. за собственный счет, живя в Париже. Он составлен из 32 ст-ний, не апробированных, большей частью, в периодической печати, но прошедших через переписку Гумилева с Брюсовым. Судя по разночтениям между сохранившимися автографами и печатным текстом, Гумилев внимательно отнесся к замечаниям метра.

В статье «Дебютанты» («Весы». 1908, № 3; см. также: Брюсов В. Далекие и близкие. М., 1912. С. 144—145) Брюсов дал в целом положительную оценку этому сборнику. «Сравнивая «Романтические цветы» с «Путем конквистадоров», — писал он, — видишь, что автор много и упорно работал над своим стихом. Не осталось и следов прежней небрежности размеров, неряшливости рифм, неточности образов. Стихи Н. Гумилева теперь красивы, изящны и большей частью *интересны* по форме; теперь он резко и определенно вычерчивает свои образы и с большой обдуманностью и изысканностью выбирает эпитеты. Часто рука ему еще изменяет, он — серьезный работник, который понимает, чего хочет, и умеет достигать, чего добивается». Лучшими Брюсов счел те, «где сам поэт исчезает за нарисованными им образами, где больше дано глазу, чем слуху (...) Он немного парнасец в своей поэзии, поэт типа Леконта де Лиль».

Конкретнее Брюсов высказался о «Романтических цветах» ранее, в письме к Гумилеву от 2 февр. 1908 г. Отметим внешний вид издания («очень мило, особенно на лучшей бумаге») и излишнюю строгость автора в отборе стихов (исключение «Маскарада», № 10, «Неоромантической сказки», № 45, «Сегодня у берега нашего бросил...», № 295), Брюсов продолжал: «Общее впечатление, какое произвела на меня Ваша книга, — положительное. После «Пути» Вы сделали успехи громадные. Может быть, конквистадоры Вашей души еще не завоевали стран и городов, но теперь они вооружены для завоевания (...) Лучшими пьесами в «Цветах» кажутся мне: «Юный маг», «Над тростником», «Что ты видишь», «Там, где похоронен» (добавления очень удачны), «Мой старый друг», «Каракалла», «Помпей», «Улыбнулась и вздохнула», «Царица или может быть», «Сады моей души», «Озеро Чад» (кое-что в I, все II, наконец III), «Сада Якко» (конец); кроме того, нравятся мне отдельные места в стихотв(орениях) «Измена», «Под землей», «Я долго шел», «Приближается к Каиру», „На руке моей перчатка“» (цит. по: ЛУ. С. 166; см. ст-ния 25—27, 22, 13, 42—44, 38, 20, 14, 32, 35—37, 19, 28, 30, 29, 33, 17). В ответном письме, преполненном самой горячей благодарности, Гумилев пояснил, что «Неоромантическая сказка» не вошла из-за «экономии места», а «Маскарад» — из-за посвящения (см. прим. 10).

Рецензия И. Ф. Анненского («Речь». 1908, 15 дек., подп.: И. А.) была скорее «размышлениями читателя», чем критическим разбором. «Романтические цветы — это имя мне нравится, — писал Анненский, — хотя я и не знаю, что, собственно, оно значит. Но несколько тусклое как символ, оно красиво как звучность, и с меня довольно (...) Лучшим комментарием к книжке служит слово «Париж» на ее этикетке. Русская книжка, написанная в Париже, навешивая Парижем...». Выделив в сборнике «Заклинание», «Влюбленную в дьяво-

ла», цикл «Озеро Чад», Анненский отметил, что «зеленая книжка отразила не только *искание красоты*, но и *красоту исканий*», что «Н. Гумилев чутко следил за ритмами своих впечатлений», что он «лиризм умеет подчинить замыслу, а кроме того, и что особенно важно, он любит культуру и не боится буржуазного привкуса красоты». Прочитав рецензию и зная, кому она принадлежит, Гумилев ответил благодарственным письмом, очевидно, достаточно искренним. «Я не буду говорить о той снисходительности и внимательности, с какой Вы отнеслись к моим стихам,— писал он своему гимназическому наставнику,— я хочу особенно поблагодарить Вас за лестный отзыв об «Озере Чад», моем любимом стихотворении (см. ст-ния 35—37 позднейшей редакции.— М. Э.). Из всех людей, которых я знаю, только Вы увидели в ней (книге.— М. Э.) самую суть, ту иронию, которая составляет сущность романтизма и в значительной степени обусловила название всей книги. С главной мыслью Вашей статьи — с везньем Парижа — я еще не могу вполне согласиться, но, во всяком случае, она дает мне возможность взглянуть на себя под совершенно новым углом зрения» (цит. по: Тименчик Р. Иннокентий Анненский и Николай Гумилев // «Вопр. лит.». 1987, № 2. С. 276).

На выход «Романтических цветов» откликнулись и другие издания.

«Все стихи г. Гумилева фантастичны,— отмечал анонимный рецензент «Образования»,— и его образы наделены случайными чертами. Как поэт Н. Гумилев очень неровен и часто умеет хорошее целое ловко испортить двумя-тремя мелочами» («Образование». 1908, № 7, отд. III. С. 78; подп.: Л. Ф.). Следует также отметить рецензию Андрея Левинсона («Современный мир». 1909, № 7, отд. II. С. 188—191), указавшего ряд параллелей со стихами А. Н. Майкова, Ф. Сологуба (см. прим. 13), В. Гюго, А. Рембо.

Следующим «изданием» «Романтических цветов» был одноименный раздел (с сохранением посвящением А. А. Горенко) в «Жемчугах», состоящий из 21 ст-ния. Одно ст-ние из предыдущей книги («Мне снилось», № 18) автор поместил в разделе «Жемчуг розовый». Сравнение раздела «Романтические цветы» со списком ст-ний, в разной степени понравившихся Брюсову, показывает, что при отборе Гумилев всецело руководствовался мнением своего наставника, позволив себе только добавить «Любовников», «Влюбленную в дьявола» (см. ст-ния 24, 23) и не включить «Маскарад» и «Измену» (первоначальное загл. этого ст-ния — «Ягуар») — см. ст-ния 10, 28.

В третье издание «Романтических цветов» включено 45 ст-ний; книга расширена за счет трех ст-ний, генетически связанных с «Путем конквистадоров» (см. ст-ния 1—3), трех ст-ний, опубликованных до тех пор только в периодике (см. ст-ния 9—11), и пяти ст-ний, ранее не публиковавшихся (см. ст-ния 4, 5, 31, 40, 41). В то же время за пределами книги остались «Ахилл и Одиссей», «Нас было пять... Мы были капитаны...», «Одинокое-незрячее солнце смотрело на страны...» В наступающий сборник они тоже не включены.

Авторская наборная рукопись третьего издания — РЦ (рукопись) — имеет дату (в типографском штампе): «28 июнь 1918». Содержит все ст-ния этого издания и авторское оглавление. В текстах (ст-ния 2, 4, 5, 7, 8, 12, 15, 16, 21, 22, 25, 33, 36, 37, 41, 43) — разночтения и правка Гумилева.

На последнее прижизненное издание «Романтических цветов» критика не откликнулась.

1. ПК, др. ред. - - РЦ 1918.
2. ПК, в составе «Сказки о королях». - - РЦ 1918.
3. ПК, под загл. «Греза ночная и темная».- РЦ 1918. *Оссиан* — (III в.) — легендарный воин и бард кельтов.

4, 5. РЦ 1918.

6. Сб. «Северная речь». Спб., 1906, с загл. «Смерти». - - РЦ 1908. - - РЦ 1918. Датируется по упоминанию в письме к В. Я. Брюсову от 11 февр. 1906 г. как об одном из «осенних» 1905 г. Рецензируя сб. («Весы». 1906, № 6. С. 64), Брюсов «не заметил» это ст-ние. *Астрейя* (греч. миф.) — имя богини справедливости; также *Дева* — одно из созвездий Зодиака.

*7. Ж 1910 (ЖР), под загл. «Сказочное», др. ред. - - РЦ 1918.

*8. «Весна». 1908, № 2, без загл. - - Ж 1910 (ЖЧ), без загл. - - РЦ 1918. В журнале и Ж 1910 ст. 1: «В мой мозг, в мой гордый мозг собрались думы...» Автограф первоначальной ред. при письме к Брюсову из Парижа от 11 нояб. 1906 г., вместе со ст-нием «Он воздвигнул свой храм на горе...». Гумилев писал: «...в заключение посылаю Вам мои последние стихотворения не столько для печати, сколько для того, чтобы узнать Ваше мнение, развивается ли мой талант или нет». В РЦ (рукопись) это ст-ние зачеркнуто, но в авторском оглавлении оставлено и в сборник вошло. Первонач. ред. не была идентифицирована М. В. Толмачевым с более поздними, печатными, текстами и опубликована как неизвестное ст-ние Гумилева (ЛУ. С. 160—161).

*9. «Понедельники газ. „Слово“». 1906, № 18, 26 июня, др. ред. - - РЦ 1918.

*10. «Весы». 1907, № 7, др. ред., с посвящ. баронессе де Орвиц — Занетти. - - РЦ 1918. Рецензент «Образования» писал об этом ст-нии: «В стихах г. Н. Гумилева «Маскарад» [...] вовсе нет выдумки, и, однако, это стихотворение поражает вас, как всегда поразит падающая звезда: вы знаете, что метеор сам по себе — камень, когда по безоблачному темному небу вспыхнет огненная полоска и на несколько мгновений засветится призрачным блеском. Закон возникновения красоты один и тот же, как в природе, так и в искусстве» (Дмитриев П. Журнальное обозрение // «Образование». 1907, № 11, отд. III. С. 115—116).

11. «Весы». 1906, № 6, без загл. - - РЦ 1918.

12. ЖТЛХО. 1908/1909, № 2, автограф-факсимиле. - - Ж 1910 (ЖЧ). - - РЦ 1918. Автограф журн. ред. при письме к Брюсову от 22 апр. 1908 г. из Парижа (моск. штемпель — 14 апр.), вместе с автографами ст-ний 68 и 309. В РЦ (рукопись) — авторская

правка последнего ст. (было: «Выбирать беспрепятственно смерть»).
На дне мирового колодца — в аду (ср. рассказ Э. По «Колодец и маятник»).

13. «Весы». 1906, № 6, без загл. - - РЦ 1908, без загл. - - РЦ 1918. *Мой старый друг, мой верный Дьявол*. Как отмечено А. Левинсоном («Современный мир». 1909, № 7, отд. II. С. 190), строфа является реминисценцией первой строфы ст-ния Ф. Сологуба: «Когда я в бурном море плавал И мой корабль пошел ко дну, Я так воззвал: „Отец мой дьявол! Спаси, помилуй, я тону!“» (см.: Федор Сологуб. Собрание стихов. М., 1904. Кн. 4. С. 129).

14. РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910 (РЦ), без загл. - - РЦ 1918. Автограф, без загл., при письме к Брюсову от 9 окт. (год устанавливается по парижскому штемпелю, моск. штемпель — 30 сент. 1907 г.), вместе с автографом 1-й ред. ст-ния «Жижаф», № 35.

*15. «Русь». Илл. прил. 1907, № 32, 21 авг., без загл. - - РЦ 1908, без загл. - - РЦ 1918. Ст. 1 в журн.: «С корабля замечал я не раз...» Автограф журн. ред. при письме к Брюсову от 6 сент. 1907 г. (см. прим. 27).

16. «Русь». Илл. прил. 1907, № 33, 27 авг., без загл. - - РЦ 1908, без загл. - - РЦ 1918.

17. РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910 (РЦ), без загл. - - РЦ 1918.

18. РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910 (РЦ), без загл. - - РЦ 1918.

*19. РЦ 1908, под загл. «Японской артистке Сада-Якко, которую я видел в Париже», др. ред. - - Ж 1910 (РЦ), под тем же загл. - - РЦ 1918. *Сада Якко* (1872—1946) — драматическая актриса. С труппой мужа, известного актера Отодзиро Каваками, гастролировала в европейских странах (в том числе в России) и в США. Гумилев мог видеть выступления актрисы в 1906—1907 гг. *Жуки золотые* — образное обозначение иероглифов. *И мы верили, что солнце* — *Только вымысел японца*. Видимо, намек на государственный флаг с изображением солнца и наименование Японии «Страна восходящего солнца».

20. «Раннее утро». 1907, 22 дек., без загл., с пометой «Париж». - - РЦ 1908, без загл. - - РЦ 1918. Первый автограф, без загл., при письме к Брюсову от 2 окт. (год устанавливается по парижскому штемпелю, моск. штемпель — 22 сент. 1907 г.), с указанием: «...стихи так и сыпятся. Сегодня посылаю Вам четыре новых» (приложены ст-ния 20, 30, 301, «Дни и ночи перемены...»). Второй автограф при письме к Брюсову, условно датируемом 2-й половиной окт. 1907 г. (обоснование датировки — Неизданное и несобранное. С. 235).

21. РЦ 1908, без загл. - - РЦ 1918. Автограф первонач. ред. при письме к Брюсову из Парижа от 7 дек. 1907 г., вместе с автографами ст-ний 34, 36 (посланы как новые) и 302.

22. «Весы». 1906, № 6, без загл. - - РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910 (РЦ), без загл. - - РЦ 1918. Автограф, без загл., — в арх. Брюсова. Послано при письме от 8 мая 1906 г. с указанием, что «оно уже месяца два дождалось очереди, чтобы быть напечатанным в «Слове», но так и не дождалось». *Фея Маб* — персонаж английских сказок; образ укоренился в английской поэтической традиции (монолог Меркуцио о «царице Меб» в «Ромео и Джульетте», акт I, сцена 4; поэма Шелли «Королева Маб»).

23. РЦ 1908. - - Ж 1910 (РЦ). - - РЦ 1918. Автограф при письме к Брюсову от 1 мая 1907 г., из Царского Села, вместе с автографами ст-ний 297 и 298, со следующим пояснением: «Посылаю Вам три моих новых стихотворения, из которых два первых написаны по Вашим указаниям». 6 сент. 1907 г. Гумилев писал Брюсову из Парижа об этом ст-нии: «Какого Вы мнения о моей «Влюбленной в дьявола»? Вот стихотворение, которое многие находят лучшим из моих и которое мне не говорит ничего».

24. РЦ 1908, под загл. «Любовникам». - - Ж 1910 (РЦ), под загл. «Любовникам». - - РЦ 1918. Автограф первонач. ред. при письме к Брюсову от 30 нояб. 1907 г. из Парижа, вместе с автографом ст-ния 32 и указанием, что оба — из «самых последних».

*25. РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910 (РЦ), без загл. - - РЦ 1918. Автограф при недатированном письме к Брюсову (парижский штемпель — 3 авг. 1907 г., моск. штемпель — 24 июля 1907 г.); ст-ние послано как одно из многих, написанных «в последнее время». Ср. ст-ние 307. *Военные трибуны* — командные должности в римской армии.

26. «Раннее утро». 1907, 29 нояб., без загл. - - РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910 (РЦ), без загл. - - РЦ 1918. Автографы, без загл., при недатированном письме к Брюсову (парижский штемпель 28 сент. 1907 г., моск. — 13 сент.; условно датируется 2-й половиной окт. 1907 г.; обоснование датировки — Неизданное и несобранное. С. 235). 16 дек. 1907 г. Гумилев писал Брюсову (моск. штемпель — 6 дек.): «Сейчас получил № «Раннего утра» с моей «Гисной» и очень благодарю Вас за напечатание ее».

27. РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910 (РЦ), без загл. - - РЦ 1918. Автограф, без загл., — при письме к Брюсову от 6 сент. (год — 1907 — устанавливается по парижскому штемпелю; моск. штемпель — 28 авг.).

28. РЦ 1908, под загл. «Измена». - - РЦ 1918. Автограф первонач. ред. — при недатированном письме к Брюсову (парижский штемпель — 15 авг. 1907 г., моск. — 5 авг.). 6 сент. 1907 г. Гумилев извещал Брюсова, что это ст-ние и «Крокодил» (т. е. ст-ние 44) были приняты «Перевалом» (опубликовано второе); ст-ния были посланы, наряду со «многими», «недели две тому назад», т. е. в августе.

29. «В мире искусств». 1907, № 20/21, нояб., без загл. - - РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910 (РЦ), без загл. - - РЦ 1918.

30. РЦ 1908, без загл. - - РЦ 1918. Первый автограф — перво-

нач. ред. — при письме к Брюсову от 2 окт. 1907 г. (см. прим. 20).
Второй автограф — при письме от 7 янв. 1908 г., вместе с автографом ст-ния 38.

*31. РЦ 1918. Автограф др. ред. при письме к Брюсову от 2 окт. 1907 г. (см. прим. 20).

32. РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910 (РЦ), без загл. - - РЦ 1918. Автограф первонач. ред. при письме к В. Я. Брюсову от 30 нояб. 1907 г. из Парижа, с указанием, что оно (наряду со ст-нием 24) — одно из «самых последних стихотворений» и послано в «Ниву». В письме к В. Е. Аренс (от 1 июля 1908 г., из Царского Села) Гумилев сообщил, что ст-ние посвящено ей (ЦГАЛИ; Неизданное и несобранное. С. 117). Вера Евгеньевна Аренс (Гаккель, 1890—1962) — сестра литературного критика Л. Е. Аренса и А. Е. Аренс, первой жены Н.Н. Пунина, поэта. Позднее была переводчицей во «Всемирной литературе». В архиве В. Е. Аренс (ЦГАЛИ) находится машинописная копия дарственной надписи на одной из книг Гумилева (какой именно — неизвестно):

*Многоуважаемой
Вере Евгеньевне Аренс*

Микель-Анджело, великий скульптор,
Чистые линии лба изваял.
Светлый, ласкающий, пламенный взор
Сам Рафаэль в минуты восторга писал.
Даже улыбку, что нету нежнее,
Перл между перлов и чудо чудес,
Создал веселый властитель Кипреи —
Феб златокудрых, возничей небес.

Н. Г.

33. РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910 (РЦ), без загл. - - РЦ 1918. Автограф в альбоме Э. Ф. Голлербаха (ГПБ), с датой записи «29 сент. 20 г.» и подписью. Автографы, без загл., при двух письмах к Брюсову: условно датируемом 2-й половиной окт. 1907 г. (обоснование датировки — Неизданное и несобранное. С. 235) и от 16 дек. 1907 г., вместе с автографом ст-ния 303, где ст-ния названы «старыми», «заново переписанными». *Знамена Пророка*. Пророк — иносказательное обозначение Магомета (Мохаммеда). Знамя пророка — с изображением полумесяца — мусульманская святыня. Возможно, что в ст-нии изображен турецкий корабль и его экипаж.

34. «Раннее утро». 1907, 16 дек., без загл. - - РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910 (РЦ), без загл. - - РЦ 1918. Автограф первонач. ред. — при письме к Брюсову из Парижа от 7 дек. 1907 г., вместе с автографами нескольких других ст-ний (см. прим. 21). В ст-нии использован один из сюжетов «Сказок 1001 ночи».

35. РЦ 1908, без загл., как первое ст-ние в цикле «Озеро Чад». - - Ж 1910 (РЦ), без загл., как первое ст-ние в цикле «Озеро Чад». - - РЦ 1918. Автограф первонач. ред., вместе со ст-нием 14, — при письме к Брюсову из Парижа от 9 окт. 1907 г. «Озеро Чад», «мраморный грот», «жирафы» фигурируют также в рассказе Гумилева «Принцесса Зара» («Рус. мысль». 1908, № 8). *Озеро Чад* расположено

на территории трех современных государств Центральной и Западной Африки — Нигера, Нигерии и Чада.

*36. РЦ 1908, как второе ст-ние в цикле «Озеро Чад», с подзаг. «Барабанный бой племени Бурну». - - Ж 1910 (РЦ), так же. - - РЦ 1918. Автограф первонач. ред. (без загл.) — при письме к Брюсову от 7 дек. 1907 г. из Парижа (см. прим. 21). В следующем письме, написанном от 16 дек. 1907 г. (обоснование датировки — Неизданное и несобранное. С. 237), Гумилев сообщил, что ст-ние будет называться «Встреча смерти. Барабанный бой племени Бурну».

*37. РЦ 1908, без загл., как третье ст-ние в цикле «Озеро Чад». - - Ж 1910 (РЦ), без загл., как третье ст-ние в цикле «Озеро Чад». - - РЦ 1918. Автограф первонач. ред. — при письме к Брюсову, написанном до 16 дек. 1907 г. (см. прим. 36), с указанием, что это третье из «серии» «на африканские мотивы» (предыдущие ст-ния, 35, 36, были посланы в окт. 1907 г.). *Озеро Чад* — см. прим. 35. *Миля* — единица длины в неметрических системах. Старая русская миля — 7,5 км. *Берберийский конь* (др. название — варварийский) — одна из наиболее ценимых пород лошадей (от «Берберия» — Северо-Западная Африка: территория Алжира, Марокко, Туниса, Триполитании).

38. РЦ 1908. - - Ж 1910 (РЦ). - - РЦ 1918. Первый автограф при письме к Брюсову, написанном во 2-й половине окт. 1907 г. (обоснование датировки — Неизданное и несобранное. С. 235). Второй автограф — при письме к Брюсову от 7 янв. 1908 г., вместе с автографом ст-ния 30. Секст *Помпей* (75—35 до н. э.) — младший сын Помпея Великого, пользовавшийся услугами дезертиров и беглых рабов в войне против Рима.

39. Ж 1910 (ЖЧ). - - РЦ 1918. Первый автограф — при письме к Брюсову (парижский штампель — 22 янв. 1908 г., моск. — 12 янв.), вместе с автографами ст-ний «Моя душа осаждена...» и ст-нием 40 и с указанием, что они написаны в промежутке между предыдущим (9 янв.) и данными письмами. Второй автограф — запись в альбом В. И. Анненского-Кривича (ЦГАЛИ) с подписью и датой записи: 24 мая 1908 г. «*Здесь будет город*» — неполная цитата из вступления к «Медному всаднику». *Город, как солнце* — аллюзия на заглавие книги Т. Кампанеллы («Город солнца»).

*40. РЦ 1918. Автограф первонач. ред., без загл., — при письме к Брюсову из Парижа от 22 янв. 1908 г., вместе с автографами ст-ний «Моя душа осаждена...» и ст-ния 39. Марк *Мавлий* Капитолийский — римский полководец, по преданию, спасший Капитолий от галлов (387 г. до н. э.); в 384 г. до н. э. выступил в защиту плебса и был казнен. *Тарпейская скала* — место казни в Древнем Риме. Гай *Марий* (ок. 157—86 до н. э.) — римский полководец и политический деятель.

41. РЦ 1918. *Алеманы* (алеманны) — германское племя, неоднократно нападавшее на Римскую империю (III в.). Исправление в комментируемом слове — по РЦ (рукопись).

*42. «Весы». 1907, № 7, под загл. «Императору Каракалле». - - РЦ 1908, без загл., как первое ст-ние в цикле «Император Каракалла». - - Ж 1910 (РЦ), без загл., как первое ст-ние в цикле «Император Каракалла». Автограф, под загл. «Посвящение», как первое ст-ние в цикле «Каракалла», — при письме к Брюсову от 30 окт. 1906 г. из Парижа. Цикл посвящен римскому императору *Каракалле* (186—217).

*43. «Весы». 1907, № 7, под загл. «Император». - - РЦ 1908, без загл., как второе ст-ние в цикле «Император Каракалла». - - Ж 1910 (РЦ), без загл., как второе ст-ние в цикле «Император Каракалла». - - РЦ 1918. Первый автограф, под загл. «Император», — в письме к Брюсову от 30 окт. 1906 г., как второе ст-ние в цикле «Каракалла». Второй автограф (фрагмент, строфы 12—14) — отдельно, в конверте с надписью «Валерию Яковлевичу Брюсову» (см.: ЛУ. С. 158). *Укротить бунтующих парфян*. После 215 г. *Каракалла* совершил опустошительный поход на Парфянское царство. *Феб* — эпитет, относящийся к Аполлону (указывает на чистоту, блеск).

*44. «Перевал». 1907, № 11, сент. - - РЦ 1908, как третье ст-ние в цикле «Император Каракалла». - - РЦ 1918 (в огл. ошибочно указано: «Поединок», см. прим. 50). Автограф, под загл. «Крокодил», при письме к Брюсову из Парижа от 30 окт. 1906 г., как третье в цикле «Каракалла», с указанием, что оно «стояло на очереди в редакции покойного „Слова“» (петербургская газета, закрылась в июле 1906 г.). *Павзаний*, Павсаний (II в.) — древнегреческий путешественник.

*45. «Сириус». 1907, № 3, др. ред., подп.: К — о. - - Ж 1910 (РЦ), др. ред. - - РЦ 1918. Автограф журн. ред. при письме к Брюсову из Парижа от 7 дек. 1906 г., с указанием, что написано «на днях».

ЖЕМЧУГА

Стихи 1907—1910 гг.

Еще до выхода в свет «Романтических цветов» (1908), продолжая знакомить Брюсова со своими новыми ст-ниями, Гумилев начал готовить новую книгу. 9 янв. (н. ст.) 1908 г. он писал Брюсову из Парижа: «Я очень рад, что Вам понравилась «Волшебная скрипка». И хотя она и должна была войти в мою книгу, но я беру ее отсюда и с большим удовольствием отдаю для „Весов“». 30 нояб. 1908 г. Гумилев писал Брюсову из Царского Села: «Я думаю отложить издание моих «Жемчугов» с назначенного Вами февраля на сентябрь». 15 дек. того же года Гумилев просил Брюсова «поместить в каталоге «Скорпиона» заметку, что готовится к печати» его «книга стихов под названием «Золотая магия». Это вместо „Жемчугов“». В следующем письме, 19 дек., Гумилев сообщал: «Я много работаю, и все больше над стихами. Стараюсь по Вашему совету отыскивать новые размеры, пользоваться аллитерацией и внутренними рифмами. Хочу, чтобы «Золотая магия» уже не была «ученической книгой», как „Ром(антические) цветы“». Наконец, в письме Гумилева к Брюсову от 11 мая 1909 г. (из Царского Села) снова появилось название «Жемчуга», и в письме от 25 марта 1910 г. читаем: «...скоро должна выйти моя книга стихов, посвященная Вам как моему учителю». «Жемчуга» выш-

ли во второй половине апр. 1910 г. Сборник открывался словами: «Посвящается моему учителю Валерию Яковлевичу Брюсову».

Первое издание «Жемчугов» содержало четыре раздела: «Жемчуг черный» (см. ст-ния 46, 265, 48—50, 266, 51, 39, 12, 52—57, 80, 267, 60, 59, 8, 268, 47, 78, 79, 97), «Жемчуг серый» (см. ст-ния 90—92, 68, 69, 58, 269, 62, 74, 270, 85, 84, 81, 82, 72, 73, 86—89, 83, 93—96), «Жемчуг розовый» (см. ст-ния 64, 75, 61, 76, 71, 77, 65, 7, 271, 18, 63, 70, 66, 67, 272), «Романтические цветы», сохранено посвящ. А. А. Горенко, т. е. Ахматовой (см. ст-ния 25—27, 22, 42, 43, 24, 38, 20, 23, 29, 14, 17, 33, 32, 35—37, 34, 19, 45). Названия первого — третьего разделов адресовали к рассказу Гумилева «Скрипка Страдивариуса» («Весы». 1909, № 7), где нитки черного, серого и розового жемчуга были украшением дьявола и, соответственно, перекликались с загл. программно-го ст-ния, открывающего сборник, «Волшебная скрипка». Разделам были предпосланы эпитафии: «Жемчугу черному» — «Qu'ils seront beaux les pieds de celui qui viendra Pour m'annoncer la mort!» («Сколь благословенны будут ноги того, Кто придет возвестить мне о моей смерти!») из поэмы А. де Виньи «Гнев Самсона» («La Colère de Samson»), написанной в 1838—1839 гг. и опубликованной посмертно в сборнике «Les Destinées» («Судьбы», 1864); «Жемчугу серому» — «...Что ж! Пойду в пещеру к верным молотам Их взносить над горном жгуче-пламенным, Опускать их на пылающий металл» из брюсовского «Прощания» (1904, в кн.: «Stephanos. Венок». М., 1906); «Жемчугу розовому» — «— Что твой знак? — Прозренья глаза, Дальность слуха, окрыленые ног» (из ст-ния Вяч. Иванова «Пришлец», в кн.: «Прозрачность». М., 1904); «Романтическим цветам» — «И было мукою для них, Что людям музыкой казалось» («Смычок и струны» из «Кипарисового ларца» Анненского). Последний эпиграф ассоциирован с заглавным ст-нием и в то же время связан со статьей Гумилева «Жизнь стиха», в которой он, в частности, полностью привел ст-ние Анненского, вопрошал: «С кем не случилось этого? Кому не приходилось склоняться над своей мечтой, чувствуя, что возможность осуществить ее потеряна безвозвратно? И тот, кто, прочитав это стихотворение, забудет о вечной, девственной свежести мира, поверит, что есть только музыка, пусть кажущаяся музыкой, тот погиб, тот отравлен. Но разве не чарует мысль о гибели от такой певучей стрелы?» («Аполлон». 1910, № 7. С. 12).

Брюсов посвятил «Жемчугам» обстоятельную рецензию («Рус. мысль». 1910, № 7. С. 206—208; то же в кн.: «Далекое и близкое». М., 1912. С. 145—147), где констатировал возникновение на поэтической карте некоей «страны Н. Гумилева, его «острова» (с неповторимой природой и обитателями). Отмечая, что Гумилев является одновременно учеником Анненского, Вяч. Иванова и «того поэта, которому посвящены „Жемчуга“», Брюсов подчеркнул «медленное, но уверенное» продвижение Гумилева «к полному мастерству в области формы», констатировал, что молодому поэту удалось «усовершенствовать, развить, углубить» технические приемы своих предшественников. Это, заключал Брюсов, «надо признать даже большей заслугой, чем искание новых форм, слишком часто ведущее к плачевным неудачам». В рецензии Вяч. Иванова («Аполлон». 1910, № 7. С. 38—41) была подчеркнута зависимость Гумилева от Брюсова, содержалось указание на то, что «весь экзотический романтизм молодого учителя расцветает в видениях юного ученика, порой преувеличенный до бутафории и еще подчеркнутый шумихой экзотических имен». «Когда действительный, страданием и любовью купленный

опыт души разорвет завесы, еще обволакивающие перед взором поэта сушную реальность мира (...), — заключал свой отзыв Вяч. Иванов, — тогда его лирический эпос станет объективным эпосом и чистой лирикой — его скрытый лиризм, тогда впервые будет он принадлежать жизни». Положительные отзывы о книге содержались также в рецензиях С. А. Ауслендера («Речь». 1910, 5 июля, подп.: С. А.), Г. И. Чулкова («Новый журнал для всех». 1910, № 20, подп.: Борис Кремнев), И. И. Ясинского («Новое слово». 1911, № 3, подп.: М. Чунов). Более критичным был отзыв В. Л. Львова-Рогачевского, уделившего основное внимание заимствованиям и реминисценциям у Гумилева и охарактеризовавшего книгу как «крикливую, нарумяненную и надушенную» («Современный мир». 1911, № 5. С. 341—342). Наконец, совершенно фельетонно отозвался о сборнике Л. Н. Войтоловский (в статье «Парнасские трофеи» // «Киевская мысль». 1910, 11 июля, подп.: Л. В.). Называя Гумилева «версификатором» и «Жемчуга» — «фальшивыми камнями», Войтоловский противопоставил Гумилева Брюсову, также перечислил ряд заимствований и реминисценций и, как на исключение, указал на «небольшую серию „Капитаны“» и «два-три стихотворения из других отделов («Маркиз де Карабас», «Воин Агамемнона», «Театр»)».

При переиздании книги в 1918 г. Гумилев снял общее посвящение и снабдил им заглавное ст-ние, ликвидировал разделы, изменив при этом последовательность размещения ст-ний, и внес поправки в тексты. Изменился и состав сборника, что было связано, в основном, с выходом в том же году отдельным изданием «Романтических цветов». Из второго издания «Жемчугов» были исключены девять ст-ний (см. ст-ния 265—272 и ст-ние «Уходящей» — см. прим. 70), а пять перенесены в «Романтические цветы» (см. ст-ния: 7, 8, 12, 18, 39).

В архиве М. Л. Лозинского находится изд. Ж 1910, использованное как макет для подготовки следующего издания: на обл. карандашная пометка М. Л. Лозинского: «Оригинал для второго издания (1918)». Здесь частично проведены композиционные изменения (устранение загл. разделов «Жемчуг серый» и «Жемчуг розовый» вместе с эпиграфами), вычеркнуты ст-ния как не вошедшие в Ж 1918, так и перенесенные в РЦ 1918, уточнены загл. и подзаг. Правка рукой Гумилева произведена в ст-ниях 7, 8, 12, 46, 47, 50, 70—72, 78, 79, 83, 90—92, при этом часть исправлений в Ж 1918 по неустановленным причинам не учтена (см. прим. 46, 71).

Как и «Романтические цветы» 1918 г., это издание осталось не замеченным критикой.

*46. «Весы». 1908, № 6, без посвящ. - Ж 1910 (ЖЧ), без посвящ. - Ж 1918. Автограф, с вар., без посвящ. (ГБЛ, архив М. К. Азадовского). Автограф журн. ред. при письме к Брюсову от 26 нояб. 1907 г. из Парижа, вместе с автографом ст-ния «Нас было пять. Мы были капитаны...». В экземпляре А. Н. Кирпичникова ст-ние снабжено карандашной пометой: «Из Ж. Занд». Смысл этой записи неясен. Возможно, что она отсылает к романам «Консуэло» и «Графиня Рудольштадтская», в которых тема скрипки играет важную смысловую роль. В Ж 1918 (макет) ст. 5—6 рукой Гумилева исправлены так: «Сколько боли лучезарной, сколько полуночной муки Скрыто в музыки веселой, как полуденный ручей!». Однако эта правка в печатном тексте Ж 1918 не учтена.

47. «Аполлон». 1909, № 3, с подзаг. «Сонет». - - Ж 1910 (ЖЧ), с подзаг. «Сонет». - - Ж 1918. В Ж 1918 (макет) подзаг. вычеркнут Гумилевым. То же в ст-ниях 78 и 79. *Дух печально-строгий, Принявший имя утренней звезды* — Люцифер (или Денница). *Не бойтесь вышней мзды*. Ср.: «Горе им, потому что идут путем Каиновым, предаются обольщению мзды» (Соборное послание св. апостола Иуды, I, 2). *Вкусите плод и будете как боги*. Реминисценция Книги Бытия (III, 2—6).

48. «Весна». 1908, № 7, с подзаг. «Бретонская легенда», без посвящ. - - Ж 1910 (ЖЧ). - - Ж 1918. Автограф журн. ред. при письме к Брюсову от 7 февр. 1908 г. из Парижа (моск. штемпель — 28 янв. 1908 г.), где оно названо «одним из новых». В экземпляре А. Н. Кирпичникова снабжено карандашной пометой: «Из Ж. Занд». Смысл этой записи неясен. Ст-ние посвящено матери поэта, Анне Ивановне Гумилевой (урожд. Львовой, 1854—1942, Бежецк, там же похоронена; сообщено О. Н. Высотским).

49. «Весы». 1908, № 6. - - Ж 1910 (ЖЧ). - - Ж 1918. Ст-ние было послано Брюсову при письме с парижским штемпелем 25 марта 1908 г. (моск. штемпель — 15 марта 1908 г.); автограф неизвестен. *Паладин — рыцарь*.

*50. ЖТЛХО. 1908/1909, № 6, с посвящ. «Графине С. И. Толстой», др. ред. - - Ж 1910 (ЖЧ), др. ред., без посвящ. - - Ж 1918. Значится в оглавл. к РЦ 1918, однако вместо него помещено ст-ние 44. В РЦ 1918 (рукопись) данное ст-ние помещено вслед за ст-нием 43, но не сразу, а после перерыва, обозначенного пустым оборотом листа, на лицевой стороне которого записан конец ст-ния 43, и еще одним пустым листом, на обороте которого записано данное ст-ние. В авторском оглавлении РЦ 1918 (рукопись) ст-ния 43 и 50 следуют одно за другим. Можно предположить, что пустые листы предназначались для ст-ния 44, но оно не было ни вписано в текст, ни зафиксировано в оглавлении. В Ж 1918 (макет) данное ст-ние вычеркнуто, что, по аналогии с рядом других, можно рассматривать как свидетельство намерения автора ввести его в состав РЦ 1918. Оно и значится в оглавлении РЦ 1918, однако в тексте на его месте помещено ст-ние 44. Таким образом, можно предположить, что Гумилев хотел поместить в РЦ 1918 ст-ния 44 и 50 друг за другом, но вследствие какой-то технической неувязки ст-ние 50 в состав РЦ 1918 не попало, что и заставило автора, отказавшись от ранее принятого решения, ввести данное ст-ние в Ж 1918. Это же обстоятельство заставляет думать, что издание РЦ 1918 готовилось к печати ранее, чем Ж 1918. В ЖТЛХО в ст. 8 вместо «тигр» было «волк» и ст-ние завершалось строфой, затем исключенной:

И злые злаки мандрагора
Старинной теснотию уз,
Печатью вечного позора
Запечатлели наш союз.

Софья Исааковна Дымшиц-Толстая — жена А. Н. Толстого.

51. Ж 1910 (ЖЧ). - - Ж 1918. *Киприда* — одно из имен Афродиты (по о. Кипр).

52. «Остров». 1909, № 1. - - Ж 1910 (ЖЧ). - - Ж 1918. В письме Гумилева к Брюсову (от 11 мая 1909 г.) названо как одно из последних. Журнальная публикация ст-ния вызвала следующий отклик Анненского (в статье «О современном лиризме»): «Николай Гумилев (печатается третий сборник стихов), кажется, чувствует краски более, чем очертания, и сильнее любит изящное, чем музыкально-прекрасное. Очень много работает над материалом для стихов и иногда достигает точности почти французской. Ритмы его изысканно тревожны. Интересно написанное им недавно стихотворение «Лесной пожар» (...). Что это — жизнь или мираж? (Далее приводятся строфы 4—6.— М. Э.). Лиризм Н. Гумилева — экзотическая тоска по красочно причудливым вырезам далекого юга. Он любит все изысканное и странное, но верный вкус делает его строгим в подборе декораций» (цит. по кн.: Иннокентий Анненский. Книги отражений. М., 1979. С. 378). *Маис* — кукуруза. *Ловитва* — ловля, охота.

53. «Остров». 1909, № 1. - - Ж 1910 (ЖЧ). - - Ж 1918. В письме Гумилева к Брюсову названо как одно из последних (см. прим. 52). Адресат ст-ния неясен. В фонде Е. Я. Архиппова (ЦГАЛИ) хранится машинописный сборник «Черубина де Габриак. Собрание стихотворений. Каллиэра, 1928» (ф. 1458, оп. 1, № 102), где в разделе ст-ний, посвященных Е. И. Дмитриевой (Васильевой), т. е. «Черубине де Габриак», имеется и это, со следующим прим., видимо отражающим указание адресата: «Стихотворение было обращено к Черубине де Габриак и связано с ее обликом». А. А. Ахматова считала, что это ст-ние адресовано ей (НМ. С. 198, 207—208). Анонимный рецензент «Золотого руна» отметил, что это ст-ние, «несмотря на обычное для учеников Брюсова изобилие географии и истории и манерность рифм, идет дальше версификации» (см.: «Золотое руно». 1909, № 6. С. 78). *Бонза* — буддийский монах. *Агра* — город в Индии. *Лилит* (евр. миф.) — первая жена Адама. *Онагры* — ослы.

54. «Аполлон». 1909, № 3, дек. - - Ж 1910 (ЖЧ), с посвящ. В. Ю. Эльснеру. - - Ж 1918. Владимир Юрьевич Эльснер (1886—1942) — поэт.

55. «Аполлон». 1909, № 3, дек., без посвящ. - - Ж 1910 (ЖЧ). - - Ж 1918. Автограф ст-ния (с посвящ. и подп.: Н. Гумилев) — в архиве М. А. Кузмина (ГПБ); лист находился в экз. «Костра» с дарственной надписью Анне Николаевне Энгельгардт, второй жене Гумилева. В автографе зачеркнут ст. 1 («Как сладки долгие часы») и надписан окончательный вариант. В ст. 15 «взор» исправлен на «взгляд». Михаил Алексеевич Кузмин (1872—1936) — поэт, прозаик, музыкант. В процессе древнем Жиль де Реца. Вероятнее всего, имеется в виду реальная книга: Bossarde E. Gilles de Rais, maréchal de France, dit Barbe-Bleu (1404—40), d'après les documents inédits. Paris, 1886, посвященная маршалу Франции, участнику Столетней войны Жиль де Рецу, осужденному и казненному по обвинению в магии и в садистских преступлениях. В книге опубликованы документы судебного процесса. Жиль де Рец считается одним из возможных прототипов Синей бороды (приведенные сведения любезно сообщены А. Х. Горфункелем).

56. Альманах 17. Спб., 1909, вместе со ст-ниями 61 и 59, под общим загл. «Из цикла „Жизнь веков“». - - Ж 1910 (ЖЧ). - - Ж 1918.

57. «Аполлон». 1909, № 3, дек., под загл. «Сады Семирамиды», без посвящ. - Ж 1910 (ЖЧ). - Ж 1918. По смыслу ст-ния следует считать опечаткой в обоих изданиях «Жемчугов» «восторг тишины» (ст. 10); данный стих печатается по тексту журнала. По свидетельству А. Ахматовой, в ст-нии говорится о ней (см.: НМ. С. 198, 208). Подборке ст-ний Гумилева в журнальном номере предшествовал редакционный некролог поэта, переводчика и литературного критика Иннокентия Федоровича *Анненского* (1855—1909), директора Царскосельской гимназии (до января 1906 г.), в которой учился Гумилев (см. ст-ние и прим. 139). *Семирамида* — царица Ассирии (810—806 до н. э.). В ст-нии речь идет о т. н. «садах Семирамиды», одним из «семи чудес света». *Локоть* — устаревшая единица линейной меры; в России — около 0,5 м.

58. «Весна». 1908, № 5. - Ж 1910 (ЖС). - Ж 1918. *Кастилья* (Кастилия) — средневековое королевство в центре Пиренейского полуострова, с 1479 г. — в составе Испании. *Пищаль* — то же, что аркебуза, ружье (кремневое). *Изломанные кости*. Ранее в точном смысле — в ст-нии Ф. Сологуба «Пришла заплаканная жалость...» («Перевал». 1906, № 1); здесь — каламбур.

59. Альманах 17. Спб., 1909, вместе со ст-ниями 61 и 56, под общим загл. «Из цикла „Жизнь веков“». - Ж 1910 (ЖЧ). - Ж 1918. Автограф первонач. ред. (под загл. «Царица») при письме к Брюсову от 14 июля 1908 г. из Царского Села с указанием: «Я написал его недавно» (цит. по кн.: ЛН Блок. Кн. 3. С. 331). В автографе Брюсов подчеркнул в ст. 34 «преступленья» и в ст. 36 «крикнул слова отступленья», после чего сделал надпись: «слабо». Эти замечания были учтены Гумилевым при доработке ст-ния. *Герольд* — глашатай. *Виссон* — дорогая белая или пурпурная материя, употреблявшаяся в древности. *Скальды* — норвежские и исландские поэты средневековья.

60. «Остров». 1909, № 1. - Ж 1910 (ЖЧ). - Ж 1918. В письме к Брюсову (от 11 мая 1909 г.) ст-ние названо как одно из последних. В Ж 1918 (макет) в ст. 10 авторское исправление текста Ж 1910. *Агамемнон* (сын царя Атрея, Атрид) — один из героев «Илиады», предводитель греков в Троянской войне, царь *Микен*. Убит своей женой Клитемнестрой. *Водитель народов Атрид*. Ср.: «Пастырь народов Атрид» (Гомер. Илиада, Песнь 1, ст. 8; пер. Н. И. Гнедича).

61. Альманах 17. Спб., 1909, вместе со ст-ниями 56, 59, под общим загл. «Из цикла „Жизнь веков“». - Ж 1910 (ЖР). - Ж 1918. Автограф при письме к Брюсову из Парижа от 23 февр. 1908 г. (моск. штампель — 13 февр. 1908 г.), вместе с автографами ст-ний 306, 307. Повторно было послано из Царского Села со следующей характеристикой: «Так как Вы не помните моего «Андрогина», я посылаю его Вам и был бы в восторге, если бы его можно было напечатать в «Весах»: я его очень люблю». *Андрогин* (греч. миф.) — существо, соединяющее в себе черты мужчины и женщины и давшее жизнь человеческому роду.

62. «Весы». 1909, № 6. - Ж 1910 (ЖС). - Ж 1918. *Не раз труба архангела трубила*. Ср.: «Сам господь при возвешении, при гласе архангела и трубе божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе

воскреснут прежде» (1-е послание к фессалоникийцам апостола Павла, IV, 16).

63. Ж 1910 (ЖР). - - Ж 1918.

64. «Весы». 1908, № 6. - - Ж 1910 (ЖР). - - Ж 1918. Ст-ние упоминается в письме к Брюсову из Парижа от 22 апр. 1908 г. (моск. штемпель — 14 апр.).

65. Ж 1910 (ЖР). - - Ж 1918. В ст-нии отражен евангельский сюжет — призвание первых учеников (Лука, V, 1—11). *Он идет путем жемчужным*. Очевидно, этот стих был использован Блоком в финале «Двенадцати» (см.: Долгополов Л. Поэма Александра Блока «Двенадцать». Л., 1979. С. 79). *Галилея* — родина Христа. *Притин* — зенит.

66. Ж 1910 (ЖР). - - Ж 1918. В ст-нии воспроизведен эпизод из сказки Ш. Перро «Кот в сапогах». *Ауслендер* Сергей Абрамович (1886—1943) — прозаик. *Маркизат* — наследственное владение.

67. Ж 1910 (ЖР). - - Ж 1918. *Судейкин* Сергей Юрьевич (1883—1946) — художник (главным образом театральный) из группы «Мир искусства». *Лучшая девушка дать не может Больше того, что есть у нее* — вариант известной французской поговорки. Позже, рецензируя «Чужое небо», Брюсов, очевидно, воспользовался этим выражением: «Гумилев пишет и будет писать прекрасные стихи; не будем спрашивать с него больше, чем он может нам дать...» (см.: Брюсов В. Сегодняшний день русской поэзии // «Рус. мысль». 1912, № 7, отд. III. С. 19). *Метр Рабле*. В ст-ние введен образ известного французского писателя.

68. «Речь». 1908, 8(21) июня. - - Ж 1910 (ЖС). - - Ж 1918. Авторграф при письме к Брюсову от 22 апр. 1908 г. (см. прим. 12) с предложением опубликовать в «Весах».

69. «Рус. мысль». 1908, нояб., без загл. - - Ж 1910 (ЖС). - - Ж 1918. По свидетельству Ахматовой, в ст-нии говорится о ней (НМ. С. 198, 208). *Ненюфары* (от фр. *neuphar*) — водяные лилии.

*70. ЖТЛХО. 1909/1910, № 9, др. ред. - - Ж 1910 (ЖР), др. ред. - - Ж 1918. Ст. 29—30 совпадают со ст. 21—22 ст-ния «Уходящей», опубликованного в составе Ж 1910 (ЖР). Видимо, с этим и связано исключение ст-ния «Уходящей» из состава Ж 1918. В Ж 1918 (макет) пять последних строф заменены тремя новыми, вписанными рукой Гумилева, однако исправление ст. 25 («Но миг бежит...» вместо «Проходит миг...») в печатном тексте Ж 1918 не учтено.

71. Ж 1910 (ЖР). В экз., принадлежавшем Л. Д. Большинцевой-Стенич (1907—1983), Ахматова пометила, что в этом ст-нии говорится о ней, а также поставила место написания: «Царское Село» (НМ. С. 198, 209). *Чепрак* — нарядная покрывка под седло.

*72. Ж 1910 (ЖС). - - Ж 1918. В Ж 1918 (макет) снята строфа между строфами 2 и 3. *Пейзане* (фр.) — крестьяне (рус. словоупотребление XVIII — нач. XIX в.). *Контреданс* — бальный танец (XIX в.).

73. «Сатирикон». 1910, № 19, 8 мая. - - Ж 1910 (ЖС). - - Ж 1918.

74. Ж 1910 (ЖС). - - Ж 1918. *Апостол Петр* — один из 12 апостолов; хранитель ключей от рая. *Фавор* — гора в 9 км от Назарета, на которой, по евангельскому преданию, произошло преображение Христа.

75. Ж 1910 (ЖР). - - Ж 1918. Наталья Владимировна *Анненская* (урожд. фон Штейн, 1885—1975), в 1905—1915 — жена В. И. Анненского-Кривича, сестра поэта, переводчика, критика, историка литературы С. В. фон Штейна (1882—1955), женатого на старшей сестре А. А. Ахматовой Инне Андреевне Горенко (ум. 1906).

76. Ж 1910 (ЖР). - - Ж 1918.

77. «Образование». 1908, № 7, без посвящ. - - Ж 1910 (ЖР). - - Ж 1918. Автограф журн. ред., без загл., — при письме к Брюсову, относящемуся ко второй половине 1907 г. (обоснование датировки — Неизданное и несобранное. С. 235). Николай Леонидович *Сверчков* (1895?—1919) — племянник поэта. В 1913 г. они путешествовали по Абиссинии, о чем Н. Л. Сверчков написал впоследствии воспоминания, затем утраченные. Участвовал в первой мировой войне, был контужен и отравлен газами. Умер в Краснодаре от воспаления легких (сведения сообщены О. Н. Высотским в письме к составителю от 12 апр. 1987 г.). Записная книжка с маршрутом поездки по Абиссинии и аннотированным перечнем предметов, привезенных в Петербург (всё — рукой Гумилева), с надписью на обложке: «Н. Л. Сверчков» — в фондах Музея археологии и этнографии имени Петра Великого АН СССР (Ленинград). Памяти Н. Л. Сверčkova посвящен «Шатер».

78. Ж 1910 (ЖЧ), с подзаг. «Сонет». - - Ж 1918. См. прим. 47.

79. «Остров». 1909, № 2. - - Ж 1910 (ЖЧ), с подзаг. «Сонет». - - Ж 1918. См. прим. 47. Журн. текст ст-ния нам неизвестен. Тираж не был выкуплен из типографии и, видимо, уничтожен. «Сохранилось несколько экземпляров этого номера в частных собраниях» (ЛН Блок. Кн. 3. С. 350). Однако содержание номера (в общих чертах) известно из рецензий Гумилева и М. А. Кузмина («Аполлон». 1909, № 3. С. 45—48). Последний, в частности, писал: «Н. Гумилев дал изящный сонет, начинающийся с довольно рискованного утверждения: „Я попугай с Антильских островов“» (с. 47).

80. Ж 1910 (ЖЧ). - - Ж 1918.

81. Ж 1910 (ЖС). - - Ж 1918.

82. Ж 1910 (ЖС). - - Ж 1918. По свидетельству А. А. Ахматовой, в ст-нии говорится о ней (НМ. С. 198, 209).

83. Ж 1910 (ЖС). - - Ж 1918.

84. Ж 1910 (ЖС). - - Ж 1918. Автограф первонач. ред. при письме к Брюсову из Царского Села с почтовым штемпелем 30 нояб. 1908 г., вместе с автографом журн. ред. ст-ния 270.

85. «Речь». 1908, 10(23) нояб., без загл. - Ж 1910 (ЖС). - Ж 1918.

86—89. Италии. Лит. сб. Спб., 1909. - Ж 1910 (ЖС). - Ж 1918. В «Италии» первое ст-ние опубликовано под загл. «Загадка». Автографы (первого ст-ния): 1) при письме к В. И. Анненскому-Кривичу от 2 окт. 1906 г., из Парижа (ЦГАЛИ); 2) при письме к Брюсову от 30 окт. 1906 г., которому Гумилев сообщил: «Я начал упиваться новыми, но безукоризненными рифмами и понял, что источник их неистощим. Может быть, Вы меня поймете, прочитав мою «Загадку», которую я особенно рекомендую Вашему вниманию». По свидетельству А. А. Ахматовой, в цикле говорится о ней (НМ. С. 198, 210—211). Данте Алигьери (1265—1321) — великий итальянский поэт, в литературном наследии которого существенное место занимают сонеты, обращенные к возлюбленной *Беатриче* (она же изображена в автобиографической книге «Новая жизнь», 1292). *Фаун* (римск. миф.) — одно из древнейших национальных божеств в Италии; по одной из функций — бог предсказаний — считается родоначальником песни. *Россетти* Данте *Габриел* (1828—1882) — английский художник и поэт, создатель картин, изображающих Данте и его возлюбленную, переводчик произведений Данте. *Менады* (мэнады, римск., греч. миф.) — спутницы бога виноградарства Диониса (Вакха).

90—92. «Весы». 1909, № 6. - Ж 1910 (ЖС). - Ж 1918. В журнале ст-ния помещены в иной последовательности: «У берега», «Одиссей у Лаэрта», «Избиение женихов». Цикл представляет собой свободную вариацию на темы XIII, XXII, XXIV песен «Одиссеи» Гомера (в пер. В. А. Жуковского). В Ж 1918 (макет) строфа 7 вставлена Гумилевым, им же исправлен ст. 1 следующей строфы («Что?» на «Как?»). *Трирема* (трирера) — боевое гребное судно. *Паллада* (Афина Паллада, греч. миф.) поддержала греков в Троянской войне, покровительница Одиссея. *Тимпаны* — ударные музыкальные инструменты; литавры. *Понт*, Понт Эвксинский — древнегреческое название Черного моря. *Лаэрт* — отец Одиссея. *Хариты* (греч. миф.) — три богини красоты и изящества. *Над морем встал алмазный щит Богини воинов, Паллады*. Речь идет о луне. *Эреб* (греч. миф.) — царство мертвых.

93—96. «Аполлон». 1909, № 1, окт. - Ж 1910 (ЖС). - Ж 1918. По воспоминаниям Е. И. Дмитриевой-Васильевой («Черубины де Габриак») «Исповедь», датированным «осень 1926 г.», «поэма» была написана летом 1909 г. в Коктебеле (у М. А. Волошина), посвящена мемуаристке; «каждая строчка» обдумывалась совместно (Неизданное и несобранное. С. 171). Это противоречит воспоминаниям А. Н. Толстого, утверждавшего (в очерке «Николай Гумилев»), что «Капитаны» писались Гумилевым, запершимся в своей комнате (см.: Толстой А. Нисхождение и преображение. Берлин, 1922. С. 10). Поскольку Гумилев и Е. И. Дмитриева приехали в Коктебель 30 мая 1909 г. и Гумилев уехал в начале июля, цикл может датироваться июнем 1909 г. (Неизданное и несобранное. С. 288—289). Очевидно, именно о «Капитанах» идет речь в письме П. П. Потемкина к композитору-любителю, участнику объединения «Мир искусства» В. Ф. Нувелю (июнь 1909 г.): «Получил письмо от Гумилева [...] Прислал мне выдержку из новой своей поэмы, желая ею, очевидно, похвастать. По-моему, скверно» (цит. по изд.: Изв. ОЛЯ. С. 62). О зна-

комстве Гумилева с В. Ф. Нувелем свидетельствует, в частности, экземпляр РЦ 1908 с дарственной надписью (собрание В. Э. Вацуру). *Хартия* — юридический документ; здесь — в значении «рукопись». *Брабантские манжеты* — обшивки рукавов из брабантского кружева. *Гонзальво* (Гонсальво ди Кордова, 1443—1515) — испанский флотоводец. *Кук Джеймс* (1728—1779) — английский мореплаватель, возглавлял три кругосветных экспедиции. *Лаперуз Жан Франсуа* (1741—1788?) — французский мореплаватель. *Де Гама* (Васко да Гама, 1469—1524) — португальский мореплаватель. *Ганнон Карфагенянин* (он же Ганнон Мореплаватель, VII—VI вв. до н. э.) — основатель ряда пунийских колоний. Такое же имя носит положительный персонаж рассказа Гумилева «Лесной дьявол» («Весна». 1908, № 11). *Князь Сенегамбий* — Альвизе де Ка да Мосто (Кадамосто), венецианец, находившийся на португальской службе; в 1455—1457 гг. проплыл мимо Сенегамбии и оставил ее описание (указано С. Б. Чернецовым). *Улисс* — Одиссей. *Арбалет* — приспособление для стрельбы стрелами. *Су* — французская монета; чеканилась до 1793 г. *Летучий Голландец* — легендарный образ капитана, осужденного вечно носиться на своем корабле по бурному морю, не приставая к берегу; встреча с ним — предвестие гибели. *Огни святого Эльма* — природное явление, при котором над острокопечными предметами появляются языки слабого сияния; названо по имени церкви, над которой оно наблюдалось; характерно для тропических широт. *Тропик Козерога* — название географического южного тропика.

97. «Аполлон». 1910, № 5. - Ж 1910 (ЖЧ). - Ж 1918. Предположение о датировке (авг. 1909 г.) высказано в публикации А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика писем Анненского к С. К. Маковскому (Ежегодник ПД на 1976 г. Л., 1978. С. 236—237. Письмо от 31 авг. 1909 г.). *Волхование* — колдовство, чародейство, гадание. *Рожденный из праха, да буду я прахом!* Ср.: «Из праха создал господь бог человека» (Бытие, II, 7), «Ибо прах ты и в прах возвратишься» (Бытие, III, 19). *И, медленно рея багровым хвостом, Помчалась к земле голубая комета.* В 1910 г. в печати широко обсуждалось приближение к Земле кометы Галлея, предвещался «конец света».

ЧУЖОЕ НЕБО

«Чужое небо» (анонсировано как только что выпущенное в мартовском номере «Русской художественной летописи». 1912, № 6) вышло с подзаг. «Третья книга стихов», хотя на самом деле это был четвертый сборник, о чем несомненно свидетельствовал книжный список «Книги Н. Гумилева», открывавшийся, как и положено, но явно вопреки желанию автора, «Путем конквистадоров» (не исключено, что это произошло без ведома Гумилева). М. А. Кузмин, раскрывший в своей рецензии смысл подзаголовка, указал, что он предпочитает видеть в книге «второй шаг того пути, в котором первым были «Жемчуга». Действительно, «Романтические цветы» вошли как отдел в «Жемчуга», а «Путь конквистадоров» автор не считал нужным переиздавать» («Аполлон». 1912, № 2. С. 73). «Последняя книга Н. Гумилева «Чужое небо», — писал В. Ф. Ходасевич, — выше всех предыдущих. И в «Пути конквистадоров», и в «Романтических цветах», и в «Жемчугах» было слов гораздо больше,

чем содержания, и ученических подражаний Брюсову — чем самостоятельного творчества. В «Чужом небе» Гумилев как бы снимает, наконец, маску. Перед нами поэт интересный и своеобразный. В движении стиха его есть уверенность, в образах — содержательность, в эпитетах — зоркость» (Ходасевич В. Русская поэзия: Обзор // «Альциона». М., 1914. Кн. 1. С. 204—205). Положительно оценил книгу Брюсов. «По-прежнему холодные, но всегда продуманные стихи Н. Гумилева, — отмечал он, — оставляют впечатление работ художника одаренного, любящего свое искусство, знакомого со всеми тайнами его техники (...) Надо любить самый стих, самое искусство слова, чтобы полюбить поэзию Н. Гумилева (...) В «Чужом небе» Н. Гумилев разрабатывает темы, которых ранее не касался, пользуется, и умело, метрами, которыми раньше не писал» (Брюсов В. Сегодняшний день русской поэзии // «Рус. мысль». 1912, № 7, отд. III. С. 19). В полном соответствии с акменстскими установками отозвался на выход «Чужого неба» С. М. Городецкий: «В этой книге много воздуха, много свежести. Это не книга символов, но это книга жизнеспособных образов (...) Ни мистики, ни магии, ни каббалистики, ни теософии нет в этих стихах» («Речь». 1912, 15(28) окт. С. 5.). Кратким положительным откликом отметил книгу Вл. Нарбут («Новая жизнь». 1912, № 9. Стб. 265—266). На этом фоне явным диссонансом прозвучала отрицательная рецензия Бориса Садовского. «О «Чужом небе» Гумилева как о книге поэзии можно бы не говорить совсем, потому что ее автор — прежде всего не поэт», — безапелляционно заявил он. Утверждая, что все стихи в книге «на одном уровне, а это самый дурной знак, указывающий на полную безнадёжность автора как поэта», Садовской сопоставил Гумилева с А. Фетом (разумеется, не в пользу Гумилева) и завершил этот пассаж определением автора «Чужого неба» как «бездарного стихотворца» («Современник». 1912, № 4. С. 364—366).

I

98. ЧН. Ст-ние было записано в альбом М. А. Кузьминой-Караваевой, с датой: 17 июня 1911 г. В ЧН (ПД) между заглавием и текстом рукой Ахматовой справа карандашом проставлены инициалы: «М. А. К.-К.» (т. е. «М. А. Кузьминой-Караваевой»).

99. ЧН. Ст-ние было записано в альбом М. А. Кузьминой-Караваевой, с датой: 27 июня 1911 г. О посвящении ей этого ст-ния свидетельствует указание А. А. Ахматовой (Собр. соч. Т. 2. С. 365).

100. Аполлон (альманах), без загл. - - ЧН. Ст-ние (под загл. «Затворнице») было записано в альбом М. А. Кузьминой-Караваевой, с датой: 10 июня 1911 г. О посвящении ей этого ст-ния — свидетельство Ахматовой в ЧН (ПД) (см. прим. 98).

101. «Бирж. вед.», утр. вып., 1912, 5 февр., под загл. «Опасение». - - «Новое слово». 1912, № 2, без загл., подп.-факсимиле. - - ЧН. *Латинский парус* — разновидность косого паруса (форма прямоугольного треугольника); в начале века получил распространение в Средиземном море, о котором, видимо, идет речь в ст-нии.

102. Аполлон (альманах), без загл. - - ЧН. Ст-ние было записано в альбом М. А. Кузьминой-Караваевой, с датой 12 июня 1911 г. О посвящении ей этого ст-ния — свидетельство Ахматовой в ЧН (ПД) (см. прим. 98).

103. Аполлон (альманах), без подзаг. - - ЧН. Автограф при письме Гумилева к Вяч. Иванову от 3 июня 1911 г. из Слепнева (см. прим. 318). Ст-ние было записано, с датой 3 июня 1911 г., в альбом М. А. Кузьминой-Караваевой. О посвящении ей этого ст-ния — свидетельство Ахматовой в ЧН (ПД) (см. прим. 98).

*104. Грех. Сб. рассказов, стихотворений и статей. М., 1911, без загл. - - ЧН. Сборник вышел в конце окт.— начале нояб. 1910 г. Автограф первонач. ред., без загл., с иной пунктуацией, в частности отточием в начале ст. 1 и с делением на строфы (пять, пять и три ст.), — в собрании Лесмана.

105. Аполлон (альманах), без загл. - - ЧН. По свидетельству Ахматовой, в ст-нии говорится о ней (НМ. С. 198, 211).

*106. Аполлон (альманах), без загл. - - ЧН. По свидетельству Ахматовой, в ст-нии говорится о ней (НМ. С. 198, 211—212); ЧН (ПД).

107. «Аполлон». 1911, № 6, без загл. - - ЧН. *Паша* — титул высшего должностного лица (гражданского или военного) в Османской империи.

108. «Бирж. вед.», утр. вып., 1911, 14 авг., без загл. - - «Новое слово». 1911, № 8, подп.-факсимиле. - - ЧН. По свидетельству Ахматовой, в ст-нии говорится о ней (НМ. С. 198, 212). 16 июля 1915 г. Гумилев писал с фронта Ахматовой: «Я всё читаю «Илиаду»; удивительно подходящее чтение <...> Некоторые описания, сравнения и замечания сделали бы честь любому модернисту. Нет, не прав был Анненский, говоря, что Гомер как поэт умер» (цит. по: НМ. С. 225). *Агамемнон* — см. прим. 60. *Маркер* — служащий при бильярде; ведет счет в игре. *Дафнис и Хлоя* — юные герои одноименного романа греческого писателя Лонга (II—III вв.), чьи имена стали нарицательными.

109. «Бирж. вед.», утр. вып., 1912, 15 янв. - - «Новое слово». 1912, янв., без загл., подп.-факсимиле. - - ЧН.

110. ЧН. По свидетельству Ахматовой, в ст-нии говорится о ней (НМ. С. 198, 212). Автограф при письме к Брюсову от 24 мая 1911 г. (вместе со ст-нием «Двенадцатый год», см. прим. 341). *Леконт де Лиль* Шарль (1818—1894) — французский поэт, глава литературной группы «Парнас». *Резкий профиль креола с лебединой душой*. Леконт де Лиль был сыном французского плантатора и креолки. В письме к С. К. Маковскому от 31 авг. 1909 г. Анненский назвал Леконта де Лиля «великим креолом» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 г. Л.: «Наука», 1978. С. 236).

111. ЧН. По свидетельству Ахматовой, в ст-нии говорится о ней (НМ. С. 198, 213); ЧН (ПД).

112. «Аполлон». 1911, № 6, без загл. - - ЧН.

113. «Рус. мысль». 1911, № 7, без загл. - - ЧН. Было послано Брюсову при письме от 24 мая 1911 г. вместе со ст-нием «Двенадцатый год» (см. прим. 341) и ст-нием 110. В экз., принадлежавшем Л. Д. Большинцовой-Стенич (НМ. С. 198, 213), и в ЧН (ПД) Ахматова подтвердила обращенность к ней этого ст-ния. *Из логова змиева*. По преданию, название города связано с легендарным Кием, победившем змея. *Лысая гора* — возвышенность в окрестностях старого Киева, на которой, по легендам, собирались ведьмы. *Над очастью, богом заклятою*. Смысл слова «очасть», отсутствующего в словарях, возможно, раскрывается в ст-нии 290: «В какой болотине проклятой». Ср. также ред. автографа ст-ния 243: «У лесных бездонных очастей».

II

ПОСВЯЩАЕТСЯ АННЕ АХМАТОВОЙ

114. «Рус. мысль». 1912, № 1, без загл. и посвящ. - - ЧН. Об этом ст-нии писал Блок в дневнике (20 окт. 1911 г.): «Анна Ахматова. Разговор с Н. С. Гумилевым и его хорошие стихи о том, как сердце стало китайской куклой» (см.: Блок А. Собр. соч. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 75). 14 апр. 1912 г., благодаря Гумилева за присланную книгу, Блок писал: « „Я верил, я думал“ и „Туркестанских генералов“ я успел давно полюбить по-настоящему» (Там же. Т. 8. С. 386). Сергей Константинович Маковский (1877—1962) — поэт и художественный критик.

115. Антология. Изд-во «Мусaget». М., 1911, без загл. - - ЧН. При первой публикации ошибочно присоединено к циклу «Абиссинские песни». *И снова властвует Багдад*. В строфах 3—5 звучат мотивы сказок «1001 ночи». *Бассора* (Басра) — город на юге Ирака. *Смирна* — Измир (Турция). *Левант* — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Египет, Турция, Греция и др.).

116. ЧН. *Родос* — греческий остров, на котором в 1306—1308 гг. обосновались члены военно-монашеского католического ордена иоаннитов (др. названия — госпитальеры, родосские рыцари). *Кузьмина-Караваева* Мария Александровна — двоюродная племянница Гумилева; рано умерла от чахотки. *Небесная Невеста* — здесь: Дева Мария, покровительница ордена иоаннитов.

117. Северные цветы. Альманах. М., 1911. Вып. 5. - - ЧН. *Мекка, Медина* — города в Саудовской Аравии, с VII в. — места паломничества мусульман. *Один пророк* — Магомет (Мохаммед). *Шииты* — приверженцы шиизма, одного из двух направлений в исламе (второе — суннизм). *Лира* — здесь: турецкая денежная единица. *Шайтан* (араб. миф.) — злой дух, сатана. *Волчец* — колючее растение. *Бассора* — см. прим. 115.

118. ЧН. В ЧН (ПД) надпись карандашом рукой Ахматовой: «Палладе». *Орел Сафо* — возможно, что образ связан с одним из

апокрифических источников биографии древнегреческой поэтессы Сафо (Сапфо) (указано Е. Г. Рабинович). *Лесбос* — остров в Эгейском море, на котором она родилась и жила.

119. ЧН.

120. ЧН. В ЧН (ПД) подпись карандашом рукой Ахматовой: «Киев. 1910 г. Апрель». По ее же свидетельству, ст-ние было преподнесено ей ко дню венчания (25 апр. 1910 г.). По тому же поводу Гумилев подарил ей «Жемчуга» с надписью: «А. А. Горенко. Кесарю кесарево» (Собр. соч. Т. 2. С. 365). *Андромеда* (греч. миф.), дочь царя Эфиопии, была отдана им в жертву морскому чудовищу ради спасения страны и освобождена *Персеем*. *Камедь*, камеди, гумми — древесный сок; сок растений. *Посылка* — заключительная строфа (из 4-х, иногда 5-ти ст.) канонической формы баллады в позднем средневековье.

121. «Черное и белое». 1912, № 2, март, подп.-факсимиле. - - ЧН. По свидетельству Ахматовой, в ст-нии говорится о ней (НМ. С. 198, 214). Эпиграф из ст-ния Ахматовой «Меня покинул в новолунье...», помеченного 1912 г. и вошедшего в «Четки» (1914); впервые было опубликовано в «Ниве». 1913, № 5; дата в автографе ЦГАЛИ — «1911. Осень» (см.: Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 455).

122. «Новая жизнь». 1912, янв., без загл. - - ЧН. По свидетельству Ахматовой, в ст-нии говорится о ней (НМ. С. 198, 214—215).

123. Северные цветы. Альманах. М., 1911, вып. 5, без загл. - - ЧН. По свидетельству Ахматовой, в ст-нии говорится о ней (НМ. С. 198, 215); ЧН (ПД). По поводу этого ст-ния Андрей Белый писал: «Гумилев, еще не успевший себя зарекомендовать так, как Кузмин, делает быстрые и успешные завоевания в лирике. Его стихи становятся все интересней и по форме, и по содержанию». В частности «У камина» «останавливает внимание новизной ритмов». Андрей Белый обратил внимание также на то, что ст-ние написано т. н. «кольцовским пятисложником» (см.: Белый Андрей. Десять лет «Северных цветов» // «Рус. мысль». 1911, № 10, отд. III. С. 24; указано В. С. Баевским). Как «вычурное» и «сочиненное» охарактеризовал это ст-ние Л. М. Василевский («Речь». 1911, 15(28) авг. С. 3. Подп.: Л. Вас-ий).

124. «Сатирикон». 1910, № 31, 31 июля, без загл. - - ЧН. Сюжет ст-ния связан с оперой Ш. Гуно «Фауст», либретто которой отличается от литературной основы — первой части трагедии Гете. *Риголетто* — шут, персонаж одноименной оперы Д. Верди и драмы В. Гюго «Король забавляется»; в ст. 19—20 пунктирно намечена сюжетная линия этой оперы. *Злой насмешник в красном плаще* — Мефистофель.

125. ЧН. *Быстрый взгляд красивой дамы, Севшей в первый класс*. До 1917 г. пассажирский железнодорожный состав делился на три класса.

126. «Рус. мысль». 1912, № 1, с посвящ. Н. И. Гродекову. - - ЧН. О генерале Н. И. Гродекове см.: «Нива». 1914, № 2, с. 38. *Уч-Кудук*,

Киндерли — населенные пункты, связанные с историей завоевательных походов царской армии. *И русский флаг над белой Хивой.* Имеется в виду Хивинский поход 1873 г. *Грез Жан Батист* (1725—1805) — французский живописец, представитель сентиментализма. *Ватто Антуан* (1684—1721) — французский художник (живописец и рисовальщик); передавал мир тончайших душевных состояний.

127—130. Антология. Изд-во «Мусагет». М., 1911. - - ЧН. В первой публикации — вместе со ст-нием «Ослепительное» (см. прим. 115). Дружественная Гумилеву критика высоко оценила цикл. «В переложениях абиссинских песен Н. Гумилева, — писал Брюсов, — яркая красочность и большое мастерство» (Брюсов В. Будущее русской поэзии // «Рус. мысль». 1911, № 8, отд. III. С. 16). «Необыкновенной свежестью проникнут цикл «Абиссинских песен» Н. Гумилева, — вторил ему Сергей Городецкий. — Эти четыре песни (...) чаруют своим девственным простодушием (...) Пятое его стихотворение («Ослепительное». — М. Э.), отравленное сплином, — слишком здешнее, петербургское, немощное, особенно на фоне абиссинских песен» (Городецкий С. Пир поэтов (Антология «Мусагета») // «Речь». 1911, 27 июня/10 июля. С. 3). Очевидно, мнение о подлинности «абиссинских песен» было общим, что потребовало от Гумилева снять «маску» в собственной рецензии на «Антологию». «Четыре абиссинских песни автора этой рецензии, — разъяснил он, — написаны независимо от настоящей поэзии абиссинцев» («Аполлон». 1911, № 7. С. 76). Подлинны абиссинские песни в переводе Гумилева — см. ст-ния 372—383.

1. *Дурро* — однолетнее травянистое растение рода сорго, семейства злаковых. Из него получают крупу, муку. *Смоква* — инжир. *Первый флаг забился над Харраром... И в Тигрэ заухали гиены.* Описывается итало-эфиопская война 1895—1896 гг. Тигрэ — название провинции. Харрар, Аксум (место коронации негусов) — города в Эфиопии. *Ашкер*, аскер — солдат.

2. *Крааль* — кольцеобразное поселение у народов Южной и Восточной Африки, где внутренняя площадь служит загоном для скота.

4. *Габеш*, Габес — город и порт в Тунисе. *Каффа* (Гомара) — провинция в южной части Эфиопии.

III

ИЗ ТЕОФИЛА ГОТЬЕ

131. ЧН. Перевод ст-ния «Au bord de la mer». Машинопись с авторской правкой — ПД.

132. «Аполлон». 1911, № 9. - - ЧН. Перевод ст-ния «L'art». Вошло в кн. «Эмали и камней» (с вар., в том числе ст. 1: «Искусство тем прекрасней»). *С паросским иль каррарским* и т. д. Каррара (Италия), Парос (греч. о-в) — места, где ведутся разработки белого мрамора.

133. «Аполлон». 1911, № 9. - - ЧН. Перевод ст-ния «Odelette anacréontique». Вошло в кн. «Эмали и камней» (с вар.). Анакреонт (ок. 570—478 до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик; подражание ему породило в поздней античности, Возрождении, Просвещении

т. н. «анакреонтическую поэзию». *Гермес* (греч. миф.), по одной из функций, покровитель путников; статуи Гермеса создали Лисипп, Пракситель и др.

134. «Аполлон». 1911, № 9. - - ЧН. Перевод ст-ния «Rondstella». Вошло в кн. «Эмали и камеи» (с вар.). *Рондолла* — от рондо, стихотворная форма. *Наваха* — длинный складной нож (Испания).

135. «Аполлон». 1911, № 9. - - ЧН. Перевод ст-ния «L'Hippopotame». Машинопись с авторской правкой — ПД. *Боа* — удав. *Ассагай* — копье (у африканских народов). *Сипаи* — наемные солдаты в Индии (с сер. XVIII в. до 1947 г.).

IV

ПОЭМЫ

136. ЧН. Гумилев читал поэму на заседании Общества ревнителей художественного слова 13 апр. 1911 г. (см.: Чудовский В. Литературная жизнь. Собрания и доклады // «Рус. худож. летопись». 1911, № 9. С. 143). *И Петр не унижится пред Иоанном* — аллюзия на библейский эпизод, где Петр в присутствии Иоанна отрекся от Христа. *И лев перед агнцем, как в сне Даниила*. В «Книге пророка Даниила» в роли спасителя выступает не ягненок (агнец), а ангел. *Портик* — крытая галерея на колоннах или столбах перед входом в здание. *Сидон, Тир* — финикийские города-государства; ныне Сайда и Сур (Ливан). *Смирна* — Измир. *Коль ты недоволен моим сиракузским!* — вином из Сиракуз (древнегреческий полис на о. Сицилия, захваченный римлянами в 211 г. до н. э., современный г. Сиракузы).

*137. «Аполлон». 1910, № 12, с подзаг.: «(Поэма в четырех песнях)». - - ЧН. В открытке Вяч. Иванову (почтовый штемпель: 5.11.1910), написанной, видимо, на пути в Джибути (Неизданное и несобранное. С. 258—259; ср.: Изв. ОЛЯ. С. 63—64), Гумилев сообщил, что «4 песнь целиком написана в Средиземном море» (ГБЛ; Неизданное и несобранное. С. 123; Изв. ОЛЯ. С. 63). Поэма была отправлена С. К. Маковскому из Порт-Саида с сопроводительным письмом, датированным 26 окт. 1910 г. (см.: Изв. ОЛЯ. С. 64). *Нард* — у древних авторов и в Священном писании название приятно пахнущих растений, из корневища которых добывается нардовое масло. *Приор* — настоятель монастыря; здесь в значении «священник». *Диас* Бартоломео (1450—1500) — знаменитый португальский мореплаватель; открыл Южную Америку. *Страна Великого Могола*, т. е. Индия (Могольская империя в 1526—1858 гг.). *Марко Поло* (ок. 1254—1324) — итальянский путешественник, в 1271—1275 гг. совершил путешествие в Китай. *Гитаны*, гитано (исп.) — цыгане; гитана — испанская цыганка. *Станцы*, стансы — стихотворная форма.

V

138. ЧН. Несмотря на живые, остроумные диалоги, пьеса не имела счастливой сценической судьбы. Единственная известная постановка (в марте 1913 г. в петербургском Троицком театре миниатюр) была

явно неудачной. «Пьеска смотрится без особого удовольствия», — писал хроникер «Театра и искусства» (1913, № 13. С. 294. Подп.: П. Ю.). В более пространном отзыве Валериана Чудовского говорилось: «„Дон Жуан в Египте“ Гумилева по самому предмету своему, по имени героя не может выдержать посредственной игры. Его, увы, не спасли ни звучность стиха, ни богатство рифмы; все тонкости пропали. Жаль, ибо в этой вещице есть признаки — в разработке, если не в замысле — настоящей театральной миниатюры» («Аполлон». 1913, № 4. С. 56). *Червонец* — здесь: золотая монета, то же, что дукат, цехин. *Я стал студентом Саламанки*, т. е. университета в испанском г. Саламанка (основан в 1259 г., пользовался общеевропейской известностью). *Мисс, мистер Покэр* — по-видимому, от названия карточной игры (покера). *Торговец свиньями в Чикаго*. В середине XIX — начале XX в. Чикаго занимал первое место в мире по торговле скотом и хлебом. *Сеньора! Мисс. Сеньора! Мисс!* «Сеньора» — обращение к замужней женщине, «мисс» — к незамужней. *Я всё бывала на Моцарте*. Подразумевается классическая опера «Дон Жуан» (1787). *Сети третий* — вымышленное имя (реально существовали Сети Первый и Сети Второй). Здесь и далее намеки на невежество Лепорелло. *Тот* — древнеегипетский бог луны, времени, культуры. *Хеопс* — третий царь Четвертой династии. Его имя связано с самой большой пирамидой. Существовали барельефы с изображениями Хеопса и Тота. *Псамметих пятый, Четвертый Псамметих* столь же «достоверны», как и «Сети третий». *Адъюнк* — помощник заведующего кафедрой в университете. *Он сам севильский соблазнитель*. В отличие от исторического прототипа, придворного кастильского короля Педро Жестокого (XIV в.) Дон Хуана Тенорио, Дон Жуан традиционно изображается севильцем, что отразилось, в частности, на заглавии пьесы Тирсо де Молины «Севильский озорник, или Каменный гость» (1630).

КОЛЧАН

ТАТИАНЕ ВИКТОРОВНЕ АДАМОВИЧ

Следующей книгой Гумилева после «Чужого неба» был сборник переводов — «Эмали и камен» Т. Готье (1914), несколько ст-ний из которого опубликованы в ЧН. За ним, в 1916 г., последовал «Колчан» с общим посвящением Татьяне Викторовне Адамович (1892—1970), педагогу, сестре поэта и критика Г. В. Адамовича. «Колчан» завершали «Два отрывка из абиссинской поэмы», т. е. ранней редакции «Мика». Эти отрывки в настоящее издание не включены.

В архиве М. Л. Лозинского сборник «Колчан» представлен следующими материалами: 1) автографы ст-ний 139—149; 2) гранки ст-ний 157 (только строфы 5—8, с авторской правкой) и 158; 3) корректура (верстка) ст-ний 159—182 и «Двух отрывков из абиссинской поэмы». В совокупности материалы по своему составу в целом соответствуют печатному изданию сборника и условно рассматриваются как «макет» «Колчана». Сохранившаяся часть верстки «Колчана» подвергалась авторскому сокращению. Были сняты два ст-ния: «Сестра милосердия» и «Ответ сестры милосердия», располагавшиеся вслед за ст-нием 178 (оба эти ст-ния первоначально опубликованы в сб. «Петроградские вечера». Кн. 4, 1915). Исключение их из верстки повлекло за собою переспуск полос, размеченный самим Гумилевым. Кроме того, еще до перевёрстки и переспуска полос в верстке за-

черкнуто ст-ние 333 (в оглавлении верстки не означено), располагавшееся за ст-нием 181. И в рукописных листах и в верстке имеется авторская правка текста. Ст-ния, вошедшие в «Колчан», представлены в том же архиве и несколькими не связанными с «макетом» разрозненными автографами. Ст-ния 141, 143, 150, 160, 177 — автографы в составе Гиперборея (рукопись). Ст-ния 146, 176, 178 представлены автографами для журн. «Аполлон», ст-ние 157 — списком рукой Ахматовой также для Гиперборея (рукопись) и автографом Гумилева, ст-ние 152 — списком рукой М. Л. Лозинского, второе ст-ние цикла 153—154 — автографом с датой, ст-ние 176 — корректурным листом в составе Гиперборея (рукопись). При необходимости названные материалы дополнительно характеризуются в соответствующих прим.

Новый сборник Гумилева критика в целом встретила довольно прохладно, хотя в некоторых рецензиях содержались достаточно высокие оценки. Так, М. Тумповская писала: «Только прочитав «Колчан», можно с полной ясностью почувствовать, что нельзя было до сих пор говорить о творчестве Гумилева. До этой книги мы знали только отдельные образцы («Аполлон». 1917. С. 58). Как бы возражая ей, Иннокентий Оксенов охарактеризовал книгу как «шаг назад» (сравнительно с «Чужим небом») к «Жемчугам», отметил, что «у Гумилева есть только своя манера (или манерность), но нет своего лица», и в то же время признал, что «некоторые стихотворения поэта совершенно необъяснимо волнуют и очаровывают» («Новый журнал для всех». 1916, № 2/3. С. 74). Как шаг назад расценил «Колчан» и Б. М. Эйхенбаум, разобравший книгу в достаточно обстоятельной рецензии. «Стиль Гумилева, — отметил он, — как-то расшатался, оттого так *чрезмерны* его слова. Они гудят, как колокола, заглушая внутренний голос души» (Эйхенбаум Б. Новые стихи Н. Гумилева // «Рус. мысль». 1916, № 2, отд. III. С. 18). Как считал К. А. Липскеров, «Колчану» свойственны «и достоинства, и недостатки» предыдущих книг. «С одной стороны, — указал он, — какой-то вялостью разряжены его строфы, с другой — в этой книге есть стихи подлинной лиричности, которые не могли бы быть написаны Гумилевым раньше». По мнению критика, эта «неравномерность» была обусловлена «внутренней растерянностью автора, колеблющегося между образцами парнасцев, романтиков и лириков и как бы жонглирующего ими, их выбирая». В то же время Липскеров отметил наличие «некоторых превосходных стихов», не конкретизируя свое высказывание («Рус. ведомости». 1916, 13 апр. С. 7). «Действительно до конца муза Гумилева нашла себя в «военных стихах», — отметил В. М. Жирмунский. — Эти стрелы в «Колчане» — самые острые» (Жирмунский В. Преодолевшие символизм // «Рус. мысль». 1916, № 12, отд. II. С. 51). «Среди массы военных стихов стихи Гумилева выделяются документальностью и чувством значительности переживаемых событий, — писал С. М. Городецкий. — Такие строчки, как «Наступление», не забудутся и после войны» (Городецкий С. Поэзия как искусство // «Лукоморье». 1916, № 18. С. 20). Отрицательные отзывы о «Колчане» принадлежали Д. И. Выгодскому (Поэзия и поэтика // «Летопись». 1917, № 1. С. 251—252) и И. Гурвичу (Ласкающие стрелы // Изв. кн. магаз. т-ва М. О. Вольф... 1916, № 2).

*139. «Аполлон». 1912, № 9, дек., с подзаг. - - Колчан. Автограф — Колчан (рукопись). В Колчане (макет) ст. 11 читается: «...в пространства». В журнале и печатном тексте — «...в пространство». Судя по подзаг. в «Аполлоне»: «По случаю второй годовщины

смерти, исполнившейся 30-го ноября» (см. прим. 57), ст-ние было опубликовано через год после его написания. Действительно, очередное заседание Общества ревнителей художественного слова, состоявшееся 3 декабря 1911 г., открывалось выступлениями, посвященными И. Ф. Анненскому (умер 30 ноября 1909 г.). Согласно хронике В. А. Чудовского («Рус. худож. листок». 1911, № 20. С. 321), на вечере выступили Гумилев и О. Э. Мандельштам. Видимо, Гумилев не только «высказался о значении поэта для современной лирики», но и прочел посвященное ему ст-ние. Почему оно оставалось неопубликованным до декабря 1912 г.— неясно. Был *Иннокентий Анненский последним Из царскосельских лебедей*. Очевидно, аллюзия на аллегорическое ст-ние В. А. Жуковского «Царскосельский лебедь» (1851). *О, в сумрак отступающие вещи И еле слышные духи*. По свидетельству В. И. Анненского-Кривича, эти строки связаны с тем, что на письменном столе в рабочем кабинете И. Ф. Анненского «почти бессменно всегда стояли» лилии (см.: Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1981. Л., 1983. С. 111). *А там, над шкафом, профиль Эврипида Слепил горящие глаза*. По воспоминаниям М. А. Волошина и других мемуаристов, на одном из книжных шкафов в рабочем кабинете И. Ф. Анненского стоял «большой бюст Эврипида» (см.: Памятники культуры. С. 70, 127). И. Ф. Анненский осуществил перевод трагедий древнегреческого поэта-драматурга.

*140. «Отечество». 1914, № 4, без посвящ. - - «Аполлон». 1915, № 1, без посвящ., с ред. примеч.: «Стихотворение это печатается дополненным в новой редакции». - - Колчан. Автографы (без посвящ.) в Колчане (рукопись) и Колчане (макет). Ст-ние было прочитано Гумилевым (вероятно, в новой ред.) на вечере в «Подвале бродячей собаки» 27 янв. 1915 г. (см.: <Волин Ю. С.>. Вечер поэтов в «Бродячей собаке» // «Петрогр. курьер». 1915, 29 янв., подп.: Ю. В — н). Адресат уточняется по экз. «Колчана» с дарственной надписью: «Многоуважаемому Михаилу Михайловичу Чичагову от искренне его любящего и благодарного ему младшего унтер-офицера его взвода Н. Гумилева в память веселых разъездов и боев. 27 декабря 1915 г. Петроград» (собрание М. И. Чуванова; опубл.: Wiener Slawistischer Almanach, 1982. Bd. 9. S. 389). Возможно, что М. М. Чичагов и «поручик Ч.» в «Записках кавалериста» — одно и то же лицо (Собр. соч. Т. 4. С. 628).

*141. Гиперборей. 1913, № 6, март. - - Колчан. Автограф — Гиперборей (рукопись), с вар. В ст-нии изображена площадь Пьяцетта, в центре которой возвышается собор. *Лев на колонне*. Описывая символ города (Лев св. Марка), Гумилев неточен: крылатый лев опирается на Евангелие от Марка, а не держит его.

142. «Современник». 1913, № 12. - - Колчан. Автограф в ПД (арх. Ф. К. Сологуба). *Фортуна катит колесо*. Колесо Фортуны (рим. миф.) — символ ее непостоянства. *Барон Брамбеус* — псевдоним О. И. Сенковского (1800—1858); очевидно, имеются в виду «Фантастические повести и рассказы барона Брамбеуса» (1840).

*143. Гиперборей. 1912, № 1, окт., под загл. «Фра Анжелико». - - Колчан. Автограф — Гиперборей (рукопись, строфы 8, 9 — список

рукой С. Городецкого), с вар. *Анджелико* (Фра Джованни да Фьезоле, прозванный Иль Беато Анджелико, ок. 1400—1455) — флорентийский живописец, монах-доминиканец. *Гиппогриф* — мифологическое животное (полулошадь-полугриф). *Буонаротти* — Микеланджело Буонаротти (1475—1564). *Челлини* Бенvenuto (1500—1571) — скульптор, ювелир, автор мемуарной книги «Жизнь Бенvenuto Челлини». *Фьезоле* — город в Тоскане, расположенный на крутом холме. Фра Анджелико жил в монастыре Сан-Доменико близ Фьезоле. В ст-нии описана картина, находившаяся в монастырской церкви. *Рака* — каменный гроб, хранилище мощей.

144. «Современник». 1913, № 12, без посвящ. - - Колчан. *Иванов* Георгий Владимирович (1894—1958) — поэт, участник «Цеха поэтов». *Золотые поля*. Здесь, очевидно, как синоним Елисейских полей (в античной мифологии — светлая часть загробного мира, где пребывают души праведников).

***145.** «Рус. мысль». 1912, № 7, вместе со ст-ниями 147 и 172 под общим загл. «Итальянские стихи», с общим указ. места и года написания: Италия, 1912. - - Колчан. Автограф при письме к Брюсову от 22 мая 1912 г., из которого видно, что ст-ния посылаются в новой редакции: «Для меня было большой радостью узнать, что мои итальянские стихи Вам понравились. Что же касается Ваших сомнений, то у меня были те же самые, так что я охотно пойду на исправления. Вот как у меня было в первой редакции (если это Вас удовлетворит, оставьте) (...) В «Риме» было вместо «царство иное» «царство покоя», вместо «он крепок лишь следом длинных» «он крепок следом призывных», период двух строф был яснее (смысл новых таков: что значит вся эта мишура, твой город — тот же дикий и вечный благодаря своему божественно-звериному происхождению), но я посылаю его Вам заново переписанным. А на неверные рифмы меня подбили стихи Блока. Очень они заманчиво звучат». *Волчица с пастью кровавой*. Описан памятник легендарным основателям Рима. *Храм св. Петра* — собор в Риме.

***146.** «Аполлон». 1913, № 3, др. ред., без посвящ. - - Колчан. Автографы (без посвящ.) — журн. ред., с датой: 1912—1915, с надписью красным карандашом рукой С. К. Маковского: «Аполлон № 2 набор петит» (арх. М. Л. Лозинского), и Колчан (макет). Там же с аналогичной пометой Маковского автографы ст-ний 176 и 178. В журнале опубликовано со следующим прим.: «Печатаемые здесь стихотворения принадлежат поэтам, объединенным теми идеями, которые были изложены в статьях Н. Гумилева и С. Городецкого в январской книжке «Аполлона» и могут до некоторой степени служить иллюстрацией к высказанным в этих статьях теоретическим соображениям» (имеются в виду соответственно «Наследие символизма и акмеизм» и «Некоторые течения в современной русской поэзии»). По поводу этой публикации Гумилев писал Брюсову (28 марта 1913 г. из Царского Села): «Поэты-акмеисты могут считаться таковыми только по своим последним стихам и выступлениям, прежде же они принадлежали к разным толкам. Действительно акмеистические стихи будут в № 3 «Аполлона», который выйдет на этой неделе». В экземпляре Лесмана отчеркнуты две последние строфы варианта и слева снизу вверх карандашом записано: «М. б. акмеизм». В письме к Гумилеву (21 окт. 1915 г.) М. Л. Лозинский напомнил ему (в связи с этим ст-нием) их «беседу

об автобиографических ямбах» (ЦГАЛИ; Неизданное и несобранное. С. 149). По свидетельству Ахматовой, в ст-нии говорится о ней (НМ. С. 198, 216—218). *Лозинский* Михаил Леонидович (1886—1955) — поэт; впоследствии — выдающийся переводчик. *Картины абиссинских мастеров*. Из поездки в Абиссинию (1913) Гумилев привез картины, из которых четыре были подарены им Е. С. Кругликовой, а ею переданы (в середине 1920-х гг.) в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого; несколько картин находится у В. К. Лукницкой (см.: «Огонек». 1987, № 15. С. 21). *Левант* — см. прим. 115. *Дамаянти, Наль* — герои индийской эпической поэмы «Наль и Дамаянти»; здесь — аллюзия на одноименную поэму В. А. Жуковского; в ст-нии Гумилева отражен известный эпизод — игра в кости. «*Буди, буди*» — словосочетание, подкрепляющее данную клятву (Ветхий завет, Числа, V, 22); то же, что «аминь, аминь». *Есть на море пустынным монастырь* — возможно, имеется в виду Соловецкий монастырь; строфа является реминисценцией ст-ния Пушкина «Монастырь на Казбеке».

147. «Рус. мысль». 1912, № 7, вместе со ст-ниями 145 и 172 (см. прим. 145). - - Колчан. В письме к Брюсову от 22 мая 1912 г. Гумилев привел заключительную строфу первонач. ред. ст-ния:

Сатана, в нестерпимом блеске
Оторвавшись от старой фрески,
Распростерся с тоской всегдашней
Над кривою Пизанской башней.

«Вместо «распростерся», — продолжал Гумилев, — можно поставить «изогнулся» или «наклонился», у меня нет предпочтений». Этот вариант (с небольшим изменением) был сохранен. *Содома* (Джованни Антонио Бацци, 1477—1549) — итальянский художник. *Голодный вопль Уголино*. Уголино делла Герардеска (ум. 1289), с 1284/85 правитель Пизы, был свергнут гибеллинами, заточен в башню вместе с двумя сыновьями и двумя внуками, где умер от голода. История Уголино изложена в «Божественной комедии» Данте («Ад», песни 32—33). *Гибеллины и гвельфы рядом* — намек на кровопролитную борьбу двух партий в средневековой Италии. Видным гибеллином был Данте.

148. «Новая жизнь». 1914, дек. - - Колчан. Черновой набросок в ПД. В ст-нии изложен основной эпизод библейской «Книги Юдифи». Согласно легенде, молодая и красивая вдова *Юдифь*, притворной лаской завоевав доверие вавилонского полководца *Олоферна*, войска которого осадили г. Ветилу, отрубила ему голову его собственным мечом, что вызвало отступление армии. *Пифия* — прорицательница. *Тимпан* — старинный музыкальный инструмент, подобие тарелок. *Из мрака будущего Саломея Кичилась головой Иоканаана*. Здесь Гумилев исходит не из евангельского сюжета о Саломее и Иоанне Крестителе (Матфей, XIV, 3—12; Марк, VI, 17—29), а из сюжета одноактной драмы О. Уайльда «Саломея» (1893; указано Т. В. Павловой).

*149. Альманахи стихов, выходящие в Петрограде. Под ред. Дм. Цензора. Пг., 1915. Вып. 1, под загл. «На острове». - - Колчан. Список первонач. ред. рукой Ахматовой в ЦГАЛИ (арх. Д. М. Цензора). *Апокалипсис был здесь написан, И умер Пан*. Апокалипсис

(«Откровение Иоанна Богослова») связывается с о. Патмос. Высказывание «Умер великий Пан» относится к о. Паксос (по преданию, изложенному Плутархом, эти слова, услышанные у о. Паксос в Ионическом море, должен был крикнуть египетский кормчий Тамус, проплывая мимо о. Палодес; в ответ раздались стенания множества голосов).

*150. Гиперборей. 1912, № 3, без посвящ. - - Колчан. Автограф — Гиперборей (рукопись) с порядковым номером 1 (карандашная помета), вместе со ст-ниями 152 и 177. *Хламида* — здесь: верхняя мужская одежда.

151. Гиперборей. 1913, № 9/10. - - Колчан. Автограф — Гиперборей (рукопись), предназначался для № 9/10, список рукой Ахматовой — Гиперборей (рукопись) на двух двойных листках вместе со списками ст-ний 331 и 354 (предназначался для № 8).

152. Гиперборей. 1912, № 3. - - Колчан. Список рукой М. Л. Лозинского — Гиперборей (рукопись), вместе со списками ст-ний 150 и 177, порядковый номер (карандашом) — 2. *Литания* — католическая молитва. *Словно звон истлевших цимбал*. Рецензируя Колчан, Н. Венгров в перечне «ляпсусов» назвал «истлевающие цимбалы», обратив внимание на то, что речь идет о металлическом инструменте («Летопись». 1916, № 1. С. 416). Между тем Гумилев здесь только вторил Брюсову («зов истлевших лир» в ст-нии «Вячеславу Иванову», 1903). *Ганимед* (греч. миф.) — сын царя Трои, красавец, похищенный Зевсом с помощью орла.

*153—154. 1. «Новый журнал для всех». 1915, № 5, под загл. «Жалобы влюбленных». - - Колчан. Карандашный автограф (без загл., с посвящ. «Татьяне Адамович») на обороте титульного листа и шмуцтитуле в экземпляре Кирпичникова.

2. «Вершины». 1915, № 31/32. - - Колчан. Беловой автограф, без загл., с вар., с датой. *О Данае, туче золотой*. Образ навеян древнегреческим мифом о Персее. *Аттические выси*. Атика — Юго-Восточная часть Греции, где находятся Афины; здесь, видимо, символ Древней Греции. *Навзикая* — персонаж «Одиссеи» (кн. 6).

*155. ЕЛПН. 1913, № 1, с подзаг. «Статуя Кановы». - - Колчан. *Персей* (греч. миф.) — герой, одержавший победу над Горгонами — богинями тьмы. Одной из Горгон, Медузе, он отрубил голову и с ее помощью обратил в камень морское чудовище, стерегшее *Андромеду*, освободив ее. «Персей с головой Медузы» (1801) — одно из значительнейших творений выдающегося итальянского скульптора Антонио Кановы (1757—1822); находится в Ватиканском музее.

156. Невский альманах жертвам войны. Пг., 1915, вып. 1, без загл. - - Колчан. Ст-ние было прочитано Гумилевым 27 янв. 1915 г. в «Подвале бродячей собаки» (см.: <Волин Ю. С.>. Вечер поэтов в «Бродячей собаке» // «Петрогр. курьер». 1915, 29 янв., подп.: Ю. В — н).

*157. «Вершины». 1915, № 29/30, июль. - - Колчан. *В ночи работали масоны*. Масонство (франкмасонство, буквально: «вольные каменщики») — религиозно-нравственное движение. Ритуальная символика заимствована у средневековых цехов каменщиков-строителей.

Великий Мастер — высшая степень в масонской ложе. *Нивелир* — оптико-механический инструмент для выравнивания (нивелирования).

*158. Колчан.

*159. Гиперборей. 1913, № 9/10, с посвящ. «Сергею Городецкому». - - Колчан. Автограф — Гиперборей (рукопись). *Городецкий* Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт, один из организаторов «Цеха поэтов». *Арно* — река в Италии. На ней стоят Пиза и Флоренция. *Данте* — см. прим. 86—89.

*160. Гиперборей. 1913, № 9/10. - - Колчан. Автограф в ПД. В автографе — Гиперборей (рукопись) — после строфы 4 следовали две, из которых вторая вошла в текст Гиперборея, а предшествующая ей зачеркнута синим карандашом (возможно, М. Л. Лозинским). *Уллис* (Улисс) — Одиссей.

161. ЕЛПН. 1914, № 11. - - Колчан, с датой и пометой. *Сидамо* — группа народов (сидамо, гимирра, каффа и др.), населяющих Юго-Западную Эфиопию.

*162. «Аполлон». 1914, № 10. - - Колчан. Автограф журн. ред. в собрании В. А. Петрицкого (Ленинград). В конце дек. 1914 г., проводя в Петрограде трехдневный отпуск, Гумилев читал это стихотворение на вечере в «Подвале бродячей собаки» (Изв. ОЛЯ. С. 74). 1 нояб. 1914 г. Гумилев писал М. Л. Лозинскому из действующей армии: «Все, что читал о боях под Владиславовом и о последующем наступлении, я видел своими глазами и во всем принимал посильное участие» (цит. по: Изв. ОЛЯ. С. 72).

163. «Голос жизни». 1915. № 22, 27 мая, без загл. - - Колчан. Автограф (неполный, первые три строфы) — Колчан (рукопись). *Начальник в ярком доспехе* — Михаил Архистратиг (см. прим. 364).

*164. ЕЛПН. 1912, № 9, без загл. - - Колчан. Гранка — Колчан (макет) с авторской правкой. *Святой Пантелеймон* — реальное историческое лицо, занимался излечением больных; канонизирован православной церковью.

165. Колчан. Верстка — Колчан (макет), с датой.

166. Колчан. *Левант* — см. прим. 115.

167. Колчан. *Половину жизни земной*. Ср. ст. 1 «Божественной комедии» Данте (в пер. М. Л. Лозинского): «Земную жизнь пройдя до половины». «Полной жизнью» считался возраст 70 лет. В апр.

1916 г. Гумилеву исполнялось 30. *Свет на горе Фаворе*. Имеется в виду преображение Христа на горе Фавор (см. прим. 74): «...И просияло лицо его как солнце, одежды же его сделались белыми, как свет» (Матфей, XVII, 2).

168. Колчан. *Сказавший деве: «Талифа!..»* — Христос; имеется в виду евангельский рассказ о том, как Христос воскресил девушку словами: «Талифа, куми», т. е. «Встань, девица». *Нищий Лазарь* — персонаж евангельской притчи о бессердечном богаче и беспомощном бедняке.

169. «Вершины». 1915, № 25, май, с посвящ. В. К. Шилейко. - - Колчан. Шилейко Владимир Казимирович (1891—1930) — ученый-ассиролог, поэт.

170. «Рус. мысль». 1915, № 7. - - Колчан.

171. Альманахи стихов, выходящие в Петрограде. Под ред. Дм. Цензора. Пг., 1915. Вып. 1. - - Колчан. Список (рукой Ахматовой) — в ЦГАЛИ (арх. Д. М. Цензора). Черновой автограф — там же (арх. Гумилева). Сопоставление рукописных и печатных источников текста показывает, что ст-ние было, видимо, отредактировано Ахматовой и опубликовано по представленной ею рукописи. Помещающая ст-ние в «Колчане», Гумилев исправил ст. 1, 9 и 13. Поскольку в автографе Гумилева и «Колчане» в ст. 1 «ветер», а не «вечер», последнее следует считать опиской Ахматовой (видимо, под влиянием загл.). *С надтреснутою дыней схож закат*. В черновике Гумилева: «Мы с дыней лопнувшей сравним закат». Уникальность метафоры позволяет думать, что Гумилев использовал текст поэтической дарственной надписи ему Анненского на «Книге отражений» (1906): «И мой закат холодно-дынный» (экз. в собрании А. Ф. Маркова, Москва; факсимиле см.: *День поэзии*. 1986. М., 1986. С. 215).

172. «Рус. мысль». 1912, № 7, вместе со ст-ниями 147 и 145, под общ. загл. «Итальянские стихи», с общим указанием места и года написания: «Италия, 1912». - - Колчан. *Палаццо дождей* — Дворец дождей (музей). *Арматор* — частное лицо, которое с разрешения воюющего государства снаряжает на свой счет судно с целью захвата торговых кораблей неприятеля или нейтральных держав.

*173. «Рус. мысль». 1914, № 7. - - Колчан. Является ли это ст-ние оригинальным или переводным — неясно. Опубликованный в Собр. соч. (Т. 2) французский текст сопровождается примеч., что это — автоперевод из записной книжки. Но, судя по тому, что там же был неверно атрибутирован Гумилеву перевод ст-ния «Камень» (№ 48, см. с. 540), и данное ст-ние также может оказаться копией не установленного пока источника. *Танка* — нерифмованное пятистишие (в японской поэзии). *Все экзамены сдал*. Имеются в виду экзамены на право замещения административной должности.

174. «Голос жизни». 1915, № 22, 27 мая. - - Колчан. *Апостол Петр* — см. прим. 74. *Георгий пусть поведает о том, Как в дни*

войны сражался я с врагом. За личную храбрость Гумилев был награжден (в дек. 1914 г. и в янв. 1915 г.) Георгиевскими крестами. Ср. в ст-нии 243: «Но святой Георгий тронул дважды Пулею не тронутую грудь». *Святой Антоний* — персонаж христианской мифологии, родоначальник монашества. Тема «искушения святого Антония» воплотилась во многих произведениях искусства. *Цецилия* — святая католической церкви; в ранней молодости дала обет девственности.

175. Колчан. Автограф под загл. «Сонет», без посвящ. — на открытке, адресованной О. Н. Высотской (почтовый штемпель Москвы: «18.4.13») (собрание О. Н. Высотского, Кишинев; фотокопию см.: «Огонек». 1987, № 14. С. 21). *Высотская* Ольга Николаевна (1885—1966) — драматическая актриса и театральная деятельница, ученица Н. Н. Евреинова и В. Э. Мейерхольда (ее воспоминания — в ПД) (сообщено О. Н. Высотским). *Эффенди*, эфенди (турецк.) — господин. *Левант* — см. прим. 115. *Дамаянти* — см. прим. 146. *Черный камень Кабы* — Эсвад, главная святыня Каабы (Мекка).

176. Гиперборей. 1913, № 6, март. - - Колчан. Автограф, с вар. (см. прим. 146); корректурный лист — в составе Гиперборей (рукопись), с вар. *С мудрой душой о Юстиниане К темной двери университа*. Имеется в виду восходящее к X—XI вв. изучение римского (Юстинианова) права в болонской «школе свободных искусств», на базе которой в конце XII в. был основан Болонский университет. Юстиниан Великий (527—565) — византийский император, прославившийся законодательными реформами.

*177. Гиперборей. 1912, № 3, дек., без посвящ. - - Колчан. Автограф — Гиперборей (рукопись), без загл., без посвящ., с вар., вместе со ст-ниями 150 и 152; порядковый номер 3 (запись карандашом). В верстке — Колчан (макет) — под загл. (возможно, типографская ошибка) «Сказка. Тэффи», с пометой рукой Гумилева: «Печатать петитом как посвящение». Черновой набросок — ПД. *Тэффи* — псевдоним Надежды Александровны Лохвицкой—Бучинской (1872—1952), одного из ведущих авторов «Сатирикона».

*178. «Заветы». 1913, № 5. - - Колчан. Автограф с вар. (см. прим. 146). В журнале опубликовано в подборке (ст-ния Ахматовой, Городецкого, М. А. Зенкевича, Мандельштама) как приложение к статье А. С. Долинина «Акмеизм». *Гарпии* (греч. миф.) — богини вихря, птицы-чудовища с женскими головами. *Роза Сальватор* (1615—1673) — итальянский живописец. *Лаццарони* (итал.) — нищие, босаяки.

179. «Новая жизнь». 1915, ноябрь. - - Колчан. Часть тиража журнала вышла в виде книги (см.: Новая жизнь. Альманах первый. М., 1916). *Плато* (от фр.: plateau) — здесь: настенные тарелки.

*180. «Новая жизнь». 1914, март, под загл. «Мотив для гитары». - - Колчан. *От Знаменья псаломщик* — т. е. служащий петербургской Знаменской церкви. «*Разлука ты, разлука...*» В ст-нии точно воспроизведены первые две строчки второго куплета городского романа «Разлука», включенного в несколько песенных сборников начала XX в. под тем же названием.

181. «Вершины». 1915, № 25, май. - - Колчан. В верстке — Колчан (макет) за данным ст-нием следовало зачеркнутое ст-ние 333.

*182. «Бирж. вед.», утр. вып. 1915, 12 мая, без подзаг. - - Колчан. Д'Аннунцио Габриэль (1863—1938) — крупный итальянский писатель; запятнал себя открытой поддержкой режима Муссолини. Ст-ние является откликом на публичное выступление Г. Д'Аннунцио 5 мая 1915 г. (в день памяти о начале похода «тысячи» Дж. Гарибальди, 1860) на о. Кварто близ Генуи. Описание митинга и текст см.: Речь Д'Аннунцио // «Бирж. вед.» утр. вып. 1915, 7 мая. Темой речи Д'Аннунцио была необходимость вступления Италии в войну против Германии. *Волчица* — см. прим. 145. *Августов высокий век* — время правления римского императора Августа (27 до н. э. — 14 н. э.), эпоха, связанная с именами Горация, Вергилия и др. *Изгнанник бедный, Алигьери*. Данте, примкнув к противникам папы Бонифация VIII («белым» гвельфам), с 1302 г. находился в эмиграции, скитаясь по Италии. Именно тогда им была создана «Божественная комедия» (начата в 1307, завершена в год смерти, 1321); (см. также прим. 86—89 и 147). *Короновала мертвеца В короновании Торквата*. Торквато Тассо (1544—1595), создатель «Освобожденного Иерусалима», был увенчан лавровым венком на смертном одре. *Александр* — видимо, Александр Македонский. *Агамемнон* — см. прим. 60.

КОСТЕР

Книги Гумилева «Костер», «Фарфоровый павильон» и «Мик» вышли почти одновременно в начале июля 1918 г. Об этом свидетельствуют даты в типографских штампах на титульных листах Костра (рукопись): «17 июнь 1918» и авторской рукописи «Фарфорового павильона»: «29 июнь 1918», а также даты дарственных надписей на форзацах экземпляров, переданных Л. Н. Гумилевым летом 1986 г. в ПД: дарственные на «Костре» и «Мике» датированы 12 июля 1918 г., дарственная на «Фарфоровом павильоне» — 14 июля 1918 г. «Костер» составлен из ст-ний, написанных (и частично опубликованных) в 1916 — мае 1918 г. Ст-ния 190, 202—206, 208—211 (большинство — с изменениями) вошли затем в посмертно изданную книгу, известную под загл. «К Синей звезде» (см. с. 539). Материалы сб. «Костер» широко представлены в архиве М. Л. Лозинского. Во-первых, это Костер (рукопись), содержащая авторское оглавление. По составу и композиции отличается от вышедшей книги. Порядок ст-ний следующий. Ст-ния: 190 (под зачеркнутым загл. «Вступление», окончательное загл. «Я и Вы» не вписано), 184, 185 (под загл. «Картинка»), 186, 187, 188, 183, 201—203 (объединены в цикл под общим загл. «Кантоны», каждое ст-ние с порядковым номером, римской цифрой, без загл.; порядок соответствует окончательному), ст-ние на французском языке, под загл. «Miniature persane» (и текст в составе рукописи, и загл. в оглавлении вычеркнуты; опубликовано в ПС 1923), в оглавлении вместо него вписано загл. «Змей» (см. прим. 191), 197, 198, 192, 193, 196, 199 (подробнее см. соответствующее прим.), 206, 205, 204 (под загл. «Самотрасская победа»), 207, 208 (объединены в цикл под общим загл. «Песенки», каждое ст-ние под номером, римской цифрой, без загл.; порядок соответствует окончательному), 209, 210, 292 (вычеркнуто в рукописи и в оглаве-

нии), 346 (то же, что и предыдущее ст-ние), 211, 191, 189. В окончательный состав «Костра» вошли также ст-ния 194, 195, 199, 200, не включенные (кроме ст-ния 199, см. прим.) в Костер (рукопись) и, возможно, предназначавшиеся ранее для другого сборника. В том же архиве находятся гранки сборника с правкой М. Л. Лозинского и его пометой: «Верстать согласно образцу». Гранки сопровождаются запиской из типографии с датой: 21 июня 1918 г. Далее наличие автографа в Колчане (рукопись) или гранок оговаривается только для указания на варианты текста или правку Гумилева. Ст-ния 183, 184, 186, 187, 191, 193, включенные в сборник «Костер», вошли также в рукописный сборник «Отлунне» (см. преамбулу, с. 541, и соответствующие прим.). В архиве М. Л. Лозинского имеются также автографы ст-ний 183, 184, 191, опубликованных (до «Костра») в журнале «Аполлон». На этих автографах помета рукой С. К. Маковского: «Аполлон, № 1». В том же архиве — печатное издание «Костра» с дарственной надписью Гумилева М. Л. Лозинскому, датированной 17 июля 1918 г. Это отличающийся обложкой (отсутствием рекламы на последней странице) от известного сборника экземпляр, с пометой архиводержателя о наличии 30-ти таких книг. Может быть, это специально отпечатанные авторские экземпляры.

Единственная известная нам обобщающая рецензия на все три книги («Костер», «Фарфоровый павильон» и «Мик») принадлежит некоему Георгию Гальскому (возможно, псевдоним) и носит выразительное название «Панихида по Гумилеву». См. также прим. 193.

*183. «Аполлон». 1916, № 1. - - Костер. Автографы с вар.: журн. ред., Отлунне и Альбом.

*184. «Аполлон». 1916, № 1. - - Костер. Автографы с вар.: журн. ред., Отлунне и Костер (рукопись). Автограф промежуточной ред. — Альбом. *Два вещей сирин, два глаза, Под ними сладостно поют.* Сложный образ, отражающий многозначность понятия «сирин»: сова — символ мудрости; райская птица с женским лицом и грудью, с чарующим голосом мифологической сирены.

185. Тринадцать поэтов. Пг., 1917, без загл. - - Костер. Автографы (под загл. «Картинка») — Альбом и Костер (рукопись). В Альбоме — с посвящ. художнику М. Ф. Ларионову (Собр. соч. Т. 2. С. 282).

*186. «Нива». 1916, № 11, 12 марта, без загл. - - Костер. Автографы с вар.: Отлунне, без загл., Костер (рукопись); в Альбоме (под загл. «Травы», с дополнительной строфой между строфами 2 и 3 — Собр. соч. Т. 2. С. 283). Черновые наброски — ГПБ.

*187. «Солнце России». 1916, № 317(11), 12 марта, без загл. - - Костер. Автографы с вар.: Отлунне и Альбом (без последней строфы). *Летописцем не раз поманутый.* Это указание дает основание думать, что в ст-нии отразились впечатления Гумилева, связанные с Бежецком, сведения о котором восходят к XII в.

*188. Тринадцать поэтов. Пг., 1917. - - Костер. Автографы с вар. — Костер (рукопись) и Альбом.

189. Костер. Автографы — ПД (два), Альбом (с вар.). *Заплатка* — то же, что причитание, плач.

*190. «Новый Сатирикон». 1918, № 16, без загл. - - Костер. Автограф — Костер (рукопись), под загл. «Вступление». В СЗв — без загл., с вар. (автограф в Альбоме). Последние два стиха, очевидно, связаны с евангельскими сюжетами.

*191. «Аполлон». 1916. № 1. - - Костер. Автографы с вар.: журн. ред., Отлунне, Костер (рукопись). В Костре (рукопись), судя по карандашной помете рукой М. Л. Лозинского: «Змей? 6 строф» на полях листа, где записано ст-ние «*Miniature persane*», ст-ние «Змей» должно было заменить названное французское ст-ние. Автограф журн. ред. с посвящ.: «Марии Лёвберг (?)» и с незначительными вар. — в собрании А. К. Станюковича (Москва). Автограф промежуточной ред. — в Альбоме. Мария Евгеньевна Купфер (Мария Лёвберг, 1894—1934) — поэтесса, драматург. *Лагор* (Лахор) — город в Пакистане, древний административный и культурный центр. *Вольга* Святославович (Волх Всеславьевич) — один из главных героев русских былин, сын Змея и княжны Марфы Всеславьевны.

192. Костер. Автографы — Отлунне (без загл.) и Альбом (с вар.). *Слушает крики Стрибожьи*. Стрибог (вост.-слав. миф.) — имя бога-жества древнерусского пантеона; предположительно властелин небесных стихий (в «Слове о полку Игореве» ветры — «Стрибожьи внуки»). *В гордую нашу столицу Входит он...* В этой части ст-ния кратко изложена история возвышения и гибели Г. Е. Распутина (1872—1916), фаворита Николая II и Александры Федоровны, оказывавшего влияние на политику царского правительства и убитого заговорщиками. Ограничив цитату четырьмя стихами «В гордую нашу столицу <...> Необозримой Руси», Марина Цветаева писала: «Вот, в двух словах, четырех строках, всё о Распутине, царице, всей той туче. Что в этом стихотворении? Любовь? Нет. Ненависть? Нет. Суд? Нет. Оправдание? Нет. Судьба. Шаг судьбы» (Цветаева М. История одного посвящения // «Oxford Slavonic Papers». 1964, vol. 11. P. 122).

*193. «Одесский листок». 1916, 10 апр., без загл., подп.-факсимиле. - - Костер. Автографы — Отлунне (с вар.) и Альбом. Упомянутый выше Георгий Гальский (см. с. 578), приведя это ст-ние в своей рецензии, заключил: «Конечно, говорится о немецком рабочем» («Свободный час». 1918, № 7. С. 15). *Пуля, им отлитая, просвищет Над седою, вспененной Двиной*. Полк, в котором служил Гумилев, дислоцировался на берегу Двины (подробнее об этом см.: Тименчик Р. Д. «Над седою, вспененной Двиной» // «Даугава». 1986, № 8).

194. Костер. Автографы — ПД (два), ГБЛ — на обороте открытки, адресованной Л. М. Рейснер (под загл. «Швеции»; почтовый штампель — 30 мая 1917 г.), Альбом, под загл. «Швеции», с вар.

195. Костер. *Пер Гюнт, Бранд* — главные герои одноименных драм-поэм (1867) норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828—1906).

196. Костер. Автографы: под загл. «В Северном море» — в архиве М. Л. Лозинского, при письме, условно датируемом: Лондон, конец июня 1917, где ст-ние названо «одним из последних» (см.: Изв. ОЛЯ. С. 76); Альбом (оба автографа с добавочной строфой, между строфами 2 и 3); Костер (рукопись), под окончательным загл.

197. Костер. Автографы с вар.— в Костер (рукопись) и Альбом.

198. Костер. Автограф — Костер (рукопись), с карандашной правкой Гумилева.

199. Костер. В Костер (рукопись) данное ст-ние было помещено (а затем вычеркнуто) на обороте листа, лицевая сторона которого занята ст-нием 196, и сопровождалось карандашной пометой М. Л. Лозинского (?): «Природа?» Видимо, предполагалось его заменить ст-нием 189. Однако замена не состоялась и оба эти ст-ния вошли в состав Костра. Данное ст-ние представлено еще одним автографом (среди автографов четырех ст-ний: 194, 195, 199, 200,— на которых нет нумерации страниц, см. с. 578). В Альбоме — с вар. и дополнительной строфой между строфами 2 и 3.

200. Костер. В Альбоме — под загл. «Жизнь».

*201. Костер. В Костре (рукопись), без загл., с вар., как первое в цикле «Канцоны». В Альбоме — под загл. «Канциона», с вар. Авто-ризованная машинопись — ПД (арх. К. А. Сюннерберга). Автограф первонач. ред. на обороте открытки, адресованной Л. М. Рейснер, с датой: 23 февр. 1917.

*202. Костер. Автограф — Костер (рукопись), без загл., с правкой Гумилева, как второе в цикле «Канцоны». В «Ниве» (1918, № 30, 27 июля) — без загл. В СЗв — без загл., с вар. (автограф — Альбом, под загл. «Канциона»). Существенный интерес представляет запись Блока над ст-нием в подаренном ему Гумилевым экземпляре: «„Тут вся моя политика“, сказал мне Гумилев» (см.: Библиотека А. А. Блока. Описание. Л., 1984. Кн. 1. С. 254).

*203. Костер. Автограф — Костер (рукопись), без загл., как третье ст-ние в цикле «Канцоны». В СЗв — без загл., с вар. Автограф, под загл. «Обещанье», — в Альбоме.

*204. Костер. Автограф — Костер (рукопись), под загл. «Самотрасская Победа», с вар. В СЗв — без загл., с вар. В Альбоме — под загл. «Самотрасская победа». *Самофракийская* (Самотрасская) *Победа*, т. е. Нике Самофракийская — мраморная статуя (IV—II вв. до н. э.), обнаруженная при раскопках на о. Самотраки (Самофракия); находится в Лувре.

*205. Костер. В СЗв — без загл., с вар. (автограф — Альбом). Джауфре *Рюдель* (Jaufre Rudel) — провансальский трубадур XII в.; его легендарная биография пользовалась особой популярностью у поэтов-романтиков XIX в. (см.: Мейлах М. Б. Язык трубадуров. М., 1975. С. 177—178).

206. Костер. Автограф — Костер (рукопись), с авторской правкой, и Альбом. В СЗв — без загл.

207. Костер. Автограф — Костер (рукопись), без загл., вместе со ст-нием 208, как первое ст-ние в цикле под общим загл. «Песенки». В Альбоме — под загл. «Песня».

*208. Костер. Автограф — Костер (рукопись), без загл., вместе со ст-нием 207, как второе ст-ние цикла, под общим загл. «Песенки». В СЗв — без загл., с вар. (автограф в Альбоме — под загл. «Песенка»).

*209. Костер. Автограф — Костер (рукопись), без строфы 3, и гранка Костра со вставленной строфой. В СЗв — без загл., с вар. (автограф — в Альбоме).

*210. «Воля народа». 1918, 19 мая, без загл. - Костер. Автограф — Костер (рукопись), без последней строфы, и гранка Костра со вставленной строфой. На обороте листа, лицевую сторону которого занимает данное ст-ние, и на следующем листе записаны ст-ния 292 и 346. В СЗв — без загл., с вар. (автограф — в Альбоме). По свидетельству Ахматовой, в ст-нии говорится о ней (НМ. С. 198, 215—216).

*211. Костер. Автограф — Костер (рукопись), с вар., и гранка Костра с авторской правкой. В СЗв — под загл. «Езбеки», с вар. (автограф — в Альбоме). Гумилев был в Египте в 1907 г., следовательно, ст-ние можно датировать 1917 г. (*ровно десять лет прошло*). *Эзбеки* (Узбеки) — огромный сад в Измаилии (европейской части Каира). По свидетельству Ахматовой, в ст-нии говорится о ней (НМ. С. 198, 218—219).

ФАРФОРОВЫЙ ПАВИЛЬОН

Китайские стихи

Сборник «китайских стихов» Гумилева вышел почти одновременно с «Костром» и «Миком» (см. с. 577) и был воспринят критикой как оригинальный. Сурово отозвавшись о «Костре» и «Мике», Георгий Гальский проявил снисходительность к «Фарфоровому павильону», заметив, что это — «очень милое подражание китайцам, но не больше», а ст-ние «Счастье» (№ 218), приведя его полностью, назвал «очаровательным» («Свободный час». 1918, № 7. С. 15). Положительно отозвался о сборнике А. А. Смирнов («Творчество». 1919. № 1). В 1922 г. «Фарфоровый павильон» был переиздан с добавлением одного ст-ния (№ 214). Хотя в Альбоме названы авторы каждого ст-ния, вошедшего в первый раздел (Собр. соч. Т. 2. С. 304), это не

следует считать указанием на точность переводов. Гумилев, по собственному признанию, пользовался сборниками Ж. Готье, Юара и др. (см. прим. в оглавлении к изданию 1918 г.). Это свидетельствует скорее о том, что «Фарфоровый павильон» — сборник ст-ний «по мотивам», вольных переложений, чем стихотворных переводов в собственном смысле слова. Следует отметить также, что одно ст-ние (№ 219) вошло как авторское в сборник, известный под названием «К Синей звезде». Публикуя «Фарфоровый павильон» как книгу переводов, составитель Собр. соч. привел в прим. фамилии китайских поэтов и другие сведения из Альбома, однако допустил ошибки при идентификации ряда имен.

За исправление этих ошибок и другие указания составитель приносит сердечную благодарность Л. Н. Меньшикову.

В прим. к вошедшим в «Фарфоровый павильон» ст-ниям источник публикации (издание 1922 г.) специально не оговаривается.

Авторская рукопись (архив М. Л. Лозинского) по составу (отсутствует ст-ние 214) полностью соответствует первому изданию сборника, однако порядок текстов в первом разделе иной (ст-ния 212, 213, 220, 216, 217, 218, 219, 221). Ст-ния 223—225 объединены в цикле под общим загл. «Анна́м», самостоятельных загл. не имеют, порядок обозначается римскими цифрами и соответствует окончательному. Имеются небольшие разночтения в текстах (ст-ния 213, 216, 217, 218, 220, 225, 226). Наиболее значительные оговариваются в соответствующих прим.

КИТАЙ

212. Перевод ст-ния Ли Бо (в Альбоме — Ли Тай Пе).

*213. Перевод ст-ния Ли Вэя. В Альбоме — под загл. «Лунный свет»; автор указан как Ли Сун Чан (Собр. соч. Т. 2. С. 305).

214. Перевод ст-ния Чжан Цзи. В Альбоме — под загл. «Отражение гор», с вар.; автор указан как Чан Чи.

215. Перевод ст-ния Юань Цзе. В Альбоме — под загл. «В лодке»; автор указан как Уан Тие.

*216. В Альбоме — под загл. «Дурная дорога», с вар.; автор указан как Тзе Тие.

217. Перевод ст-ния Цзяо Жаня. В Альбоме — с вар.; автор указан как Сао Нан.

218. Перевод ст-ния Ли Бо. В авторской рукописи вместо «наложница» — «любовница» и др. вар. В Альбоме — под загл. «Песня на реке», с вар.; автор указан как Ли Тай Пе.

219. Перевод ст-ния Цзяо Жаня. В СЗв без загл. В Альбоме — под загл. «Вечером»; автор указан как Сао Нан.

220. Перевод ст-ния Ду Фу. В Альбоме — под загл. «Флейта осени», с вар.; автор указан как Чу Фу.

221. Перевод ст-ния Чжан Жо-Сюя. В Альбоме — под загл. «Поэт, смотрящий на луну», с вар.; автор указан как Тан Ио Су.

222. Перевод ст-ния Ду Фу. В авторской рукописи с вар. в ст. 5 («лютне»). В Альбоме — под загл. «Дом в сердце»; автор указан как Чу Фу.

ИНДОКИТАЙ

223. В Альбоме — под загл. «Семья», с пометой сбоку: «Аннам». *Аннам* — административное название Центрального Вьетнама в 1884—1945 гг.

224. В Альбоме — с пометой: «Аннам».

225. В Альбоме — с пометой: «Аннам». *Бетель* — смесь листьев кустарника *Piper betle*, пряных и острых на вкус; употребляется для жевания у народов Тропической Азии, при этом полость рта, язык, десны окрашиваются в кроваво-красный цвет.

* 226. В Альбоме — под загл. «Признание», с вар.; с пометой сбоку: «Лаос».

227. В Альбоме — под загл. «Зов», с вар., с пометой сбоку: «Кха» (бытующее у тайских народов (сиамцы, лао) сборное наименование разных групп горных монов и горных кхмеров — в государствах Индокитая).

ШАТЕР

«Шатер» — последняя книга, увиденная автором. Она носила подзаг. «Стихи 1918 г.» и открывалась посвящ.: «Памяти моего товарища в африканских странствиях Николая Леонидовича Сверчкова». Об обстоятельствах издания этой книги в Севастополе летом 1921 г. рассказано в «Воспоминаниях В. А. Павлова, записанных 11 сентября 1923 г. Л. В. Горнунгом» (собрание Л. В. Горнунга, Москва). В. А. Павлов служил флаг-секретарем наркома морских сил («коморси») контрадмирала А. В. Нимитца. В 1921 г. В. А. Павлов жил в Петрограде и, будучи поэтом, вращался в литературных кругах, входил в ближайшее окружение Гумилева. «В начале 1921 года Гумилев предложил ему поехать вместе в Крым, в Севастополь [...] В июне Гумилев и Павлов приехали в Москву, и уже отсюда в салон-вагоне коморси Нимитца отправились в Севастополь. У Н. С. Гумилева была с собой рукопись «Шатра». В Севастополе с помощью Павлова ему удалось в очень короткий срок напечатать эту небольшую книжку на плохой бумаге, в синей обложке, для чего была использована оберточная бумага для сахарных голов. Рукопись Гумилев подарил тут же Павлову, а весь тираж книги увез с собой в Петроград». В июне-июле Гумилев подготовил новое издание, и по составу, и (в особенности) по текстам отличающееся от предыдущего. Рукопись новой книги была приобретена в Петрограде (очевидно, еще при жизни поэта) представителем ревельского издательства «Библиофил» (см.: Книгоиздательство «Библиофил»

в Ревеле // «Новая рус. книга». 1922., № 1. С. 36) и в нояб.-декаб. 1921 г. издание вышло в свет с датой: 1922.

Мнения критиков о севастопольском издании «Шатра» разделились. Э. Ф. Голлербах в своей иронической рецензии назвал сборник «рифмованным путеводителем по Африке» (см.: Путеводитель по Африке / «Жизнь искусства». 1921, 30 авг.; подп.: Его); позже он написал, что рецензия на «Шатер» появилась «к великой его досаде» (Из воспоминаний о Н. С. Гумилеве // «Новая рус. книга». 1922, № 7. С. 41). Противоположную оценку дал сборнику Иннокентий Оксенов: «Уже один перечень стихов — «Сомали», «Дагомея», «Либерия», «Экваториальный лес» — пестрый каталог географических имен, облакающихся живою плотью и кровью в почти безупречных пьесах» (см.: Письма о современной поэзии // «Книга и революция». 1921, № 1. С. 31).

228. Шатер 1921. - - Шатер 1922. Автограф ред., отличающейся от обоих опубликованных текстов, — в собрании В. К. Лукницкой (Москва) (фотокопию см.: «Огонек». 1987, № 15. С. 21).

* 229. Шатер 1921, др. ред. - - Шатер 1922. *Ходейда* — город и главный порт на Красном море, ныне — на территории Йеменской Арабской Республики. *Баб-эль-Мандеб* — пролив, соединяющий Красное море с Индийским океаном; арабское название переводится как «ворота плакальщиц». *Эолова арфа* — древний музыкальный инструмент. *Чтоб прошел Моисей и погиб Фараон*. Имеется в виду один из сюжетов Библии: переход через Чермное (Красное) море.

* 230. «Москва». 1919, № 3, др. ред. - - Шатер 1922. Автограф журн. ред. — в ЦГАЛИ (архив Гумилева). *Дамьетские скалы*. Дамьетта (Думьят) — город-порт в Египте, на р. Нил, близ впадения в Средиземное море. Во времена крестовых походов славился как неприступная крепость. *Алис* — имя священного быка. *Елефантина* — остров на Ниле. *Мемфис*, *Фивы* — древнеегипетские города. *Коран*, *Где персидские миниатюры*. Явное несоответствие: для мусульманина было бы чудовищным святотатством украсить священную книгу изображениями живых существ. *Хедив* — титул правителя Египта (до 1914 г.). *Диван* — здесь: правительственное учреждение по административным и судебным делам.

231. «Москва». 1920, № 4, др. ред. - - Шатер 1921, др. ред. - - Шатер 1922. Автограф журн. ред. — в ГБЛ (арх. С. А. Абрамова). *Хамсин* — песчаный ветер на Северо-Востоке Африки. *Нард* — см. прим. 137. *Туареги*, *тиббусы* — представители одноименных племен. *Тибести* — плоскогорье в Центральной Сахаре. *Мурзук*, *Гадамес* — города в Ливии. *И, быть может, немного осталось веков*. Апокалипсические утверждения Гумилева в последних трех строках вызваны давно существующей теорией, возникшей на основе археологических раскопок, о наступательном движении пустыни. 14 марта 1987 г. в газете «Правда» была помещена заметка «Пустыня наступает», в которой говорится: «За последние пятьдесят лет только Сахара расширила свои владения в южном направлении на 65

миллионов гектаров. Около 30 из 180 миллионов африканцев проживает в районах, которые могут стать пустыней».

232. Шатер 1922.

233. Шатер 1921, др. ред. - - Шатер 1922. Трудночитаемый черновой автограф 2-й редакции (с небольшими разночтениями) — в ЦГАЛИ (арх. Гумилева). В ст-нии описана природная область в Африке. *Дарфур, Кордофан, Борну* — названия государств на территории описываемой области Судан. *Озеро Чад*. См. прим. 35.

234. Шатер 1921, др. ред. - - Шатер 1922. *Тигрэ, Амхара* — области в Эфиопии, где проживает основное население государства; народности под такими же названиями. *Багана* — небольшой струнный инструмент типа арфы; народным не является. *Гондар* основан в XVII в., в обл. Амхара; был столицей Абиссинии. *Живописцы писали царя Соломона*. Библейское сказание о царе Соломоне и царице Савской было очень популярно в Абиссинии. Негусы вели свою родословную от царя Соломона. В Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого АН СССР (Ленинград) есть целая серия картин на тему, описанную Гумилевым. *Негус Негести* (нэгусэ нэгест) — «царь царей», титул императора Эфиопии. *Шоа* — область к югу от Амхара, куда *Менелик* (см. прим. 364) перенес столицу. *Тэдж* — см. прим. 364. *Харрариты* — жители г. Харрар. *Галла, сомали, данакили* — названия народов Эфиопии. *Карлики* — представители племен доко (юг Эфиопии). *Шкуры львов* — знак отличия для правителей Эфиопии и их советников. *Талер* — см. прим. 364. *Сев на камень в тени, разбирает судья*. Судебные тяжбы разбирались публично на площади, в тени большого дерева. В найденном «Африканском дневнике» описана тяжба из-за больного мула, свидетелем которой был поэт (см.: «Огонек». 1987, № 15. С. 20). *Есть Музей этнографии в городе этом*. В заключительных строках описывается Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого, куда в 1913 г. поступили предметы, приобретенные Гумилевым во время поездки в Эфиопию. В 1920-х гг. музей приобрел у Е. С. Кругликовой четыре картины, подаренные ей поэтом.

235. Шатер 1921. - - Шатер 1922. О своем предполагаемом маршруте по «наименее изученной части страны Галла» Гумилев писал Л. Я. Штернбергу 20 мая 1913 г. из гранд-отеля «Континенталь» в Дире-Дауа (Арх. ЛО АН СССР., ф. 142, оп. 1, до 1918 г., № 65. Л. 371—371а). По мнению Д. А. Ольдерогге, в этом ст-нии были «несомненны автобиографические черты» (запись на с. 26 экземпляра В. А. Мануйлова). *Галла* — см. предыдущее прим. *Шейх-Гуссейн* — город в восточной части Эфиопии.

236. Шатер 1921, под загл. «Сомали». - - Шатер 1922. Автограф, под загл. «Сомалиланд», — в ГБЛ (арх. С. А. Абрамова). *Видел, сколько со мной человек*. Судя по письму к Л. Я. Штернбергу (см. прим. 235), экспедиция Гумилева состояла из семи человек: он, Н. Л. Сверчков, четверо сопровождающих и переводчик. По другому документу, экспедиция была оснащена пятью винтовками си-

стемы «Бердан» и 1000 патронами к ним (Арх. ЛО АН СССР, ф. 142, оп. 1, до 1918 г., № 65. Л. 80). В «Африканском дневнике» описаны четверо сопровождающих, включая переводчика, и говорится о причинах, почему они заменялись (см.: «Огонек». 1987, № 15. С. 20—22). *За холмом грохотал океан*. Имеется в виду Индийский океан. *Огаден* — полупустынная область на востоке Эфиопии, населенная сомалийскими племенами.

237, 238. Шатер 1922.

239. Шатер 1921, под загл. «Готтентотская космогония». - Шатер 1922. Автограф под загл. «Птица. Готтентотская космогония» — ПД. *Дамара* (Дамараленд) — пустынное нагорье в центральной части современной Намибии. *Космогония* — здесь: миф о происхождении.

240. «Северное сияние». 1919, № 1/2. - Шатер 1921. - Шатер 1922. В журнале — со следующими пояснениями, очевидно, редакционными: *магги* — сгущенный мясной бульон, *абсент* — сладкая крепкая водка, *компасы* — магнитный прибор, *акка* — черный карлик из племени акка, *Верхнее Конго* — французское владение в Африке.

* 241. «Творчество» (Харьков). 1919, № 5/6, др. ред. - Шатер 1921, др. ред. - Шатер 1922. Автограф — Колчан (рукопись).

242. Шатер 1922. В ПС 1922 и ПС 1923 опубликован вариант, значительно отличающийся от текста Шатра 1922.

ОГНЕННЫЙ СТОЛП

АННЕ НИКОЛАЕВНЕ ГУМИЛЕВОЙ

«Огненный столп» — наиболее значительный в художественном отношении поэтический сборник Гумилева — вышел в свет, очевидно, еще при жизни автора. Судя по справке в конце книги, она была «отпечатана» в авг. 1921 года. О выходе «Огненного столпа» было сообщено в газете «Жизнь искусства» (1921, 16—21 авг.) как факте «этой недели». Существенно также, что в заметке А. Е. Кауфмана о выставке частных издательств («Вестник литературы». 1921, № 10. С. 13) «Огненный столп» фигурировал как сборник здоровья автора. Так же рецензировался он Э. Ф. Голлербахом, который писал: «„Огненный столп“ являет собою естественное продолжение «Костра». Для Гумилева вообще характерна органическая связанность всех книг. Начиная с «Пути конквистадоров» и кончая «Огненным столпом» поэт неизменно шел одной и той же дорогой: к совершенству формы, к магии слова, к деспотическому овладению стихом. Трудно связать с именем Гумилева идейные искания, мятежную мечтательность. Настойчиво и неуклонно завоевывал он стих и, надо признать, завоевал (...) Есть в «Огненном столпе» стихотворения забываемые: «Память», «Канцона вторая», «Шестое чувство». Жаль, что в сборник включен неудачный «Заблудившийся трамвай» и «Лес» с его «пэром (!) Круглого стола» («Вестник лите-

ратуры». 1921, № 10. С. 9). Высоко отзывался о сборнике Лев Лунц, отметивший, что «Огненный столп» — «прекрасная книга, лучшая из всех книг Гумилева. Правда, и в ней есть неудачные произведения (поэма «Звездный ужас»), но философские, «умные» стихи, самый трудный род поэзии, на котором зачастую срывались первоклассные поэты, — эти стихи удались Гумилеву мастерски» (см.: Лунц Лев. Цех поэтов // «Книжный угол». 1922, № 8. С. 52). Голосом «новой критики» была рецензия Г. Горбачева. «В «Огненном столпе», — писал он, пользуясь уже новой терминологией, — наряду с упадочническими «Персидской миниатюрой», «Слоненком» имеются сильные, бодрые мотивы свежей, не надломленной, даже первобытной силы («Память», «Леопард», особенно исповедание тела в «Душе и теле»)» (Горбачев Г. Письма из Петербурга // «Горн». 1922. Кн. 2. С. 133).

Отрицательную рецензию посвятил «Огненному столпу» Сергей Бобров («Красная новь». 1922, № 3. С. 262—265).

«Огненный столп» вышел с общим посвящением второй жене поэта, *Анне Николаевне Гумилевой*, урожденной Энгельгардт (дочери историка и литературоведа проф. Н. А. Энгельгардта и внучки известного публициста А. Н. Энгельгардта).

Смысл названия (см. также с. 538) раскрывается при обращении к ветхозаветной «Книге Неемии»: «В столпе облачном ты вел их днем и в столпе огненном — ночью, чтоб освещать им путь, по которому идти им» (IX, 12).

* 243. «Вестник литературы». 1921, № 4/5, под загл. «Души». - - ОС. Автограф первой, допечатной редакции, без загл. — в архиве Вс. Рождественского. Автограф журн. ред. — ПД (арх. Дома литераторов). Ст-ние было прочитано Гумилевым на авторском вечере в Доме искусств (см.: Оцуп Ник. Вечер Н. Гумилева // «Жизнь искусства». 1920, 6 авг.; здесь же процитирована строфа 11-я). «Лучшим стихотворением, написанным за последние три года», назвал «Память» Лев Лунц (см.: «Книжный угол». 1922, № 8. С. 52). *Но святой Георгий тронул дважды Пулюю не тронутую грудь*. Намек на награждение орденами св. Георгия 4-й и 3-й степеней (дек. 1914, дек. 1915 г.). *Путник* — Христос. *Лев, орел* — символы евангелистов Марка и Иоанна.

244. Дракон. Альманах стихов. Пг., 1921. Вып. 1, с посвящ. Ирине Одоевцевой. - - ОС. Автограф (без посвящ., без разделения на двустихия, с пробелом между ст. 18 и 19) в Альбоме ЦГАЛИ. *Твои зеленоватые глаза, Как персидская больная бирюза*. Бирюза и жемчуг обладают способностью «болеть» и «умирать». О «заболевании» бирюзы свидетельствует появление зеленоватого оттенка, о «смерти» — потеря блеска (см.: Дав В. Н. Аметист лихие думы отгоняет. Мурманск, 1981. С. 63).

245. Дракон. Альманах стихов. Пг., 1921. Вып. 1. - - ОС. Автограф в Альбоме ЦГАЛИ. *И в Евангелии от Иоанна Сказано, что слово это — бог*. См.: «Вначале было Слово, и Слово было у бога, и Слово было бог» (Иоанн I, 1).

* 246—248. ОС. Автограф первонач. ред. в Альбоме ЦГАЛИ. *Древо Игдразиль* (Игдразил) — исполинский ясень, в виде которого

древние исландцы представляли Вселенную. *Поля блаженных — Елисейские поля* (см. прим. 144).

* 249. ОС. Автограф первонач. ред. в Альбоме ЦГАЛИ, под загл. «Канциона». Здесь 3-я строфа дана в двух вариантах (первый — в круглых скобках, второй, окончательный, — справа, без скобок).

250. «Вестник литературы». 1921, № 4/5, под загл. «Канциона». - - ОС. Автограф журн. ред. — ПД (арх. Дома литераторов). Ст-ние было прочитано Гумилевым на авторском вечере в Доме литераторов 11 апр. 1921 г. (см.: «Вестник литературы». 1921, № 4/5). *Что не приведет единорога Под уздцы к нам белый серафим*. Обычная у Гумилева контаминация (в «Сказании о Соломоне и Китоврасе» Китоврас приручил единорога и привел его к Соломону).

251. ОС. Черновой автограф, др. ред., — в собрании Лесмана. Беловой автограф — в рукописном сборнике стихов Гумилева «Персия», датированном 14 февр. 1921 г. (ГПБ). Ст-ние (без ст. 5, 10, 15, 20) помещено также в рукописном сборнике «Стихи», «изданном книжной лавкой „Содружество писателей“» (М., 1921) в количестве 5 нумерованных экземпляров (экземпляр № 4 — в собрании А. К. Станюковича, Москва). В этом сборнике помещены также ст-ния К. А. Липскерова («Дева Тадмарь»), А. Белого («О, нелетающие!..»), Ф. Сологуба («Душа опять звучит стихами...»). Это и ст-ния 252, 258 Гумилев читал на вечере в петроградском Доме искусств 19 дек. 1919 г., о чем имеется свидетельство в дневнике К. А. Сомова. Выступая после К. И. Чуковского, ознакомившего собравшихся со стихами из «Чукоккалы» и своей статьей о Маяковском, «Гумилев читал цикл стихов «Персидские миниатюры» (чрезвычайно скучно) загробным голосом» (цит. по кн.: Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 195).

252. ОС. Автографы — в ГБЛ (арх. С. А. Абрамова); в ГПБ, без загл., в составе рукописного сборника «Персия» (см. прим. 251); в Альбоме ЦГАЛИ. Ст-ние было прочитано на вечере в Доме искусств 19 дек. 1919 г. (см. прим. 251). *Игра в cache-cache* — (от фр. “chache”, платок; cache-cache — игра, во время которой разыскивается спрятанный платок).

253. ОС. Загл. на отд. листе в Альбоме ЦГАЛИ.

254. ОС.

* 255. «Дом искусств». 1921, № 1. - - ОС. Автограф промежуточной ред. — в ЦГАЛИ (арх. Гумилева). Наборная рукопись журн. ред. (без строфы 11), с типографскими пометами, — в собрании Лесмана. Ст. 47 здесь читается: «Люди и звери стоят у входа». Ст. 1 последней строфы: «Но всё ж навеки сердце угрюмо». В Собр. соч. (Т. 2. С. 294) отмечена связь ст. 37—44 «с известным эпизодом в „Капитанской дочке“» Пушкина. *А в переулке забор дощатый*. Строка использована Ахматовой как эпитафия (подп.: Н. Г.) к «Царскосельской оде» (1961). *Где же теперь твой голос и тело*.

Ср.: «А люди придут, зароят Мое тело и голос мой» в ст-нии Ахматовой «Умирая, томлюсь о бессмертии...» (1912, указано Ю. Л. Кролем).

256. ОС. Черновой автограф, без загл., в ЦГАЛИ (арх. Гумилева). *Валгалла* (Вальхалла) (сканд. миф.) — дворец мертвых. *Валькирии* (сканд. миф.) — воинственные девы, уносившие павших в битве героев в Вальхаллу.

257. ОС. *Доломан* — гусарский мундир. *Асмодей* — одно из имен дьявола.

258. ОС. Автограф, без загл., в рукописном сборнике «Персия» (ГПБ), с общей датой: 14 февр. 1921 г. Ст-ние было прочитано Гумилевым на вечере в Доме искусств 19 дек. 1919 г. (см. прим. 251). Как установлено Л. Н. Гумилевым (устное сообщение), источником является ст-ние персидского поэта XI в. Насира Хосрова.

* 259. ОС. Три автографа в ЦГАЛИ (арх. Гумилева). Первому предпослан эпиграф (без пометы «Абиссинское поверье»): «Если не спалить усов убитому леопарду, дух его будет преследовать охотника». Второй автограф, с вар., — без эпиграфа. Третья редакция (черновая) приближается ко второй. Загл. на отд. листе в Альбоме ЦГАЛИ. *Добробран*. Имеется в виду Дэбрэ-Бэрхан (Центральная Эфиопия).

* 260. «Вестник литературы». 1921, № 4/5 - - ОС. Автографы — ЦГАЛИ, без загл. (арх. Гумилева), ПД (арх. Дома литераторов). Загл. на отд. листе в Альбоме ЦГАЛИ. Ст-ние прочитано Гумилевым на вечере в Доме литераторов 11 апр. 1921 г. *Карфагенский слон*. В армии Ганнибала были боевые слоны.

261. «Новый Гиперборей». 1921, № 1, автограф-факсимиле, илл. - - Альманах Цеха поэтов. П., 1921. Кн. 2. - - ОС. Загл. на отд. листе в Альбоме ЦГАЛИ.

262. Альманах Цеха поэтов. П., 1921. Кн. 2. - - ОС. *Броселиана* (правильно: Броселианда) — сказочная страна из средневековых романов о короле Артуре и рыцарях Круглого стола (Маковский С. На Парнасе серебряного века. Мюнхен, 1962. С. 204).

263. ОС.

264. Альманах Цеха поэтов. П., 1921. Кн. 2. - - ОС. В рецензии на «Альманах» анонимный «Поэт» писал: «Поэма Гумилева «Звездный ужас» — красива, написана звучным белым стихом, размером «Калевалы», и веет от нее холодным северным эпосом. Читается с удовольствием, хотя несколько растянута» (Поэзия изломов. (О творчестве «цеховых поэтов») // «Жизнь искусства». 1921, 25 окт.). *Зенд жестокий*. Очевидно, имеется в виду иранское племя зендов. *Горе! Горе! Страх, петля и яма Для того, кто на земле родился*. Ср.: «Ужас и яма и петля для тебя, житель земли!» (Исайя, XXIV, 17) (установлено В. Н. Орловым. См.: Орлов Вл. Перепутья. М.,

1976. С. 126). *Вот я вас!* — цитата из «Энеиды» Вергилия в пер. А. А. Фета (М., 1888. Ч. I. С. 9; восклицание Нептуна, обращенное к ветрам, Эвру и Зефиру, и разбушевавшимся волнам).

II

ИЗ КНИГ 1910—1921 гг.

ЖЕМЧУГА (1910)

* 265. «Весы». 1909, № 6. - Ж 1910 (ЖЧ). *Мандрагора* — род многолетних трав; корни мандрагоры иногда напоминают по форме человеческую фигуру, почему им в древности придавали мистическое значение. *Цветами... зла.* Очевидно, использовано название сборника стихов Ш. Бодлера.

266. Ж 1910 (ЖЧ). Автограф, без загл., при конверте с адресом редакции «Весов» на имя Брюсова (петерб. штемпель — 9 дек. 1908 г.), вместе с автографом первонач. ред. ст-ния «Правый путь» (№ 269). *Я в память дивного Геракла Сперва отдам себя костру.* По преданию, Геракл перед смертью соорудил для себя костер и велел поджечь его. *Эреб* (греч. миф.) — одно из названий загробного мира. *Терсит* (Тарсит), *Гектор* — персонажи «Илиады» Гомера.

267. Ж 1910 (ЖЧ).

268. Ж 1910 (ЖЧ). *Каин.* В контексте ст-ния — герой одноименной драматической поэмы Д. Байрона (1821).

269. Ж 1910 (ЖС). Автограф первонач. ред., без загл. и без сопроводительного письма, вместе с автографом ст-ния 266 — при конверте с адресом редакции «Весов» на имя Брюсова (петерб. штемпель — 9 дек. 1908 г.).

270. «Весы». 1909, № 6, под загл. «Месть». - Ж 1910 (ЖС). Автограф журн. ред., без загл. при письме к Брюсову из Царского Села со штемпелем 30 нояб. 1908 г., вместе с автографом ст-ния 84.

271. Ж 1910 (ЖР). Первый автограф — в альбоме М. А. Кузьминой-Караваевой (ИМЛИ), с заменой в ст. 14 и 15 «князь» на «царь» (очевидно, ошибочной). Второй автограф при письме к Брюсову, без даты (штемпель Царского Села — 19 дек. 1908., моск. — 20 дек.).

272. Ж 1910 (ЖР). Валентин Иннокентьевич Анненский (псевд.: *В. Кривич*, 1880—1936), поэт и литературовед, сын И. Ф. Анненского. По воспоминаниям поэта А. А. Кондратьева, ст-ние было прочитано Гумилевым на заседании кружка «Вечера Случевского» 20 дек. 1908 г. (см.: Изв. ОЛЯ. С. 57). *Раджа* — княжеский титул

в Индии. *Парсы* — огнепоклонники (религиозная община зороастрийцев в Западной Индии). *Пагода* — буддийское мемориальное сооружение, хранилище реликвий. *Мирра* — ароматическая смола; применяется для воскурений. *Галлия* — страна галлов (кельтов); с конца V в. — в составе Франкского королевства.

ПОСРЕДИНЕ СТРАНСТВИЯ ЗЕМНОГО

Об истории книги см. с. 538.

273. СЗв. Автограф, под загл. «Сирень», с незначительными вар., — в Альбоме.

274. СЗв. Автограф, под загл. «Любовь», с вар., — в Альбоме.

275. «Воля народа». 1918, 19 мая. В ПС 1923 — под загл. «Прогулка», с датой: 1917. В СЗв — без загл. (автограф в Альбоме).

* 276. Автограф (архив М. Л. Лозинского) вместе со ст-нием 349. СЗв, без загл. Автограф, под загл. «Унижение», с дополнительной строфой между ст. 8 и 9, — в Альбоме.

277. СЗв. *Фриско* (жаргон.) — Сан-Франциско. *Лигейя* — героиня одноименного рассказа Э. По.

278. СЗв. Автограф, под загл. «Портрет», с. вар., — в Альбоме. Об автографе этого же ст-ния с посвящ.: Н. В. Е., с датой и пометой: 4 апреля 1918, Лондон, — в Собр. соч. Т. 2. С. 319.

279. СЗв, с опечаткой в ст. 1 («пролетела»). Автограф, под загл. «Ночь», — в Альбоме.

280. СЗв.

281. СЗв. Автограф, под загл. «Последнее стихотворение», с вар., — в Альбоме.

282. СЗв, с ошибкой в ст. 1 («Дремала душа твоя, как слепая...»). Автограф, под загл. «Богатое сердце», — в Альбоме.

283. СЗв. Автограф, под загл. «Синяя звезда», без строф 3, 4, с вар. в ст. 17: «Как вдруг из глуби осиянной», — в Альбоме.

284. СЗв. *Гондла разговаривал с Гафизом*. Здесь и далее фигурируют образы следующих произведений Гумилева: «Гондла», «Дитя Аллаха», «Открытие Америки», «Отравленная туника», «Укротитель зверей», «Мик», «Капитаны», «Дон Жуан в Египте», «Возвращенье» и др.

285, 286. СЗв.

287. СЗв. Автограф, под загл. «Предложение», с вар., — в Альбоме.

288. СЗв. Автограф, под загл. «Прощанье», с вар.,— в Альбоме.

289. СЗв. Автограф, с существенным вар. в ст. 9: «Чтобы гре- зить, как бы сладко нежил»,— в Альбоме.

290. СЗв. Автограф, под загл. «Прощенье», с небольшими вар., — в Альбоме.

291. СЗв. Автограф, под загл. «Уста солнца», с вар.,— в Альбоме.

* 292. Автограф — ГБЛ (арх. С. А. Абрамова). Автограф первоначальной ред. (зачеркнут карандашом) — Костер (рукопись), вместе со ст-нием 346, также зачеркнутым. В СЗв, без загл. В ПС 1923 — с датой. Автограф, с вар.,— в Альбоме. *Над книжкой Мюссе.* Французский писатель-романтик Альфред де Мюссе (1810—1857) был популярен в России. «Девочкой, которая читает Мюссе», якобы называл Ахматову Вяч. Иванов (см.: Тименчик Р. Николай Гумилев и Восток // «Памир». 1987, № 3. С. 124).

293. СЗв. Автограф, под загл. «Новая встреча», с вар.,— в Альбоме. О творческой истории ст-ния — Собр. соч. Т. 2. С. 322.

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

* 294. «Тифлисский листок». 1902, 8 сент., подп.: К. <так!> Гумилев. Автограф, с доп. строфой,— в Альбоме ПД. В открытке на имя Э. П. Юргенсона Ахматова сообщила, что это было первое ст-ние Гумилева, появившееся в печати (недатиrowана; почтовый штемпель: 22 апр. 1913 г. Царское Село // ГПБ, арх. П. Л. Вакселя).

295. Автограф при письме к Брюсову от 25 нояб. 1906 г. из Парижа. Автограф с вар. в ст. 1 при письме к В. И. Анненскому-Кривичу от 2 окт. 1906 г. (ЦГАЛИ).

296. «Сириус». 1907, № 1, подп.: К-о. *Ты была покорена И ты была в плену у немцев.* Имеется в виду исход франко-прусской войны 1870—1871 гг. *И вот на берегу глухом Стоит великая гробница.* Очевидно, имеется в виду могила Наполеона на о. Св. Елены (прах был перевезен в Париж в 1840 г.). *Звонкий рог* — очевидно, аллюзия на «Песнь о Роланде».

297, 298. Автографы при письме к Брюсову от 1 мая 1907 г. (см. прим. 23).

299. Автограф при недатированном письме к Брюсову (парижский штемпель 15 авг. 1907 г.). См. прим. 28.

300. Автограф при недатированном письме к Брюсову (парижский штемпель 28 сент. 1907 г.). См. прим. 26.

301. Автограф при письме к Брюсову от 2 окт. 1907 г. со вступительным пояснением: «(это стихотворение может служить продолжением предыдущего)», т. е. «Самоубийство» (см. ст-ние 20).

302. Автограф при недатированном письме к Брюсову, написанном до 7 дек. 1907 г. (см. прим. 39).

303. Автограф при письме к Брюсову от 16 дек. 1907 г. (см. прим. 33).

304. ЖТЛХО. 1908/1909, № 5, янв.

305. Автограф при недатированном письме к Брюсову (парижский штемпель — 7 февр. 1908 г., моск.—28 янв. 1908 г.), вместе с автографом ст-ния «После смерти».

306. Автограф при письме к Брюсову от 23 февр. 1908 г. (см. прим. 61). Гумилев писал Брюсову, что это ст-ние — «обращение к себе самому», в нем он высказал «кое-что» пришедшее ему в голову «относительно конструкции стиха».

307. Автограф при письме к Брюсову от 23 февр. 1908 г. Это ст-ние, писал Гумилев, «я считаю пустяком, но его захвалили и, может быть, оно понравится Вам». Ст-ние явно связано с «Заклинанием» (см. ст-ние 25). Его тема, вероятно, навеяна балладой Брюсова «Раб» (1900).

308. Автограф в ЦГАЛИ (арх. ред. газ. «Речь»). Посылая это ст-ние Брюсову (автограф, с небольшими вар., при недатированном письме, со штемпелями на конверте: парижским — 6 апр. 1908 г., моск.— 27 марта 1908 г.), Гумилев писал: «Несколько слов об Анне Комnene, о которой я написал стихотворение. Историки любят выставить ее идеальной, но многие факты заставляют меня подозревать противное». *Анна Комнена* (Комнина, 1083 — ок. 1148) — дочь византийского имп. Алексея I (правил в 1081—1118), автор «Алексиады» (1148, изд. 1610).

* **309.** ЖТЛХО. 1908/1909, № 5, янв. Автограф, с вар., при письме к Брюсову от 22 апр. 1908 г. (см. прим. 12).

310. ЖТЛХО. 1908/1909, № 5, янв.

311. Автограф при письме к Брюсову от 21 апр. 1909 г. из Царского Села. *Священник схим озлобленный расстрига*, т. е. бывший монах, вернувшийся в мирскую жизнь. *Но тяжкая на груди легла верига*. Имеется в виду медная икона с цепями, носимая на груди (акт подвижничества, покаяния). *Смирна, бдолах* — ароматические вещества, употребляющиеся для курений во время богослужения.

312. Автограф при письме к М. А. Волошину (ПД), примерно датируемом «около 20 мая 1909 г.» (см.: Изв. ОЛЯ. С. 61). Ст-ние написано в условиях поэтического состязания на заданные Волошиным рифмы. Ст-ние Волошина «Гряды холмов отусклил марный иней...» см. в его сб. «Стихотворения» (1910); см. также: Изв. ОЛЯ. С. 62. *Эринии* (греч. миф.) — богини мщения. Преследуя жертву, лишают ее рассудка. *Ассур* — божество (ассир. миф.) (ср. ст. Волошина: «Сыны огня и сумрака — Ассуры»).

313. Автограф при письме к В. К. Ивановой-Шварсалон (падчерице Вяч. Иванова), дек. 1909 г., из Каира (ГБЛ, арх. В. И. и В. К. Ивановых). Опубл. в Изв. ОЛЯ.

314. ПС 1922. В экземпляре Лесмана — с записью рукой Ахматовой: «Ц(арское) С(ело), 1911». Ст-ние является акростихом («Анна Ахматова»). *Армидин сад*. Намек на одну из тем «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, связанную с именами Армиды и крестоносца Ринальдо (увезенный влюбленной Армидой на далекий остров, Ринальдо в ее волшебных садах забыл о своем предназначении).

315. Автограф в ГПБ (арх. П. Л. Вакселя). Опубл. в ПС 1922, под загл. «О. Н. Арбениной». В экземпляре Лесмана рукой Ахматовой зачеркнуто загл. и проставлена дата: 1911. Ольга Николаевна Гильдебрант-Арбенина (1897—1980) — актриса, художница. *Нерей* (греч. миф.) — бог моря, отец nereид.

316. Общедоступный литературно-художественный альманах. М., 1911. Кн. 1. В ПС 1923 — с вар.

317. «Галчонок». 1911, № 8.

318. Автограф при письме к Вяч. Иванову от 3 июня 1911 г. из Слепнева (ГБЛ), с указанием: «Написал здесь», вместе с автографами ст-ний 103, 319, 320. 27 мая 1911 г. ст-ние было записано в альбом М. А. Кузьминой-Караваевой (см.: Изв. ОЛЯ. С. 67).

319. Автограф при письме к Вяч. Иванову от 3 июня 1911 г. (см. прим. 318). В альбом М. А. Кузьминой-Караваевой ст-ние было записано под загл. «Wagup» («Почему», нем.), с датой: 26 мая 1911.

320. Автограф при письме к Вяч. Иванову от 3 июня 1911 г. (см. прим. 318). Ст-ние было записано в альбом М. А. Кузьминой-Караваевой с датой: 29 мая (ночь) 1911.

321. «Сатирикон». 1911, № 33, 12 авг. В ПС 1923 — с вар. *«Альманахи „Знание“»* — «Сборники т-ва „Знание“, выходившие с 1904 г.; здесь — символ демократической литературы. *Эзретка* — перо на шляпке. *Обри Бердслея в строгом переплете*. Бёрдсли (Бердслей) Обри Винсент (1872—1898), английский рисовальщик, мастер книжной графики, оказавший большое влияние на искусство книги начала века. «Обри Бердслей» (Спб., 1906) — название книги, содержащей рисунки художника.

322. Автограф при письме к Брюсову от 15 нояб. 1911 г.

* 323. Автограф в альбоме Ахматовой (ЦГАЛИ), с датой записи: 24 марта 1917 и подписью: «Н. Гумилев». В экземпляре Лесмана дата: 1911. В ПС 1922 без загл., с вар.

324. Аполлон (альманах). Ст-ние было записано в альбом М. А. Кузьминой-Караваевой под загл.: «*Araignée du soir*» («Вечерний паук», фр.), с разночтениями и датой: 17 июня 1911. В ПС 1922 дата: 1914.

325. Аполлон (альманах).

326. ЕЛПН. 1913, № 2. В экземпляре Лесмана с датой и пометой: 1910. Париж. Предположительно обращено к Ахматовой (Собр. соч. Т. 2. С. 309).

327. ЕЛПН. 1913, № 2. *Вилла Боргезе* — одна из римских достопримечательностей; название связано со старинным аристократическим родом. Вилла была построена для племянника папы Павла V (Камилло Боргезе) Шипионе Каффарелли Боргезе (впоследствии кардинал).

* 328. Гиперборей. 1913, № 6, март. Беловой автограф — Гиперборей (рукопись), с правкой Гумилева. Ст-ние опубликовано вместе со ст-ниями 141 и 176. Навеяно путешествием по Италии (1912). *Арно* — река, на которой стоит Флоренция. *Там гибнет «Леда» Леонардо*. По преданию, упоминаемая картина — «самое значительное из старческих произведений» Леонардо да Винчи — хранилась в собрании французских королей до тех пор, пока последняя жена «короля Солнце», Людовика XIV, не распорядилась уничтожить ее «как соблазнительную». Картина известна в многочисленных копиях, начиная с зарисовок Рафаэля (подробнее см.: Гуковский М. А. Леонардо да Винчи. Л.; М., 1967. С. 158—159). *Савонарола* Джироламо (1452—1498) — настоятель доминиканского монастыря во Флоренции. Выступал против Медичи. *Изгнанник бедный, Алигьери* — см. прим. 182.

329. ЕЛПН. 1913, № 4. *Тразименское озеро* расположено в Средней Италии. Здесь во время 2-й Пунической войны в апреле 217 г. до н. э. карфагенская армия во главе с *Ганнибалом* одержала внушительную победу над римскими войсками.

330. ЕЛПН. 1913, № 5. *Палатин* — один из холмов, на которых построен Древний Рим. *Элизиум* — загробный мир, обитель блаженных (греч. миф.).

331. Гиперборей (рукопись) — список рукой Ахматовой (с правкой Гумилева: в ст. 13 «ленивая» исправлено на «бесстыдная»), вместе со списками ст-ний 151 и 354, предназначавшихся для № 8 (см. прим. 151). Опубликовано в ПС 1923, под загл. «Ночью», с датой: 1913, с вар. в ст. 4 («мужскою» вместо «железной»), ст. 8 («Не могу, не хочу»), ст. 14 («Одурманит» вместо «Задурманит»).

332. «Нива». 1913, № 34, 24 авг. В ПС 1922 с датой: 1911.

* 333. Колчан (макет), см. прим. 181. Первонач. ред. опубликована: «Нива». 1913, № 46, 16 нояб., под загл. «Дездемона». В Собр. соч. (Т. 2. С. 131, загл. «Дездемона») ст. 4 выглядит иначе: «Заглядывал с чужого небосклона». Источник этого варианта не указан, считаем его неисправленной ошибкой.

* 334. «Златоцвет». 1914, № 3, янв. Автографы — в недатированном письме к Д. М. Цензору (ЦГАЛИ), с исправлением в ст. 3 («ветер» вместо «запах»); в др. ред. — в архиве А. Л. Волинского (там же), вместе с автографами ст-ний 342, 347, 350.

335—336. «Вершины». 1915, № 8, янв. *На иве, еще Дездемоной Оплаканной и прощенной*. Имеется в виду песня Дездемоны («Отелло», д. 4, сцена 3).

* 337. «Новый журнал для всех». 1915, № 2, с датой. Два автографа (карандашом и чернилами, с вар.) в архиве М. Л. Лозинского. Внизу карандашного автографа надпись рукой М. Л. Лозинского: «20 июля 1914 г.» Текст чернового и белого автографов идентичен. Беловой автограф с раскрытым посвящ.: «Сергею Лозинскому». Ст-ние написано на рождение 20 июля (ст. ст.) 1914 г. сына М. Л. Лозинского, впоследствии выдающегося советского математика С. М. Лозинского (ум. 1985 г.). Содержание ст-ния обусловлено тем, что Россия вступила в войну 19 июля 1914 г.

338. «Бирж. вед.», утр. вып. 1915, 1 (14) февр., с опечаткой в ст. 14 («таяньи» вместо «чаяньи»). Исправлено по беловому автографу в архиве М. Л. Лозинского. По свидетельству Ахматовой, ст-ние было написано Гумилевым на фронте, в конце 1914 г. (НМ. С. 199). Прочитано им на вечере в «Подвале бродячей собаки» 27 янв. 1915 г. (см.: <Волин Ю. С.> Вечер поэтов в «Бродячей собаке» // «Петрогр. курьер». 1915, 29 янв., подп.: Ю. В — н). *Ирина Энери* (точнее, Ирен Энери) — сценический псевдоним пианистки и композитора Ирины Алексеевны Сухотиной (урожд. Горяиновой, р. 1897), ученицы С. А. Малоземовой, В. В. Покровского, М. С. Штейнберга. Ее первое выступление в 1908 г., в 10-летнем возрасте, привлекло к ней внимание как к девочке-вундеркинду (см.: Ирина Энери-Горяинова. Пианистка-композитор. СПб., 1909; то же: Екатеринослав, 1911). В 1916 г. экстерном закончила Петербургскую консерваторию. Судьба Ирен Энери после 1917 г. неизвестна. *Карсавина* Тамара Платоновна (1885—1978), выдающаяся русская балерина, постоянная партнерша М. М. Фокина, прима в труппе С. П. Дягилева, участница Русских сезонов в Париже. Т. П. Карсавиной посвящено специальное ст-ние Гумилева (факсимиле с подп. и датой: 16 марта 1914 г. — в сб.: Тамаре Платоновне Карсавиной «Бродячая собака» 26 марта 1914 г. СПб., 1914). *Сиренный стих*. В рукописной тетради «В ста зеркалах» (ГПБ) Ахматова воспроизвела строфу, сделав примечание к эпитету «сиренный»: «“...au voix de Sirene” (Villon)... голосом Сирены (Вийон) (фр.)» (Цит. по кн.: Виленкин В. В сто первом зеркале. М., 1987. С. 91). Ср. также первонач. ред. второго ст-ния из цикла «Канцоны» (№ 151—152): «Сиренным голосом им гибель пела». Перевод «Балладу о дамах прежних времен», содержащую это сравнение, Гумилев заменил его: «Где Бланш, лилея по весне, Что пела нежно, как Аврора» («Аполлон». 1913, № 4. С. 37).

* 339. «Лукоморье». 1915, № 50, 12 дек. Два автографа (под загл. «У столба пыток», с вар.) и без загл. (с посвящ. «Александру Ивановичу Тинякову», в сокращенной ред.) — ЦГАЛИ (архив Гумилева). А. И. Тиняков (1886—1932) — поэт. Последняя строфа ст-ния является реминисценцией из «Эльдорадо» Э. По.

340. Лит. прил. к «Ниве». 1916, № 2. *Волчье солнце*. Образ заимствован Гумилевым из ст-ния Т. Корбьера «Скверный пейзаж» (см.: Лившиц Б. Флейта Марсия. Спб., 1911. С. 70; указано А. Е. Парнисом). Так же назван второй сборник стихов Б. Лившица (М., 1914).

* 341. Автограф — Отлунне. Автограф (ГПБ) с вар. Первонач. ред. опубликована: «Нива». 1916, № 9, 27 февр. В «Ниве» и ПС 1922 вместо ст. 8 — строчка точек. В указанных автографах, в Альбоме (Собр. соч. Т. 2. С. 139, 317) и в ПС 1923 — полностью. В экземпляре Лесмана ст. 8 восстановлен рукой Ахматовой. В основу ст-ния Гумилевым было положено более раннее, «Двенадцатый год», посланное им Брюсову при письме от 24 мая 1911 г. Это видно как из темы, так и почти полного совпадения строф 2 (ст. 1 «Вслед за его крылатым гением») и 3. Ст. 8 здесь полностью соответствует восстановленному. Цитируем ст-ние «Двенадцатый год», без совпадающих строф.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД

Как будто год наш роковой
Двунадесятый возвращался.

гр. Е. Ростопчина

Он близок, слышит лес и степь его.
Какой теперь он кроет ков,
Год Золотой Орды, Отрепьева,
Двунадесяти языков? <...>

Кто смелый?.. Но к чему допрашивать!
Туманно небо, воеет пес,
В душе темно,— пора докашивать
Перестоявшийся покос.

Чума, война иль революция —
В пожарах села, луг в крови!
Но только б спела скрипка Муция
Песнь Торжествующей Любви.

Ранняя ред. нуждается в прим. Эпиграф — из ст-ния Е. П. Ростопчиной «Одним меньше!» (памяти Д. В. Давыдова, 1839) (указано Р. Л. Щербаковым). *Год Золотой Орды, Отрепьева, двенадцати языков*. По-видимому, здесь объединены одновременные события, связанные (в представлении Гумилева) с цифрой «12». При этом исторически достоверным является только «год... двенадцати языков», т. е. 1812-й. С именем Г. Отрепьева (Лже-Дмитрий I, убит в 1606 г.) поэт связывает более поздние события, также относящиеся к польско-литовской интервенции, — освобождение Москвы в 1612 г. *Но только б спела скрипка Муция Песнь Торжествующей*

Люби — аллюзия на новеллу И. С. Тургенева (1881) и ее лейт-мотив.

342. Автограф в ЦГАЛИ (арх. А. Л. Волынского), вместе с автографами ст-ний 334, 347, 350. В Собр. соч. Т. 2 опубликовано под загл. «Девушка» (по тексту Альбома, незначительно отличающемуся от текста ЦГАЛИ); там же условно датируется 1916 г. (по местоположению в Альбоме).

343. Автограф в альбоме Э. Ф. Голлербаха (ГПБ; между записями от 30 авг. и 1 сент. 1920 г.). Под тем же загл., с датой: 5 июля 1921 г., — в альбоме Н. Н. Минаева (ЦГАЛИ). В Альбоме — под загл. «Танка», под тем же загл. в Собр. соч. Т. 2. В ПС 1922 — без загл. В ПС 1923 — без загл., с указанием, что ст-ние относится к циклу «Картонажный мастер» и записано в альбом, находящийся в Париже «у одного частного лица» (С. 124). В статье Р. Д. Тименчика «Неизвестные экспромты Николая Гумилева» факсимильно воспроизведена запись данного ст-ния (под загл. «Хокка») в альбоме художника Н. Э. Радлова, без указания местонахождения (см.: «Даугава». 1987, № 6. С. 114). *Вот девушка с газельими глазами*. Ср. ст. 11 ст-ния 273.

344. Альм. «Творчество», М.; П., 1917. Кн. 1. Автограф первонач. ред. — Отлунне. Опубликовано в ред. автографа: «Лит. мысль». 1922. Кн. 1. ПС 1923. В Альбоме — под загл. «Любовь весной», с вар.

345. Автограф-письмо к Л. М. Рейснер от 22 февр. 1917 г. (ГБЛ).

346. Автограф — Костер (рукопись), см. прим. 292. Опубликовано: «Сех поэтов» (Пг. — Берлин, 1922), без загл., без даты, с пропуском ст. 15—16, и ПС 1923 (так же). В Альбоме — с вар. *Пьеро* и *Арлекин* — традиционные персонажи-антиподы итальянского «театра масок».

347. Автограф — ЦГАЛИ (арх. А. Л. Волынского), вместе с автографами ст-ний 334, 342, 350. Впервые опубликовано (по неизвестной рукописи) в газете «Возрождение» (1929, 4 апр.), под загл. «Неизданное стихотворение Гумилева», с пометой «Лондон, 1918» и с посвящ. С. А. Абаза. В Собр. соч. Т. 2 опубликовано по тексту Альбома. Разночтения 1-й и 2-й публикаций: Собр. соч. Т. 2. С. 325.

348. «Нива». 1918, № 26, 29 июня. В ПС 1923 под загл. «Три мертвеца», с вар.

***349.** «Новый Сатирикон». 1918, № 15, июль. Автограф (архив М. Л. Лозинского), под загл. «Франции», вместе со ст-нием 276.

350. Автограф в ЦГАЛИ (арх. А. Л. Волынского), вместе с автографами ст-ний 334, 342, 347. Датируется по местонахождению.

351. Автограф в Альбоме ЦГАЛИ, с исправлением в ст. 27 (зачеркнуто: «Манил призывом», надписано: «Призывно реял»). Другой автограф, без загл., с вар., — на отдельном листе, также в архиве Гумилева. Опубликовано в ПС 1922.

352. Автограф в Альбоме ЦГАЛИ. В экземпляре Лесмана рукой Ахматовой проставлена дата: 1919.

353. Автограф в Альбоме ЦГАЛИ. Опубликовано в ПС 1922.

354. Автограф в Альбоме ЦГАЛИ. Опубликовано в ПС 1922. Список рукой Ахматовой — Гиперборей (рукопись) вместе со списками ст-ний 151 и 331, без загл., с вар. в ст. 19 («играли» вместо «пылали»), с правкой рукой Гумилева. Предназначался для Гиперборея № 8 (см. прим. 151).

355. Автограф в собрании Лесмана. Опубликовано в ПС 1922 без разделения на строфы, с ошибками в ст. 1 (без разделительной точки) и ст. 9 («посланья» вместо «пыланья»). В экземпляре Лесмана рукой Ахматовой сделана надпись: «О. Н. Арбениной» (о ней см. прим. 315), внесено исправление в ст. 1, проставлена дата: 1920 и двумя линиями отчеркнута последняя строфа, при этом слева указано: «Бодл. 126», т. е., очевидно, «Бодлер, сонет 126».

356. Альманах Цеха поэтов. П., 1921. Кн. 2. Автограф в архиве П. Н. Лукницкого (собрание В. К. Лукницкой; факсимиле см.: «Моск. новости». 1986, 23 нояб. С. 13).

357. Альманах Цеха поэтов. П., 1921. Кн. 2. По свидетельству Н. Н. Берберовой, написано 1 авг. 1921 г. (Собр. соч. Т. 2. С. 328). По свидетельству Ахматовой (экземпляр Лесмана), ст-ние состояло из семи строф.

358. Автограф в ГПБ (арх. А. А. Дернова). *И молил Сервантес Вожделенной свободы*. В 1572—1580 гг., во время испано-турецкой войны, Сервантес находился в плену в Алжире. *Константина* — город на северо-востоке Алжира; в древности именовался «Cirta», т. е. «круто обрезанная». *Жерар Жюль* (1817—1864) — французский офицер, служивший в Алжире, знаменитый охотник на львов, автор книг на эту тему. *Кабилы* — берберский народ в горных районах Северного Алжира.

359. Автограф в ГПБ (арх. А. А. Дернова, с заменой в ст. 7 «девушку» на «женщину»). Опубликовано в «Дружбе народов» (1986, № 12). *Леопарди Джакомо* (1798—1837) — итальянский поэт-романтик; прожил скитальческую жизнь. *Нард* — см. прим. 137.

360. Автограф в собрании А. К. Станюковича (Москва). Опубликовано без указания источника в статье К. М. Азадовского и Р. Д. Тищенко «К биографии Н. С. Гумилева» («Русская литература». 1988, № 2. С. 185). О М. Е. Купфере (*Мария Лёвберг*) см. прим. 191.

361. Автограф в ЦГАЛИ (арх. Гумилева), без загл., с подписью и с пометой в конце текста: «(Отрывок)». Опубликовано в: Неизданное и несобранное, с частичными пропусками (что вызвано трудностями в чтении текста); выдвинуто предположение (с. 219), что это перевод. Гумилев, однако, всегда в рукописях при переводах делал соответствующее указание; следует думать, что это — оригинальное произведение.

* 362. Альманах муз. П., 1916, с датой: 1913. Автографы — ГПБ (арх. А. А. Дернава), под загл. «Роковая десятка», ЦГАЛИ (арх. Н. В. Петрова), под загл. «Коварная десятка». Автограф ГПБ приближается к черновому (написан менее разборчиво, содержит несколько поправок). Автограф ЦГАЛИ — беловой, изобилует ремарками, отсутствующими и в автографе ГПБ, и в печатном тексте (где их всего три). В статье А. Е. Парниса и Р. Д. Тищенко «Программы „Бродячей собаки“» указано, что пьеса написана для несостоявшегося вечера-представления «Парижский игорный дом на улице Луны (1814 год)», который был намечен на 13 дек. 1912 г. (см.: Памятники культуры: Новые открытия: 1983. Л., 1985. С. 200—201). *Бурбонские лилии* — намек на герб королевской династии во Франции. *И платья я не возвращу*. Судя по автографам, речь идет о возвращении денег («платы»), а не одежды. Однако внесение конъектуры в текст не представляется возможным. *Картель* — здесь: вызов. *Майорка* (Мальорка) — остров в Средиземном море, территория Испании.

363. Гиперборей. 1913, № 7. Автограф — Гиперборей (рукопись). В конце 1913 г. Гумилев читал эту пьесу на заседании Общества ревнителей художественного слова, за чем последовали «продолжительные прения» («Аполлон», 1914, № 1/2. С. 135). Сюжет заимствован из греческой мифологии.

* 364. Поэма Гумилева была выпущена отдельным изданием в начале июля 1918 г. (см. с. 577) в издательстве «Гиперборей». Написанная в конце 1913 — начале 1914 г., поэма неоднократно перерабатывалась, о чем свидетельствуют автографы и публикации. Первая редакция поэмы, «Мик и Луи», была зачитана Гумилевым на заседании Общества ревнителей художественного слова, очевидно состоявшемся 25 февр. 1914 г. (пригласительный билет на заседание // ГПБ, арх. С. П. Каблукова, ф. 322, № 28. Л. 97). Сведения об этом собрании, без указания числа, содержатся в хроникальной заметке о двух вечерах Общества, напечатанной за подписью «Litotes»: «На следующем заседании Н. Гумилев прочитал большую (960 строк) (в изд. 1918 г. — 929 стихов. — М. Э.) поэму свою «Мик и Луи», а затем изложил свои взгляды на эпический род, к которому он причисляет свою поэму, и на современные его возможности. Основная мысль сводилась к утверждению, что единственной областью, в которой еще возможно большое эпическое творчество, есть поэзия «экзотическая». (Действие прочитанной поэмы происходит в Абиссинии, которую Гумилев три раза посетил)». Далее в заметке отмечалось, что в прениях, отдавая должное художественным достоинствам поэмы, оспаривались теоретические воззрения автора («Аполлон», 1914, № 5. С. 54). Очевидно, тогда же Гумилев предложил поэму (под загл. «Мик, абиссинский раб, и Луи, обезьяний царь») в журнал «Современник», прекратившийся изданием в 1915 г. (машинопись первых пяти глав, с авторской правкой, сохранилась в архиве фактического редактора журнала Е. А. Ляцкого // ПД, ф. 163, оп. 3, № 48); рукопись, с пропуском, — в ЦГАЛИ, арх. Гумилева. После этого в печати появились две строки (ст. 128—129) в виде эпиграфа к ст-нию А. А. Ахматовой «Утешение» («Апол-

лон». 1914, № 6—7), впоследствии вошедшему в «Белую стаю» (1917), и «Два отрывка из абиссинской поэмы» (Колчан). В 1917 г. Гумилев предпринял попытку опубликовать поэму в «Ниве», также окончившуюся неудачей (корректурные гранки № 4 журнала, с датой: 10 февр. 1917 г., находились в собрании Г. П. Струве; Собр. соч. Т. 2. С. 336—339). Эта, видимо промежуточная, редакция называлась «Мик и Луи». В архиве Гумилева (ЦГАЛИ) имеются черновые наброски, записанные трудночитаемым почерком и, по общему впечатлению, отличающиеся как от опубликованных, так и рукописных текстов. Там же имеется план первоначальных 6—7 глав: «VI. 1) Ночные шумы. 2) Сон Мика. 3) Мик спускается. 4) Луи лежит на <1 нрзб>. 5) Смерть Луи. 6) Похороны Луи. 7) Решение Мика уйти. 8) Появление Духа лесов. 9) Он среди обезьян. 10) Он ободряет Мика на уход. VII. 1) Скачка. 2) Египет. 3) Сахара. 4) Марокко. 5) Конго. 6) <1 нрзб>. 7) Верховья Нила. 8) Новая встреча с Духом лесов. 9) Жалобы Мика. 10) Совет Духа».

Критика отзывалась о поэме однозначно. «Мик» — «самая странная из книг Гумилева, — писал Георгий Гальский (см. с. 578). — Что-то среднее между Киплингом и... Чарской. Для детей — мудро и скучно, для взрослых — неловко и... тоже скучно». Как свидетельство идейной позиции Гумилева расценил поэму Иванов-Разумник (обратив попутно внимание на ее стиливое соответствие «Мцыри») в рецензии под характерным названием «Изысканный жираф». Отметив, что еще в «Романтических цветах» (1908) не было слышно раскатов первой русской революции, критик продолжал: «Пусть мировые катастрофы потрясают человечество, пусть земля рушится от подземных ударов — по садам российской словесности разгуливают павианы, рогатые кошки и, вытянув длинную шею, размеренным шагом „изысканный бродит жираф“» («Знамя». 1920, № 3/4. Стб. 51. Подп.: Ив.-Раз.).

(Глава 1). Ст. 7. *Мех леопарда на плечах*. Леопардовые накидки носили только военачальники. Ст. 11. *Племя гурабе*. В Эфиопии нет такого племени; есть народ гураге (ок. 3 млн.). Ст. 14. *Менелик* (Менелик II, 1844—1913) — император Эфиопии с 1889 г., с 1909 г. фактически не правил из-за болезни. Ст. 19, 21, 23. *Аура-рис, Гумаре, Азо* — амхарские слова, соответственно обозначающие: «носорог», «бегемот», «крокодил». Ст. 29. *Как стая бешеных волков*. В Эфиопии нет волков. Ст. 50. *Ато-Гано* — имя одного из придворных Менелика II. Ст. 74. *В глазах пантеры*. В Эфиопии нет пантер.

(Глава 2). Ст. 8. *Авто-Георгис* (Хабтэ Гиоргис) — военный министр при Менелике II; начал свою карьеру простым воином (работ не был). Ст. 14. *Инджира* (ынджира) — большой блин (ок. 1 м в диаметре). Ст. 26. *В>Addis-Abebu, город роз*. Ср.: «Аддис-Абеба, город роз...» (ст-ние 314). В это время столица Эфиопии (с 1886 г.) отнюдь не была цветущим городом. Возможно, метафора связана с русским переводом названия — «новый цветок».

(Глава 3). Ст. 23. «*Ой, ю гут!*» — амхарское восклицание горестного удивления. Ст. 34. *Серсо* («сегсеаи», фр., обруч) — игра, во время которой палочками перебрасывают кольцо или обруч.

(Глава 4). Ст. 89. *Талер* — старинная золотая и серебряная монета. Здесь — талер Марии Терезии, или левантинский талер, серебряная монета с изображением австрийской эрцгерцогини Марии Терезии (1717—1780); чеканился в Австрии для торговли с

Африкой, имел широкое обращение в Северной Африке, частично в Судане и Внутренней Африке, содержал 23,4 грамма чистого серебра.

⟨Г л а в а 5⟩. Ст. 17—18. *То дочка Мохамед-Али. Купца из йеменской земли.* Торговый дом Мохамеда-Али был известен во всех эфиопских городах.

⟨Г л а в а 6⟩. Ст. 72. *«Вокруг света»* — популярный еженедельник, издававшийся в Петербурге с 1885 г. С 1891 г. издавался И. Д. Сытиным. Ст. 74. *Буссенар* Луи-Анри (1847—1910) — французский писатель, автор остросюжетных произведений, насыщенных географическим и естественно-историческим материалом.

⟨Г л а в а 8⟩. Ст. 56. *Из франкской, может быть, земли* — здесь: Франции.

⟨Г л а в а 9⟩. Ст. 127—128. *Там Михаил Архистратиг Его зачислил в рать свою.* Имеется в виду один из семи архангелов, предводитель «небесного воинства» в борьбе с силами ада.

⟨Г л а в а 10⟩. Ст. 45. *Гета* — по-амхарски «господин». Ст. 56. *В галасской скрытое стране.* Галла, галласы — народ, живущий в Эфиопии и близлежащих районах Кении. Ст. 74. *Ярд* — мера длины (англ.), примерно равная 0,9 м. С. 80. *Нагадрас большой.* Нагадрас — главное административное лицо на базаре; здесь имеется в виду министр торговли, также именовавшийся «нагадрас». Ст. 103. *Тэдж* — эфиопский хмельной напиток, изготавливаемый из меда, воды и листьев растения гешо.

365. Дракон: Альм. стихов. Пг., 1921 Вып. 1. План поэмы см.: «Вестник литературы». 1920, № 8(20). С. 11. «В «Поэме начала», — писал Э. Ф. Голлербах, — Гумилев размахивается наподобие Гете или Данте» («Известия». 1921, 23 февр., подп.: Его). По мнению М. Л. Слонимского, поэма была «написана с силой, доказывающей, что поэт действительно владеет законами слова» («Жизнь искусства». 1921, 3—11 марта; подп.: М. Сл.). *Лемурия* — образ, восходящий к теософским представлениям об эволюции Земли. *ОМ* — по религиозным представлениям индийцев является священным словом; используется как торжественное обращение или благословение.

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Публикуемые переводы относятся к 1918—1921 гг., когда Гумилев работал в изд-ве «Всемирная литература». Подробнее см. с. 539.

У и л ь я м Ш е к с п и р

366. Автограф в ГПБ (арх. А. А. Дернова).

К л о д Ж о з е ф Р у ж е д е Л и л ь

367. Автограф в ГПБ (арх. А. А. Дернова). Очевидно, связано с работой Гумилева над сборником «Французские народные песни». Перевод ст-ния «La Marseillaise». *Буйе* — генерал Франсуа Клод маркиз де Буйе (1739—1800), один из ближайших сторонников Людовика XVI; в октябре 1790 г. потопил в крови выступление швейцарского полка в Нанси.

368. Автограф в ЦГАЛИ (арх. Гумилева), подп.: «Пер. Н. Гумилева». Перевод ст-ния «Nemée». Опубликовано в кн.: Эредиа Жозе-Мариа де. Трофеи. М., 1973 (в разделе «Примечания»), как перевод «Студии М. Лозинского», с незначительными вар. В Незданное и несобранное включено на правах первой публикации. В ст-нии имеется в виду миф о Геракле (Геркулесе), победившем Немейского льва.

Шарль Бодлер

369. Автограф в ГПБ (арх. А. А. Дернова), с подп.: «Перевод Н. Гумилева». Перевод ст-ния «Abel et Cain». Этот и следующий перевод, очевидно, связаны с подготовкой издания Ш. Бодлера во «Всемирной литературе» (Незданное и несобранное. С. 75, 221).

370. Автограф в ГПБ (арх. А. А. Дернова), с подп.: «Перевод Н. Гумилева». Перевод ст-ния «La mort des amants».

Артур Рембо

371. Автограф в ГПБ (арх. А. Е. Бурцева), с подп.: «Пер. Н. Гумилева». Перевод ст-ния «Les voyelles». Опубликовано в ст.: Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме. II // «Russian Literature» 1977, № 4. Р. 294. *Омега* — название последней буквы греческого алфавита.

372—383. Рукопись (архив М. Л. Лозинского) представляет собой тетрадь (вдвое сложенные пронумерованные листы). Нумерация начинается с титульного листа, пропущены л. 3—4, 11—12, 17—18, 21—22, 25—28. Именно на этих не учтенных при нумерации листах располагались, по всей вероятности, «рисунки <...> по абиссинским образцам», упомянутые в примечаниях Гумилевым и, возможно, выполненные им самим. К рукописи приложена записка (без подписи), свидетельствующая о неудачной попытке автора опубликовать переводы: «Передать Н. С. Гумилеву. Восточная Колл(егия) затрудняется напечатать». Ст-ния 8, 9 и соответствующие прим. Гумилева опубликованы Р. Д. Тименчиком в статье «Над седою, вспененной Двиной...» («Даугава». 1986, № 8. С. 119) без ссылки на местонахождение автографов. При этом, по типографской оплошности, два ст-ния опубликованы как одно. По данным Р. Д. Тименчика, цикл относится к 1916 г. Однако этому противоречит факт публикации самим Гумилевым второго ст-ния (с незначительными вар.) в составе статьи «Умер ли Менелик?» («Нива» 1914, № 5. С. 93). По указанию С. Б. Чернецова, данные «Абиссинские песни», в отличие от одноименного цикла (ст-ния 127—130) подлинны, т. е. восходят к достоверным источникам; перевод их осуществлялся с французского, при помощи сопровождавших Гумилева толмачей.

2. *Аба-Данья* — правильное: Абба-Данья («владелец Данни»). второе слово — кличка боевого коня Менелика (см. прим. 364)

Ягато Маконен (Рас Маконен), наместник Харрара (см. прим. 127—130), умер 21 марта 1906 г.

4. *Авраам* — библейский патриарх. *Арабы* — здесь: мусульманские жители современного Южного Судана и пограничных областей. *Шангале* — племя шанкалла.

5. *Тафаса Абайнех и Габая Гора*. Имеются в виду военачальники Менелика Таффесе Абайнех и Гебейеху Гора, героически погибшие в битве при Адуа 1 марта 1896 г.

6. Монолог наследственного царька области Уолламо-Тони, чье царство было завоевано Менеликом в 1894 г., а сам он попал в плен.

7. В ст. 14, видимо, упоминается Гэбэйю, имевший чин фитаурари.

8. Перечислены видные вельможи.

9. В ст. 7 упоминается город Тэдэча Малька.

12. *Джигджила* — правильное название: Джигджига.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ ¹

1. *Фронτισпис*. Н. С. Гумилев. Фотография М. С. Наппельбаума (июль 1921 г.) с автографом-подписью (ГПБ, архив П. Н. Медведева).
- *2. С. 115. Ст-ние «Камень» с карандашной пометой Н. С. Гумилева: «Из Жорж Занд». Экземпляр сб. «Жемчуга» (Спб., 1910) из собрания А. Н. Кирпичникова (Ленинград).
- *3. С. 121. Ст-ние «Лесной пожар» с рисунком и автографом Н. С. Гумилева. Экземпляр сб. «Жемчуга» (Спб., 1910) из собрания А. Н. Кирпичникова (Ленинград).
- *4. С. 125. Автограф ст-ния «В библиотеке» (ГПБ, архив М. А. Кузмина).
- 5—20. *Между с. 128 и 129*.
- Н. С. Гумилев. Фотография 1906 или 1907 г. (Университет) (ПД).
- *А. И. Гумилева, мать поэта. Фотография ок. 1884 г. Собрание О. Н. Высотского (Кишинев).
- *С. Я. Гумилев, отец поэта. Фотография ок. 1884 г. Собрание О. Н. Высотского (Кишинев).
- Н. С. Гумилев. Рисунок Н. С. Войтинской. Дарственная надпись В. И. Анненскому (Кривичу), сыну поэта И. Ф. Анненского, воспроизводится впервые. Литография (ГПБ). Рисунок впервые — «Аполлон». 1909, № 2.
- Н. С. Гумилев. Фотография 1909 (?) г. Воспроизведена (без автографа) в сб. «Альманах 17». Спб., 1909. Оригинал с автографом (ПД).
- *План путешествия по Абиссинии. 1913 г. Рисунок Н. С. Гумилева в записной книжке (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР. Ленинград).
- Н. С. Гумилев. Фотография 1913 г. (Гос. лит. музей).
- Н. С. Гумилев. Фотография. Декабрь 1914 г. (ИМЛИ).
- Н. С. Гумилев и А. А. Ахматова с сыном Львом. Фотография. Декабрь 1914 г. (ПД).
- Н. С. Гумилев. Силуэт работы Е. С. Кругликовой. (После января 1915 г.; воспроизведен в кн.: «Силуэты современников. Поэты», М., 1921).

¹ Иллюстративный материал, отмеченный «звездочкой», воспроизводится впервые. Три рисунка из сб-ка «Персия» (№ 24—34) опубликованы при статье Р. Д. Тименчика «Неизвестные экспромты Николая Гумилева» («Даугава». 1987, № 6. С. 114, 115, 116).

Группа «Звучащая раковина». Фотография М. С. Наппельбаума (июль 1921 г.). Стоят (слева направо): Даниил Горфинкель, Анатолий Столяров, Петр Волков и Никаноров. Сидят слева: А. И. Федорова (Вагинова), Томас Рагинский-Карейва, Ф. М. Наппельбаум, И. М. Наппельбаум; рядом сидят: Валентин Миллер, Наталья Сурина, Вера Лурье, Константин Вагинов. В центре — Н. С. Гумилев. Ниже — Георгий Иванов, Ирина Одо-евцева. Собрание И. М. Наппельбаум (Ленинград). Фотография (с перечнем изображенных) опубликована при воспоминаниях И. М. Наппельбаум «Звучащая раковина» («Нева». 1987, № 12. С. 198).

*Афиша о-ва «Арзамас» (ЦГАЛИ).

*Афиша Союза деятелей художественной литературы (ПД).

*Афиша Дома искусств. В дате — опечатка: должно быть: 20 декабря <1919> г. (ПД).

*Афиша «Понедельники Дома искусств» (ПД).

*Афиша Дома искусств. Год не установлен (ПД).

*21. С. 212. Добавочный титульный лист сб. «Романтические цветы» (Париж, 1908) с дарственной надписью Н. С. Гумилева И. Ф. Анненскому. Собрание А. К. Станюковича (Москва).

*22. С. 228. Карандашный автограф ст-ния «Словно ветер страны счастливой...» с посвящением: Татьяне Адамович. См. цикл «Канцоны» (1). На обороте титульного листа и шмуцтитула сб. «Жемчуга» (Спб., 1910). Экземпляр из собрания А. Н. Кирпичникова (Ленинград).

*23. С. 303. Афиша «Понедельники Дома искусств» (ПД).

*24—34. С. 317—329. Рукописный сб-к стихов Н. С. Гумилева «Персия» (ГПБ).

*35. С. 374. Автограф ст-ния «Я в лес бежал из городов...» в альбоме «Стихотворения Н. Гумилева», подаренном поэтом М. М. Маркс в 1903 г. (ПД).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- «А — черно, бело — Е, У — зелено, О — сине...» (Гласные) *Из Рембо* 477
- Абиссиния («Между берегом буйного Красного моря...») 293
- Абиссинские песни (1—4) 181
- Абиссинские песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым (1—12) 478
- Авель и Каин («Сын Авеля, дремли, питайся...») *Из Бодлера* 476
- Адам («Адам, униженный Адам...») 350
- «Аддис-Абеба, город роз...» 389
- Акростих («Ангел лег у края небосклона...») 395
- Актеон 427
- Алжир и Тунис («От Европы старинной...») 418
- Анакреонтическая песенка («Ты хочешь, чтоб была я смелой?...») *Из Готье* 186
- «Ангел лег у края небосклона...» (Акростих) 395
- Ангел-хранитель («Он мне шепчет: „Своевольный...“») 160
- Андрей Рублев («Я твердо, я так сладко знаю...») 252
- Андрогин («Тебе никогда не устанем молиться...») 130
- Анна Комнена («Тревожный обломок старинных потемок...») 385
- Анна́м («Месяц стоит посредине...») 278
- «Апостол Петр, бери свои ключи...» (Рай) 243
- Африканская ночь («Полночь сошла, непроглядная темень...») 233
- «Ах, иначе в былые года...» (Змей) 258
- «Ах, наверно, сегодняшним утром...» (Судан) 290
- «Ахмет-оглы берет свою клюку...» (Паломник) 172
- Баллада («Влюбленные, чья грусть как облака...») 175
- Баллада («Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...») 81
- Беатриче (1—4) 147
- Блудный сын («Нет дома, подобного этому дому!...») 189
- Болонья («Нет воды вкуснее, чем в Романье...») 244
- Больная земля («Меня терзает злой недуг...») 383
- Больной («В моем бреде одна меня томит...») 249
- «Больные верят в розы райские...» (Счастье) 238
- «Бывает в жизни человека...» (Канцона) 408
- В библиотеке («О, пожелтевшие листы...») 124
- «В Генуе, в палаццо дождей...» (Генуя) 241

- «В глухих коридорах и залах пустынных...» (Маскарад) 86
 «В красном фраке с галунами...» (Маэстро) 142
 «В моем бреде одна меня томит...» (Больной) 249
 «В моих садах — цветы, в твоих — печаль...» (Беатриче, 2) 147
 «В муках и пытках рождается слово...» (Правый путь) 352
 В небесах («Ярче золота вспыхнули дни...») 84
 «В ночном кафе мы молча пили кьянти...» (Ислам) 244
 «В оный день, когда над миром новым...» (Слово) 312
 «В полутемном, строгом зале...» (Сада-Якко) 91
 В пустыне («Давно вода в мехах иссякла...») 350
 В пути («Кончено время игры...») 127
 «В ружье негуса...» (Абиссинские песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым, 7) 481
 В саду («Целый вечер в саду рокотал соловей...») 392
 «В скольких земных океанах я плыл...» (Канцона первая) 265
 «В стране, где гиппогриф веселый льва...» (Фра Беато Анджелико) 216
 «В твоем гербе — невинность лилий...» (Поединок) 118
 «В темных покрывалах летней ночи...» (Принцесса) 92
 «В том лесу белесоватые стволы...» (Лес) 311
 «В узких вазах томленье умирающих лилий...» (Однажды вечером) 167
 «В час моего ночного бреда...» (Самофракийская Победа) 267
 «В чашах, в болотах огромных...» (Мужик) 259
 «В этот мой благословенный вечер...» 259
 «Валентин говорит о сестре в кабаке...» (Маргарита) 178
 Варвары («Когда зарыдала страна под немилостью божьей...») 128
 Венеция («Поздно. Гиганты на башне...») 214
 «Вероятно, в жизни предыдущей...» (Позор) 359
 «Весенний лес певуч и светел...» (Маркиз де Карабас) 134
 «Ветер гонит тучу дыма...» (Лесной пожар) 120
 «Ветла чернела. На вершине...» 416
 Вечер («Еще один ненужный день...») 146
 Вечер («Как этот вечер грузен, не крылат!...») 241
 «Вечерние тихи заклатья...» (Лиловый цветок) 392
 «Вечерний медленный паук...» 395
 Вечное («Я в коридоре дней сомкнутых...») 164
 «Взгляни, как злобно смотрит камень...» (Камень) 115
 «Вздрагивает огонек лампадки...» (Крыса) 82
 Видение («Лежал истомленный на ложе болезни...») 236
 «Видишь, мчатся обезьяны...» (Носорог) 104
 Вилла Боргезе («Из камня серого иссеченные вазы...») 397
 Влюбленная в Дьявола («Что за бледный и красивый рыцарь...») 94
 «Влюбленные, чья грусть как облака...» (Баллада) 175
 Военная («Носороги топчут наше дурро...». — Абиссинские песни, 1) 181
 Возвращение («Я из дому вышел, когда все спали...») 224
 Возвращение Одиссея (1—3) 149
 «Воздух над нами чист и звонок...» (Путешествие в Китай) 135
 Воин Агамемнона («Смутную душу мою тяготит...») 130
 Война («Как собака на цепи тяжелой...») 213
 «Волчица с пастью кровавой...» (Рим) 219
 Волшебная скрипка («Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка...») 114
 Ворота Рая («Не семью печатями алмазными...») 141

«Восемь дней из Харрара я вел караван...» (Галла) 296
 Воспоминание («Над пучиной в полуденный час...») 89
 Воспоминание («Когда в полночной тишине...») 386
 Восьмистишие («Ни шороха полночных далей...») 240
 «Вот голос, томительно звонок...» (Новорожденному) 402
 «Вот девушка с газельими глазами...» (Хокку) 407
 «Вот парк с пустынными опушками...» (Старина) 139
 «Вот я один в вечерний тихий час...» (Сомнение) 162
 «Временами, не справясь с тоскою...» (Девочка) 370
 Всадник («Всадник ехал по дороге...») 405
 «Все мы, святые и воры...» (Театр) 351
 «Все пустыни друг другу от века родны...» (Сахара) 286
 «Всё ясно для тихого взора...» 390
 Вступление («Оглушенная ревом и топотом...») 281
 Второй год («И год второй к концу склоняется...») 406
 «Вы все, паладины Зеленого Храма...» (Капитаны, 2) 153
 «Вы сегодня так красивы...» (Сон) 163
 Выбор («Созидающий башню сорвется...») 88

Галла («Восемь дней из Харрара я вел караван...») 296
 «Где вы, красивые девушки...» (Кха) 280
 Генуя («В Генуе, в палаццо дождей...») 241
 Гиена («Над тростником медлительного Нила...») 96
 Гиппопотам («Гиппопотам с огромным брюхом...») *Из Готье* 188
 Гласные. («А — черно, бело — Е, У — зелено, О — сине...») *Из Рембо* 477
 «Голубая беседка...» (Китайская девушка) 242
 Городок («Над широкой рекой...») 255

«Да! Мир хорош, как старец у порога...» 400
 «Да, этот храм и дивен, и печален...» (Падуанский собор) 231
 «Да, я знаю, я вам не пара...» (Я и вы) 257
 «Давно вода в мехах иссякла...» (В пустыне) 350
 Дагомей («Царь сказал своему полководцу: „Могучий...“») 306
 Дамара («Человеку грешно гордиться...») 301
 Два Адама («Мне странно сочетание слов — «я сам»...») 408
 Две розы («Перед воротами Эдема...») 160
 Дева-птица («Пастух веселый...») 339
 Девочка («Временами, не справясь с тоскою...») 370
 «Девушка, твои так нежны щеки...» (Лаос) 279
 Девушке («Мне не нравится томность...») 161
 Девушки («Нравятся девушкам рупии...») 279
 Деревья («Я знаю, что деревьям, а не нам...») 252
 Детская песенка («Что это так красен рот у жабы...») 279
 Детство («Я ребенком любил большие...») 254
 «Для первых властителей завиден мой жребий...» (Семирамида) 127
 Дождь («Сквозь дождем забрызганные стекла...») 240
 Дом («Тот дом, где играл я ребенком...») 278
 «Дома косые, двухэтажные...» (Старые усадьбы) 215
 Дон Жуан («Моя мечта надменна и проста...») 143
 Дон Жуан в Египте 199
 Дорога («Я видел пред собой дорогу...») 275
 Дракон — см. Поэма начала. Книга первая. Дракон

«Дремала душа, как слепая...» 363
Думы («Зачем они ко мне собрались, думы...») 85
Душа и тело (1—3) 312

Евангелическая церковь («Тот дом был красная, слепая...») 413
Египет («Как картинка из книжки старинной...») 283
«Его глаза — подземные озера...» (Портрет мужчины) 119
«Его издавна любят музы...» (Персей) 228
«Если встретишь меня, не узнаешь!..» (К ***) 416
Естество («Я не печалюсь, что с природы...») 415
«Есть еще вино в глубокой чашке...» (Три жены мандарина) 275
«Есть так много жизней достойных...» (Смерть) 235
«Еще близ порта орали хором...» (Константинополь) 165
«Еще не наступил рассвет...» (Мой час) 414
«Еще не раз Вы вспомните меня...» 366
«Еще один ненужный день...» (Вечер) 146
«Еще один старинный долг...» (Одиссей у Лазрта.— Возвращение Одиссея, 3) 151

Жалобы влюбленных («Словно ветер страны счастливой...». — Канцоны, 1) 227

Жестокой («Пленительная, злая, неужели...») 174

Жизнь («С тусклым взором, с мертвым сердцем в море броситься со скалы...») 168

«Жизнь печальна, жизнь пустынна...» (Старая дева) 248

Жираф («Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд...») 103

«Жрец решил. Народ, согласный...» (Невеста льва) 101

За гробом («Под землей есть тайная пещера...») 100

«За покинутым, бедным жилищем...» (Мечты) 90

«За стенами старого аббатства...» 379

«За то, что я теперь спокойный...» (Юг) 268

«За часом час бежит и падает во тьму...» 378

Заблудившийся трамвай («Шел я по улице незнакомой...») 331

Завешание («Очарован соблазнами жизни...») 136

Заводи («Солнце скрылось на Западе...») 141

Загробное мщенье («Как-то трое изловили...») 410

«Закат из золотого стал как медь...» (Душа и тело, 2) 313

«Закат. Как змеи, волны гнутся...» (На море) 161

Заклинание («Юный маг в пурпуровом хитоне...») 96

«Закричал громогласно...» (Канцона первая) 314

Замбези («Точно медь в самородном железе...») 300

«Замирает дыхание и ярче становятся взоры...» (Неизвестность) 391

Занзибарские девушки («Раз услышал бедный абиссинец...» — Абиссинские песни, 4) 183

Зараза («Приближается к Каиру судно...») 102

«Застонал я от сна дурного...» (Сон) 270

«Зачарованный викинг, я шел по земле...» 377

«Зачем он мне снился, смятенный, нестройный...» (Стокгольм) 263

«Зачем они ко мне собрались, думы...» (Думы) 85

Звездный ужас («Это было золотою ночью...») 342

«Здравствуй, Красное море, акуля уха...» (Красное море) 282

«Зеленое, всё в пенистых буграх...» (Тразименское озеро) 398

Змей («Ах, иначе в былые года...») 258
«Змей взглянул, и огненные звенья...» (Рассвет) 83

«И вот вся жизнь! Круженье, пенье...» (Прапамять) 265
«И год второй к концу склоняется...» (Второй год) 406
«И совсем не в мире мы, а где-то...» (Канцона вторая) 315
Игра 423
Игры («Консул добр: на арене кровавой...») 108
«Идем, сыны страны родные!..» (Марсельеза) *Из Руже де Лиля* 473
«Из букета целого сирени...» 357
«Из-за свежих волн океана...» (Поэма начала) 466
«Из-за слов твоих, как соловьи...» (Подражание персидскому) 315
«Из камня серого иссеченные вазы...» (Вилла Боргезе) 397
«Из красного дерева лодка моя...» (Счастье) 276
Из логова змиева 168
Избегание женихов («Только над городом месяц двурогий...». — Возвращение Одиссея, 2) 149
«Измучен огненной жарой...» (На Палатине) 399
«Император с профилем орлиным...» (Каракалла) 109
Императору («Призрак какой-то неведомой силы...») 109
Искусство («Созданье тем прекрасней...») *Из Готье* 184
Ислам («В ночном кафе мы молча пили кьянти...») 244

К *** («Если встретишь меня, не узнаешь!..») 416
«К таким неожиданным и певучим бредням...» (Памяти Анненского) 211
«Как картинка из книжки старинной...» (Египет) 283
«Как конквистадор в панцире железном...» (Сонет) 81
«Как люди, увидя Лидж йассу, трепещут...» (Абиссинские песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым, 8) 481
«Как могли мы прежде жить в покое...» (Солнце духа) 230
«Как собака на цепи тяжелой...» (Война) 213
«Как странно — ровно десять лет прошло...» (Эзбекие) 271
«Как тихо стало в природе!..» (Канцона третья) 267
«Как труп, бессилён небосклон...» 382
«Как эмаль, сверкает море...» (Неаполь) 247
«Как-то трое изловили...» (Загробное мщенье) 410
«Как этот ветер грузен, не крылат!..» (Вечер) 241
«Какая странная нега...» 237
«Какой мудрейшею из мудрых пифий...» (Юдифь) 223
«Какою музыкой мой слух взволнован?...» 396
Камень («Взгляни, как злобно смотрит камень...») 115
Канцона («Бывает в жизни человека...») 408
Канцона вторая («И совсем не в мире мы, а где-то...») 315
Канцона вторая («Храм твой, господи, в небесах...») 266
Канцона первая («В скольких земных океанах я плыл...») 265
Канцона первая («Закричал громогласно...») 314
Канцона третья («Как тихо стало в природе!..») 267
Канцоны (1—2) 227
Капитаны (1—4) 152
Каракалла («Император с профилем орлиным...») 109
Кенгуру («Сон меня сегодня не разнежил...») 142
Китайская девушка («Голубая беседка...») 242
«Князь вынул бич и кинул клич...» (Охота) 353

«Когда в полночной тишине...» (Воспоминанье) 386
 «Когда вступила в спальню Дездемона...» 400
 «Когда же слово бога с высоты...» (Душа и тело, 3) 314
 «Когда зарыдала страна под немилостью божьей...» (Варвары) 128
 «Когда зеленый луч, последний на закате...» (Разговор) 217
 «Когда я был влюблен (а я влюблен)...» 393
 «Когда я кончу наконец...» (Персидская миниатюра) 316
 «Колдовством и ворожбою...» (Леопард) 335
 Колдунья («Она колдует тихой ночью...») 352
 Колокол («Медный колокол на башне...») 386
 Конквистадор («От дальних селений...») 404
 Константинополь («Еще близ порта орали хором...») 165
 «Консул добр: на арене кровавой...» (Игры) 108
 «Кончено время игры...» (В пути) 127
 «Кончено! Дверь распахнулась пред ним, заключенным...» (Освобождение) 394
 Корабль («Что ты видишь во взоре моем...») 97
 Красное море («Здравствуй, Красное море, акулья уха...») 282
 Крест («Так долго лгала мне за картою карта...») 85
 Крыса («Вздрагивает огонек лампадки...») 82
 «Кто лежит в могиле...» (Утешение) 264
 Кха («Где вы, красивые девушки...») 280

Лаос («Девушка, твои так нежны щеки...») 279
 Ледоход («Уж одевались острова...») 256
 «Лежал истомленный на ложе болезни...» (Видение) 236
 Леонард («Три года чума и голод...») 225
 Леопард («Колдовством и ворожбою...») 259
 Леопарди («О праздниках, о звоне струн, о нарте...») 421
 Лес («В том лесу белесоватые стволы...») 311
 Лесной пожар («Ветер гонит тучу дыма...») 120
 Лиловый цветок («Вечерние тихи заклатья...») 392
 «Лишь черный бархат, на котором...» 361
 «Ложем будут нам полные духами...» (Смерть любовников) *Из Бод-лера* 477
 «Луна восходит на ночное небо...» (Соединение) 276
 Луна на море («Луна уже покинула утесы...») 273
 «Луна плывет, как круглый щит...» (Одержимый) 117
 «Луна уже покинула утесы...» (Луна на море) 273
 Любовники («Любовь их душ родилась возле моря...») 95
 Любовь («Надменный, как юноша, лирик...») 174
 Любовь (1—2) 401
 «Любовь их душ родилась возле моря...» (Любовники) 95

Мадагаскар («Сердце билось, смертно тоскуя...») 298
 Манлий («Манлий сброшен. Слава Рима...») 108
 Маргарита («Валентин говорит о сестре в кабаке...») 178
 Маркиз де Карабас («Весенний лес певуч и светел...») 134
 Марсельеза. («Идем, сыны страны родные!...») *Из Руже де Лилиа* 473
 Маскарад («В глухих коридорах и залах пустынных...») 86
 Маэстро («В красном фраке с галунами...») 142
 «Медный колокол на башне...» (Колокол) 386
 «Между берегом буйного Красного моря...» (Абиссиния) 293

«Менелик сказал: „Седлающих мулов и коней...“» (Абиссинские песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым, 4) 479
 «Меня терзает злой недуг...» (Больная земля) 383
 «Месяц встал. Ну что ж, охота?...» (Рождество в Абиссинии) 390
 «Месяц стоит посредине...» (Анна́м) 278
 Мечты («За покинутым, бедным жилищем...») 90
 Мик («Сквозь голубую темноту...») 440
 «Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка...» (Волшебная скрипка) 114
 «Мне не нравится томность...» (Девушке) 161
 Мне снилось («Мне снилось: мы умерли оба...») 91
 «Мне странно сочетанье слов — „я сам“...» (Два Адама) 408
 «Много есть людей, что, полюбив...» 358
 «Мое прекрасное убежище...» 401
 Мои читатели («Старый бродяга в Аддис-Абебе...») 341
 «Моим поэмам кто б поверить мог...» (Сонет XVII) *Из Шекспира* 473
 «Моим рожденные словом...» (Творчество) 264
 «Мой альбом, где страсть сквозит без меры...» 360
 «Мой старый друг, мой верный Дьявол...» (Умный Дьявол) 88
 Мой час («Еще не наступил рассвет...») 414
 Молитва («Солнце свирепое, солнце грозящее...») 145
 Молитва мастеров («Я помню древнюю молитву мастеров...») 337
 «Мореplаватель Павзаний...» 111
 «Моя любовь к тебе сейчас — слоненок...» (Слоненок) 330
 «Моя мечта надменна и проста...» (Дон Жуан) 143
 Мужик («В чашах, в болотах огромных...») 259
 «Музы, рыдать перестаньте...» (Беатриче, 1) 147
 «Мы в аллеях светлых пролетали...» 358

На берегу моря («Уронила луна из ручек...») *Из Готье* 184
 «На далекой звезде Венере...» 417
 «На камине свеча догорала, мигая...» 380
 «На льдах тоскующего полюса...» 382
 На море («Закат. Как змеи, волны гнутся...») 161
 На Палатине («Измучен огненной жарой...») 399
 «На полярных морях и на южных...» (Капитаны, 1) 152
 «На полях опаленных Родоса...» (Родос) 171
 «На путях зеленых и земных...» 371
 «На руке моей перчатка...» (Перчатка) 90
 На Северном море («О да, мы из расы...») 262
 «На скале, у самого края...» (Сказка) 245
 «На таинственном озере Чад...» (Озеро Чад) 105
 «Над высокою горою...» (Неоромантическая сказка) 112
 «Над городом плывет ночная тишь...» (Душа и тело, 1) 312
 «Над пучиной в полуденный час...» (Воспоминание) 89
 «Над тростником медлительного Нила...» (Гиена) 96
 «Над широкой рекой...» (Городок) 255
 «Над этим островом какие выси...» (Стансы) 223
 «Надменный, как юноша, лирик...» (Любовь) 174
 «Нападающий воин крепок как столб...» (Абиссинские песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым, 5) 480
 «Наплывала тень... Догорал камин...» (У камина) 177
 Наступление («Та страна, что могла быть раем...») 234
 «Не всегда чужда ты и горда...» (Рассыпающая звезды) 269

- «Не нравится мне это, внук мой Куно!..» (Отрывок) 422
 «Не семью печатями алмазными...» (Ворота Рая) 141
 Неаполь («Как эмаль, сверкает море...») 247
 Невеста льва («Жрец решил. Народ, согласный...») 101
 Невольничья («По утрам просыпаются птицы...». — Абиссинские песни, 3) 182
 «Нежданно пал на наши рощи иней...» 388
 «Нежно-небывалая отрада...» 368
 «Нежной, бледной, в пепельной одежде...» (Смерть) 84
 Неизвестность («Замирает дыханье и ярче становятся взоры...») 391
 «Неизгладимы, нет, в моей судьбе...» 370
 Немеря («С того мгновения, как ловчий скрылся в лес...») Из *Эре-диа* 475
 «Неожиданный и смелый...» (Телефон) 268
 Неоромантическая сказка («Над высокою горою...») 112
 «Неслышный, мелкий падал дождь...» 380
 «Нет воды вкуснее, чем в Романье...» (Болонья) 244
 «Нет дома, подобного этому дому!..» (Блудный сын) 189
 «Нет тебя тревожней и капризней...» 396
 «Нет, я не в том тебе завидую...» (Отъезжающему) 232
 «Ни шороха полночных далей...» (Восьмистишие) 240
 Нигер («Я на карте моей под ненужною сеткой...») 307
 «Но в мире есть иные области...» (Капитаны, 4) 155
 Новорожденному («Вот голос, томительно звонок...») 402
 Норвежские горы («Я ничего не понимаю, горы...») 261
 Носорог («Видишь, мчатся обезьяны...») 104
 «Носороги топчут наше дурро...» (Военная. — Абиссинские песни, 1) 181
 «Нравятся девушкам рупии...» (Девушки) 279
- «О да, мы из расы...» (На Северном море) 262
 «О, пожелтевшие листы...» (В библиотеке) 124
 «О праздниках, о звоне струн, о нарде...» (Леопарди) 421
 «О сердце, ты благодарно!..» (Флоренция) 397
 О тебе («О тебе, о тебе, о тебе...») 270
 «О Франция, ты призрак сна...» (Франция) 376
 «Об Адонисе с лунной красотой...» (Канцоны, 2) 227
 Оборванец («Я пойду по гулким шпалам...») 179
 «Оглушенная ревом и топотом...» (Вступление) 281
 Ода Д'Аннунцио («Опять волчица на столбе...») 250
 Одержимый («Луна плывет, как круглый щит...») 117
 Одиночество («Я спал, и смысла пена белая...») 349
 Одиссей у Лаэрта («Еще один старинный долг...». — Возвращение Одиссея, 3) 151
 Однажды вечером («В узких вазах томленье умирающих лилий...») 167
 «Однообразные мелькают...» 362
 Озера («Я счастье разбил с торжеством святотатца...») 137
 Озеро Чад («На таинственном озере Чад...») 105
 Ольга («„Эльга, Эльга!“ — звучало над полями...») 332
 «Он идет путем жемчужным...» (Христос) 133
 «Он мне шепчет: „Своевольный...“» (Ангель-хранитель) 160
 «Он не солгал нам, дух печально-строгий...» (Потомки Каина) 115
 «Он поклялся в строгом храме...» 140

- «Он стоит пред раскаленным горном...» (Рабочий) 260
 Она («Я знаю женщину: молчанье...») 167
 «Она говорила: „Любимый, любимый...“» 388
 «Она колдует тихой ночью...» (Колдунья) 352
 «Она не однажды всплывала...» (Любовь) 401
 «Она простерлась, неживая...» (Северный раджа) 354
 «Они спустились до реки...» 413
 «Опять волчица на столбе...» (Ода Д'Аннунцио) 250
 «Оранжево-красное небо...» (Осень) 253
 Орел («Орел летел всё выше и вперед...») 131
 Орел Синдбада («Следом за Синдбадом-Мореходом...») 103
 Освобождение («Кончено! Дверь распахнулась пред ним, заключенным...») 394
 Осень («Оранжево-красное небо...») 253
 Ослепительное («Я тело в кресло уроню...») 170
 Основатели («Ромул и Рем вззошли на гору...») 107
 Оссиан («По небу бродили свинцовые, тяжкие тучи...») 82
 «От дальних селений...» (Конквистадор) 404
 «От Европы старинной...» (Алжир и Тунис) 418
 «От кормы, изукрашенной красным...» (Помпей у пиратов) 106
 «От плясок и песен усталый Адам...» (Сон Адама) 156
 «Отвечай мне, картонажный мастер...» 363
 Отказ («Царица иль, может быть, только печальный ребенок...») 89
 Открытие Америки («Свежим ветром снова сердце пьяно...») 191
 Отравленный («Ты совсем, ты совсем снеговая...») 177
 Отрывок («Не нравится мне это, внук мой Куно!...») 422
 Отрывок («Христос сказал: „Убогие блаженны...“») 163
 Отъезжающему («Нет, я не в том тебе завидую...») 232
 Охота («Князь вынул бич и кинул клич...») 353
 «Очарован соблазнами жизни...» (Завешание) 136
- Падуанский собор («Да, этот храм и дивен и печален...») 231
 Паломник («Ахмет-оглы берет свою клюку...») 172
 Памяти Анненского («К таким неожиданным и певучим бредням...») 211
 Память («Только змеи сбрасывают кожи...») 309
 «Пастух веселый...» (Дева-птица) 339
 «Перед воротами Эдема...» (Две розы) 160
 «Перед ночью северной, короткой...» 407
 Персей («Его издавна любят музы...») 228
 Персидская миниатюра («Когда я кончу наконец...») 316
 Перстень («Уронила девушка перстень...») 338
 Перчатка («На руке моей перчатка...») 90
 Пещера сна («Там, где похоронен старый маг...») 93
 Пиза («Солнце жжет высокие стены...») 222
 «Пленительная, злая, неужели...» (Жестокой) 174
 «По небу бродили свинцовые, тяжкие тучи...» (Оссиан) 82
 «По утрам просыпаются птицы...» (Невольничья. — Абиссинские песни, 3) 182
 «Под землей есть тайная пещера...» (За гробом) 100
 «Под рукой уверенной поэта...» 384
 «Под смутный говор, стройный гам...» (Туркестанские генералы) 180
 Подражанье персидскому («Из-за слов твоих, как соловьи...») 315
 Поединок («В твоём гербе — невинность лилий...») 118
 «Поздно. Гиганты на башне...» (Венеция) 214

- Позор («Вероятно, в жизни предыдущей...») 359
 Покорность («Только усталый достоин молиться богам...») 132
 «Полночь сошла, непроглядная темень...» (Африканская ночь) 233
 «Помню ночь и песчаную помню страну...» (Сомалийский полуостров) 297
 Помпей у пиратов («От кормы, изукрашенной красным...») 106
 Попугай («Я — попугай с Антильских островов...») 144
 Портрет мужчины («Его глаза — подземные озера...») 119
 После победы («Солнце катится, кудри мои золотыя...») 87
 Потомки Каина («Он не солгал нам, дух печально-строгий...») 115
 Почтовый чиновник («Ушла. Завяли ветки...») 249
 «Пошади, не довольно ли жалящей боли...» (Беатриче, 3) 148
 Поэма начала. Книга первая. Дракон («Из-за свежих волн океана...») 466
 Поэт («Я слышал из сада, как женщина пела...») 277
 Поэту («Пусть будет стих твой гибок, но упруг...») 384
 Правый путь («В муках и пытках рождается слово...») 352
 Прапамать («И вот вся жизнь! Круженье, пенье...») 265
 «Прекрасно в нас влюбленное вино...» (Шестое чувство) 329
 «Приближается к Каиру судно...» (Зараза) 102
 «Приветствую Деву Марию...» (Абиссинские песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым, 1) 478
 «Призрак какой-то неведомой силы...» (Императору) 109
 Принцесса («В темных покрывалах летней ночи...») 92
 Природа («Спокойно маленькое озеро...») 274
 Природа («Так вот и вся она, природа...») 256
 «Пролетала золотая ночь...» 361
 «Прошел патруль, стуча мечами...» (Средневековые) 230
 Птица («Я не смею больше молиться...») 226
 «Пусть будет стих твой гибок, но упруг...» (Поэту) 384
 Путешествие в Китай («Воздух над нами чист и звонок...») 135
 Пьяный дервиш («Соловьи на кипарисах и над озером луна...») 335
 Пятностопные ямбы («Я помню ночь, как черную наяду...») 220
 Пять быков («Я служил пять лет у богача...» — Абиссинские песни, 2) 182
 «Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...» (Баллада) 81
 Рабочий («Он стоит пред раскаленным горном...») 260
 «Раз услышал бедный абиссинец...» (Занзибарские девушки. — Абиссинские песни, 4) 183
 Разговор («Когда зеленый луч, последний на закате...») 217
 Рай («Апостол Петр, бери свои ключи...») 243
 «Раскроется серебряная книга...» (Судный день) 387
 Рассвет («Змей взглянул, и огненные звенья...») 83
 Рассыпающая звезды («Не всегда чужда ты и горда...») 269
 «Ребенок с видом герцогини...» (Рондолла) Из *Готье* 187
 Рим («Волчица с пастью кровавой...») 219
 Родос («На полях опаленных Родоса...») 171
 Рождество в Абиссинии («Месяц встал. Ну что ж, охота?...») 390
 Роза («Цветов и песен благодатный хмель...») 268
 «Ромул и Рем взошли на гору...» (Основатели) 107
 Рондолла («Ребенок с видом герцогини...») Из *Готье* 187
 «Роши пальм и заросли алоэ...» 146
 Рыцарь с цепью («Слышу гул и завыванье призывающих рогов...») 132

- «С того мгновения, как ловчий скрылся в лес...» (Немея) *Из Эредиа* 475
- «С тусклым взором, с мертвым сердцем в море броситься со скалы...» (Жизнь) 168
- Сада-Якко («В полутемном строгом зале...») 91
- Сады души («Сады моей души всегда узорны...») 101
- «Самое высшее счастье смотреть...» (Абиссинские песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым, 6) 480
- Самоубийство («Улыбнулась и вздохнула...») 92
- Самофракийская Победа («В час моего ночного бреда...») 267
- Сахара («Все пустыни друг другу от века родны...») 286
- «Свежим ветром снова сердце пьяно...» (Открытие Америки) 191
- Свидание («Сегодня ты придешь ко мне...») 138
- «Священные плывут и тают ночи...» 403
- Северный раджа («Она простерлась, неживая...») 354
- «Сегодня ты придешь ко мне...» (Свидание) 138
- «Сегодня у берега нашего бросил...» 375
- «Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд...» (Жираф) 103
- Семирамида («Для первых властителей завиден мой жребий...») 127
- «Сердце билось, смертно тоскуя...» (Мадагаскар) 298
- «Сердце радостно, сердце крылато...» 274
- «Сердце — улей, полный сотами...» (У берега.— Возвращение Одиссея, 1) 149
- Сказка («На скале, у самого края...») 245
- «Сквозь голубую темноту...» (Мик) 440
- «Сквозь дождем забрызганные стекла...» (Дождь) 240
- «Скоро полночь, свеча догорела...» 399
- «Следом за Синдбадом-Мореходом...» (Орел Синдбада) 103
- «Словно ветер страны счастливой...» (Жалобы влюбленных.— Канцоны, 1) 227
- Слово («В оный день, когда над миром новым...») 312
- Слоноенок («Моя любовь к тебе сейчас — слоненок...») 330
- «Слушай веления мудрых...» 378
- «Слышу гул и завыванье призывающих рогов...» (Рыцарь с цепью) 132
- «Смерти не миновать: был император Аба-Данья...» (Абиссинские песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым, 2) 478
- Смерть («Есть так много жизней достойных...») 235
- Смерть («Нежной, бледной, в пепельной одежде...») 84
- Смерть любовников («Ложем будут нам полные духами...») *Из Бодлера* 477
- «Смутную душу мою тяготит...» (Воин Агамемнона) 130
- «Снова заученно смелой походкой...» (Укротитель зверей) 176
- Снова море («Я сегодня опять услышал...») 233
- Современность («Я закрыл «Илиаду» и сел у окна...») 166
- Соединение («Луна восходит на ночное небо...») 276
- «Создание тем прекрасней...» (Искусство) *Из Готье* 184
- «Созидающий башню сорвется...» (Выбор) 88
- Солнце духа («Как могли мы прежде жить в покое...») 230
- «Солнце жжет высокие стены...» (Пиза) 222
- «Солнце катится, кудри мои золотя...» (После победы) 87
- «Солнце свирепое, солнце грозящее...» (Молитва) 145
- «Солнце скрылось на Западе...» (Заводи) 141
- «Соловьи на кипарисах и над озером луна...» (Пьяный дервиш) 335

Сомалийский полуостров («Помню ночь и песчаную помню страну...») 297

Сомнение («Вот я один в вечерний тихий час...») 162

Сон («Вы сегодня так красивы...») 163

Сон («Застонал я от сна дурного...») 270

Сон Адама («От плясок и песен усталый Адам...») 156

«Сон меня сегодня не разнежил...» (Кенгуру) 142

Сонет («Как конквистадор в панцире железном...») 81

Сонет («Я, верно, болен: на сердце туман...») 166

Сонет XVII («Моим поэмам кто б поверить мог...») Из Шекспира 473

«Спокойно маленькое озеро...» (Природа) 274

«Среди бесчисленных светил...» 409

«Среди искусственного озера...» (Фарфоровый павильон) 273

Средневековые («Прошел патруль, стуча мечами...») 230

«Стаи дней и ночей...» (Суэцкий канал) 289

Стансы («Над этим островом какие выси...») 223

Старая дева («Жизнь печальна, жизнь пустынна...») 248

Старина («Вот парк с пустынными опушками...») 139

Старые усадьбы («Дома косые, двухэтажные...») 215

«Старый бродяга в Аддис-Абебе...» (Мои читатели) 341

Старый конквистадор («Углубясь в неведомые горы...») 128

Стокгольм («Зачем он мне снился, смятенный, нестройный...») 263

«Страна живительной прохлады...» (Швеция) 261

Странник («Странник, далеко от родины...») 277

«Станный сон увидел я сегодня...» (Ягуар) 98

Судан («Ах, наверно, сегодняшним утром...») 290

Судный день («Раскроется серебряная книга...») 387

Суэцкий канал («Стаи дней и ночей...») 289

Счастье («Больные верят в розы майские...») 238

Счастье («Из красного дерева лодка моя...») 276

«Сын Авеля, дремли, питайся...» (Авель и Каин) Из Бодлера 476

«Та страна, что могла быть раем...» (Наступление) 234

«Так вот и вся она, природа...» (Природа) 256

«Так долго лгала мне за картою карта...» (Крест) 85

«Так долго сердце боролось...» 366

«Там, где похоронен старый маг...» (Пещера сна) 93

«Твой лоб в кудрях отлива бронзы...» (Царица) 122

Творчество («Моим рожденные словом...») 264

Театр («Все мы, святые и воры...») 351

«Тебе никогда не устанем молиться...» (Андрогин) 130

Телефон («Неожиданный и смелый...») 268

Товарищ («Что-то подходит близко, верно...») 123

«Толстый, качался он, как в дурмане...» (У цыган) 333

«Только глянет сквозь утесы...» (Капитаны, 3) 154

«Только змеи сбрасывают кожи...» (Память) 309

«Только над городом месяц двурогий...» (Избиение женихов.— Возвращение Одиссея, 2) 149

«Только усталый достоин молиться богам...» (Покорность) 132

Тоска по морю («Я молчу — во взорах видно горе...») 389

«Тот дом был красная, слепая...» (Евангелическая церковь) 413

«Тот дом, где играл я ребенком...» (Дом) 278

Тот другой («Я жду, исполненный укоров...») 164

«Точно медь в самородном железе...» (Замбези) 300

Тразименское озеро («Зеленое, всё в пенистых буграх...») 398

«Тревожный обломок старинных потемок...» (Анна Комнена) 385
«Три года чума и голод...» (Леонард) 225
Три жены мандарина («Есть еще вино в глубокой чашке...») 275
Туркестанские генералы («Под смутный говор, стройный гам...») 180
«Ты говорил слова пустые...» 407
«Ты, жаворонок в горней высоте...» 360
«Ты не могла иль не хотела...» 368
«Ты пожалела, ты простила...» 369
«Ты помнишь дворец великанов...» 139
«Ты совсем, ты совсем снеговая...» (Отравленный) 177
«Ты хочешь, чтоб я была смелой?...» (Анакреонтическая песенка)
Из Готье 186

У берега («Сердце — улей, полный сотами...». — Возвращение Одиссея, 1) 149
У камина («Наплывала тень... Догорал камин...») 133
«У меня не живут цветы...» 145
У цыган («Толстый, качался он, как в дурмане...») 333
«Убивающего леопардов выше убивший слона...» (Абиссинские песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым, 10) 482
«Углубясь в неведомые горы...» (Старый конквистадор) 128
«Уж одевались острова...» (Ледоход) 256
Ужас («Я долго шел по коридорам...») 99
Укротитель зверей («Снова заученно смелой походкой...») 176
«Улыбнулась и вздохнула...» (Самоубийство) 92
Умный Дьявол («Мой старый друг, мой верный Дьявол...») 88
«Уронила девушка перстень...» (Перстень) 338
«Уронила луна из ручек...» (На берегу моря) *Из Готье* 184
Утешение («Кто лежит в могиле...») 264
«Ушла. Завяли ветки...» (Почтовый чиновник) 249

Фарфоровый павильон («Среди искусственного озера...») 273
Флоренция («О сердце, ты неблагодарно!...») 397
Фра Беато Анджелико («В стране, где гиппогриф веселый льва...») 216
Франция («О Франция, ты призрак сна...») 376
Франция («Франция, на лик твой просветленный...») 412

«Хой, хой, Аба-Муллат Хайле Георгис...» (Абиссинские песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым, 9) 481
Хокку («Вот девушка с газельими глазами...») 407
«Храм твой, господи, в небесах...» (Канцона вторая) 266
Христос («Он идет путем жемчужным...») 133
«Христос сказал: „Убогие блаженны...“» (Отрывок) 163
«Хуме и Дагоме сообща владеют камнем мира...» (Абиссинские песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым, 11) 482

Царица («Твой лоб в кудрях отлива бронзы...») 121
«Царица иль, может быть, только печальный ребенок...» (Отказ) 89
«Царь сказал своему полководцу: „Могучий...“» (Дагомея) 306
«Цветов и песен богатый хмель...» (Роза) 268
«Целый вечер в саду рокотал соловей...» (В саду) 392

«Человеку грешно гордиться...» (Дамара) 301
Читатель книг («Читатель книг, и я хотел найти...») 144
«Что за бледный и красивый рыцарь...» (Влюбленная в Дьявола) 94
«Что-то подходит близко, верно...» (Товарищ) 123
«Что ты видишь во взоре моем...» (Корабль) 97
«Что это так красен рот у жабы...» (Детская песенка) 279

«Шавелё прекрасное место, где растет тростник...» (Абиссинские песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым, 12) 483
Швеция («Страна живительной прохлады...») 261
«Шел я по улице незнакомой...» (Заблудившийся трамвай) 331
Шестое чувство («Прекрасно в нас влюбленное вино...») 329

Эзбекские («Как странно — ровно десять лет прошло...») 271
Экваториальный лес («Я поставил палатку на каменном склоне...») 304

«„Эльга, Эльга!“ — звучало над полями...» (Ольга) 332
«Это было золотой ночью...» (Звездный ужас) 342
Это было не раз («Это было не раз, это будет не раз...») 145
«Этой ночью мне снилась кошка...» (Абиссинские песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым, 3) 479

Юг («За то, что я теперь спокойный...») 268
Юдифь («Какой мудрейшею из мудрых пифий...») 223
«Юный маг в пурпуровом хитоне...» (Заклинание) 96

«Я в коридоре дней сомкнутых...» (Вечное) 164
«Я в лес бежал из городов...» 373
«Я вежлив с жизнью современною...» 236
Я верил, я думал... 169
«Я, верно, болен: на сердце туман...» (Сонет) 166
«Я видел пред собой дорогу...» (Дорога) 275
«Я вырван был из жизни тесной...» 364
«Я говорил: „Ты хочешь, хочешь?“» 367
«Я долго шел по коридорам...» (Ужас) 99
«Я жду, исполненный укором...» (Тот другой) 164
«Я закрыл «Илиаду» и сел у окна...» (Современность) 166
«Я знаю женщину: молчанье...» (Она) 167
«Я знаю, что деревьям, а не нам...» (Деревя) 252
Я и вы («Да, я знаю, я вам не пара...») 257
«Я из дому вышел, когда все спали...» (Возвращение) 224
«Я молчу — во взорах видно горе...» (Тоска по морю) 389
«Я на карте моей под ненужною сеткой...» (Нигер) 307
«Я не буду тебя проклинать...» (Беатриче, 4) 148
«Я не печалюсь, что с природы...» (Естество) 415
«Я не прожил, я протомился...» 238
«Я не смею больше молиться...» (Птица) 226
«Я ничего не понимаю, горы...» (Норвежские горы) 261
«Я пойду по гульким шпалам...» (Оборванец) 179
«Я помню древнюю молитву мастеров...» (Молитва мастеров) 337
«Я помню ночь, как черную наяду...» (Пятистопные ямбы) 220
«Я помню, я помню, носились тучи...» (Любовь, 2) 402
«Я — попугай с Антильских островов...» (Попугай) 144
«Я поставил палатку на каменном склоне...» (Экваториальный лес) 304

- «Я ребенком любил большие...» (Детство) 254
«Я сам над собой насмеялся...» 418
«Я сегодня опять услышал...» (Снова море) 233
«Я служил пять лет у богача...» (Пять быков.— Абиссинские песни, 2) 182
«Я слышал из сада, как женщина пела...» (Поэт) 277
«Я спал, и смыла пена белая...» (Одиночество) 349
«Я счастье разбил с торжеством святотатца...» (Озера) 137
«Я твердо, я так сладко знаю...» (Андрей Рублев) 252
«Я тело в кресло уроню...» (Ослепительное) 170
Ягуар («Станный сон увидел я сегодня...») 98
«Ярче золота вспыхнули дни...» (В небесах) 84

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Гумилев. <i>Вступительная статья А. И. Павловского</i>	5
Н. С. Гумилев. <i>Биографический очерк В. В. Карпова</i>	63

I

РОМАНТИЧЕСКИЕ ЦВЕТЫ

Стихи 1903—1907 гг.

1. Сонет («Как конквистадор в панцире железном...»)	81
2. Баллада («Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...»)	81
3. Оссиан	82
4. Крыса	82
5. Рассвет	83
6. Смерть	84
7. В небесах	84
8. Думы	85
9. Крест	85
10. Маскарад	86
11. После победы	87
12. Выбор	88
13. Умный дьявол	88
14. Отказ	89
15. Воспоминание	89
16. Мечты	90
17. Перчатка	90
18. Мне снилось	91
19. Сада-Якко	91
20. Самоубийство	92
21. Принцесса	92
22. Пещера сна	93
23. Влюбленная в Дьявола	94
24. Любовники	95
25. Заклинание	96
26. Гиена	96
27. Корабль	97
28. Ягуар	98
29. Ужас	99
30. За гробом	100
31. Невеста льва	101
32. Сады души	101
33. Зараза	102
34. Орел Синдбада	103
35. Жираф	103

36. Носорог	104
37. Озеро Чад	105
38. Помпей у пиратов	106
39. Основатели	107
40. Манлий	108
41. Игры	108
42. Императору	109
43. Каракалла	109
44. «Мореплаватель Павзаний...»	111
45. Неоромантическая сказка	112

ЖЕМЧУГА

Стихи 1907—1910 гг.

46. Волшебная скрипка	114
47. Потомки Каина	116
48. Камень	116
49. Одержимый	117
50. Поединок	118
51. Портрет мужчины	119
52. Лесной пожар	120
53. Царица	122
54. Товарищ	123
55. В библиотеке	124
56. В пути	127
57. Семирамида	127
58. Старый конквистадор	128
59. Варвары	128
60. Воин Агамемнона	130
61. Андрогин	130
62. Орел	131
63. Покорность	132
64. Рыцарь с цепью	132
65. Христос	133
66. Маркиз де Карабас	134
67. Путешествие в Китай	135
68. Завещание	136
69. Озера	137
70. Свидание	138
71. «Ты помнишь дворец великанов...»	139
72. Старина	139
73. «Он поклонился в строгом храме...»	140
74. Ворота Рая	141
75. Заводи	141
76. Кенгуру	142
77. Маэстро	142
78. Дон Жуан	143
79. Попугай	144
80. Читатель книг	144
81. «У меня не живут цветы...»	145
82. Это было не раз	145
83. Молитва	145
84. «Рощи пальм и заросли алоэ...»	146

85. Вечер	146
86—89. Беатриче	
1. «Музы, рыдать перестаньте...»	147
2. «В моих садах — цветы, в твоих — печаль...»	147
3. «Пощади, не довольно ли жалящей боли...»	148
4. «Я не буду тебя проклинать...»	148
90—92. Возвращение Одиссея	
1. У берега	149
2. Избиение женихов	149
3. Одиссей у Лаэрта	151
93—96. Капитаны	
1. «На полярных морях и на южных...»	152
2. «Вы все, паладины Зеленого Храма...»	153
3. «Только глянет сквозь утесы...»	154
4. «Но в мире есть иные области...»	155
97. Сон Адама	156

ЧУЖОЕ НЕБО

I

98. Ангел-хранитель	160
99. Две розы	160
100. Девушке	161
101. На море	161
102. Сомнение	162
103. Сон	163
104. Отрывок («Христос сказал: „Убогие блаженны...“»)	163
105. Тот другой	164
106. Вечное	164
107. Константинополь	165
108. Современность	166
109. Сонет («Я, верно, болен: на сердце туман...»)	166
110. Однажды вечером	167
111. Она	167
112. Жизнь	168
113. Из логова змиева	168

II

ПОСВЯЩАЕТСЯ АННЕ АХМАТОВОЙ

114. Я верил, я думал...	169
115. Ослепительное	170
116. Родос	171
117. Паломник	172
118. Жестокой	174
119. Любовь	174
120. Баллада («Влюбленные, чья грусть, как облака...»)	175
121. Укротитель зверей	176
122. Отравленный	177

123. У камина	177
124. Маргарита	178
125. Оборванец	179
126. Туркестанские генералы	180
127—130. Абиссинские песни	
1. Военная	181
2. Пять быков	182
3. Невольничья	182
4. Занзибарские девушки	183

III

ИЗ ТЕОФИЛА ГОТЬЕ

131. На берегу моря	184
132. Искусство	184
133. Анакреонтическая песенка	186
134. Рондолла	187
135. Гиппопотам	188

IV

ПОЭМЫ

136. Блудный сын	189
137. Открытие Америки	191

V

138. Дон Жуан в Египте. Одноактная пьеса в стихах	199
---	-----

КОЛЧАН

ТАТИАНЕ ВИКТОРОВНЕ АДАМОВИЧ

139. Памяти Анненского	211
140. Война	213
141. Венеция	214
142. Старые усадьбы	215
143. Фра Беато Анджелико	216
144. Разговор	217
145. Рим	218
146. Пятистопные ямбы	220
147. Пиза	222
148. Юдифь	223
149. Стансы	223
150. Возвращение	224
151. Леонард	225
152. Птица	226

153—154. К а н ц о н ы

1. «Словно ветер страны счастливой...»	227
2. «Об Адонисе с лунной красотой...»	227
155. Персей	229
156. Солнце духа	230
157. Средневековье	230
158. Падуанский собор	231
159. Отъезжающему	232
160. Снова море	233
161. Африканская ночь	233
162. Наступление	234
163. Смерть	235
164. Видение	236
165. «Я вежлив с жизнью современною...»	236
166. «Какая странная нега...»	237
167. «Я не прожил, я протомился...»	238
168. Счастье	238
169. Восьмистишие	240
170. Дождь	240
171. Вечер	241
172. Генуя	241
173. Китайская девушка	242
174. Рай	243
175. Ислам	244
176. Болонья	244
177. Сказка	245
178. Неаполь	247
179. Старая дева	248
180. Почтовый чиновник	249
181. Больной	249
182. Ода Д'Аннунцио	250

КОСТЕР

183. Деревья	252
184. Андрей Рублев	252
185. Осень	253
186. Детство	254
187. Городок	255
188. Ледоход	256
189. Природа	256
190. Я и вы	257
191. Змей	258
192. Мужик	259
193. Рабочий	260
194. Швеция	261
195. Норвежские горы	261
196. На Северном море	262
197. Стокгольм	263
198. Творчество	264
199. Утешение	264
200. Прапамять	265
201. Канцона первая («В скольких земных океанах я плыл...»)	265

202. Канцона вторая («Храм твой, господи, в небесах...»)	266
203. Канцона третья («Как тихо стало в природе!...»)	267
204. Самофракийская Победа	267
205. Роза	268
206. Телефон	268
207. Юг	268
208. Рассыпающая звезды	269
209. О тебе	270
210. Сон	270
211. Эзбекие	271

ФАРФОРОВЫЙ ПАВИЛЬОН

Китайские стихи

КИТАЙ

212. Фарфоровый павильон	273
213. Луна на море	273
214. «Сердце радостно, сердце крылато...»	274
215. Природа	274
216. Дорога	275
217. Три жены мандарина	275
218. Счастье	276
219. Соединение	276
220. Странник	277
221. Поэт	277
222. Дом	278

ИНДОКИТАЙ

223. Аннам	278
224. Девушки	279
225. Детская песенка	279
226. Лаос	279
227. Кха	280

ШАТЕР

228. Вступление	281
229. Красное море	282
230. Египет	283
231. Сахара	286
232. Суэцкий канал	289
233. Судан	290
234. Абиссиния	293
235. Галла	296
236. Сомалийский полуостров	297
237. Мадагаскар	298
238. Замбези	300

239. Дамара	301
240. Экваториальный лес	304
241. Дагомея	306
242. Нигер	307

ОГНЕННЫЙ СТОЛП

АННЕ НИКОЛАЕВНЕ ГУМИЛЕВОЙ

243. Память	309
244. Лес	311
245. Слово	312
246—248. Душа и тело	
1. «Над городом плывет ночная тишь...»	312
2. «Закат из золотого стал как медь...»	313
3. «Когда же слово бога с высоты...»	314
249. Канцона первая («Закричал громогласно...»)	314
250. Канцона вторая («И совсем не в мире мы, а где-то...»)	315
251. Подражание персидскому	315
252. Персидская миниатюра	316
253. Шестое чувство	329
254. Слононок	330
255. Заблудившийся трамвай	331
256. Ольга	332
257. У цыган	333
258. Пьяный дервиш	335
259. Леопард	335
260. Молитва мастеров	337
261. Перстень	338
262. Дева-птица	339
263. Мои читатели	341
264. Звездный ужас	342

II

ИЗ КНИГ 1910—1921 ГГ.

ЖЕМЧУГА (1910)

265. Одиночество	349
266. В пустыне	350
267. Адам	350
268. Театр	351
269. Правый путь	352
270. Колдунья	352
271. Охота	353
272. Северный раджа	354

273.	«Из букета целого сирени...»	357
274.	«Много есть людей, что, полюбив...»	358
275.	«Мы в аллеях светлых пролетали...»	358
276.	Позор	359
277.	«Мой альбом, где страсть сквозит без меры...»	360
278.	«Лишь черный бархат, на котором...»	361
279.	«Пролетала золотая ночь...»	361
280.	«Однообразные мелькают...»	362
281.	«Отвечай мне, картонажный мастер...»	363
282.	«Дремала душа, как слепая...»	363
283.	«Я вырван был из жизни тесной...»	364
284.	«В этот мой благословенный вечер...»	365
285.	«Еще не раз Вы вспомните меня...»	366
286.	«Так долго сердце боролось...»	366
287.	«Я говорил: „Ты хочешь, хочешь?..“»	367
288.	«Ты не могла иль не хотела...»	368
289.	«Нежно-небывалая отрада...»	368
290.	«Ты пожалела, ты простила...»	369
291.	«Неизгладимы, нет, в моей судьбе...»	370
292.	Девочка	370
293.	«На путях зеленых и земных...»	371

**СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ**

СТИХОТВОРЕНИЯ

294.	«Я в лес бежал из городов...»	373
295.	«Сегодня у берега нашего бросил...»	375
296.	Франция («О Франция, ты призрак сна...»)	376
297.	«Зачарованный викинг, я шел по земле...»	377
298.	«Слушай веления мудрых...»	378
299.	«За часом час бежит и падает во тьму...»	378
300.	«За стенами старого аббатства...»	379
301.	«На камине свеча догорала, мигая...»	380
302.	«Неслышный, мелкий падал дождь...»	380
303.	«Как труп, бессилён небосклон...»	382
304.	«На льдах тоскующего полюса...»	382
305.	Большая земля	383
306.	Поэту	384
307.	«Под рукой уверенной поэта...»	384
308.	Анна Комнена	385
309.	Колокол	386
310.	Воспоминанье	386
311.	Судный день	387
312.	«Нежданно пал на наши рощи иней...»	388
313.	«Она говорила: „Любимый, любимый...“»	388
314.	«Аддис-Абеба, город роз...»	389
315.	Тоска по морю	389
316.	«Все ясно для тихого зора...»	390
317.	Рождество в Абиссинии	390

318. Незнестность	391
319. В саду	392
320. Лиловый цвeток	392
321. «Когда я был влюблен (а я влюблен...)...»	393
322. Освобожденные	394
323. Акростих	395
324. «Вечерний, медленный паук...»	395
325. «Какою музыкой мой слух взволнован?..»	396
326. «Нет тебя тревожней и капризней...»	396
327. Вилла Боргезе	397
328. Флоренция	397
329. Тразименское озеро	398
330. На Палатине	399
331. «Скоро полночь, свеча догорела...»	399
332. «Да! Мир хорош, как старец у порога...»	400
333. «Когда вступила в спальню Дездемона...»	400
334. «Мое прекрасное убежище...»	401
335—336. Любовь	
1. «Она не однажды всплывала...»	401
2. «Я помню, я помню, носились тучи...»	401
337. Новорожденному	402
338. «Священные плывут и тают ночи...»	403
339. Конквистадор	404
340. Всадник	405
341. Второй год	406
342. «Ты говорил слова пустые...»	407
343. Хокку	407
344. «Перед ночью северной, короткой...»	407
345. Канцона («Бывает в жизни человека...»)	408
346. Два Адама	408
347. «Среди бесчисленных светил...»	409
348. Загробное мщенье. <i>Баллада</i>	410
349. Франция («Франция, на лик твой просветленный...»)	412
350. «Они спустились до реки...»	413
351. Евангелическая церковь	413
352. Мой час	414
353. Естество	415
354. К***	416
355. «Ветла чернела. На вершине...»	416
356. «На далекой звезде Венере...»	417
357. «Я сам над собой насмеялся...»	418
358. Алжир и Тунис	418
359. Леопарди	421
360. «Ты, жаворонок в горней высоте...»	421
361. Отрывок («Не нравится мне это, внук мой Куно!...»)	422

ПОЭМЫ

362. Игра. <i>Драматическая сцена</i>	423
363. Актеон. <i>Одноактная пьеса в стихах</i>	427
364. Мик. <i>Африканская поэма</i>	440
365. Поэма начала. Книга первая. Дракон	466

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Уильям Шекспир

366. Сонет XVII	473
---------------------------	-----

Клод Жозеф Руже де Лиль

367. Марсельеза	473
---------------------------	-----

Жозе-Мари де Эредиа

368. Неменя	475
-----------------------	-----

Шарль Бодлер

369. Авель и Каин	476
370. Смерть любовников	477

Артюр Рембо

371. Гласные	477
372—383. Абиссинские песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым	
1. «Приветствую Деву Марию...»	478
2. «Смерти не миновать: был император Аба-Данья...»	478
3. «Этой ночью мне снилась кошка...»	479
4. «Менелик сказал: „Седлающих мулов и коней...“»	479
5. «Нападающий воин крепок как столб...»	480
6. «Самое высшее счастье смотреть...»	480
7. «В ружье негуса...»	481
8. «Как люди, увидя Лидж йассу, трепещут...»	481
9. «Хой, хой, Аба-Мулат Хайле Георгис...»	481
10. «Убивающего леопардов выше убивший слона...»	482
11. «Хуме и Дагоме сообща владеют камнем мира...»	482
12. «Шавелó прекрасное место, где растет тростник...»	483

Другие редакции и варианты	487
--------------------------------------	-----

Примечания	537
----------------------	-----

К иллюстрациям	605
--------------------------	-----

Алфавитный указатель произведений	607
---	-----

Гумилев Н. С.

Г 11 Стихотворения и поэмы/Вступ. ст. А. И. Павловского. Биогр. очерк В. В. Карпова. Сост., подг. текста и примеч. М. Д. Эльзона.— Л.; Сов. писатель, 1988.— 632 с., 16 ил., 1 л. портр. (Б-ка поэта. Большая сер.).

ISBN 5—265—00223—5

Творчество Николая Степановича Гумилева (1886—1921) впервые представляется «Библиотекой поэта». В поэтическом движении своего времени Гумилев сыграл значительную роль и как поэт, и как организатор и теоретик акмеизма. В сборник включены произведения различных жанров (стихотворения из прижизненных сборников, поэмы), а также избранные переводы.

Г 4702010102—299
083(02)—88 424—88

ББК 84. Р 1

Николай Степанович Гумилев

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

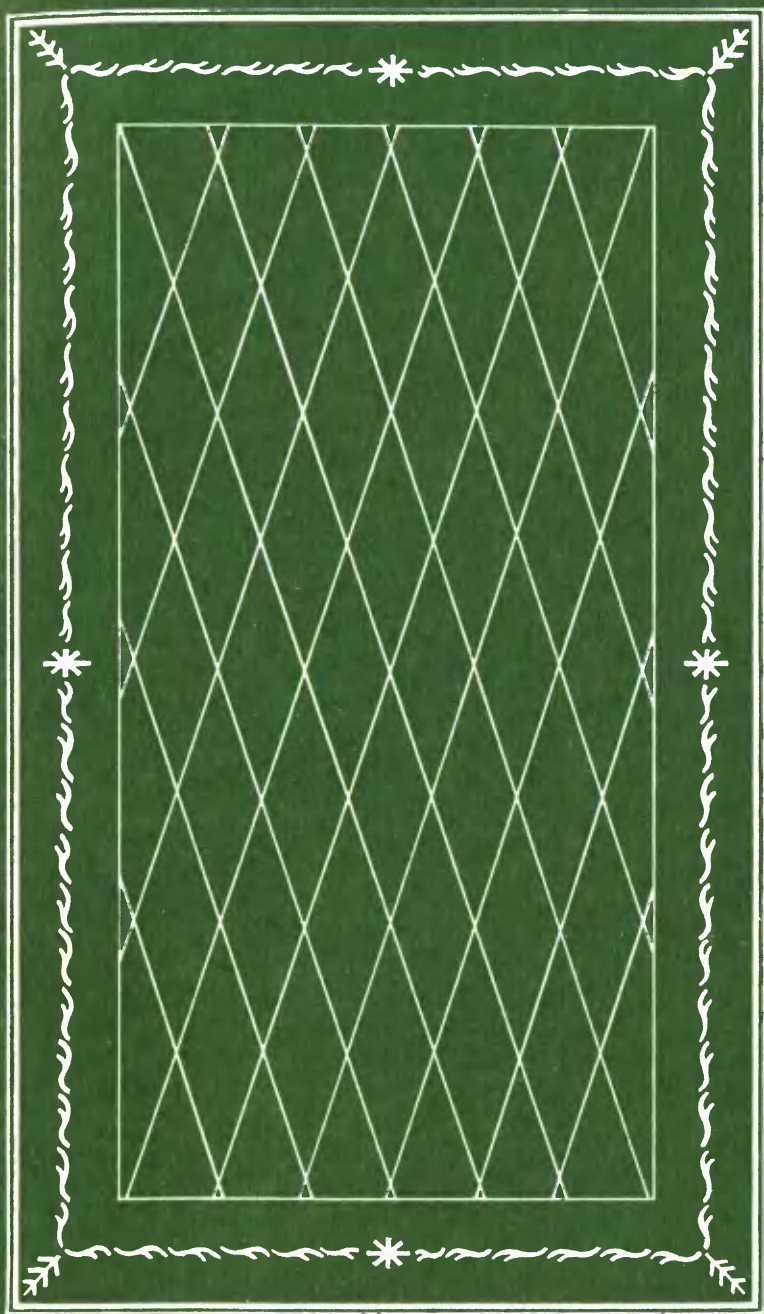
Художник В. В. Еремин
Худож. редактор Б. А. Комаров
Техн. редактор Л. П. Полякова
Корректоры
Ф. С. Флейтман и Э. Н. Липпа

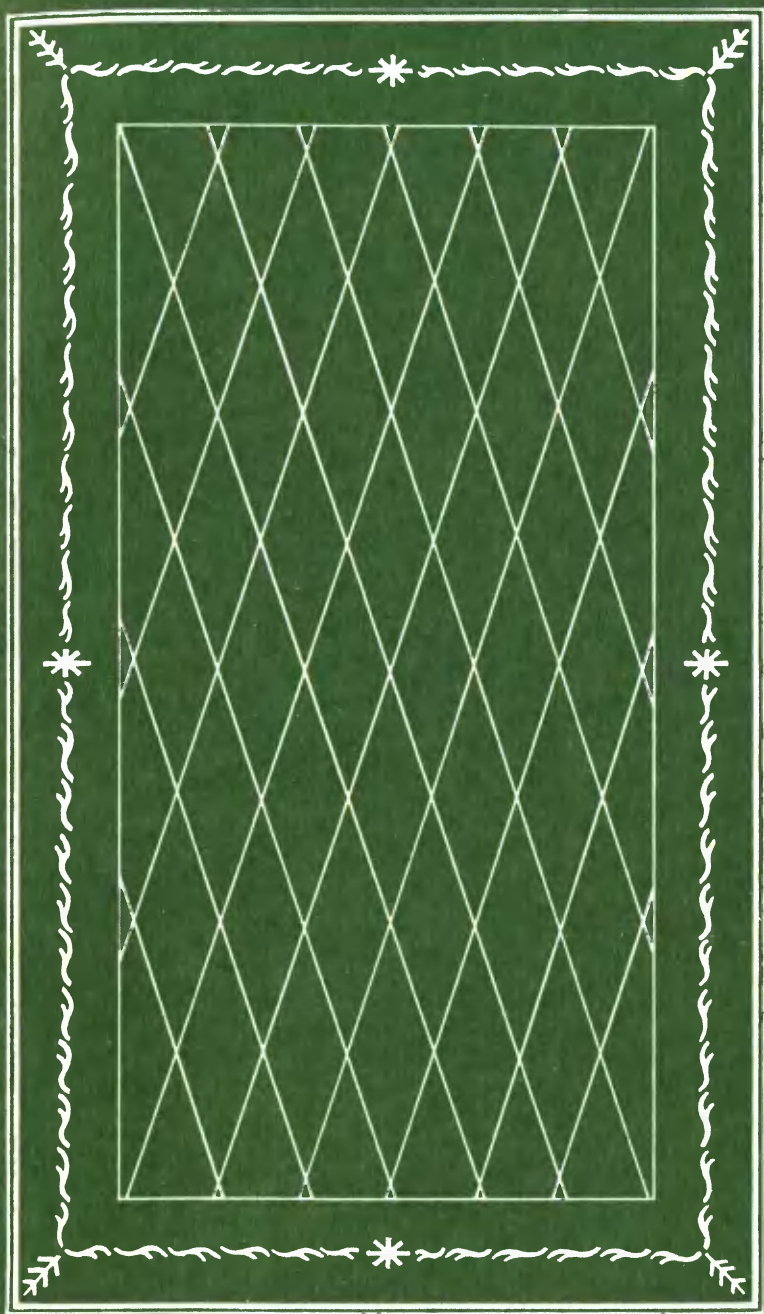
ИБ № 6622

Сдано в набор 22.02.88. Подписано к печати 08.09.88. М 24195. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 34,12. Уч.-изд. л. 33,84. Доп. тираж 50 000 экз. Заказ № 1887. Цена 5 р.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

ГОРЬТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ